ВЕСТНИК
МГИМО–УНИВЕРСИТЕТА

№1(16) 2011
Москва

Главный редактор:
Торкунов А. В. — академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:
Подберезкин А. И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А. В. — ректор МГИМО(У) МИД России, главный редактор журнала "Вестник МГИМО-Университета", академик РАН.
Богатуров А. Д. — Первый проректор МГИМО(У) МИД России, доктор политических наук, профессор.
Дынкин А. А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.
Кокошин А. А. — первый заместитель Председателя комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям, академик РАН.
Лавров С. В. — министр иностранных дел Российской Федерации.
Лукин В. П. — Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, профессор.
Миронов С. М. — спикер Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.
Нарышкин С. Е. — руководитель Администрации Президента Российской Федерации.
Пивоваров Ю. С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.
Подберезкин А. И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель главного редактора журнала, доктор исторических наук, профессор.
Примаков Е. М. — президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, академик РАН.
Приходько С. Э. — помощник Президента Российской Федерации.
Рогов С. М. — директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН.
Серегин А. В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.
Сирош И. И. — заместитель председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.
Степашин С. В. — Председатель Счетной палаты Российской Федерации.
Титаренко М. Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.
Чубарьян А. О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:
Алексеева Т. А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.
Булатов Ю. А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.
Воскресенский А. Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.
Гладков Г. И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.
Енгибарян Р. В. — Директор Международного института управления, доктор юридических наук, профессор.
Ильин М. В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МГИМО(У) МИД России.
Кириллов В. Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.
Кравченко С. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.
Легойда В. Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.
Наринский М. М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.
Ноздрева Р. Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента, маркетинга и коммерции МГИМО(У) МИД России.
Орлов А. А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.
Платонова И. Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеэкономических связей МГИМО(У) МИД России.
Салыгин В. И. — доктор технических наук, профессор, директор международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.
Скворцов Я. Л. — кандидат социологических наук, доцент декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.
Толстопятенко Г. П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.
Уколова В. И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.
Энтин М. Л. — доктор юридических наук, профессор, директор Европейского учебного института «Российский европейский колледж» МГИМО(У) МИД России.
Юлдашев Р. Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:
Мунтян М. А. — шеф-редактор, доктор исторических наук, профессор.
Вишняков Я. В. — ответственный секретарь, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.
Веремеенко И. И. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права МГИМО(У) МИД России.
Демидов П. А. — начальник отдела научных проектов МГИМО(У) МИД России.
Иванов Н. В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России.
Кравченко С. А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.
Мальгин А. В. — кандидат политических наук, доцент кафедры истории международных отношений и внешней политики России, советник Ректора МГИМО(У) МИД России.
Миронюк М. Г. — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.
Мягков М. Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.
Ручкин Г. Р. — директор издательства "МГИМО-Университет"
Свищев А. В. — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и коммерции МГИМО(У) МИД России.
Чернолецкий В. Б. — заместитель начальника Управления научной политики МГИМО(У) МИД России.

Содержание

ЭКОЛОГИЯ

Расторгуев В.Н. Политическое планирование в условиях «водного голода» 7

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Теория международных отношений

Олейнов А.Г. Анализ международных отношений с позиций экономической теории 15
Савельева М.А. Эволюция применения термина «интерес» в теории международных отношений 25
Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели 34
Богданова Е.Г. Концепции суверенитета в странах Юго-Восточной Азии 43
Меньшикова С.М. Превентивная дипломатия в рамках регионального форума АСЕАН: опыт применения и политика Японии 48
Шишкина О.В. Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ 56

Дейтон: пятнадцать лет спустя

Морозов И.С. Дейтонский узел 62
Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности 64
Кандель П.Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО. 77
Энгельгардт Г.Н. От арбитража до округа. Район Брчко в дейтонской Боснии 87
Животич А. Боснийско-герцеговинские мусульмане и усташское движение в эмиграции (1945-1952) ... 98
Вишняков Я.В. Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. и славянский вопрос 103

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Ивашковский С.Н. Модернизация российского общества: историко-культурный аспект..... 112
Клинов В.Г. Экономика России: итоги развития, цели и механизмы модернизации 122
Бренделева Е.А. Институциональные аспекты модернизации 126
Козлова М.А. Опасности и альтернативы догоняющего пути модернизации в россии 130
Сафрончук М.В. Пути российской модернизации 134
Гончаров Ю.А. Системные проблемы модернизации 136
Пономарев А.В. Интеллектуальное предпринимательство как процедура открытия 139
Тепловодский М.Н. Макроэкономические проблемы модернизации в России 142
Столбов М.И. Банковская система и модернизация российской экономики. 147
Урюпина А.А. Антиинфляционная политика в России в стратегии модернизации и инновационного развития. 151
Артамонова Л.Н. Модернизация российской экономики и ВТО. 154
Костомарова А.В. Сбережения населения как весомый потенциальный источник финансирования модернизации в России. 157

ИСТОРИЯ

Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. 162
Рогинский В.В. Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 г. 173

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гуселетов Б.П. Особенности процесса институционализации социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ. 181

ЭКОНОМИКА

Шакиров А.Р. Состояние и перспективы развития системы экономических санкций США 190

Окунев О.Б. Динамичное моделирование макроэкономических систем: эндогенные модели Н. Каллора и М. Калецкого 201
Кузнецов В.С. Поможет ли золотой стандарт стать рублю резервной валютой. 207
Цибулина А.Н. Эстония: неожиданно долгий путь в зону Евро 212
Воронова Е.Ю. Бухгалтерский учет и отчетность в решении проблемы корпоративного управления .. 216

СОЦИОЛОГИЯ

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурс влияния 224
Брун О.Е. Развитие теории социальной сети 236

ФИЛОЛОГИЯ

Ноздрина А.С. Концептуальные блоки и метафорические концепты как средство выражения количества в немецком языке 242
Фадеева Л.В. Функции парцеллированных конструкций в немецких художественных текстах 249
Корниенко Е.Р. Фольклорный текст в процессе овладения иностранным языком 255
Дианова Л.П. Актуальные проблемы межъязыкового взаимодействия 260

ПРАВО

Пирогова В.В. Интеллектуальная собственность: инвестиции и международный технологический обмен 265

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Добрынина Л.А. Глобализация начала XXI века: мегатренды мирового развития. 270
Крылов И.С. Эволюция регулирования мировой экономики: роль смешанных механизмов 276
Акопян И.Р. Внешний долг России: ретроспектива и взгляд в будущее 284
Содиков Ш.Д. Интервенция как метод дипломатической защиты 288

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МГИМО

Силантьева М.В. Элитное образование в МГИМО: философско-культурологический подход к проблеме 291
Коротков А.В., Шамина О.А. Журналистика как наука: от предметной области к преподаванию 300

ДОКЛАДЫ

Сидоров А.И. Внутренняя жизнь одной Каролингской библиотеки 309
Астахов Е.В., Астахова Е.В. Российская Федерация и «Русский Мир»: опыт и проблемы работы с соотечественниками 316

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Присуждение Президиумом РАН премии имени академика **М.М. Ковалевского** доктору философских наук **Кравченко С.А.** 323

Content

ECOLOGY

Rastorguev V.N. Political planning in terms of "water famine"

INTERNATIONAL RELATIONS

Theory of International Relations

Oleynov A.G. The Analysis of International Relations through the Prism of the Economic Theory. 15
Savelieva M. Evolution of Using the Term "Interest" in the Theory of the International Relations. 25
Kostiunina G. East Asia' Regionalization: Origins and Main Models. 34
Bogdanova E. Concepts of Sovereignty in the Non-Western States. 43
Menshikova S. Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum: Application and the Japanese diplomacy. 48
Shishkina O.V. Russian and EU Foreign Policy Resources in the "Common Neighborhood": Comparative Analysis. 56

Dayton: after 15 years.

Morozov I.S. Dayton Deadlock. 62
Ponomareva E. Bosnia and Herzegovina: State without Statehood. 64
Kandell P. Bosnia and Herzegovina, EU and NATO. 77
Engelhardt G. From the Arbitration to the District: Brcko as a Case-Study of State-Building in Dayton's Bosnia. 87
Zivotich A. Bosniysko-Gertsegovinsky Moslems and the Ustash-Movement in Emigration 1945-1952. 98
Vishniakov Y. The Bosnian Crisis of 19081909 and the Slavic Question. 103

MODERNIZATION OF RUSSIA AND HUMAN CAPITAL

Ivashkovsky S. The Modernization of the Russian Society: Historical Experience and Some Current Challenges. 112
Klinov V. The Russian Economy: Development Results, Goals and Methods of Modernization. 122
Brendeleva E. Institutional Aspects of Modernization (To the Issue of Creation a Generating Institutional System in Russia) 126
Kozlova M. Dangers and Alternatives to Catch–Up Modernization in Russia. 130
M. Safronchuk The Ways of Modernization in Russia. 134
Goncharov Y. Systemic Problems of Modernization. 136
Ponomarev A. Intellectual Entrepreneurship as a Discovery Process. 139
Teplovodsky M. Macroeconomic Issues of Modernization in Russia. 142
Stolbov M. The Banking System and the Modernization of the Russian Economy. 147
Uryupina A. Anti-Inflation Policy in the Strategy of Modernization and Innovation Development in Russia. 151
Artamonova L. The WTO and Modernization of the Russian Economy. 154
Kostomarova A. Household Savings as a Potential Source of Financing Modernization in Russia: Specifics and Problems. 157

HISTORY

Narinsky M.M. The Berlin Crises 1948-1949. 162
Roginsky V.V. The Nothern Europe Countries Image of the USSR in 1945. 173

POLITICAL SCIENCE

Guseletov B.P. Features of Institutionalization of Socialist- and Social-Democratic Parties in the CIS-Countries. 181

ECONOMICS

Shakirov A.R. The Current State and Prospects of Economic Sanctions System in the USA. 190

Okunev O.B. Dynamic Modeling of Macroeconomics: Endogen Models of N. Kaldor and M. Kalecki. 201
Kuznetsov V.S. Would a Gold Standard Help the Russian Rouble to Become a Reserve Currency. 207
Tsibulina A.N. Estonia: an Unexpectedly Long Way to the Euro Area. 212
Voronova E. Accounting and Financial Statements in Solving Agency Problem of Corporate Governance. . . . 216

SOCIOLOGY

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public Policy in the Russian Regions: Typology and Resource of Influence. 224
Brun O. The Development of the Theory of the Social Network. 236

PHILOLOGY

Nozdrina A.S. Conceptual Blocks and Metaphorical Concepts as Means of Verbalization of Category of Quantity. 242
Fadeeva L.V. The Fragmentary Sentences' Functions in the Modern German Fiction Texts. 249
Kornienko E.R. Folk Text in the Process of Foreign Language Learning. 255
Dianova l.P. The Most Important Issues of Multilanguage Interaction. 260

LOW SCIENCE

Pirogova V. Intellectual Property: Investments and International Technology Transfer. 265

A NEW VIEW

Dobrynina L.A. Globalization in the First Decade of the XXI Century: Megatrends of World Development . . 270
Krilov I. Evolution of Global Economic Governance: Role of Mixed Mechanisms. 276
Akopyan I.R. External Dept of Russia: retrospective and prospect. 284
Sodikov Sh.D. Intervention as the Method of Diplomatic Protection. 288

EDUCATION MODELS MGIMO

Silantieva M.V. MGIMO Elite Education: Philosophical-Culturological Ways to the Problem. 291
Korotkov A.V., Shamina O.A. Journalism as a Science: from Structuring the Subject Area to Teaching the Discipline. 300

SCIENTIFIC REPORTS

Sidorov A.I. The Interior Life of One Carolingian Library. 309
Astakhova E.V., Actakhov E.V. Russian Federation and "The Russian World": Experience and Problems of the Work with the Compatriots. 316

SCIENTIFIC LIFE

Awarding of Sociology-Chair Manager **S. Kravchenko** with the Prize of **M.M. Kovalevsky** by the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 323

Политическое планирование в условиях «водного голода»

В.Н. Расторгуев

В статье анализируются причины неэффективности долгосрочного стратегического планирования и существующих моделей обеспечения коллективной безопасности перед лицом новых угроз, среди которых выделяется угроза «водного голода». Она связана с необратимым разрушением социоприродных систем, распространением наиболее опасной разновидности «точечного террора», неконтролируемой миграцией миллионов беженцев. Особое внимание уделено политическим и методологическим аспектам разработки водоохраной политики РФ на современном этапе с учетом специфики планетарной сети водораздельных гидроузлов. Обобщен опыт работы над Экологической доктриной России, а также осуществления ряда инновационных проектов и программ, в частности, Государственной программы устойчивого развития Тверской области – территории Великого водораздела Русской равнины.

Еще лет 20 назад в нашей стране долгосрочное планирование почти полностью отсутствовало как в сфере государственной политики, так и в области бизнеса, а сама идея планирования воспринималась многими политиками и экономистами как атавизм советской политической системы. Результаты – постоянно ускорявшаяся динамика распада страны и ставка на «короткие деньги». Разумеется, современная генерация ведущих политиков работает в режиме плотного и даже сверхплотного графика планирования: «политические часы» настроили, наконец, и они предсказывают не только ближайшие события, но и траектории передвижения звезд первой величины и прочих «политических тел» на годы и десятилетия вперед. Появился и первый опыт создания рукотворных сверхновых событий, способных изменить ход политического времени. Однако сама сердцевина планирования – долгосрочная и сверхдолгосрочная стратегия развития, – пустует, как и прежде.[1]

Инварианты и варианты стратегического планирования. Так называемая «Концепция – 2020» отстала от вызовов времени на годы еще до своего появления на свет, а глобальный кризис лишь сделал это отставание очевидным.[2] Теперь поставлена новая цель – срочно переделать ее в антикризисную программу (ориентиры все те же: «2020»). Понятно, что скромный масштаб задач свидетельствует о зияющих пустотах в стратегическом планировании, проектировании и прогнозировании. Да и трудно требовать большей смелости от тех, кто прокладывает курс, постоянно находясь в «зоне политической турбулентности». Как не было, так и нет ответа на главные вопросы: какое общество строим, какие угрозы приближаем своим бездействием, на какие риски готовы идти и ради чего? То же самое можно сказать и обо всех других документах доктринального характера – в частности, о «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», которая сама представляет собой скрытую угрозу. Причины ее несостоятельности – не в интеллектуальной немощи составителей и не в отсутствии созидательного опыта (его-то явно недостает), а в ином. Впрочем, они лежат на поверхности. Назовем основные факторы риска.

Во-первых, система безопасности напрямую зависит от долгосрочных целей, которые не артикулированы и по сей день. Одна система пригодна для модели «энергетического лидера» (если называть вещи своими именами – основного ресурсного донора развитых и быстро развивающихся стран). Иная – для «догоняющей модернизации», вполне приемлемой для потенциальных конкурентов, ибо она сохраняет

Расторгуев Валерий Николаевич – д. филос.н., профессор кафедры философии политики и права философского факультета, руководитель образовательной программы «Экологическая политика» факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники и Национальной Экологической Премии. E-mail: vestnik@mgimo.ru

дистанцию между «золотым миллиардом» и его окружением. И совершенно другая, на порядок более сложная и дорогая, система безопасности потребуется для того, чтобы действительно «оседлать» новый технологический уклад и самим оторваться от догоняющих стран, обделенных резервами. В этом случае кардинально изменяется все – от геополитического климата, который вряд ли будет благоприятным, до круга потенциальных союзников и противников, от оценки угроз до определения приоритетов. А в списке важнейших приоритетов появляется давно забытое:

— выявление и устранение так называемых технологических тупиков (технологической зависимости от реальных и возможных конкурентов);
— новый режим инвестиций в фундаментальную науку по всему спектру основных направлений;
— ставка на долгосрочные инновационные проекты в высокотехнологических областях производства и ВПК.

Но какой бы путь мы ни избрали (альтернативные варианты не исчерпываются названными), в любом случае потребуются неординарные решения, что исключает механическое калькирование чужого опыта, в том числе и самого конструктивного. Сколько не перешивай «кафтанчик», он и скроен был явно не на Россию с ее державной статью и временными поясами. Можно, конечно, и пояса утянуть по европейской моде, но это не изменит сути дела.

Во-вторых, суть дела в том и заключается, что природные богатства, щедро данные России, не спрячешь от завистливых глаз, а чрезмерная расточительность (Российская Федерация выбилась в число мировых лидеров по распродаже невозобновимых ресурсов) лишь подогревает напряженность. Об этом свидетельствуют хотя бы сегодняшние спекуляции вокруг идеи создания нового антироссийского военного блока приарктических и балтийских стран («мини-НАТО»). Вопрос не в том, существуют ли закрытые договоренности о создании этой структуры, а в том, что такая версия развития событий более чем возможна в недалеком будущем. Арктические кладовые еще недоступны, а климатические изменения, способные открыть к ним прямую дорогу, еще слабо предсказуемы, но ажиотаж уже охватил почти все «заинтересованные стороны», в том числе и предельно далеко отстоящие от арктической зоны.

В-третьих, дефицит долгосрочной стратегии – болезнь века, своего рода эпидемия, из-за которой страдает не только Россия, хотя наш опыт обессмысливания жизни особо поучителен. Удручает, что этот недуг все реже воспринимается как патология, но все чаще - как норма для всей человеческой цивилизации, пораженной бациллой ростовщичества и утратившей основу основ – иерархию ценностей, высшее звено которой – ставка на производительный труд и вера в премудрость Творца. Господь, как известно, не имел советников, «Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11: 33-34). Сегодня же у людей, принимающих судьбоносные решения, много советников, ни во что не ставящих заветы предков. Объяснение не надо долго искать: сами новоявленные советники – по преимуществу ростовщики, которые не пустят и на порог истинных учителей. Но следует помнить слова Спасителя, обращенные к апостолам: «И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу (Марк 6: 10,11).

Система ценностей – цивилизационный код, без которого даже блестящие на первый взгляд планы обречены. Не случайно говорят: «если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах». По этой причине столь важно отличать инвариантные, то есть неизменные и непреходящие ценности, а также основанные на них проекты, от тех вариативных сценариев, которые мы просчитываем на несколько ходов вперед с учетом международных обязательств, национальных и корпоративных интересов, оставляя за собой право вернуться, в случае надобности, к пока невостребованным сценариям. Заметим, что здесь не «работает» известная аксиома, согласно которой история не имеет сослагательного наклонения. Имеет, если речь идет о сохраненных альтернативах развития: чем их больше, тем выше устойчивость системы, и ключевая задача политического планирования заключается в том, чтобы сохранить и расширить «коридор возможностей» и, соответственно, «коридор лавирования», который должен оставаться у политического руководства.

Мы не способны предвидеть все угрозы, найти ответы на все вызовы времени, но есть неизменные ориентиры в государственной политике. Эти ориентиры – *природосбережение* и *народосбережение*. В последнем случае имеется в виду не только сохранение «биомассы» и воспроизводство «человеческих ресурсов» или «человеческого капитала»[3], но и сохранение самих народов как основных исторических субъектов. Соответственно, базовые элементы любой стратегии, даже той, которая еще складывается (хотя бы «Концепция 2020» в ее антикризисном исполнении), можно и должно закладывать сегодня, не связывая работу ни с изменчивой конъюнктурой – финансовой, экономической, политической, - ни с расстановкой сил.

Живая и мертвая вода: фундаментальные основы долгосрочной стратегии. Какой же проект следует ввести в число базовых? Очевидно, что им может быть защита водных ресурсов России и, в первую очередь, стратегических запасов питьевой воды. Заметной подвижкой в этой связи стало принятие 27

августа 2009 г. «Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года». Почему об этом можно говорить со всей определенностью? Причин много, но особого внимания заслуживают три основных:

— во-первых, от наличия и качества этого ресурса зависит не только сохранность региональных биосистем (именно уникальное региональное биологическое многообразие является высшей ценностью, данной человеку – страннику на земле отцов[4]), но и качество жизни людей – а это ключевой показатель эффективности любой политики, политической системы, режима или курса. Собственно, здесь сходятся в одной точке и цивилизационные истоки («исторические корни» большинства народов мира связаны с руслами рек, и эти истоки легко определить, воспользовавшись бассейновым принципом первичного расселения), и перспективы развития (поступательного или гибельного) локальных цивилизаций;
— во-вторых, на рубеже второго и третьего тысячелетий человеческое сообщество, кажется, окончательно определилось с главным приоритетом в области стратегических ресурсов. Согласованная позиция, закрепленная в документах крупнейших международных форумов, в том числе в Плане реализации решений Всемирного саммита по устойчивому развитию в сфере воды и санитарии, сводится к тому, что в качестве основного ресурса выживания и устойчивого развития признается обычная пресная вода. Необыкновенное единодушие политиков и ученых, достигнутое в процессе подготовки столь важных выводов о роли пресной воды, обусловлено, конечно, не доминированием какой-то конкретной научной школы, хотя роль научной аналитики в принятии политических решений неуклонно возрастает, и не доброй волей высоких договаривающихся сторон, наличие которой не следует недооценивать.

Но ее не стоит и преувеличивать, поскольку именно ожесточенная борьба за водные ресурсы и реальная угроза неконтролируемой вынужденной миграции миллиардов (!) человек в ближайшие годы предопределили направленность коллективного поиска компромиссных решений. Уже сегодня цифры носят устрашающий характер: свыше 20 миллионов «водных мигрантов», а общее число беженцев из засушливых регионов мира, по данным ООН, в 2009 году в несколько раз превысило число переселенцев, которые ищут спасения от вооруженных конфликтов. Об этом говорил секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев, подводя итоги заседания очередного заседания Совета, посвященного водной безопасности России. По его словам, только в последнее десятилетие «конфликты и кризисы по этой причине нарастают уже в 46 странах, где проживают 2,7 миллиарда человек. Самые конфликтные в этом отношении – регионы Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Северной Африки».[5] К сказанному можно добавить, что «конфликтогенная зона» быстро расширяется и в ближайшее время распространится (уже распространяется) на европейское пространство.

Не вызывает сомнений, что международное согласие относительно значимости пресной воды для человечества носит условный и чаще всего сугубо декларативный характер. Оно вызвано схожими рисками, связавшими судьбы всех локальных цивилизаций в начале третьего тысячелетия, но несущими в себе «взрывоопасный» потенциал. С другой стороны, наличие общих угроз, вызванных дефицитом водных ресурсов и планетарным распространением злокачественных форм «гидрологического обнищания» (все иные формы социального расслоения и обнищания при этом многократно усугубляются) делает очевидной и потребность в поиске единых подходов к излечению планеты;

— в-третьих, потребность в согласии становится по мере ухудшения ситуации императивом политического поведения, не имеющим альтернатив – *экологическим императивом тысячелетия*. Если в исторической ретроспективе локальные случаи хронической «гидрологической обездоленности» были главной причиной исчезновения многих этнических культур и крупных цивилизаций, то сегодня неизлечимая болезнь «водного голода» может стать и уже становится приговором для большей части человечества. По этой причине происходят качественные перемены и в массовом общественном сознании, и в сфере определения геополитических и научных приоритетов. Точно так же, как в мире дикой природы в период засухи вступает в силу *«закон колодца»*, обеспечивающий свободный и относительно безопасный доступ хищников и их потенциальных жертв к водопою, в международном сообществе, не свободном от хищничества и насилия, постепенно пробуждается чувство вынужденной солидарности в деле защиты истоков живой воды.

Задачи на выживание. Явная тенденция к согласию в решении некоторых наиболее острых проблем глобального характера с установлением научно выверенной иерархии ценностей в сфере мировой ресурсной политики представляется позитивным знаком времени, поскольку позволяет решить ряд задач, связанных с выживанием:

— *первая задача* – в результате указанной «иерархизации» политического сознания мировое сообщество приближается к созданию единой критериальной и методологической основы при разработке и, что особенно ценно, при согласовании и

последующей синхронизации региональных, национальных и субнациональных экологических доктрин во всех странах и регионах планеты. А это, в свою очередь, поможет перевести многие трудноразрешимые проблемы (например, проблему предотвращения или минимизации последствий трансграничных или континентальных загрязнений) из области отвлеченных научных исследований в сферу совместных проектов и экологически ответственных политических решений уже на ранних этапах стратегического планирования и прогнозирования;

— *вторая задача* – к проблемам выживания можно отнести использование универсальной методологии при выработке национальных стратегий экономического и социального развития. Даже несовершенные и во многом декоративно-декларативные национальные экологические доктрины позволяют, как минимум, различать непреходящее и преходящее в процессе стратегического экономического планирования и тем самым закладывают *надвременные, надотраслевые* и *надклассовые* ограничители при постановке целей долгосрочного развития. К примеру, определение пределов роста и максимально допустимых техногенных и антропогенных нагрузок на водоохранные территории – проблема не политическая, а сугубо научная от момента ее постановки до поиска оптимальных сценариев решения (при этом автономия науки возможна при условии ее полноценного обеспечения со стороны государства и бизнеса). И только на стадии подготовки и осуществления практических шагов эта проблема переходит в разряд задач собственно экологической политики, осуществляемой государствами при деятельном (добровольном или принудительном) участии крупного бизнеса.

Роль национальных экологических доктрин, в том числе и Экологической доктрины Российской Федерации, принятой Правительством Российской Федерации 27 августа 2002 г. (за несколько дней до начала Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге),[6] отчасти заключается в четкой фиксации как степени солидарной ответственности, так и границы функциональных обязанностей и полномочий политики, ответственного бизнеса и «чистой» науки. Эту границу никому не дозволено переходить даже под предлогом научного обеспечения государственной деятельности или защиты национальных и корпоративных интересов – ни политикам, ни ученым, ни предпринимателям. Отсутствие подобных доктрин в наше время или недооценка значимости их научного ядра – свидетельство опасных отклонений от нормы, позволяющее говорить о пределах доверия к политическому курсу или режиму. Такая ситуация резко меняет соотношение и удельный вес политического и собственно экологического (научного) начал экологической политики любого уровня – и национальной, и региональной, и глобальной. При этом резко возрастает социальная значимость академической свободы как подлинного гаранта политической демократии;

— *третья задача* – выход за пределы узкополитического (идеологического и отраслевого) подхода к выработке долгосрочных стратегий, чему служит установка на наукоемкую политику.[7] Четкая договоренность в вопросах иерархии стратегических ресурсов закладывает фундамент *надполитического мирового порядка*, который с неизбежностью изменяет вектор глобализации – от скрытой или явной политической борьбы за передел *последних ресурсов* и разрушения *последних границ* (государственных и административных, культурных и моральных) к научно выверенному определению *последних пределов допустимого и доступного*. За этой невидимой чертой политические ценности (даже гарантированные основные права и свободы) превращаются в свою противоположность – из инструментария устойчивого развития отдельных стран и народов в инструмент глобальной дестабилизации и разрушения. Не следует забывать, что дефицит воды сам по себе является и дефицитом реальной свободы, начиная со свободы выбора возможных путей развития, и дефицитом всех без исключения человеческих прав, начиная с права на жизнь! Хочешь сберечь дорогие сердцу демократические и (или) национальные идеалы – сбереги гаранты жизни и научись сотрудничать с людьми и народами иной культуры.

Последний ресурс. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что не менее важным, чем вода, ресурсом развития остается, конечно, и человеческий разум, и дух народа, и политическая воля мирового сообщества, выраженная в национальных и региональных стратегиях устойчивого развития. Как отмечалось в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи еще в 2000 г., только *благое управление в каждой стране* позволит остановить наиболее опасные деструктивные процессы и, что особенно важно, нерациональную эксплуатацию планетарных водных ресурсов. Для этого потребуется «разработать стратегии водохозяйственной деятельности на региональном, национальном и местном уровнях». В противном случае мы потерпим поражение «в деле избавления всего человечества, и, прежде всего, наших детей и внуков, от угрозы проживания на планете, которая будет безнадежно испорчена деятельностью человека». При этом безнадежно испорченной окажется и перспектива мирного сосуществования народов, так как реальное

глобальное управление мировыми ресурсами, в том числе и водными, пока так же далеко от декларируемых принципов «благого управления», как и «миротворческие акции» (с применением оружия массового уничтожения) от принципов мирного сосуществования.

В условиях глобализации с ее «неограниченными возможностями» и новым уровнем экологических и социальных рисков эти выводы почти не нуждается в специальном обосновании. Известно, что от общего объема водных ресурсов планеты пресная вода составляет не более 3%, а с поправкой на доступность – менее 2%. При этом около 70% ее запасов идет на нужды орошения. Острый дефицит питьевой воды, ставший бичом для большинства регионов планеты, ежегодно уносит свыше трех миллионов человеческих жизней. Даже по самым «оптимистическим» прогнозам, число жертв будет неуклонно увеличиваться (различия между позициями «оптимистов» и пессимистов» касаются только оценки динамики процесса).

В обозримой перспективе проблема доступа к пресной воде осложнит жизнь большей части человечества. По мнению ряда независимых экспертных групп, уже через 20 – 30 лет объем пресной воды, который потребляет человечество, сравняется с ее ресурсами, что негативно отразится на здоровье и качестве жизни четырех миллиардов человек. В выигрыше окажутся лишь производители и продавцы бутилированной воды, прибыли которых даже сегодня вполне сопоставимы с показателями крупнейших нефтяных компаний. И это, пожалуй, не самый опасный сценарий, поскольку он не учитывает множества факторов, связанных с угрозами политического и техногенного характера, а также с трудно прогнозируемой динамикой истощения и понижения уровня грунтовых вод.

К таким факторам можно отнести, к примеру, возможность развязывания континентальных и мировых «водных войн», которым отдельные футурологи все чаще пророчат масштабы и последствия, сопоставимые с фантасмогорией «звездных войн». Некоторые аналитики говорят о том, что, наряду с ожидаемыми «горячими водными войнами», следует помнить и о уже ведущихся скрытых «холодных войнах», связанных, например, с неявным перераспределением водных ресурсов. Способы подобного волевого передела многообразны – от выкачивания грунтовых вод, передела водных ресурсов в пользу высоко урбанизированных центров и получения особых преимуществ, связанных со строительством и эксплуатацией ирригационных сетей вверх по течению рек, до расширяющейся трансграничной торговли зерновыми и другими продуктами сельского хозяйства, производство которых требует большого расходования пресной воды. Как отмечает Л.Р.Браун, «если раньше нехватка воды была местным явлением, то теперь благодаря международной торговле зерном она пересекает государственные границы». Так, «количество воды, которое ушло на производство зерна и прочего продовольствия, импортированного в Северную Африку и на Ближний и Средний Восток в 2000 году, примерно равно годовому дебиту Нила. Другими словами, дефицит воды в этом регионе равен потоку еще одного Нила, который течет там виртуально – в виде импортируемого зерна»[8].

Подтверждением реалистичности самых пессимистических прогнозов служат заметно участившиеся в последние годы межгосударственные и межэтнические конфликты, возникающие (в том числе и на постсоветском пространстве) из-за неурегулированных отношений при совместном использовании водных артерий, бассейнов, подземных вод и ирригационных систем. К опасному перерождению подобных конфликтов в межнациональные и даже межцивилизационные войны могут привести наметившиеся тупики в разработке международного водного права и общая тенденция на ослабление роли международного права, которое в начале третьего тысячелетия уже неоднократно подвергалось целенаправленной дискредитации.

Достаточно упомянуть в этой связи о силовом решении так называемой «балканской проблемы», когда были нарушены все международные нормы. Или о переделе мирового нефтяного рынка с использованием военной интервенции, не санкционированной международным сообществом. Особого внимания заслуживает тот факт, что и в первом, и во втором случаях среди «незамеченных» последствий военных интервенций осталась серия масштабных экологических катастроф, связанных, в частности, с использованием экологически опасных видов оружия и с «точечным» поражением особо уязвимых природных территорий.

Грамотно рассчитанный, технологически и организационно обеспеченный удар по отдельной болевой точке планеты или по системе таких точек (сети атомных электростанций или столь же опасных производств, естественных и/или искусственных гидроузлов, транспортных артерий и иных систем жизнеобеспечения) с неотвратимостью приведет к труднопреодолимым или необратимым последствиям. В данном случае речь может идти, например, об экологической катастрофе локального происхождения, но глобальной "прописки". Использованием "точечной стратегии поражения" отмечена эскалация наиболее опасных форм экстремизма и терроризма – как траснационального или "инициативного" (различные антигосударственные и, как правило, законспирированные организации радикального толка), так и государственного терроризма, а также ряда новых военных стратегий и доктрин ведения скрытых и открытых «дистанционных войн», методы которых мало отличаются от откровенно криминальных.

Необходимо учитывать и возможность срастания и «взаимоиспользования» различных

форм терроризма, в частности, государственного и транснационального, что связано не только и не столько с "эффектом взаимопроникновения на скрытом фронте", сколько с общностью методов, а иногда и целей. И в первом, и во втором случаях – нанесение дистанционным точечным оружием (оружием террора, созданным в цивилизованных государствах) или малочисленными спецгруппами с применением подручных средств (те же пассажирские самолеты) на территории противника выверенных ударов по болевым точкам – наиболее ценным и/или уязвимым зонам и объектам. Их цель - создания ситуации "управляемой локальной (экологической, социальной, культурной и этнодемографической) катастрофы".

Чрезвычайно велика также вероятность использования искусственно вызванных нелокализуемых катастроф локального происхождения (континентальных или глобальных по своим последствиям) в качестве инструмента политического шантажа или политической мести как новейшего и, по мнению некоторых представителей "цивилизованного сообщества", допустимого способа "противодействия терроризму". В действительности политическая месть служит лишь способом оправдания терроризма (по мнению радикалов – исторического оправдания самого террора как формы "справедливой войны"). Она же становится стимулом превращения локальных очагов терроризма в звенья глобальных террористических сетей с перспективой тотального распространения методов точечного поражения как универсальной альтернативы глобализации.

Иллюстрацией подобных ценностных инверсий (взаимопревращения по формуле: "терроризм = антитерроризм") служит тот факт, что именно в зонах повышенного риска, которые самой природой или мировой историей уже давно отнесены к болевым точкам планеты, вновь и вновь возникают опасные очаги напряженности. Они, как правило, чреваты развитием трудно локализуемых социальных, экономических и этнических (этнокультурных) катастроф, включая сопутствующие им социо и техногенные экологические поражения локального, регионального или глобального типов. Попытки "врачевания" болевых точек планеты силовыми методами приводят в начале третьего тысячелетия к возникновению глубинных "тектонических деформаций" в самых различных пластах современной геополитики, например, в точках традиционной геополитической стабильности.

Забытая государственная программа и перспективы устойчивого развития: защита планетарной системы естественных гидроузлов и роль Великого водораздела Русской равнины в глобальной системе водной безопасности. Особую обеспокоенность вызывает высокая вероятность возникновения нелокализуемых антопогенных и техногенных катастроф континентального масштаба в зонах водораздельных гидроузлов, существующие формы защиты которых не могут считаться эффективными ни в военное, ни в мирное время. Очевидно, что точечное поражение этих зон может поставить под вопрос существование великих цивилизаций, в том числе русской и европейской. К сожалению, в уже упомянутой Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года нет ни единого слова ни о водоразделах, ни о естественных гидроузлах (за исключением беглого упоминания о паводкоопасных территориях, в том числе нижних бьефов гидроузлов), ни о чрезвычайно высоких рисках, связанных с их возможным поражением. Речь в этой стратегии идет только о размещении генерирующих мощностей в составе действующих гидроузлов неэнергетического назначения, а также о строительстве и реконструкции искусственно созданных гидроузлов для создания дополнительных регулирующих емкостей водохранилищ и увеличения водоотдачи. Голый прагматизм – не лучшая методология построения эффективной системы национальной и коллективной безопасности.

Говоря о безопасности планетарной системы водораздельных гидроузлов, следует вспомнить о том, что именно в России впервые были проведены пилотные исследования в этой области, а также разработана и в течение ряда лет успешно осуществлявшаяся федеральная программа по системному развитию важнейшего из естественных гидроузлов Земли. Речь идет о Государственной региональной программе «Социально-культурное развитие Тверской области (территория Великого водораздела)».[9] Именно здесь берут начало три великие русские реки – Волга, Днепр и Западная Двина (Даугава), соединяющие бассейны Черного, Каспийского и Балтийского морей. Эта программа была принята в 1992 году на заседании Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации и осуществлялась до 1997 года, когда в России были свернуты многие экологические и социальные программы. Ее можно рассматривать как первую комплексную социально-культурную и экологическую программу устойчивого развития особо значимого региона.

Из результатов исследований, проведённых и апробированных в рамках Государственной программы, а позднее – в процессе подготовки проекта международной программы «Валдай – колодцы мира»[10], следует: в десятке крупнейших континентальных водораздельных гидроузлов *(супергидроузлов планеты)* наибольший интерес и значимость с точки зрения создания эффективных систем национальной и коллективной международной безопасности представляет Валдайский гидроузел (Великий водораздел).

Другие супергидроузлы — Альпийский, Гималаи-Тибетский, Кордильерский и Андийский — труднодоступны и в меньшей степени находятся под угрозой избыточного антропо- и техногенного давления из-за высокогорья, а

Центрально-Африканский — из-за ландшафта тропической пустыни. Оптимальные характеристики природной программы и системного потенциала региона (за исключением энергетического компонента, крайне ограниченного в верховьях рек) имеют ***Валдайский*** (бассейны Волги, Днепра и Западной Двины) и ***Озёрный*** (бассейны Миссисипи, Святого Лаврентия и Нельсона) гидроузлы. Первый из них расположен в Восточном, а другой — в Западном полушарии планеты. Их средняя высотность и чрезвычайно разветвлённая речная и озёрная сеть, а также тот факт, что оба гидроузла лежат в зоне умеренного климата, всегда создавали предпосылки успешного освоения данных территорий, реализовавшиеся в богатейшей этнокультурной истории этих уникальных явлений географической оболочки и ноосферы Земли.

Программа была тесно связана с обеспечением как национальной, так и международной экологической безопасности. Академик Д.С. Лихачев в своем обращении к президенту России о необходимости поддержки программы отмечал, что ключевой вопрос долгосрочной стратегии России – запредельная степень риска для мирового сообщества, связанная с возможностью техногенной катастрофы на территории Великого Водораздела: «Реки текут в три моря, а под угрозой и Москва. Если водораздел будет отравлен (например, атомными отходами), то погибнет вся Россия до Белого моря и до Каспия». К сожалению, Тверская программа, отражающая общенациональные интересы и международные обязательства России, была приостановлена в 1996 году. По мнению академика В.А. Черешнева, совершенно очевидно, что причина этого политического решения – «хроническое отсутствие долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования как в центре, так и в регионах, болезнь слабого управления, с таким трудом преодолеваемая сегодня».[11]

***

В заключение следует отметить, что определение направлений долгосрочной экологической политики – задача на стыке стратегического прогнозирования и планирования с акцентом на политическом планировании. Этот акцент и соответствующая политическая установка становятся актуальными только тогда, когда приходит время больших наступательных стратегий – и в экономике, и в социальном развитии. И такое время пришло. В современной России появился социальный заказ на построение грамотного будущего, в котором экология призвана играть ключевую роль. Эта особая роль экологии объясняется тем, что стратегическое планирование нуждается в добротной экологической основе, которая обладает рядом качеств. Назовем два основных из них:

— во-первых, экологическая основа стратегического планирования не подвержена тлену времени и быстрому устареванию. Экологические циклы расширяют перспективы планирования до того временного горизонта, за которым открывается подлинная себестоимость любого проекта и любой программы. Многое из того, что сегодня воспринимается нами как выгодное вложение ресурсов, сразу обесценивается, когда мы получаем возможность сопоставить преимущества мгновенного эффекта и цену невосполнимых ресурсов, потраченных на достижение этого эффекта. Цена, как правило, многократно превышает временные выгоды, что открывает для нас бессмысленный, а иногда и откровенно преступный характер многих экономических проектов, рассчитанных на быструю окупаемость и получение сверхдоходов. Таким образом, экологический горизонт планирования задает трасвременные ориентиры стратегии экономического роста и инвестиционной политики, высвечивает не только перспективы подъема, но и пределы, за которыми рост превращается в падение;

— во-вторых, экологическая основа позволяет синхронизировать экономические, экологические и социальные проекты любого класса, связать их во времени и пространстве на основе единой шкалы ценностей и, что не менее важно, на основе понимания уникальности каждого природного региона. Что это за ценности и что это за шкала? Знание единственно правильного ответа оплачено многими катастрофами антропо- и техногенного характера. Теперь ответ воспринимается почти как трюизм – это сохранение и повышение качества жизни населения, а также поддержание устойчивости региональных социоприродных систем, что, собственно, и является ключевым гарантом качества жизни.

Rastorguev V.N. Political planning in terms of "water famine"

Summary: *The article analyzes the reasons of inefficient strategic planning of the existing collective security models facing the new threats, including "water-shortage" caused by the irreversible destruction of socio-ecologic systems, spreading of "dot-terror" and uncontrolled migration of millions of refugees. Special attention is devoted to the political and methodological aspects of the developing Russian water-securing policy today, considering the specific global water sharing hydro centrals. The experience of both the establishing Ecological doctrine of Russia and realization of a number of innovative projects and programs – in particular, the governmental program of sustained development of the Tver'-region as a Great water sharing hydro central of the Russian plain - is generalized in the article.*

Ключевые слова

стратегическое прогнозирование, политическое планирование, экологические программы, системы коллективной безопасности, методология управления рисками, управление водными ресурсами, водные мигранты, водораздельные гидроузлы, синхронизация проектов.

Keywords

strategic forecasting, political planning, ecological programs, collective security, methodology of the risk-managing, water resource managing, water migrants, water sharing hydro centrals, project-synchronizing.

Примечания

1. Расторгуев В.Н. Философия и методология политического планирования. Избранные лекции и доклады. Тверь: Седьмая буква, 2009.
2. Расторгуев В.Н. Проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. (аналит. доклад на заседании Координационного совета по социальной стратегии при Председателе СФ ФС РФ) // Уровень жизни населения регионов России. 2009, №1-2.
3. Черешнев В.А., Расторгуев В.Н. Качество человеческого потенциала и качество жизни: политический подтекст и выбор социальной стратегии // Роль государства и гражданского общества в развитии человеческого потенциала и обеспечения рационального использования природных ресурсов России. М.: Совет Федерации. 2007.
4. Лучше других сказал об этом Николай Бердяев: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции». Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 17.
5. Есть ли жизнь без воды. Совет безопасности оценил угрозы, связанные с нарастающим в мире "водным" голодом // Российская газета, 19 августа 2010 г.
6. Проект доктрины, в инициации и разработке которого участвовали авторы этой статьи, был разработан Общенациональным экологическим форумом России (руководитель – академик В.А. Черешнев). Проект в 2001 г. получил одобрение В.В. Путина, взявшего под личный контроль его прохождение и широкое обсуждение. Таким образом, завершился, по сути, первый в отечественной истории опыт стратегического планирования, основная стадия которого прошла не в кабинетах чиновников, а в научных коллективах и неправительственных организациях, с привлечением к дискуссии всех граждан, неравнодушных к будущему родной земли. Первый замысел доктрины возник в начале 90-х годов, когда для ее разработки был создан Экспертный совет по стратегии устойчивого развития при комитете по социальной политике Совета Федерации первого созыва. Начальный замысел предполагал построение единой методологии управления социальными и экологическими рисками, а в функции доктрины входила оптимизация работы Совета Федерации и, в частности, проведение социально-экологического мониторинга и системной экспертизы всех законопроектов, утверждение которых входит в компетенцию верхней палаты.
7. См. подробнее: Расторгуев В.Н. Наукоемкая политика:экологическое измерение // Вестник Московского университета, сер. 12. Политические науки. М., 2006, №2,3.
8. Браун Л.Р. Экоэкономика. Как создать экономику, оберегающую планету. М., 2003. С.79-80.
9. Общая стоимость мероприятий этой программы составляла 40,1 млрд. рублей. В разработке программы активное участие принимали проф. В. Воробьев (историко-культурное направление и разработка планетарной схемы водораздельных гидроузлов с детальным описанием) проф. В. Петрищев (экономическое направление), проф. А.Тищенко (экологическое направление, картография, космические съемки и пр.). Научный руководитель программы проф. В. Расторгуев. Активную поддержку в работе над программой оказывали Глава администрации Тверской области В. Суслов, его заместители В. Сергиенко и В. Подъячев. В областном Комитете по экономике и прогнозированию программу курировала главный специалист С. Литягина.
10. Международная программа «Валдай – колодцы мира (коллективная защита системы важнейших водоразделов планеты)» была своеобразным продолжением одного из исследовательских направлений Тверской программы и осуществлялась в течение нескольких лет. Основную часть финансовой, научной и организационной поддержки проекта на этот раз взяло на себя не государство, а общественная организация – Центр стратегического развития и инвестиций.
11. Черешнев В.А. От истоков великих рек к истоку большой стратегии // Колодцы мира. Великий водораздел двух тысячелетий и трех морей (серия «Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»). М.: Финансовый контроль, 2004.

Анализ международных отношений с позиций экономической теории

А.Г. Олейнов

В статье предпринимается попытка сформулировать на основе базовых методологических предпосылок экономической науки теоретическую концепцию международных отношений. Данная экономическая концепция международных отношений не претендует на полноту и всесторонность. Она является скорее отдельной методологической «призмой», использование которой позволяет отойти от традиционного взгляда на международные процессы, раскрывая ранее не очевидные на первый взгляд стороны и взаимосвязи международных явлений и способствуя более глубокому пониманию экономических особенностей международных отношений.

Международные отношения никогда не были отдельным предметом теоретического моделирования в экономической науке. Объектом внимания экономистов становились лишь определенные прикладные аспекты международного взаимодействия, прежде всего, вопросы согласования различных направлений макроэкономической политики государств (вопросы внешней торговли, платежного баланса, денежно-кредитной и валютной политики и т.д.). Целостной теоретической концепции международных отношений в экономической науке так и не было сформулировано.

В то же время, за последние полвека методологический инструментарий экономистов был успешно использован для изучения самых разных сфер человеческой деятельности. Причина «универсальности» экономического подхода - в строгости его аксиоматического аппарата, ориентированного на выявление универсальных законов, описывающих социальную сторону деятельности людей. Сегодня методы исследования и модели, разработанные в экономической науке, широко используются за ее пределами, открывая для исследователей новые стороны изучаемых явлений и процессов.

Экономическая «статика» международных отношений. Согласно экономической науке, природа любого социального процесса, как процесса взаимодействия людей, рациональна. Ключевым формальным критерием рациональности в экономической науке является максимизация функции полезности - математической функции, отражающей предпочтения человека в отношении тех или иных благ и принимающей бóльшие значения для тех благ или их наборов, которые предпочтительнее с точки зрения индивида. Таким образом, под рациональностью экономисты понимают решения и действия человека или какого-либо субъекта, соответствующие его предпочтениям и, как следствие, характеризующиеся улучшением его текущего положения.

Международные отношения, как одна из сфер человеческой деятельности, с экономической точки зрения имеют аналогичную рациональную природу. Действия субъектов международных отношений направлены на получение результатов, которые соответствуют их предпочтениям. Исходным уровнем субъектов международных отношений, при этом, в их экономической классификации следует признать человека, поскольку именно индивид является начальным объектом исследования в экономической науке, а его модель – базовой в методологическом аппарате экономической теории. В тоже время, в работах по международным отношениям принимаемые людьми решения принято обобщать, рассматривая коллективные результаты человеческой деятельности.

Олейнов Антон Геннадьевич – к.э.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО (У) МИД России. E-mail: oleinov@mgimo.ru

В итоге, в роли субъектов международных отношений обычно выступают группы индивидов, которые агрегируются до уровня суверенных государств (в лице национальных правительств или межгосударственных организаций) или негосударственных структур (транснациональных корпораций, неправительственных организаций, террористических групп и т.д.). Данные предпосылки позволяют выделить три уровня субъектов международных процессов, с позиций методологии экономической науки: а) уровень отдельных индивидов (людей); б) уровень групп индивидов (группы интересов, бизнес-структуры; неправительственные организации); в) уровень национального государства (суверенные государства, межправительственные организации).

Деятельность вышеуказанных субъектов не всегда будут характеризовать их как участников международных отношений, а только тогда, когда последствия их решений или действий не будут ограниченны одним государством. Акцент на государстве обоснован его институциональной свободой выбора пути своего развития (политического, экономического и т.д.). Государство - единственный субъект международных отношений, который обладает суверенитетом, т.е. формальной (правовой) независимостью от действий любых других субъектов на международной арене. Все это позволяет охарактеризовать *международные отношения как процессы взаимодействия, выходящие за рамки отдельных государств.*

Все субъекты международных отношений уникальны по своим характеристикам: потребностям; имеющимся в их распоряжении материальным ресурсам (человеческий потенциал, наличие тех или иных природных ресурсов, финансовые возможности и др.); нематериальным ресурсам (например, таким ресурсом может быть членство в международной организации); геополитическому положению; статусу, роли в международных экономических отношениях. Последнее обстоятельство формирует различные предпочтения, содержание которых на практике принимает форму официальных формулировок государственных (если одной из сторон является суверенное государство или межгосударственная организация) или частных (индивиды, группы индивидов, транснациональные корпорации, террористические группы и т.д.) интересов.

Отличия интересов участников международных отношений ведет к возникновению конфликта интересов при их взаимодействии,[1] следствием которого является то, что любое взаимодействие на международной арене ведет к перераспределению благ (материальных или нематериальных) между участниками международных отношений. Такого рода процессы в международных отношениях могут быть результатом захватнической деятельности (которая на практике может иметь форму военного конфликта между государствами, захвата рынков коммерческими компаниями и т.д.). Однако принцип рациональности требует от субъектов международных отношений согласования интересов. И любой конфликт интересов в международных отношениях, в конечном итоге, решается через урегулирования взаимных прав и свободы действий в отношении объекта конфликта.

Заключение соглашений, устанавливающих ограничения на взаимные действия субъектов международных отношений, позволяет взаимодействующим сторонам снизить издержки взаимодействия (и тем самым, остроту существующих разногласий) и перейти на более эффективный уровень взаимодействия (например, за счет обмена благами, имеющими различное значение для взаимодействующих сторон). В условиях, когда объектом интересов участников международных отношений, в конечном счете, выступают какие-то материальные или нематериальные блага, результатом любого соглашения в международных отношениях будет процесс перераспределения данных благ в более выгодную (предпочитаемую) для взаимодействующих субъектов сторону, что соответствует экономической рациональности.

Процесс согласования интересов в международных отношениях имеет своим конечным результатом систему международных институтов. Международные соглашения являются правилами, по которым происходит взаимодействие тех или иных субъектов. В экономической литературе *правила*, по которым происходит взаимодействие субъектов, принято называть *институтами*.[2] При этом, с точки зрения экономической науки, институты-правила будут эффективны только тогда, когда эти правила становятся действующими (то есть выполняемыми). Поэтому необходимым составляющим элементом любого института являются *механизмы*, обеспечивающие соблюдение установленных правил взаимодействия.[3] В международных отношениях правила, по которым происходит взаимодействие субъектов международных отношений, и механизмы, обеспечивающие их выполнение, формируют систему международных институтов. Международные институты как правила предусматривают закрепление прав и ограничение свободы действий акторов международных отношений в отношении определенных благ (например, ресурсов). Кроме того, как «правила» международные институты могут регламентировать членство взаимодействующих сторон в какой-либо коллективной международной организации.[4] Как механизмы, обеспечивающие выполнение согласованных правил взаимодействия, международные институты предусматривают дополнительные ограничения свободы действий тех участников, которые нарушают положения достигнутых соглашений.[5]

Если необходимость существования международных институтов является общеприз-

нанной, то взгляды на ту роль, которую они играют в международных отношениях, отличаются. Согласно экономической науке, основная цель создания любого института заключается в снижении издержек взаимодействия между участниками международных отношений. С теоретической точки зрения, факт создания и поддержания работы института объясняется тем, что последний способствует экономии трансакционных издержек, которые возникают при взаимодействии его участников. Многообразие социальных взаимоотношений ведет к существованию разных видов трансакционных издержек, что требует создания разных институтов, ибо они обладают разной результативностью с точки зрения экономии одних и тех же трансакционных издержек.[6]

В целом же, эффективность любого института определяется экономической наукой через степень его соответствия предпочтениям субъектов, действия которых он регламентирует. Предпочтения в отношении тех или иных институтов зависят от соотношения выгод и издержек, которые получает и несет каждый из субъектов при функционировании рассматриваемых институтов. Уровень этих выгод и издержек индивидуален и зависит от их субъективной оценки. Таким образом, с экономической точки зрения создаваемые субъектами международных отношений институты позволяют им снизить степень конфликта (сделать его менее актуальным) и перейти на более эффективный уровень взаимодействия друг с другом. Разрешение противоречий достигается за счет сближения позиций и более соответствующего субъективным предпочтениям распределения благ между конфликтующими сторонами.

Другими словами, учреждение любого международного института a priori преследует цель перераспределения каких-то благ (материальных или нематериальных) между взаимодействующими субъектами в более выгодную (предпочтительную) для них сторону. В итоге, международные институты выступают инструментом перераспределительной политики, то есть инструментом выбора вариантов распределения какого-либо общего блага или благ между взаимодействующими субъектами международных отношений.

В тоже время, международные институты – это не соглашения о распределении каких-то благ между отдельными участниками международных отношений. Количество благ (а возможно и количество участвующих в соглашениях сторон), не может быть постоянным в силу фактора времени. Кроме того, с течением времени могут меняться потребности, возможности и окружающие условия тех или иных субъектов международных процессов. Следовательно, ни одно благо или ресурс нельзя окончательно поделить между взаимодействующими сторонами за счет создания того или иного института.

Распределение благ, которое получается после создания международного института, является следствием закрепления этим институтом набора прав и ограничений поведения акторов международных отношений. В рамках этих ограничений они могут использовать и развивать свои возможности более эффективно, тем самым, достигая оптимального распределения благ между собой (например, путем их обмена, то есть через механизм международной торговли).[7] В целом, статический взгляд на международные отношения с методологических позиций экономической науки позволяет констатировать следующее:

— во-первых, субъекты международных отношений имеют разные интересы, как следствие их неравного положения, что ведет к конфликту интересов между ними;
— во-вторых, следствием наличия конфликта интересов между субъектами международных отношений является процесс перераспределения благ между ними;
— в-третьих, субъекты международных отношений в конечном итоге заинтересованы в согласовании своих интересов, поскольку институционализация международных отношений позволяет достигать более выгодных для каждого распределения благ;
— в-четвертых, конфликт интересов, перераспределительные и институциональный процессы являются, с экономической точки зрения, фундаментальными свойствами любого международного процесса взаимодействия.

Экономическая «динамика» международных отношений. Международные отношения – это, прежде всего, явления, которые имеют место между отдельными субъектами. Последствия этих явлений могут затрагивать и других участников международных отношений, однако их характер определяется преимущественно интересами взаимодействующих субъектов.[8]

Положение субъектов международных отношений, между которыми отсутствует какое-либо взаимодействие, с экономической точки зрения можно охарактеризовать только как неравное. Оно, в конечной форме, проявляется в отличии их предпочтений и формирует разные интересы участников международных отношений касательно одних и тех же материальных благ (например, природных ресурсов) или нематериальных благ (например, экономических преференций). Это, как следствие, отражается на неодинаковом количестве благ в их распоряжении. Действуя рационально, каждый субъект международных отношений стремится к увеличению необходимых ему благ до тех пор, пока предельные выгоды от действий по обеспечению себя дополнительной единицей каждого блага не станут равны предельным издержкам таких действий.

Если у субъекта международных отношений возникает необходимость взаимодействия с другими субъектами, то вначале это отражается:

а) на его международном положении (другие субъекты становятся частью его внешней среды);

б) затем - на его возможностях (как минимум, возникает необходимость тратить материальные и нематериальные ресурсы на взаимодействие с другими субъектами);

в) далее - на его потребностях (например, может появиться потребность в согласовании позиций по общим вопросам) и, в конечном счете, на его предпочтениях (или интересах).

Кроме того, процесс взаимодействия предоставляет субъекту на международной арене дополнительную альтернативу поведения: помимо действий по независимому получению благ, он теперь имеет возможность захвата благ (путем военных действий, через процесс национализации и т.д.), которыми располагает другой субъект, поскольку данная альтернатива ведет к росту его благосостояния. Ответной реакцией субъекта подвергшегося «нападению», максимизирующей его индивидуальное благосостояние, будет стратегия защиты, также требующая материальных и нематериальных затрат. Таким образом, если участники международных отношений ни имеют возможности или не рассматривают допустимым проведение переговоров друг с другом, то, действуя рационально, каждый из них будет тратить свои усилия на три вида деятельности:

— на получение (добычу, производство и т.п.);
— на захват тех или иных благ;
— на их защиту.

Следовательно, при прочих равных условиях, процесс отношений, в которых отсутствует альтернатива согласования интересов (то есть переговоров), сказывается на снижении общего благосостояния взаимодействующих субъектов, если сравнивать с распределением благ в ситуации отсутствия взаимодействия. Возможность договориться об определенных условиях взаимодействия является с экономической точки зрения, эффективной альтернативой «анархическому» взаимодействию рациональных субъектов, позволяющая обеспечить более высокий уровень индивидуального благосостояния для каждого из них. Суть этих условий будет разной, в зависимости от положения договаривающихся сторон.

Если индивидуальные характеристики взаимодействующих субъектов сопоставимы, то возврат (полный или частичный) к более выгодному для субъектов первичному распределению благ может быть осуществлен путем их взаимного отказа (полного или частичного) от усилий по захвату благ друг у друга и, как следствие, по защите собственных благ. Действуя рационально, субъекты международных отношений постараются договориться об определенном *ограничении свободы действий* в отношении друг друга.

Если же индивидуальные характеристики субъектов заметно отличаются (или кто-либо из них в одностороннем порядке отказывается от деятельности, ущемляющей благосостояние другого), то первичное распределение благ может быть более выгодным только для одного из указанных субъектов. Тогда взаимодействующие стороны должны будут дополнительно (помимо ограничений свободы действий) договориться между собой о *признании взаимных прав* на определенное количество каких-то благ. При этом для согласия одной из сторон (той, для которой первичное распределение благ менее выгодно, чем распределение в результате взаимодействия) потребуются определенные уступки со стороны второй стороны (например, передача части благ). Т.е. до установления соглашения может иметь место дополнительное перераспределение благ, которыми субъекты обладают на преддоговорной стадии.[9]

В обоих вариантах, рассмотренных выше, достижение согласия между взаимодействующими субъектами подразумевает определенное ограничение свободы их действий. Каждая из взаимодействующих сторон ограничивает свою свободу для того, чтобы получить *выгоды* от ограничения поведения другой стороны. Согласие, которого достигают в рассмотренной модели субъекты, подразумевает полное или частичное устранение издержек взаимодействия, имеющих место в условиях преддоговорной ситуации. В то же время, ограничение собственной свободы – это дополнительные *издержки*, которые несет каждая сторона, для того, чтобы согласие было достигнуто. Распределение благ, которое взаимодействующие стороны получают в результате достижения соглашения об ограничении своих действий в отношении друг друга и правах касательно каких-то благ будет всегда более предпочтительным для каждой из сторон, иначе соглашение не будет достигнуто.

Вышеописанная модель международного взаимодействия рационально действующих субъектов не предусматривает возможность осуществления торговых операций, то есть рыночного обмена благами между субъектами международных отношений. Если допустить такую возможность, то при наличии разных предпочтений у взаимодействующих сторон, вероятно достижение других распределений благ между ними, соответствующих более высоким уровням индивидуального благосостояния. При обмене благами, согласно экономической теории (а точнее, экономическому принципу рациональности), происходит обмен тех благ, которые представляют для каждой из участвующих в обмене сторон меньшую ценность, на те, которые она предпочитает больше, поскольку такой обмен ведет к росту субъективной полезности имеющихся в ее распоряжении благ. Обмен будет осуществляться до тех пор, пока не будет достигнута такая комбинация благ, которая будет соответствовать наиболее предпочитаемой участвующими в обмене сторонами. Результаты этих обменов будут увеличивать совокупную полезность распределения благ. Важно, что обмен при этом будет происходить в рамках, пропи-

санных соглашениями, существующими между сторонами и регламентирующими их права в отношениях друг с другом.

Таким образом, в рассмотренной выше модели можно выделить две стадии взаимодействия субъектов международных отношений: *выбор правил* и *взаимодействие в рамках выбранных правил.*После достижения взаимодействующими сторонами согласия о взаимном признании прав и ограничении свобод, каждый субъект имеет две альтернативы дальнейших действий: придерживаться согласованных правил или не придерживаться. При заключении двусторонних международных соглашений, его нарушение в одностороннем порядке ведет к возвращению к преддоговорной ситуации, которая является менее выгодной для участников соглашения (иначе оно не было бы заключено). Осознавая это, стороны будут стремиться поддерживать согласованные условия взаимодействия.[10]

В многосторонних соглашениях, каждый участвующий субъект имеет более высокий стимул нарушить договор, поскольку шанс, что данное нарушение вызовет ответную реакцию меньше, чем при двустороннем договоре. Влияние поведения одного субъекта на действия остальных будет становиться все менее заметным по мере увеличения количества взаимодействующих субъектов. После достижения определенного критического числа это влияние может сойти «на нет» и перестать препятствовать стремлению нарушить согласованные условия взаимодействия. Таким образом, возможна ситуация невыполнения общего договора сторонами соглашения и возврат субъектов международных отношений к преддоговорной ситуации.[11]

Для того, чтобы не допустить в нарушения достигнутых договоренностей, международные соглашения между большим количеством участников должны предусматривать дополнительное условие об *обеспечении соблюдения достигнутых соглашений*. Для того, чтобы такое условие было эффективным, должны быть предусмотрены дополнительные ограничения свободы действий тех субъектов, которые нарушают общепринятые правила, то есть санкции. С экономической точки зрения, механизм санкций как механизм обеспечения выполнения достигнутых договоренностей представляет собой дополнительные издержки для тех участников, которые нарушают правила, прописанные тем или иным соглашением. Эти издержки должны быть сопоставимы с выгодами от нарушения. При этом необходимо подчеркнуть, что полные издержки нарушения согласованных и общепризнанных правил включают в себя как прямые санкции, предусмотренные механизмом обеспечения, так и упущенные выгоды, которые могли бы быть получены при добросовестном соблюдении принятых правил.

Поскольку само обеспечение соблюдения установленных правил взаимодействия состоит из двух разных стадий - выявления нарушений (и нарушителей) и «наказания», то функционирование механизма обеспечения достигнутых соглашений означает определенные издержки и для тех участников, которые не нарушают согласованные правила. Во-первых, все стороны международного договора несут издержки по отслеживанию нарушений и определению тех, кто несет за них ответственность (например, в форме взносов по созданию и поддержанию специальной международной организации, выступающей контролирующим органом). Эти издержки будут тем больше, чем выше необходимый уровень соблюдения достигнутых соглашений (число субъектов, соблюдающих достигнутые соглашения). Во-вторых, все участники несут издержки по наказанию нарушителей (например, в форме упущенных выгод от взаимодействия с «нарушителем» соглашения, к которому применены санкции). Величина данных издержек субъективна и зависит от конкретного случая.

В целом, величина издержек за нарушение международных соглашений зависит от величины выгод, которые определяются количеством ожидаемых нарушений, от которых участники соглашения воздержатся после установления конкретных санкций.[12] При этом, чем выше степень строгости санкций (продолжительность, финансовые потери и др.), тем ниже может быть степень их неотвратимости. И наоборот: чем выше степень неотвратимости санкций (или ожидания потенциальных нарушителей относительно этой степени), тем ниже может быть их строгость. Эффект политики увеличения степени неотвратимости и увеличения строгости международных санкции может быть одинаковым. При прочих равных условиях, усиление строгости санкций или степени их неотвратимости уменьшает вероятность нарушения достигнутых международных соглашений.[13]

В многосторонних отношениях (например, в ситуации с ООН или ЕС) издержки решений о реакции участников по каждому конкретному случаю на «нарушителей» согласованных условий взаимодействия могут быть весьма значительны, если в выработке таких решений будет необходимо достижение согласия всех участников. При этом издержки будут тем выше, чем больше рассматриваемая группа. Эта проблема может быть решена, если права по обеспечению соблюдения достигнутых соглашений будут переданы третьей стороне или специально созданному контролирующему органу, то есть *международной организации.*

Создание международных организаций следует признать квинтэссенцией институциональной деятельности субъектов международных отношений и одновременно - наиболее эффективной формой международных институтов. Деятельность международных организаций в международных процессах может быть кратко охарактеризована как процесс выражения агрегированных интересов (предпочтений) определенных групп субъектов в форме общих

политических, экономических и иных целей. Достижение этих целей происходит самыми разными способами и средствами, выбор которых зависит от специфики участников международной организации. Создание международных организаций позволяет не только разрешать противоречия и согласовывать интересы между субъектами международных отношений на определенный момент времени, но и ограничивать поведение членов организации на длительную перспективу, благодаря наличию постоянно действующего механизма контроля согласованных правил взаимодействия. Объединяя субъектов международных отношений, международные организации делают их поведение предсказуемым, как для самих государств, так и для любых других участников международных процессов. Все это сокращает издержки по взаимодействию и для самих членов организаций, и для остальных субъектов международных отношений.

В целом, с теоретической точки зрения, международные организации могут быть рассмотрены как частный случай международных институтов, подразумевающий, наряду с ограничениями прав и свобод участников, наличие механизма принятия коллективных решений. Благодаря накладываемым институциональным ограничениям и существованию механизма принятия общих решений, международные организации позволяют своим участникам выявлять общие интересы и более эффективно добиваться совместных целей за счет объединения усилий и экономии на издержках по взаимодействию друг с другом. При этом, возникает проблема монополии на применение насилия, которой по определению обладают международные организации.

Как механизмы, обеспечивающие выполнение международных соглашений, они должны оставаться внешними акторами по отношению ко всем участникам того или иного соглашения. То есть их деятельность должна быть ограничена обеспечением соблюдения условий этих соглашений. В то же время, передавая права по переопределению и перераспределению прав собственности на какие-то блага международной организации, ее члены могут столкнуться с ситуацией, когда данная международная организация превращается в самостоятельный субъект международных отношений, выходя за рамки тех соглашений, которые регламентируют его деятельность. Более того, в отличие от остальных международных институтов, международные организации могут принимать решения (коллективные в рамках организации), последствия которых оказывают влияние на других участников международных отношений, что также делает ее отдельным субъектом международных отношений.[14]

Интересы субъектов международных отношений не являются стабильными, и с течением времени могут меняться (например, в результате природных катаклизмов, технического прогресса, колебаний численности населения, смены поколений и идеологии и т.д.). Следовательно, ни один международный институт (международное соглашение, норма международного права, международная организация и т.д.) не может быть исчерпывающим. Изменение интересов отражается на выгодах и издержках участников международных отношений от взаимодействия друг с другом в рамках действующих международных институтов. В результате, действующие международные институты могут становиться неэффективными. Выход из таких ситуаций возможен лишь путем пересмотра действующих правил взаимодействия на международной арене, то есть может возникнуть необходимость в пересмотре, создании новых или ликвидации каких-то старых международных институтов.

Таким образом, в каждый момент времени субъекты международных отношений стоят перед выбором: продолжить взаимодействовать в рамках существующих институтов или направить часть своих ресурсов (как материальных, так и нематериальных) на их изменение. При наступлении ситуации, когда в рамках действующих институтов издержки перераспределения тех или иных благ станут выше выгод для каких-то субъектов международных отношений, эти субъекты могут:

а) поставить вопрос о пересмотре действующих институтов[15];

б) предпринять шаги по изменению существующей институциональной системы, если положение после пересмотра того или иного института выглядит лучше, чем нынешнее (с учетом издержек по реформированию института).[16]

Заинтересованность субъектов международных отношений в реформировании того или иного существующего института зависит не только от ожидаемого распределения каких-то благ в результате институциональных изменений, но и от прединституционального (преддоговорного) распределения этих благ, то есть распределения, которое могло бы быть при отсутствии данного института. Вопрос об оптимальности распределения каких-либо благ в рамках существующей международной институциональной системы должен быть ориентирован не только на ожидаемое распределение этих благ в результате институциональных изменений, но и на распределение, которое могло бы быть при отсутствии того или иного международного института, реформирование которого обсуждается. По мере изменения этого распределения, устойчивость обсуждаемого института будет меняться, влияя на условия, на которых новое соглашение может быть достигнуто.

Вопрос реформирования международных институтов также в значительной степени зависит от времени, в течение которого ожидается, что измененный или новый институт будет действовать. С экономической точки зрения, каждый участник (субъект международных отношений), исходя из принципа максимизации

собственного благосостояния (индивидуальной полезности), т.е. действуя рационально, делает расчет своих выгод-издержек на определенный планируемый им период. Чем короче это время, тем больше вероятность, что рассматриваемый участник будет против институциональных изменений. Разница между будущими выгодами и издержками может не покрыть его издержки реформирования.

С одной стороны создание тех или иных международных институтов приводит к экономии издержек взаимодействия между субъектами международных отношений, с другой – сам процесс создания или изменения институтов требует определенных издержек (как материальных, так и нематериальных) со стороны субъектов международных отношений. Поэтому, если даже эффективность какого-либо международного института снижается с течением времени, но при этом издержки по изменению или замене этого института на новый слишком высоки – данный институт будет поддерживаться до тех пор, пока выгоды от его реформы не превысят совокупные издержки субъектов международных отношений по его замене.[17] Кроме того, существующие международные институты отличает значительная экономия на масштабах: когда какое-то соглашение достигнуто, его можно с минимальными затратами распространять на все большее число участников и сфер деятельности.[18] Все это стабилизирует сложившуюся институциональную систему международных отношений.

В результате, любая инициатива по реформированию международных институтов может столкнуться с сопротивлением даже тогда, когда создание нового института или изменение старого должно вывести участников международных отношений на новый уровень благосостояния. Если субъекты международных отношений в целом не заинтересованы в перестройке действующего набора институтов, то данную ситуацию можно охарактеризовать как институциональное равновесие. Институциональное равновесие в международных отношениях может быть нарушено, если наберется достаточное количество субъектов, для которых ожидаемые выгоды от изменения какого-либо международного института настолько велики, что способны покрыть не только будущие издержки, но и издержки реформирования этого института.[19]

В целом, предпочтения субъектов международных отношений в отношении тех или иных институтов зависят от соотношения выгод и издержек, которые получает и несет каждый из них при функционировании рассматриваемых институтов. Уровень этих выгод и издержек индивидуален и зависит от их субъективной оценки каждым участником. С экономической точки зрения, чем выше степень соответствия действующих в международных отношениях институтов предпочтениям их субъектов, тем выше *эффективность* институциональной системы. При этом, эффективная институциональная система - это не просто система, основной задачей которой является решение общих для ее субъектов проблем теми мерами, которые учитывают интересы всех ее участников, но и система, которая позволяет субъектам международных отношений с течением времени достигать все более высоких уровней эффективности распределения благ в международных отношениях. Последнее возможно при выполнении нескольких условий.

Во-первых, институты, в рамках которых происходит взаимодействие субъектов на международной арене, должны не только соответствовать их интересам (предпочтениям), но и эволюционировать по мере изменения э тих интересов. При этом вопрос эффективности международных институтов в значительной степени зависит от времени, в течение которого ожидается, что данные институты будут действовать. Согласно экономической науке, каждый субъект, принимающий участие в определении нового института (например, нормы международного права) или изменении старого, исходя из принципа максимизации индивидуальной полезности (действуя рационально), делает расчет своих выгод-издержек на определенный планируемый им период. Чем короче это время, тем больше вероятность негативного отношения к институциональным изменениям. Разница между будущими выгодами и издержками может не покрыть издержки реформирования. Следовательно, та система институтов, в рамках которой происходит взаимодействие субъектов на международной арене, должна не только соответствовать их предпочтениям, но и эволюционировать по мере их изменения.

Во-вторых, международная система институтов должна давать возможность максимальному числу субъектов влиять на международные процессы, которые затрагивают их благополучие. Для этого необходимо использовать различные процедуры принятия общих решений, выбор которых должен зависеть от предпочтений субъектов международных отношений относительно этих процедур. При этом, действующая международная система институтов (например, система международного права) должна позволять использовать те процедуры принятия общих решений, которые характеризуются минимальными для субъектов издержками согласования их интересов.

В-третьих, процесс институционализации на международной арене должен, как минимум, приводить к росту общего благосостояния всех субъектов международных отношений и, как максимум, к росту благосостояния каждого субъекта.

В итоге, эффективной, с экономической точки зрения, международной институциональной системой следует признать *постоянно эволюционирующую систему международных институтов, позволяющую различным образом учитывать интересы участников международ-*

ных отношений и эффективно преобразовывать эти интересы в коллективные решения, ведущие к росту общего благосостояния. Такая система не сводится к некоему единственно возможному набору институтов. Ее форма зависит как от исторических предпосылок развития международных отношений, так и от текущих политических, экономических, социальных и других условий.

На практике выгоды и издержки от действующих институтов распределяются в международных отношениях неравномерно. В результате между субъектами может возникнуть новый конфликт интересов - по поводу содержания тех или иных международных институтов. При прочих равных условиях, острота конфликта интересов по поводу содержания существующих институтов будет тем выше, чем больше субъектов, которых не устраивает действующий институт или институты. В тоже время, существует экономическая зависимость между увеличением доступных для субъектов благ (например, ресурсов) и уменьшением потенциала для конфликта интересов между ними. По мере того, как блага становятся менее редкими, отличия в предпочтениях субъектов международных отношений сглаживаются, отпадает необходимость в ограничениях индивидуальных действий каждого, уменьшается потребность в нормах, определяющих границы индивидуальных прав. Если же рост индивидов (например, населения) субъекта превышает рост доступных ему благ, тогда количество последних на душу уменьшается, хотя субъект в целом и становится богаче. Следовательно, потенциал конфликтов интересов увеличивается, что сказывается на росте предпочитаемого уровня формализации (институционализации) отношений между субъектами на международной арене. Наличие конфликта интересов ведет к тому, что на практике в процессе формирования институциональной системы доминирует вопрос распределительной природы международных институтов, а не вопрос их эффективности.[20]

Вопрос эффективности институтов может быть и не главным. Как и в политических процессах внутри государства, институциональные изменения в международных отношениях зависят в значительной степени от политического веса взаимодействующих субъектов. Иными словами, вопрос эффективности институтов во многом определяется интересами доминирующих в международных отношениях субъектов, т.е. тех субъектов, интересы (предпочтения) которых являются определяющими при действующей международной институциональной системе. Если даже функционирование определенных международных институтов подрывает благосостояние каких-то участников международных отношений, но при этом ведет к перераспределению благ в пользу тех или иных доминирующих в этих отношениях субъектов, эти институты будут сохраняться и поддерживаться. Из-за высоких трансакционных издержек проигрывающие от функционирующих институтов участники международных отношений могут оказаться не способными инициировать процесс их реформирования, в ходе которого они должны будут получить согласие на изменение существующих институтов заинтересованных в их сохранении субъектов (например, путем дополнительного перераспределения ресурсов). [21]

В конечном счете, динамическое моделирование международных отношений сквозь призму базовых методологических предпосылок экономической науки позволяет придти к выводу, что ключевым процессом, определяющим динамику международных отношений, является процесс реформирования международных институтов. Основными факторами в данном процессе выступают эффективность, издержки процесса реформирования и перераспределительные особенности действующих институтов. Последние два являются главными факторами стабильности существующих международных институтов, независимо от их эффективности (в истории международных отношений можно найти много примеров существования как эффективных, так и неэффективных международных институтов). В результате, любая инициатива по институциональному реформированию может столкнуться с сопротивлением даже тогда, когда создание нового института или изменение старого должно вывести участников международных отношений на более эффективный уровень взаимодействия.

***

Современный подход экономической науки к моделированию общественных процессов представляет собой процесс поиска и дальнейшей математической формализации определенного набора базовых принципов. Важной особенностью данного процесса является то, что его первичным источником является выявления фактов эмпирических отклонений от базовой экономической модели – модели человека. Человек был и остается исходным объектом и единицей исследования в экономике, а базовые принципы экономической модели человека, прямо или косвенно, присутствуют в любой экономической модели какого-либо общественного процесса.

Использование методологии экономической науки применительно к международным отношениям не означает, что экономический анализ международных отношений сводится к суммированию бесконечных межличностных отношений. Он скорее подразумевает комплексный подход, отражающий систему взаимосвязей, которые характеризуются фундаментальными теоретическими допущениями, прошедшими, с точки зрения социального поведения человека, многочисленные эмпирические проверки в самых разных сферах общественных отношений. Уникальность такого подхода заключается в том, что его методология является формализацией

логики выбора, позволяющей выявить внутренние (эндогенные) факторы принимаемых людьми решений. В результате, экономические аспекты международных процессов прямо или косвенно отражают самые разные факторы, определяющие характер данных процессов (от природных до политических).

Понимание и использование методологических инструментов экономической науки для объяснения истоков современной системы международных отношений имеет, на взгляд автора, немаловажное значение как для дальнейшего развития теории международных отношений, так и ее практического применения на современном этапе эволюции международной сферы жизни человечества. Сформулированная в статье экономическая модель международных отношений вряд ли может быть однозначно применена на практике. Скорее она демонстрирует особую методологическую «призму», использование которой позволяет отойти от традиционного взгляда на международные процессы, раскрывая ранее не очевидные стороны и взаимосвязи между международными явлениями и способствуя более глубокому пониманию экономических особенностей международных отношений.

Oleynov A.G. The Analysis of International Relations through the Prism of the Economic Theory.

Summary: *The article demonstrates an attempt to formulate a theoretical conception of international relations based on key methodological assumptions of economics. This conception is general and should be considered as a separate methodological "prism" that lets to step aside from the traditional views on international processes.*

Ключевые слова	***Keywords***
международные отношения, экономическая теория.	international relations, economics.

Примечания

1. Таким образом, природа международных отношений, с экономической точки зрения, конфликтна. В то же время, на практике не принято ставить знак равенства между понятиями международных отношений и международных конфликтов. Последние – это также процессы, которые возникают там, где основные характеристики взаимодействующих субъектов отличаются. Однако к международным конфликтам принято относить, прежде всего, те процессы, в которых интересы взаимодействующих сторон противоположны. При этом, на практике наибольшие противоречия обнаруживаются при взаимодействии тех субъектов международных отношений, которые имеют так называемые непримиримые интересы (обычно религиозные, этнические или территориальные). Кроме того, нередки ситуации, когда конфликт интересов в международных отношениях поддерживается искусственно, отдельными заинтересованными лицами (или группой заинтересованных лиц), поскольку от этого зависит их политический имидж и/или материальное благополучие.
2. Hurwicz, L., Implementation and enforcement, In Political Economy, Institutions, Competition, and Representation, W.A. Barnett, M. J.Hinrich, N.J.Schofield (eds.), Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Цит. по: Измалков С., Сонин К., Юдкевич М. Теория экономических механизмов //Вопросы экономики, 2008, №1]..
3. Альтернативным подходом к определению понятия института в экономической науке является его определение как равновесия (то есть совокупности равновесных стратегий участников взаимодействия), складывающееся в повторяющихся играх. Основа этого подхода была заложена Э. Шоттером [Schotter, A., The economic theory of social institutions, Cambridge: Cambridge University Press, 1981]. Другими наиболее известными представителями данного направления являются А.Грейф и М. Аоки [Измалков Op.cit. С. 22-23].
4. При этом, международные организации в данной работе рассматриваются как частный случай международных институтов, подразумевающий, наряду с ограничениями прав и свобод участников, наличие механизма принятия коллективных решений. Подобный взгляд на международные организации совпадает с точкой зрения существующей в правовой литературе [см., например: Schermers, H. and N.Blokker, International Institutional Law: Unity within Diversity, The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1995. P. 23]. В то же время, нельзя не отметить, что в экономической литературе существует и иная точка зрения, согласно которой институты и организации – разные явления: организации – это, прежде всего, участники (индивиды), тогда как институты – это правила и нормы. См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: "Начала", 1997; Lane J-E. and S. Ersson, The New Institutional Politics: Performance and Outcomes, Routledge, 2000.
5. Данное определение институтов охватывает как формальные международные институты и организации (например, такие как: ООН, ЕС, НАФТА, ОПЕК и др.), так и неформальные («Большую восьмерку», АТЭС и др.). В тоже время, нельзя не признать, что основную роль в глобальных процессах на современном этапе играют формальные институты. Именно в рамках формально закрепленных правил, прежде всего, происходит взаимодействие участников международных отношений (как государств, так и негосударственных структур).
6. В экономической науке, проблема трансакционных издержек является решающей не только в вопросе формирования институтов, но и в любом другом процессе взаимодействия людей. Согласно широко известной в экономической науке «теореме Коуза»: если права собственности четко определены и трансакционные издержки равны нулю, то распределение ресурсов будет оставаться неизменным и эффективным, независимо от изменений в правах собственности. Из этой теоремы можно вывести следующие критерии «оптимальности» института: во-первых, четкое определение правил взаимодействия сторон по поводу распределения благ; во-вторых, возможность для взаимодействующих субъектов вести переговоры между собой и незначительные издержки данных переговоров.
7. Существует обратная экономическая зависимость между количеством доступных для взаимодействующих сторон благ (или ресурсов) и потенциалом для конфликта между ними: по мере того, как блага становятся менее редкими, острота конфликтов снижается. Следовательно, по мере роста благ, которыми располагают взаимодействующие субъекты международных отношений, острота конфликта между ними по поводу этих благ будет уменьшаться, снижая необходимость в существовании каких-то международных институтов, определяющих и контролирующих границы их прав. В тоже время, существует фактор динамики количества благ, которое приходится на душу населения: если рост населения превышает рост доступных ему благ, тогда количество последних на душу населения уменьшается, хотя общество в целом и становится богаче. В результате, острота конфликтов интересов будет расти, что, в свою очередь будет сказываться на росте предпочитаемого уровня формализации

(институционализации) отношений.

8. Основной институциональной особенностью международных отношений является то, что в них отсутствуют единые для всех участников правила (институты) взаимодействия. В современных международных отношениях можно найти отдельные примеры общепринятых правил взаимодействия: Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Устав ООН и др. Однако, в международных отношениях нет прямого аналога базового социального института - основного общественного договора или конституции.
9. Следует отметить, что данное положение субъектов может привести не только к вышеописанной договоренности, но к агрессии одного субъекта в отношении другого или, даже, к уничтожению одного субъекта другим. Подобные действия (например, ими может стать военная экспансия) могут предложить «агрессору» возможность экспансии его прав и защиты от угроз, которые проистекают из отношений с другим субъектом (т.е. из международных отношений).
10. Взаимодействие двух субъектов на международной арене – классический пример «дилеммы заключенного».
11. Если предложенное соглашение не соответствует предпочтениям какого-либо субъекта он может отказаться от участия в нем. Но если количество участников международного соглашения значительно, то издержки неучастия в таком договоре будут весьма значительны для любого не участвующего субъекта.
12. Необходимо подчеркнуть, что система санкций выбирается на стадии, предшествующей нарушениям.
13. С экономической точки зрения, действия, которые предпринимает человек, и, как следствие, любой субъект, действия которого – результат человеческих решений, определяется ожиданиями относительно последствий этих действий. Следовательно, решение нарушить согласованные правила взаимодействия или придерживаться этих правил будет зависеть от субъективной оценки (текущих) выгод (от нарушения) и (предполагаемых) издержек (которые влечет наказание). Строгость и неотвратимость санкций, с экономической точки зрения, оптимальны тогда, когда достигается равенство предельных выгод от ее увеличения и предельных потерь полезности, с учетом вероятности применения санкций. Все три величины субъективны для каждого потенциального «нарушителя».
14. Международные организации являются одним из заметных субъектов международных отношений лишь со второй половины XX в. В начале XX в. существовало около двадцати межправительственных и около двухсот неправительственных международных организаций, то в начале XXI в. их насчитывалось около трехсот и более сорока тысяч, соответственно.
15. В этом контексте, интересно обратить внимание на мнение Д.Норта, который выделяет два основных источника институциональных изменений. Первый - это сдвиги в структуре относительных цен (цен конечного продукта по отношению к ценам факторов производства, либо к изменению цен одних факторов по отношению к ценам других), к которым приводит технический прогресс, открытие новых рынков, рост населения и т.д. (под влиянием таких изменений некоторые из прежних институтов становятся невыгодными). Другой источник институциональных изменений - это идеология - субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир.
16. «Нарушение баланса последствий в действительности или в сознании может побудить к изменениям институционального характера» [Simon, H., Rationality as Process and as Product of Thought, Richard T.Ely Lecture, American Economic Review, May 1978, v.68, № 2; Цит по: Саймон Г. Рациональность как процесс и как продукт мышления // THESIS, 1993, Т.1, № 3].
17. Эмпирической подтверждение данного тезиса – вопрос о реформе МВФ, который находится в стадии обсуждения с начала 1990-х гг. Несмотря на его «актуальность», какие-либо шаги в данном направлении за это время так и не были предприняты.
18. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // «Вопросы экономики», , №3, 1997].
19. Институциональные изменения в международных отношениях происходят постоянно и на современном этапе обычно затрагивают лишь отдельные институты в определенные моменты времени. Однако в истории международных отношений можно найти много примеров того, как институциональные изменения носили не эволюционный, а скорее революционный характер. Изменения подобного рода происходили одномоментно и затрагивали целые уровни международных институтов или всю институциональную систему международных отношений (Вестфальский мир, создание Лиги наций и др.).
20. Процесс создания и изменения международных институтов может быть также рассмотрен и через понятие трансакционных издержек, т.е. тех издержек, которые возникают при взаимодействии субъектов международных отношений. С теоретической точки зрения, факт существования институтов в международных отношениях объясняется тем, что институты способствуют экономии трансакционных издержек. Многообразие человеческих взаимоотношений и, как следствие, отношений на международной арене, ведет к существованию разных видов трансакционных издержек, что требует создания разных институтов, в том числе и в международных отношениях.
21. Кроме того, в такой ситуации вполне вероятно, что проигрывающие субъекты могут продолжить «адаптировать» («подстраивать») свои интересы к интересам политически доминирующих субъектов. Такая перестройка системы ценностей может привести в дальнейшем к изменению баланса сил в международных отношениях и к модификации институциональной системы, правда, в несколько ином направлении, отличающимся от первоначальных предпочтений бывших «аутсайдеров».

Эволюция применения термина «интерес» в теории международных отношений

М.А. Савельева

Реализм, либерализм и конструктивистский подход в теории международных отношений сравниваются в разрезе того, на каком уровне анализа применяется изначально разработанная экономистами концепция «интереса». Объектами анализа при этом являются контекст применения термина «интерес», механизмы его реализации и носители.

Понятия «интерес» и «национальный интерес» у всех на слуху. Они используются как в специализированной литературе по теории международных отношений, так и в публикациях средств массовой информации. Термин «интерес» активно задействован во всех основных парадигмах теории международных отношений в самых разных контекстах. Но что же описывается с помощью этих понятий? Есть ли консенсус среди теоретиков-международников по применению этого основополагающего для многих производных концепций термина? Насколько объективна апелляция к национальному интересу, когда правительство принимает определенные решения и проводит в жизнь ту или иную политику? В этой статье анализируется содержание «интереса» в различных его проявлениях в теории международных отношений.

В работе, посвященной анализу истоков термина «интерес» в социально-экономическом знании[1], автор приходит к выводу, что «интерес» - достаточно старая и изначально разработанная экономистами категория, по отношению к которой все другие способы употребления термина «интерес» являются производными. Термин «интерес» получил свое концептуальное наполнение в ходе развития классической и неоклассической экономической теории – в рамках модели «рационального максимизатора», предпочтения которого остаются неизменными и фиксировано заданными как внешний параметр модели. В таком контексте, интерес – это результат процесса оценки экономическим субъектом выгод и рисков от того или иного решения проблемы на основе стабильных, медленно изменяющихся предпочтений. Выявление своего собственного интереса (self-interest) – неотъемлемая часть принятия индивидом любого экономического решения.

Современные гуманитарные науки, в особенности социология и психология, принимая во внимание значимость экономической деятельности индивида, рассматривают его жизнь в более широком контексте социально-исторических связей. Они встраивают человека и его интерес в контекст окружающей среды, живущей по правилам, насыщенной рисками и генерирующей огромное количество информации. Современные школы в теории международных отношений принимают за основу экономический или же социологический контекст, приходя, как следствие, к разным выводам относительно мотивов деятельности акторов мировой политики, о чем и пойдет речь в этой статье.

Интерпретации понятия «интерес» в теории международных отношений. Две основные «традиционные» парадигмы теории международных отношений – реализм и либерализм, – приняли предпосылки теории рационального выбора[2]. При этом реалисты оперируют на макроуровне, и в фокусе анализа у них - государство-нация как унитарный актор, обладающий своими собственными «национальными» интересами. Либералы не признают за государством способности объективировать свои собственные интересы и иметь свои собственные предпочтения, поскольку только человек, индивид может быть носителем воли

Савельева Мария Анатольевна – соискатель кафедры мировых политических процессов факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: savelieva_m@rambler.ru

и иметь предпочтения. В либеральной парадигме скорее отвечают на вопрос, чьи интересы реализуют государства, чем озадачиваются разработкой способов защиты суверенитета. Сторонники пришедшего из социологии конструктивизма – относительно новой в теории международных отношений парадигмы, – отвечают на вопрос о том, как формируются интересы и как можно влиять на этот процесс.

Реализм и неореализм. Не станет преувеличением сказать, вслед за П.А. Цыганковым, что теория политического реализма сделала «национальный интерес» исходным пунктом своего анализа»[3]. Один из отцов-основателей классического реализма Ганс Моргентау так характеризует основные параметры своей теории: «Национальный интерес – объективная данность. Он основан на своеобразии географического положения государства[4] и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы – с другой. Поэтому «национальный интерес» представляет собой стабильную основу международной политики государства»[5].

Очевидно, что реализм оперирует на макроуровне анализа. Кроме того, «интерес» государства жестко детерминируется его географическим положением, и поэтому неизменен – то есть, фиксирован за рамками основной модели, как и в экономической неоклассике. Изменение интереса возможно лишь в случае изменения географической территории государства или степени его обеспеченности другими природными ресурсами. Поскольку интерес неизменен или стабилен, то в рамках реализма не рассматривается механизм формирования и реализации интереса.

«Национальный интерес содержит два основных элемента: центральный (постоянный, описанный выше) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной национальный интерес принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех составных частей:

а) природы интереса, который должен быть защищен;

б) политического окружения, в котором действует интерес;

в) рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств[6].

С этой точки зрения вклад Моргентау в создание теории политического реализма сопоставим с вкладом А. Смита в становление экономической теории: он формулирует основную модель реализма, которая остается в силе уже более пятидесяти лет. Этот теоретик описывает свое понимание интереса государства следующим образом: «национальный интерес вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Интерес здесь – оценка вероятности и возможности воплощения того или иного политического сценария или плана. […] Национальный интерес кардинально отличается от «общественного интереса» тем, что он относится к сфере внешней политики государства»[7]. Таким образом, перед нами встает изложенная Моргентау модель поведения рационального государства, защищающего свой национальный интерес от рисков. Политик ретранслирует объективно существующий национальный интерес в определенную политику, осуществляемую в рамках анархии, где каждое государство само за себя. Налицо продолжение идей Гоббса по логике модели рационального поведения экономического индивида. При этом актор – безличное государство, почти «левиафан», а анархия по своим параметрам близка к идеальной конкуренции в экономической теории.

Неореалистическая системная теория К. Уолца, основателя системного неореализма, также основывается на предпосылках рациональности в поведении государств как унитарных акторов. По мнению этого автора, государства, не способные вести себя рационально, перестают существовать под действием интенсивной международной конкуренции[8]. Уолц наиболее прямолинеен относительно принимаемых предпосылок для создания своей системной теории международных отношений. «Давая определение системам, экономисты не спрашивают о типе организации и эффективности отдельных фирм и обмена между ними; и политологи не спрашивают об индивидуальности и интересах отдельных лиц, занимающих политические должности. Они оставляют в стороне качества, мотивы и взаимодействие акторов не потому что эти вопросы им не интересны и не важны. Но потому, что они хотят знать, каким образом на характеристики, мотивы и взаимодействие акторов влияет структура, как на решения фирмы воздействует рынок, и как поведение людей изменяется под влиянием занимаемого ими кресла[9]. Такая постановка вопроса правомерна для того круга задач, которые ставят перед собой реалисты. Однако известно, что не только структура влияет на агента, но и он своими действиями и решениями способен влиять на среду. Этот круг вопросов в реализме представлен фрагментарно именно в силу принимаемых сторонниками этого подхода основополагающих предпосылок.

По мнению А.П. Цыганкова, вполне совпадающего с пониманием термина «интерес» в неореализме, национально-государственный интерес включает следующие основные элементы:

— военную безопасность, предусматривающую защиту государственного суверенитета, конституционного строя и системы ценностей;
— благосостояние страны и ее населения, предусматривающие экономическое процветание и развитие.[10]

Поведение государства, таким образом, всегда направлено на две фиксированные цели: выживание и благосостояние. Возможность выбора того или иного варианта поведения (стратегии) ограничивается местом, которое занимает это государство в международной структуре. Если оно маленькое, то его политический и эконо-

мический вес мал и оно может только примыкать к более крупным игрокам, моделирующим с помощью коалиций или своего «рыночного» веса ситуацию анархии. При этом в неореализме сохраняется типичная для ранних реалистов логика игры с нулевой суммой, согласно которой приобретение большего веса в системе одним государством всегда приводит к снижению веса другого государства. Союзы и коалиции – вынужденная временная мера борьбы с конкурентами, а в «нормальном» случае поведение государств некооперативно[11].

Критика реализма развивается по нескольким направлениям. В 1971 году Грэхэм Аллисон[12] одним из первых создал модели организационного процесса и модель бюрократической политики для того, чтобы опровергнуть стандартные предпосылки рационализма в реализме, прежде всего то, что государство – это унитарный рациональный актор. Его модель организационного процесса подразумевает снижение рациональности по мере повышения уровня анализа[13]. Эта модель получила дальнейшее развитие в кибернетической теории Джона Штайнбрюнера, доказывающего, что большие организации сдерживают индивидуальную рациональность и ведут себя в соответствии со значительно упрощенными нерациональными правилами принятия решений[14].

Модель бюрократической политики утверждает, что результат определенных политических решений можно рассматривать как равновесие, достигаемое в процессе двухуровневой игры[15]. Хелен Мильнер критикует, в русле либерализма, предпосылку о единоличии государства как актора в международной среде. Она утверждает, что внутренние политические процессы в каждом отдельно взятом государстве оказывают значительное влияние на выработку внешнеполитических решений. Стабильность внешнеполитических предпочтений определенного государства зависит от устойчивости и стабильности его внутренних институтов[16].

Для получения комплексного понимания поведения государства достижения неореализма, связанные с формулировкой того, каким образом положение государства в системе международных отношений оказывает влияние на его действия, должны быть дополнены описанием процесса принятия решения на микроуровне анализа. То есть на уровне лиц, принимающих политические решения. В реализме этот уровень не рассматривается. Рассмотрение поведения государства как унитарного актора с помощью моделей, созданных для применения на микроуровне экономического индивида, ведет к усиливающейся критике реалистических концепций со стороны других школ теории международных отношений и альтернативных рационализму подходов.

Мнимое родство между моделями рационального выбора и традиционным государственно-центристским взглядом на международную политику, в совокупности с привнесением в нее теории игр, до недавнего времени изолировало теорию международных отношений от все более агрессивного конфликта между сторонниками рационального выбора и его критиками в других социальных науках. Если принять предпосылку о фиксированных предпочтениях основных политических игроков (или представителей групп-интересов) и о фиксированных институционально правилах игры, интерпретировать национальные интересы и поведение в рамках рационализма намного более убедительно, чем когда речь идет об обстоятельствах, в которых институциональные правила постоянно и непредсказуемо изменяются[17].

На протяжении последних десяти лет реализм находится под постоянной атакой зарождающейся парадигмы конструктивизма[18]. Усилия последнего направлены на исследование ситуации неопределенности в международной среде и ее последствий для поведения отдельных акторов. Неспособность неореализма и теории игр обойти стороной сложность процесса принятия политических решений заставила многих аналитиков международных отношений вернуться заново к переосмыслению проблемы «веса» идей и убеждений в определении политического курса[19]. Свой вклад в общую теорию политических решений внесли либерализм и конструктивизм.

Либерализм и институциональный либерализм. Оппоненты реализма отказались принимать на веру самое главное в нем – объективность содержания «национального интереса»[20]. Теоретики либерально-идеалистической парадигмы и вдохновляющиеся их идеями практики готовы согласиться с существованием «национальных интересов». Но соглашаются на это только при условии, что их содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности[21]. Представители либерального направления в теории международных отношений склонны употреблять понятие «интерес» в его изначальном экономическом смысле. Они не привязывая его к государству, но сохраняют экономическое толкование интереса применительно к лицам и объединенным общими экономическими интересами группам, принимающим политические решения. Государство для сторонников либерального подхода – важнейший, но при этом один из многих акторов, принимающих участие в различных процессах в международной политико-экономической среде.

Главной предпосылкой модели «интереса» в трактовке либеральной школы является то, что «отношения между государствами и окружающими внутренним и транснациональным обществами, в которые государства интегрированы, критичным образом определяют поведение государств путем оказания влияния на социальные цели, лежащих в основе предпочтений государств»[22].

Речь в таком случае идет о феномене, получившем в либерализме название взаимозависимости акторов в системе международных

отношений. А. Моравчик дает развернутую характеристику основных предпосылок, на основе которых строится либеральная парадигма в ТМО:

1. ***Главенство общественных акторов.*** Основными акторами международной политики являются индивиды и частные группы, по большей части рациональные и не склонные к риску, которые организовывают обмен и совместные акции в целях продвижения дифференцированных интересов, будучи ограниченными недостаточностью ресурсов, конфликтующими ценностями и различиями в общественном влиянии. Социально дифференцированные индивиды определяют свои материальные и идеологические интересы независимо от политики и после этого продвигают эти интересы через политический обмен и коллективные действия.[23]
2. ***Представительство и предпочтения государства.*** Государства (или другие политические институты) представляют некоторую часть находящегося в пределах этого государства общества, на основе интересов которой государственные деятели определяют предпочтения государства и целеустремленно действуют в мировой политике.
3. ***Взаимозависимость и международная система.*** Конфигурация взаимозависимых государств определяет поведение государства. Каждое государство стремится реализовать собственные дифференцированные предпочтения в условиях различных ограничений, наложенных предпочтениями других государств. Взаимозависимость политик – это определенное соотношение издержек и выгод, созданное для населения других стран в момент, когда доминирующие социальные группы в первом государстве пытаются реализовывать свои предпочтения.[24]

В отличие от реалистической, либеральная парадигма считает склонность международных акторов к сотрудничеству естественным следствием существующей между ними взаимозависимости. Наличие конкуренции в разных сферах, различная степень наделенности акторов ресурсами, а также возможность лучшего совместного результата, чем если бы они действовали по отдельности, в некоторых ситуациях ведет к сотрудничеству между акторами. Одной из форм такого сотрудничества являются международные режимы как особый тип социально-политического института.

В теории международных режимов Р. Кохейн четко обозначает основные предпосылки, разделяемые большинством ученых либеральной школы. «Акторы, чье поведение анализируется, в общем случае ведут себя как рациональные максимизаторы полезности, то есть они демонстрируют постоянную склонность к адаптации к внешним переменам таким образом, чтобы постоянно происходил рост ожидаемой выгоды от достигаемых результатов. Во-вторых, международные режимы – это инструменты для ускорения достижения соглашений между этими акторами. Условием работоспособности этой теории (то есть, чтобы режимы формировались) является наличие *достаточных взаимодополняющих интересов*, таких, чтобы были возможны соглашения, дающие преимущество всем основным акторам- членам режима[25].

В вышеупомянутом институционалистском либеральном подходе придается особое значение ограничивающе структурирующей функции социальных, политических, экономических институтов в формировании политики. На настоящий момент наиболее аналитически сильной и последовательной школой является rational choice институционализм. Вклад сторонников этого вида институционализма состоит в том, что, применив экономическую теорию заполнения провалов рынка к анализу международной среды, они доказали: режимы выполняют функцию отсутствующего международного правительства. Институт для сторонников этой школы – механизм восстановления, поддержания или изменения рыночного равновесия, своеобразный механизм сдержек и противовесов для рыночных субъектов. Институционалисты также сильны разработкой оценки сдерживающей реформу и принятием идеологически новых политических решений роли институтов. К сожалению, то, в какой ситуации политические акторы предпочтут смену институтов переменам внутри уже действующих институтов, редко сколько-нибудь четко обозначено в теориях институционализма[26].

Изыскания институционалистов о роли идей[27] и когнитивных процессов (таких, как обучение) в процессе принятия решений также очень интересны. Это связано в первую очередь с тем, что многие новые для ТМО концепции пришли в институционализм из современной социологии. Такие наработки часто находятся в одном предметном поле с исследовательскими проблемами, которые ставят перед собой сторонники социального конструктивизма.

Поскольку большинство теорий, созданных в рамках либеральной парадигмы, носят системный характер и построены на основе теории рационального поведения, в них отсутствует четкое описание механизма взаимного влияния предпочтений одного актора на предпочтения другого, или на взаимное изменение их интересов. Как и К. Уолц, основоположник либерализма в ТМО Роберт Кохейн подчеркивает, что «системный фокус позволяет ограничивать количество переменных, которые следует принимать во внимание. Попытка с самого начала учитывать как факторы уровня международной политики, так и системные переменные быстро привела бы к трудностям описания модели и теоретической анархии»[28]. Предпочтения и интересы важны для построения теории, но в рамках основной модели не исследуются.

Постепенный отход в сторону социологической концепции интересов отражается в том,

что предпочтения акторов изменяются под влиянием предпочтений других акторов, а не остаются неизменными за рамками основной модели. Однако, лишь в теории принятия политических решений, по своей сути более близкой к политологии, чем к ТМО, а также в относительно недавно заявившем о себе конструктивизме подробно изучаются механизмы формирования предпочтений лиц, принимающих политические решения. Одновременно исследуется и то, как эти предпочтения сказываются на принимаемых решениях и политике в целом.

Социологическая парадигма в ТМО – социальный конструктивизм. Сторонники социологического подхода в теории международных отношений настаивают на том, что интерес и методы его реализации на любом уровне анализа являются социально конструируемым явлением. Они утверждают, что человеческое поведение по своей природе нерационально и происходит в рамках норм и социальных институтов, которые оказывают непосредственное воздействие на его формирование. Интерес - не врожденное свойство индивида, как не является врожденным свойством человеческой натуры максимизация личностного благосостояния. Есть убедительные доказательства того, что эгоистический интерес как важный мотивирующий индивида фактор в западном мире представляет собой социальную конструкцию, специфическую для определенного периода истории, которая возникла только после того, как концепция индивида заняла приоритетное место относительно концепции коммуны.[29]

Социальный конструктивизм концентрирует внимание на социальных явлениях мира. С точки зрения конструктивиста, эти социальные факты существуют только потому, что все соглашаются с тем, что они существуют. Социальные факты очень реальны, и они представляют собой продукт межсубъективных (коллективных) убеждений или идей, которые не могут быть сведены к нескольким либо суммарным индивидуальным убеждениям. Предпочтения индивида социально конструируемы. Идеи, разделяемые несколькими людьми (intersubjectively shared ideas), определяют их поведение путем формирования идентичностей и интересов акторов.[30]

По мнению Александра Вендта, именно коллективные смыслы являются составными частями структур, которые организуют наши действия.[31] Идентичности – основа интереса. Акторы не располагают портфолио интересов, которое они носят с собой вне зависимости от социального контекста. Напротив, они определяют свои интересы в процессе составления характеристики ситуации[32]. Интерес в модели конструктивистов является зависимой переменной, изменяющейся под воздействием различных социальных факторов. Интересы нескольких индивидов аккумулируются на межсубъектном уровне. Так, институты – достаточно стабильный набор или структура идентичностей и интересов. Такие структуры часто кодируются в виде формальных правил и норм, но эти формальные правила приобретают силу мотивации только при условии социализации и участия акторов в коллективном знании[33]. Интересы формируют институты, которые, в свою очередь, оказывают сдерживающее воздействие на способ продвижения интересов.

Другим примером конструктивистской логики может быть «настроенность» на конкуренцию. Конкуренция, так же как и интерес, – не генетически заложенный в человека механизм, а социально-конструируемый способ поведения, также, как и стремление к обогащению. Конструктивисты своими исследованиями доказали, что люди сами задали себе те правила игры по интересам и в конкуренцию, на которых, как нам представляется, всегда стояло мироздание. Они доказали, что миром правят идеи, источником которых являются люди[34]. Люди придумали общественный договор, придумали государство, а структура – это то, что мы знаем о ней и то, во что мы верим относительно этой структуры. Следовательно, человек может изменить мир, изменив себя и свои мысли.

Интересы акторов сконструированы, а не определяются материальными условиями. Они основываются на коллективных смыслах, зафиксированных в общественных договорах и практиках. В ситуации неопределенности взаимное понимание акторами общих для всех них принципов функционирования среды ведет к стабильности и способности акторов достичь общего подхода к решению проблемы[35].

С инструментальной точки зрения, делая акцент на значении и роли идей и информации как самостоятельных факторов, влияющих на среду и структуру, сторонники конструктивизма настаивают на том, чтобы лица, ответственные за решения, активно использовали такие «мягкие» ресурсы, как управление информацией, обучение и производными от них инструментами.

Инструментальное наполнение внешнеэкономической политики рассматривается в подразделе теории международных отношений – международной политической экономии (МПЭ). До недавнего времени информационно-идеологические факторы не рассматривались в рамках данной дисциплины в качестве важных или влиятельных при формировании экономической политики страны на глобальных рынках. МПЭ была поразительно невосприимчива к влияниям из социологии. Коллективные верования, придающие смысл окружающему миру, отсутствовали как предмет анализа в МПЭ. Действительно, МПЭ - последний бастион материалистов и рационалистов, которым пришлось поделиться интеллектуальным полем на всех остальных направлениях анализа.[36] Сейчас и эта область знания подверглась серьезному анализу со стороны конструктивистов. Их исследования в области МПЭ дополняют общую конструктивистскую парадигму. Ход критической мысли строится, в том числе, и вокруг опровержения рациональ-

ности в условиях неопределенности.

Марк Блиф и его коллеги говорят о том, что рациональность в принятии решения достижима только при выполнении условия о том, что агенту известен полный спектр возможных решений и их последствий. Выполнение этого условия маловероятно и, скорее всего, встречается редко в политике. Если информация по-разному перерабатывается разными акторами, или если информация неравномерно распределена, интересы не могут определяться структурным положением агента и не могут рассматриваться как заданные.[37]

Концепция интереса предполагает наличие не признаваемых открыто, но очень важных родственных интересам категорий, таких как потребности, убеждения и желания. Эти родственные категории аналитически неотделимы от интересов и должны считаться частью концепции интереса как таковой. Если применить эту точку зрения, определение интереса актора не сводится к распознаванию воздействия на него структуры[38], но к пониманию его потребностей, опосредованных в убеждениях, желаниях и более широком социальном контексте поведения. Интересы – это социальные конструкты. Рави Абделал и Марк Блиф пишут о том, что «нужно воспринимать то, чего хочется, как конструкцию, а не материально обусловленный рефлекс, потому что мы хотим того, чего мы хотим, из-за того, как мы об этом думаем, а не в виду внутренних характеристик желаемого объекта»[39].

Конструктивисты подчеркивают, что ситуации неопределенности[40] качественно отличаются от ситуации риска. В ситуации неопределенности интересы должны рассматриваться как конструируемые. Джон Кейнс был первым, кто заметил, что в условиях постоянной неопределенности стабильность возникает путем создания общих представлений о способе работы рынков, так называемых рыночных конвенций. Как отметил Франк Доббин, «конвенции в широком смысле - это поведенческие сценарии на коллективном уровне, которые управляют действием».[41] В МПЭ конвенции - разделяемое агентами понимание того, каким образом устроена экономика и как она работает в нормальных условиях. Конвенции – самоподдерживающиеся, разделяемые в обществе идеи и нормы, которые координируют ожидания экономических агентов. При этом эти конвенции воспроизводятся действиями агентов по ходу времени. Поэтому продвижение экономической стабильности зависит от координации ожиданий экономических агентов путем сохранения таких конвенций.[42] Остается открытым вопрос, каково соотношение в мировой политике ситуаций риска, где применима «обычная» рациональная логика, к ситуациям неопределенности, в которых интересы изменяются наряду с обстоятельствами.

В противовес рационально-материалистическому подходу, конструктивистская МПЭ утверждает следующее: ожидания и коллективные представления экономических агентов создают отношения зависимости в экономике путем изменения собственных представлений агентов об интересах других агентов, от которых зависит реализация их собственных коллективно конструируемых интересов. Вот почему то, будет ли какая-то конвенция считаться правильной или нет, зависит от того, насколько широко она распространена.[43]

Нормы, которыми управляется международная экономика, часто constitutive – то есть, они приводят к определенным выводам относительно того, какое состояние экономики подразумевается, если проводится определенного вида экономическая политика. Эти нормы часто неформальны. Их легитимность определяется в ходе взаимодействия рынка и государств[44]. Существует три основных механизма, которые позволяют конструировать идентичность и поведенческие нормы: убеждение, социализация и манипуляция.[45]

Здесь стоит отметить, что представленная конструктивистами логика и механизмы формирования предпочтений, которые они задействуют в своих теориях, практически идентична последним разработкам институционалистов, таких, как Дж. Кэмпбел. Три основных механизма формирования норм поведения институционалисты дополняют образованием.[46] Дальнейшее взаимообогащение и, возможно, постепенное сращивание этих двух школ в ТМО, на наш взгляд, неизбежно.

В ходе проведенного анализа мы обнаружили, что в рамках рационализма в теории международных отношений моделируются в основном ситуации риска. При этом в политическом реализме наблюдается отсутствие формулировок действенных механизмов перехода с микро- на макроуровень анализа и ретрансляции объективных интересов государства на уровень лиц, принимающих политические решения. В либерализме носителем интереса является индивид, а над решением выше обозначенной проблемы ведется работа сторонниками теории политических рынков, общественного выбора[48] и бюрократической политики[49].

По мнению Майлза Калера, методологическая слабость, состоящая в «излишне простом переходе с уровня индивида на уровень коллектива или группы (collective action problem)» объединяет рациональные и нерациональные подходы к анализу процесса принятия решения[50]. Решение этой проблемы активно дискуссируется в рамках социологического подхода к ТМО и институционализма. Вероятно, для дальнейшего обогащения знаний потребуется интеграция в теорию международных отношений моделей интер- и интра-группового взаимодействия, разработанных в социологии. Дальнейшее взаимопроникновение политологической теории принятия решений и социологических моделей стоит только приветствовать.

Таблица 1

Основные параметры теорий международных отношений относительно концепции «интерес»

Парадигма в ТМО	Политический реализм	Либерализм	Конструктивизм
Основной вопрос	Как среда определяет поведение государства?	What is policy?	Какие социальные факторы воздействуют на policy-making?
Методология и уровень анализа	Методологический холизм; системный подход, макро-уровень	Методологический холизм и методологический индивидуализм, в зависимости от решаемой задачи	Методологический индивидуализм, микро-уровень
Носитель интереса (main acting agent)	Рационально действующее государство	Рационально действующие ЛППР[1], экономические группы, партии, в меньшей степени государство	ЛППР, социальные группы
Отношения агент-структура (Agent– Structure Relationship)	Политика государства в международной среде определяется его позицией в структуре	Международные режимы и институты способствуют сотрудничеству акторов в МО, ограничивая свободу выбора политического	
Модель конкуренции	Анархия = конкуренция с использованием преимущественно некооперативных стратегий	Конкуренция с применением преимущественно кооперативных стратегий	Управляемая конкуренция, ее тип согласовывается участниками рынка
Степень определенности контекста или ситуации	Ситуация риска	Ситуация риска, управление риском как нормальной для рынка ситуацией, в том числе и в условиях информационной недостаточности	Ситуация неопределенности, в которой не существует решений по исторической аналогии
Концепция интереса	«Национальный» интерес = объективно существующий государственный интерес; определяется как фиксированная за рамками основной модели переменная, состоит из военной безопасности (выживание государства) и экономического благосостояния государства	Интерес субъективен, четко не определяется, поскольку остается за рамками основной модели; при этом интерес - основной мотивирующий фактор в поведении индивида или ЛППР, отражающий его предпочтения (как у рационального максимизатора в неолиберальной экономической теории	Интерес индивида – социально конструируемые объективированные предпочтения личности; интерес формируется и изменяется под влиянием окружающих людей, образования, внушения и т.д.
Механизм реализации интереса	Максимизация полезности на основе оценки вероятности	Максимизация полезности на основе оценки вероятности	Интерес продвигается путем воздействия идей на восприятие индивида – через образование, социализацию, пропаганду и с помощью других «мягких» инструментов
Тип действия в отношении интереса	Защита «национальных интересов»	Реализация, преследование и соблюдение собственного эгоистического интереса актора	Продвижение интереса актора
Основной тип взаимодействия акторов	Война, конфликт, игра с нулевой суммой	Обмен и сотрудничество	Создание разделяемых всеми участниками конвенций, изменение интересов других акторов к своей выгоде
Подход к анализу процесса принятия политического решения [47]	Выбор решения осуществляется единым и рационально мыслящим лидером на основе национального интереса	Теория политических рынков: решение рассматривается как результат торга – сложной игры между членами бюрократической иерархии, правительственного аппарата и т.д., каждый представитель которых имеет свои интересы, свои позиции, свои представления о приоритетах внешней политики государства.	ЛППР находятся в сложном окружении и располагают неполной ограниченной информацией. Кроме того, они не в состоянии оценить последствия того или иного выбора. В такой обстановке им приходится расчленять проблемы, редуцируя используемую информацию к небольшому числу переменных
Ситуация в мировой политике, в которой эта группа теорий наиболее применима	Ситуация конфликта и конфронтации, борьба за относительные выгоды	Сотрудничество по поводу решения общей проблемы для достижения абсолютных преимуществ	Ситуация структурных изменений в международной среде, характеризуемая высокой степенью неопределенности

[1]ЛППР – лица, принимающие политические решения

Заключение. Существующий подход к определению категории «национального интереса» в политическом реализме представляет собой результат произвольного переноса изначально разработанного в рамках методологического индивидуализма, свойственного основному направлению неолиберальной экономической теории, термина «интерес индивида» на макроуровень государства. Политическими реалистами был взят за основу холистический подход к государству, типичный для истории, военной стратегии и геополитики. В ходе развития содержания теоретических концепций реализма государство было наделено ими свойствами и признаками экономического индивида – интересами, рациональностью, агрессивностью и т.п. Для объяснения поведения государств на международной арене были применены ранее разработанные экономистами модели анализа поведения экономических субъектов. Вместе с моделями были заимствованы, практически без адаптации к политическому содержанию процесса, и основные предпосылки, на основе которых экономисты выстраивали эти модели.

При этом, государство в течение долгого времени, вновь в силу холистской методологии реализма, рассматривалось ими не как социальная или какая-то иная общность или сумма отдельных личностей и групп, а как единое целое. Сочетание двух категорий, рожденных на разных уровнях анализа и абстракции - «государства» и «интереса», - привело к тому, что категория «национального интереса» или «интерес нации-государства» в течение долгих лет остается камнем преткновения и объектом споров. И не только между представителями различных школ ТМО, оперирующими интересами профессионально, но и в практической сфере государственной политики. Может ли субъект – в данном случае государство, - не обладающий единым разумом, иметь единый объективный интерес? Вот главный вопрос, на который реалисты отвечают положительно, а все остальные - отрицательно.

Вслед за экономистами, сторонники либеральных взглядов считают, что интерес как осознанное предпочтение, присущ, прежде всего, индивиду, принимающему, в том числе, политические решения на основе рациональной логики. При этом стоит подчеркнуть, что именно рациональная основа объединяет подходы реалистической и либеральной школ к определению интереса в ТМО. Однако признание рациональности поведения различных акторов не является достаточным основанием для полного снятия противоречий между сторонниками этих двух подходов в понимании роли, которую играет интерес в политических решениях. Несмотря на то, что либералы не признают научного содержания за термином «национальный интерес», их точка зрения не является на сегодняшний день доминирующей. К национальному интересу попрежнему апеллируют заинтересованные в объективации государственного интереса политики.

Сторонники либеральной парадигмы придерживаются рационализма со смягченными постулатами рациональности. Международная среда характеризуется взаимозависимостью различных акторов, к которым относятся и «не государства». Хотя российская историография относит институционалистов к общей группе неолибералов в ТМО, на Западе их выделяют в отдельную подгруппу в силу наличия в их теориях яркого дифференциатора – роли, которую они приписывают общественным институтам и идеям в формировании внешней политики акторов международной среды.

Институционалисты и конструктивисты в ТМО иначе определяют саму природу интереса. Они считают интерес социально детерминируемым, а не врожденным, и, следовательно, меняющимся под влиянием различных факторов и обстоятельств. Так, интерес индивида изменяется под воздействием новых идей, информации, норм и других институтов в широком понимании этого термина. Однако, несмотря на близость их последних теоретических изысканий, институционалисты, верящие в принцип рациональности, отстоют от конструктивистов, которые смогли успешно проанализировать процесс формирования предпочтений и интересов, но пока не выработали простой в практическом анализе модели этого процесса.

Осознав в ходе своих исследований, что определенное понимание своего интереса индивидом закладывается социально конструируемой, воспитываемой логикой поведения, конструктивисты еще раз подчеркнули важное значение таких инструментов, как управление информационными потоками, рейтинги, пропаганда во внешней и внутренней политике государств. Разработанный в рамках лингвистического конструктивизма метод деконструкции весьма интересен для анализа уже принятых решений. С другой стороны, обратная логика позволяет конструировать определенные решения, с учетом реакции на них целевых аудиторий в рамках инструментария PR. Дальнейшее изучение политических и экономических механизмов реализации и продвижения интересов на разных уровнях анализа позволит, на наш взгляд, существенно расширить современное понимание процесса принятия политических решений и формирования стратегий различных акторов мировой политики.

Savelieva M. Evolution of use of the term "interest" in the theory of the international relations

Summary: *The article compares realist, liberal and constructivist paradigms in theory of international relations in terms of what level of analysis scholars belonging to each paradigm apply to the originally created by economists concept of "interest." Mechanisms for interest realization, bearers of interest and context which surrounds the usage of this term – are the main objects of the author's analysis.*

Ключевые слова

теория международных отношений, конструктивизм, либерализм, реализм, концепция «интереса»

Keywords

theory of international relations, realism, liberalism, constructivism, concept of "interest."

Примечания

1. Савельева М.А. Истоки термина «интерес» в социально-экономическом знании. Неопубликованная работа, 2008.
2. Kahler, Miles. Rationality in IR. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), Pp. 920.
3. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, - 2002. - С. 289.
4. Здесь, на наш взгляд, есть прямая ссылка на геополитику.
5. Моргентау. Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир.// Социально-политический журнал. – 1997. - №2. Первое издание вышло в 1948 году.
6. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, - 2002. - С 295.
7. Там же, С. 290-291.
8. Kahler Miles, Rationality in International Relations. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P.930.
9. Waltz, Kenneth. 1979, Theory of International Politics. McGraw-Hill. New York, P.81.
10. Там же, С. 301.
11. См. первую колонку в Таблице основных параметров теорий международных отношений относительно концепции «интерес» - далее по тексту статьи.
12. Allison, Graham. 1971. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. 1971. Little, Brown
13. Kahler Miles, Rationality in International Relations. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 931.
14. Там же.
15. Идея двухуровневой игры принадлежит авторству Р. Патнама: Putnam Robert D. Diplomacy and Domestic Policy: The Logic of Two-Level Games. International Organization, Vol. 42 No. 3 (Summer 1988), Pp.427-460.
16. Milner, Helen. Interests, Institutions and Information. Princeton, NJ: Princeton University Press. - 1997, P.420.
17. Kahler Miles, Rationality in International Relations. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 932.
18. Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and his Critics. // Ed.by Stefano Guzzini, Anna Leander, 2006. Antony Rowe Ltd., Chippenham, Wiltshire, - 2006 – 276, P. 2.
19. См. Axelrode, Robert and Robert O. Keohane.1986, Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. In Cooperation under Anarchy, edited by Keneth A.Oye. Princeton, N.J.: Princeton University Press, P. 229; Jervis, Robert. 1988. Realism, Game Theory and Cooperation. World Politics 40:317, P.317-319; Organization 50,1, Winter 1996, P.69.
20. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, - 2002. – С. 292.
21. Там же, С. 293.
22. Moravcsik A. A Liberal Theory of International Politics, P. 35. Цит. по: and Cohen J. Benjamin. Theory and Structure in International Political Economy. An International Organization Reader, MIT Press: Cambridge Massachusetts and London, 1999.
23. Ibid.
24. Ibid, P. 37-38.
25. Keohane, Robert O. The demand for international regimes, International Organization 36,2, Spring 1982, P.331.
26. Kahler Miles, Rationality in International Relations. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P. 932.
27. Yee Albert S. The Causal Effect of Ideas on Politics. International Organization, Vol. 50, No. 1, (Winter) 1996, Pp. 69-108, а также Campbell (2004) и другие его работы.
28. Keohane, Robert O. The demand for international regimes, International Organization 36,2, Spring 1982, P.328.
29. Hirschman, Albert O. The Passions and the Interests. Princeton: Princeton University Press. 1997. // Цит. по Campbell John L. Institutional Change and Globalization. Princeton University Press, 2004.- P. 91.
30. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). - P. 2.
31. Wendt Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics (1992) in: Lipson, Charles and Cohen J. Benjamin. Theory and Structure in International Political Economy. MIT Press, London, 1999. - P.81.
32. Там же P.82.
33. Там же P. 83.
34. Другие примеры См. работах Ruggie, John. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge. International Organization, Vol.52? No.3, Autumn 1998, Pp. 855-885. и Fligstein Neil, Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. American Sociological Review, Vol. 1 No. 4 (Aug. 1996), Pp.656-673.
35. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). - P. 13.
36. Ibid, P. 2.
37. Там же, С.5.
38. Здесь авторы явно ссылаются на распространенное в неореализме убеждение.
39. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). - P.13.
40. Kight, Frank. Risk, Uncertainty and Profit, 1921 – Цит. по Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). – С.14.
41. Frank Dobbin, "The Sociological View of the Economy," in The New Economic Sociology, ed. Frank Dobbin. - Princeton, N.J.: Princeton University Press, - 2004.
42. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). - P.21.
43. Keynes, John Maynard. The General Theory of Employment, Quarterly Journal of Economics, vol. 51, no. 2 (1937), Pp. 213-4. Цит по выше указ. сочинению.- С. 24 и далее.
44. Abdelal, Rawi and Mark Blyth, and Craig Parsons. Constructivist Political Economy, January 14, 2005 (Web-publication). - P.23.
45. Ibid, P.30.
46. Campbell John L. Institutional Change and Globalization. Princeton University Press, 2004.
47. Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. P., 1988. Цит. по: Цыганков П.А. Теория международных отношений. – С. 70.
48. Из отечественных экономистов часто обращается к теории общественного выбора в качестве инструмента анализа. Например, см. Афонцев С.А., Методологические основы современного экономико-политического анализа, // Истоки, выпуск 3. М.: Высшая школа экономики, - 1998 и др. его работы.
49. Цит. по: Цыганков П.А. Теория международных отношений, – М.: Гардарики, - 2002., С. 70.
50. Kahler, Miles. Rationality in International Relations. International Organization, Vol. 52 No. 4 (Autumn 1998), P.922.

Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели

Г.М. Костюнина

В статье рассмотрены интеграционные тенденции в Восточной Азии, являющейся самым динамично развивающимся регионом мира. Главным региональным интеграционным объединением здесь выступает АСЕАН - центр региональной интеграции, которая продолжает формирование к 2015 г. АСЕАНовского экономического, политического и социокультурного сообщества. В данной работе анализируются модели общерегионального интеграционного соглашения (АСЕАН+1, АСЕАН+3, АСЕАН+6), а также позиции ведущих стран в отношении формирования Восточноазиатского экономического сообщества к 2020 г.

Динамичный экономический рост, реформирование экономической структуры и трансформация из отсталого региона в высокоразвитый регион за исторически короткий период в 50 лет стимулировали превращение Восточной Азии в глобальную промышленную фабрику и активизировали в ней интеграционные процессы. И все это - несмотря на нехватку природных ресурсов и высокий уровень бедности. Немалая роль в указанных процессах принадлежит Японии, которая оказала экономическое содействие в становлении и развитии промышленной базы и научно-технической сферы многих стран Восточной Азии. В том числе и благодаря переводу отдельных видов производств японских ТНК сначала в Сингапур, Гонконг, Республику Корею и Тайвань - азиатские НИС первой волны, впоследствии – в Малайзию, Таиланд, Филиппины, Индонезию - НИС второй волны, обладавшие дешевой и одновременно квалифицированной рабочей силой.

Такая модель «догоняющего» развития получила название «стаи дикиМИД Российских гусей» (wild flying geese), когда во главе стаи находится Япония, а далее с определенным (а именно, временным) интервалом летят другие «гуси» - страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Рыночные механизмы стимулировали интеграционные тенденции в Восточной Азии на основе формирования региональной производственной цепочки стран с использованием их конкурентных преимуществ и укрепления взаимного экономического сотрудничества. В отличие от практики Европы и Северной Америки, где интеграционные процессы начинались с торговой либерализации, в Восточной Азии отправной точкой стало финансовое сотрудничество в рамках Чиангмайской инициативы. Подписана сеть своп-соглашений для противостояния финансовым кризисам, объем которых изначально составлял 70 млрд.долл., затем увеличился в два раза. В регионе не раз поднимался вопрос о формировании «иенового» блока с введением единой валюты, была разработана модель азиатской валютной единицы – ACU (Asian currency unit) по аналогии с европейским ЭКЮ, применявшимся в рамках Европейской валютной системы.

АСЕАН как центр интеграционных процессов в Восточной Азии. В течение нескольких десятилетий в регионе действовало только одно интеграционное объединение – Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of South East Asian Nations, ASEAN) в составе 5 стран (Сингапур, Малайзия, Филиппины, Индонезия, Таиланд), в последующие годы присоединились еще 5 государств (Бруней, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма). АСЕАН была создана в 1967г. в целях формирования таможенного союза и стабилизации военно-политической обстановки в Юго-Восточной Азии.

Костюнина Г.М. – д.э.н., профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

До начала 90-х годов XX века интеграционные успехи АСЕАН были минимальными: была создана зона преференциальной торговли с многочисленными исключениями и небольшим охватом товаров взаимной торговли, а также развивалось взаимное производственное сотрудничество в рамках компенсационной схемы (совместного использования имеющихся у стран-участниц ресурсов). Начиная с 1992 г., когда были приняты решения Сингапурского саммита о зоне свободной торговли АСЕАН-АФТА (ASEAN Free Trade Area), интеграционные процессы интенсифицировались.

Это привело к формированию зоны свободной торговли в 2000 г. для шести государств и в 2003 г. - для Вьетнама, либерализации взаимных инвестиций, развитию экономического и неэкономического сотрудничества. В 2003 г. было принято решение о реализации амбициозного проекта по созданию АСЕАНовского сообщества как трех сообществ – экономического, политического и социокультурного. Основные документы по формированию АСЕАНовского сообщества - Стратегические рамки Инициативы по интеграции в АСЕАН на 2009-2015 гг. и Дорожная карта по формированию Сообщества АСЕАН на 2009-2015 гг.

Экономическое сообщество призвано создать единый рынок и производство, содействовать формированию конкурентоспособного экономического региона в Юго-Восточной Азии, глубоко интегрированного в мировую экономику. В рамках формирования экономического сообщества намечено:

(1) полностью ликвидировать таможенные пошлины к 2015г. для стран Индокитая (Лаоса, Камбоджи, Мьянмы);

(2) ликвидировать в том числе на основе принципа стэндстил и повышения прозрачности, нетарифные барьеры к 2010 г. для АСЕАН-5, к 2012 г. - для Филиппин, и к 2015 г. - для остальных стран-участниц,;

(3) либерализовать торговлю услугами к 2013 г. на основе полной отмены ограничений в отношении четырех форм торговли услугами, а также в отношении транспортных услуг, медицинских и туристических услуг, электронной коммерции к 2010 г. и остальных сфер услуг - к 2013г.;

(4) в отношении свободных инвестиционных потоков – содействовать формированию инвестиционной зоны АСЕАН, либерализовать перемещение инвестиций и капитала на основе устранения ограничений;

(5) достичь свободного перемещения лиц квалифицированного труда на основе:

— упрощения процедур получения виз и разрешений на работу;
— укрепления связей между университетами в целях усиления мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава в рамках Юго-Восточной Азии;
— разработки четких компетенций и квалификационных требований в отношении рабочей силы в приоритетных отраслях - к 2009 г. и в остальных отраслях - к 2010-2015 гг.

Политическое сообщество нацелено на укрепление безопасности, демократии и мира в регионе, поддержку верховенства законов и прав человека. Социально-культурное сообщество АСЕАН должно привести к укреплению солидарности и единства народов, формированию социально ориентированных государств, способных успешно решать социально-экономические проблемы населения стран-участниц. В 2007г. был подписан Устав АСЕАН, который вступил в силу с 15 декабря 2008 г. на основе ратификации государствами-членами. В Уставе зафиксирована в качестве основных целей организации реализация всех трех вышеупомянутых сообществ.

Один из основных показателей достигнутого уровня интегрированности стран Ассоциации – доля взаимного экспорта в совокупном экспорте. Она возросла с 15% в 1980 г. до 25,5% в 2008 г. Хотя показатель существенно уступает показателям в ЕС, НАФТА или даже АТЭС, но это самый высокий уровень среди интеграционных объединений с участием только развивающихся государств. За 1987-2009 гг. совокупный ВВП АСЕАН увеличился с 264,3 млн. долл. до 1.499,4 млрд.долл., за 2005-2009 гг. среднедушевой ВВП в текущих ценах – с 1.606 долл. до 2.534 долл.[1]

АСЕАН является центром экономической интеграции в Восточной Азии. В активизации восточноазиатского регионализма большую роль играют соглашения о зонах свободной торговли, подписанные АСЕАН и другими государствами региона. Если рассматривать этот процесс в хронологическом порядке, то первое соглашение подобного рода было подписано в 2004 г. между АСЕАН и Китаем (ASEAN-China FTA, ACFTA) как соглашение о торговле товарами. Ему предшествовали соглашение 2001 г. и Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве 2002 г. Их цели состояли в:

— укреплении экономического, торгового и инвестиционного сотрудничества;
— проведении прогрессивной либерализации и содействии торговле товарами и услугами;
— формировании прозрачного и либерального инвестиционного климата;
— активизации включения стран Индокитая в интеграционные процессы на основе постепенного сокращения разрыва в уровнях экономического развития.

С 2007 г. вступило в силу соглашение о торговле услугами, которое предоставляет национальный режим услугам и поставщикам услуг, и с 2010г. – инвестиционное соглашение, призванное сформировать прозрачное пространство взаимных инвестиций и либерализовать инвестиционный климат стран-участниц.

Соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Республикой Корея (ASEAN-Korea FTA, AKFTA) действует с июня 2007г. (для Таиланда с 2009 г., после подписания Протокола о присоединении). В соответствии с нормами

соглашения, таможенные пошлины были ликвидированы в отношении 90% товаров взаимной торговли, на другие товары они будут снижены на 20% к 2012 г. и до 0-5% к 2016 г. Еще 40 товарных позиций были исключены из либерализационных списков. Соглашение также регулирует:

— проблемы доступа на рынки на основе принципа взаимного признания;
— таможенные процедуры;
— правила определения страны происхождения товара;
— разрешение взаимных споров.

В отношении услуг было подписано отдельное соглашение, которое вступило в силу с мая 2009г., как и инвестиционное соглашение между АСЕАН и Республикой Корея.

В 2009 г. состоялось подписание соглашения с Австралией и Новой Зеландией о создании зоны свободной торговли ААНЗФТА (ASEAN-Australia-New Zealand FTA, AANZFTA), которое в силе с 2010 г. для Австралии, Новой Зеландии и 7 стран АСЕАН (Брунея, Вьетнама, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин). Данное соглашение носит комплексный и всеобъемлющий характер, является единственным соглашением так называемого высокого стандарта, которое подписала Ассоциация со странами - партнерами по диалогу. Оно охватывает товары, услуги, мобильность физических лиц и инвестиции. Цели рассматриваемого соглашения:

— либерализация торговли товарами и услугами;
— стимулирование взаимных инвестиционных возможностей на основе формирования благоприятного инвестиционного климата;
— разработка рамок сотрудничества по укреплению, диверсификации и расширению торговли, инвестиционных и экономических связей между сторонами;
— предоставление специального и дифференцированного режима странам АСЕАН, прежде всего, государствам Индокитая.

В торговле товарами предусмотрена ликвидация таможенных пошлин, взаимное признание в отношении доступа на рынки, общие правила происхождения, регулирование таможенных процедур. В рамках торговли услугами гарантируется режим не менее благоприятный, чем режим, предусмотренный и согласованный в рамках особых обязательств (в отношении бизнес-услуг, телекоммуникационных, строительных, образовательных, дистрибьюторских, экологических, финансовых, туристско-рекреационных и транспортных услуг). Инвестиционные нормы включают:

— проведение либерализации инвестиционных режимов;
— предоставление национального режима, компенсацию убытков, беспрепятственный перевод инвестиций;
— регулирование экспроприации и компенсации; порядок разрешения инвестиционных споров.

Одна из отличительных черт зоны свободной торговли ААНЗФТА связана с вопросами мобильности физических лиц, участвующих в торговле и инвестициях; с упрощением формальностей при предоставлении права на временную резиденцию для физических лиц стран-участниц, въезжающих на территорию другого государства-партнера. Еще один существенный аспект рассматриваемого соглашения – регламентация прав интеллектуальной собственности и их защита в соответствии с международными нормами, предусмотренными в соглашениях ТРИПС, Международной конвенции о промышленной собственности и т.д. Данная зона свободной торговли в итоге сформирует крупный потребительский рынок с 600 млн. потребителей и объемом совокупного ВВП в 2 трлн. долл.

В 2009 г. вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Японией (ASEAN-Japan FTA, AJFTA), подписанное еще в 2003 г. С момента вступления в силу документа были ликвидированы таможенные пошлины на 91% товаров взаимной торговли. В соглашении также были определены вопросы правил происхождения товаров, взаимного признания, разрешения споров.

С июня 2010 г. действует соглашение о зоне свободной торговли АСЕАН-Индия (ASEAN-India FTA, AIFTA), пока в усеченном составе для Индии, Сингапура, Малайзии, Таиланда, Вьетнама и Брунея. Предусмотрена ликвидация пошлин на 80% товаров взаимной торговли к 2013 г. и 2016 г. (для Филиппин – к 2018 г.). Исключение касается чувствительных и высокочувствительных товаров, в отношении которых ставки сократятся на 25-50% к концу 2019 г. и на 5% к 2016 г. соответственно. Данное соглашение охватывает только торговлю товарами.

Все соглашения о зонах свободной торговли АСЕАН с отдельными восточноазиатскими странами, таким образом, вступили в силу. В их рамках создан (с Китаем) или продолжается процесс формирования зон свободной торговли (с Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией). Ликвидированы таможенные пошлины на подавляющую часть товаров (в объеме 80-90% товарных позиций). Все соглашения регулируют либерализацию торговли товарами, что касается других сегментов формируемых общих рынков, то здесь имеются отличия. Вопросы либерализации торговли услугами отсутствуют в рамках зоны свободной торговли АСЕАН и Японии, АСЕАН и Индии. Инвестиционное регулирование не предусмотрено в соглашениях АСЕАН с Республикой Корея, Японией и Индией. Мобильность физических лиц и упрощение формальностей в отношении перемещения лиц из одной страны в другую страну, а также политика по правам интеллектуальной собственности определена условиями только одного соглашения о зоне свободной торговли – ААНЗФТА (АСЕАН с Австралией и Новой Зеландией).

Таблица 1

Зоны свободной торговли между АСЕАН и отдельными странами Восточной Азии

Соглашение	Год	Таможенная либерализация	Услуги	Углубленная интеграция
АСЕАН-Китай	2005	постепенная	Отдельные сферы	Ограниченная ЗСТ
АСЕАН-Республика Корея	2007	Достаточно быстрая	Отдельные сферы	ЗСТ «новой эры»
АСЕАН-Япония	2008	постепенная	переговоры	Ограниченная ЗСТ
ААНЗФТА	2009	Достаточно быстрая	Комплексное покрытие	Умеренная ЗСТ
АСЕАН-Индия	2009	постепенная	исключены	Ограниченная ЗСТ

Примечания: Достаточно быстрая таможенная либерализация – ликвидация пошлин на 85% тарифных позиций в течение 2-5 лет; постепенная либерализация – постепенно ликвидировать или сократить ставки пошлин в течение более длительного периода времени.

По услугам: комплексное покрытие – включены все пять ключевых сфер услуг в соответствии с ГАТС (бизнес и профессиональные услуги, коммуникационные услуги, финансовые услуги, транспортные услуги, мобильность рабочей силы).

По углубленной интеграции – ограниченная зона свободной торговли предусматривает либерализацию только торговли услугами, или определенных сфер услуг, или охватывает одну из 5 ключевых сфер услуг. ЗСТ «новой эры» содействуют углублению интеграции и включают все четыре Сингапурских вопроса и положения по экономическому сотрудничеству. Умеренная ЗСТ охватывает три сингапурских вопроса; ограниченная зона свободной торговли включает 1-2 сингапурских вопроса, независимо от наличия или отсутствия положения о взаимном экономическом сотрудничестве.

Интеграционная практика Восточной Азии отличается применением так называемых Сингапурских вопросов, как всех четырех, так и отдельных при подписании соглашений о зоне свободной торговли. Еще на Министерской конференции ВТО в Сингапуре (1996 г.) были разработаны направления глубокой экономической интеграции в рамках модели ВТО+, - инвестиции, конкурентная политика, государственные закупки и содействие торговле. Но из-за разногласий между странами в повестку дня Дохийского раунда переговоров вошло только одно направление – содействие торговле, остальные были исключены.

Зоны свободной торговли высокого стандарта (или глубокой экономической интеграции) стимулируют углубление интеграции на основе всех четырех направлений «Сингапурских вопросов». В зависимости от количества этих направлений, в мире различают зоны свободной торговли высокого стандарта (включены все четыре направления), умеренные зоны свободной торговли (включены 3 направления) и зоны свободной торговли ограниченные (1-2 направления).

Если проанализировать многочисленные соглашения о зонах свободной торговли или об экономическом партнерстве, подписанные восточноазиатскими странами, то они не отличаются т.н. высокими стандартами. Как известно, правила ВТО разрешают развивающимся государствам отступать от норм статьи XIY ГАТТ на основе «развязывающей оговорки» и не охватывать всю или почти всю взаимную торговлю. Исключением является японская интеграционная практика, где подписаны соглашения высоких стандартов, хотя часто исключает из взаимной либерализации сферу сельского хозяйства.

Современный этап восточноазиатской регионализации. Восточная Азия вступила на путь развития интеграционных процессов гораздо позднее других регионов мира (не считая АСЕАН, созданной во второй половине 60-х годов). Данный процесс активизировался с рубежа 1990-2000-х годов. Согласно данным Азиатского банка развития, количество интеграционных объединений возросло с 3 в 2000 г. до 54 в 2007 г., из них 40 объединений реально функционируют, еще 78 соглашений находятся в стадии переговорного процесса. Если подсчитать количество интеграционных объединений в расчете на одно государство, то данный показатель плотности интеграционных объединений составляет 3,4 в Азии и, для сравнения, в Америке – 2,2[2]. Наиболее активны в создании региональных интеграционных объединений такие государства региона, как Сингапур (18 соглашений), Япония (11) и Китай (10).

Таблица 2

Региональные интеграционные соглашения в Восточной Азии[1]

Страна	Действующие соглашения	Подписанные соглашения	Переговорный процесс
Япония	10	-	7
Сингапур	18	1	11
Республика Корея	6	1	16
Тайвань	4	-	3
Китай	10	0	12
Таиланд	6	2	14
Индия	10	1	21
Австралия	3	0	6
Новая Зеландия	5	1	4

[1]ADB FTA Database.Электронный ресурс: www.aric.adb.org/ 15 January 2010.

Из числа основных факторов, содействующих динамике интеграционных инициатив в Восточной Азии, можно выделить:

— динамичный экономический рост в государствах региона;
— показательный эффект успешности интеграционных процессов в Европе и Северной Америке;
— последствия азиатского финансового кризиса конца 90-х годов;
— сложности торговой либерализации на многостороннем уровне в рамках ВТО.

Немаловажную роль в усилении восточноазиатского регионализма сыграл диалоговый механизм АСЕАН+3 в составе стран АСЕАН, Японии, Республики Корея и Китая, который инициировал формирование Восточноазиатского саммита. В 2005 г. состоялся первый Восточноазиатский саммит (East Asia Summit, EAS) в столице Малайзии, г. Куала-Лумпур в составе 16 государств – АСЕАН-10, Японии, Китая, Республики Корея, Австралии, Новой Зеландии и Индии. Статус наблюдателя имеет Российская Федерация. На саммите было принято стратегическое решение о формировании Восточноазиатского экономического сообщества – ВАЭС (East Asian Economic Community) к 2020г. Разработаны несколько моделей ВАЭС, в том числе по формулам АСЕАН+6, АСЕАН+3, АСЕАН+1+1+1.

Модель АСЕАН+3 предполагает создание Восточноазиатской зоны свободной торговли (East Asia Free Trade Agreement, EAFTA) в составе 10 государств АСЕАН, Японии, Китая и Республики Корея на основе поэтапного подписания соглашения между АСЕАН и отдельными странами Северо-Восточной Азии (которые уже подписаны и вступили в силу). Предусмотрено также подписание общего соглашения об интеграции. Другой возможный вариант – формирование зоны свободной торговли в Северо-Восточной Азии между Японией, Китаем и Республикой Корея, и в последующем – подписание соглашения между северо-восточноазиатскими и юго-восточноазиатскими государствами об общей зоне свободной торговли. Первый вариант более предпочтителен с учетом больших политических противоречий между Японией и Китаем и сложности достижения консенсуса о северо-восточноазиатской зоне свободной торговли (в обмен Япония требует от Китая подписания двустороннего инвестиционного соглашения). Правда, данный фактор может быть ослаблен за счет двусторонних зон свободной торговли. В таких соглашениях заинтересован Китай ради расширения рынков сбыта и снижения торговых барьеров в отношении динамичного китайского экспорта, а значит, в повышении роли и росте конкурентоспособности КНР в мировой экономике. Зато Япония и Республика Корея проявляют в данном вопросе сдержанность. Что касается их двусторонних соглашений, то в их отношении сохраняются нерешенные проблемы, в частности, связанные с:

— конкурентоспособностью сельского хозяйства и рыболовства Республики Корея для Японии;
— конкурентоспособностью японской промышленности и сферы высоких технологий;
— риском роста дефицита взаимного торгового баланса для Республики Корея;
— повышением зависимости корейской экономики от китайского рынка и др.

В целом, в соглашении предполагается исходить из успешной мировой практики, а не только из торговой либерализации (что характерно для классического определения зоны свободной торговли), и затронуть инвестиционную либерализацию, содействие торговле в рамках сокращения трансакционных издержек, активизации взаимных экономических связей в разных областях. То есть, речь может идти о формировании широкоформатной модели зоны свободной торговли (так называемой модели НАФТА или НАФТА+). По оценкам, формирование Восточноазиатской зоны свободной торговли по модели АСЕАН+3 будет стимулировать прирост совокупного ВВП стран-участниц на 1,2% пункта в среднем ежегодно. При этом большего эффекта достигнут страны АСЕАН – рост составит 3,6%, тогда как для трех стран Северо-Восточной Азии – 0,9% в среднем ежегодно[3].

Модель АСЕАН+6 предполагает подписание соглашения о сближении экономического сотрудничества в Восточной Азии (Closer Economic Partnership in East Asia, CEPEA) в целях создания зоны свободной торговли среди 16 государств-участниц Восточноазиатского саммита. Модель основана на подписании отдельных соглашений между АСЕАН, которая признается центром региональной интеграции, и шестью другими странами ВАС. На данный момент подписаны соглашения между АСЕАН, с одной стороны, и отдельными странами-участницами ВАС – Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией. По оценкам, АСЕАН+6 сформирует интеграционное объединение, на долю которого придется 26% мирового ВВП и 49,6% населения мира (3 млрд.человек). Торговая либерализация в 16 странах будет содействовать ежегодному приросту их совокупного ВВП на 1,3%, а в странах АСЕАН – на 3,83%.

Рассмотренные модели АСЕАН+3 и АСЕАН+6 взаимосвязаны и предполагают на первом этапе формирование Восточноазиатской зоны свободной торговли в составе 13 (АСЕАН+3) государств, на втором этапе – подписание соглашения о сближении экономического партнерства между 16 государствами (АСЕАН+6) ВАС в целях создания Восточноазиатского экономического сообщества. По оценке ВАС (о чем было заявлено на втором саммите в Себу в 2007 г.), ведущей концепцией считается модель АСЕАН+3. Но и она, как и другие модели формирования Восточноазиатской зоны свободной торговли, не имеет в качестве основы политику объединения региона Восточной Азии, что было характерно для Евро-

пы в первые послевоенные годы, когда была настоятельная необходимость подъема европейских экономик, пострадавших от фашистской агрессии. По мнению известных экономистов А. Танака и А. Фукушима, между финансовыми (в рамках Чиангмайской инициативы) и торговыми инициативами отсутствует координация, поэтому в Восточной Азии наблюдается регионализация без политики регионализма[4].

В 2009 г. на встрече министров экономики АСЕАН была подтверждена решимость создать крупнейшую в мире зону свободной торговли на поэтапной основе:

— на первом этапе: подписать соглашения и создать зоны свободной торговли между АСЕАН и отдельными странами Восточной Азии, а также Австралией, Новой Зеландией и Индией, и завершить формирование АСЕАНовских сообществ к 2015г.;
— на втором этапе: образовать Восточноазиатскую зону свободной торговли в рамках АСЕАН+3;
— на третьем этапе: сформировать Восточноазиатское сообщество в рамках АСЕАН+6 на основе соглашения о сближении экономического партнерства.

Показателем, определяющим уровень экономической взаимной зависимости региона, является доля внутрирегиональной торговли в совокупном товарообороте, а также темпы роста внутрирегионального товарооборота. Именно доля последней в совокупном товарообороте наиболее четко показывает достигнутый уровень взаимозависимости, ее соотношение с внерегиональной торговлей. В последние десятилетия данный показатель быстро растет по сравнению с показателями других регионов. Уже в 2006 г. Азия обогнала Европу как основной регион по динамике интеграционных процессов. Это характерно для действующей АСЕАН и для моделей АСЕАН+3, АСЕАН+6, что связано с моделью «стаи диких гусей», созданием региональной производственной цепочки и расширением экспорта.

За последние четыре десятилетия Восточная Азия отличается динамичным ростом торговли и на внутрирегиональном уровне, и на внерегиональном уровне, в том числе с ЕС, НАФТА и МЕРКОСУР. За 1967-2007 гг. товарооборот Восточной Азии и Евросоюза возрос с 2% до 8% восточноазиатского ВВП, торговля ВА и НАФТА – с 4% до 9% и торговля с другими азиатскими государствами – с 3,5% до 11% соответственно. Что касается инвестиционной взаимозависимости, то она находится на высоком уровне и составляет 64%, незначительно отстает от показателя Европейского союза (75%) и при этом быстро растет. В целом, рост региональной взаимозависимости в Восточной Азии происходит одновременно с углублением интеграции региона в глобальную экономику.

По многочисленным экспертным оценкам, сложившийся уровень торгово-политического сотрудничества в Восточной Азии соответствует уровню Евросоюза в начале 80-х годов XX века, сотрудничество динамично развивается, причем более быстрыми темпами по сравнению с Европой или Северной Америкой. Однако сохраняется очень важное «но» - глубина интеграционных соглашений (охват сфер взаимного сотрудничества) в Восточной Азии, несомненно, ниже, чем в Европе или Северной Америке. Восточная Азия значительно отстает от ЕС по уровню развития межгосударственного сотрудничества и региональных институтов. Если европейские государства отличаются однородностью, то восточноазиатские страны, напротив, разнородностью по историческим, политическим, экономическим и культурологическим факторам и национальным приоритетам. Именно это является основными барьерами на пути формирования новых региональных институтов, консолидации стран региона, интенсификации сотрудничества и интеграционных тенденций в Восточной Азии. Опыт Евросоюза доказал важность политических, социальных и культурологических факторов, их преобладающую роль в наведении мостов между разными государствами региона.

Следует заметить, что по мере развития различия в показателе политической схожести постепенно выравниваются, что особенно характерно для АСЕАН. Данный показатель для Восточной Азии в конце 2000-х годов был выше по сравнению с показателем в странах ЕС в 1980-е годы.

ВАЭС и ФТААП. Восточноазиатское Сообщество может стать действенным инструментом формирования более крупного интеграционного объединения – зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в рамках концепции ФТААП (Free Trade Area for Asia Pacific - FTAAP). В 2004 г. Консультативным советом АТЭС был предложен проект Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ФТААП), главными сторонниками которого стали США при поддержке Японии, Австралии, Канады и Мексики, то есть государств, которые традиционно поддерживают внешнюю политику американской администрации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на протяжении многих лет. Эта инициатива была утверждена на Ханойском саммите АТЭС в 2006 г.

Каковы причины разработки концепции ФТААП? Основными из них представляются следующие:

— быстрый рост новых интеграционных объединений в АТР на субрегиональном уровне и в двусторонних рамках, которые в перспективе можно объединить в более широкое интеграционное объединение. Именно по этому пути идут многие развивающиеся регионы мира, прежде всего, Латинская Америка;
— сложности завершения первого раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО, известного как Дохийский раунд;
— благоприятная политическая и экономи-

ческая ситуация для формирования интеграционной архитектуры в форме «триады» ЕС, НАФТА и зона свободной торговли в АТР. Подобная концепция была озвучена на рубеже 80-90-х годов прошлого века и даже заслушивалась в Конгрессе США;

— сохранение важности АТЭС в качестве единственного многостороннего форума, связывающего государства по обе стороны Тихоокеанского бассейна и для США, и для ведущих восточноазиатских государств.

Каковы основные инструменты возможной реализации, пожалуй, самого популярного проекта? Есть разные предложения, одно из самых реалистичных и активно поддерживаемых – Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (TransPacific Strategic Economic Partnership Agreement, TSEPA), которое было подписано в 2005 г. и включает 8 государств – США, Австралию, Сингапур, Бруней, Чили, Перу и Вьетнам. Второй вариант формирования ФТААП – сделать акцент на Восточноазиатской зоне свободной торговли или модели Восточноазиатского соглашения о сближении экономического сотрудничества, которая пока так и остается концепцией, но с определенной датой реализации – 2015 г., и продолжающимися исследованиями ее экономической эффективности для стран-участниц.

Каждая из двух основных моделей имеет свои «плюсы» и «минусы», сторонников и противников. Американская модель, опирающаяся на «транстихоокеанское партнерство», невыгодна для стран Восточной Азии, прежде всего, для АСЕАН как интеграционного объединения, ибо ведет к снижению его роли в АТР. На данный момент в «транстихоокеанское партнерство» входят три государства АСЕАН – Сингапур, Бруней и Вьетнам, а Малайзия и Таиланд выразили готовность присоединиться при положительном решении данного вопроса в рамках АСЕАН. Вступление наименее экономически развитых стран Ассоциации – Лаоса, Камбоджи и Мьянмы представляется крайне проблематичным из-за их уровня экономического развития (да и они не входят в состав АТЭС). Еще более проблематичным представляется присоединение ведущих государств – Японии и Китая, что также вызывает немалые сомнения в жизнеспособности данного проекта и его способности объединить в рамках зоны свободной торговли государства по обе стороны Тихоокеанского бассейна.

Для восточноазиатских государств и стран юга Тихоокеанского бассейна более предпочтительна вторая модель, ибо она:

— позволяет консолидировать функционирующие интеграционные объединения вокруг АСЕАН;

— обеспечивает создание Восточноазиатской зоны свободной торговли как первого этапа формирования к 2020 г. Восточноазиатского экономического сообщества, куда войдут не только государства региона, но и Индия, Австралия и Новая Зеландия, имеющие высокую степень экономической взаимозависимости и взаимодополняемости с государствами региона;

— приводит на завершающемся этапе, уже в рамках ФТААП, к подписанию соглашения о зоне свободной торговли между ВАЭС и США, другими странами на востоке Тихого океана.

Позиции стран Восточной Азии в отношении перспектив экономической интеграции. Экономический лидер Восточной Азии – Япония поздно вступила на путь интеграционных процессов (первое соглашение было подписано в 2002 г. с Сингапуром). В этом сказываются и военно-политические причины вероятного несогласия ряда государств региона на то, чтобы Япония стала лидером экономической интеграции в Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Индонезия). Но для Японии важно сохранить лидирующие позиции в будущей интеграционной архитектуре Восточной Азии, не допустить усиления политического влияния Китая. Именно с этой целью Япония настояла на включении в состав ВАС Австралии и Индии как противовесов КНР. До 2000-х годов Япония придерживалась отрицательной позиции американской администрации по формированию подобного объединения в Восточной Азии (в частности, отказавшись на рубеже 80-90-х гг. возглавить, по предложению М. Махатхира, Восточноазиатскую зону свободной торговли). Но уже в 2000-е гг. она выступила с собственной концепцией формирования чисто азиатского интеграционного объединения.

Японское правительство предпочитает использовать в этой связи термин экономическое партнерство, а не зона свободной торговли. Последний считается узким и недостаточно полно определяющим суть подписанных двусторонних соглашений. В Токио разработана модель соглашения об экономическом партнерстве. Такого рода соглашения действуют в экономическом сотрудничестве с Сингапуром (2002 г.), Малайзией (2004 г.), Мексикой (2004 г.), Филиппинами (2006 г.), Индонезией (2007 г.), Чили (2007 г.), Таиландом (2007 г.), АСЕАН (2008 г.) и Вьетнамом (2008 г.). Ведутся переговоры с Австралией и Индией, намечается подобный процесс и в отношении Республики Корея, Китая, Лаоса и Камбоджи. Всего Японией подписаны 13 соглашений со странами АТР об экономической интеграции.

Одна из крупнейших экономических держав мира в целом и Восточной Азии, в частности, – Китай активно использует региональные интеграционные объединения в качестве инструмента торговой политики, что вызвано необходимостью расширить рынки для динамично растущей промышленности. При этом в стране достаточно скептически относятся к идее формирования общерегиональной Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Руководство страны стремится расширить количество интеграционных

соглашений с азиатскими развивающимися странами, от реализации которых можно получить большие по объему и более быстрые экономические преимущества, по сравнению с ФТААП, укрепить свой политический вес в регионе.

Другие причины активности КНР связаны:

— с возможным участием Тайваня в переговорах по ФТААП;
— с приверженностью руководства страны к моделям зоны свободной торговли, которая не требует широкой либерализации взаимных экономических связей и включения чувствительных отраслей национальной экономики;
— с опасениями в отношении укрепления лидирующих позиций США в рамках такого объединения.

Китай подписал 15 соглашений о зоне свободной торговли, в том числе с АСЕАН (2002 г.), Гонконгом (2002 г.), Макао (2003 г.), Таиландом (2003 г.), Чили (2006 г.), Новой Зеландией (2008 г.), Перу (2008 г.), Сингапуром (2008 г.). Переговоры ведутся с Австралией и Тайванем. Для усиления роли Китая в интеграционных процессах в регионе огромное значение имеет подписание соглашения с АСЕАН о зоне свободной торговли как начальный этап формирования экономического противовеса США и Японии с огромным по емкости внутренним рынком в 1,7 млрд. потребителей. Зона свободной торговли АСЕАН - Китай функционирует с 2010 г. для шести государств Ассоциации и Китая, а с 2015 г. – еще для четырех других государств.

С большинством стран АТР у КНР сложилось отрицательное сальдо торгового баланса в силу сохраняющихся торговых ограничений и роста числа торговых споров. Китайская экономика нуждается в расширении рынков сбыта вследствие динамичных темпов экономического роста и темпов роста экспорта, что позволило стране выйти на первую позицию в рейтинге мировых экспортеров по итогам 2009 г. Пекин будет вынужден присоединиться к крупным государствам региона, если они поддержат концепцию ФТААП. Но вместе с тем китайский аналитик Ченг Бинь отмечал, что если концепция ФТААП провалится, то Китай пойдет по пути подписания двусторонних соглашений о зонах свободной торговли, в том числе с Бразилией, Мексикой и Россией.

В сентябре 2010 г. было подписано Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и Тайванем, которое имеет чрезвычайную важность для обеих сторон. Ибо оно позволяет им обсудить структуру и цели будущих обязательств (при условии его ратификации). Намечено с января 2011 г. провести либерализацию взаимной торговли товарами (их список согласован сторонами) на основе снижения таможенных пошлин в течение трех лет. По оценкам, вступление в силу соглашения увеличит взаимный товарооборот до 110 млрд. долл. ежегодно.

Можно отметить, что подход китайского руководства к концепции региональных интеграционных объединений претерпевает изменения: в первых объединениях (например, с АСЕАН или Чили) применялся поэтапный процесс либерализации взаимной торговли товарами, затем торговли услугами и сферы инвестиций. В современных же интеграционных соглашениях (с Сингапуром или Новой Зеландией) зафиксирована комплексная одновременная либерализация и товаров, и услуг, и инвестиций.

Страны Восточной Азии обеспокоены ростом политического и экономического влияния и амбиций Китая. Если страны АСЕАН в 90-е годы выступали против членства США в том или ином азиатском интеграционном объединении, то сейчас нередко на высоком уровне подчеркивается необходимость развития транстихоокеанских связей, сохранения роли США в регионе в качестве противовеса Китаю. Инструментом расширения подобных связей мог бы стать АТЭС, который и задумывался в подобном качестве, но так и не смог осуществить многие поставленные перед ним цели и задачи.

Еще одна динамично растущая азиатская экономика – Индия, строго говоря, не относится к Восточной Азии, но имеет немалый политический и экономический вес в регионе, активно участвует в региональных объединениях, в том числе имеет статус партнера по диалогу с АСЕАН в рамках АСЕАНовского форума региональной безопасности. Географическая близость и традиционность развития экономических, политических и культурных связей с соседними государствами Южной Азии стимулировали подписание соглашений об интеграции именно с данными государствами, из числа таких соглашений следует выделить Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК, 1985 г.). Но в последние полтора десятилетия Индия интенсивно развивает сотрудничество и с государствами Восточной Азии. Основные причины подобной политики, как и в Китае, связаны со стремлением стимулировать торговлю и инвестиции в рамках Юг-Юг на основе формирования зон свободной торговли и как первой ступени формирования более широкого интеграционного объединения с восточноазиатскими государствами.

Выводы. Усиление экономической взаимозависимости стран Восточной Азии стимулирует развитие региональной стоимостной цепочки, финансовых потоков, синхронизацию бизнес-циклов и других форм взаимных экономических и социальных связей. Страны Восточной Азии достигли немалых успехов на пути экономической регионализации, в том числе в рамках АСЕАН и АСЕАН+1. Однако межгосударственное сотрудничество развито слабо, неразвиты финансовые и политические институты, сохраняется слабой и координация их действий. Это подтвердил и современный финансовый кризис в отношении совместного противостояния финансовым потрясениям.

Страны Восточной Азии продолжают процесс формирования общерегионального интеграционного объединения на поэтапной основе, при этом в рамках первого этапа есть реальные достижения – подписание соглашений о зонах свободной торговли между АСЕАН, с одной стороны, и странами Восточной Азии (Японией, Республикой Корея, Китаем).

Kostiunina G. East Asia' Regionalization: Origins and Main Models.

Summary: *The article discusses the integration tendencies in East Asia which is the most dynamic region in the world. The main regional integration agreement is ASEAN which is the hub of regional integration, and continues the formation of ASEAN Community as Economic, Political and Socio-Cultural one by 2015. The author considers the models of region-wide integration agreement such as ASEAN+1, ASEAN+3, ASEAN+6, as well as the position of leading countries on the formation of East Asia Economic Community by 2020.*

Ключевые слова

Экономическая интеграция, Восточная Азия, Восточноазиатское сообщество, АСЕАН, АСЕАНовское сообщество, АСЕАН+1, АСЕАН+3, АСЕАН+6, Япония, Китай

Keywords

Economic integration, East Asia, East Asia Economic Community, ASEAN, ASEAN Community, ASEAN+1, ASEAN+3, ASEAN+6

Примечания

1. Рассчитано на основе данных Секретариата АСЕАН. Электронный ресурс: http://www.aseansec.org/19226.htm; http://www.aseansec.org/18135.htm.
2. Kawai M., Wignaraya G. Asian FTA's: Trends and Challenges. ADBI Working Paper Series. #144 August 2009.-P.4.
3. Там же.-С.12.
4. См.Fukushima A. (2006).Japan's Perspective on East Asian Regionalism. CSIS WP. November, 2006. Tanaka A. (2006). Prospects for East Asia Community. In Challenges to Trilateral Cooperation: The Trilateral Commission. Tokyo Plenary Meeting 2006. April 22-26.

Концепции суверенитета в странах Юго-Восточной Азии

Е.Г. Богданова

В статье анализируются точки зрения народов Юго-Восточной Азии на государственный суверенитет. В ней исследуются различные значения термина суверенитет, основанные на незападной политической философии, с тем, чтобы выработать универсальное понимание концепции суверенитета в век глобализации. Общий вывод заключается в том, что подходы к суверенитету незападных цивилизаций могут обогатить понимание этой концепции, скорректировать вестфальскую форму ее трактовки. Такого рода модернизация теории современного суверенитета способна облегчить человечеству нахождение путей решения тех глобальных проблем, перед которыми оно оказалось при переходе к новому цивилизационному этапу своего развития.

Суверенитет – центральная концепция в международных отношениях, международном праве, политической теории, политической философии и современной истории. Возникнув в Европе, она, вполне очевидно, не могла быть воспринятой в точности в других цивилизациях. Для разных народов это понятие означает разные вещи и неоднозначно в своем применении. Во второй половине XX в. число государств на Земле прирастало в основном за счет незападных цивилизаций. И если учесть, что число их возросло с 60 до почти 200, то становится понятно, что без учета цивилизационных различий в подходе к концепции суверенитета вряд ли возможно будет правильно спрогнозировать дальнейшее развитие международных отношений.

Современное мировое развитие демонстрирует, что влияние неевропейских цивилизаций на ммеждународные процессы продолжает расти. В современном мире «баланс влияния между цивилизациями смещается: влияние Запада снижается, растет военная и политическая мощь азиатских цивилизаций. Незападные цивилизации уверенно подтверждают в современном мире самобытность и ценность своих культур[1].

Сегодня невозможно отрицать мировое влияние Китая, его экономическую мощь, равно как и «вес» исламского мира, представленного, в первую очередь, странами Ближнего Востока, хотя и разными по уровню экономического развития, но объединенными таким мощным фактором, как активный ислам. Нельзя также не учитывать, что «демографический взрыв» в слаборазвитой части мира в известной степени дестабилизирует мировую ситуацию, особенно если иметь в виду, что угроза международной безопасности исходит именно с этого направления.

Регион Юго-Восточной Азии насчитывает 600 млн. человек и обладает совокупным ВВП в 1 трлн. долл. Страны, входящие в него и образовавшие АСЕАН, цивилизационно более или менее близки и проводят самостоятельную (в первую очередь от Китая) политику. Концептуализация суверенитета в ЮВА исторически противоречила пониманию его в западных странах, когда-то колонизовавших регион. Интеграция этих государств, справившись со всеми попытками вмешаться в их политику, насчитывает более 40 лет, так что опыт применения этими странами концепции суверенитета заслуживает самого тщательного рассмотрения.

Регион ЮВА отличается значительным разнообразием (географическим, религиозным, этническим) и характеризуется тесно переплетенными обязательствами этнической лояльности. Ф. Бродель даже выделял регион ЮВА в отдельную цивилизацию, сформировавшуюся в связи с тем, что исторически он расположен «вблизи

Богданова Екатерина Георгиевна – соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

двух людских океанов – Китая и Индии, влияние которых простирается далеко за пределы их географических пространств»[2].

Подход Броделя разделяют авторы появившейся в России работы «АСЕАН в начале XXI века», характеризуя мотивацию стран, входящих в объединение: «Они нуждаются в единой ЮВА не для того, чтобы создать «Соединенные Штаты ЮВА». Об этом и речи никогда не было. Но довольно высокая степень политической интеграции оказалась необходимой для более эффективной защиты своей национальной идентичности и ценностей в условиях глобализирующегося мира и на фоне неуклонного усиления комплексной мощи Китая и Индии в АТР»[3]. Справедливости ради следует также отметить, что С. Хангтингтон относил регион к синской цивилизации. Такой же классификации придерживается и российский исследователь С.С. Сулакшин[4].

Политические образования в ЮВА традиционно описывались термином «мандала». Политии региона не только не соответствовали китайским и европейским воззрениям на государство как территориальное образование с фиксированными границами и бюрократическим аппаратом, но развивались в противоположном направлении: полития определялась своим центром, а не границами, и могла состоять из многочисленных подчиненных политий без их административного объединения или присоединения. Сферы влияния в пределах мандалы могли смещаться от одного центра к другому, и, таким образом, любое понятие о государственности представляло собой нечто расплывчатое. И если в религиозно-философском смысле мандала означает объединение с высшим духом и защиту от деструктивных сил, то в политическом смысле данное понятие означает вертикальное объединение монарха с божеством, а горизонтальное – с территорией, в которой взаимодействие происходит в форме вассальной зависимости. В доколониальной ЮВА мандала означала круг царств, среди которых правитель должен был выстраивать отношения с тем, чтобы обеспечить безопасность собственного царства. Именно из этой, возникшей в глубине веков, политической культуры и выработался «метод АСЕАН»: решать проблему путем переговоров, искать компромисс, не загонять противника в угол и давать ему возможность «сохранить лицо», метод, ставший «вкладом народов ЮВА в мировую политическую культуру международных отношений[5].

ЮВА – регион, отличающийся разнообразием – историческим, расовым, религиозным, культурным, политическим и экономическим, не совпадающим с национальными границами, поспешно проведенными колониальными державами в период деколонизации. Хотя это обстоятельство усложнило строительство наций-государств, поиски идентичности коренных народов, дискурс о государственном суверенитете мог вполне опираться на марксистские концепции, которые рассматривали регион как «приманку для внешнего вмешательства и интриг, благодаря его природным богатствам, диссонирующим национализмам и нестабильным режимам»[6].

Постколониальные международные отношения в ЮВА были основаны на принципе суверенитета (и входящем в него принципе невмешательства во внутренние дела), который всегда присутствовал в рассуждениях о модернизации, строительстве наций и т.д. Говоря об АСЕАН, М. Лейфер зафиксировал следующее наблюдение: «Не уменьшая значения обычного антикоммунизма и связанной с ним заботы о военном присутствии США среди членов-учредителей, АСЕАН был основан с целью выявить точку опоры для постконфликтного внутрирегионального воссоединения в рамках институциализированной структуры отношений. Эта структура должна была основываться, прежде всего, на уважении национального суверенитета…»[7].

Период после окончания «холодной войны» протекал в ЮВА достаточно бурно. После азиатского финансового кризиса 1997-98 гг. в оценках направления, в котором развивался регион, появилась определенная осторожность, подпитываемая растущими масштабами терроризма и крупномасштабного гуманитарного кризиса в связи с распространением пандемий гриппа, землетрясений и цунами. Для многих подобные события свидетельствовали о сомнительном характере идеи развития сообщества и регионального сотрудничества, о котором заявляли лидеры АСЕАН, поскольку в реальности наблюдалось серьезное осложнение двусторонних отношений, усугублялись трудности, возникшие в связи с расширением организации, и общее ослабление единства между странами-членами[8].

Другие, наоборот, утверждают, что в регионе происходят специфические институциональные изменения, которые отражают более широкие и долгосрочные геополитические и экономические изменения в мире[9]. Все чаще звучит мнение, что, хотя традиционно АСЕАН сопротивлялась любому вмешательству в дела своих членов, она теперь вынуждена приспосабливаться к меняющейся нормативной среде. Эти новые тенденции ставят под сомнение эффективность традиционных для региона государствоцентризма, приверженности принципу невмешательства, приоритета «мягкой силы» над лидерством и предпочтения «мягкого институционализма» формальному сотрудничеству.

Финансовый кризис выявил неготовность членов АСЕАН осуществлять раннее оповещение друг друга. Транснациональные вызовы, такие, как атипичная пневмония и смог от лесных пожаров в Индонезии привели к возникновению серьезного беспокойства в соседних странах и в плане экономики, и в сфере здоровья людей. Проблемы создают также наркотрафик и торгов-

ля людьми. Призыв Таиланда заменить политику «конструктивной вовлеченности», которая сама по себе уходит корнями в принцип невмешательства, политикой «гибкой вовлеченности», предусматривающей более высокую степень вмешательства, не нашел понимания в странах-членах. А неспособность АСЕАН вовремя отреагировать на действия сепаратистов Восточного Тимора подорвала доверие к способности Ассоциации обеспечивать «региональные решения региональных проблем».

И хотя страны-члены Ассоциации по-прежнему не могут прийти к согласию по вопросу о невмешательстве, некоторые признаки готовности принять менее догматические толкования принципа начали пробивать себе дорогу. Ряд событий свидетельствует о коррекции в АСЕАН, пусть и не в больших масштабах, принципа невмешательства. Именно так интерпретируются дипломатические усилия, предпринятые для разрешения затянувшегося конфликта в Камбодже, учреждение институциональных механизмов для разрешения проблемы смога, принятие механизмов регионального надзора и раннего оповещения для предотвращения кризисов и т.д.

Новые вызовы, с которыми сталкиваются страны региона, делают очевидной необходимость отхода от «метода АСЕАН», базирующегося на организационном минимализме, предпочтении неформального подхода и пр. Модели «мягкого регионализма» бросают вызов такие соглашения, как Договор о ЮВА - зоне, свободной от ядерного оружия, договор о зоне свободной торговли АСЕАН, План действий по борьбе со смогом и т.д.

Региональная кооперация в ЮВА была по существу государственным проектом, продвигаемым элитами. Участие гражданского общества в нем было минимальным. Однако транснациональные и нетрадиционные проблемы и необходимость их решать создали возможность для проведения неправительственными организациями кампаний по защите окружающей среды, прав человека, по привлечению внимания к вопросам бедности и социальной справедливости на региональном уровне. Возросшая политическая открытость в странах АСЕАН привела к усилению акторов гражданского общества в региональной и международной повестках дня. Более того, пункт о государственной безопасности стал включать в себя элементы «человеческой безопасности», что делает возможным более тесную вовлеченность НПО в региональное сотрудничество – сферу, традиционно закрепленную за правительствами.

Воздействие терроризма на региональные процессы противоречиво. С одной стороны, были заключены пакты о мерах противодействия терроризму как внутри Ассоциации, так и между АСЕАН и США. Вместе с тем, в рамках Ассоциации присутствует и противодействие дальнейшей кооперации, поскольку между странами-членами нет согласия по поводу серьезности террористической угрозы. Приведут ли к заметным изменениям в подходе стран ЮВА к суверенитету те тенденции, которые наблюдаются в регионе, пока неясно. Большинство ученых относит их к «квази-суверенным», или «нео-вестфальским» государствам. В данном случае имеется в виду, что они не сумели:

— «ни достичь сплоченности в пределах своих границ»;
— «ни реагировать рационально на проблемы, появившиеся в связи с глобализацией, на угрозы безопасности»[10].

Очевидно, тем не менее, что без углубленного взаимопроникновения в дела друг друга адекватно реагировать на вызовы современности им не удастся. Но это не значит, что такое вмешательство автоматически повлечет за собой эрозию или угрозу суверенитету этих стран. Растущая либерализация, если рассматривать ее с точки зрения «нормализующей» необходимости, может привести к укреплению суверенитета, по мере того, как государства ЮВА становятся более зрелыми и от стадии развивающихся «квази-государств» переходят к стадии «нормально» развитых.

С этой точки зрения институциональное значение и польза образования АСЕАН состоит в формальном признании принципа суверенитета, который Ассоциация обеспечивает своим членам, а также в гарантиях, которые члены АСЕАН получают путем признания суверенного права на существование. Тот факт, что старые члены АСЕАН испытали значительный подъем уровня экономического и социального развития, а также политической консолидации с момента образования, означает, по сути, схему государственной эволюции, которая, в свою очередь, может укрепить или углубить государственный суверенитет.

Довольно заметному испытанию на прочность подвергся в последнее время основной принцип АСЕАН – невмешательство во внутренние дела. События в Мьянме требовали реакции, по сути, нарушающей этот принцип. Тем не менее, страны-члены АСЕАН, хотя и проявляли негативное отношение к военному режиму этой страны, не пошли на принятие каких-либо санкций. Они последовали точке зрения премьер-министра Малайзии Абдуллы Ахмада Бадави, который утверждал, что принцип невмешательства – «это наш последний бастион защиты государства, особенно в эпоху глобализации и модернизации»[11].

Как и многие другие явления, порожденные глобализацией, новые тенденции в институциональном развитии региона поднимают вопросы об эксклюзивности и территориальности как стержневых основах суверенитета. Учитывая растущие трудности их сохранения, кажется вполне вероятным, что суверенитет в региональном контексте может приобрести новую форму – приобрести относительно более инклюзивную и\или виртуальную форму.

Суверенитет никогда не бывал полностью фиксированным или сформированным, он всегда подвергался оспариванию.

Многое из того, что составляло суть международных отношений в ЮВА во времена «холодной войны», не могло уместиться в границах концепции национального суверенитета. И современные тенденции в регионе угрожают разрушить ее привычное восприятие. Как это произойдет, покажет будущее. До сих пор границы суверенитета оказывались вполне эластичными, поэтому маловероятно, что с суверенитетом как концепцией или практикой будет полностью покончено. На саммите 2003 г. лидеры стран ЮВА приняли «Видение АСЕАН 2020 г.», сформулировав его как «концерт государств Юго-Восточной Азии, открытых, живущих в мире, стабильности и процветании, тесно связанных друг с другом в динамичном развитии и сообществе государств, заботящихся о благе своих народов»[12].

«Метод АСЕАН» имеет все шансы стать в XXI в. методом создания жизнеспособной структуры международных отношений, построения в регионе ЮВА стабильного международного порядка, следуя принципам:

— отказа от войны и применения насилия;
— включения в общественную жизнь ценностей толерантности и уважения к различиям;
— последовательной реализации политики мирного сосуществования разных народов с многолетним опытом общего решения проблем.

Во многих не вестфальских странах, где до колонизации власть измерялась количеством людей, контролируемых из одного конкретного центра, ключевым компонентом правления была идеология. Легитимность определялась традиционными способами управления, такими, как участие в религиозных событиях или приверженность конкретным идеологиям, а также логикой этнических или родовых отношений. Принятие вестфальских моделей светского управления нарушило формы традиционной организации власти, но не уничтожило ее полностью. Постколониальные правительства оставили этот механизм управления, что позволяло, с одной стороны, избежать полного слияния с западными ценностями, а с другой стороны, оставаться полноправными членами международного сообщества и пользоваться предоставляемыми ими благами - гуманитарной помощью и глобальными торговыми сетями.

В незападных странах взгляды на суверенитет, принятые в международном сообществе, передаются через вестфальские концепции, унаследованные с колониальных времен и внедренные через западное образование и западные идеологии, которые легитимируют власть в восточноазиатских государствах. Концепция суверенитета, унаследованная от Вестфаля, таким образом, продолжала играть в ЮВА значимую роль. Но не менее значимой была и идеология в незападных теориях управления и, соответственно, в незападных подходах к суверенитету. В западной политической философии, например, предполагается, что статус и престиж не будет значимым, если он не включает демонстрацию военной силы или экономического контроля, в то время как в реальности идеология так же важна, если еще не важнее. Не исключается, что в XXI в. суверенитет будет восприниматься как власть не столько над территориями, сколько над людьми, и что создать основу для чувства идентичности или верховной власти, которая будет пересекать национальные границы и превосходить гражданскую принадлежность, сможет религия.

В конце XX в. С. Хантингтон предсказывал: «Мы становимся свидетелями "конца прогрессивной эры", когда доминировала западная идеология, и вступаем в эру, в которой многочисленные и разнообразные цивилизации будут взаимодействовать, конкурировать, сосуществовать и приспосабливаться друг к другу[13].

В первом десятилетии XXI в. «другие цивилизации, которые с точки зрения истории человечества и особенно истории первой половины XX века, отнюдь не чувствуют себя более «варварскими», чем цивилизации, ассоциирующиеся с Европой, полагают, что они тоже принимали участие в возведении здания наследия, содержащего мудрость всего человечества» . Мы видим, как идет борьба между традицией и современностью и традиционные представления перекраиваются под воздействием других культур. Таким образом, задача глобального общества состоит в том, чтобы заново концептуализировать суверенитет так, чтобы охватить все многообразие воззрений на него, с тем, чтобы в нем нашла отражение политическая мысль, история и практический опыт всего человечества.

Bogdanova E. Concepts of sovereignty in non-Western states.

Summary: *This article analyzes international perspectives on sovereignty. The author examines the different meanings of the concept, that are not based in Western political philosophy with the aim to show that if we are to reach a universal understanding of a concept of sovereignty in the age of globalization, we need to know the views on sovereignty in various cultures. To this end the author explores South-East Asian approach to sovereignty. The general conclusion is: non-Western approaches to sovereignty are able to enrich our understanding of this concept, to make the Westphalia mould more flexible. The influence of non-Western political culture on the global approach to sovereignty should be considered to achieve mutual understanding in our efforts to find global solutions to global issues.*

Ключевые слова

суверенитет, вестфальский, цивилизации, колониализм, АСЕАН, регионализм, глобальный.

Keywords

sovereignty, Westphalian, civilizations, colonialism, ASEAN, regionalism, global.

Примечания

1. С. Хангтингтон. Столкновение цивилизаций Часть 1. Глава 1. Введение.
2. Ф. Бродель Грамматика цивилизаций. Изд-во «Весь мир» 2008, стр. 263
3. АСЕАН в начале XXI века. Коллектив авторов, 2010 ИД «Форум», стр.6.
4. см. доклад, представленный на VIII ежегодной сессии Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (7-11 октября 2010 г.).
5. Там же, стр. 357
6. John L.S. Girling (1969) People's War: The Conditions and the Consequences in China and in South East Asia (London: George Allen and Unwin), 19.
7. Michael Leifer (1999) 'The ASEAN Peace Process: A Category Mistake', The Pacific Review 12(1), 25–38 at 27.
8. David Martin Jones and Michael L.R. Smith (2002) 'ASEAN's Imitation Community', Orbis 46, 93–109; and Nicholas Khoo (2004) 'Deconstructing the ASEAN Security Community: A Review Essay', International Relations of the Asia-Pacific 4, 35–46.
9. Amitav Acharya 'Institutional Change in Asia Pacific Regionalism: Sources and Directions', seminar at the Asia-Pacific Policy Program, Center of Business and Government,John F. Kennedy School of Government, Harvard University.
10. Chong, "Southeast Asia"
11. The 2006 ASEAN Lecture by Abdullah Ahmad Badawi, PM of Malaisia on the Occasion of the 39th ASEAN Anniversary. Kuala-Lumpur, August 8, 2006. http://www.aseansec.org
12. http:www.aseansec.org
13. С. Хангтингтон Столкновение цивилизаций. Часть вторая. Смещающийся баланс цивилизаций Глава 4. Упадок Запада: могущество, культура и индигенизация
14. Т. де Монбриаль Действие и система мира Изд-во РОССПЭН 2005, стр. 440

Превентивная дипломатия в рамках регионального форума АСЕАН: опыт применения и политика Японии

С.М. Меньшикова

Дипломатические механизмы урегулирования спорных вопросов активно применяются как в рамках европейских международных организаций, так и в рамках азиатских. Превентивная дипломатия как основной дипломатический механизм нашла свое применение в рамках Регионального форума АСЕАН. За 15 лет работы Форума странам-участницам удалось добиться значительных сдвигов как по вопросам разработки элементов превентивной дипломатии, так и совершенствования реальных дипломатических шагов. В статье рассмотрены основные этапы формирования специфики и применения превентивной дипломатии в АРФ, а также позиции региональных держав по этому вопросу

Концепция превентивной дипломатии была предложена в 1992 году Генеральным секретарем ООН Бутрос Бутрос-Гали. В своей статье «Повестка дня для мира» автор дал определение превентивной дипломатии как «политики, направленной на предотвращение споров между сторонами, на предотвращение существующих споров, которые могут перерасти в конфликты, и на ограничение распространения последних, когда они возникают»[1]. В Азиатско-Тихоокеанском регионе этой концепцией заинтересовались страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. В 1993 году Министерство иностранных дел Таиланда и Институт изучения политики в Сингапуре провели серию встреч, которые были посвящены сотрудничеству АСЕАН и ООН в области превентивной дипломатии[2].

В данной статье, основываясь на исследовании Амитава Ачарии, под термином «превентивная дипломатия» будут подразумеваться дипломатические, политические, военные и экономические действия, предпринимаемые правительствами, международными организациями и агентствами, имеющие своей целью:

— предотвращение серьезных споров и конфликтов, разгорающихся между странами и внутри стран;
— предотвращение эскалации подобных споров и конфликтов до военного противостояния;
— ограничение роста уровня насилия, вызванного подобными конфликтами, и предотвращение его распространения по региону;
— предотвращение и недопущение социального кризиса, вызванного подобными конфликтами;
— способствование выработке мер в предкризисной ситуации, которые могли бы разрешить существующий кризис[3].

Создание АРФ в 1994 году позволило вывести обсуждения превентивной дипломатии на новый уровень – «Вторую дорожку», которая подразумевала неофициальные встречи между представителями различных государственных и негосударственных структур. В рамках АРФ было проведено три семинара «второй дорожки»: первый прошел в Сеуле в 1995 году, второй – в Париже в 1996 году и третий – в Сингапуре в

Меньшикова Светлана Михайловна – аспирантка кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

1997 году. На второй встрече было принято общее решение относительно того, что семинары АРФ будут расширять концепцию и принципы превентивной дипломатии в соответствии со спецификой АРФ.

На этой же встрече было решено, что в повестку дня по превентивной дипломатии будут включены не только традиционные вопросы безопасности - разрешение территориальных претензий, нераспространение обычных вооружений и оружия массового поражения, - но и «нетрадиционные» вопросы наркотрафика, терроризма, проблемы ресурсов, ухудшения окружающей среды и безопасности на море[4].

Помимо выработки общего определения превентивной дипломатии, которое было бы применимо в АТР, рассматривался также и перечень инструментов, которые могли бы быть использованы. Большинство из них было впоследствии включено в Концепцию АРФ, принятую на втором саммите. В этом документе указывалось, что применение превентивной дипломатии в регионе является второй стадией развития сотрудничества в области безопасности, в связи с чем был приведен ряд конкретных мер. В Приложении 1 прописывались меры, которые следовало «применить странами-участницами АРФ в ближайшем будущем»:

— создание списка рекомендаций для мирного разрешения споров, основанного на принципах, прописанных в Уставе ООН и Договоре о дружбе и сотрудничестве стран АСЕАН;
— продвижение принципов Договора о дружбе и сотрудничестве стран АСЕАН и их применение в разрешении споров и конфликтов в регионе;
— привлечение других стран к Декларации АСЕАН по Южно-Китайскому морю, чтобы усилить ее политическое и моральное влияние.
— Приложение 2 содержало досрочные меры, такие как:
— определение и выработка путей для недопущения конфликтов;
— распространение идеи о выдвижении Специального представителя, который мог бы, не участвуя в конфликте, помочь конфликтующим сторонам прийти к согласию;
— распространение идеи о создании Региональных центров по уменьшению риска возникновения конфликта, через который бы шел обмен информацией[5].

Эти идеи впоследствии были включены в семинары «второй дорожки» АРФ по превентивной дипломатии. В ходе второго семинара, например, было решено вынести следующие положения по превентивной дипломатии на обсуждение в рамках Совещания старших должностных лиц АРФ для их последующего утверждения:

— ежегодное представление информации по вопросам безопасности;
— создание регионального исследовательского и информационного центра;
— создание системы раннего оповещения;
— возложение функций Специального представителя по оказанию помощи конфликтующим сторонам на Председателя АРФ;
— создание регистра экспертов по превентивной дипломатии;
— рассмотрение идеи создания в АРФ Центра по сокращению риска возникновения конфликта в долгосрочной перспективе[6].

Однако, несмотря на разнообразие идей относительно самой концепции превентивной дипломатии и способов ее реализации, которые были представлены на семинарах «второй дорожки», они так и не привели к формированию единого общего понимания превентивной дипломатии в АРФ. Складывалось впечатление, что между странами АРФ было больше согласия по поводу будущего превентивной дипломатии в 1995 году, чем в 1997 году[7].

Основные трудности в отношении превентивной дипломатии были вызваны не непониманием ее значения и основных положений, а скорее ростом разногласий между странами относительно некоторых ее концепций, принципов и мер. Окончательное оформление понятия превентивной дипломатии в рамках семинаров АРФ вызвало неоднозначную реакцию стран-участниц, часть из которых посчитала, что ряд мер является вторжением в их внутригосударственные дела. То же самое произошло и в отношении мер по укреплению доверия. Страны АРФ разделились условно на тех, кто активно продвигал применение превентивной дипломатии в регионе, и тех, кто считал, что этот вопрос еще следует прорабатывать. К первой группе относились Австралия, Канада, США и Япония, а ко второй – Китай и большинство стран-членов АСЕАН.

Япония была одним из наиболее активных сторонников применения превентивной дипломатии в АТР:

— во-первых, интерес Японии к превентивной дипломатии был вызван непосредственными опасениями относительно региональной безопасности в целом. С начала 1990-х годов возрос уровень конфликтности в регионе, что связано, в основном, с проблемами Южно-Китайского моря, Камбоджей и ситуацией на Корейском полуострове, а также со стремлением некоторых стран региона развивать и модернизировать свою военную сферу;
— во-вторых, действия, предпринимаемые в рамках превентивной дипломатии, которые большей частью носили невоенный характер, были идеальны для Японии. Ее военно-силовые возможности были ограничены как внутригосударственными, так и международными документами - девятой статьей конституции страны, японо-американским договором о безопасности и т.д. Превентивная дипломатия могла позволить Японии внести значительный вклад в обеспечение

региональной безопасности невоенными методами, чего Япония и добивалась с момента окончания «холодной войны».

Помимо этого, распространение превентивной дипломатии в регионе позволило бы создать в нем многоуровневую структуру, которая бы состояла из японо-американского стратегического альянса, с одной стороны, и многостороннего форума по обеспечению безопасности – АРФ, - с другой.

Китай и страны АСЕАН в общем и целом не выражали особого желания, чтобы АРФ достиг второй стадии (реализации превентивной дипломатии). В частности, Китай, Вьетнам и Мьянма предпочитали, чтобы АРФ оставался лишь местом проведения диалога по вопросам безопасности. Некоторые страны АСЕАН, такие, как Сингапур, Таиланд и Филиппины, были все же настроены на разработку мер превентивной дипломатии в рамках Форума, но в то же время их нельзя отнести к группе активистов из-за приверженности принципу невмешательства. Китай и большинство стран АСЕАН опасались, что применение принципов превентивной дипломатии к решению межгосударственных конфликтов позволит третьим странам вмешиваться в их внутригосударственные вопросы, в частности, в проблемы Южно-Китайского моря и Тайваньского пролива[8].

Подобное осторожное отношение к превентивной дипломатии выразил китайский посол Ши Чунлай и предложил свое видение ее реализации в АТР:

1. Реализовать межгосударственное взаимодействие и сотрудничество в реализации мер по укреплению доверия и превентивной дипломатии в соответствии с основополагающими принципами, прописанными в Уставе ООН и Декларации АСЕАН, с Пятью принципами мирного сосуществования и другими всемирно признанными международными законами;
2. Всецело уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность государств;
3. Воздерживаться от вмешательства во внутренние дела стран и направлять сотрудничество в области безопасности против третьей страны;
4. Разрешать международные споры мирными средствами и воздерживаться от использования силы;
5. Поддерживать национальные оборонные силы для обеспечения государственной безопасности, а не для того, чтобы подрывать безопасность и стабильность других стран;
6. Способствовать взаимовыгодному сотрудничеству между странами и дружеским людским обменам.

Принимая за основу эти принципы, которые основывались на суверенитете и невмешательстве, позволяли рассматривать такие меры превентивной дипломатии, как заблаговременное уведомление и посредничество третьей стороны при решении споров как потенциальное нарушение принципа невмешательства во внутригосударственные дела. Подобное отношение к превентивной дипломатии разделяли многие страны АСЕАН, в частности, Вьетнам и Мьянма.

К концу 1996 года Япония представила официальный документ, содержавший цели страны на средне- и долгосрочные перспективы относительно дальнейших шагов по реализации мер превентивной дипломатии в рамках АРФ. В проекте содержалось предложение о том, что в течение последующих пяти лет Форум должен достичь две основные цели:

— во-первых, разработать конкретный пакет мер превентивной дипломатии, которые могли бы применяться в ситуациях, когда кризис потенциально может перерасти в конфликт;
— во-вторых, выработать механизм проведения чрезвычайных заседаний для того, чтобы страны-члены АРФ могли совместными усилиями разработать пути выхода из кризисной ситуации.

Что касается среднесрочной перспективы, то Япония предложила в течение двух лет создать специальную рабочую группу по выработке мер превентивной дипломатии для проведения последующих ее обсуждений. Это предложение в итоге было одобрено и во время четвертого Совещания старших должностных лиц, проходившего в Малайзии в мае 1997 года, такая рабочая группа была создана.

Компромиссное решение, которое устраивало и Японию, и Китай, было также принято в 1997 г. в ходе Четвертого заседания министров иностранных дел АРФ. Было решено, что в группе по выработке мер превентивной дипломатии будет первостепенно обсуждаться главный вопрос – о формулировке отличий между первой стадией применения мер по укреплению доверия и второй стадией применения превентивной дипломатии. Таким образом, такое решение можно было назвать победой дипломатии Токио в АРФ: рабочая группа по выработке мер превентивной дипломатии не только была создана, но и начала свою работу.

Следуя программе действий, в рамках рабочей группы по выработке шагов в 1997 – 1998 межсессионный год начались обсуждения применения превентивной дипломатии в АРФ. Однако каких-либо существенных сдвигов добиться не удалось. Во многом работа была остановлена из-за вето Китая на разработку конкретного пакета мер. Также сдерживающим фактором стала невозможность в ходе обсуждений добиться разграничения между мерами по укреплению доверия и превентивной дипломатией. Отсутствие общего мнения относительно разграничения этих двух понятий вызвало значительное недовольство среди поддерживавших скорейшее применение превентивной дипломатии в АРФ стран, в частности, у США.

На пятом заседании министров иностранных дел АРФ госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, что следует «предпринимать и дальше шаги для разграничения понятия «меры по укреплению доверия» и «превентивная дипломатия». И хотя основы для укрепления доверия уже должны быть заложены, АРФ следует продолжать двигаться вперед, если он хочет оставаться жизнеспособным»[9].

На той же министерской встрече было решено, что в следующий межсессионный период будет проведено специальное заседание рабочей группы по превентивной дипломатии и что АРФ обсудит следующие конкретные предложения для разграничения мер по укреплению доверия и превентивной дипломатии:

1. Расширение полномочий Председателя АРФ за счет проведения посредничества в процессе переговоров с конфликтующими сторонами;
2. Применение Регистра экспертов или Знаменитых людей среди участников АРФ;
3. Представление Ежегодного обзора вопросов безопасности;
4. Проведение добровольных брифингов по вопросам безопасности[10].

Эти предложения были разработаны в ходе третьей конференции «второй дорожки» АРФ по разработке мер превентивной дипломатии, проходившей в Сингапуре в сентябре 1997 года. Они позволили сократить пропасть между сторонниками и противниками применения превентивной дипломатии в АРФ[11]. Первые два предложении можно рассматривать как истинные меры превентивной дипломатии, стимулировать которые стремились страны-«активисты». Последние же два были похожи на меры по укреплению доверия и, тем самым, в большей степени устраивали оставшиеся страны.

Эти четыре предложения были еще раз обсуждены в рамках заседания рабочей группы по разработке мер по укреплению доверия, которое проходило в Бангкоке в марте 1999 года. На этом заседании впервые активно решались вопросы, связанные с применением превентивной дипломатии в АРФ. В продолжении этого, в ходе шестой встречи министров иностранных дел АРФ в Сингапуре в июле того же года было решено расширить роль председателя АРФ за счет развития связей с такими институтами, как Организация американских государств (ОАГ) и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также с неформальными организациями и институтами, в первую очередь с Советом по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе для обмена информацией и опытом на неформальном уровне. Также страны АРФ согласились, что председатель должен быть наделен правом созывать чрезвычайные собрания в экстренных случаях и делать заявления относительно какой-либо ситуации после ее обсуждения со всеми странами-участницами и в случае получения их одобрения.

Более того, формально на шестом заседании было принято решение о создании Регистра выдающихся деятелей АРФ, которые могли бы предоставить профессиональную помощь при поиске выходов из кризисной ситуации, а также при обсуждении мер превентивной дипломатии. Что же касается остальных предложений, то идея о предоставлении на добровольной основе Ежегодного обзора вопросов безопасности была принята единогласно всеми странами-участницами[12].

В своей речи председатель отметил, что было «достигнуто общее понимание по всем заявленным четырем предложениям, имевшим своей целью разграничить понятия политики по укреплению доверия и превентивной дипломатии»[13]. Однако заявленное «общее понимание» вряд ли в действительности можно было назвать таковым. Несмотря на то, что страны АРФ смогли договориться по общим вопросам, конкретные предложения относительно посреднической роли председателя при решении конфликтов между странами так и не были одобрены. Относительно этой идеи возникли глубокие разногласия между странами-участницами, вновь разделившие их на два лагеря. Японии, стране-инициатору этого предложения, противостояли Китай и ряд стран АСЕАН, считавшие подобное участие третьей стороны в решении споров вмешательством в их внутриполитические дела. Эти разногласия впоследствии практически заморозили обсуждение мер по применению превентивной дипломатии в АРФ.

Помимо этого, шестая министерская встреча постановила, что в рамках рабочих групп по разработке мер по укреплению доверия в межсессионный период 1999 – 2000 необходимо рассмотреть основные принципы и концепции превентивной дипломатии, а также обсудить предложение АСЕАН о подготовке общего проекта по превентивной дипломатии в АРФ. Это решение было принято из-за того, что в ходе шестого совещания китайские представители выдвинули условие: конкретные меры превентивной дипломатии могут быть применены только после окончательного определения основных ее принципов и подходов.

Процесс обсуждения применения превентивной дипломатии был также затруднен из-за разногласий относительно процесса институционализации АРФ. Япония, как и другие страны-сторонники превентивной дипломатии, считала, что для реализации мер превентивной дипломатии АРФ необходимо достичь некоторого уровня институционализации. Например, для заблаговременного предупреждения о конфликте, что является одной из главных мер в рамках превентивной дипломатии, необходимо существование механизма по сбору и систематизации знаний о потенциальных конфликтных ситуациях. Реализация этих целей невозможна без существования либо постоянно действую-

щего секретариата при АРФ или специального органа, такого, как Региональный центр по сокращению риска[14].

Среди стран АСЕАН также были те, кто поддерживал идею структурной реформы в АРФ, опасаясь, что без этого добиться какого-либо успеха в процессе применения превентивной дипломатии будет невозможно. Юсуф Вананди, исследователь из Индонезии, в своей статье выразил очень похожее на японское видение проблемы АРФ: «В течение нескольких последних лет возникли явные опасения относительно будущего АРФ и главенствующей в нем роли АСЕАН… Чтобы все усилия были реализованы, в АРФ должны произойти следующие два изменения. Одно касается достижения минимального уровня институционализации. Традиция АСЕАН о переходящей от страны к стране роли лидера и ее институциональная основа неприменимы для реализации конкретных программ… Другим изменением является получение согласия АСЕАН на то, чтобы сопредседателем в АРФ могла стать страна, не являющаяся членом Форума»[15].

На шестом саммите АРФ разногласия между странами-участницами были вызваны неразрешимыми вопросами относительно роли лидера АСЕАН в АРФ и институционализации Форума. Представители США, при поддержке других стран-«активистов», призвали поддержать идею разделения роли председателя между страной, входящей в состав АСЕАН, и страной, не входящей в эту группировку, а также внесли предложение о создании постоянного секретариата при АРФ для выполнения координирующих функций. Токио, в свою очередь, активно поддерживал проведение структурной реформы в АРФ. Официальные представители Министерства иностранных дел этой страны заявили, что «Япония поддерживает идею разделения поста председателя между страной-участницей и страной не входящей в состав АСЕАН». Также они подчеркнули, что, «если создание постоянного секретариата при АРФ необходимо для помощи странам-председателям, то Япония готова активно поддерживать его учреждение и функционирование»[16].

Однако АСЕАН не был готов ни отказаться от роли лидера в АРФ, ни поддержать институционализацию Форума. В совместном коммюнике, выпущенном перед шестой встречей министров иностранных дел АРФ, заявлялось, что «мы намерены укреплять роль АСЕАН в качестве движущей силы процесса развития АРФ»[17]. Стало очевидным, что Японии, США и другим странам-«активистам» не удалось добиться институционализации АРФ. Следовательно, дальнейшие шаги по реализации в рамках Форума превентивной дипломатии и прочих мер были крайне затруднены.

Тем не менее, Япония продолжала свою дипломатическую линию, направленную на реализацию превентивной дипломатии в АРФ. Во время заседания рабочих групп 1999 – 2000 межсессионного года в Сингапуре и Токио Япония внесла конкретное предложение о расширении роли председателя АРФ. В проекте, предложенном Токио, содержалось семь основных функций, связанных с ролью посредника и координационными функциями, которые должны быть возложены на председательствующие страны:

1. Заранее предупреждать о вероятном конфликте, для чего проводить изучение и слежение за потенциальными региональными конфликтами, которые могут поставить под угрозу безопасность региона;
2. Созывать и проводить экстренные совещания;
3. Свободно делать официальные заявления (без предварительного согласования со странами АРФ);
4. Упрощение процедуры обсуждения нормотворчества в АРФ;
5. Стимулирование связей с международными организациями и неформальными организациями и институтами;
6. Укрепление доверия между странами-участницами посредством активного обмена информацией;
7. Стимулирование сотрудничества между странами-участницами и обсуждение расширения потенциальных сфер сотрудничества[18].

Следует отметить, что в своих предложениях Япония пыталась отразить интересы как стран-«активистов», так и тех, кто относился к вопросу о расширении полномочий председателя с явным подозрением. Однако предложения Японии вызвали протест со стороны стран АСЕАН, и было принято решение о пересмотре списка функций с учетом претензий других стран[19]. И в ходе седьмой сессии так и не удалось добиться каких-либо значительных сдвигов в отношении превентивной дипломатии. Таиланду, стране-председателю, удалось установить неформальные отношения с ООН, ОАГ и ОБСЕ. Ожидалось, что это позволит обмениваться информацией и опытом между организациями[20].

Параллельно с этим на токийское заседание рабочей группы по превентивной дипломатии АСЕАН представил свой проект концепций и принципов. За основу были взяты идеи, обсуждавшиеся в рамках заседания Совета по сотрудничеству в области безопасности в АТР, который проходил в Бангкоке в марте 1999 года. В итоге было решено, что в сферу применения превентивной дипломатии должны входить только межгосударственные проблемы. В документе превентивная дипломатия определялась как согласованное политическое или дипломатическое действие, имеющее своей целью:

— предотвращение возникновения споров и конфликтов между государствами, которые могли бы угрожать миру и стабильности в регионе;
— предотвращение перерастания таких споров в военное противостояние;

— сокращение уровня насилия и гуманитарных проблем, вызываемых подобными конфликтами;

В этом проекте также прописывались следующие принципы превентивной дипломатии:

— превентивная дипломатия осуществляется дипломатическими и мирными методами, такими, как убеждение, переговоры, исследование обстоятельств, посредничество и примирение;
— методы превентивной дипломатии применяются по просьбе сторон или с их согласия;
— такие методы, которые подразумевают военное вмешательство или применение силы, или какие либо другие насильственные действия, такие, как санкции, не входят в число мер превентивной дипломатии,
— страна-посредник должен заслуживать доверия у конфликтующих сторон;
— все меры превентивной дипломатии должны соответствовать нормам международного права;
— превентивная дипломатия должна основываться на принципах уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства;
— методы превентивной дипломатии должны эффективно применяться на начальной стадии кризиса[21].

Проект, предложенный АСЕАН, включал в себя все вышеперечисленные пункты, кроме пунктов о сокращении уровня насилия и решении гуманитарных проблем[22]. Это было связано с тем, что страны АСЕАН считали, что гуманитарная интервенция может нарушить принцип невмешательства. Она не только может ослабить политическую солидарность стран, но также позволит западным странам оспаривать легитимность правящих режимов[23].

На заседаниях рабочих групп в Сеуле в ноябре 2000 года и в Куала-Лумпуре в апреле 2001 года рассматривалось три основных вопроса:

— проект Сингапура о концепциях и принципах превентивной дипломатии (в основе которого был проект АСЕАН);
— проект Японии о расширении функций председателя АРФ;
— предложения Республики Корея относительно Регистра выдающихся деятелей АРФ.

Несмотря на проделанную предварительную работу по обсуждению этих предложений, разрешить разногласия было трудно. Сингапурские предложения были в итоге приняты в ходе заседания рабочей группы в Куала-Лумпуре. Однако в результате многочисленных обсуждений в первоначальные формулировки был внесен ряд изменений. Например, изначально в проекте АСЕАН говорилось об «основных принципах международного права» в качестве правовой основы для превентивной дипломатии, а в принятом документе уже конкретизировалось, что в качестве правовой базы выступают «Устав ООН, Договор о дружбе и сотрудничестве АСЕАН и Пять принципов мирного сосуществования»[24]. В итоге, когда были утверждены все последние изменения, принятый текст законопроекта стал в значительной степени похож на изначально предложенный Китаем.

Обсуждение предложений Японии о расширении функций председателя продвигалось еще сложнее. В первую очередь из-за позиции Китая и ряда стран АСЕАН, считавших, что обсуждать расширение полномочий председателя следует только после того, как АРФ официально утвердит перечень принципов превентивной дипломатии. В итоге проект был снова отправлен на доработку. Согласия по японским предложениям удалось достичь на восьмом Совещании старших должностных лиц АРФ, проходившем в Ханое в мае 2001 года, однако многие важные, по мнению Японии, пункты были исключены из итогового текста. Например, такие, как разрешение председателю делать заявления без согласования с остальными странами и обязательное заблаговременное уведомление были исключены из проекта. Единственный пункт, который не вызвал разногласий и был единолично принят всеми странами-участницами, было право созывать экстренные совещания в случае экстренной ситуации.

Что же касается остальных пунктов, то основная роль председателя теперь сводилась к проведению бесед с конфликтующими сторонами. В действительности это были не те меры, которые АРФ мог бы применять при возникновении кризисной ситуации в регионе. В принятом проекте даже указывалось, что «документ в основном уделяет внимание роли председателя АРФ на стадии применения мер по укреплению доверия, а не превентивной дипломатии»[25].

Рабочая группа в Сеуле также не смогла добиться полной реализации проекта о введении Регистра выдающихся деятелей АРФ. В окончательном тексте проекта говорилось лишь о том, что «эксперты могут предлагать профессиональные рекомендации странам АРФ после того, как ими будет осуществлено детальное изучение проблемы, или могут выступать на встречах АРФ по вопросам, имеющим отношение к проведенным ими исследованиям». Более того, обращение за помощью к выдающимся деятелям должно производиться только с согласия всех стран-участниц[26].

Несмотря на существующие разногласия относительно превентивных мер в рамках Форума, в 2001 году на Восьмом АРФ были окончательно сформулированы принципы превентивной дипломатии, в будущем применимые в АРФ. В частности, было определено, что меры по укреплению доверия являются необходимым условием для последующего эффективного применения превентивной дипломатии в АРФ. В основу итоговых 8 принципов превентивной дипломатии легли идеи, выработанные в ходе совещаний с Советом по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе[27].

После террористических атак в США 11 сентября 2001 года, основное внимание стран-«активистов» было перенесено на принятие мер по борьбе с международным терроризмом, а вопросы, связанные с превентивной дипломатией, отошли на второй план. На десятом собрании министров иностранных дел АРФ, проходившем в Пномпене в июне 2003 года, Япония вновь внесла предложение о проведении всесторонних дискуссий по превентивной дипломатии и организации постоянной рабочей группы для разработки конкретных шагов[28]. Рабочая группа собралась в Токио в марте 2004 года, однако ее деятельность не принесла каких-либо результатов.

Предложения относительно превентивной дипломатии продолжали встречать сопротивление со стороны Китая и стран АСЕАН, которые не считали необходимым развивать Форум до стадии применения превентивной дипломатии. В итоге, во время министерских встреч, проходивших во Вьентьяне в июле 2005 года, страны АРФ договорились изменить название рабочих групп с «рабочие группы по выработке мер по укреплению доверия» на «рабочие группы по выработке мер по укреплению доверия и превентивной дипломатии»[29].

На тринадцатой встрече министров иностранных дел АРФ в основном обсуждалась проблема ядерных экспериментов КНДР. В своей речи председатель тринадцатой встречи заявил, что страны АРФ надеются на возобновление шестисторонних переговоров и что подобные действия КНДР угрожают «миру, стабильности и безопасности в регионе»[30].

Что касается превентивной дипломатии, то на тринадцатой встрече было решено, что заседание рабочих групп в следующий межсессионный период будут возглавлять Индонезия и Европейский Союз. Два заседания по превентивной дипломатии пройдут в ноябре 2006 года в Батаме (Индонезия) и в начале 2007 года в Финляндии. Помимо этого, еще одна специальная группа в Сингапуре будет заниматься вопросом международного терроризма. Тем не менее, каких-либо дальнейших шагов по разработке комплекса мер конструктивной дипломатии так и не было предпринято[31].

Вопрос о превентивной дипломатии оставался открытым и на четырнадцатой встрече министров иностранных дел АРФ, проходившей в Маниле в августе 2007 года. Было решено, что основным вопросом рабочих групп буду оставаться меры по укреплению доверия между странами региона, а заседания пройдут в Брунее в ноябре 2007 года и в Канаде в апреле 2008 года. Основным успехом в этой области можно назвать решение АРФ вновь вернуться к рассмотрению применения таких мер превентивной дипломатии, как обмен информацией на формальном и неформальном уровнях. Она будет рассматриваться в специально созданном представительстве АРФ при секретариате АСЕАН и финансироваться специальным Фондом АРФ[32].

Таким образом, вопрос о применении превентивной дипломатии в АРФ так и не был окончательно решен. Токио не удалось добиться какого-либо прогресса в решении этого вопроса. Стало очевидно, что реализовывать значимые меры по развитию сотрудничества в области безопасности, в том числе и превентивную дипломатию, в рамках Форума, обсуждающего вопросы безопасности, работа в котором строится по «асеановскому пути» и решения принимаются консенсусом, практически невозможно.

Menshikova S. Preventive Diplomacy in the ASEAN Regional Forum: application and the Japanese diplomacy

Summary: *Diplomatic tools for dispute resolution are widely applied both within the European international organizations and within the Asian. Preventive diplomacy as the main diplomatic tool is being applied in the framework of the ASEAN Regional Forum. Within 15 years the ARF member countries achieved significant results on the development of preventive diplomacy elements as well as in taking real diplomatic steps. The article will consider the main stages of the specification and the use of preventive diplomacy in the ARF, as well as the position of the major regional powers.*

Ключевые слова

превентивная дипломатия, Региональный форум АСЕАН (АРФ), Япония.

Keywords

Preventive diplomacy, the ASEAN Regional Forum (ARF), Japan.

Примечания

1. Boutros-Ghali, B. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-Keeping. Report of the Secretary-General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992. – 17 June 2002 [Electronic resource] / United Nations. – 1992. - mode of access: http://www.un.org/Docs/SG/agpeace.html
2. Review of Preventive Diplomacy Activities in the Asia-Pacific Region / The Next Stage: Preventive Diplomacy and Security Cooperation in the Asia-Pacific Region. – ed. by Desmond Ball, Amitav Acharya. -Canberra: Strategic and Defense Studies Centre Research School of Pacific and Asian Studies. - The Australian National University. - 1999. – pp. 293-294
3. Achaya, A. Preventive Diplomacy: Background and Application to the Asia-Pacific Region / The Next Stage: Preventive Diplomacy and Security Cooperation in the Asia-Pacific Region. – ed. by Desmond Ball, Amitav Acharya. -Canberra: Strategic and Defense Studies Centre Research School of Pacific and Asian Studies. - The Australian National University. - 1999. – pp.19-20

4. Second ARF Seminar on Preventive Diplomacy. Chairman's Statement. - Paris, France, 7-8 November 1996 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/SeminaronPreventiveDiplomacyParis78Novemb/tabid/193/Default.aspx
5. A Concept Paper. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam, 1 August 1995 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/TheASEANRegionalForumAConceptPaper/tabid/200/Default.aspx
6. Second ARF Seminar on Preventive Diplomacy. Chairman's Statement. - Paris, France, 7-8 November 1996 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/SeminaronPreventiveDiplomacyParis78Novemb/tabid/193/Default.aspx
7. Ball, D. Introduction / The Next Stage: Preventive Diplomacy and Security Cooperation in the Asia-Pacific Region. – ed. by Desmond Ball, Amitav Acharya. -Canberra: Strategic and Defense Studies Centre Research School of Pacific and Asian Studies. - The Australian National University. - 1999. – p.4
8. Johnston, A.L., Ross, R.S. Engaging China: The Management of an Emerging Power / Alastair I. Johnston, Robert S. Ross. - London: Routledge. – 1999. – p. 259
9. ARF ministers debate S. Asian nuclear tests crisis / Japan Economic Newswire. - July 27, 1998. [Electronic resource] // LexisNexis. – mode of access: www.lexisnexis.com/
10. Chairman's Statement. The Fifth ASEAN Regional Forum. - Manila, the Philippines, 27 July 1998 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe5thMeetingoftheASE/tabid/180/Default.aspx
11. Chairman's report of Track Two Conference on Preventive Diplomacy. - Singapore, 9-11 September 1997 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ConferenceonPreventiveDiplomacySingapore91/tabid/185/Default.aspx
12. Co-chairmen's summary report of the Meetings of the ARF Intersessional Support Group on confidence building measures. - Honolulu, USA, 4-6 November 1998, Bangkok, Thailand, 3-5 March 1999 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/CoChairmensSummaryReportoftheMeetingsofth/tabid/178/Default.aspx
13. Chairman's Statement, the Sixth Meeting of the ASEAN Regional Forum. - Singapore, 26 July 1999 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe6thMeetingoftheASE/tabid/177/Default.aspx
14. Tay, S.S.C. The ASEAN Regional Forum: Preparing for Preventive Diplomacy / Simon S. C. Tay. - Contemporary Southeast Asia. - vol, 19. - №3. - December 1997. – p. 262
15. Wanandi, J. Boost ARF and security / Jusuf Wanandi. – Asiaweek. - July 31, 1998. - p. 25
16. ASEAN urged to defend stewardship of ARF process. - July 23, 1999 / Japan Economic Newswire. [Electronic resource] // LexisNexis. – mode of access: www.lexisnexis.com/
17. Joint Communique of the 32nd ASEAN Ministerial Meeting. - Singapore, 23-24 July 1999 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations. - Mode of access: www.aseansec.org/699.htm
18. Japan, Australia and Asia-Pacific Security. – Routledge, NY. – 2006. – p. 94
19. Co-chairmen's Summary Report on the Meetings of the ARF Intersessional Support Group on Confidence Building Measures. - Tokyo, Japan, 13-14 November 1999, Singapore, 5-6 April 2000 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/CoChairmensSummaryReportoftheMeetingsofth/tabid/116/Default.aspx
20. Chairman's Statement. The Seventh Meeting of the ASEAN Regional Forum. - Bangkok, 27 July 2000 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe7thMeetingofASEANR/tabid/115/Default.aspx
21. CSCAP Workshop on Preventive Diplomacy [Electronic resource] / Council for Security Cooperation in the Asia Pacific. - Bangkok, Thailand. - 28 February – 2 March 1999. - Mode of access: www.cscap.org/index.php?page=publications
22. ASEAN Draft. ASEAN Regional Forum (ARF) Concept and Principles of Preventive Diplomacy [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations. - 6 November 1999. – Mode of access: www.aseansec.org/520.htm
23. Dupont, A. ASEAN's Response to the East Timor Crisis / Alan Dupont. - Australian Journal of International Affairs. - vol. 54. - №2(7000). – p. 165
24. Concept and Principles of Preventive Diplomacy. Annex D to Chairman's Statement. The Eighth Meeting of the ASEAN Regional Forum. – Hanoi, Vietnam, 25 July 2001 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations. - Mode of access: www.aseansec.org/3571.htm
25. Enhanced Role of the ARF Chair. Annex B to Chairman's Statement. The Eighth Meeting of the ASEAN Regional Forum. – Hanoi, Vietnam, 25 July 2001 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/tabid/66/Default.aspx
26. Co-Chairs' Paper on the Terms of Reference for the ARF Experts/Eminent Persons (EEPs). Annex C to Chairman's Statement. The Eighth meeting of the ASEAN Regional Forum. – Hanoi, Vietnam, 2001 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/EnhancedRoleoftheARFChairEEPs/tabid/112/Default.aspx
27. Concept and Principles of Preventive Diplomacy. Annex D to Chairman's Statement. The Eighth Meeting of the ASEAN Regional Forum. – Hanoi, Vietnam, 25 July 2001 [Electronic resource] / Association of Southeast Asian Nations. - Mode of access: www.aseansec.org/3571.htm
28. Chairman's Statement. The Ninth Meeting of the ASEAN Regional Forum. - Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam 31 July 2002 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/ChairmansStatementofthe9thMeetingoftheASE/tabid/88/Default.aspx
29. Chairman's Statement. The Twelfth Meeting of the ASEAN Regional Forum. - Vientiane, Laos 29 July 2005 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/tabid/66/Default.aspx
30. Chairman's Statement. The Thirteenth ASEAN Regional Forum. - Kuala Lumpur, Malaysia, 28 July 2006 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/tabid/66/Default.aspx
31. Chairman's Statement. The Thirteenth ASEAN Regional Forum. - Kuala Lumpur, Malaysia, 28 July 2006 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/tabid/66/Default.aspx
32. Chairman's Statement. The Fourteenth ASEAN Regional Forum. - Manila, the Philippines, 1 August 2007 [Electronic resource] / The ASEAN Regional Forum Official Website. – mode of access: www.aseanregionalforum.org/PublicLibrary/ARFChairmansStatementsandReports/tabid/66/Default.aspx

Внешнеполитические ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ

О.В. Шишкина

В статье рассматривается феномен пространства «общего соседства» России и Европейского союза, которое включает в себя восточноевропейские государства СНГ – Беларусь, Молдову и Украину. Автор предлагает периодизацию процесса возникновения «общего соседства» и, исходя из гипотезы о том, что в основе внешней политики участника международных отношений находятся внешнеполитические ресурсы, проводит сравнительных анализ внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства». Результаты сравнения используются для выделения трех сфер, по которым наиболее вероятно создание соглашений трехстороннего формата Россия – государства «общего соседства» - ЕС: модернизация, энергетика, политические контакты.

После восточных расширений Европейского союза 2004 и 2007 гг. в Восточной Европе на пространстве между Россией и ЕС осталось лишь три государства – Украина, Беларусь и Молдова. Основные факторы, которые выявили потребность в рассмотрении этих государств в качестве единого пространства «общего соседства», представляли собой:

— параллельную заинтересованность России и ЕС в сотрудничестве с ними;
— тесные связи этих государств с Россией и ЕС;
— общую историю в составе СССР;
— роль транзитеров российских энергоресурсов в государства ЕС;
— необходимость учитывать позиции России и ЕС при проведении их внешней политики.

О России, ЕС и их «общих соседях». В Европе в этой связи сложилась международно-политическая ситуация, которая наилучшим образом вписывалась в формат треугольника Россия – «общее соседство» – ЕС, а отношения в треугольнике стали оказывать решающее влияние на развитие международных отношений в Европе. Тем не менее, осознание «трехсторонности» возникло далеко не сразу, а отсутствие соглашений трехстороннего формата, дает возможность предполагать, что этот процесс еще не завершен. В данной статье автор утверждает, что:

а) Россия и ЕС внесли существенный вклад в формирование «общего соседства» как пространства, обладающего общими чертами;

б) несмотря на традиционное представление о Европейском союзе как качественно ином, нетрадиционном участнике международных отношений, его политика в отношении государств «общего соседства» имеет много общего с политикой России, традиционного их участника. Отличия основываются в первую очередь на имеющихся у России и ЕС внешнеполитических ресурсах – потенциале, который используется для достижения внешнеполитических целей.

Возникновение пространства «общего соседства»: роль России и ЕС. «Общее сосед-

Шишкина Ольга Владимировна – аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ство» - не единственное, но широко используемое исследователями обозначение региона[1] «новой» Восточной Европы[2] - государств, расположенных между Россией и ЕС. Согласно российскому подходу, в качестве «общих соседей» рассматриваются только три восточноевропейских государства, так как общие границы с Россией и ЕС имеют только Украина и Беларусь, а высокая степень вовлеченности России и ЕС в решение приднестровского конфликта позволяют относить к «общему соседству» не имеющую общую границу с Россией Молдову[3].

Хронологические рамки для сравнения внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства» определяются временем появления у России и ЕС «общих соседей» и началом проведения по отношению к ним более активной внешней политики. У России всплеск внимания к этим государствам относится к 2000-2003 году[4], когда она становится инициатором создания сразу двух экономических интеграционных объединений, в которых участвуют рассматриваемые восточноевропейские государства СНГ, «жизненно важный регион»[5] для России. У Европейского союза повышенное внимание к государствам – «новым соседям[6]» официально проявилось в 2003 году, когда в преддверии расширения начала оформляться Европейская политика соседства[7].

Как представляется, развитие международно-политической ситуации в треугольнике Россия – государства «общего соседства» - ЕС можно разбить на несколько этапов. *На первом этапе* – с 2000 по 2003 год происходит осмысление новых приоритетов внешней политики всех сторон. Россия с 2000-го г. предпринимает несколько попыток привлечь наиболее развитые государства СНГ[8] к экономической интеграции путем создания Евразийского экономического сообщества и Единого экономического пространства[9]. В Европейском союзе начинается дискуссия[10] о необходимости вовлечь «новых европейских соседей» в более тесное сотрудничество[11] и предотвратить возникновение «новых разделительных линий[12] в Европе. Ни Россия, ни ЕС на этом этапе еще не осознали, насколько переплетены их интересы в государствах, ставших их «общими соседями», и не воспринимают их как соседей общих.

Второй этап – с 2004 по 2008 год, - это этап прагматизации отношений России с государствами-соседями и этап претворения в жизнь Европейской политики соседства. Россия отказывается от участия в Европейской политике соседства, так как считает существующий формат «стратегического партнерства» с ЕС более высокой стадией сотрудничества, и не желает оказаться на одном уровне отношений с другими государствами-партнерами ЕС. В этот период происходит первая оценка осуществления политики соседства как в самом ЕС, так и в государствах «общего соседства». С 2005 года идет дискуссия о необходимости реформирования политики соседства ЕС в связи с отсутствием регионального компонента и низкой привлекательностью для восточноевропейских государств[13].

Расхождение интересов России и ЕС, равно как несовместимость проектов сотрудничества и общий политический контекст приводят к охлаждению отношений между Россией и ЕС (и «Западом» в целом)[14]. Завершается этап конфликтом в Южной Осетии в августе 2008 года, когда различия во взглядах России и ЕС на «общих соседей» становятся наиболее очевидными.

Третий этап - с 2008 года по настоящее время. На развитие отношений в треугольнике Россия – государства «общего соседства» - ЕС оказывают влияние два основных события: создание инициативы ЕС «Восточное партнерство» и финансово-экономический кризис. Инициатива, обращенная в том числе к государствам «общего соседства», появляется в чрезвычайно неблагоприятных условиях, так как воспринимается первоначально как ответ на российскую военную операцию августа 2008 года и продолжение активных действий ЕС на пространстве чрезвычайно важного для России «общего соседства». Экономический кризис увеличивает необходимость сотрудничества между Россией и ЕС и способствует улучшению отношений между ними. К моменту официального запуска «Восточного партнерства» Россия отказывается от резко отрицательного отношения к ней и занимает выжидательную позицию. Смена политического руководства на Украине, политическая нестабильность в Молдове и политические разногласия с Беларусью меняют политические приоритеты государств «общего соседства», однако это не оказывает влияния на отношения между Россией и ЕС – напряженность в отношениях России и ЕС по поводу «Восточного партнерства» постепенно уходит.

Внешнеполитические ресурсы и интересы России и ЕС на пространстве «общего соседства». Внешнеполитические ресурсы являются своеобразной «отправной точкой» для формирования внешней политики участника международных отношений[15], или той «сферы политики, которая направлена вовне с целью оказания влияния на участников мировой политики для достижения интересов, целей и распространения ценностей»[16].

Именно поэтому сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов[17] может дать наиболее полную картину при рассмотрении внешнеполитического взаимодействия России и Европейского союза с государствами «общего соседства»:

— *во-первых*, снижается зависимость от стереотипов представлений о собственных внешнеполитических возможностях: для сравнения внешнеполитических ресурсов требуется четко осознавать свои интере-

сы, ставить достижимые цели и грамотно оценивать собственные и чужие ресурсы;

— *во-вторых*, «инвентаризация» имеющихся у России и ЕС ресурсов представляется необходимой в связи с остротой возникающих вокруг пространства «общего соседства» проблем, высокой динамикой развития процессов и часто неадекватными оценками собственных возможностей как со стороны России, так и со стороны ЕС[18]. Переход на уровень внешнеполитических ресурсов, интересов и целей позволяет рассматривать международно-политическую ситуацию на пространстве «общего соседства» менее эмоционально;

— *в-третьих*, применение одинакового алгоритма сравнения для внешнеполитических ресурсов России, традиционного участника международных отношений, и ЕС, нового игрока, дает возможность выделить их кооперационный потенциал. Несмотря на различные формулировки интересов и целей, средства их достижения одни и те же, что наводит на мысль о том, что и интересы и цели не столь сильно разнятся, как кажется на первый взгляд.

Анализ внешнеполитических документов России и ЕС[19] позволяет выделить три основных интереса России и ЕС в государствах «общего соседства». Они заключаются:

а) в обеспечении собственной *безопасности*, что в условиях современных международных отношений в Восточной Европе означает преимущественно решение вопросов так называемой «мягкой» безопасности;

б) в интересах и России, и ЕС – достижение максимальных экономических преимуществ, необходимых для сохранения и закрепления лидерства в Европе и мире;

в) Россия и ЕС заинтересованы в поддержании и упрочении статуса региональных лидеров.

Несмотря на устоявшиеся стереотипы восприятия Европейского союза как некоего «иного», нежели национальные государства, субъекта мировой политики, по параметрам поведения на международной арене он становится все более и более сопоставим с традиционными игроками. Именно поэтому сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства» проводится на основании «однородности» России и ЕС как двух крупнейших внешнеполитических игроков Европы, их территориальной и исторической близости к государствам «общего соседства»: Украине, Беларуси и Молдове и заинтересованности в устойчивой политической ситуации в них.

Алгоритм сравнения внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства». Для сравнения внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства» целесообразно использовать алгоритм, развивающий традиционную структуру политика-экономика-культура, конкретизируя ее для внешнеполитических ресурсов и применяя ее к пространству «общего соседства».

Политические ресурсы поддаются сравнению, если их рассматривать в институциональном аспекте и разделять на общеполитические, политико-экономические и военно-политические внешнеполитические ресурсы России и ЕС в соответствии с ключевыми сферами предлагаемого государствам «общего соседства» сотрудничества. В сравнении учитываются особенности политических ресурсов, которые сильно зависят от организационных возможностей России и ЕС и наличия опыта в создании интеграционных объединений. Политические ресурсы включают в себя способность России и ЕС осознать свои внешнеполитические потребности, создать механизмы, удовлетворяющие интересам и преобразовать их в такие формы сотрудничества, которые бы были приемлемы для государств «общего соседства».

Среди общеполитических ресурсов сравнимы такие зонтичные инициативы России и ЕС по отношению к государствам «общего соседства», как Содружество Независимых Государств и Европейская политика соседства. Среди политико-экономических ресурсов – региональные проекты: Евразийское экономическое сообщество и Восточное партнерство, Организация черноморского экономического сотрудничества и Черноморская синергия, Союзное государство России и Беларуси. Среди военно-политических – проекты и программы военного сотрудничества, такие, как Организация договора о коллективной безопасности и воздействие фактора НАТО на внешнеполитические приоритеты государств «общего соседства»; подходы к решению замороженного конфликта в Приднестровье.

Подобный подход позволяет упорядочить разнообразные интеграционные проекты, предлагаемые Россией и Евросоюзом государствам «общего соседства», а также выявить общие интересы России, ЕС и государств «общего соседства», исходя из активности участия в этих проектах государств «общего соседства».

В качестве ключевых пунктов сравнения экономических ресурсов на пространстве «общего соседства», общих для России и ЕС, можно рассматривать экономико-политические параметры взаимозависимости экономик, внешнеторговые ресурсы, финансовые ресурсы и трудовые ресурсы. Это материальные ресурсы, на которые существенное влияние оказывает информация о событиях не только европейского, но и мирового значения. Этот вид ресурсов достаточно легко применить при наличии административно-организационных возможностей для принятия соответствующего решения.

Указанный алгоритм сравнения экономических ресурсов позволяет проанализировать,

насколько взаимосвязаны экономики государств «общего соседства», России и ЕС, а также проследить, насколько оправданы попытки создания широкомасштабного сотрудничества (сразу по нескольким отраслям экономики) между Россией и государствами «общего соседства» и между ЕС и государствами «общего соседства».

Гуманитарные ресурсы России и ЕС в государствах «общего соседства» сравниваются путем рассмотрения социально-психологических и идеологических, информационно-пропагандистских ресурсов. Гуманитарные ресурсы включают в себя материальные демографические ресурсы и «нематериальные» представления и чувства граждан различных участников международных отношений по отношению друг к другу, попытки идейного и идеологического воздействия друг на друга и наличие подготовленных кадров для использования гуманитарных ресурсов на благо внешней политики. Сравнение гуманитарных ресурсов дает возможность выявить, насколько тесно связаны общества России и государств «общего соседства» с одной стороны, и ЕС и государств «общего соседства» с другой стороны, а также каковы перспективы взаимоотношений между тремя участниками треугольника на наиболее низком уровне контактов – уровне «контактов между людьми[20]».

Выводы на основании сравнения ресурсов России и ЕС. Из сравнения внешнеполитических ресурсов России и ЕС на основании изложенного выше алгоритма, вытекает несколько основных выводов:

— ни у России, ни у ЕС нет проекта, в котором бы активно участвовали все три государства «общего соседства»;
— военно-политические инициативы России не отвечают интересам двух из трех государств «общего соседства», а вовлеченность государств «общего соседства» в диалог с НАТО снимает сложные военно-политические вопросы с повестки дня их отношений с ЕС;
— модернизация, один из ключевых внутриполитических вопросов России, столь же остро необходима государствам «общего соседства». В этой сфере логичными партнерами могут стать как ЕС (для проведения модернизации «адаптивного типа»[21]), так и государства «общего соседства», в первую очередь, Украина и Беларусь, сохранившие достаточный научный потенциал для модернизации «креативного типа»;
— информационные ресурсы России, несомненно, уступают ресурсам ЕС в сопровождении внешнеполитических инициатив, однако это отставание в отношениях с «общими соседями» меньше, чем в отношениях с государствами дальнего зарубежья;
— торгово-экономические ресурсы России в государствах «общего соседства» демонстрируют подавляющий перевес торговли энергоресурсами и их транспортировки, что, в конечном счете, оказывается решающим фактором не только в экономических отношениях между Россией и государствами «общего соседства», но и в отношениях России, ЕС и государств «общего соседства»;
— зависимость государств «общего соседства» от экспорта и импорта ограниченного числа товаров и услуг и низкая диверсификация торговых направлений приводит к высокой зависимости Украины, Беларуси и Молдовы от политических отношений с Россией и ЕС;
— финансовые ресурсы России и ЕС в государствах «общего соседства» сопоставимы, однако Россия уступает в информационном обеспечении своей финансовой поддержки. Поэтому она не всегда может преобразовать затраченные финансовые ресурсы в составной элемент «мягкой силы» и использовать их в долгосрочной перспективе. ЕС соблюдает созданные им четкие нормативно-правовые критерии предоставления помощи, и это позволяет проследить, как используются выделенные средства;
— трудовые ресурсы России и ЕС сопоставимы благодаря более высокому уровню жизни в России, чем в государствах «общего соседства», безвизовому режиму и более мягкой миграционной политике, а также русскому языку, владение которым упрощает адаптацию граждан государств «общего соседства» в России;
— информационно-пропагандистские ресурсы России и ЕС на пространстве «общего соседства» сопоставимы благодаря широкому распространению русского языка в этих государствах;
— «общий исторический ресурс»[22] - нахождение в составе СССР в прошлом, – оказывает как положительное (высокая степень эндогамности населения России, Украины, Беларуси и Молдовы создает благоприятный психологический фон), так и отрицательное воздействие (отрицательное отношение к активной языковой политике России) на условия применения российских внешнеполитических ресурсов;
— из трёх государств «общего соседства» наиболее быстро сокращаются внешнеполитические ресурсы России в Молдове, единственном из государств, не имеющих общей границы с Россией. Ситуация вокруг Приднестровья (военно-политическая, экономическая и идеологическая), а также урегулирование политического кризиса в Молдавии – основные вопросы, в решении которых заинтересована Россия, могут оказаться без необходимых ресурсов для проведения российской внешней политики на молдавском направлении.

Таким образом, результаты сравнения внешнеполитических ресурсов России и ЕС показывают, что в отношениях между сторонами сложившегося треугольника в наибольшей

59

степени перспективно развитие трехсторонних соглашений по трём основным направлениям: осуществлению модернизации, налаживанию взаимовыгодных энергетических отношений и поддержанию бесконфликтных политических отношений в целом.

Очевидно, что состав партнеров России в достижении первых двух указанных общих задач может быть расширен за счет одного из четырех наиболее развитых государств СНГ – Казахстана, имеющего свои интересы в сфере модернизации и торговли энергоресурсами. Поддержание бесконфликтных отношений между Россией, ЕС и государствами «общего соседства» пока, наверное, достаточно рассматривать в формате лишь трёх восточноевропейских государств, не включая в него государства Закавказья. Отношения России с этими государствами пока слишком загружены вопросами двустороннего характера.

Радует тот факт, что во внешнеполитическом ведомстве России, равно как и в Европейском союзе все больше складывается понимание того, что все три стороны международно-политического треугольника нуждаются в определении «правил игры». Об этом многократно говорил министр иностранных дел России, С.В. Лавров, аналогичные высказывания были среди представителей Европейского союза[23]. Понимают участники международных отношений и сложности, которые обусловлены незавершенным процессом становления внешнеполитических приоритетов в государствах «общего соседства», в ЕС и в России. Хочется верить, что по результатам переговоров удастся добиться ситуации, когда успехи одного из игроков не будут восприниматься как неудачи другого[24].

Shishkina O.V. Russian and EU Foreign Policy Resources in the "Common Neighborhood": Comparative Analysis.

Summary: *The article considers Russian and EU's "common neighbourhood", which includes Eastern European CIS states – Belarus, Moldova and Ukraine. The author divides into periods the "common neighbourhood" phenomena and proceeding from the hypothesis that foreign policy resources lay at the core of an international actor's foreign policy, compares Russian and EU foreign policy resources. The comparison results reveal three spheres where three-party agreements (Russia – 'common neighbourhood' – EU) are most probable: modernization, energy sector, political contacts.*

Ключевые слова

Внешнеполитические ресурсы, «общее соседство», Россия, ЕС, сравнительный анализ, Украина, Беларусь, Молдова, модернизация.

Keywords

Foreign policy resources, "common neighbourhood", Russia, the EU, Ukraine, Belarus, Moldova, modernization.

Примечания

1. Понятие региона используется в трактовке А.В. Мальгина: «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными» // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО, 2002. С. 214.
2. Истоки термина можно найти в польской международно-журналистской и исследовательской среде после "оранжевой революции" на Украине. В настоящее время в Польше издается журнал «Новая Восточная Европа», в сфере интересов которого события в Центральной и Восточной Европе, в Закавказье и Центральной Азии. Бурнетко К. «Новая Восточная Европа». http://www.novpol.ru/index.php?id=1354. Термин также активно используется российским исследователем Д.В. Трениным для обозначения одного из трех регионов, возникших на пространстве бывшего СССР. В число государств, относящихся к этому региону, вошли Украина, Беларусь и Молдова, объединенные в «новую геополитическую реальность». Тренин Д.В. «Россия и новая Восточная Европа». Расшифровка лекции в «Доме Ученых», Киев, 31 марта 2010 г. Центр Карнеги, http://www.carnegie.ru/publications/?fa=40669.
3. Представители ЕС включают в число «общих соседей» еще и три закавказских государства: Армению, Азербайджан и Грузию.
4. В 2000 году было образовано Евразийское экономическое сообщество. К 2003 году относится подписание документов о создании Единого экономического пространства России, Беларуси, Казахстана и Украины.
5. Раздел «Географические направления внешней политики. Пространство СНГ». Обзор внешней политики России, 27 марта 2007 года. Впоследствии, в официальных внешнеполитических документах Россия отошла от использования жесткой реалистической риторики. В Концепции внешней политики 2008 года говорится о приоритетных отношениях с «сопредельными» государствами, в особенности с государствами СНГ.
6. Определение Украины, Беларуси и Молдовы как государств "нового соседства" возникло в связи с расширением Европейского союза и перемещением его границ на востоке Европы к Украине, Беларуси и Молдове. ЕС ранее с этими государствами не граничил.
7. В 2003 году принято коммюнике «Большая Европа – новые соседи». Communication from the Commission to the Council and the European Parliament «Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours». COM(2003) 104 final. Brussels, 11.3.2003.
8. Россия, Украина, Беларусь, Казахстан.
9. Предусматривает создание зоны свободной торговли, а затем - таможенного союза, из чего вытекает необходимость совместного вступления во Всемирную торговую организацию. Созданное тремя годами ранее Евразийское экономическое сообщество не смогло объединить в себе все наиболее развитые государства СНГ (Украина участвует в деятельности организации на правах наблюдателя).
10. Призыв разработать политику по отношению ко «всем нашим соседям» указан в Рабочей программе Комиссии на 2002 год. COM(2001)620 final, Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee

and the Committee of the Regions. The Commission's Work Programme for 2002,5.12.2001. P.8, http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/site/en/com/2001/com2001_0620en01.pdf

11. Великобритания предлагала разработать особую политику по отношению к Беларуси, Молдове и Украине, в то время как Швеция настаивала на включении в эту политику наряду с указанными тремя государствами России и государств Средиземноморья. Karen E. Smith «The Outsiders : the European Neighbourhood Policy", International Affairs 81, 4 (2005), p. 759, Andreas Marchetti, "The European Neighbourhood Policy. Foreign Policy at the EU's Periphery", Discussion Paper C158, 2006, Zentrum für Europäische Integrationsforschung, Rheinische Friedrich-Wilchelms-Universität Bonn, p.6
12. COM(2003) 104 final, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament "Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours", 11.03.2003, p. 4.
13. Политика соседства даже сравнивается с «воздушным пузырем», не способным стимулировать проведение реформ в государствах «общего соседства». Kai Olaf Lang "Closeness with new bonds – the EU and its Neighbourhood Policy towards Eastern Europe", SWP, Germany, in: Baltic-German Dialogue, Vilnius, 20 May 2005
14. Недовольство России участием западных структур в «цветных революциях» воспринимается как имперские амбиции. Усиливаются расхождения в политике России и ЕС в том числе по отношению к своим «общим соседям» после речи В.В. Путина на Мюнхенской конференции по политике безопасности. (10.02.2007).
15. Wilhelm A. Aussenpolitik: Grundlagen, Strukturen und Prozesse. Oldenbourg Wissenschaftsverlag GmbH, 2006, p.158. Хрусталев М.А. Основы теории внешней политики государства, М., 1984. С. 55.
16. Keukeleire, Stephen The Foreign Policy of the European Union / Keukeleire, Stephen, MacNaughtan, Jennifer. Palgrave macmillan, 2008, p. 19.
17. Сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов России и ЕС на пространстве «общего соседства», осуществляемый в рамках более широкого системно-исторического подхода, позволяет выявить взаимозависимость между переменными (т.е. внешнеполитическими ресурсами), их общие и различные черты путем тщательного отбора небольшого количества параметров (конкретизация внешнеполитических ресурсов) и «однородности» сравниваемых объектов, России и ЕС (в соответствии с теорией А. Лейпхарта. См. Lijphart, Arend Comparative Politics and the Comparative Method // The American Political Science Review, Vol. 65, No. 3, (Sep., 1971), p. 686.)
18. В России существует глубоко укоренившееся мнение о полной экономической зависимости государств «общего соседства» от России, что должно вести к неизбежному тесному экономическому и политическому сотрудничеству с Россией. ЕС, возможно, также переоценивает свои индивидуальные способности по приведению государств «общего соседства» к лучшей форме организации государственной власти и экономическому процветанию.
19. Концепция внешней политики России 12.06.2008, Стратегия национальной безопасности до 2020 г. 12.05.2009. Communication from the Commission «European Neighbourhood Policy. Strategy Paper». COM(2004) 373 final. Brussels, 12.5.2004. A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003.
20. Традиционная для документов ЕС формулировка, включающая в себя большинство аспектов российского «гуманитарного сотрудничества».
21. Вардомский Л.Б., А.В. Шурубович. Модернизация экономики в странах СНГ: типы, ресурсы, инструменты. Экономическое обозрение ЕврАзЭС+. 2008. №1 (13). Цит. по: Избранные статьи 2005-2009. Библиотека новой экономической ассоциации. М. 2010. С.611. (С. 603-613). Подробнее об этом в: Модернизация экономики в странах СНГ: национальные, региональные и глобальные факторы. Научные доклады Института экономики РАН. М.: 2008.
22. Лавров С.В.. Выступление перед студентами МГИМО(У) МИД России 1.09.2010.
23. Лавров С.В.: «Нельзя допустить, чтобы регион СНГ стал ареной соперничества между Россией и ЕС» // Воробьев В. Четырежды Европа // Российская газета - Центральный выпуск №3640 от 26 ноября 2004 г., http://www.rg.ru/2004/11/26/putin-gaaga.html. Webb, Michael. Интервью автора с М. Веббом, заместителем начальника отдела Директората по внешней политике Еврокомиссии по России и Северному измерению, 23.10.2009.
24. Термин активно используется как российскими представителями, так и представителями ЕС для описания взаимоотношений России и ЕС на пространстве «общего соседства». Например, см. Mark Leonard and Nicu Popescu «A Power Audit of EU-Russia Relations», ECFR/02 November 2007, p. 58.

Дейтон: пятнадцать лет спустя

В ноябре 2010 года дипломатическая и международная общественность отметила 10-летие с момента подписания Дейтонского соглашения, выработанного в ноябре 1995 года на военной базе США в Дейтоне (штат Огайо). В октябре 2010 года в одном из предусмотренных соглашением образований - в Республике Сербской, - состоялись парламентские выборы. На которых конституционное большинство завоевали сторонники премьер-министра страны М. Додика и его партия «Союз независимых социал-демократов». Сам М. Додик выиграл президентскую гонку. В своей первой речи, теперь уже как президент Республики Сербской, он заявил: «Я за Боснию и Герцеговину, но она возможна только с Республикой Сербской и ее полномочиями, прописанными в Дейтонском соглашении. Те, кто мечтает об унитарной БиГ (Боснии и Герцеговине) или надеется под прикрытием европейских интеграций лишить Республику Сербскую власти, должны знать, что мы никогда и ни при каких условиях не откажемся от своей автономии, даже ценой вступления в Евросоюз».

Однако, несмотря на то, что Дейтонское соглашение является одним из краеугольных камней мирного сосуществования народов на территории бывшей республики СФРЮ, Боснии и Герцеговине, часть экспертов рассматривает данное соглашение как «платформу» для дальнейшей дестабилизации ситуации в регионе. Основной причиной, по которой их не устраивает Дейтонское соглашение, является тот факт, что за 10 лет его существования так и не произошло улучшения в сфере отношений между сербской, хорватской и мусульманской сторонами.

Россия, как один из подписантов и гарантов этого международного соглашения, выступает планомерно за сохранение без каких-либо видоизменений данного соглашения. Иными словами, внешнеполитическое руководство российского государства не считает целесообразным что-либо предпринимать в данном направлении. Россия на встречах и консультациях различного уровня по данному вопросу стоит на незыблемых позициях: «Дейтон незаменим и не подлежит трансформации». Единственный минус данной позиции заключается в том, что в случае каких-либо потрясений, Россия не имеет своего «запасного варианта». Между тем, разница в подходах остальных подписантов Дейтонского соглашения очевидна. Прозападные политики в БиГ посредством поддержки различных сторон постоянно «находят возможности» размывать основы Дейтонского соглашения.

Если Германия, США, Хорватия и прочие прозападные стороны пытаются потихоньку подмывать Дейтон в нужном для них направлении, а заодно и «проверять» позицию России на этот счет, то Москва «отбивается» общепринятыми заявлениями на дипломатическом уровне по всем возникающим аспектам. Получается, что все стороны движутся по разноскоростным трекам к различным точкам зрения. По сути, Дейтонское соглашение являет собой образец замораживания конфликта, но при этом в дальнейшей стратегической перспективе превращается в узел, который стягивается на «шее» Республики Сербской.

Именно поэтому «дейтонская» тематика постоянно фигурирует в высказываниях всех политиков Боснии и Герцеговины. В этой связи, будет не лишним узнать о точке зрения на этот счет тогда еще премьер-министра Республики Сербской Милорада Додика, который в марте 2010 года посещал Москву с официальным визитом. Он, в частности, заявил: «Если Косово имело юридическое право провозгласить свою независимость, то почему такого права не имеет Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины? Но мы являемся частью международного договора, который называется «Дейтонское соглашение» и находимся практически под протекторатом ООН. Наши односторонние действия в направлении отделения принесли бы нам гораздо больше вреда, чем пользы. Мы не авантюристы. И, несмотря на то, что, по нашему мнению, это не отнимает у Республики Сербской права когда-либо, может быть, поставить такой вопрос для себя, в данный

момент он абсолютно неактуален». «Именно поэтому все государство Боснии и Герцеговины не признало независимость Косово, - продолжил глава правительства РС. - Конечно, боснийская мусульманская часть Боснии и Герцеговины признала независимость этого новообразования. Но Республика Сербская как часть Боснии и Герцеговины, это решение не приемлет».

Милорад Додик высказался и по поводу проведения референдума по вопросу об отделении от боснийской стороны: «Республика Сербская (и по Дейтонским соглашениям, и по конституции государства Боснии и Герцеговины) имеет право на проведение референдума. Это высшая форма волеизъявления народа. Сейчас мы как раз приняли закон о референдуме. Там предусмотрен способ его проведения, сроки и процедуры, сопровождающие референдум. Почему-то многие трактовали это как наш первый шаг к проведению референдума о самостоятельности. Но я сказал уже и повторю, что сейчас это не стоит на повестке. Сейчас на повестке дня стоит вопрос нашей борьбы за законодательство. Потому что Высокий представитель ООН (глава АВП, Аппарат Высокого Представителя ООН) фактически осуществляет юридическое насилие в нашей стране - он заставляет принимать законы. Хотя это не входит в сферу его компетенции и противоречит воле нашего народа. Поэтому на референдум может быть вынесен вопрос о том, поддерживает ли народ Республики Сербской правовое насилие, которое осуществляет Высокий представитель. Но я повторю, это опять же не означает того, что мы никогда не вынесем на референдум и вопрос о нашем статусе. Мы считаем, что это вопрос не насилия и войны - это демократический вопрос».

Если размышлять о том, что Россия может предпринять в таких условиях, то очевидными шагами являются укрепление, прежде всего, экономических связей, а также поиск более благонадежных партнеров по позиции в отношении Дейтона, не исключая расширения формата Контактной группы. При этом, надо подчеркнуть что отношения между нашими братскими народами крепнут (открыто Представительство Правительства РС в Москве, ведутся переговоры по ветке «Южный поток» через РС, обсуждается участие российского бизнеса в инфраструктурных объектах РС). Однако, импульс очень слаб. Необходимо участие высшего руководства российской стороны в этом вопросе. Нужен какой-то призыв ко всем горизонталям и вертикалям бизнеса, который бы подтолкнул к развитию мелкого, среднего и прочего предпринимательства с Республикой Сербской. По современным меркам очень низок и уровень культурных связей. Не существует кафедр русского языка, полноценного обмена студентами между высшими учебными заведениями СР и РФ.

К сожалению, до сих пор преобладает точка зрения, что Республика Сербская находится где-то в зоне военного конфликта. Это не соответствует действительности. Как любой регион, который находится вблизи Адриатического моря, Республика Сербская обладает очевидными плюсами. Это туризм, недвижимость, банковский сектор, военные предприятия, камнеобрабатывающая и деревообрабатывающая промышленность, очень развитая сельскохозяйственная промышленность. При этом, надо понимать что БиГ находится в процессе постепенного перехода к членству в ЕС, что является очень хорошим сигналом для людей, размышляющих о перспективах. Приобретая объекты в РС, которая в перспективе станет частью Евросоюза, собственники, таким образом, приобщатся к уже более благонадежному бизнесу, другим деньгам.

Республика Сербская даже в самостоятельном порядке становится более цивилизованной и более «правовой», однако «следы» потухнувшего конфликта еще видны. Россия могла бы на взаимовыгодных для сторон условиях занять место локомотива и передового партнера для РС, чем существенно бы укрепила и ситуацию в регионе.

Заместитель Главы
Представительства РС в Москве
И.С. Морозов.

Босния и Герцеговина: государство без государственности

Е. Г. Пономарева

Овцам бесполезно принимать резолюции в пользу вегетарианства, пока волки придерживаются противоположного мнения.

Закон Мерфи

В статье дается анализ проблем и перспектив политического развития современной Боснии и Герцеговины (БиГ); рассматриваются различные концепции государственности и модели государств. Исследуя специфику дейтонской Боснии и процесс пересмотра основных положений Мирного соглашения (МС) 1995 года, автор доказывает, что созданная под непосредственным внешним вмешательством БиГ рассматривалась идеологами МС как «государство переходного периода». Ускоренная в последнее время централизация Боснии и подготовка ее вступления в НАТО имеет целью создание еще одного протектората на Балканах. В статье делается вывод о глобальных процессах переформатирования мировой системы, в которой малым нациям отводится роль строительного материала для неоимперий.

Среди ряда особенностей современного этапа развития мировой системы следует, в числе прочих, назвать двойственность процессов государственного строительства. С одной стороны, в череде политических, социально-экономических и этноконфессиональных кризисов происходит дробление некогда единых политических пространств (СССР, СФРЮ, СРЮ, Сербия). «Трансформация через разъединение» рождает целый ряд новых государств, стремящихся стать суверенными субъектами международной системы. С другой стороны, логика «трансформации через объединение» приводит к появлению крупных политических союзов. В их рамках новые государства «передают» часть своих классических прерогатив - формирование правового поля, экономическое и социальное планирование, обеспечение безопасности, защита территории, - транснациональным институтам этих союзов (ЕС, ОБСЕ, НАТО).

Политическое развитие на постъюгославском пространстве также проходит одновременно в двух измерениях и с разной степенью активности - это построение национальных государств, а также политическое и экономическое включение этих институтов в наднациональные структуры. В этом смысле Босния и Герцеговина (БиГ) представляет очень интересный случай. Этот казус позволяет не только исследовать специфику государственного строительства в логике названного параллелизма, выявить механизмы и закономерности формирования государственности этой страны в современных условиях, но и увидеть возможное будущее как Балканского региона, так и постсоветского пространства.

Государственность как способность создать государство. В современной политической науке понятие государственность является одним из самых дискуссионных. Например, И. Валлерстайн, ссылаясь на Ч. Тилли, считает, что имеет смысл говорить о «государственности *(statism)* как особом качестве» государства и даже о феномене государственности[1]. Но чаще

Пономарева Елена Георгиевна – к.и.н., доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

это понятие используется как синоним государства, а также для обозначения какого-либо этапа в его развитии (например, боснийская государственность, государственность боснийских сербов или боснийских мусульман).

Несомненный интерес вызывает концепция М.В. Ильина, который развивает идеи Дж.П. Неттла[2] и предлагает рассматривать государственность как понятийную категорию, которая включает понятия «статусность», «принадлежность к сообществу государств-состояний *(statehood)*», и «состоятельность» как «соответствие своей собственной природе государства-состояния» *(stateness)*»[3].

Если состоятельность характеризует внутреннее развитие социума, результатом которого может стать государство, то статусность позволяет определить место этого государства, в зависимости от масштабности и международных функций, в мировой системе. Ч. Тили, в свою очередь, под состоятельностью понимает «степень, в которой инструменты правления дифференцированы, централизованы, автономны и формально скоординированы друг с другом»[4].

Иными словами, состоятельность показывает способность, потенцию социума организовать политическую рамку своего бытия, то есть создать государство. Состоятельность versus способность можно, вслед за С. Бартолини, детализировать посредством анализа:

(1) организационных возможностей для мобилизации ресурсов;

(2) внешней консолидации территории;

(3) способности поддерживать внутренний порядок;

(4) регулирующего вмешательства государства в экономическую и социальную сферы[5].

Состоятельность определяет государственность, весь строй общественной жизни, политический порядок, будучи зависимой, в свою очередь, от исторического развития нации и национальной идеи. Как отмечали Х. Линц и А. Степан, в обществе должно сформироваться «согласие относительно государственности»[6]. В то же время, государство может возникнуть и без государственности. Самыми яркими тому примерами являются несостоявшиеся, самопровозглашенные и непризнанные государства, хотя и у значительного числа членов ООН, несомненно, есть серьезные проблемы с государственностью.

В этой связи весьма показательным видится тезис Ж. Коломера, который считает, что помимо трех десятков государств-состояний и империй (к ним он относит Америку, Китай, Европу, Японию и Россию), остальные образования – так называемые «малые нации», – «не добились ни внутренней монополии на власть, ни внешнего суверенитета»[7], то есть государственностью не обладают. Ученый убежден, что существующие тренды мирового развития ведут к увеличению числа демократических «независимых и автономных стран» малых размеров, появляющихся на месте средних государств-состояний, что приводит к постепенному «стиранию» последних с политической карты мира. Более того, благополучие «малых наций» и «до сих пор неизведанные возможности для самоуправления», по его мнению, зависят от «таких обширных демократических империй, как США и ЕС»[8].

Иными словами, результат «трансформации через разъединение» зависит от «трансформации через объединение», от включения «малых наций» в наднациональные структуры имперского размера. Не разделяя такой неоимперский подход, я рассматриваю государственность как результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности конкретного социума по созданию относительно жесткой политической рамки, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, то есть собственного государства-состояния, национальной политической системы. Именно комплекс исторических, культурных, политических, экономических и геополитических причин определяют как сам процесс формирования государственности, так и его результаты – возникнет ли государство-состояние, способное не только получить некий статус в системе международных отношений, но и играть определенную роль в мировой системе.

Иными словами, государственность нельзя ни заимствовать, ни импортировать, ни провозгласить. Государственность – это сущность государства, его внутренняя природа, являющаяся результатом сложного исторического процесса. Тем не менее, эпоха модерна породила множество государств, в которых статусность и состоятельность причудливым образом соединяются либо доминируют друг над другом, либо отсутствуют вовсе. Неоднозначность и неравновесность вышеназванных причин в каждом конкретном случае способны порождать как различные формы государственности, начиная от устойчивой и заканчивая квази-государственностью, так и ее конкретные модели, например, нация-государство, государство-нация, консоциация и ряд других[9].

«Мы выбираем, нас выбирают…». К вопросу о том, какие бывают государства. Впервые разные по типу политического устройства, размерам, мощи, религиозной и культурной среды политические образования «уравнял» Н. Макиавелли как *lo stato*[10], то есть как государства-состояния, что было эквивалентно понятию политический порядок. В научном дискурсе за семейством этих политических порядков закрепилось понятие государство. В свою очередь, «принцип суверенности государства соединил политическую власть с определенной территорией. Возникла возможность для воображения политического пространства совершенно новым способом, как *однородной, целостной* (курсив мой – Е.П.) территории»[11]. Население этой единой территории превратилось в «единый субъект, очерченный проведенными в физическом пространстве границами, подлежащий упоря-

дочиванию и администрированию»[12].

Однако формальные критерии или признаки государства не раскрывают, как бы сказал Р. Челлен, «форму жизни» социума. Многоликость современных государств может быть объяснена именно способом внутренней организации политического пространства и степенью зависимости/независимости от внешнего управления. Среди моделей государственности, основанных на принципах организации политического порядка и соответствующих постъюгославской эмпирике, следует назвать нацию-государство, государство-нацию, консоциацию и квази-государство.

Новые государства, то есть страны, обретшие независимость в результате распада «общего государства» (Ф.Г. Рёдер) находятся перед выбором парадигмы развития. Некоторые из них предпочитают *модель нации-государства (nation-state, l'etat-nation)*, успешная реализация которой зависит от соблюдения трех условий:

— полис и культурный демос должны почти совпадать;
— политическая элита должна быть едина в принятии данной модели;
— внешние факторы не являются препятствием в ее осуществлении[13].

К этим трем условиям необходимо добавить четыре характеристики нации-государства А. Степана:

— приверженность одной «культурной цивилизационной традиции»[14];
— ассимиляторская культурная политика;
— унитарное государство либо мононациональная федерация;
— республика, как правило, президентская или с широкими полномочиями главы государства.

Нация-государство предполагает сочетание особой политической формы национально-территориального суверенитета и культурной (языковой и/или религиозной) однородности какой-либо общности, возникшее как продукт эпохи модерна и ставшее своеобразным его символом. Жесткость этой формы определяется требованиями *гомогенности* общности. Очевидно, что дейтонская БиГ не отвечает вышеназванным параметрам и вряд ли когда-нибудь будет им соответствовать. Если, конечно, не будет реализован так называемый «хорватский сценарий», когда по итогам операций «Буря» и «Блеск» в 1995 г. (уничтожение Республики Сербская Краина) Хорватия стала мононациональной республикой (хорваты составляют 89,5% населения)[15].

В случае выбора этой модели при наличии более чем одной этнической группы естественны агрессивные, дискриминационные действия доминирующего этноса. Хотя пока в Боснии нет доминирующего этноса. По данным последней довоенной переписи 1991 г. мусульмане составляли – 43,7 %, сербы – 31,4 %, хорваты – 17,3 %, югославы – 5,5 %[16]. Официальных сведений о численности и структуре населения современной БиГ нет. Согласно статистике ЦРУ (мусульмане – 48 %, сербы – 37 %, хорваты – 14,3 %[17]) мусульманское население увеличилось, однако о доминировании говорить еще очень рано. Фактических оснований для реализации этой модели государственности я не вижу, но в условиях беспрецедентного вмешательства во внутренние дела стран и народов наднациональных структур (речь идет, прежде всего, о НАТО, МВФ, ВБ, ЕС и т.п.) полностью исключить возможность реализации этого сценария нельзя. Даже в обозримом будущем он может быть реализован.

Пока же культурное и этноконфессиональное многообразие БиГ определило интерес политиков и научного сообщества к другой модели – *государство-нация (state-nation)*[18]. Х. Линц и А. Степан, исходя из позиции, что «нация не обязательно равнозначна народу государства»[19], одними из первых обратили внимание на возможность государственного строительства путем немажоритарных и неплебисцитарных формул.

Главные отличия государства-нации как «поликультурного и даже многонационального образования» заключаются в том, что, во-первых, население страны состоит из приверженцев более чем одной культурной и цивилизационной традиции, однако это не препятствует столь же «сильной идентификации и преданности со стороны граждан»[20] общему государству, как и в нации-государстве. Во-вторых, признается и поддерживается более чем одна культурная идентичность. И наконец, реализована федеративная модель государственного устройства, часто ассиметричная. Оптимальная в этом случае форма правления – парламентская система.

Модель государства-нации не лишена недостатков. По мнению ее критиков, существование нескольких демосов в пределах одной политической рамки способно повлечь самые негативные последствия либо для территориальной целостности государства, либо для его демократического характера (если таковой имеется), либо для того и другого вместе. Кроме того, «если политическая единица, состоящая из нескольких исторических общностей, конституируется как государство-нация, то свобода политического самовыражения этих этнических групп, кроме титульной, будет ограничена, и их представители обретут эту свободу только ценой ассимиляции. Государство-нация по своей природе стремится к культурно-языковой однородности, даже не придавая этой цели радикального или метафизического смысла»[21].

Модель государства-нации не лишена недостатков. По мнению ее критиков, существование нескольких демосов в пределах одной политической рамки способно повлечь самые негативные последствия либо для территориальной целостности государства, либо для его демократического характера (если таковой имеется), либо для того и другого вместе. Кроме того, «если политическая единица, состоящая из нескольких исторических общностей, конституируется как

государство-нация, то свобода политического самовыражения этих этнических групп, кроме титульной, будет ограничена, и их представители обретут эту свободу только ценой ассимиляции. Государство-нация по своей природе стремится к культурно-языковой однородности, даже не придавая этой цели радикального или метафизического смысла» .

Историко-культурные и политические противоречия основных сегментов республики могут быть нейтрализованы в случае реализации модели *консоциации*[22], предложенной А. Лейпхартом[23] и дополненной Г. Лембрухом, Д. Горовицем, Б. Рейли и Г. Хейлом[24]. Основная идея консоциации заключается в создании модели управления, в которой учитывались бы интересы всех сегментов общества. В политической практике это должно иметь выражение в возможности сегментов равным образом оказывать влияние на процесс принятия решений.

Среди основных характеристик консоциации, которые могут быть применимы в БиГ, следует выделить:

1. Осуществление власти *большой коалицией*, включающей в себя партии или лидеров, представляющих все значимые сегменты многосоставного общества;
2. *Пропорциональность* как основной принцип политического представительства при назначении на ключевые государственные посты, на выборах в парламент и другие законодательные институты, при распределении ресурсов[25];
3. *Взаимное право вето* при принятии общественно важных решений как гарантия учета интересов меньшинств;
4. *Высокая степень автономии сегментов* общества в решении внутренних вопросов внутри каждой из групп. Решения, касающиеся всего общества, принимаются большой коалицией, внутрисегментные вопросы могут решаться автономно.

Конечно, успех модели консоциации зависит не только от реализации этих характеристик, но и от таких условий, как четкое разделение (идеологическое, этноконфессиональное, пространственное) сегментов; баланс сил; наличие внешних угроз и малый размер страны. Эти условия создают благоприятную среду, облегчая как реализацию принципа пропорционального представительства и создания коалиции, так и проведение автономной политики. Оптимальное количество сегментов многосоставного общества, при котором возможна наиболее эффективная реализация принципов консоциативной демократии – три или четыре. Наличие внешних угроз со стороны других государств или группировок способствует сплочению сегментов общества, которые вынуждены сосредоточивать внимание не на междоусобной конфронтации, а на проблемах, угрожающих всем сегментам данного общества. Небольшой размер территории государства также упрощает процесс разграничения сегментов и управления многосоставным государством.

Однако вышеперечисленные условия имеют не только благоприятные последствия для государственного строительства. Например, четкое разделение сегментов и их автономность могут легко превратиться в фактор внутренних (межнациональных) конфликтов и привести к сецессионному движению, а право вето меньшинств может завести в тупик политический процесс и спровоцировать политический кризис. Поэтому успех консоциации возможен только при условии, что существующие сегменты хотят сохранить общее государство и только в укреплении единой государственности видят возможности для реализации своих интересов. Кроме того, как справедливо отметил Г. Лембрух, консоциация является результатом длительного развития сегментарного общества, которое постепенно усваивает новые принципы и нормы политической культуры, связанные с формированием организации меньшинств, интегрируя их в единую политическую рамку[26].

Дж. МакГэрри и Б.О'Лири определили, что успешные консоциативные соглашения возможны даже при наличии этнических конфликтов, если:

— ни одна из конфликтующих этнических групп не ставит задачу в ближайшей или среднесрочной перспективе ассимиляции другой;
— элиты-«наследники» мотивированы на сохранение консоциативных договоренностей, а также имеют достаточную автономию внутри своих сообществ, позволяющую им идти на уступки и компромиссы, не опасаясь «обхода» со стороны этноцентричных радикалов[27].

Основные же недостатки консоциации ученые видят:

— в неспособности этой парадигмы устанавливать и поддерживать политическую стабильность в кризисной ситуации;
— в недостаточной демократичности (акцент на группах, а не на отдельных личностях);
— в непрозрачности и неформальности принятия решений;
— в пропорциональном представительстве;
— в акцентировании внимания на роли элит и игнорировании внеэлитных групп сегментов.

Кроме того, реализация принципа пропорционального представительства сегментов может привести к углублению этнических противоречий в обществе и породить еще большую нестабильность. Из-за отсутствия необходимости добиваться поддержки избирателей за пределами своего сегмента, в глубоко разделенных обществах лидеры могут прибегать к популистской риторике, эксплуатируя в собственных целях проблему межэтнических противоречий. Это еще больше обостряет существующие противоречия[28].

Наилучшим вариантом, по мнению Б. Рейли, являются преференциальные избирательные системы, в которых претенденты на руководящие посты зависят от избирателей не только своего сегмента, но и от других групп, что стимулирует сотрудничество между группами и приводит к смягчению позиций лидеров, которые стремятся заручиться всесторонней поддержкой. К таким избирательным системам относятся «система альтернативного голосования» и «система единого переходящего голоса»[29]. В этих системах кандидатам приходится выходить за рамки этнических разделений, демонстрировать свою готовность представлять интересы других групп общества. При этом начинают преобладать «центростремительные силы» – партии занимают более умеренные центристские позиции и готовы на компромиссные решения. Однако при всей справедливой критике пропорциональной системы, применительно к казусу БиГ следует отметить, что перспектива введения преференциальных избирательных систем крайне мала в силу отсутствия в стране оснований для умеренности и толерантности сегментов.

Еще один критик модели консоциации, Г. Хэйл, отмечает, что в случае совпадения границ субъектов федерации с этническими, политические лидеры сегментов «разыгрывают этническую карту»[30]. Для многих лидеров это является удобным средством политической борьбы и удовлетворения собственных властных амбиций. В результате, формирование федеративной государственности при наличии этноконфессиональных расколов может привести к созданию новых государств, а не к сохранению общего государства. Именно такой сценарий развития возможен в БиГ.

Современная политическая наука и мировая практика имеют в своем арсенале еще одну модель государственности – модель квази-государства. Понятие *квази-государство (quasi-state)* было впервые выделено в научный оборот Р.Х. Джексоном и К. Росбергом в 1982 г.[31] на основе изучения процессов деколонизации в Африке. Именно новые государства Африки отличались формальной статусностью, то есть были включены в мировую систему за счет их полного признания и поддержки их суверенных прерогатив международным сообществом. Однако они не обладали состоятельностью, так как сами не смогли обеспечить адекватное функционирование собственных государственных институтов. Если ослабление государственной состоятельности квази-государства достигает качественного предела адекватного функционирования государственных институтов, когда на соответствующей территории не может поддерживаться минимальный порядок, то его обычно характеризуют как *несостоявшееся государство (failed states)*.

Итак, квази-государство отличается симуляцией обязательных характеристик и функций государства-состояния. «В данном случае под симуляцией понимается особый способ усвоения институтов и практик, а именно, воспроизведения желательных результатов (продукт без know how его получения). Этот способ отличается от имитации – усвоения институтов и практик путем воспроизведения алгоритмов получения желательных результатов (know how получения продукта)»[32].

Воспроизведение внешней формы государственных институтов без восприятия их содержания и, главное, без понимания логики обретения этих институтов, ведет к негативным эффектам. Институты учреждаемого государства, с одной стороны, не способны адекватно осуществлять функции тех внешних институтов, которые заимствовались, а с другой – они также не имеют достаточной связи с автохтонной почвой, чтобы трансформироваться и прижиться в новой среде. Кроме того, приоритет в процессе реализации модели квази-государства вслед за З. Бауманом, несомненно, следует отдать внешним факторам. События последнего двадцатилетия убедительно доказали, что квази-государства нужны глобальным структурам, оказывающим координирующее воздействие на государства-состояния с тем, чтобы устранить или уничтожить все, что мешает движению капитала или свободе рынка.

«Слабые государства – это именно то, в чем новый мировой порядок, слишком часто обладающий чертами нового мирового беспорядка, нуждается, чтобы поддерживать и воспроизводить себя. Слабые, «квазийные» государства легко могут быть сведены к (полезной) роли местного полицейского участка»[33]. Действительно, «посредством такого государства легко управлять политическим пространством и оказывать опосредованно влияние на целый регион»[34]. Это главное предназначение квази-государства. Современная БиГ в хорошем смысле «не дотягивает» до этой модели. На постъюгославском пространстве в полной мере «квазийным» можно назвать лишь Косово[35].

Даже такой беглый анализ ранжирования государств и моделей государственности показывает, что выбирать есть из чего. Однако, определение вектора политического развития, процесс, как и результат, поиска своего места в мировой сетке государств зависит не только от политической воли руководства страны, от ценностных ориентаций и цивилизационных оснований ее народа. В современном мире, в неоколониальной системе результат формирования государственности в значительной степени зависит от внешних факторов. Случай Боснии и Герцеговины является лишь очередным доказательством такого утверждения.

Слабое звено в цепи протекторатов. Босния и Герцеговина в лавине «возникающих»[36], то есть формирующихся, стремящихся «состояться» государств представляет уникальный случай:

— во-первых, потому, что в современных территориальных границах БиГ возникла как

одна из шести республик социалистической Югославии и была образованна не по национальному, а по историко-географическому принципу. Как известно, внутренние административные границы СФРЮ не учитывали этнокультурную специфику региона. Именно это дает сербам основание считать (на неофициальном уровне) Боснию и Герцеговину не государством, а географическим названием. Социалистическая республика БиГ заложила основы государства, прежде всего, как территориального, национальная идентичность которого не сложилась. Именно последнее определило вооруженный конфликт между сербами, хорватами и мусульманами[37] в 1992 г., закончившийся военной интервенцией НАТО и подписанием 21 ноября 1995 г. Дейтонских соглашений[38];

— во-вторых, дейтонская Босния – первый протекторат на территории бывшей СФРЮ, подчиненный неограниченным полномочиям институтов внешнего управления: Совета по выполнению Мирного соглашения (МС); жесткой военной структурой по поддержанию мира – Силы по выполнению соглашения (НАТО) и Силы Европейского союза (СЕС). Внешнее управление, согласно МС, определяет формальное существование государства БиГ, имеющее международное признание в границах бывшей республики СФРЮ, членство в ООН, общегосударственные органы управления и административное устройство. Иными словами, БиГ обладает лишь статусностью;

— в-третьих, утверждение о том, что БиГ – это государство без государственности, то есть протекторат, основано на факте появления конституции этого новообразования в качестве Приложения № IV к Мирному соглашению. Основной закон этого государства писался в США, а значит, призван был зафиксировать интересы другой страны и ее союзников. Соответственно, этот документ не имеет необходимой для демократического государства состояния легитимности;

— в-четвертых, уникальность этого случая в том, что есть все основания называть этот протекторат «слабым звеном», так как главным итогом Дейтона стала двухуровневая организация власти:

а) уровень образований (энтитетов) – Федерация БиГ (мусульмане и хорваты) и Республика Сербская (РС);

б) уровень правительства БиГ, которая чрезвычайно усложняет процесс принятия важных для метрополии решений, как правило, из-за особой позиции сербов по вопросу сохранения своей автономии. Кроме того, ни по одному вопросу, касающегося будущего БиГ, представители основных сегментов государства не могут прийти к консенсусу. Наконец, именно международная надстройка стала инициатором пересмотра Дейтонских соглашений, ликвидации особых прерогатив энтитетов и создания централизованного политического порядка, полностью, без всяких ограничений подвластного наднациональным структурам (ЕС и НАТО). Пришло время решить вопрос «слабости» протектората, то есть уничтожения автономности, так называемой «особой позиции» боснийских сербов. Сделано это будет путем передачи всех значимых полномочий РС и Федерации на уровень БиГ.

При главном политическом и гуманитарном достоинстве Дейтонских соглашений – прекращении открытого вооруженного конфликта, – они зафиксировали на десятилетия вперед перераспределение суверенных полномочий БиГ в пользу международных структур и создали громоздкую и неэффективную систему организации власти. Наличие конституций и иных правовых актов не влечет за собой никаких преференций государственности БиГ. Дело в том, что все «жизненно важные вопросы» государства определяются международными структурами. Фактор политического присутствия наднациональных структур в процессе формирования государственности заслуживает особого внимания благодаря институту Высокого представителя (ВП), которому в соответствии с МС принадлежит ведущая роль в выполнении гражданских аспектов данного соглашения, мониторинге и координации мирного процесса. ВП имеет широкие властные полномочия, вплоть до введения в действие на временной основе законов и снятия с постов лю¬бых должностных лиц за обструкцию имплементации МС[39]. Высокого представителя назначает СБ ООН.

С 1 июля 2007 г. по конец декабря 2008 г. этот пост занимал словацкий дипломат Мирослав Лайчак[40]. 14 марта 2009 г. Высоким представителем был назначен бывший посол Австрии в Словении Валентин Инзко, до этого обязанности ВП исполнял глава международной миссии в районе Брчко Рафи Грегориан. Показательно, что за время существования дейтонского государства полномочия ВП были существенно расширены. Он получил право принимать более решительные меры по активизации деятель¬ности центральных институтов власти, в том числе отстранять от должности официальных лиц, расходящихся с международным посредником во мнении по тем или иным вопросам, и смещать лиц с выборных должностей, заменяя их собственными кандида¬тами. Кроме того, был введен принцип согласования политических, экономиче¬ских и иных решений, который распространяется даже на по¬слов, аккредитованных в БиГ. В последнем случае это мотивируется задачей минимизации конфликтных ситуаций[41].

На этапе мирного или «переходного периода» (как это зафиксировано в МС) приоритеты деятельно¬сти Высокого представителя менялись, но неизменным оставалось «окончательное право толкования гражданских аспектов осуществления МС, вынесения рекомендаций,

а также обязательных решений, которые он считает необходимыми»[42]. С 2007 г. ВП работает над реализацией задач по кардинальной модификации внутреннего устройства, а именно, по перераспределению власти Образований на уровень БиГ[43].

Напомню, что дейтонская Босния базировалась на трех принципах:

(1) передача почти всей полноты власти национальным субъектам (Образованиям);

(2) четкое соотношение национального представительства трех «основных» народов во всех центральных органах власти (1:1:1) и право вето;

(3) временное участие ООН, ЕС и НАТО в работе основных секторов госуправления и в контроле над политическими институтами страны.

Фактическое отсутствие необходимых рычагов управления единым государством у центральной власти и желание ООН передать свои полномочия Европейскому союзу привело к инициированию Советом по выполнению МС конституционной реформы, которая, по сути, является пересмотром Дейтонского соглашения. Позиции трех основных общин относительно будущего государства – диаметрально противоположные, в то время как прочный фундамент государственности БиГ может быть заложен только решениями, выработанными на основе широкого консенсуса, что возможно только в случае реализации модели консоциации.

Пока же процесс «суверенизации» проходит под непосредственным внешнем контролем и систематическим давлением со стороны ВП. В результате «ползучей» ревизии Дейтонских соглашений появились решения о создании объединенных вооруженных сил, центрального министерства обороны и общегосударственной полиции. В течение 2009 г. готовилась реформа разведки, то есть объединение спецслужб энтитетов. Эти и другие решения принимаются под давлением ВП при неоднозначном их восприятии политическим руководством общин.

В качестве иллюстрации к вышесказанному можно вспомнить майский 2009 г. политический кризис в Республике Сербской. Скупщина (парламент РС) приняла постановление, в котором выражалась озабоченность углублением процесса передачи полномочий государственных структур РС институтам БиГ. В нем же фиксировалось решение «больше не поддаваться давлению и не соглашаться с решениями, которые не в интересах Республики Сербской»[44].

Дело в том, что после 1995 г. под давлением ВП уже 68 полномочий органов РС переданы центру – Сараеву (при этом, только в трех случаях с этим были согласны правительство и Скупщина РС). Несомненно, самыми серьезными могут быть признаны реформы армии, а именно расформирование Армии РС и Армии Федерации БиХ и создание единых Вооруженных сил БиГ, и полиции, которые состоялись после длительных межпартийных переговоров и опять же под прямым давлением ВП.

Отсутствие государственности БиГ в очередной раз было подтверждено реакцией ВП. Валентин Инзко направил в Скупщину РС письмо, в котором он не только назвал решение сербов «ошибочным и неприемлемым», но, ссылаясь на данные ему «боннские полномочия», отменил решение Скупщины и поставил вопрос о необходимости конституционных изменений в БиГ. Подобные действия следует рассматривать не иначе, как реализацию стратегии на ликвидацию Республики Сербской и создание унитарного государства в нарушение Дейтонских соглашений.

При этом следует отметить, что сербы открыты и готовы к реформированию МС. «Обновление соглашения возможно и желательно, но это должно быть результатом международного консенсуса и компромисса, а не навязывания извне. Конституция БиГ должна быть реформирована таким образом, чтобы это не помешало процессу евроатлантической интеграции. Упразднение Образований, предлагаемое некоторыми (имеется в виду позиция Х. Силайджича – Е.П.), не является предварительным условием успешной конституционной реформы и даже чревато нестабильностью с непредсказуемыми последствиями»[45].

Дискуссия о будущем политического устройства ведется в стране уже не один год. Предлагаются и дебатируются самые разные варианты. Однако я уверена, что будет принят тот, который максимально интересен НАТО и США. Пока же обсуждаются следующие сценарии будущего[46]:

1. *Федеративная модель государственного устройства БиГ*, которая будет иметь в своем составе от трех до пяти субъектов, наделенных законодательной, исполнительной и судебной властью. Каждый субъект будет иметь многонациональный состав населения, но при этом каждый будет также иметь одну народность, составляющую большинство;
2. *Федеративная модель с четырьмя федеральными субъектами, включая метропольный район Большое Сараево;*
3. *Федеративная модель с большим числом средних субъектов*, которые должны формироваться исключительно по национальным критериям;
4. *Федеративная модель, полностью сохраняющая границы и полномочия РС*, т.е. базовые принципы Дейтонского соглашения;
5. *Конфедеративное устройство* государства, в котором РС, в ее существующих границах, станет одним из субъектов;
6. *Федеративная или конфедеративная модель, субъекты которой должны иметь исключительное право на самоопределение вплоть до отделения*, а также обладать более широкими государственными полномочиями, чем нынешние Образования.

Серьезным сдерживающим моментом в обсуждении деталей конституционной реформы для боснийских политических лидеров была неопределенность ситуации вокруг Косово. Перспективы достижения гражданского согласия и реализации наиболее оптимальной модели консоциации существенно ослабли после провозглашения независимости Косово 17 февраля 2008 года. Несмотря на то, что реакция населения БиГ на это событие была относительно спокойной: был сохранен общественный порядок, не было демонстрации официальной поддержки в отношении наиболее резких форм выражения протеста сербов по поводу объявления независимости Косово – внутреннее негодование у сербов и возможность использования этого прецедента, безусловно, было и есть.

Руководство РС еще до провозглашения независимости Косова официально связало будущий статус Образования со статусом этой территории. 26 января 2008 г. *Союз независимых социал-демократов* (СНСД, партия боснийских сербов) призвал к преобразованию БиГ в асимметричную федерацию или конфедерацию, ссылаясь на Устав ООН. 21 февраля того же года Скупщина РС подтвердила такое предложение в резолюции, осуждающей незаконное провозглашение независимости Косова. В ней же требовалось, чтобы БиГ не признавала это новообразование, содержалась острая критика в адрес тех стран, кто сделал это. Серьезную угрозу для сохранения целостности БиГ представляет декларация РС «определить свой будущий правовой статус посредством референдума». Она декларировала возможность воспользоваться им, если большинство государств – членов ЕС признают независимость Косово[47], вопреки Дейтонским соглашениям, зафиксировавшим «международное признание, суверенитет и территориальную целостность» БиГ, а также то, что «ни одно образование не имеет права на отделение от Боснии и Герцеговины»[48].

Очевидно, что такая позиция боснийских сербов не могла не вызвать озабоченности у заинтересованных в сохранении целостности БиГ игроков.

Наступление на Баня-Луку ведется не только посредством пересмотра полномочий Образований в пользу Сараево, но и подготовкой мировой общественности к возможной ликвидации РС. Так, после убедительной победы в октябре 2008 г. на местных выборах кандидатов от СНСД, в европейской печати появилось несколько статей, в которых именно глава правительства РС был объявлен главной угрозой существования БиГ. Как подчеркнул в интервью «Шпигелю» президент Хорватии Стипе Месич, «распад Боснии и Герцеговины, форсируемый главой тамошних сербов Милорадом Додиком, может обернуться катастрофой»[49].

Называя премьер-министра РС «новым Милошевичем» и сожалея, что «Республика Сербская, основанная на этнических чистках и геноциде, все еще живет», президент Хорватии потребовал от Высокого представителя «немедленного отстранения сербского премьера от должности»[50].

Бывший спецпосланник президента США Билла Клинтона на Балканах, один из архитекторов дейтонской Боснии Ричард Холбрук и экс-ВП британский дипломат Падди Эшдаун также охарактеризовали политику Додика как гибельную для единства БиГ. При этом в вину ему поставили строгое следование принципам Дейтонского мирного соглашения, что, по их мнению, «мешает реформировать страну в соответствии с ее нуждами»[51].

По их мнению, именно премьер РС за последние два года «обратил вспять» прогресс, достигнутый Боснией и Герцеговиной на пути к функциональному государству, причем сделал это, пользуясь поддержкой России, которая «создает для США и ЕС затруднения везде, где только это возможно»[52].

Признание Международным Судом правомочности провозглашения независимости Косово[53] дает возможность руководству РС, в случае поражения в борьбе за сохранение исходного Дейтонского соглашения, воспользоваться так называемым «косовским сценарием». В интервью сербской газете «Политика» М. Додик заявил, что «косовский путь», по которому бы пошла Республика Сербская – «резервный вариант, к которому могут прибегнуть только, если всерьез будут поставлены под вопрос исходное Дейтонское соглашение и его судьба». При этом боснийские сербы прекрасно понимают, что «односторонние действия часто рискованны и безуспешны, если не пользуются поддержкой великих сил», хотя и утверждают, что «мнение Международного суда открывает новую главу в международном праве и определении территориального суверенитета»[54].

В то же время вице-председатель *Партии* за БиГ Бериз Белкич заявил, что «БиГ и Косово нельзя сравнивать». «У БиГ есть своя территориальная целостность, конституционно-правовой и международно признанный суверенитет, верифицированный Дейтонским соглашением». Ведущая политическая сила боснийских мусульман *Партия демократического действия* (ПДД, лидер Харрис Силайджич) по поводу решения Международного суда и выступлений М. Додика заявила, что «ни в коем случае невозможно сравнивать положение Косово и Республики Сербской». Она призвала «воздержаться от недопустимой риторики, особенно от той, которая исходит из РС, в которой ставится знак равенства между положением Косово и Республики Сербской, что абсолютно ошибочно и неточно». Относительно признания Косово со стороны БиГ руководство ПДД высказалось обтекаемо: «оно может быть сделано только при полном консенсусе всех членов Президиума БиГ»[55].

Позиция боснийских хорватов, как мне представляется, наиболее реалистична. Пред-

седатель влиятельной хорватской неправительственной организации в БиГ «Кроация либертас» и координатор хорватского неправительственного сектора в БиГ Лео Плочкинич выразил ее так: «Босния и Герцеговина, по сути, хотя и не формально, давно распалась и будущее ее народов в формировании трех независимых государств – Хорватской Республики Херцег-Босна, Республики Сербской и Бошняцкой унии». По его мнению, изменения международного права в случае Косово дает право хорватам в БиГ на независимость в тех границах, в которых ХР Херцег-Босна вошла в Федерацию БиГ. Л. Плочкинич подчеркнул, что Боснию и Герцеговину, как государство, не приемлют два из трех народов – сербы и хорваты и она сохраняется только из-за того, что бошняцкие партии, во главе с ПДД, не хотят принять и признать существующую реальность[56].

К этим словам я бы добавила, что боснийские мусульмане являются проводниками политики внешних сил, которые заинтересованы в сохранении БиГ в существующих границах, но с измененной внутренней структурой. Зачем? Для меня ответ очевиден.

Силовое присутствие в регионе. Как уже отмечалось, серьезное влияние на процесс формирования государственности БиГ оказывают такие институты внешнего управления, как СЕС и НАТО, являющиеся правопреемниками Сил по стабилизации (СПС)[57]. СБ ООН подтвердил, что эти структуры могут принимать любые действия, включая применение силы, для обеспечения соблюдения приложений I-A и II к МС[58], касающихся свободного передвижения военных сил Альянса по территории республики, и Резолюций Совбеза (п. 7). Формально мандат НАТО на присутствие в БиГ истек 2 декабря 2005 года. Однако Альянс сохранил свой штаб в Сараево и остался гарантом МС, что и было подтверждено Резолюцией СБ ООН № 1845 (п. 11).

Кроме того, СЕС продолжают обеспечивать присутствие в БиГ боеспособных вооруженных сил численностью около 2 500 (в ноябре 2008 г. – 2 200, в 2005 г. – 7 000) военнослужащих и сохранять потенциал развертывания резервных сил стратегического назначения. СЕС имеют свой штаб в Сараево, а также группы связи и наблюдения на всей территории страны, и способны в сжатые сроки развернуть войска по всей стране. СЕС дополняются Полицейской миссии ЕС, мандат которой по просьбе Президиума БиГ Европейский союз решил продлить еще на два года. Сам мандат миссии остается без существенных изменений, ее приоритетными задачами по-прежнему остаются борьба с организованной преступностью и коррупцией, достижение целей реформы полицейских органов и повышение уровня подотчетности полиции. Политическое руководство миссией осуществляет также ВП.

Таким образом, Босния и Герцеговина как государство не имеет какой-либо свободы действий по всем направлениям внутренней политики. Внешнее управление распространяется не только на полицию, оборону, судебную систему, но и разведку. Агентство разведки и безопасности БиГ находится, в буквальном смысле, «под колпаком» у Высокого Представителя, регулярно представляя ему доклады о своей деятельности.

Особого внимания заслуживает развитие ситуации вокруг вступления БиГ в НАТО. Напомню, что в октябре 2009 г. на военной базе НАТО Бутмир в БиГ были проведены переговоры Джеймса Стейнберга (США) и Карла Бильта (ЕС) с представителями семи политических партий из Федерации и РС, чтобы ознакомить их с предложениями о конституционных изменениях в стране. Повторяется ситуация 15-летней давности: конституционные реформы готовятся не руководством страны, а европейскими и американскими политиками. По итогам переговоров представители боснийских мусульман сочли, что предложения ведут к окончательному разделу Боснии, хорваты остались недовольны тем, что их положение может серьезно ухудшиться, а сербы увидели в предложенных изменениях стратегию на создание централизованного государства.

Несмотря на то, что переговоры провалились, *каждая сторона готова была обсуждать отдельные новые положения изменений Конституции*. Именно этот итог мне представляется весьма важным. Думаю, что главная цель этой встречи – дать старт конституционной эволюции для вступления в ЕС и НАТО. При том, что эти организации заинтересованы только в присоединении централизованного государства, в успехе плана по сворачиванию полномочий Образований можно не сомневаться. Именно Бутмир надо сравнивать с Дейтоном и с Рамбуйе: «составленный «на стороне» пакет предложений стороны должны принять только целиком»[59].

«Бутмирский пакет», скорее всего, имел еще одну прикладную цель – заставить население РС принять предложение вступить в НАТО. Согласно опросам общественного мнения в конце 2009 г. 75 % сербов не хотели вступать в организацию, которая бомбила их в 1994 году[60]. Скорее всего, в Бутмире были специально предложены заранее неприемлемые для РС требования. Поэтому выбор между конституционными изменениями, которые «растворили» бы РС в централизованном мусульманском государстве, и «меньшим злом» – вступлением в НАТО – был сделан в пользу последнего. По мнению ряда сербских аналитиков, НАТО меньше всего заботят внутренние раздоры в этой стране. Наоборот, для Альянса даже хорошо, если партии, народы, районы, образования ссорятся и конфликтуют между собой. В этом случае и возникает повод для присутствия НАТО на этой территории, и обосновывается формула управления с помощью силы. Появляется и новый источник сил – боснийские народы – для продолжающихся и новых войн[61]. К этому нужно добавить, что форму и норму евроатлантисты хотят все-таки

соблюсти. Иными словами, на бумаге должна произойти централизация БиГ.

Такое характерное для Запада «выкручивание рук» принесло свои плоды: в 2009 г. БиГ подала в Брюссель официальную заявку на предоставление этой балканской стране Плана действий по членству (ПДЧ) в Североатлантическом альянсе. И уже 23 апреля 2010 г. БиГ получила его, став тем самым официальным кандидатом на вступление в организацию, что, однако, не гарантирует последующее членство в альянсе. Тем не менее, можно уже сейчас утверждать, что курс на натоизацию Балкан продолжается. Причем, этот процесс продолжается, несмотря на неоднозначное отношение к членству в НАТО, как самих боснийцев, так и России. Например, согласно последнему опросу общественного мнения, проведенному в конце февраля 2010 г. агентством Prime Communications, 76 % жителей Федерации БиГ поддерживают идею вступления в НАТО, 8,5 % респондентов в этой части страны выступают против интеграции в альянс, еще 12,5 % затруднились с ответом.

В то же время 47 % жителей Республики Сербской негативно относятся к идее вступления в НАТО, 22,9 % опрошенных в этой части страны выступают за интеграцию в альянс, 23,5 % еще не определились в своих предпочтениях, а 6,6% отказались обсуждать этот вопрос[62]. Уверена, что никто из натовских чиновников не будет озабочен состоянием настроений населения страны – вступление пройдет без референдума и учета общественного мнения.

Теперь несколько слов о позиции России. Накануне саммита НАТО в Таллине, где было принято решение о ПДЧ, посол РФ в БиГ Александр Боцан-Харченко заявил: «Мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Боснии и Герцеговины, но мы полностью убеждены в том, что расширение НАТО не способствует укреплению стабильности в Европе». По словам посла, Россия ознакомила все страны Европы, включая БиГ с идеей подписания нового Договора о европейской безопасности как альтернативой расширению НАТО. Не стоит забывать, что экспансия альянса лишь создает новые разделительные линии в Европе и, вступая в НАТО, страны принимают на себя определенные обязательства, выполнение которых противоречит интересам России[63].

Известно, что в новой Стратегической концепции, принятой на Лиссабонском саммите НАТО, было пересмотрено отношение к самой России. Прежде всего, обращает внимание тот факт, что в этом документе впервые зафиксировано, что НАТО «не является угрозой для России», на чем особо акцентируют внимание натовские чиновники. Как отмечается в концепции, сотрудничество России и НАТО не только «играет стратегическую роль, поскольку способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности». Теперь НАТО хочет «видеть реальное стратегическое партнерство между НАТО и Россией» и будет «действовать соответственно, ожидая взаимности от России». Причем, «невзирая на наличие разногласий по отдельным вопросам», страны-члены Союза убеждены, «что безопасность НАТО и России тесно переплетены, и что сильное и конструктивное партнерство, базирующееся на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости может наилучшим образом служить нашей безопасности»[64].

Позиция Москвы в последние месяцы тоже подверглась серьезной корректировке. В частности, на Ярославском политическом форуме были озвучены «позитивные сценарии» развития отношений Россия-НАТО, предусматривающие не только создание новых координационных структур, но и возможность вступления России в альянс[65]. На саммите Совета Россия-НАТО говорилось об участии нашей страны в ЕвроПРО, на афганском направлении и в процессе борьбы с международным терроризмом. Так что, будущее не только Балкан, но и постсоветского пространства может оказаться под «колпаком» НАТО. Однако вернемся в настоящее.

О том, что с ПДЧ натовские чиновники спешили, свидетельствуют заявления представителя альянса Джеймса Аппатурая: «ПДЧ был предоставлен Боснии, но на определенных условиях». Правда, о характере поставленных БиГ условий он не сообщил. Однако и так известно, что ПДЧ основан на активном индивидуальном диалоге, который предполагает принятие специальной программы мероприятий для содействия странам-кандидатам в их подготовке к вступлению в альянс. В этой связи ПДЧ подразделяется на пять разделов: политические и экономические вопросы, военные вопросы, вопросы ресурсов, безопасности и правовые вопросы[66]. По сообщению ВП В. Инзко генеральному секретарю НАТО, в бюджете БиГ на 2010 г. уже были предусмотрены средства для дальнейшей модернизации вооруженных сил БиГ по стандартам НАТО. Так что работа кипит полным ходом.

Каков удел малых наций? Став членом НАТО, БиГ не только может превратиться в главную базу для размещения сил альянса, поскольку имеет прекрасную инфраструктуру для развертывания большого количества вооруженных сил, но и сделает решающий шаг к централизации страны, что, в свою очередь, однозначно решит вопрос о свертывании автономии РС. После вступления БиГ в НАТО у Сербии не будет иного выбора, как подать заявку в альянс, а для этого придется признать и Косово. Думаю, что «бутмирский пакет» имел именно такой дальний прицел. Что же касается самой Боснии, то столь поспешное встраивание в наднациональные структуры свидетельствует лишь о том, что это государство не обладает необходимой долей состоятельности, а значит, и государственности.

«Трансформация через объединение», как уже отмечалось, имеет еще один вектор – встраивание в ЕС. Правительство БиГ до конца это-

го года планирует подать заявку на членство в Евросоюзе. По словам министра иностранных дел страны Свена Алкалая, члены ЕС готовы поддержать Боснию. «По имеющейся договоренности с Еврокомиссией БиГ должна выполнить необходимые условия, ответить на тысячи вопросов и представить заявку до конца 2010 года»[67]. Договор, подписанный между БиГ и ЕС о стабилизации и ассоциации, уже ратифицирован 24 членами Евросоюза.

Напомню, что ЕС в последние месяцы озабочен выработкой новой стратегии относительно стран западно-балканского региона. Ее утверждение планируется на конец октября 2010 года. Вполне возможно, что Евросоюз создаст пост официального представителя на данной территории, который, по мнению боснийских политиков, может помочь странам региона осуществлять необходимые для вступления в ЕС реформы. Если Босния вовремя выполнит взятые на себя обещания о политическом реформировании и стабилизации ситуации в стране, она официально станет кандидатом на членство. Однако должно пройти не меньше полутора лет между подачей и удовлетворением заявки.

В сухом остатке имеем. С момента своего конституирования, как новое независимое государство, Босния и Герцеговина имела весьма ограниченные возможности стать субъектом мировой политики. Определяющая роль внешних факторов в генезисе нового государства определила его судьбу как элемента протоимперской сетевой структуры. Процесс политического развития Боснии является очередным подтверждением того, что «малые нации» оказались выброшенными на свалку Истории, став строительным материалом таких наднациональных систем, как ЕС и НАТО.

Позиция России в вопросе внешнего управления однозначна – необходим «курс на передачу ответственности за судьбу страны от международных структур законно избранным боснийским властям… и обеспечение условий для свертывания аппарата ВП и его трансформации в аппарат Специального представителя ЕС»[68]. РФ готова оказывать всемерную поддержку усилиям Совета по выполнению МС по свертыванию деятельности ВП и надеется, что участники наднациональных структур проявят политическую мудрость и не станут искусственно затягивать свертывание аппарата ВП, обусловливая принятие соответствующего решения расширительно толкуемой «позитивной оценкой» ситуации в БиГ. Совершенно очевидно, что положение в этой стране ничуть не хуже, чем в ряде других государств Балканского региона, где никаких высоких представителей нет.

Соединенные Штаты, напротив, твердо поддерживают решение Совета по выполнению МС продлить мандат ВП до тех пор, пока власти в БиГ не обеспечат достижение всех целей и условий, определенных Советом. Кроме того, США считают, что поправки к Дейтонской конституции необходимы для того, чтобы БиГ могла выполнить требования, обязательные для евроатлантической интеграции[69]. Более того, в конце 2008 г. с подачи США была принята очередная резолюция СБ ООН по БиГ, в которой высказывалась «полная поддержка сохраняющейся роли ВП, которая заключается в том, чтобы следить за выполнением МС, а также давать указания гражданским организациям и учреждениям, помогающим сторонам в выполнении Мирного соглашения, и координировать их деятельность». В этой резолюции вновь подтверждалось, что, согласно Приложению Х к Мирному соглашению, «ВП принадлежит на театре действий *окончательное право толкования гражданских аспектов осуществления МС и что в случае спора он может давать свое толкование и выносить рекомендации, а также обязательные решения, которые он считает необходимыми*»[70].

Итак, формально Босния и Герцеговина – независимое государство, но фактически – территория под международным управлением. Подписание Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС и ПДЧ не привело к стабилизации ситуации в БиГ. Напротив, в стране по-прежнему преобладает националистическая риторика ведущих политических партий Образований, подвергающих сомнению суверенитет и территориальную целостность БиГ.

Дейтонские соглашения при несомненном гуманитарном значении – прекращение открытого конфликта, – играют масштабную отрицательную роль в современной мироситеме. Главная суть Мирного соглашения – в формировании неустойчивого образования под контролем наднациональных структур, в создании «государства», посредством которого легко управлять политическим пространством и оказывать влияние на целый регион. То, что реализация МС не приведет к формированию общего политического пространства «основных» народов было очевидно с момента моделирования структуры БиГ. Пятнадцатилетний опыт существования этого «государства» показал, что боснийскими сербами еще сложнее управлять, чем сербами из Белграда. Поэтому возникла идея переформатирования Дейтона, а именно изъятия властных полномочий у Образований и передача их Сараево. Только таким способом и под прямым командованием генералов НАТО и еврочиновников можно добиться лучшей управляемости этим пространством.

После вступления в НАТО и ЕС будет окончательно решен вопрос государственности БиГ. Если в дейтонской Боснии элементы суверенности сохранялись хотя бы в энтитетах, то после централизации государства и его встраивания в наднациональные структуры состоятельность станет не нужной по факту, так как все наиболее значительные прерогативы государства будут переданы НАТО и ЕС. Босния и Герцеговина стартовала как государство без государственности, таким она и останется в обозримом буду-

щем. Статус без состоятельности – удел «малых наций» в мире неоимперий, а боснийский казус – лишь очередное подтверждение происходящего на наших глазах глобального переформатирования всей мировой системы. Именно об этом надо знать и помнить.

Ponomareva E. Bosnia and Herzegovina: State without Statehood

Summary: *The article analyzes the problems and perspectives of the political development of contemporary Bosnia and Herzegovina (BaH); different concepts of statehood and state models are examined. Studying the specificity of Dayton Bosnia and the process of reconsidering the main clauses of the 1995 Peace Agreement (PA), the author proves that the BaH created with direct external intervention was considered by the PA ideologists as a «state of the transition period». The centralization in Bosnia that has accelerated recently and the preparation of the country's joining the NATO aim at the creation of one more protectorate in the Balkan region. The article concludes that global processes of reformatting of the world system take place in which small nations are given the role of construction material for neoempires.*

Ключевые слова

Босния и Герцеговина, государственность, статусность, состоятельность, политическое развитие, протекторат, переформатирование пространства Дейтона, неоимперии, натоизация

Keywords

Bosnia and Herzegovina, statehood, statushood, justifiability, political development, protectorate, reformatting of the Dayton space, neoempires, NATOization

Примечания

1. Wallerstein I. The Modern World-System. Vol.I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the 16 century. – N.Y., L.: Academic Press. – P. 146–147.
2. Nettl J.P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. – Princeton, 1968. – Vol. 20. – № 4. – P. 559–592
3. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Интернет-конференция «Государства и их соперники в мировой политике». – URL: http://www.mgimo.ru/study/faculty/politcs/ksp/docs/34538/document34545.phtml.
4. The Formation of National States in Western Europe. Ed. by Tilly Ch. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1975. – P.32
5. Bartolini. S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2005. – P. 70.
6. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия // Полис. – 1997. – № 5. – С. 19.
7. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. – L., N.Y.: Routledge, 2007. – P. X.
8. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations…P.9, X.
9. Подробно см. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. – М.: МГИМО, 2010. – 252 с.
10. Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 656 с.
11. Opello W.C., Rosow J.S. The Nation-State and Global Order: A Historical Introduction to Contemporary Politics. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. – P. 37.
12. Ibid.
13. Миллер А.И. Нация-государство или государство-нация // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 5. – URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/34/10434.html.
14. Stepan A. Ukraine: Improbable democratic «Nation-State» but Possible Democratic «State-Nation»? // Post-Soviet Affairs. – Columbia. – 2005. – № 4. – P. 284.
15. Подробно см. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М.: Русское право, 2001. – С. 491-504.
16. Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине. – Белград: Министерство информации Сербии, 1992. – С. 3–4.
17. World Factbook. – URL: www.cia.gov
18. Stepan A. Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a «State-Nation» Model as Well as – a «Nation-State» Model? // Government and Opposition. – L., 2008. – Vol. 43. – № 1. – P. 1–25; Stepan A., Linz J.J., Yadav Y. De¬mocracy in Multinational Societies: India and other Polities. – Baltimore; L.: John Hopkins Univ. Press, 2008.
19. Линц Х, Степан А. Государственность, национализм и демократия // Полис. – 1997. – № 5. – С. 22–23.
20. Линц Х, Степан А. Государственность… С. 25–26.
21. Kende P. Quelle Alternative a l'Etat-Nation? // Esprit. – 1991. – № 10. – P.24.
22. Термин «консоциация» (группа общественного единения) изначально применялся для обозначения пресвитерианских организаций в Шотландии. В политическую науку его впервые ввел Д. Аптер.
23. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 287 с.; Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. – Vol. 21. – № 2. – P. 207–225; Lijphart A. Negotiation Democracy versus Consensus Democracy: Parallel Conclusions and Recommendations // European Journal of Political Research. – 2002. – Vol.41. – № 1. – P.107–113.
24. Lehmbruch G. Consociational Democracy and Corporatism in Switzerland // The Journal of Federalism. – 1993. – Vol. 23. – № 2 (Spring). – P. 43–60; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley: University of California Press, 1985; Reilly B. Electoral Systems and Conflict Management: Comparing STV and AV Systems // National Centre for Development Studies. – Canberra: Australian National University, 2000; Hale H. Divided We Stand: Institutional Sources of Ethno-Federal State Survival and Collapse // World Politics. – January, 2004.
25. А. Лейпхарт выделяет два способа реализации принципа пропорциональности. Первый сводится к сознательному завышению представительства меньшинства, а второй к паритетному представительству. Например, паритет эффективен в обществах, разделенных на два неравных сегмента, когда простая пропорциональность представительства не разрешает конфликт из-за значительного доминирования одного из сегментов. Значительное завышение представительства меньшинства для реализации принципа паритета в этом случае помогает обеспечить равную степень представительства интересов обоих сегментов (Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах…С.76).
26. Lehmbruch G. Consociational Democracy and Corporatism in Switzerland // Publius: Journal of Federalism. – 1993. – Vol. 23. – № 2 (Spring). – P.43–60; Проскурникова Т.Ю. Модель консоциативной демократии…С. 20-21.
27. McGarry J., O'Leary B. Introduction: The Macro-Political Regulation of Ethnic Conflict // McGarry J., O'Leary B. (eds.). The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts. – N.Y.: Routledge, 1993. – P.36–37.
28. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley: University of California Press, 1985. – P.575.
29. Reilly B. Electoral Systems and Conflict Management: Comparing STV and AV Systems // National Centre for Development Studies.

– Canberra: Australian National University, 2000. – P.16; Проскурникова Т.Ю. Модель консоциативной демократии в условиях этноконфессиональной фрагментации: сравнительный анализ опыты Ливана и Ирака. Дис. канд. полит. наук. Рукопись. – М.: МГИМО, 2009. – С. 27–28.
30. Hale H. Divided We Stand: Institutional Sources of Ethno-Federal State Survival and Collapse. – World Politics. – January, 2004. – P.169.
31. Jackson R.H., Rosberg C.G. Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // World Politics. – 1982. – Vol. 35. – № 1. – P. 1–24. Название квази-государство за данным классом политий закрепилось только пять лет спустя, когда Р.Х. Джексон использовал терминологическую новацию классиков «английской школы» Х. Булла и А. Уотсона. Основой же для формирования целого направления по изучению квази-государств стала книга самого Р.Х. Джексона «Квази-государства: суверенитет, международные отношения и Третий мир» (Jackson R.H. Quasi-States, Dual Regimes and Neoclassical Theory // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – № 4. – P. 519–549; Bull H., Watson A. The Expansion of International Society. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 430 p.; Jackson R.H. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990).
32. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности. – URL: http://www.mgimo.ru/study/faculty/politcs/ksp/docs/34538/document34545.phtml.
33. Bauman Z. Globalization: Human Consequences. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998. – P. 68.
34. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. – 2009. – № 1. – С. 84.
35. Пономарева Е.Г. Квазигосударственность как инструмент гегемонии: казус Косова. В 3-х частях. – URL: www.fondsk.ru.
36. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л. «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. – М.: Ин-т Африки РАН, 2007. – 198 с.
37. Термин «мусульманин» в СФРЮ появляется впервые по данным переписи 1961 г. как определение не религиозной, а этнической принадлежности. Например, в анкетах жители БиГ писали: «вероисповедание – атеист, национальность – мусульманин». По переписи 1971 г. мусульмане получили статус народности, а по конституции 1974 г. – нации. Таким образом, именно в социалистический период была сформирована государствообразующая нация этой республики – мусульмане. Кстати, в 1946 г. в Союзной скупщине посланник от БиГ Чсута Чишич во время обсуждения конституции предложил, чтобы мусульмане назывались боснийцами, но это не было принято (Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М.: Русское право, 2001. – С. 221).
38. Мирное (Рамочное или Дейтонское) соглашение – Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina), подписанное 21 ноября 1995 г. в Дейтоне (штат Огайо, США), положившее конец гражданской войне и имеющее 11 Приложений, регламентирующих внутриполитическую жизнь этой страны.
39. Официальный сайт Высокого Представителя ООН в БиГ. – URL: http://www.ohr.int.
40. 26 января 2009 г. Мирослав Лайчак возглавил МИД Словакии.
41. Абрамов А.В. Функционализм в государственном устройстве: опыт Боснии и Герцеговины // Суверенитет. Трансформация понятий и практик... С. 172–193.
42. Резолюция СБ ООН № 1845 (2008), Пункт 4.
43. Stearing Board Peace Implementation Council Documents. – URL: www.ohr.int.
44. Гуськова Е.Ю. Бутмир и натоизация Балкан. – URL: www.fondsk.ru
45. Шпирич Н. Ситуация в Боснии и Герцеговине. – Документация СБ ООН. S/PV.5894. Доклад Высокого представителя по Боснии и Герцеговине (1 апреля – 31 октября 2008 г.) // Документация СБ ООН. S/2008/705. – С. 8.
46. Тридцать четвертый доклад Высокого представителя по Боснии и Герцеговине (1 апреля – 31 октября 2008 г.) – Документация СБ ООН. S/2008/705. – С. 6–7.
47. Глас Српске. – 21.02.2008.
48. Общее рамочное соглашение о мире в БиГ // Документация СБ ООН. S/1995/999. – URL: www.un.org.
49. Der Spiegel. 2008. 9 Okt.
50. Ibid.
51. Кому мешает боснийская Республика Сербская? – URL: http://www.srpska.ru/article.php?nid=11778.
52. The Guardian, 2008, 22 Oct.
53. 22 июля 2010 г. Международный Суд ООН огласил консультативное заключение по запросу Генеральной Ассамблеи ООН «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?». Суд единогласно решил, что он обладает юрисдикцией для принятия консультативного заключения и десятью голосами против четырех, что декларация независимости Косово не нарушает международного права (Консультативное заключение. Документация ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/64/881).
54. Милорад Додик. Косовский путь – наш запасной вариант. – URL: http://www.srpska.ru/article.php?nid=14727.
55. Там же.
56. Милорад Додик. Косовский путь – наш запасной вариант. – URL: http://www.srpska.ru/article.php?nid=14727.
57. Первоначально численность СВС составляла около 60000 человек под общим руководством НАТО. В них входила также российская бригада из 1500 человек, получившая особую параллельную цепочку командования. В 1997 г. СВС были переименованы в Силы по стабилизации (СПС). К 2003 г. СПС насчитывали всего 13000 (URL: http://www.usembassy.it/pdf/other/IB93056.pdf; http://www.euforbih.org.).
58. Приложение I – единственное не парафированное Россией из Дейтонских соглашений в силу своей беспрецедентности (свободное передвижение войск НАТО по всей территории БиГ, использование любого движимого и недвижимого имущества в своих целях и т.п.).
59. Гуськова Е.Ю. Бутмир и натоизация Балкан. – URL: www.fondsk.ru.
60. Влајки Е. Бутмир је циркуска представа // Нови Репортер. 2009. 28 окт.
61. Гуськова Е.Ю. Бутмир и натоизация Балкан…
62. Генсек НАТО призвал БиГ ускорить реформы. – URL: http://www.rian.ru/world/20100323/216006398.html
63. Россия предложила БиГ альтернативу вступления в НАТО. – URL: http://www.rian.ru/world/20100316/214810353.html
64. Новая стратегия НАТО. Голос Америки. – URL: http://www.voanews.com.
65. Пономарева Е.Г. Политика дальнего прицела или три сценария оказаться под колпаком НАТО. – URL: www.fondsk.ru
66. Босния и Герцеговина получила План действий по членству в НАТО. – URL: http://www.rian.ru/world/20100423/225677382.html
67. Босния и Герцеговина ожидает поддержки ЕС в подаче заявки на членство. – URL: http://novosti-es.ru/analitika.
68. Чуркин И. Выступление на 5894 заседании СБ ООН 19 мая 2008 г. – Документация СБ ООН. S/PV.5894. – С. 11.
69. Чуркин И. Выступление на 5894 заседании СБ ООН 19 мая 2008 г. – Документация СБ ООН. S/PV.5894. – С. 21.
70. Резолюция СБ ООН № 1845 (2008 г.), П. 4.

Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО

П.Е. Кандель

В статье анализируются возможности и перспективы вступления Боснии и Герцеговины(БиГ) в ЕС и НАТО в контексте внутриполитической борьбы в стране и глубокого раскола между основными этническими группами. Ослабление поддержки Республики Сербской со стороны Белграда побуждало ее лидеров к постоянному лавированию и вынужденным компромиссам. Но западные попытки навязать БиГ централизованное устройство способны лишь вызвать рост напряженности. Эту страну еще можно вообразить государством, подобным Бельгии, но переделать ее в нечто, схожее с Францией, не удастся.

История БиГ последних двадцати лет создала довольно противоречивые предпосылки для ее участия в процессе, названным "европейской и евроатлантической интеграцией". Роль США, НАТО и ЕС в ее судьбе трудно переоценить. Они играли важнейшую роль в развитии событий с момента провозглашения независимости и до конца гражданской войны, в значительной степени предрешив ее исход. После подписания Дейтонского мира, воссоздавшего это государство в форме аморфной конфедерации, находящейся под международным протекторатом, миротворческие силы под командованием НАТО стали его вооруженным гарантом, в 2004 г. передав эти функции ЕС. Сам же Европейский Союз оказался крупнейшим экономическим донором разоренной войной страны, а со временем - и ее первым торговым партнером и инвестором.

Европейские политики, находясь на посту Высокого представителя международного сообщества в БиГ, наделенного поистине диктаторскими полномочиями, самым активным образом влияли на ее политическую жизнь и государственное строительство. Вместе с тем, пристрастная позиция, которую НАТО и государства ЕС занимали во время гражданской войны и "принуждения к миру", и в послевоенном развитии, выступая фактическим союзником босняков–мусульман и хорватов и противником сербов, должна была вызывать среди населения неоднозначное отношение. Опросы общественного мнения регулярно подтверждают такие различия. Для босняков–мусульман и хорватов стремление в евроатлантические структуры, бывшие и прежде их покровителями, выглядело естественным. У боснийских сербов было немало оснований относиться к этому, по меньшей мере, настороженно. Между тем, с начала 2000-х гг. курс на "евроатлантическую интеграцию" был поддержан не только властями босняцко-хорватской Федерации, но и Республики Сербской, хотя сербы по-разному относятся к вступлению в ЕС и в НАТО.

В 1998 г. на общегосударственном уровне была принята Декларация об особых отношениях с ЕС, на следующий год – резолюция Парламентской ассамблеи БиГ и Заявление руководителей основных политических партий. В 2003 г. Парламентская ассамблея БиГ приняла резолюцию, где констатировалось полное политическое согласие, что наивысшим внешнеполитическим приоритетом является вступление страны в ЕС.[1]

В том же году и Президиум БиГ – коллективный глава государства, - обнародовал документ "Общие направления и приоритеты внешней политики БиГ", где одним из приоритетов названо "включение БиГ в евроатлантические интеграционные процессы". Указывалось, что "достижение Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС, а затем и полное его осуществление, должны существенно способствовать включению БиГ в

Павел Ефимович Кандель – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института Европы РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

европейские интеграционные процессы". Более осторожно была определена перспектива отношений с НАТО: "Развитие отношений с евроатлантическими структурами безопасности, конечной целью которых является институционализация отношений с НАТО, будет направлено в первую очередь на включение БиГ в программу "Партнерство ради мира".[2] Но уже в 2005 г. и Народная Скупщина Республики Сербской в "Декларации о стратегических целях РС в системе обороны БиГ" называет таковыми демилитаризацию страны и одновременно - скорейшее вступление в политическую организацию Североатлантического альянса.[3]

Краткая хроника отношений ЕС и БиГ показывает настойчивые усилия Евросоюза по усилению своего влияния в этом государстве. Уже в 1997 г. ЕС предоставляет БиГ преимущества во взаимной торговле, а на следующий год создается двусторонняя Консультативная рабочая группа. В мае 1999 г. ЕС провозглашает «процесс стабилизации и ассоциации для стран Западных Балкан». В июле 1999 г. на конференции в Сараево принимается «Пакт стабильности Юго-Восточной Европы». В марте 2000 г. ЕС обнародует "дорожную карту" для БиГ, в которой перечисляются 18 условий, выполнения которых позволило бы подготовить анализ готовности БиГ к началу переговоров по «Соглашению о стабилизации и ассоциации». В 2000 г. продлевается режим беспошлинного ввоза товаров из БиГ в ЕС и принимается «Программа помощи ЕС в целях обновления, развития и стабилизации» (CARDS), предназначенная Албании, БиГ, СРЮ, Хорватии и Македонии.

В марте 2002 г. ЕС учреждает пост своего специального представителя в БиГ, полномочиями которого наделяется Высокий представитель международного сообщества, и направляет полицейскую миссию, заменившую полицейские силы ООН. В декабре 2002 г. Европейская Комиссия сообщает, что условия "дорожной карты" в основном выполнены. Однако в ноябре 2003 г. ЕК принимает Отчет о готовности БиГ к началу переговоров по Соглашению о стабилизации и ассоциации, где констатируется неполное исполнение предварительных требований и выдвигается 16 приоритетных целей, которых необходимо достичь для начала переговорного процесса.

В июне 2003 г. саммит ЕС в Салониках подтверждает европейскую перспективу государств Западных Балкан. В июне 2004 г. ЕС учреждает Европейское партнерство для БиГ. В декабре 2004 г. ЕС перенимает от НАТО командование миротворческими силами (EUFOR заменяет SFOR). В октябре 2005 г. ЕК констатирует значительный прогресс в достижении 16 ранее поставленных целей и рекомендует начать переговорный процесс 25 декабря того же года. В январе 2007 г. технические переговоры завершены, 4 декабря Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ парафировано, а 16 июня 2008 г. подписано. Одновременно начало действовать временное торговое соглашение. С 1 января 2008 г. вступило в силу соглашение о реадмиссии и облегченном визовом режиме между ЕС и БиГ. Начат диалог о предоставлении гражданам БиГ права безвизового въезда в страны ЕС, что ожидается к концу 2010 г.

На период 2007-13 гг. ЕК ввела новый финансовый Инструмент по предвступительной помощи странам – кандидатам на вступление (Турции, Хорватии, Македонии) и потенциальным кандидатам (Сербии, Косово, Черногории, Б и Г и Албании), который заменял все прежние программы помощи. Общий объем средств составит 11,468 млрд. евро, из которых БиГ в 2007-2011 гг. может получить 420 млн. евро.

Развивая отношения с НАТО, БиГ 14 декабря 2006 г. присоединилась к программе "Партнерство ради мира" и стала членом Совета евроатлантического партнерства. Поскольку одновременно это сделала и Сербия, декларировавшая свой нейтралитет, то и у властей Республики Сербской не было оснований противиться. Но к самому вступлению в Альянс среди политических сил РС отношение далеко не единодушное. Сербская радикальная партия постоянно и активно выступает против подобной перспективы. Другая ведущая организация оппозиции – Сербская демократическая партия, - настаивает на обязательном волеизъявлении граждан по поводу вступления в НАТО. Правящий Союз независимых социал-демократов, программной целью которого значится демилитаризация страны, вроде бы склонялся к тому, чтобы на потенциальном референдуме гражданам был задан вопрос в следующей формулировке: поддерживают ли они присоединение к НАТО, в то время как Сербия не является его членом? Однако его лидер М. Додик неоднократно заявлял, что он лично за вступление в блок.

Между тем, 4 декабря 2009 г. министры иностранных дел стран НАТО приняли решение предоставить БиГ План действий по подготовке к членству при достижении необходимого прогресса в процессе реформ. На встрече в Таллинне 22 апреля 2010 г. они признали значительный прогресс, но отложили принятие Ежегодной национальной программы БиГ до того момента, когда недвижимое имущество оборонного назначения будет зарегистрировано как государственная собственность БиГ, а не входящих в нее образований. Поскольку раздел имущества является предметом спора между Федерацией БиГ и Республикой Сербской, продвижение к НАТО приостановилось.

Важной и принципиальной особенностью европейской и евроатлантической интеграции страны было то, что здесь речь шла не только и не столько о внешнеполитическом выборе или поиске оптимальных форм внешней безопасности. И для самой БиГ, и для организаций, к которым она стремится, эти процессы прямо связывались с характером ее государственного строя и внутренней стабильностью. Вне этого контекста БиГ как таковая – чистый "потребитель безопасности", – для Североатлантического альянса представляла сом-

нительную ценность. Точно также и ЕС, приняв ее в свои ряды, лишь умножит число своих членов – получателей помощи. Поэтому единственный мотив ее допуска в ЕС и НАТО – стабилизация ситуации внутри страны и на пространстве бывшей Югославии в целом. Для достижения этой цели, по представлениям европейских и заокеанских стратегов, необходимо превратить БиГ – побочный продукт вынужденного внешними обстоятельствами "брака по расчету", в нормальное "функциональное" государство.

Поэтому каждый шаг по сближению с ЕС и НАТО вынуждал к таким изменениям во внутреннем устройстве БиГ, которые расширяли структуру и компетенции общегосударственных органов, сужая соответственно полномочия входящих в нее образований. Федерация БиГ приветствовала эти шаги, поскольку они отвечали главным целям всех политических сил босняков-мусульман – созданию централизованного государства, где они, как относительное и наиболее быстро растущее большинство, заняли бы доминирующие позиции.

Политические партии боснийских хорватов вели собственную игру, преследуя цель создать хорватское государственное образование. В 2001 г. они даже попытались провозгласить такую автономию – Временное хорватское самоуправление. Реакцией на такое "самоволие" стала отмена автономии решением Высокого представителя и смещение с должностей хорватских представителей в центральных органах БиГ. В 2005 г. появился проект католической Епископской конференции БиГ о таком территориально-политическом переустройстве страны, при котором она состояла бы из многонациональных регионов, где ни один из трех основных народов не насчитывал бы более 40% населения. С другой стороны в конце сентября 2007 г. шесть ведущих хорватских партий страны подписали так называемую Крешевскую декларацию, в которой выступили за федерализацию БиГ посредством создания трех национальных федеральных единиц при особом статусе столицы – города Сараево. В целом хорватские партии придерживаются двоякой тактики в вопросе о государственном устройстве: или хорваты должны обрести, как и сербы, собственное образование, или их следует вообще отменить.

В Республике Сербской централизаторские тенденции воспринимались как ползучая эрозия ее государственного статуса и вызывали ожесточенное сопротивление. Вместе с тем ее руководители в поисках тактических союзников стали проявлять благосклонность к требованиям хорватских партий о собственном образовании, поскольку появление еще одного субъекта закрепляло федеративные принципы организации государства, усиливая тем самым и позиции РС.

Западный курс на централизацию страны формально обосновывался необходимостью создать в БиГ эффективное государство. И с сугубо формальной точки зрения этому доводу нельзя отказать в логике. "Дейтонская" Босния и по своей зафиксированной в конституции нормативной модели, и по практике ее осуществления, действительно представляла собой крайне нерациональную псевдогосударственную структуру, находящуюся под иностранной опекой и контролем, само функционирование которой обеспечивалось главным образом внешними средствами и усилиями. Но подлинная первопричина такого состояния в том, что боснийские сербы и хорваты оказались в составе этого как бы государства не по своей воле и ни в малейшей степени не были заинтересованы ни в его эффективности, ни в самом его существовании. Кроме того, забота о "функциональном" государстве выглядит довольно лицемерно, поскольку при этом основной помехой видится существование РС, но обычно обходится стороной крайне громоздкая и дорогостоящая трехуровневая организация власти в Федерации БиГ, разделенной на 10 кантонов и 79 общин, в отличие от двухуровневой - в РС, разделенной на 62 общины.

Руководящие органы ЕС и НАТО в иных случаях прямо и буквально обуславливали прогресс БиГ в отношениях с ними совершенно определенными преобразованиями в структуре государства, которые должны были сцементировать его рыхлую конструкцию, в других – такая же общая линия США и ЕС реализовывалась через Администрацию Высокого представителя. Тем не менее, дело неизменно заканчивалось уступками требованиям ЕС и НАТО. Причем, как убедительно показал внимательный наблюдатель боснийской политической жизни С. Дурманович, происходило это вне зависимости от конфигурации политических сил, находившихся у власти в Баня Луке – столице РС в данный момент. И так называемые "реформистские" силы (Союз независимых социал-демократов и Партия демократического прогресса), которым поначалу активно покровительствовали западные протекторы БиГ, и пользующиеся у них репутацией "националистических" (Сербская демократическая партия и Сербская радикальная партия), и Социалистическая партия, слывшая боснийским филиалом аналогичной партии С. Милошевича, внесли свою лепту в этот процесс.[4]

Вначале они согласились на введение общей валюты и паспортов, затем – на создание единой пограничной службы. Далее последовали принятые в 2002 г. по требованию Высокого представителя поправки к конституции Республики Сербской. Из "государства сербского народа и других, проживающих в ней, граждан" она превратилась в "одно из двух равноправных образований", где "сербы, босняки, хорваты, как конституирующие народы, и остальные граждане, равноправно и без дискриминации участвуют в осуществлении власти в РС". Поправки учреждали в Народной Скупщине РС в качестве второй палаты Вече народов, а на всех уровнях исполнительной и судебной власти и органов управления вводились квоты пропорционального национального представительства для несербского населения.[5] Затем было создано общегосударственное управление кос-

венных налогов вместо отдельных таможенных органов образований, аналогичное агентство в области безопасности, проведена военная реформа, завершившаяся созданием единых вооруженных сил, и сходная по цели реформа полиции.

К десятой годовщине Дейтонского мира США и ЕС приурочили новые инициативы по централизации власти в БиГ, вознамерившись осуществить свой замысел в рамках пересмотра конституции. Основные идеи предложенного американцами проекта сводились к следующему: коллективный глава государства – Президиум с поочередно сменяющимися председателями заменяется Президентом при двух вице-президентах. Он избирается парламентом, а не гражданами, и его полномочия ограничиваются в основном представительскими функциями. Значительно возрастает роль и компетенции Совета министров и его председателя, более чем вдвое увеличивается число депутатов Палаты представителей Парламентской ассамблеи, но уменьшалась роль Палаты народов.

Первая попытка добиться принятия поправок к конституции БиГ, которые расширяли полномочия центральных органов власти, предпринятая в апреле 2006 г., закончилась неудачей из-за отсутствия необходимого большинства в две трети голосов депутатов Парламентской ассамблеи. В ноябре 2008 г. лидеры нескольких ведущих политических партий страны трех национальных общин (босняцкой Партии демократических действий, сербского Союза независимых социал-демократов и Хорватского демократического содружества) начали так называемый Прудский процесс - серию встреч и совместно принятых деклараций с тем, чтобы сдвинуть с мертвой точки процесс конституционных реформ. Однако, даже добившись согласия относительно некоторых принципов изменения государственного устройства, участники этих встреч интерпретировали достигнутые договоренности в столь противоположном смысле, что продлившийся четыре месяца переговорный процесс завершился без каких-либо серьезных результатов. К тому же лидеры не участвовавших в процессе партий заранее отказали в поддержке договоренностям, достигнутым без них.

В октябре-ноябре 2009 г. США и ЕС выступили с инициативой: вновь провести переговоры лидеров ведущих политических партий на военной базе НАТО в Бутмире близ Сараево на основе проекта 2006 г. с тем, чтобы добиться их согласия на конституционные изменения. Появились и новые идеи о возможном территориально-политическом переустройстве БиГ и переходе к иной структуре - с тремя или четырьмя субъектами. Часть предложенных конституционных поправок касалась отношения БиГ с международными организациями: к исключительной компетенции общегосударственных органов отнесена подача заявки на вступление, возможность передачи международным организациям части своей компетенции, заключение с ними соглашений и принятие на себя вытекающих из этого правовых и политических обязательств и ответственности. Таким образом, процесс вступления БиГ в ЕС и НАТО, по сути, выводился из под контроля образований. Среди других новелл содержалось и требование инкорпорировать в текст Конституции все те правовые и институциональные преобразования, которые уже были введены в действие Администрацией Высокого представителя, а они составляют более половины всего корпуса актов, связанных с функционированием общегосударственных органов БиГ. Тем самым, этим навязанным извне решениям, не прошедшим нормальной демократической парламентской процедуры, придавалась бы сила конституционной нормы.

Все неоднократно повторенные попытки добиться изменения конституции к сегодняшнему дню завершились провалом из-за принципиальных разногласий как политических лидеров босняков, сербов и хорватов, так и межпартийных противоречий внутри трех национальных общин. Главным камнем преткновения стал вопрос об изменении процедуры голосования в Палате представителей Парламентской ассамблеи БиГ. По крайней мере применительно к части законодательства, связанного с инкорпорацией в боснийское право норм европейского, предлагалось отменить существующий порядок, при котором каждое решение должно получить поддержку определенного процента депутатов от каждого из образований. Не то, чтобы власти РС были в принципе против перенесения европейских норм, но обоснованно подозревали, что в качестве таковых могут появиться какие угодно, в том числе, и явно невыгодные для РС законодательные акты, которые будут приняты в общегосударственном парламенте простым большинством без ее участия и против ее воли. В конечном счете, и в Вашингтоне, и в Брюсселе стало ясно, что ожидать уступчивости от местных политиков до завершения осенних выборов 2010 г., по меньшей мере, было наивно.

Между тем, западные инициаторы конституционных преобразований продолжают свои старания. Так, например, комиссар ЕС по вопросам расширения Союза О. Ренн, выступая 24 июля 2009 г. в Парламентской ассамблее БиГ, заявил: "БиГ не сможет вступить в ЕС с существующей конституцией, и мы даже не сможем предоставить ей статус кандидата на вступление без определенных реформ".[6] Этой же линии руководящие деятели ЕС продолжают придерживаться и в настоящее время, хотя в условиях экономического кризиса готовность самого Союза к дальнейшему расширению резко снизилась, и реальная перспектива приема в ЕС государств Западных Балкан отодвигается в неопределенное будущее. Показательной в этом смысле стала международная конференция в Сараево 2 июня 2010 г.

Задуманная как широкий и представительный форум глав балканских государств, высоких представителей ЕС, США, России и Турции, конференция фактически стала неформальной

встречей, закончившейся даже без принятия какого-либо документа. Завершилась она лишь заявлением председательствующего - главы МИД Испании. Наиболее часто звучавшим мотивом всех выступлений представителей ЕС были опровержения того, что в ЕС наблюдается "усталость от расширения" и "странами региона овладела апатия" - симптом сам по себе показательный. В конечном счете, конференция свелась к сеансу коллективной психотерапии, цель которой – уверить балканских партнеров ЕС, что его двери остаются открытыми, воздерживаясь при этом от какой-либо конкретизации.

При этом убеждавшие не утруждали себя никакими фактическими доказательствами сохраняющейся приверженности ЕС расширению на Западные Балканы. Хотя поглощенность Брюсселя кризисом в зоне евро столь же очевидна, как и озабоченность экономическим положением "новых", а отчасти и "старых" членов ЕС. Не являются секретом и результаты опросов общественного мнения среди граждан ЕС, особенно в государствах-донорах, не горящих энтузиазмом в связи с дальнейшим увеличением рядов членов Союза, особенно за счет экономически слаборазвитых государств Юго-Восточной Европы, заведомо нуждающихся в помощи.

Само продолжение диалога на эту тему позволяет Брюсселю оказывать серьезное влияние на внутреннее развитие и внешнеполитическую ориентацию этих государств. Поэтому необходимо постоянно поддерживать среди потенциальных кандидатов иллюзию о возможности относительно скорого их приема при выполнении выдвигаемых условий. О том, что "чары" ЕС все же рассеиваются, свидетельствовал едкий комментарий М. Додика: "После встречи на высшем уровне "Западные Балканы – ЕС" в Сараево стало ясно, что страны региона должны выработать новую, более реалистичную политику по отношению к ЕС. Не может сохраняться ситуация, когда балканские страны делают все необходимое в плане европейской интеграции, а ЕС не знает: примет ли нас и когда это случится?"[7]

Вместе с тем пылкая словесная защита самостоятельной сербской государственности в БиГ, которая особенно усиливается у сербских политиков в РС в предвыборные периоды, как, например, перед назначенными на октябрь 2010 г. всеобщими выборами, контрастирует с их реальной политической уступчивостью евроатлантическим домогательствам. Публично отстаивая неизменность "Дейтонского статуса" Республики Сербской, фактически они не только примирились с его поэтапным пересмотром, но и вступили в процесс обсуждения перемен в конституции, хотя их "анти-Дейтонская" направленность не скрывается даже их инициаторами.

Красноречивой иллюстрацией подобной эволюции могут послужить изменения позиции лидеров Республики Сербской в связи с возможностью ее выхода из состава БиГ. Впервые заявления такого рода прозвучали еще в 2006 г. после предоставления независимости Черногории и в свете приближавшегося отделения Косово. В частности, в августе 2006 г. глава правительства РС и лидер Союза независимых социал-демократов М. Додик (что характерно, незадолго до прошлых всеобщих выборов) заявил: около 90% жителей республики, согласно социологическим опросам, выступают за проведение референдума о выходе из БиГ в случае предоставления независимости Косово; и "сербы твердо намерены заявить, что они имеют те же права, что и другие народы", а РС "способна существовать как в составе БиГ, так и вне ее".[8]

После провозглашения независимости Косово руководители оппозиционных партий (Сербской демократической и Сербской радикальной) призвали последовать этому примеру. Но М. Додик и возглавляемая им правящая коалиция, явно противореча своей решительной прежней риторике, повели себя гораздо умереннее. Премьер сказал, что независимость Косово – не причина для отделения, и его партия "потребует референдум о независимости, если будет поставлен под вопрос статус (Республики Сербской)".[9] Ее парламент 21 февраля 2008 г. принял резолюцию, где осуждается и не признается односторонне провозглашенная независимость Косово. Но вопрос о выходе из состава конфедеративного государства Республика Сербская поставит при попытках изменить ее статус и полномочия против ее воли, или же, если власти Б и Г вознамерятся признать независимость Косово.[10] Похоже, парафирование "соглашения о стабилизации и ассоциации" между БиГ и ЕС и предстоявшее его подписание (16 июня 2008 г.) явились довольно эффективными средствами умиротворения Республики Сербской.

Страсти вновь накалились после выступления члена Президиума БиГ и лидера партии "За Боснию и Герцеговину" босняка Х. Силайджича на Генеральной ассамблее ООН, назвавшего РС "продуктом геноцида", и призвавшего "исправить ошибки, сделанные в ходе войны". В ответ Народная Скупщина Республики Сербской 15 октября 2008 г. на чрезвычайной сессии приняла резкую резолюцию, где среди прочего еще раз подтвердила свою прежнюю позицию о праве на отделение.[11] После чего и Высокий представитель международного сообщества в БиГ М. Лайчак, и генсек НАТО Я. де Хооп Схефер, и Х.Солана, выразили обеспокоенность развитием ситуации.[12] Но вскоре после завершения местных выборов М. Додик 8 ноября 2008 г. неожиданно для всех подписал с руководителями двух ведущих политических сил босняков-мусульман и хорватов (Партией демократического действия и Хорватским демократическим содружеством) соглашение об урегулировании большинства спорных вопросов, на чем настаивали представители ЕС.[13]

Правда, согласие, достигнутое ими, длилось недолго, но примечателен сам факт неожиданных политических трансформаций. Обмен риторическими выпадами и угрозами оказался всего лишь средством укрепления электоральных позиций и

инструментом взаимного давления элит трех национальных общин на боснийской политической сцене. Это и понятно: без поддержки Белграда, на которую при нынешнем руководстве Сербии боснийским сербам рассчитывать не приходится, отделение Республики Сербской выглядит бессмысленным. Президент Сербии Б. Тадич не раз повторял, что никогда не поддержит референдума об отделении РС, добавив, однако, что Сербия в принципе не может иметь что-либо против референдума в защиту Дейтонского соглашения".[14]

И все же в феврале 2010 г. парламент РС принял закон о референдуме и гражданской инициативе, хотя было отвергнуто предложение оппозиции включить в текст закона положение, что по итогам референдума будет решаться вопрос об отношении РС к вступлению в НАТО. Закон вызвал бурную реакцию и среди босняцких политиков, и в западных политических кругах, хотя само его вступление в силу – дело отдаленного будущего. Он еще должен быть утвержден в Вече народов парламента РС, где босняцкие депутаты уже обещали его заблокировать.

В этом случае вопрос поступает на рассмотрение Конституционного суда БиГ, который так же вряд ли будет торопиться. Однако М. Додик поспешил заявить, что "отделение не стоит на повестке дня в РС", хотя не исключен референдум в поддержку "Дейтонского статуса" РС. Он счел нужным подчеркнуть, что против изменений во внутренней и политической системе БиГ за счет РС даже ради европейского пути или приема в НАТО, хотя и является сторонником ЕС и вступления в альянс.[15] Ни довольно не политкорректные отзывы о конституционных переменах, ЕС и НАТО, ни сам факт принятия закона о референдуме, вовсе не удивительны. С одной стороны, не за горами были осенние выборы 2010 г., с другой – внешнее давление на руководство РС нарастало.

Источник риторической непримиримости сербских политиков легко понять, если обратиться к результатам изучения общественного мнения. Население Республики Сербской проявляет, мягко говоря, довольно умеренный энтузиазм относительно вступления страны в ЕС, а тем более - в НАТО. Опрос, проведенный службой Гэллапа в рамках проекта "Balkan monitor" в 2008 г. дал следующие результаты: 45% опрошенных в Федерации и 77% - в РС мало или вообще не доверяли европейским институтам; 30% в Федерации и 48% - в РС полагали, что европейские граждане не желают присоединения их страны к Евросоюзу.

В БиГ в целом реальное членство в ЕС оценивали позитивно 48%, негативно - 11%, нейтрально – 31%. На вопрос о дате возможного приема страны в ЕС ответ "никогда" дали 16%; после 2020 г. – 10%; в 2016-20 гг. – 20%; не знали ответа – 30%.[16] Из этих результатов авторы исследования сделали вывод, что по уровню "евроскептицизма" и "пессимизма" БиГ могла соперничать лишь с Хорватией. Не лучшим выглядело и отношение к НАТО: в БиГ в целом мало или вообще не доверяли альянсу 55%. Слабым утешением "евроатлантистам" может служить то, что правительство вызывало еще большее недоверие – 66%, а политические партии –74%.[17]

Правда, следующий опрос в 2009 г. показал рост позитивных оценок ЕС с 48% до 66% (76% - в Федерации и 48% - в РС). Более того: 82% (88% - в Федерации и 70% - в РС) было бы готово проголосовать за присоединение к ЕС на потенциальном референдуме, хотя и были крайне скептичны, как и прежде, относительно близости такой перспективы. При этом, однако, 46% (по сравнению с 60% в 2008 г.) в Федерации и лишь 20% в РС испытывают потребность в сохранении Администрации Высокого представителя, что фактически означало бы продолжение международного протектората и несовместимо со вступлением в ЕС.[18] Характерно, что среди различных национальных групп БиГ институты ЕС и НАТО вызывают различное отношение: доверие к ЕС испытывают 53% босняков, 54% - хорватов и 38% - сербов, доверие к НАТО – 52% босняков, 57% - хорватов и 31% - сербов. Наибольшее доверие среди всех трех групп вызывают религиозные организации (69%, 72% и 68%) и полиция (67%, 58% и 58% соответственно), которые в БиГ являются национальными институтами в узком смысле слова.

Гораздо меньшего доверия заслуживает у соотечественников правительство (28%, 18% и 31% соответственно), а менее всего ценятся политические партии, что, впрочем, является едва ли не общебалканским феноменом. С 2006 по 2009 гг. доля граждан Б и Г, убежденных в том, что существуют политические партии или политические деятели точно выражающие их политические взгляды, снизилась среди босняков с 24 до 11%, среди хорватов – с 24 до 18%, и лишь среди сербов – выросла с 21 до 29%. Любопытно, что за этот же период с 61 до 68% выросла доля граждан, считающих необходимым развитие более тесных связей со странами соседями - наивысший показатель в регионе. Что касается опасений возможного нового вооруженного конфликта в ближайшие пять лет, то в регионе в целом таковые заметны лишь среди македонцев (хотя они и снизились с 43 до 31% в 2009 г.), сербов в Сербии и Косово (где зафиксирован рост с 16 до 26%), и у хорватов в Б и Г (рост с 9 до 22%).[19]

Вместе с тем по данным, не включенным в основную публикацию результатов исследования 2009 г., 35% - в Федерации и 43% - в РС увидели в независимости Косово прецедент, рисующий будущее БиГ. Кроме того, враждебное отношение к НАТО выразили не только 38% - в РС, но и 13% - в Федерации.[20]

Не только электоральная ставка на подобные настроения и междоусобное "соревнование в патриотизме", особенно накануне выборов, побуждают сербских политиков демонстрировать рвение в отстаивании прав своей республики. Ее автономное существование является условием сохранения самостоятельной роли этой элиты на боснийской политической сцене, ее властных и материальных интересов. Более сложно отве-

тить на другой вопрос: почему лидеры Республики Сербской, несмотря на довольно жесткое словесное сопротивление давлению, преследующему цель сузить ее полномочия и централизовать власть в стране, все же уступают, в конечном счете, невыгодным домогательствам и упорно продолжают придерживаться курса на евроатлантическую интеграцию?

Первый приходящий на ум и очевидный аргумент – сказывается экономическая зависимость от финансовых средств и других материальных форм благосклонности ЕС. Так, к 2007 г. на долю ЕС приходилось 63% импорта БиГ и 73% ее экспорта. ЕС являлся и источником более половины прямых иностранных инвестиций в страну.[21] Вероятно, срабатывает и характерный для элиты всех балканских государств страх оказаться в стороне от общего движения и остаться в регионе в изоляции. Свою роль играет и боязнь санкций Высокого представителя, сопротивляться которым РС не способна. Нельзя исключать и индивидуальных меркантильных и статусных соображений отдельных политиков, связанных с их участием в евроатлантической активности. Нужно учитывать и своеобразное соревнование в лояльности и готовности к сотрудничеству с Брюсселем между сербскими, босняцкими и хорватскими политическими силами, вынуждающее боснийских сербов демонстрировать ложность утверждений их политических противников о том, что Республика Сербская как таковая является тормозом на пути в ЕС или НАТО.

Скажем, постоянное подчеркивание М. Додиком того, что лично он, даже вне зависимости от позиции своей партии – за вступление в НАТО, имеет очевидный политический расчет. Тем самым он пытается поправить сложившуюся в последнее время в глазах западных политиков репутацию сепаратиста, развеять их убежденность, что возлагавшиеся на него надежды оказались обманутыми. Подобные заявления можно расценивать и как своего рода сигнал, что только он способен добиться согласия РС на вступление в Североатлантический альянс, если тот, в свою очередь, гарантирует ее существование и властные прерогативы. Это вряд ли входит в планы руководителей НАТО, да и вообще сомнительно полагаться на такие гарантии, но обозначенное виртуальное предложение такого обмена призвано представить М. Додика политиком, без которого нельзя обойтись.

Основным же, пожалуй, фактором, предопределяющим политическую линию Баня Луки, следует назвать неблагоприятное внешнеполитическое положение Республики Сербской. Нелюбимый пасынок западных покровителей БиГ может эффективно отстаивать свои права лишь при внешней поддержки Сербии и России. Между тем, именно отношения с Сербией складывались у РС далеко не идиллично, хотя именно помощь Белграда обеспечила успехи боснийских сербов в первой фазе гражданской войны и само становление Республики Сербской. Однако разногласия между С. Милошевичем и тогдашними лидерами РС относительно достижимых конечных целей войны и внешнеполитической стратегии привели к тому, что сначала СРЮ под мощным международным давлением в 1994 г. закрыла границу с РС.

Затем, при активном участии и под нажимом С. Милошевича, руководителей РС вынудили согласиться с Дейтонским мирным договором. И впоследствии белградский режим старался активно влиять на внутриполитическую жизнь РС, поддерживая своих ставленников и добиваясь смещения "строптивцев". Все это осложнило отношения между РС и СРЮ, создав парадоксальную ситуацию, при которой даже самые рьяные поборники великосербской идеи перестали видеть в белградском режиме своего верного союзника. Неудивительно поэтому, что в период косовского кризиса и агрессии НАТО против СРЮ власти РС без заметного сопротивления повиновались распоряжению западных покровителей БиГ о прекращении товарооборота с Югославией, хоть это и было тяжелым ударом для собственной экономики.

После падения режима С. Милошевича попытки выстроить отношения с новыми властями в Белграде также были не слишком удачными для политических сил РС, поскольку делали их заложниками развернувшейся в лагере победивших "демократов" внутриполитической борьбы. Да и особой увлеченности боснийским сюжетом при избранном курсе на сближение с ЕС и НАТО среди них не наблюдалось. К тому же властям Сербии, поглощенным борьбой за сохранение государственного содружества с Черногорией, а затем – суверенитета над Косово, казались очень несвоевременными всякие разговоры о самоопределении и референдуме в РС, которые как бы создавали ненужный прецедент, придавая легитимность сепаратистским устремлениям в Черногории и Косово.

В действительности подобная ситуация, рассуждая абстрактно, предоставляла Сербии возможность действий и прямо противоположной направленности, создавая условия для активной и более выгодной политической игры. Поддержав стремление боснийских сербов к самоопределению, она продемонстрировала бы западным покровителям черногорского и косовского сепаратизма, что за реализацию этих проектов им придется уплатить неприемлемо высокую цену, в которую входит дестабилизация и возможный распад БиГ, потенциальный раздел Косово, что почти автоматически влекло за собой и нарушение стабильности в Македонии. При таком подходе независимость Черногории и Косово становились прецедентами, благоприятными для Сербии и легитимизировали как намерения боснийских сербов воссоединиться с родиной, так и встречное движение с ее стороны. Все эти соображения можно было бы посчитать досужими домыслами постороннего, если бы и в Республике Сербской не размышляли сходным образом. Вот, например, как видел желательное развитие событий уже

упоминавшийся С. Дурманович: "Роль Белграда в стабилизации ситуации в БиГ в последние пять лет дает Сербии право не только энергично выступить в защиту политико-территориального существования РС, но постоянно экспонировать международному сообществу все то, что ее представители не хотели или не сумели сделать в Косово и Метохии, но сделали в Боснии, при активной помощи или молчаливом согласии Белграда. Энергичным подчеркиванием такой параллели, чего пока не было по причинам необъяснимым и вызывающим удивление, официальный Белград усилит свои позиции и в БиГ, и по отношению к Косово и Метохии, одновременно подсовывая под нос международному сообществу двойные, а нередко и прямо противоположные его стандарты в подходе к стабилизации ситуации в БиГ и в Косово и Метохии…Следовательно, не только возможно, но и желательно синхронизованное политическое выступление сербских политических элит с обеих берегов Дрины в ходе "параллельных" переговоров (о конституции БиГ и о Косово и Метохии)".[22] Более того, в Баня Луке находятся аналитики, которые готовность сербского руководства жертвовать интересами РС ради безнадежной и ненужной борьбы за "мифологическое" Косово вообще считают крупным геополитическим просчетом, пагубным для самой Сербии.[23]

Сам характер уверений, с которыми Б. Тадич стал выступать в рамках процесса "нормализации" отношений с БиГ, что Сербия никоим образом не нарушит ее стабильность, не посягнет на ее целостность и границы, и не будет вмешиваться в ее внутренние дела, красноречиво свидетельствует об одном. В Белграде четко осознавали, какого именно образа действий Сербии особенно опасались в Сараево, Брюсселе и Вашингтоне, и, следовательно, находили их вполне вероятными. Между тем, для успеха такой сложной шахматной партии необходимы были, по меньшей мере, общенациональный консенсус всех сербских политических сил о внешнеполитических приоритетах, твердая политическая воля в Белграде и готовность надолго отложить мечты о приеме в ЕС. Однако ни одной из этих необходимых предпосылок не оказалось в наличии.

В последнее время отношения РС с Сербией еще более осложнились. Сначала Скупщина Сербии приняла резолюцию (31 марта 2010 г.), осуждающую известное преступление, совершенное во время войны Армией Республики Сербской под началом Р. Младича в Сребренице. Хотя и власти РС давно признали и осудили это преступление, сам факт принятия документа, в котором осуждался лишь один эпизод войны, и игнорировались аналогичные преступления, совершенные в ходе военных действий против боснийских сербов, был воспринят резко негативно в их среде, как и многими в самой Сербии. Затем президент Сербии Б. Тадич при посредничестве Турции 24 апреля 2010 г. подписал с Председателем Президиума БиГ Х. Силайджичем в Стамбуле Декларацию об отношениях Сербии и БиГ,[24] что вызвало в Баня Луке понятное раздражение по многим причинам.

Сам этот шаг был предпринят без ведома и согласия властей РС. В качестве посредницы была избрана Турция, которая последовательно занимает пристрастно пробосняцкую позицию. Наконец, как крайне неуместный был воспринят и выбор собеседником и партнером Х. Силайджича, неизменно и открыто выступающего за ликвидацию РС, и заслужившего репутацию твердоголового националиста даже в западных политических кругах. Стамбульская встреча позволила ему приумножить накануне выборов порядком растраченный политический капитал. К тому же он не имел полномочий на подписание документа, поскольку не получил на это предварительного согласия двух других членов Президиума. Поэтому его сербский член Н. Радманович поспешил объявить Декларацию нелегитимной и не имеющей силы. Характерно, что все подписавшие Декларацию, символизирующую новое начало в отношениях трех стран, проявили странную застенчивость: этот документ нельзя найти ни на интернет-странице Президента Сербии, ни – Президиума БиГ, ни – министерств иностранных дел двух стран.

По сути же главной причиной нескрываемого недовольства властей РС стал подлинный смысл этого акта: Белград тем самым признал единство и территориальную целостность БиГ безоговорочно, без какого-либо упоминания составляющих ее образований, и РС в том числе, и выказал готовность развивать отношения с Сараево напрямую, без посредничества и участия Баня Луки. Тем самым власти РС лишались решающего козыря в их внутриполитических маневрах – угрозы референдумом о самоопределении как крайнем средстве самозащиты и безусловной поддержки Сербии. На пресс-конференции по итогам Стамбульской встречи Б. Тадич подчеркнул, что Сербия не сделает ни единого шага по дестабилизации БиГ и не поставит под вопрос ее единство и границы. Сербия поддерживает БиГ на пути в ЕС и поздравляет ее с получением Плана действий по вступлению в НАТО. Сербия не вмешивается во внутренние дела соседней дружеской страны и поддерживает БиГ во всех легитимных решениях представителей всех трех народов.[25]

Опасения боснийских сербов в связи со Стамбульской декларацией хорошо сформулировал С. Дурманович: "…Не послужит ли этот клочок бумаги прологом к созданию атмосферы мягкого давления на руководство РС в процессе "приведения в порядок" БиГ, когда за эту "недоделанную работу" более рьяно возьмутся ЕС и США. Турция, как союзник босняков, и Сербия, как защитник РС, должны посодействовать Брюсселю и Вашингтону сделать из БиГ "функциональное" государство."[26] Подобные страхи были тем более основательными, поскольку и многие прежние заявления представителей официального Белграда звучали достаточно двусмысленно. Например, выступая 16 окт. 2009 г. в Белграде перед предста-

вителями ведущих политических партий РС, Б. Тадич сказал, что Сербия не будет вмешиваться в идущие БиГ под покровительством США и ЕС переговоры о конституционных реформах.[27] Ранее, принимая в мае 2009 г. тогдашнего Председателя Президиума БиГ Н. Радмановича, он заявил, что существование РС "не может ставиться под вопрос" и никто не должен ждать, что Сербия предложит Республике Сербской отказаться от гарантированных ею Дейтонским соглашением прав и прерогатив. Вместе с тем он подтвердил, что Белград готов признать любое соглашение о политических реформах в БиГ, принятое консенсусом трех титульных народов, что могло восприниматься как самоустранение Сербии от участия в этом процессе и довольно безразличное отношение к его результату. Он также добавил, что интересам всех политических факторов в БиГ отвечало бы членство в ЕС и НАТО, а Сербия поддерживает и ту, и другую цели.[28] Вряд ли в Баня Луке ожидали именно такой "поддержки".

Неудивительно, что оба эти события, которые боснийским сербам символически напомнили "предательство Милошевича", вызвали серию заявлений и интервью М. Додика, где он признал наличие разногласий с руководством Сербии, и откровенно высказался, что "Силайджич и Турция вводят в заблуждение Тадича и Сербию".[29] Учитывая общественный резонанс, который получила вся эта история, президент Сербии постарался сгладить негативный эффект. 8 июня 2010 г. он вместе с премьером Сербии прибыл в Баня Луку на заседание Совета сотрудничества, созданного на основе Договора об установлении специальных параллельных связей Сербии и РС (от 26 сет.2006 г.). По итогам встречи он заявил, что Сербия, как гарант Дейтонского договора, продолжит последовательно поддерживать целостность БиГ, но и существование РС. Никакое навязывание решений в БиГ для Сербии неприемлемо, но все изменения политического характера допустимы, если исходят из договора трех народов и двух образований.[30]

Все сказанное и недосказанное в этой связи в переводе с дипломатического лексикона на язык реальной политики означало следующее: происходящее в БиГ по крайней мере не является для Сербии приоритетом; она не собирается жертвовать ради "братьев за Дриной" ничем серьезным, а уж тем более своими европейскими надеждами; подозрения, что Белграду был дан брюссельско-вашингтонский заказ "вразумить" боснийских сербов, вовсе не безосновательны. В этом свете видимо не случайно 14 июня 2010 г. главы МИД членов ЕС на встрече в Люксембурге приняли решение дать зеленый свет началу процесса ратификации Соглашения о стабилизации и ассоциации с Сербией, от чего они воздерживались более двух лет.

Вся история отношений РС с Сербией показывала, что исходное стремление боснийских сербов к воссоединению с родиной, при отсутствии должной поддержки с ее стороны, всякий раз оказывалось нереализуемым. Россия, как член Руководящего комитета Совета по выполнению мирного соглашения, поддерживает Республику Сербскую в отстаивании ее прав, в частности, в усилиях по прекращению миссии Высокого представителя в БиГ. Руководство РС давно добивается этого, надеясь тем самым избавиться от постоянной угрозы прямых административных санкций и расширить поле политического маневра. Так, на встрече главы российского МИД С. Лаврова с М. Додиком 3 марта 2010 г. в Москве была "отмечена обоюдная приверженность суверенитету и территориальной целостности этой страны, необходимость строгого соблюдения Дейтона. Особо подчеркнута актуальность скорейшего осуществления давно намеченной …задачи трансформации Аппарата Высокого представителя в Миссию Спецпредставителя ЕС на основе выполнения известных условий и критериев".[31] Но проявлять большее рвение, чем Сербия, в защите Республики Сербской, у России не было резона, да и сама такая задача из-за "сербско-сербских" разногласий представлялась заведомо убыточной.

В итоге не обнаруживалось никакой действенной альтернативы курсу на отстаивание самого существования Республики Сербской в заданных извне рамках государственности БиГ при мощном западном давлении. Такой курс в таких условиях мог осуществляться только посредством постоянного лавирования, первоначального обозначения готовности сопротивляться и последующего проявления способности договариваться, поиска тактических попутчиков в других национальных общинах, уступок и компромиссов. Жесткая политическая риторика, призвана продемонстрировать заведомо завышенную запросную позицию и заодно способствовать укреплению своего положения в собственной национальной общине. Затем она сменяется попытками найти общий язык и какое-то компромиссное решение с политическими оппонентами (если применять не слишком подходящую к боснийской политической сцене терминологию), а точнее – с какими-то политическими силами во враждебной национальной общине. Дух компромисса вообще не слишком характерен для балканской политической культуры, а после минувшей гражданской войны тем более достигается с трудом. Но вынужденное сожительство и постоянное понукание извне, сопровождаемое "кнутом и пряником", делает его неизбежным. Таков, можно сказать, алгоритм боснийской политической жизни. Поэтому, примут ли БиГ в ЕС, что вряд ли произойдет скоро, или, что вероятнее и быстрее, "затащат" в НАТО, ее в любом случае еще можно вообразить государством, подобным Бельгии, со столь же сложным способом существования и равно непредсказуемой судьбой. Однако попытка сделать из нее централизованное государство на манер Франции способна лишь вызвать рост межнациональной конфликтности, которая уже будет лишена возможности институционального выражения и разрешения. Вряд ли стоит всуе

поминать опасность возобновления гражданской войны – жители бывшей Югославии, похоже, уже навоевались. Но у страны, народы которой не отмечают сообща ни одного праздника, и без того довольно шаткие основания. И сделать жизнеспособным государство с не находящим выхода и легитимного разрешения огромным потенциалом межнациональных противоречий, невозможно. Кто не верит - пусть полистает учебники по конфликтологии!

Kandell P. Bosnia and Herzegovina. EU and NATO

Summary: *The article deals with chances and prospects of Bosnia and Herzegovina's entry into the EU and NATO in the context of internal political confrontation in the country and a deep divide between its major ethnic groups. Weakening of Belgrade's support of the Republica Srpska induces its leaders to resort to permanent manoeuvres and forced compromises. However, western attempts to impose upon B and H a centralized structure might lead only to the growth of tension. This country can still be imagined by as a state similar to Belgium, but it cannot be reorganized along the France model.*

Ключевые слова

Босния и Герцеговина, НАТО, Республика Сербская, ЕС.

Keywords

Bosnia and Herzegovina, NATO, Republica Srpska, EU

Примечания

1. BiH i EU. Ministarstvo spoljnih poslova BiH [Electronic resource]. URL: http://www.mfa.ba/vanjska_politika_bih/multilateralni_odnosi/evropska_unija/ bih_i_eu/?id=73
2. Opšti pravci i prioriteti za provodjenje vanjske politike Bosne i Hercegovine. Ministarstvo spoljnih poslova BiH [Electronic resource]. URL: http:// www.mfa.ba/vanjska_politika_bih/osnovni_pravci_spoljne_politike_bih/?id=2
3. Декларација о стратешким определењима Републике Српској у систему одбане БиГ [Electronic resource] URL: http:// www.narodnaskupstinars.net/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=7
4. Durmanović S. Od "države u začetku" do borbe za goli opstanak entiteta [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2005. 18 дек. URL: http:// www.nspm. org.rs/komentari%202005/2005_durmanovic1.htm)
5. Ustavni amandmani od LXVI – XCI na Ustav Republike Srpske [Electronic resource]. URL: http:// www.vladars.net/cr/zakoni/amandmani_f.html
6. Rehn O. Towards a European Era for Bosnia and Herzegovina: the way ahead. Speech/09/349. [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/geninfo/query/resultation.jsp?Page=2
7. Додик М. Србима треба нова политика према ЕУ [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 7 јун. URL: http:// www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/ milorad-dodik-srbima-treba-nova-politika-prema-eu.html
8. Заявление премьера боснийских сербов // Вестник Европы. 2006. 3 августа
9. Dodik kaže da nezavisnost Kosova nije razlog za secesiju RS [Electronic resource]/SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http://www.balkantimes.com/cocoon/setimes/print/sr_Latn/features/setimes/ features/2008/02/21/feature-01
10. Резолуција о непризнавању једнострано проглашене независности Косово и Метохије и опредјељењима Републике Српској [Electronic resource]. URL: http:// www.narodnaskupstinars.net/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=20
11. Резолуција о циљевима и мјерама политике Републике Српској [Electronic resource]. URL: http:// www. narodnaskupstinars.net/cir/ostalaakta/ostaliakt.php?id_akta=22
12. NATO i EU zabrinuti zbog sve vecih tenzija u BiH [Electronic resource]/ SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http:// www.setimes.com/cocoon/setimes/print/sr_Latn/features/setimes/ features/2008/10/28/feature-01
13. Šikanić T. Dogovor za EU [Electronic resource]/Nezavisne novine. 2008. 9 nov. URL: http: //www.nezavisne.com/dogadjaji/vijesti/32012/Dogovor-za-EU.html
14. Šwarm F. O kriminalu, regionu i standardu (Intervju B.Tadić) [Electronic resource]/Vreme.N999.2010. 25 feb. URL: http: // www.vreme.com/cms/view.php?id=915589
15. Secesija nije na dnevnom redu u Republici Srpskoj [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 17 феб. URL: http: //www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/ secesija-nije-na-dnevnom-redu-u-republici-srpskoj.html
16. Gallup Balkan Monitor. Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2008. Summary of Findings. P. 8, 15-16. [Electronic resource]. URL: http: // www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor_2008_ Summary_of_Findings.pdf
17. Ibid. P. 19.
18. Gallup Balkan Monitor. Insights and Perceptions: Voices of the Balkans. 2009. Summary of Findings. P. 12-13. [Electronic resource]. URL: http: // www.balkan-monitor.eu/files/BalkanMonitor_2009_ Summary_of_Findings.pdf
19. Ibid. P.26,28,36-38
20. Fourteen years on from Dayton, the signs are not all good [Electronic resource]. URL: http: // www.balkan-monitor.eu
21. Bosnia Herzegovina. European Forum for Democracy and Solidarity [Electronic resource]. URL: http: // www.europeanforum.net/country/bosnia_herzegovina
22. Durmanović S. Od "države u začetku" do borbe za goli opstanak entiteta, s.7
23. Подробнее см.: Савановић А. Косово и Република Српска - митолошки југ и стварни запад [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 15 мај. URL: http: // www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/mitoloski-jug-i-stvarni-zapad.html
24. Tekst Istanbulske deklaracije [Electronic resource]. URL: http: // www.vijesti.ba/politika/10088-Tekst-Istanbulske-deklaracije.html?
25. Председник Тадић: Нови почетак у односима три земље [Electronic resource]. URL: http: // www.predsednik.rs/mwc/default.asp?c=304500&g=20100424155347&1ng=cir&hs1=0
26. Дурмановић С. Коме треба "Истанбулска декларација"? [Electronic resource]/Нова српска политичка мисао. Београд. 2010. 10 мај. URL: http: //www.nspm.rs/sudbina-dejtonske-bih-i-republica-srpska/коме-треба-истанбулска-декларација-q.html
27. Tadić kaže da se Srbija neće mešati u razgovore u BiH [Electronic resource]/SETimes.com. The news and views of Southeast Europe. URL: http: //www/setimes.com/cocoon/ setimes/html/ /sr_Latn/features/setimes/ newsbriefs/2009/10/18/r
28. Проблемы отношений между Сараево и Белградом // Вестник Европы. 2009.26 мая
29. Додик М. Силајџић и Турска доводе у заблуду Тадића и Србију [Electronic resource]/Danas.rs. 2010. 23 мај. URL: http: // www.danas.rs/danasrs/politika/silajdzic_i_turska_dovode_u_zabludu_tadica_i_srbiju_56.html?news_id=190978
30. Председник Тадић: Србија доследан гарант Дејтонског споразума [Electronic resource]. URL: http: //www.predsednik.rs/ mwc/default.asp?c=304500&g=20100608154437&1ng=cir&hs1=0
31. О беседе Министра иностранных дел России С.В.Лаврова с Председателем Правительства Республики Сербской (Босния и Герцеговина) М.Додиком [Электронный ресурс] URL: http: //www.mid.ru/nsreuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027ec3257db005eaff?OpenDocument

От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии.

Г.Н. Энгельгардт

История международного арбитража по статусу района Брчко в Боснии и Герцеговине в 1996-2000 г. показывает опасность для стороны в локальном конфликте оставления спорных вопросов на «последующее рассмотрение» международных структур при выработке мирного соглашения. В статье изложен контекст проблемы (возникновение стратегически важного Посавинского коридора, появление и ход решения проблемы беженцев). Основное внимание уделено произвольному изменению мандата арбитражного трибунала с определения линии внутрибоснийского разграничения на определение политического статуса спорного района, созданию института международного контроля в Брчко, политизации работы арбитража, деятельности международного сообщества по отторжению этого района от Республики Сербской и созданию Округа Брчко.

Эта статья посвящена рассмотрению судьбы округа Брчко, ставшего особым элементом конструкции постконфликтной Боснии и Герцеговины (БиГ) в конце XX – начале XXI вв. Политическая борьба вокруг Брчко ярко показывает, насколько опасно для стороны в локальном конфликте при выработке мирного соглашения оставлять какой-либо спорный вопрос на «последующее рассмотрение» международных структур.

Слабость международных позиций боснийских сербов, отсутствие у них значимой внешней поддержки позволило вовлеченным в постконфликтное урегулирование великим державам, в первую очередь — США, в процессе арбитража полностью изменить предмет рассмотрения и превратить вопрос окончательного определения линии внутрибоснийского разграничения в спорном районе в определение принадлежности и статуса всей территории довоенной общины Брчко. Логичным следствием этого стало создание на территории общины новой административной структуры — округа Брчко, никак не предусмотренного дейтонскими соглашениями, и введение в нем отдельной структуры международного управления — аппарата международного контроля во главе с Контролером Брчко.

Специфика постконфликтного урегулирования в этом районе определяется сочетанием международных переговоров с локальной политикой на микроуровне — годами международные чиновники утверждали свою власть, а затем в повседневном режиме управляли округом с населением около 100 тыс. человек.

Брчко в гражданской войне 1992-1995 гг. Округ Брчко находится в долине р. Савы, на севере Боснии. Его площадь составляет около 460 кв. км, меньше 1% площади Боснии и Герцеговины. Центр округа – г.Брчко - является важным транспортным узлом, через который проходят железная дорога и шоссе, связывающие города боснийской Посавины. Мост на р.Саве сделал Брчко основным коридором, соединившим промышленность района Тузлы с соседней Хорватией. Порт Лука на р.Саве связывает Боснию с дунайской речной системой. До 1992 г. Брчко был шестым по размеру городом Боснии. Следует отметить, что до гражданской войны статус общины (административно-территориальная единица республик СФРЮ) Брчко ничем не отличался от других муниципалитетов экс-Югославии.

Энгельгардт Георгий Николаевич – научный сотрудник отдела современной истории и социально-политических проблем стран ЦЮВЕ Института славяноведения РАН. Статья выполнена в рамках гранта Отделения историко-филологических наук РАН «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в последней трети XX в.». E-mail: vestnik@mgimo.ru

Хотя сербы составляли меньшинство населения как общины, так и города Брчко (см. Таблицу 1), весной 1992 г. руководство городской СДС смогло опередить своих конкурентов из СДА и ХДЗ[1], лучше организовав свое ополчение и пригласив на помощь отряды Сербской добровольческой гвардии (СДГ) Желько Ражнятовича-Аркана[2]. 2 мая 1992 г. сербские силы установили контроль над городом и над полосой вдоль р. Савы.

	Община Брчко	г. Брчко
Мусульмане	38 617 (44%)	22 957(56%)
Сербы	18 128 (21%)	8 270 (20%)
Хорваты	22 252 (25%)	2 892 (7%)
Югославы	5 731 (6,5%)	5 216 (12,6%)
Остальные	2 899 (3,3%)	2070 (5%)
Всего:	87 627	41 406

Таблица 1. Этническая структура населения Брчко по переписи 1991 г.

Сербское командование, в соответствии с концепцией «этнических территорий», удовлетворилось занятием города и приречных коммуникаций и не прилагало особых усилий по продвижению на юг, дав мусульманам и хорватам возможность консолидировать их войска. Силы мусульман в лице 2-го корпуса Армии БиГ, опиравшегося на район Тузлы, уже в конце 1992 г. перешли в контрнаступление, вынудив сербское командование создать в зоне Брчко мощную систему обороны. Город стал целью постоянных военных усилий правительства Сараева, стремившегося перерезать ключевую артерию противника: Посавинский коридор, соединявший Боснийскую Краину и Республику Сербскую Краину (РСК)[3] с восточной частью Республики Сербской (РС) и Сербией, был уже всего именно в Брчко (около 4-х км). В июле 1993 г. сербам удалось продвинуться на два километра южнее, но до конца 1995 г., несмотря на ожесточенные бои, стороны не смогли существенно сдвинуть линию фронта[4].

Следствием этнического конфликта и боевых действий стала практически полная этническая поляризация территории разделенной общины. В самом городе мусульманское и хорватское население подвергалось преследованиям, в частности в созданном на территории порта лагере Лука[5]. Дело лагеря «Лука» составило предмет отдельного разбирательства в Международном Трибунале по Бывшей Югославии (МТБЮ). По нему были осуждены руководители лагеря Горан Елишич и Ранко Чешич[6]. Подавляющая часть мусульман и хорватов бежали из города или были из него изгнаны. В свою очередь, сербское население районов, контролировавшихся остальными общинами, переместилось на территорию РС. По оценкам УВП, до 26 тыс. мусульман бежали в Тузлу, Рахич и Сребреник. В созданной ими на юге новой общине Рахич-Брчко до этого проживало около 12,5 тыс. жителей, преимущественно мусульман. До 9 тыс. хорватов бежали в район Равне, где образовали общину Равне-Брчко. Новая структура населения территории довоенной общины Брчко, (в самом городе по оценкам МС осталось менее 20% довоенного населения), к концу гражданской войны выглядела следующим образом:

	Брчко	Рахич-Брчко	Равне-Брчко
Сербы	44,100		
Мусульмане	350	39 000	
Хорваты	550		10 450
Всего:	45 000	39 000	10 450

Таблица 2. Этническая структура населения округа Брчко в 1996 г. по оценкам ИФОР [7].

Население города составляло около 31 000 человек, в подавляющем большинстве сербов. Из них около 8 000 были оставшимися в городе довоенными жителями, 8 000-10 000 – довоенными жителями района Брчко, переехавшими в город после изгнания мусульман и хорватов, остальные – беженцы из РСК и других регионов Боснии. Еще около 15 000 жили в районе Брчко на стороне сербской зоны предполагаемой линии разделения. Главным источником роста сербской общины (с 18 тыс. до 44 тыс.) стало оседание в Брчко сербских беженцев из других регионов Боснии и РСК. На конец 1995 г. по оценкам военных США в городе оставалось менее 15 000 жителей. Значимость города в сочетании с большим объемом пустовавшего жилья позволила властям РС направить значительные потоки беженцев для размещения в Брчко[8]. Оценки числа сербских беженцев в Брчко разнились в диапазоне от 17, 261 (УВКБ) до 30.000 (СФОР)[9].

Последнее крупное перемещение населения имело место в Брчко уже в ходе реализации дейтонских решений: при передаче ФБиГ сербских районов Сараево и пригородов столицы их покинули до 100 тыс. жителей. В январе 1997 г. ICG оценила число осевших в Брчко беженцев из Сараево в 10 000 человек[10]. Размещение беженцев в этом городе отражало сознательную политику властей РС, стремившихся максимально упрочить сербские позиции в ключевом регионе. Были и объективные факторы – в РС Брчко был третьим по размеру городом (уступая Баня-Луке и Биелине), и первым городом в восточной части республики, через который проходили все беженцы из РСК и Босанской Краины.

Это отражалось и на составе органов местной власти: выходец из сараевского Илияша Младен Савич был уполномоченным правительства РС по жилью до апреля 1998 г. По данным Х. Гриффитса, беженцы из Сараева также составляли костяк полиции, а из 150 служащих в аппарате общины беженцев было 80[11]. Город был сильно разрушен. По данным Управления высокого комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) около 12 000 домов в нем нуждались в ремонте, 8 500 из них принадлежали мусульманам, 2 500 – хорватам и 1 200 - сербам. Экономика города была парализована,

ни одно из главных предприятий не работало, не функционировал речной порт, инфраструктура которого вышла из строя, а для восстановления судоходности р. Савы требовались работы по расчистке русла. Был поврежден железнодорожный мост, связывавший БиГ с Хорватией, а железнодорожные пути нуждались в ремонте.

Организация Арбитражного трибунала по спору о линии разделения в районе Брчко. На Дейтонских переговорах стремление Сараево закрепить за собой город стало одной из основных преград достижению соглашения. По свидетельству главы американской делегации Р. Холбрука, «каждый раз боснийский президент упорно возвращался к Брчко», требуя максимально сузить «коридор»; «проблема коридора и Брчко оставалась нерешенной и по нашим ожиданиям, должна была оказаться сложнейшим из всех вопросов Дейтона»[12].

Выходом из положения тогда стала существенная уступка С. Милошевича, согласившегося передать вопрос о прохождении внутрибоснийской линии разграничения в районе Брчко на рассмотрение международного Арбитража[13]. Президент Сербии, первоначально требовавший расширения горловины коридора до 15 км, в этом случае согласился на уступку за счет РС и не согласовав этого с ее лидерами[14]. При этом в случае другой спорной территории – мусульманского анклава Горажде на востоке Боснии – американцами был специально предусмотрен широкий наземный коридор для проведения безопасной автотрассы.

Позиции Милошевича в Дейтоне были весьма слабы, что вынуждало его уступать практически по всем вопросам, тогда как А. Изетбегович и его соратники успешно проводили максималистскую линию, опираясь на прочную поддержку США. И хотя на конец 1995 г. спорными или разделенными оставались и другие города БиГ (Горажде, Добой, Сараево, Мостар), именно разграничение Брчко было выделено для отдельного рассмотрения. Согласно статье V Дейтонских соглашений, Арбитражный трибунал по спору о линии разделения в районе Брчко должен был состоять из 3 арбитров. Каждая из сторон назначала по арбитру, а третьего эти два арбитра должны были предложить согласованно. Федерация назначила арбитром Казима Садиковича, РС – Витомира Поповича. К назначенному сроку они не смогли предложить кандидатуру третьего арбитра и поэтому 15 июля 1996 г. Президент Международного Суда (International Court of Justice) назначил американского дипломата Роберта Оуэна третьим арбитром и Президентом Трибунала с правом решающего голоса. Это было объяснено утверждением о непримиримости позиций обеих сторон и необходимости их подчинения решению Президента Арбитражного трибунала. В результате именно Роберт Оуэн, разработчик конституции Дейтонской Боснии, сыграл главную роль в судьбе Брчко.

К моменту подписания Дейтонских соглашений РС принадлежало 48% территории района Брчко, включая сам город и прилежащую к нему территорию (всего 225 кв. км), а Федерации –52% территории (239 кв. км). Поскольку по условиям Дейтонских соглашений территория Боснии и Герцеговины была разделена между РС и Федерацией в отношении 49% и 51%, руководство РС настаивало на том, что окончательная линия разграничения в районе Брчко может быть изменена только в сторону увеличения площади РС.

Непосредственно в период Дейтона руководство РС надеялось на размещение в Брчко российского контингента Сил по Выполнению Соглашений (СВС). При господствовавшем тогда акценте на военных аспектах соглашений и некотором пренебрежении их гражданскими компонентами, Пале видело в передаче Брчко под контроль дружественным силам некоторую гарантию безопасности Посавинского коридора. Однако при окончательном распределении зон ответственности национальных контингентов в секторе «Север» бригада ВС РФ вместо Брчко была расположена в 25 км. юго-восточнее, в г. Углевик, а «ключ от коридора» отошел под контроль мотопехотного батальона 1-й дивизии ВС США.

С приходом в дейтонскую Боснию международных структур Брчко привлек их интерес и как предмет незавершенного внутрибоснийского спора, и как инструмент влияния на руководство РС, и как рычаг реформирования самого государства боснийских сербов, в частности, разделения его на две части для оттеснения от власти руководства СДС. Международные структуры преследовали несколько взаимосвязанных целей:

— оттеснение от власти местных представителей СДС (элит военного времени);
— обеспечение возвращения беженцев в места довоенного проживания;
— удаление из Брчко военных и полицейских сил РС и их коренное реформирование;
— создание новой административной и политической инфраструктуры БиГ.

На протяжении всего периода арбитража статус Брчко использовался международными структурами как рычаг давления на Пале. Уже в феврале 1996 г. ВС США развернули в Зоне разграничения (ЗР) к югу от города свою основную базу «Кэмп МакГоверн». «Брчко и его окрестности стали самым патрулируемым ИФОР[15] районом Боснии»[16]. Хотя российские миротворцы находились в оперативном подчинении американского командования, между ними и их западными коллегами сохранялись существенные различия в политической оценке положения в Боснии и задач ИФОР. Несмотря на официальную высокую оценку уровня взаимодействия контингентов, представители НАТО и УВП[17] относились к российской бригаде критически, подозревая ее в нелояльности общей политике ИФОР/СФОР и в просербском настрое.

Военные США обеспечивали возвращение мусульманских беженцев в ЗР и стремились использовать российских коллег для смягчения сербской реакции. Командование российской бригады расценивало действия мусульман как нарушение Дейтонских соглашений, а позицию американцев – как предвзято антисербскую. Миротворцы РФ неоднократно препятствовали попыткам организованного массового заселения мусульманских беженцев в ЗР при одновременном неисполнении заданий о недопуске в спорные районы сербских сил. Пика взаимное недовольство достигло к концу осени 1996 г., когда Международное Сообщество (МС)[18] утвердилось в мнении о «просербском настрое» военных РФ как причине их «ненадежности» и «негодности» к дальнейшим задачам по демонтажу позиций РС вообще, а в районе Брчко – в частности. Недовольство это выражалось и в распространении в среде МС сведений, дискредитировавших бригаду РФ (обвинения в причастности к контрабанде и т.п.)[19].

Помимо стратегического значения коридора, в его судьбе значительную роль неизбежно играла проблема беженцев. Концентрация значительного их числа (прежде всего мусульман) в непосредственной близости от мест прежнего проживания давала Сараево и его внешним союзникам мощный рычаг давления на Пале и на местные сербские власти. Требование возвращения беженцев в свои дома по ряду причин было неисполнимым для РС: в этих жилищах уже были размещены сербские беженцы с территорий Республики Хорватии (РХ) и ФБиГ, а в домах сараевских сербов были поселены мусульмане из Сребреницы и других регионов Восточной Боснии. Ожесточенность противостояния в районе Брчко усилила враждебность недавних противников друг к другу. Преобладание беженского элемента в сербской общине повышало степень враждебности и снижало шансы на восстановление довоенных соседских контактов, теоретически возможных в случае старожильческого населения.

Определив в качестве основного противника местные власти Брчко, представители МС признавали прочность позиций СДС в общине. Следует отметить, что МС рассматривало сербских беженцев как основную опору власти СДС в городе, так как эта среда давала основное число участников протестов и акций сопротивления возвращению беженцев мусульман. С точки зрения МС возвращение беженцев было ключевым критерием успешности исполнения боснийскими сторонами ОРМС[20], что подрывало позиции РС в споре за статус Брчко. Массовое возвращение ослабляло контроль Пале над стратегическим районом, но и сопротивление ему давало МС предлог для дополнительного давления. Хотя проблема имела общебоснийский масштаб, но в условиях международного арбитража МС могло конвертировать свое недовольство в конкретные шаги.

Возвращение беженцев изначально приняло конфликтный характер, ввиду враждебности сторон. В начале 1996 г. основные боснийские стороны воспринимали возвращение беженцев как продолжение войны невоенными методами, видя в нем экспансию бывшего противника в «свою зону». Ярким примером было положение в районе Брчко, где возвращение мусульманских (бошняцких) беженцев началось в первую очередь в деревни, расположенные в ЗР, как наиболее близкие к территории ФБиГ. В этот период обе стороны воспринимали возвращение беженцев как продолжение борьбы за территории «иными средствами». Так, власти ФБиГ оказывали «своим» возвращенцам как техническую помощь в виде разного рода стройматериалов, так и политическую, требуя от войск ИФОР обеспечить их безопасность.

Кардинальное расширение мандата Арбитражного трибунала по спору о линии разделения в районе Брчко. Власти РС изначально крайне неохотно взаимодействовали с Арбитражем по Брчко, отказываясь признавать его мандат. Первоначально представитель РС не принимал участия в работе Арбитража, указывая, в частности, на то, что в тексте Дейтонских соглашений отсутствовала карта спорного участка линии разграничения, то есть предмет разбирательства[21].

1 декабря 1996 г. премьер-министр РС Гойко Кличкович в письме главе Арбитража указал, что РС «не намерена далее участвовать в работе Арбитража» ввиду отсутствия гарантий честного и справедливого разбирательства и стремления навязать несправедливое решение в ущерб законным жизненным интересам РС»[22]. В ответ руководство Арбитража наделило себя правом принятия решений в отсутствии одной из сторон[23]. Следует отметить, что Сараево с самого начала Арбитража предлагало принять особый статус Брчко в рамках БиГ и под временным международным управлением[24]. В феврале 1997 г. Арбитраж в рабочем порядке кардинально расширил свой мандат и вместо вопроса установления линии внутрибоснийского разграничения в спорной зоне перешел к рассмотрению политического статуса всего района Брчко[25].

В Решении Арбитражного Трибунала от 14 февраля 1997 г. утверждалось, что, учитывая «чрезвычайно крепкие связи», установленные обеими боснийскими сторонами с районом Брчко, «ни одна из них не должна получить исключительный контроль», но обе «должны играть роль» в его будущем. При этом было заявлено, что «ОРСМ не закрепляет ни продолжение контроля РС над спорным районом, ни непрерывность территории РС»[26].

Арбитраж осудил РС за противодействие возвращению мусульманских и хорватских беженцев[27] и постановил, что справедливое удовлетворение интересов сторон должно включать в себя право беженцев на безопасное возвращение в места прежнего проживания и доступ ФБиГ к

экономической и транспортной инфраструктуре города. Для РС отмечалась важность использования Посавинского коридора для передвижения войск, необходимость создания в нем инфраструктуры включая автостраду, железную дорогу, трубопровод и телекоммуникации, а также подчеркивалось «огромное психологическое значение» сохранения коридора для РС. Кроме того, учитывалась угроза массового исхода из города его сербского населения в случае передачи района ФБиГ[28].

Эти рассуждения легли в основу вывода Р. Оуэна о том, что главной задачей Арбитража является удовлетворение интересов не боснийских сторон как таковых, а гуманитарных и экономических нужд населения региона и «интересов международного сообщества»[29], «несущего огромное финансовое бремя» постконфликтного урегулирования.

Институт Контролера Брчко и его полномочия. Расширив свой мандат, 14 февраля 1997 г. Арбитражный трибунал постановил ввести «Временный международный контроль реализации Дейтона в районе Брчко», мотивируя это "продолжающимся неисполнением Дейтонских соглашений в общине Брчко РС, в особенности в отношении свободы передвижения и возвращения» беженцев и «вызванного этим высокого напряжения»[30].

При этом указывалось, что если руководители РС будут нарушать ограничивающие приказы Контролера, Арбитражный Трибунал сможет определить, что город Брчко «становится специальным районом Боснии-Герцеговины, подчиненным исключительно законам БиГ». Иными словами, руководители РС «утратят» Брчко, и он станет одним из обычных субъектов Боснии-Герцеговины. Таким образом, в отличие от остальной части республики, в Брчко власти РС находились под серьезным давлением в смысле выполнения условий Дейтонского соглашения.

Помимо введения нового института решением Арбитражного Трибунала, речной порт Брчко был выведен из-под контроля РС и передан «под исключительный контроль Транспортной корпорации БиГ», то есть явочным порядком была расширена компетенция центральных властей БиГ. В рамках УВП было создано отдельное учреждение во главе с Контролером (Supervisor) Брчко в ранге заместителя (позднее — первого заместителя) ВП, которому поручался контроль реализации Дейтона в районе Брчко на «не менее чем годичный срок» и «укрепление местных демократических институтов». Режим Контроля (УВП-Север)[31] действует вплоть до настоящего времени. Примечательно, что решение февраля 1997 г. во многом базировалось на январских рекомендациях ICG. Это касалось как собственно идеи создания отдельной формы международного контроля и управления в Брчко, так и концепции интеграции трех образований военного времени в единую мультиэтническую общину.

ICG, известная своей критикой политики национальных общин в Боснии-Герцеговине, отмечала в своем отчете в апреле 1997 года, что Международный контроль в округе Брчко открыл лучшие возможности для создания условий для возвращения беженцев. ICG активно поддерживала план введения института Контролера Брчко, считая, что при условии адекватной поддержки МС и сотрудничества с местными властями это дает хороший шанс в решении одной из самых сложных проблем в БиГ[32].

На должность Контролера был назначен американский дипломат Роберт Фарранд[33], открывший длинную череду американских наместников Брчко. Контролер наделялся правом «принятия обязательных установлений и приказов, имеющих приоритет над любым противоречащим законом», а «все власти, включая сотрудников судов и полиции, обязаны подчиняться и реализовывать» все эти приказы[34]. Он должен был:

— «обеспечить свободу передвижения» на всех основных путях сообщения в общине[35];
— «добиться от соответствующих властей предоставления нормальных демократических полицейских функций и услуг для обеспечения безопасности всех граждан БиГ»[36].

На Контролера возлагалась задача разработать программу «поэтапного и упорядоченного возвращения прежних жителей в их дома и ремонта, строительства и распределения жилья для размещения старых и новых жителей» [37] . Также он должен был «обеспечить проведение свободных и честных местных выборов под международным контролем», а после этого «издать распоряжения и приказы для обеспечения демократического правления и многонациональной администрации в г. Брчко»[38].

Борьба за контроль над Брчко. Реформы Контролера Фарранда 1997 г. Пик борьбы за контроль над Брчко пришелся на лето и осень 1997 г. Руководство РС и СДС, сохранявшие сильное влияние в Брчко, упорно сопротивлялись МС. 28 августа 1997 г. Брчко стал ареной одного из крупнейших столкновений боснийских сербов с международными структурами. Поводом для конфликта стала попытка американского контингента СФОР установить контроль над полицейскими объектами в Брчко и Биелине, включая базу специальной полиции в поселке Яня[39]. Учитывая военное превосходство американцев, власти РС ответили организацией массовых выступлений против СВС и полиции ООН. Офицеры США позднее отмечали «отличный контроль и управление толпой» с сербской стороны[40].

В ходе столкновений были сожжены представительства и ряд машин ИПТФ, ранения получили несколько полицейских и военных, а сотрудники международных организаций были эвакуированы из города. В результате столкновений сербы вынудили американских военных отказаться от своих планов[41]. Свою роль в этом сыграло и стремление американского коман-

дования любой ценой избежать расстрела гражданских лиц, не столько из-за гуманизма военных, сколько из нежелания «создать мучеников» для сербов[42]. Глава аппарата Р. Фарранда Карен Декер отмечала: «Пале стремится восстановить контроль над Брчко, включая запугивание нелояльных» в «полиции, СДС и политической оппозиции»[43].

Когда 14 сентября глава юридической службы Подкомиссии по избирательным апелляциям Финн Лингьем постановил снять СДС с проходивших в тот день выборов в скупщину общины Пале, то Р.Фроуик[44] отменил это решение, не желая «рисковать безопасностью международного персонала» и «уже имея слишком много опыта с толпами».[45] Также успехом СДС ее противники считали согласие Временной избирательной комиссии (ВИК) обработать на месте все поданные в Брчко сомнительные бюллетени, без передачи их в центральное счетное бюро. В результате СДС и ее союзники получили 30 из 56 мест в Скупщине общины Брчко. Фарранд расценил это достаточной «брешью в сербской гегемонии» и не воспользовался своим правом на изменение результатов выборов[46].

Помимо борьбы с влиянием СДС, контролер Фарранд стремился реорганизовать полицию, администрацию и судейскую систему Брчко на мультиэтничной основе. Ведущим элементом мультиэтнизации Брчко была реструктуризация полиции, основного силового ресурса сербской автономии. Кроме собственно полиции МВД РС включало части специальной полиции, антитеррористические, пограничные отделения, службу безопасности и другие отдельные формирования. При реорганизации полиции аппарат УВП использовал конфликт в руководстве СДС между Плавшич и Караджичем[47] и между их сторонниками в полиции. При этом международные чиновники одинаково отрицательно относились к обеим сторонам, считая, что «фракции в полиции не делились по разлому между верными Дейтону профессионалами-демократами и преступными сторонниками Пале. Подозреваемые в военных преступлениях были в обоих лагерях»[48].

После 28 августа 1997 г. полиция Брчко оставалась под контролем Пале, подчиняясь напрямую министру МВД РС Д. Кияцу. По мнению представителей МС, зачастую традиционные полицейские функции были в пренебрежении, а большинство полицейских занималось разного рода рэкетом в зависимости от своего положения. УВП считало командира секретной полиции Бошко Маричича главным мафиози города[49]. После 28 августа 1997 г. большинство руководящих постов заняли беженцы из сербского Сараева, что «оказало весьма пагубное воздействие на возможности УВП по внедрению многоэтничности»[50].

Еще весной 1997 г., после утверждения генсеком ООН К, Аннаном расширения штата Международной полиции ООН (ИПТФ) в Брчко на 200 человек, район стал зоной наибольшего присутствия полиции ООН[51]. Расширение штата позволило руководителю ИПТФ Д. Грэди (США) назначать представителя ИПТФ к каждому полицейскому, действовавшему на территории РС, что послужило практической основой создания мультиэтничной полиции.

16 сентября 1997 г. ИПТФ приняла «Принципы реструктуризации полиции в РС». Мультиэтничная полиция Брчко создавалась на основе приказа Контролера от 13 октября 1997 г. в составе 230 сотрудников, подчиненных шефу полиции и двум его заместителям, представлявшим основные этнические группы. 120 полицейских были сербами, 90 мусульманами и 20 хорватами. Особое значение придавалось удалению спецполиции РС из региона («силы спецполиции не должны более присутствовать в зоне Контроля»)[52]. Помимо этого, задаче «сокращения влияния Пале» служили и введенные УВП критерии отбора персонала в новые полицейские структуры[53].

Сербские власти Брчко пытались противодействовать решению Контролера. После заседания расширенного президиума общинного комитета СДС его глава М. Босич в осторожных выражениях обвинил Р. Фарранда в неожиданно жестких мерах, в превышении мандата и узурпации полномочий РС. Даже столь умеренное несогласие расценивалось сотрудниками УВП как «обструкционизм СДС»[54]. Такой позиции сербские власти города придерживались до встречи Р. Фарранда с президентом РС Б.Плавшич 3 ноября 1997 г. Б. Плавшич поддержала решения Контролера, назвала «абсурдными» возражения СДС[55] и потребовала исполнения решений международного чиновника»[56].

В итоге многонациональная полиция была сформирована в начале января 1998 г., хотя аппарат УВП и не был удовлетворен уровнем контроля при отборе полицейских[57]. Проведенная реформа полиции и особенно удаление с территории общины Специальной и Секретной полиции РС существенно ограничила возможности Пале в городе и округе Брчко.

10 октября 1997 г. Контролер Фарранд издал указ о создании смешанной скупщины, администрации исполнительной системы, «основанной как на результатах [местных] выборов, так и на списках избирателей». Он внес соответствующие изменения в местные акты и призвал к объединению администраций и систем жизнеобеспечения округа Брчко. По приказу Контролера, моноэтничная администрация муниципалитета Брчко должна была стать мультиэтничной в соответствии с результатами выборов с участием трех этнических групп населения.

СДС сопротивлялась введению многонациональной администрации и нехотя шла на уступки в самый последний момент под огромным международным давлением.[58] Несмотря на это к 13 ноября 1997 г. были выбраны 3 главных должностных лица Брчко. Президентом скупщины был выбран представитель мусульман Мирсад

Джапо (СДП), мэром стал член СДС Борко Рельич, шефом полиции – также член СДС Тодор Гаврич. 30 декабря 1997 г. была официально созвана Муниципальная Ассамблея, и в начале января 1998 г. она начала функционировать. Одновременно была проведена мультиэтнизация и реформирование судебной системы, причем это прошло гораздо легче и полнее, чем в полиции и администрации.

Возвращение беженцев в зону Брчко в 1997 г. Существенной трудностью для беженцев и перемещенных лиц из ФБиГ при возвращении в зону Брчко, контролируемую РС, стала проблема удостоверений личности (УЛ), главного документа возвратившихся. В начале июня 1997 г. многие из возвращавшихся не хотели получать УЛ РС, на обложке которого был герб РС, воспринимаемый ими как вражеский символ. Власти РС уклонялись от выдачи документов возвращенцам. Поэтому Контролер 12 августа 1997 г. ввел для них временные УЛ с символикой УВП, возложив выдачу документов на ИПТФ и полицию РС[59]. К 19 декабря 1997 г. возвратившимся было выдано 772 УЛ РС. По данным наблюдателей ВП, в ЗР было занято 619 домов. К концу января 1998 г. получили разрешение на возвращение 2461 семей, преимущественно мусульманских (около 9800 чел.). 710 из них вернулись реально, то есть как минимум один из членов семьи провел хотя бы ночь в своем жилище[60]. Не было отмечено возвращений в город Брчко и не было возвращений сербов в деревни на федеральной стороне общины Брчко.

Однако, как видно из таблицы 3, реальный перелом в деле возвращения беженцев произошел после создания округа Брчко в 1999-2000 гг.

Решение Арбитражного Трибунала от 15 марта 1998 г. Промежуточное решение Арбитражного Трибунала от 15 марта 1998 г., отложившее окончательное определение статуса спорного района еще на год, было подписано лишь его главой Р. Оуэном[62]. В документе ярко проявлялась политическая позиция арбитра. Помимо высокой оценки усилий и достижений контролера Р. Фарранда, было заявлено, что новые учреждения еще «слабо укоренены»[63]. Этим обосновывался вывод о необходимости длительного сохранения режима международного контроля[64].

И в этот раз решение во многом основывалось на рекомендациях ICG. Так, уже в докладе февраля 1998 г. ICG назвала сохранение в Брчко статус-кво неприемлемым и наградой «ультранационалистов [руководства РС] за преступления против человечности во время войны и за полную обструкцию ОРСМ, равно как и положений промежуточного решения»[65]. В качестве выхода ICG предлагала воссоздание единой довоенной общины под «совместной юрисдикцией обоих образований», избрание новой скупщины общины с широкими полномочиями, «для минимизации вмешательства обоих образований или Тузланского кантона», расширение полномочий Контролера на 2-летний период и демилитаризацию общины Брчко, за исключением сил НАТО.[66] ICG выступала против передачи спорного района Федерации опасностью «разрыва РС пополам», оставляющим восточную часть республики под контролем Пале, равно как и отмечала, что «Арбитраж должен объяснить народу РС», что вина лежит на их негибких лидерах из Пале и что новый вариант является авансом в пользу их умеренного премьера.[67]

В 1998 г. CG называла избрание М.Додика[68] премьер-министром РС «наиболее значимым политическим событием в стране со времени окончания войны[69]. Однако утверждала, что передача Брчко РС не даст «сбалансированного результата» и «укрепит позиции непримиримых, создав впечатление награждения за прошлое упорство». А это могло вызвать напряженность в среде мусульман как в регионе, так и в парламенте, ослабив позиции самого Додика. Сохранение статус-кво на «новый переходный период или постоянно» так же усилит непримиримых в РС, для которых Брчко будет удобным мобилизующим поводом. Непримиримые смогут использовать беженцев и их возврат для борьбы с политикой Додика. Беженцы и даже постоянные жители могут быть вынуждены искать лучшей доли в других регионах страны или зарубежом[70].

ICG предложила: ввести особый статус довоенной общины Брчко; провести выборы новой скупщины общины с «правами ограниченной автономии» в «культурной, образовательной и религиозной» сферах.[71] ICG предлагала следую-

Год	Бош	Хорв	Серб	**Всего**	Бош	Хорв	Серб	**Всего**
2000					4845	663	2	**5510**
2001					4032	599	329	**4950**
2002	132	1746	7	**1885**	5209	336	1522	**7**
2003	17	60	2	**79**	702	286	620	**1**
2004					208	56	9	**273**
2005								
2006								
2007		12		**12**	338	227	136	**701**
2008								
Итого	149	1818	9	**1976**	15334	2167	2618	**20119**

Таблица 3. Возвращение беженцев и перемещенных лиц в округ Брчко [61]**.**

щие принципы основного устройства будущего образования:

— возможность избрания жителями гражданства образования, равный раздел налоговых поступлений между образованиями, присутствие символов как БиГ, так и образований;
— проведение выборов в новые органы власти общины, установленные арбитражем, с распределением мест по системе этнических квот как на основе переписи 1991 г., так и на основе «современной демографии».

Гарантией прихода во власть так называемых «умеренных политиков» должно было стать требование для кандидатов получения поддержки большинства избирателей. Также группа призвала к «гармонизации законодательства обоих образований, особенно в области уголовно-процессуального права»[72]. Предложения ICG в значительной степени были отражены в арбитражном решении. Это относилось и к отсрочке окончательного решения о статусе Брчко, что «предоставило УВП серьезный рычаг давления на РС», «потеря которого могла осложнить реализацию Дейтона в других регионах»[73].

Особое место в тексте решения было уделено политической ситуации в РС и обвинениям противников Б. Плавшич и М. Додика. Арбитраж прямо обвинил «власти РС, руководимые СДС...» из Пале, в упорном сопротивлении «всем программам Контролера» по исполнению Дейтона в районе Брчко, в частности, в препятствовании возвращению беженцев и свободы перемещения, в давлении на хорватское и мусульманское население округа[74].

Также на Пале возлагалась ответственность за «беспорядки и нападения не только на приехавших мусульман, но и на ИПТФ, СФОР и на представителей других международных структур», равно как и за «серьезные недочеты в регистрации» на муниципальных выборах 1997 г., «потребовавших повторного процесса регистрации под усиленным международным контролем». В действиях Пале Арбитраж видел стремление сохранить сербский характер спорной зоны, квалифицируя это как попытку «полностью сорвать дейтонскую задачу» восстановления «довоенной многоэтничности» БиГ[75].

Существенно мягче оценивались недочеты ФБиГ, которой ставилось на вид отсутствие прогресса в деле возвращения сараевских сербов, переселившихся в Брчко[76]. Большое значение в документе было придано «серьезному и публичному разрыву между руководством СДС Пале (включая Караджича, Краишника и Буху[77]) и президентом Плавшич». Позиция последней оценивалась как «более прогрессивная»[78]. Еще более важное значение придавалось утверждению М. Додика на посту премьера РС. Отдельного упоминания в арбитражном решении была удостоена программная речь М. Додика 18 января 1998 г., оцененная как призыв к «отказу от политической философии СДС» и полномасштабному соблюдению Дейтона, включая его правозащитные аспекты[79].

В тексте самого документа отмечалось, что в конце 1997 г. все говорило «о необходимости полной передачи Брчко Федерации», «…однако важные перемены на политической сцене РС к концу 1998 г. могут сделать одно из иных решений более уравновешенным и более ведущим к долгосрочной региональной стабильности»[80].

Отсрочка окончательного решения до «начала 1999 г.» обосновывалась возможностью дать «прогрессивным силам в РС набрать силу и начать сотрудничество с Федерацией» и Контролером «на благо всех граждан БиГ»[81].

Права Контролера также расширялись — он наделялся боннскими полномочиями[82] в отношении любых должностных лиц на территории района Брчко[83], а в рамках восстановления региональной экономики ему поручалось:

— способствовать реинтеграции сербской части общины Брчко, с экономикой соседних районов (т.е. ФБиГ и Хорватии);
— создать специальную экономическую зону;
— разработать программу приватизации государственных предприятий;
— стимулировать финансовую поддержку восстановления порта на р.Сава со стороны Транспортной Корпорации БиГ и международных организаций[84].

Определение статуса района Брчко. Финальное решение о статусе Брчко было вынесено Арбитражем 8 марта 1999 г., накануне начала военной кампании НАТО против СРЮ. Согласно этому вердикту, создавалась особая административная единица — Округ Брчко (Brcko Distrikt) Округ объединял территорию довоенной общины Брчко. При этом из состава обоих образований - РС и ФБиГ, - выводилась часть территории, отошедшей к ним по Дейтонским соглашениям. Созданный таким образом округ подчинялся непосредственно центральным органам БиГ. Такое решение было прямым нарушением Дейтонских соглашений.

Арбитражное решение вызвало волну возмущения в РС. Даже ключевой на тот момент партнер Запада в сербской среде исполнявший обязанности премьер-министра РС М. Додик заявил об отставке своего правительства в знак протеста против ампутации Брчко. Правда, 15 марта 1999 г. он отозвал свое заявление, получив обещание ВП Карлоса Вестендорпа, что окончательное решение по Брчко может быть изменено с учетом интересов сербов.[85]

Синхронизация по времени трех болезненных для РС решений и действий западных держав - арбитражного решения по Брчко, отстранения от должности президента РС Николы Поплашена К. Вестендорпом 8 марта 1999 г. и начавшейся 24 марта операции НАТО против СРЮ, - оказалась успешной для ВП. Такое сочетание произвело ошеломляющий эффект на политические круги РС, существенно снизив масштабы протеста и сопротивления. Три од-

новременных кризиса парализовали элиты РС и лишили их возможности последовательного ответа на каждый из них. Начавшаяся 24-25 марта воздушная атака НАТО против Югославии вызвала новый кризис. Однако, как с удовлетворением отмечала ICG, «унижение в вопросе о Брчко стало меньшим поводом для восстания, чем внутрипартийные взаимные обвинения»[86].

Все более проявлявшийся в апреле-мае 1999 г. военный разгром СРЮ, основного партнера РС, неизбежно ставил вопрос о перспективах и формах сохранения РС в новом контексте. Помимо потери гаранта безопасности, республика, хозяйство которой ориентировалась на Сербию, понесла огромные экономические потери. Степень ее зависимости от воли Запада значительно усилилась[87]. В таких условиях Баня-Лука не могла себе позволить роскошь полномасштабного сопротивления действиям МС в Брчко. Было создано министерство по делам Брчко, а правительство попыталось добиться внесения поправок в окончательный статут Округа, не достигнув в этой области заметных успехов.

Приложение к Окончательному Решению, между тем, значительно отличалось от того, на что рассчитывал Додик, отзывая свое решение об отставке. Уступки РС оказались малыми и незначительными. В августе 1999 г. для демилитаризации округа СФОР провели операцию «Урожай», собрав и уничтожив более 9000 единиц оружия, принадлежавших войскам боснийских сторон. Окончательная демилитаризация района Брчко была завершена к январю 2000 г., когда РС и ФБиГ расформировали по одной бригаде и батальону соответственно, а остальные части были выведены за пределы округа[88].

Статут Округа Брчко был разработан в декабре 1999 г.[89] и решением ВП введен в действие 8 марта 2000 г.[90] Согласно указанному документу, Округ создавался в качестве «единой административной единицы под эгидой суверенитета БиГ»[91], при этом оба образования БиГ передавали ему «все прежде осуществлявшиеся властные полномочия» на территории довоенной общины Брчко[92].

При этом община Брчко выводилась из состава РС, распускались все местные органы власти[93], а датой окончательного прекращения действия на территории округа законодательства республики было назначено 4 августа 2006 г.[94] Статут зафиксировал разделение территории РС на две части, запретив присутствие на территории округа «вооруженных сил или военизированных формирований» боснийских образований. Допускалось лишь размещение там войск БиГ (тогда еще не существовавших) или иностранных войск «с разрешения НАТО, ЕС или СБ ООН»[95]. Акт предусматривал создание отдельной окружной полиции[96]. Также оговаривалось, что полиция образований «не имеет правовых полномочий» на территории округа[97].

***

Судьба района Брчко является наиболее ярким примером внешнего протектората и его масштабов в дейтонской Боснии. Из «горловины коридора», соединявшего запад и восток РС, район стал фактически третьим субъектом боснийской федерации. Эволюция арбитража показала невозможность не имевшей реальной внешней поддержки РС противостоять действиям США, ставших после 1995 г. господствующей державой на Балканах. Одностороннее изменение мандата Арбитража в 1997 г. позволило США превратить технический вопрос о разграничении спорной зоны в фактический пересмотр всей конструкции дейтонской Боснии. Следует отметить, что США вряд ли добились бы таких успехов в построении «княжества Брчко», если бы российские военные на заре операции ИФОР не уступили им контроль над ключом коридора.

Опыт Брчко показал прочность местных политических структур РС, так как их демонтаж потребовал серьезных усилий ведущей мировой державы на протяжении 1996-1999 гг. Пример Брчко ярко показывает, насколько опасно для стороны в локальном конфликте при выработке мирного соглашения оставлять какой-либо спорный вопрос на «последующее рассмотрение» международных структур.

Engelhardt G. From the Arbitration to the District: Brcko as a Case-Study of State-Building in Dayton's Bosnia.

Summary: *International Arbitration for Brcko (Bosnia-Herzegovina), 1996-2000 is a case study of the Dayton Implementation. First paragraphs treats the historical context: civil war in the region and creation of the strategic Posavina Corridor, forced population deplacements and its implications along with an overview of refugee return process. Main section draws on Arbitration Tribunal's radical mandate shift from the demarcation of inter-entity border line into decision on the disputed areas'a overall status, establishment of International Supervision. The risks for a local conflict party to let any dispute for subsequent international arbitration during peace talks can be seen from the International efforts on dismantling Republika Srpska's presence in Brcko and establishment of Brcko District.*

Ключевые слова

Босния, Дейтонский процесс, Арбитраж по Брчко, Округ Брчко, Контроль Брчко, возвращение беженцев, международный протекторат

Keywords

Bosnia, Dayton Implementation, Brcko Arbitration, Brcko District, Brcko Supervision, Refugee Return, International protectorate.

Примечания

1. СДС — Сербская демократическая партия (Српска демократска странка), созданное в 1990 г. национально-политическое движение боснийских сербов, в 1992-97 правящая партия в РС; СДА – Странка демократске акције (Партия демократического действия) и ХДЗ – Хрватска демократска заједница (Хорватское демократическое сообщество) национально-политические движения боснийских сербов, мусульман и хорватов соответственно, созданные в БиГ в 1990 г.
2. СДГ Српска добровољачка гарда (Сербская добровольческая гвардия) вооруженная организация Желько Ражнятовича «Аркана» (1952-2000), подконтрольная службе госбезопасности МВД Сербии. Получившие интенсивную подготовку отряды СДГ превосходили боеспособностью местные ополчения и сыграли заметную роль на ряде участков боснийского и краинского фронтов, особенно на начальном этапе войн 1991-95 гг.
3. РСК — Республика Сербская Краина, в 1991-1995 гг. непризнанное государство на населенных сербами территориях современной Хорватии.
4. Ход боевых действий в районе Брчко описан, в частности, в Ионов А.А., Очерки военной истории конфликта в Югославии. http://artofwar.ru/i/ionow_a_a/text_0010.html
5. UN Special Rapporteur for Human Rights, Tadeusz Mazowiecki Report to the Commission on Human Rights (E/CN.4/1993/50) p.15
6. Prosecutor vs. Goran Jelisic, Judgement IFTY Case № IT-95-10-T, 14.12.1999; Prosecutor vs.Ranko Cesic, Sentencing Judgement IFTY Case № IT-95010/1-S, 11.03.2004
7. Brcko Arbitration: Proposal for Peace. ICG Bosnia Report № 18, 20 January 1997, Sarajevo p.2
8. US SFOR Civil Affairs Direct Support Team "Thor", Brcko Assessment, updated 17th October 1997. цит. по Griffiths H. The Dynamics of Multi-National Intervention… p.48
9. Griffiths H. The Dynamics of Multi-National Intervention… p.40
10. Brcko Arbitration: Proposal for Peace. ICG Bosnia Report № 18, 20 January 1997, Sarajevo p.9
11. Griffiths H. The Dynamics of Multi-National Intervention… p.40
12. Holbrooke R. To End a War. pp. 294,296
13. Holbrooke R. Op.cit. p.308
14. Holbrooke R. Op.cit. p.310
15. ИФОР — Implementation Force, (Силы по выполнению соглашений) — название международного миротворческого контингента в БиГ в 1995-1996 гг.
16. Griffiths H. The Dynamics of Multi-National Intervention… p.36
17. УВП (OHR) – Управление Высокого Представителя (Office of High Representative), высший исполнительный орган международного протектората в Боснии и Герцеговине с 1996 г.
18. МС — международное сообщество - совокупность международных организаций, иностранных агенств и их персонала, задействованных в постконфликтном урегулировании и управлении БиГ.
19. Griffiths H. The Dynamics of Multi-National Intervention… p.142
20. ОРМС (GFAP – General Framework Agreement on Peace) – Общее рамочное мирное соглашение — название Дейтонских мирных соглашений.
21. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, II Procedural History (7-13, 14)
22. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, II Procedural History (21)
23. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, III Preliminary Rulings A,
24. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, V Contentions of the Parties, A, 70
25. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, III Preliminary Rulings C. The Tribunal's Authority to Frame the Present Award, 100-103
26. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, VI Reasons for the Award, A, 79, 82
27. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, VI Reasons for the Award, A, 83-85
28. Brcko Arbitral Tribunal ... Award 14/2/1997, VI Reasons for the Award, B, 89-90, 92
29. Brcko Arbitral Tribunal ... Award 14/2/1997, VI Reasons for the Award, B, 93-94
30. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute Over the Inter-Entity Boundary in Brcko Area Award 14/2/1997, Article VII, I; I A
31. УВП-Север (OHR-North)— филиал УВП в г.Брчко в 1997-2002 гг., Brcko Final Award Office (Управление Арбитражног о решения по Брчко) название УВП-Север с 2002 г.
32. page 36, "Going Nowhere Fast: Refugees and internally displaced Persons in Bosnia-Herzegovina" ICG Report, 30th April 1997, Sarajevo p.38
33. Robert William Farrand - Cirriculum Vitae, http://www.ohr.int/ohr-offices/brcko/history/default.asp?content_id=5526
34. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute … Area Award 14/2/1997, Article VII B (1)
35. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute … Area Award 14/2/1997, Article VII B (1) a
36. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute … Area Award 14/2/1997, Article VII B (4)
37. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute … Area Award 14/2/1997, Article VII B (4)
38. Brcko Arbitral Tribunal for Dispute … Area Award 14/2/1997, Article VII B (5)
39. Биляна Плавшич (р.1930) — в 1990-92 член Президиума Социалистической Республики БиГ, в 1992-96 — вице-президент а в 1996-98 — президент РС. В к.1996 г. вступила в конфликт с другими лидерами РС (Радованом Караджичем, Момчило Краишником), опираясь на поддержку западных держав и УВП.
40. Greer J.K., Fighting Crowds in the Cities of Bosnia 28 August 1997. The Urban Area during stability missions case study: Bosnia-Herzegovina, Part 2// Capital Preservation: Preparing for Urban Operations in the Twenty-First Century--Proceedings of the RAND Arroyo-TRADOC-MCWL-OSD Urban Operations Conference, March 22-23, 2000, ed. by Glenn R.W., p.219 // http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF162/CF162.appg.pdf
41. Srpska Republika News Agency (SRNA), 97-08-28, http://www.hri.org/news/agencies/srna/1997/97-08-28.srna.html
42. Robert F. Baumann R. F., Gawrych G.W., Kretchik W.E. Armed Peacekeepers in Bosnia. Combat Studies Institute Press, Fort Leawenworth, 2004, - p.157
43. Цит. по Griffiths…, p.45,
44. Ричард Фроуик (Richard Frowick) – глава Временной избирательной комиссии ОБСЕ в БиГ в 1996-1997 гг.
45. OSCE Spokesperson David Foley, 16th September, Joint Press Conference, Coalition Press Information Centre, Holiday Inn, Sarajevo Цит. по Griffiths…, p.77
46. Bosnia's Brcko: Getting In, Getting On and Getting Out. ICG Balkans Report № 144, 2 June 2003, p.5
47. Радован Караджич (р.1945) — основатель СДС, в 1992-1996 президент РС.
48. ECMM Team Brcko analysis, 15th August, 1997 p.3 цит. По Hugh Griffiths. The Dynamics of Outside Intervention p.93
49. Hugh Griffiths. The Dynamics of Outside Intervention p.94

50. page 4, Report from the Brcko Supervisor to Presiding Arbitrator Roberts Owen, August 16th-September 30th, 1997 OHR – North p.4, цит. По Hugh Griffiths. The Dynamics of Outside Intervention p.94
51. Griffiths H.. The Dynamics of Outside Intervention p.95
52. Order on Multi-Ethnic Police in the RS Municipality of Brcko, 13th October, 1997
53. Griffiths H.. The Dynamics of Outside Intervention p.96
54. Griffiths H.. The Dynamics of Outside Intervention p.97
55. International Crisis Group (ICG), Brcko: What Bosnia Could Be, 10 February 1998, available at: http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae6a6d244.html
56. Srpska Republika News Agency (SRNA), 97-11-03 http://www.hri.org/news/agencies/srna/1997/97-11-03_1.srna.html
57. Griffiths H.. The Dynamics of Outside Intervention p.98
58. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.7
59. Order on Identity Cards for Returnees to Brcko, 12/8/1997, http://www.ohr.int/ohr-offices/brcko/bc-so/default.asp?content_id=5330
60. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.8
61. Agencija za statistiku Bosne I Herzegovine, Demografija u Brcko Distriktu BiH 2005-2009, Godina 08, Brcko 26.06.2010 br.06, http://www.bhas.ba/arhiva/2010/brcko/DEM_BD_2005-2009_001.pdf pp.18,27
62. Хотя «ввиду невозможности достижения решения» по формуле 2 к 1, представители РС и ФБиГ не подписали решение Арбитража, Р.Оуэн исходил из того, что «решение Судьи-председателя является окончательным и обязательным для сторон». Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, Endnote 1
63. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §6
64. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §14
65. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.ii
66. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.iii
67. Ibid.
68. Милорад Додик (р.1956) в 1990-1992 депутат Скупщины БиГ от Союза реформаторских сил Югославии, в 1992-1996 депутат Скупщины РС, в 1996 г. основал Союз независимых социал-демократов (СНСД) и стал основным политическим партнером Б.Плавшич. После выборов 1998 г. при активной поддержке Запада был утвержден скупщиной на посту премьер-министра РС и занимал его до 2001 г. С 2006 г. - премьер-министр, а с 2010 г. - президент РС.
69. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.13
70. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.13
71. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.14
72. Brcko: What Bosnia Could Be. ICG Bosnia Projecy – Report No. 31, p.15
73. A.Jeffrey Building state capacity in post-conflict Bosnia and Herzegovina: The case of Brcko District //Political Geography 25 (2006), p.213
74. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §§7, 14, 16
75. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §7
76. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §8
77. Момчило Краишник (р.1945), один из организаторов СДС. В 1990-1992 гг. председатель Скупщины БиГ, в 1992-1996 гг. - председатель Скупщины РС, в 1996-98 гг. член Президиума БиГ; Алекса Буха (р.1939)— в 1990-1992 гг. депутат Скупщины БиГ, в 1992-1998 — министр иностранных дел РС, с 1996 г. - председатель СДС.
78. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §9
79. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §10
80. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §17
81. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §§18-19
82. Боннские полномочия — права, предоставленные Высокому представителю Советом по реализации соглашений на заседании в Бонне в декабре 1997 г. Радикальное расширение мандата ВП включало в себя его право отстранения от должности любых государственных и общественных деятелей БиГ и сделало его верховной властью в Боснии.
83. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §24
84. Brcko Arbitral Tribunal... Supplemental Award 15 March 1998, §25 a-c
85. Bosnia's Brcko: Getting In, Getting On and Getting Out. ICG Balkans Report № 144, 2 June 2003, p.5
86. Bosnia's Brcko: Getting In, Getting On and Getting Out ICG Balkans Report N°144, 2 June 2003, p.8
87. Republika Srpska in the Post-Kosovo Era: Collateral Damage and Transformation ICG Report N° 71 5 July 1999 pp.3-13
88. Brcko Demilitarisation. SFOR Informer #79, January 19, 2000 http://www.nato.int/sfor/sfor-at-work/restruct/edition/brckodem/t000712s.htm
89. Bosnia's Brcko: Getting In, Getting On and Getting Out ICG Balkans Report N°144, 2 June 2003, p.12
90. The High Representative's Decision on the Establishment of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina http://www.ohr.int/ohr-offices/brcko/arbitration/default.asp?content_id=5265
91. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 1(1)
92. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 1(2); Article 1(5)
93. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 77 (1)
94. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 76
95. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 7
96. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 62 (1)
97. Statute of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, Chapter I, Article 65 (1)

Боснийско-герцеговинские мусульмане и усташское движение в эмиграции (1945-1952 гг.)

А. Животич

В статье на основе архивных документов анализируется деятельность боснйско-герцеговинских мусульман – участников усташского движения в Югославии периода Второй мировой войны, оказавшихся после ее окончания в эмиграции, в том числе и в странах Ближнего Востока.

В последние дни Второй мировой войны в приграничных территориях Италии и Австрии, оказалось значительное число вооруженных групп так называемого Независимого государства Хорватии, спасавшихся от наступающих сил Народно-освободительной армии Югославии. Их бегство на итальянскую и австрийскую территории, где в то время формировались временные оккупационые режимы западных союзников, было обусловлено их боязнью оказаться в руках Югославской и Красной армий. Среди участников этих вооруженных группировок находилось значительное число военных преступников. Часть их впоследствии была депортирована в Югославию, где они были преданы суду. Однако значительному числу военных преступников, по различным каналам удалось скрыться в странах Западной Европы, Латинской Америки и Ближнего Востока, легализовавшись там в качестве перемещенных лиц[1].

Среди таковых было много мусульман из Боснии и Герцеговины, которые во время войны входили в состав вооруженных формирований Независимого государства Хорватия или же были участники албанского движения "Балы Комбетар"[2], выдачу которых также требовали новые власти Югославии. Как правило, многие из них, после короткого пребывания в Италии, разными путями добирались до Сирии, где получали политическое убежище.

На наличие такого рода политической эмиграции указывал в своей статье о югославско-израильских отношениях Александр Лебл, однако он не указал их численности и происхождения и не анализировал их деятельность[3]. Значительные архивные документы, раскрывающие особенности пребывания в Сирии такого рода мигрантов, находятся в фондах политического архива[4], особого политического архива Министерства иностранных дел[5] и в фондах Канцелярии архива Иосипа Броза Тито[6].

Вместе с тем следует отметить, что серьезной проблемой для исследователя является недоступность архивных документов Министерства внутренних дел, которое следило за политической эмиграцией из Югославии.

Тем не менее, в настоящее время уже представляется возможным восстановить послевоенную судьбу бежавших из Югославии усташских военных преступников.

После бегства из Югославии Анте Павелич и его ближайшее окружение некоторое время скрывались в Австрии, в окрестностях Зальцбурга, в американской зоне оккупации. Осенью 1946 года, переодевшись в перуанского священника, он перешел границу Италии, где незадолго до этого была сформирована организация «Хорватское народное сопротивление». Сначала Павелич жил во Флоренции, позднее - в местечке недалеко от Рима, и, наконец, в Неаполе. Здесь он находился до осени 1948 года, после чего переехал в Аргентину, поселившись в Буэнос-

Животич Александр – научный сотрудник Иститута Новейшей истории Сербии (г. Белград).
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Айресе, перед этим он официально распустил усташские военные отряды и организации.

Но, несмотря на это, после войны на территории Австрии стали возникать новые усташские организации. По предложению Павелича, руководителями усташского движения в эмиграции были избраны Лово Сушич, Божидар Кавран и Мате Фркович. Началось формирование новой организации «Хорватского народного отпора (ХНО). От формального принятия решения о создании этой организации до фактического начала ее деятельности прошло два года. Именно Кавран налаживал связи организации с усташскими группами в самой в Хорватии. Самыми известными отделениями ХНО были «Хрватско Државно водство» (ХДВ), а потом эти функции исполняли «Радни Отпор» (РО), «Хрватски Државни Одбор» (ХДО) и «Матични Одбор» (МО).

Павелич не принимал непосредственного участия в организации этого нового движения, но, сохраняя звание Верховного Главнокомандующего Хорватского Национального Сопротивления, внимательно следил за развитием событий. В Италии было несколько сборных пунктов для бывших усташей. Среди них наибольшую известность получил Фермо. Именно там изготовлялись печати ХНО, НДВ и ХДО. Все официальные документы имели титул «Независимое государство Хорватия». С началом «холодной войны» у многих хорватских усташей возродилась надежда на скорое возвращение на родину. Те же, кто не очень верил в это, вслед за Павеличем стали в массовом порядке эмигрировать в Аргентину, Чили, Бразилию, Венесуэлу, Перу, ЮАР. Мусульманские группы усташей чаще всего уезжали в Саудовскую Аравию, Египет, Сирию и Турцию. Некоторая их часть осталась в Италии, Австрии, Испании, Франции, Германии и Бельгии.

После окончания Второй мировой войны и обретения независимости Сирия оказалась в тяжелой внешнеполитической ситуации. Вооруженные столкновения с формирующимся государством Израилем становились все серьезнее, в то время как сирийские вооруженные силы находились в стадии комплектования, не имея обученных офицерских и солдатских кадров.[7] Именно поэтому страна готова была принять мусульманских усташей. Югославская сторона по дипломатическим каналам стремилась помешать переселению мусульман в Сирию, отправив 23 мая 1946 своему дипломатическому представителю в Бейруте официальную ноту с требованиями получить от сирийского правительства официальные гарантии по этому вопросу, которые и были получены 19 июля 1946 года от сирийского премьер-министра и министра иностранных дел Джабрия.[8]

Однако 5 августа 1947 года сирийское правительство одобрило решение принять у себя в стране несколько тысяч мусульманских эммигрантов из Югославии. Это вызвало официальный протест поверенного в делах Югославии в Бейруте. Он ссылался при этом на резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 года, согласно которой лица, совершившие военные преступления, не могли включаться в категорию беженцев. Она обязывала все государства предпринимать необходимые меры для ареста военных преступников и их экстрадиции в страны, где они совершили преступления[9].

Однако, несмотря на протест, решение Бейрута осталось в силе. Прием мусульманских беженцев объяснялся, прежде всего, военными нуждами и идеями исламской солидарности. Кроме того, на территории Сирии оказалась небольшая часть сербов, во время войны воевавших на Ближнем Востоке и отказавшихся возвращаться на родину. Кроме того, в страну прибыло значительное число албанцев, которые во время Второй мировой войны служили в албанских вооруженных формированиях или в немецких частях СС.

Не сумев воспрепятствовать переселению усташей-мусульман в Сирию, югославское правительство через дипломатические каналы пыталось получить информацию об их прибытии в Сирию. Посол в Риме Младен Ивекович[10] 20 октября 1947 года докладывал в Белград, что сирийское правительство дает визы мусульманским эмигрантам по особой процедуре. Именно эмигрантские ассоциации и другие общества, которые действовали под эгидой католического духовенства, особенно Братство Св. Иеронима, а также Assistenza Pontificia, через Международный Красный Крест получали паспорта для перемещенных лиц.[11] Именно с такими документами усташи-мусульмане обращались к ранее прибывшим в Сирию переселенцам, которые им обеспечивали въездные документы. В частности, такие визы предоставлял Шефкия Муфтич, объявленный в Югославии военным преступником из-за убийств, совершенных в Герцеговине, где он служил в полиции НДХ. Муфтич получал готовые паспорта от Министерства внутренних дел Сирии, переправляя их в Италию. Власти этой страны не препятствовали их выезду, поскольку были заинтересованы в снижении числа эмигрантов на своей территории.

Первоначально такие визы были выданы только нескольким видным эмигрантам, таким, как лидеры югославской мусульманской организации Джафер Куленович[12], Алия Шульяк[13] и еще нескольким другим[14]. Среди первых получивших визы были также пять военных летчиков, ставших инструкторами сирийских ВВС. На военную службу в Сирии принимались не только мусульмане. Так, например, в сирийской армии оказался бывший хорватский капитан Мато Дуковац, воевавший на Восточном фронте, в конце 1944 года перебежавший в Народно-освободительную Армию Югославии.[15] Однако в мае 1945 года он угнал свой самолет в Италию, став в лагере Баньоли неформальным лидером хорватских групп[16].

Принятие Сирией первой партии военных преступников стало поводом к прекращению переговоров о продаже оружия, которое сирийские власти рассчитывали купить в Югославии[17]. Кроме того, Югославское правительство не хотело идти на такого рода сделки из-за хороших отношений с еврейскими организациями Палестины.[18] В то же время, сирийское правительство пыталось наладить отношения с Югославией, не только для приобретения оружия, но и для того, чтобы обеспечить его перевозку через югославские порты. Сирийский премьер-министр Бэй Мардам 17 Февраля 1948 заверил в Каире югославского посла Шахинпашича в том, что Сирия, которой необходима югославская помощь, стремится к установлению с ней добрососедских отношений, а также в том, что югославские военные преступники уже покинули Сирию и воюют в Палестине в добровольческих отрядах, что, однако, было не совсем так.[19] Иначе говоря, сирийское правительство, находясь в то время в тесных контактах с палестинцами, давало убежище усташам, которых затем отправляла туда в качестве добровольцев. Определенную помощь при организации мусульманских эмигрантских отрядов и их отправке в Палестину оказывали мусульманские эмигранты, проживавшие в Египте.[20]

По оценкам югославских властей, в Сирии находилось несколько сотен таких людей, для которых было организовано проживание в Дамаске при мечети Султана Селима, где они находились на казарменном положении. Среди прибывших усташей было 15 офицеров разного ранга. Главным организатором переброски усташей в Палестину был Шефкия Муфтич, получивший за это звание подполковника. После окончания войны в Палестине он уехал в Ливан, получив высокий пост в контрразведке страны.

Большую роль в этом деле играли также:

— бывший министр Джафер Куленович, живший с семьей в Дамаске, который получал от сирийских властей на пропитание 300 лир ежемесячно;
— капитан Сеад Зубчевич;
— офицер Звонко Марьянович, который, сбежав в Ливан, часто устраивал демонстрации перед зданием югославского посольства;
— полицейский чиновник Фадел Поплата;
— авиационный инженер Чедомир Джоркало – родом из окрестностей Шибеника.[21]

В составе различных арабских формирований в войне в Палестине югославские мусульмане занимали заметное место.[22] По требованию министра иностранных дел Израиля Моше Шарета,[23] его помощник Сек 15 августа 1949 года официально проинформировал об этом югославского посла в Тель-Авиве Николу Брозину,[24] особо отметив активность и многочисленность этих отрядов. Он подчеркнул при этом, что главные организаторы движения Джафер Куленович, Хакия Хаджич – бывший посланник НДХ в Будапеште и католический священник Прештерн, имеют прочные связи с центром эмиграции в Южной Америке и пользуются поддержкой Организации по перемещенным лицам. По этим же сведениям, усташская эмиграция находилась в постоянной связи с сирийскими фашистскими организациями, которые особенно активно участвовали в формировании отрядов для войны в Палестине[25].

После завершения войны в Палестине, положение усташей ухудшилось, особенно после смены правительства в Сирии летом 1949 года. Поиск лучшей жизни заставил наиболее видных усташей перебраться в Аргентину. Их переезду содействовал Алия Шульяк, в те годы работавший в министерстве сельского хозяйства Сирии как специалист по вопросам кооперации. Главным его помощником был Крунослав Драганович, действовавший через Братство святого Иеронима. Кстати, среди эмигрантов регулярно распространялась хорватская эмигрантская пресса, особенно издания „Хрватска“ и „Хрватски каритас", которые выходили в Буэнос-Айресе и газета „Даница“, издававшаяся в Чикаго.

Потери в войне в Палестине и эмиграция в другие страны привела к сокращению численности усташей в Сирии. Кроме того, саму среду эмигрантов стала разъедать апатия, а многие начали выражать желание вернуться в Югославию. Шефкия Муфтич всесте со своими верными соратниками пытался их разубедить, а на самых настойчивых писал доносы, что они являются коммунистами и сторонниками новой Югославии, вследствие чего они были арестованы и осуждены сирийским властями.

Важную роль в усташской эмиграции в тот период играли Хасан Чустович, основавший в 1948 году „Общество хорватов в Сирии“ и редактор газеты „Хрватска воля“, выходившая в Дамаске с 1949 по 1952 гг., и полковник Ибрахим Првич-Пьянич, который содействовал вступлению эмигрантов в сирийскую армию.[26]

Стремясь получить поддержку исламского мира, усташские мусульмане пытались придать их проблеме международный статус. Так, в феврале 1951 года ими был направлен специальный меморандум Исламскому Конгрессу в Карачи. В нем, в частности, говорилось: „Хорватский народ состоит из шести миллионов человек, из которых около миллиона - хорваты мусульманской веры. Хорватский народ является единственной европейской нацией (кроме албанской), в составе которой значительное число мусульман. Затем в меморандуме говорилось о первых исторических контактах между хорватами и мусульманами: „В сирийской армии в 677 году, во время осады Константинополя, было, согласно свидетельствам, двадцать тысяч хорватских солдат“. В конце меморандума говорилось: „Только свобода нас, хорватов-мусульман в хорватском государстве может быть условием для свободного развития и жизнь ислама в западной оконечности нашего мира. ... Мы шлем наши молитвы всему исламскому миру, чтобы показать то ужасное положе-

ние, в котором находятся хорваты-мусульмане, как мы описали выше. Просим всех исламских братьев поддержать наши требования полной свободы вероисповедания. Также просим поддержать наши требования, особенно в Хорватии. И когда мы вместе с помощью великого Аллаха добьемся создания своей независимой Хорватии, мы сможем не только сохранить ислам в Европе, но, как и в прошлом, стать центром братских связей между народами в сердце Европы."[27]

Меморандум, наряду с другими видными представителями усташской эмиграции на Ближнем Востоке, подписали: Джафер Куленович, Ибрахим Првич-Пьянич, Хасан Чустович, Алия Шульяк, Шефкия Муфтич, Хакия Хаджич. Однако, несмотря на приложенные усилия, этот документ не привел ни к каким результатам.

Быстрые перемены во внешней политике Сирии, в связи с установлением там нового режима, стремившегося к реформированию сирийского государства, а также попытки установления прочных политических, экономических и военных связей с Югославией, негативно повлияли на положение усташской эмиграции в стране. Непосредственным результатом этого явился призыв короля Иордании к югославским беженцам – христианам и мусульманам, поселиться в Иордании, что было также непосредственно связано с прекращением деятельности Организации для перемещенных лиц на Ближнем Востоке.[28]

Развитие югославско-сирийских отношений не только ухудшило положение усташской эмиграции, но привело к тому, что некоторые из них во главе с Хакия Ходжичем, выдачу которых требовало югославское правительство, были депортированы в Югославию. Это привело к нескольким нападениям радикальных эмигрантов на дипломатическое и торговое представительства ФНРЮ в Дамаске.

В свою очередь, югославская дипломатия, установив контакты с некоторыми эмигрантами, собирала информацию о численности, деятельности и возможных намерениях этих групп. Резкое улучшение югославско-сирийских отношений раскололо ряды эмигрантской среды на военных преступников и тех, кто был занят своими повседневными заботами. Посольство Югославии в Дамаске попыталось осуществить кампанию по их репатриации, но такая деятельность успеха не имела, поскольку большинство из них считало, что лучше прозябать здесь, чем, вернувшись домой, снова обрабатывать землю.[29]

Кроме того, наладить контакты с югославской дпломатической миссией пытались и некоторые военные преступники, поскольку значительная часть эмиграции, понимая, что новое сирийское правительство не будет учитывать их интересы, стремились поселиться в Южной Африке и Южной Америке.[30] К началу 1952 года в сирийской армии было всего несколько офицеров югославского происхождения, которые никак это не афишировали.[31]

Камнем претковения в отношениях между двумя государствами оставалась деятельность Алие Шульяка, который продолжал вести антиюгославскую кампанию. После официальной ноты югославской дипломатии сирийское праительство потребовало от него прекратить подобную деятельность. В конце концов, он, преследуемый сирийскими властями, уехал в Турцию, где опубликовал труды по системе организации банковского дела в условиях развития свободного рынка.[32] Незадолго до отъезда ему удалось опубликовать в Дамаске книгу на французском языке по исследованию проблем экономической интеграции.[33] Помимо экономических работ, Шульяк писал пропагандистские брошюры, в которых доказывал историчекую преемственность хорватов и исламского мира, что, по его мнению, должно было иметь широкий политический резонанс.[34]

В свою очередь, сирийское правительство разрешило растиражировать брошюру, в которой заместитель Тито Александр Ранкович призывал всех эмигрантов вернуться в Югославию. Сирийское правительство предложило югославскому посольству в Дамаске полное свое содействие по этому вопросу. Однако часть экстремистски настроенных усташских кругов продолжала вести активную политическую деятельность, переселившись в основном в Ирак, Иорданию, Саудовскую Аравию и, в меньшей степени, в Турцию. Сама же попытка репатриации не имела серьзных практических результатов.[35]

Тем не менее, усташская мусульманская эмиграция в Сирии перестала играть существенную политичекую роль. Таким образом было устранено одно из важных препятствий для становления тесного двустороннего сотрудничества в политической, военной, экономической и культурной сферах, что было характерно для сирийско-югославских отношений вплоть до распада СФРЮ в 1991 году.

A.Zivotich Bosnijsko-Gertsegovinsky Moslems and ustash-movement in emigration 1945-1952

Summary: *In this paper, based on the availabke archive resources from the Diplomatic Archive of the Ministry of Foreign Affairs and Archive of Josip Broz Tito and the existing historiography literature, the problems of relations of Bosnian-Herzegovinian Muslims and the Ustasha mouvement in Emigration, especially in the Middle East and the relation of Yugoslav state with those emigrant groups are analyzed.*

Ключевые слова

Югославия, Сирия, Ближний Восток, усташи, НДХ.

Keywords

Yugosalvia, Syria, the Middle East, Ustasha, NDC, emigration

Примечания

1. О завершении военных операций на территории Югославии см подробнее: B. Petranović, Istorija Jugoslavije,III, Beograd 1988. B. Petranović, Srbija u Drugom svetskom ratu, Beograd, 1992. U. Kostić, Oslobođenje Istre, Slovenačkog primorja i Trsta 1945, Beograd, 1978.
2. «Балы Комбетар» "Balli Kombëtar"(балисты) - выступавшая за создание Великой Албании повстанческая организация албанских националистов. Выступали против итальянской оккупации населенных албанцами территорий, но в 1943 г. вступили в сговор с немцами, что привело к превращению национально-освободительной войны вгражданскую. Балисты имели свои добровольческие отряды, которые воевали против албанских и югославских партизан на территории Албании, Македонии, Косова и Метохии и Греции. На пике численность доходила до 7-8 тыс. чел. В конце 1944-начале 1945 организовали восстание против властей социалистической Югославии на территориях, прилегваших к Албании (Македония, Косово и Метохия). Организованное восстание было разбито до 1946 г., однако отдельные небольшие группы вылавливались частями государственной безопасности Югославии до 1948 г.
3. A. Lebl, „Prekid diplomatskih odnosa SFRJ-Izrael 1967. godine", Tokovi istorije, 1-4/2001, Beograd 2001, str. 55.
4. Дипломатски архив Министарства спољних послова Републике Србије (у даљем тексту: ДАСМИП), Политичка архива (у даљем тексту: ПА), 1947-1952.
5. ДАСМИП, ПА – строго поверљиво, 1947-1952.
6. Архив Јосипа Броза Тита (у даљем тексту: АЈБТ), Кабинет Маршала Југославије (у даљем тексту: KMJ), I – 3 – b.
7. См об этом подробнее: C. Brown, Diplomacy on the Middle East. The International Relations of Regional and Outside Powers, London – New York, 2004. B. Milton – Edwards, C.Hinchcliffe, Conflicts in the Middle East Since 1945, London, 2003. B. Rubin, Tragedy of the Middle East, Cambridge, 2002. S. Touval, The Peace Brokers. Mediators in the Arab - Israeli Conflict (1948 - 1979), Princeton, 1982. R. Bullard (ed.), The Middle East. A political and Economic Survey, London, 1958. L. Tull, Politics. The military and nation security in Jordan, 1955 - 1967, London, 2002.
8. ДАСМИП, ПА, 1947. година, фасцикла (у даљем тексту: ф.)105, Сирија, документ 414728, Извештај Посланства ФНРЈ у Бејруту од 7. августа 1947. године.
9. Там же.
10. Младен Ивекович (1903 – 1970) являлся послом Югославии в Италии до 1951 года, затем стал первым дипломатическим представителем Югославии в ФРГ.
11. О роли католической церкви по сокрытию югославских военных преступников см. подробнее: D. R. Živojinović, Vatikan, Katolička crkva i jugoslovenska vlast 1941-1958, Beograd, 2007, str. 225-266.
12. Джафер Куленович родился 17 февраля 1891 года, а умер в Дамаске 3 октября 1956 г. В 1919 году явился организатором Югославской мусульмнаской организации. Являлся министром югослваского правительства в 1939-1941 гг. После начала войны выразил поддержку А. Павеличу, а после освобождения Югославии скрылся в Австрии. Был арестован британскими военными властями, однако сумел скрыться в Сирии. Сотрудничал с рядом хорватских националистических изданий, пропагандируя единство хорватов-католиков и мусульман.
13. Алия Шуљяк до Второй мировой войны жил в Дубровнике, был членом Хорватской крестьянской партии. О его деятельности в годы Второй мировой войны см. подробнее: F. Jelić-Butić, Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941-1945, Zagreb, 1977.
14. ДАСМИП, ПА,1947. година, ф. 105, Сирија, документ 281/47, Извештај Амбасаде у Риму Министарству спољних послова, од 20. октобра 1947. године.
15. По сведениями историка М. Белайца с 1944 по 1947 гг. в Югославскую армию было принято 1963 официра хорватского происхождения, ранее служивших в армии Королевства Югославии. // M. S. Bjelajac, Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom, 1918 – 1991, Beograd 1999, str. 47.
16. B. Dimitrijević, Jugoslovenka armija 1945 – 1954. Nova ideologija, vojnik i oružje, Beograd, 2006, str. 134. // ДАСМИП, ПА,1947. година, ф. 105, Сирија, документ 281/47, Извештај Амбасаде у Риму Министарству иностраних послова, од 20. октобра 1947. године.
17. ДАСМИП, ПА,1948. година, ф. 160, Сирија, документ 41498, Извештај Посланства у Бејруту Министарству иностраних послова од 16. јануара 1948. године.
18. ДАСМИП, ПА,1948. година, ф. 160, Сирија, документ 41499, Телеграм Министарства иностраних послова Посланству у Бејруту од 10. фебруара 1948. године.
19. ДАСМИП, ПА,1948. година, ф. 160, Сирија, документ 44608, Извештај Посланства у Каиру Министарству инострних послова, од 17. фебруара 1948. године.
20. А. Животић, „Емиграција из Србије у Египту 1945-1956", Срби и Југославија. Држава, друштво, политика, Београд, 2007, стр. 374-375.
21. АЈБТ, KMJ, I – 3 – b/709, Извештај Министарству иностраних послова Посланства у Бејруту од 23. септембра 1949. године,стр. 4.
22. О первой-арабо-израильской войне см подробнее: M. Babić, Arapsko – izraelski ratovi, Zagreb, 1988. A. Bregman, Israel's Wars. A History Since 1947, London,2002. T. N. Dupay, Elusive victory. The Arab – Israeli Wars, 1947 - 1974, New York, 1978. D. Horowitz, E. N. Lutwak, The Israeli Army, London, 1975. P. Ovendale, The Origines of the Arab - Israeli Wars, London, 2003.
23. Моше Шарет (1894-1956) Израильский политик, был министром иностранных дел Израиля с 1948 по 1956 гг.
24. Никола Брозина был первым послом Югославии в Израиле.
25. ДАСМИП, ПА,1947. година, ф. 85, Палестина, документ 420020, Белешка о разговору посланика Брозине Николе са помоћником министра иностраних послова секом у Тел Авиву на дан 15. августа 1949. године.
26. ДАСМИП, ПА,1947. година, ф. 85, Палестина, документ 420020, Белешка о разговору посланика Брозине Николе са помоћником министра иностраних послова секом у Тел Авиву на дан 15. августа 1949. године.
27. АЈБТ, KMJ, I – 3 – b/711, Извештај Министарству иностраних послова Посланства у Бејруту од 19. смарта 1951. године.
28. ДАСМИП, ПА,1951.година, ф. 69, Јордан, документ 45812, Телеграм Посланства у Бејруту Министарству иностраних послова од 23. марта 1951. године.
29. ДАСМИП, ПА-строго поверљиво,1953. година, ф. III,документ 276, Записник са годишњег радног састанка Посланства у Дамаску и Бејруту од 2. фебруара 1953. године.
30. Там же.
31. ДАСМИП, ПА,1952.година, ф. 79, Сирија, документ 42008, Забелешка о посети Чедомила Цврљеа Валид Маџеду, шефу Протокола Министарства иностраних послова Сиријске републике од 12. јануара 1952. године.
32. A. Suljak, Création de banques populaires dans les pays qui aspirent à la démocratie économique, Istanbul, 1958.
33. A. Suljak, Les faîtes de l'économie coopérative, Damask, 1950.
34. A. Šuljak, „Odnosi islama i kršćanstva gledani kroz diplomatske veze islamskih država s Vatikanom", Hrvatska revija, 1 (1951).
35. ДАСМИП, ПА,1952.година, ф. 79, Сирија, документ 44667, Забелешка о разговору секретара Посланства у Дамаску Драгомира Петровића са начелником Протокола Министарства иностраних послова Сирије Валид Маџедом на дан 14. фебруара 1952. године.

Боснийский кризис 1908 – 1909 гг. И славянский вопрос

Я.В. Вишняков

Боснийский кризис 1908-1909 гг. явился событием, ключевым образом повлиявшим на развитие политической ситуации в Европе начала XX века. В сентябре 1908 года Австро-Венгрия объявила об аннексии территории Боснии и Герцеговины, которая была ею оккупирована по решению Берлинского конгресса 1878 года, на котором обсуждались условия окончание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В марте 1909 года под давлением Германии свершившийся факт вынуждена была признать Россия, а вслед за ней и Сербия. Российское общественное мнение охарактеризовало это событие как «дипломатическую Цусиму». Последствия этого шага австро-венгерской монархии не замедлили сказаться. Спустя пять лет в Сараево прозвучал выстрел, ставший роковым не только для Австро-Венгерской, но и для Османской, Германской и Российской империй. Уроки боснийского кризиса не потеряли своей актуальности и сегодня.

Европейская политика в предшествующие первой мировой войне шесть лет представляла собой практически непрерывную череду кризисов, что тесно связано с нарастающими противоречиями между двумя военно-политическими блоками – Тройственным союзом и Антантой. Но именно на Балканах в те годы завязывался узел межгосударственных противоречий, приведших к первой мировой войне. Вряд ли может вызвать сомнение утверждение о том, что боснийский кризис 1908-1909 гг. сам по себе, чуть было не вызвавший военный конфликт, стал прологом первой мировой войны.

В мае 1906 года в российском МИДе произошло ожидаемое событие.

Министр В.Н. Ламздорф был отправлен в отставку, а на его место был назначен А.П. Извольский – бывший российский посланник в Копенгагене. В тоже время, в конце 1906 года произошла перемена и в руководстве австрийского внешнеполитического ведомства. Вместо А. Голуховского на пост министра иностранных дел был назначен А. Эренталь (1854-1912 гг.), прошедший по всем ступеням дипломатической карьеры, трижды бывший в Петербурге в качестве атташе, советника и затем посла (1899-1906 гг).

Именно аннексия этих провинций, оккупированных по решению Берлинского конгресса 1878 года, по мнению Эренталя, могла укрепить позиции Австро-Венгрии в стратегически важном регионе – на Балканах. К немедленным действиям Вену подталкивали и события в Османской империи, где летом 1908 года произошла младотурецкая революция. Она могла вызвать серьезное ослабление позиций Австро-Венгрии во все еще формально принадлежавших Турции провинциях. А.П. Извольский, тем не менее, пошел на переговоры с Эренталем, которые состоялись 2-3 (15-16) сентября 1908 года в замке Бухлау. Австрийский министр в обмен на благожелательную позицию Петербурга обещал поддержать требование России об изменении статуса Босфора и Дарданелл. Извольский в итоге был полностью одурачен, поскольку факт аннексии состоялся сразу же после окончания переговоров, а другие державы, особенно Великобритания, отнеслись к идее пересмотра статуса проливов крайне неблагожелательно.[1]

Император Франц-Иосиф объявил об аннексии Боснии и Герцеговины 24 сентября (6 октября) 1908 года, что, по расчетам венских правящих кругов, могло означать только одно: Австро-Венгрия забирала себе то, чем она и так владела последние тридцать лет. Накануне свой суверенитет провозгласила Болгария.[2]

Общественная реакция на эти события в России и Сербии была весьма негативной. Но

Вишняков Ярослав Валерианович – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России. E-mail: grand@mgimo.ru

если для России факт аннексии мог означать лишь молчаливое согласие с нарушением Австро-Венгрией всех ранее заключенных договоров и тем самым, признание экспансионистских планов Вены, что и вызвало бурю общественного негодования деятельностью А.П. Извольского и скорую его отставку, то для Сербии это же событие означало окончательный крах надежд на создание югославянского государства с центром в Белграде. Сообщение об аннексии стало не просто шоком для правящих кругов страны, но и вызвало в Сербии мощный всплеск антиавстрийских настроений. Председатель Народной Скупщины страны Любомир Йованович в речи на заседании 29 сентября 1908 г. (по старому стилю) сказал: «Национальному праву сербского народа угрожает опасность. Кто такие эти люди, живущие в Боснии, и какие они должны иметь права как народ, это братья, известно. Ныне нет в мире никакого другого, кроме сербов, народа, который бы ранее, или в настоящее время жил в Боснии. Сербы там находились до возникновения государства Карла Великого, и, следовательно, тем более до возникновения тех государств, которые образовались из державы Карла Великого».[3]

А министр иностранных дел Сербии М. Милованович, отвечая на запрос Скупщины 20 декабря 1908 г. (ст.стиль), отметил: «Для всех поборников балканской свободы, для всех, кто выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип – «Балканы балканским народам», - ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии. Самостоятельная жизнь Сербии и Черногории должна опираться на Боснию и Герцеговину. Без свободной политической и экономической связи с Боснией и Герцеговиной мы не можем иметь постоянной гарантии для нашей будущности».[4] В принятом 21 декабря 1908 года (ст.силь) Скупщиной постановлении говорилось, что Босния и Герцеговина должны стать вассальным княжеством «под суверенитетом Его Величества Султана при гарантии европейских держав, когда обеспечена будет территориальная связь Сербии и Черногории через Боснию и Герцеговину, и когда Сербии будет гарантировано транзитное сообщение во всех направлениях со всеми государствами».[5]

Буквально сразу после объявления аннексии, в начале октября 1908 года в Белграде была основана организация «Народная оборона», целью которой была организация четнического движения в Боснии и Герцеговине. В нее вошли политические лидеры влиятельной в стране радикальной партии и офицеры сербской армии. «Народная Оборона» делилась на 223 филиала и имела значительное число сторонников за рубежом. Военная тревога достигла пика весной 1909 года. 29 марта Австро-Венгрия объявила частичную мобилизацию. День спустя Сербия, поддавшись дипломатическому давлению России, вынуждена была признать свершившийся факт, который стал рассматриваться сербами как национальное унижение, коренным образом повлияв на весь последующий внутриполитический и внешнеполитический курсы страны.

Аннексия Боснии и Герцеговины не могла осуществиться без соответствующей подготовки Австро-Венгрией общественного мнения. Именно поэтому важной составной частью аннексионного плана было создание в европейской общественной среде мифа об объективной необходимости этого шага, в связи с якобы готовящемся в Сербии заговора как против монархии, так и против соседнего славянского государства - Черногории. Венское правительство при этом преследовало две цели:

— во-первых, скомпрометировать славянское движение в целом;
— во-вторых, столкнуть между собой Сербию и Черногорию, постаравшись при этом если не вовлечь последнюю полностью в орбиту своей политики, то, по крайней мере, ослабить там российское влияние.

Главную же роль в осуществлении планов Вены предстояло сыграть журналисту сараевской газеты «День» Георгию Настичу, по словам российского посла в Вене Урусова – личности темной и «самой сомнительной нравственности».[6]

Кроме того, события в самой Черногории соотносились с интересами венского кабинета. В ноябре 1907 года группой черногорской молодежи было переправлено из Сербии 15 гранат, что привело к раскрытию заговора против черногорского князя Николы. В его организации были обвинены лидеры Народной партии Черногории, возникшей незадолго до вышеозначенных событий. «Афера с бомбами» дала князю повод для расправы со своими политическими оппонентами. По сообщению российского министра-резидента в Цетинье П.В. Максимова, «из захваченных писем было установлено, что деятельным поставщиком бомб служил также некий студент белградского университета черногорец Дакович, стоявший во главе прошлогодней манифестации и давно подозреваемый в серьезной революционной деятельности. Помощником ему был престарелый отец, который, по заключении в тюрьму, как говорят, сознался в своем сообщничестве с сыном, находящимся теперь в Белграде».[7]

Российский дипломат, донося о заговоре, особо отметил при этом: «Насколько гадки и низки эти предатели, я сам могу убедиться из того, что некоторые из них, перешедшие на сторону настоящего правительства, без стеснения утверждают, что душой их клуба был русский представитель в Цетинье, по наущению которого они и действовали, и который прямо заявил им, что пока народники[8] не будут у власти, императорское правительство не будет выплачивать следующих княжеству субсидий».[9] Также, по утверждению черногорских властей,

в постоянных контактах с заговорщиками находился русский генерал Попович-Липовац – черногорец по происхождению.

По этому же делу был арестован «бывший воспитанник Одесского военного училища Джуканович, бывший в числе молодых офицеров летом исключенных из черногорской армии за сочувствие, выраженное ими племяннику княгини Милены, приговоренному к тюремному заключению на основании полученного им из Сербии от брата компрометировавшего его письма».[10] В данном случае речь, видимо, идет о событиях осени 1906 года, когда в разгар предвыборной кампании в черногорскую Скупщину 16 студентов, обучавшихся в Белграде, опубликовали брошюру «Слово черногорской омладины о событиях в Черногории». В ней содержалась резкая критика черногорских властей и обвинение их в коррупции и доведении страны до полного обнищания. Никола начал судебное преследование, однако на суде обвиняемые зачитали два личных письма, написанных чиновником, который оглашал обвинение. Их содержание было намного резче студенческого памфлета. Судьям пришлось ограничиться выговором в адрес студентов.[11]

Цель австро-венгерского кабинета была достигнута. Сербо-черногорские отношения накалились до предела, а сербский посол Йованович был отозван из Цетинье. Несколько позже, в ноябре 1909 года временный поверенный в делах Черногории Дьяченко отмечал в одном из своих донесений: «Поскольку дело касается отношений Черногории к Сербии, то в них пока этот элемент доверия отсутствует. Главная причина такого прискорбного явления лежит, как я уже ранее отмечал, в гостеприимстве, оказываемом королевством черногорским политическим эмигрантам. Князь Николай твердо убежден в том, что главная опасность ему лично и всей династии грозит со стороны сербского правительства, всячески поддерживающих заклятых врагов Черногории и дома Петровичей-Негошей. Окружающие господаря лица, по различным соображениям, поддерживают в нем уверенность, часто, быть может, намеренно преувеличивая опасность, грозящую его королевскому величеству со стороны Белграда. В виду вышесказанного, я имею серьезные основания утверждать, что пока вопрос о черногорских эмигрантах, сосредоточившихся ныне в Белграде, не будет разрешен в желаемом здесь смысле, а именно, доколе эти лица не будут удалены из пределов королевства и вместе с тем лишены получаемых ими от сербского правительства субсидий, нельзя рассчитывать на восстановление доверчивых, искренних отношений между Белградом и Цетинье».[12]

Никола требовал от Белграда выдачи черногорцев, якобы причастных к заговору, а кроме того «неожиданно» выяснилось, что именно туда ведут нити заговора, о чем и сообщил свидетель Г. Настич. Он обвинил в организации покушения в том числе и принца Георгия, в то время наследника сербского престола. Российский поверенный в делах в Цетинье Е.Ф. Штейн писал: «Прибыв в Белград, Настич вскоре познакомился со многими членами клуба «Словенский Юг»[13] и между ними с двоюродным братом короля Петра капитаном Ненадовичем. Его тогда же поразила чрезвычайная интимность отношений между Ненадовичем и наследником сербского престола, их очевидная и неразрывная дружба. Тогда же Настич отметил и то обстоятельство, что наиболее выгодные назначения как на заграничные места по дипломатической службе, так и во внутренней администрации, неизменно давались членам названного клуба, являвшегося, по уверению свидетеля, душою всех пансербских и иных политических интриг. В феврале прошлого года Ненадович поручил Настичу отправиться в Крагуевац и ознакомиться там с техникой выделки бомб, предназначенных, как тогда понял свидетель, для политической агитации в Новопазарском санджаке и Старой Сербии».

Вместе с тем Штейн указывает, что главная цель изготовления взрывчатки была иной: «бомбы, предназначавшиеся для совершения в Черногории переворота, те самые, над изготовлением которых трудился в Крагуевце Настич и которые затем были отвезены в Белград и сданы в помещение клуба «Словенский Юг». Как бы то ни было, назначение привезенных Настичем бомб внезапно определилось: на настойчивые расспросы о том Настича, Ненадович, избегавший до этого времени определенного ответа, сообщил ему, что настало время решительных действий в Черногории и что бомбы будут отправлены туда для проведения переворота, который, с всесербской точки зрения, будет иметь самые важные последствия». Российский дипломат при этом был убежден в существующей для жизни Николы опасности, донося в мае 1908 года: «Непреложным, мне кажется, остается многократно подтвержденный факт, что бомбы были доставлены в Цетинье из Белграда и столь же почти несомненным, я полагаю, следует считать, что изготовлены они были в Крагуевацком арсенале».[14]

Летом 1908 года по приговору суда к смертной казни было приговорено 6 человек, четверо из них заочно, трое получили вечную каторгу. Среди осужденных были 13 человек, поставивших свою подпись под программой Народной партии. Правда, Никола заменил смертный приговор двум обвиняемым - Васо Чулафичу и Джуро Войводичу вечной каторгой. Никола, таким образом, расправился с политическими соперниками, а Австро-Венгрии удалось не только столкнуть славянские государства, но и усилить свои позиции в Черногории. И это даже несмотря на то, что аннексионный кризис сблизил позиции двух государств: в октябре 1908 года между ними было подписано соглашение «устанавливающее между Сербией и Черногорией общность в оценке положения, вызванного нарушением

Берлинского трактата, особенно со стороны Австрии, а также согласие по отношению к защите национальных интересов братских народов».[15]

В начале 1910 года в Цетинье был назначен новый дипломатический представитель Австро-Венгрии барон Гисль фон Гислинген. До российского посольства сразу же стали доходить слухи о том, «будто бы австро-венгерский представитель намекнул господарю на готовность придунайской монархии предоставить его королевскому высочеству, на известных условиях, выгоды реального характера».[16] Новый австрийский посланник убеждал Николу, что «Черногории не стоит больше заниматься босно-герцеговинским вопросом, и при этом заметил, что «Австрия не будет ничего иметь против расширения Черногории за счет прилегающих областей Турции в сторону Ипека».[17]

15 августа 1910 года, в честь 50-летия своего правления, Никола объявил Черногорию королевством. Это событие также вызвало позитивный отклик в Австро-Венгрии, связанный с надеждами окончательно вовлечь страну в орбиту своей политики. Так, в феврале 1911 года австрийский журналист Л. Мандель, выразитель официальной точки зрения венских правящих кругов, в беседе с В.П. Сватковским[18] прямо заявил, что «провозглашение Черногории королевством было победой присущего сербскому народу сепаратизма над не имевшей достаточной почвы, привозной с запада, идеей сербского единения вокруг Сербии как сербского «Пьемонта». Он же добавил, что «сепаратисткая в сербском смысле Черногория не только не опасна для Австро-Венгрии, но может взять на себя отчасти или временно ту или иную австро-венгерскую миссию, например в северо-албанском вопросе, даже в санджакском вопросе. Так, например, не подлежит сомнению, что Черногория завладеет лежащей в Санджаке пограничной Беранской нахией. Течение событий дает ясные предсказания относительно этого естественного и неизбежного расширения черногорской территории на восток. И Австро-Венгрия противиться этому не будет».[19]

Раскрытие «заговора» против Николы удивительным образом совпало с началом судебного процесса в Загребе (Аграме). В январе 1908 года баном Хорватии был назначен Павел Раух, опиравшийся на националистическую хорватскую партию Франка. Тут же последовала череда «разоблачительных» публикаций, в которых сербское правительство обвинялось в подготовке заговора с целью захвата югославянских земель Дунайской монархии. А вскоре последовали и прямые репрессии. Перед судом предстали 53 серба – участники все той же организации «Словенский Юг». Обвинение было построено на неких секретных документах, а главным свидетелем со стороны обвинения опять стал журналист Настич.

Российский посол в Вене князь Урусов доносил по этому поводу в августе 1908 года: «К тому, же после обнародования конституции в Турции развилось национальное стремление сербов в Боснии и их вожделение получить автономное управление. В Хорватии и Боснии были арестованы главные члены общества «Славянский Юг», имеющего целью освобождение южных славян, в Аграме начался против них процесс по обвинению в государственном преступлении». Российский посол писал, что Настич в своих брошюрах признал, что он сам «участвовал в «великосербской пропаганде», но что он отошел от нее, когда убедился в террористической ее программе, включавшей в себя убийство князя Николая Черногорского».[20] Урусов при этом отмечал: «Следствие обнаружило также, что общества сербских и хорватских соколов не только имеют политические цели, но и устроены наподобие военных кадров для предполагаемой армии повстанцев. В состав их входят преимущественно люди, отслужившие свой срок в австро-венгерской армии. План организации соколов и гимнастических обществ в Хорватии был, по утверждению обвинителей, составлен начальником главного штаба в Белграде подполковником Мишковичем и по его указаниям приспособлен на местах».[21]

Тем не менее, инспирированность процесса стала очевидной сразу же. «В лице 53-х сербов, привлеченных за государственную измену, собственно говоря, обвиняется и предан австрийскому суду весь сербский народ. Эти 53 человека, сидящие на скамье подсудимых, играют роль побочную; они являются как бы ширмой, чтобы прикрыть величайшее насилие, которому подвергается весь сербский народ в его целом», - писал Г.С. Бобрыкин - автор брошюры «Сербский процесс в Загребе».[22] Такие действия австро-венгерских правящих кругов по дискредитации славянского движения, вероятно, достигли бы поставленных целей, если бы подсудимые не получили защитника, которому удалось превратить суд над сербами в суд над австрийским кабинетом министров. Таким человеком стал один из видных политических фигур рубежа XIX - начала XX вв., будущий основатель чехословацкого государства Т. Г. Массарик. Он выступил с рядом громких разоблачений по этому делу, убедительно доказав, что все документы были подделаны австро-венгерским посольством в Белграде, причем непосредственное участие в этом принял граф Форгач – глава австрийской миссии в сербской столице. «Газеты называют именно членов австрийской миссии во главе с графом Форгачем. Правительство потребует отзыва посланника, опустившегося до уровня фальсификатора», - сообщал Н.Г. Гартвиг – российский посланник в Сербии.[23]

В.П. Сватковский по поводу австрийских «разоблачений» выразился более образно: «Профессор Массарик приводит в одной из своих последних статей в «Zeit» одну сербскую поговорку в объяснение, почему сербское правительство не заботится особенно об уходе гр. Форгача. Эта циничная поговорка говорит, что запачкавший-

ся своим пометом голубь иногда лучше чистого. Может быть, было бы недурно, если бы Массарик применил сербскую народную мудрость и к Эренталю, и оставил его теперь в покое. Поход Массарика сделал уже свое дело. От прежней спеси Эренталя нет и следа. Недаром он говорил и в делегациях, что не собирается вести политику престижа. Такой «запачкавшийся голубь», пока он держится на своей голубятне, может быть более или менее безвреден и любезен не только прежним венским недоброжелателям, но и, может быть, и державам тройственного согласия. Топить его нет больше основания, но и спасать тоже».[24]

После выступлений Массарика обвинение полностью рассыпалось. И хотя в октябре 1909 года 33 обвиняемых серба были приговорены к различным срокам тюремного заключения, процесс пришлось прекратить, а обвиняемых выпустить на свободу. Развился скандал, ударивший не только по международному авторитету австрийского правительства, но и приведший к прямо противоположным результатам: вместо ожидаемого раскола, произошло еще большее сплочение между чехами и южными славянами.

Осенью 1909 года новый политический скандал разразился вокруг австрийского историка Фридъюнга, которого министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь снабдил сфальсифицированными документами о «преступной» деятельности сербов, многие из которых входили в состав Сербской самостоятельной партии – опоры хорвато-сербской коалиции в австрийском парламенте. Фридъюнг, не проверив подлинность документов, напечатал на их основе в газете Neue Freie Presse статью о том, что хорватские и сербские депутаты рейхстага находятся на содержании сербского правительства. Приложением к статье являлся документ, из которого следовало, что известный хорватский деятель югославянского движения Ф. Супило получал из Белграда значительные денежные суммы.

Супило возбудил против Фридъюнга дело по обвинению в клевете. Т. Массарику и специально командированному из Белграда начальнику отдела сербского МИДа, впоследствии послу в Петербурге Спайлаковичу без труда удалось доказать, что этот документ был фальшивкой. Припертый к стенке, историк заявил, что считал документ достоверным, поскольку получил его из рук высших правительственных чиновников – министра иностранных дел Эренталя, начальника Генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа и самого престолонаследника Франца-Фердинанда. «Но ведь вы же ученый!», - крикнул Супило Фридъюнгу. Австрийский историк сконфуженно молчал. Назревал неслыханный международный скандал, который удалось замять только потому, что Супило не стал доводить дело до конца. В этой же связи австрийские правящие круги постарались «забыть» и о показаниях Настича, которые были первоначально использованы для начала Загребского процесса.

Все эти сообщения буквально «взрывали» сербское общество, жаждавшее мести и реванша. Не принес успокоения и последовавший за событиями аннексионного кризиса 1910-й год. Вот что сообщал в МИД посланник Н.Г. Гартвиг в октябре 1910 года: «В префектуру явился добровольно некий Владимир Васич, сербский поданный, бывший журналист по профессии, сознавшийся в том, что он служил орудием в руках австрийцев при составлении подлогов. Васич арестован; проводится следствие».[25] Оно, кстати, было недолгим и уже в декабре 1910 года журналист получил пять лет каторжных работ.

Тут же возник новый скандал, поскольку, как отмечал Гартвиг, «сербскому правительству удалось снова обнаружить тайную австрийскую организацию, имевшую целью оклеветать политических деятелей Сербии, будто бы готовивших покушение на Франца-Иосифа. Опять дело идет о подделке документов под руководством графа Форгача, на сей раз фабрикованным в пограничном городе Землине, куда и посланник, и члены миссии постоянно ездили. Местные власти захватили переписку. Форгач, вызванный сегодня в Вену по телеграфу, объяснил отъезд свой необходимостью дать присягу по случаю получения чина тайного советника. Разоблачения превзойдут все, до сих пор обнаруженное Массариком».[26] Конфликт на Балканах, таким образом, перерос в новую стадию своего развития, что связано с формированием в Сербии военной организации, ставившей своей целью объединение всех сербов в едином государстве.

Между тем, наглядные примеры в соседних государствах демонстрировали, какую большую роль могут сыграть военные в осуществлении высших государственных задач. Примером тому служила, прежде всего, сама Османская империя, где, по словам российского посла Зиновьева, «армия считается и действительно служит опорою верховной власти».[27] Младотурецкая революция в этом смысле была весьма показательной. Российский военный агент в Турции полковник Хольмсен в рапорте от 11 июля 1908 года отмечал: «Первым делом следует отметить, что носителями либеральных идей являются исключительно молодые офицеры, которые до самого конца провели революцию без всякого участия старших начальников, которые показали свое полнейшее ничтожество, оставаясь безучастными зрителями совершавшихся событий. Система султана выдвигать вперед одни бездарности, в надежде таким образом обезвредить армию и флот, была использована против него самого, и он теперь находится лицом к враждебной ему армии, предводительствуемой неведомыми ему силами. Занятое армией положение служит серьезной угрозой для будущего, и можно опасаться повторения роли, которую в свое время в истории играли преторианцы и янычары».[28]

Аналогичным образом развивались события в греческом королевстве, где под влиянием турецкой военно-политической организации

«Единение и Прогресс» в 1909 году была создана «Военная лига» во главе с полковником Н. Зорбасом, основные требования которой свелись к следующему:

1. Возвращение к двухлетнему сроку службы;
2. Уничтожение штаба главнокомандующего;
3. Удаление из действующей армии королевичей;
4. Несменяемость морского и военного министров и назначение их королем;
5. Приглашение иностранных специалистов для стрелковой и кавалерийской школ;
6. Пополнение недостающих боевых запасов, при соблюдении в заказах должной экономии.

Правительство Д. Раллиса, который стал премьером страны незадолго до означенных событий, отказалось вести переговоры и принять делегацию офицеров. В ответ на прекращение переговоров Н. Зорбас отдал приказ всем войскам афинского гарнизона собраться в предместье греческой столицы Гуди. Город фактически оказался под контролем военных. Король вынужден был принять требования офицеров:

— удалить из армии членов королевской семьи;
— отправить в отставку Д. Раллиса;
— восстановить на службе ранее уволенных офицеров[29].

«16 августа, построив в Гуди войска, полковник Зорбас объявил об исполнении всех требований «союза офицеров», поздравил с успехом и заявил, что «союз» будет продолжать следить за точным исполнением требований, не позволяя никому безнаказанного дурного управления страной, как это было до сих пор. После этого Зорбас провозгласил троекратную здравницу королю, подхваченную войсками», - отмечал В.А. Артамонов, в то время российский военный агент в Греции.[30]

В этой связи создание именно офицерским корпусом Сербии новой политической организации, пропитанной, с одной стороны, националистическим, а с другой - антиавстрийским духом, кажется нам вполне объяснимым. Учитывая балканский опыт, значительная часть сербских офицеров полагала, что военный режим лучше подходит для достижения целей национальной политики. Они готовы были сформировать свой центр политического влияния, который стоял бы выше всех существовавших в стране цивильных политических институтов. Такое общество было создано в мае 1911 года и получило название «Объединение или смерть» или «Черная Рука».[31] Главным идейным вождем новой организации стал офицер Генерального штаба Д. Димитриевич-Апис – один из главных организаторов антидинастического заговора 29 мая 1903 года.[32]

А вот, что мы читаем в циркуляре «Черной руки»: «Внутренняя политика правительства Королевства Сербии – партийна, а внешняя - неопределенна и нерешительна в такой степени, что внешние события застанут нас врасплох и не готовыми. Обязанность всякого члена – словом, делом и всякими другими средствами направлять всех и каждого в смысле идей нашей организации. Пусть каждый член будет уверен в том, что наша армия в материальном отношении, принимая во внимание соседей, вполне готова ко всем событиям».[33] К этому же свелись основные положения программы «Черной Руки», которые, как представляется, были весьма, схожими с требованиями греческих офицеров:

— власть короля, ставшая слишком конституционной, должна быть усилена;
— военный министр назначается королём и не сменяется при отставке кабинета;
— правительство должно строить свою политику главным образом на национальных интересах сербского народа и в связи с политикой России;
— в случае, если Россия не окажет Сербии поддержки при движении Австрии к Салоникам, общество объединяет всех сербов для борьбы с Австрией во что бы то ни стало во имя принципа, давшего само название обществу: «объединение или смерть».[34]

В сентябре 1911 года началась итало-турецкая война, до предела обострившая обстановку на Балканах. Как заметил российский дипломат Г.Н Трубецкой, «война Италии с Турцией в 1911 году была последним толчком», побудившим балканские государства перейти из области предварительного обмена мнений к «заключению союза».[35] Сербское общество, а особенно армия, рассчитывали взять реванш за 1908 год.

В марте 1912 года Сербия и Болгария заключили военный союз, к которому вскоре присоединились Греция и Черногория. Уже в октябре 1912 года началась первая балканская война, в результате которой Османская империя практически лишилась своих балканских владений, а Сербия стала играть ведущую роль в регионе. 30 мая 1913 года в Лондоне были подписаны мирные соглашения, согласно которым практически вся европейская Турция переходила под контроль держав-победительниц. Стамбул уступал союзникам всю территорию к западу от линии Энез-Мидье, кроме Албании, которая, согласно статьям того же договора, стала независимым государством. Таким образом, Сербия лишалась надежд на выход к морю. Компенсировать эту неудачу сербские политические и военные круги пытались за счет присоединения как можно большей части македонской территории, тем самым рассчитывая осуществить выход к Эгейскому морю. 1 июня 1913 года Сербия и Греция подписали военную конвенцию, к которой присоединилась Черногория. Просербскую позицию заняло румынское руководство.

Неизбежность нового балканского конфликта стала очевидной. Николай II под давлением министра иностранных дел России С.Д. Сазонова подписал текст обращения к царю болгарскому и сербскому королю, содержавший призыв к согласию и миру. Это могло означать передачу решения территориального спора в руки России.[36]

29 июня 1913 года, не дожидаясь русского арбитража, болгарские войска напали на сербские и греческие позиции в районе Брегалице. Началась вторая балканская война. В начале июля войну Болгарии объявили Румыния и Турция. 20 июля 1913 года турецкие войска вступили в Адрианополь. И уже в конце того же месяца Болгария запросила мира. 30 июля того же года в Бухаресте открылись мирные переговоры, завершившиеся подписанием 10 августа 1913 года соответствующих соглашений. Сербия получила не только спорную, но и большую часть болгарской зоны в Македонии; Греция – южную Македонию, Салоники, часть Западной Фракии; Румыния получила Добруджу. 29 сентября между Болгарией и Турцией был подписан Константинопольский мир, согласно статьям которого к Турции переходила Восточная Фракия и Адрианополь.

Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих недавних завоеваний, но и некоторые свои исконные территории, что окончательно толкнуло ее в объятия германской политики. Д. Бьюкенен – посол Великобритании в России в 1910-1918 гг., отмечал по этому поводу: «Бухарестский мир с удовлетворением был приветствуем императором Вильгельмом по вполне понятным причинам. Этот мир переделал все, что сделала первая балканская война, и создал такое положение, которым прекрасно воспользовалась Германия в начале Европейской войны. После его подписания король Фердинанд, как говорят, сказал: «Ma vengeance sera terrible», (моя месть будет ужасна) - и он сдержал свое слово»[37].

Управление страной взяли в свои руки представители либеральной партии, придерживавшихся прогерманской и проавстрийской ориентации в достижении идеала Сан-Стефанской Болгарии. Сазонов, в свою очередь, прямо возлагал ответственность за вторую балканскую войну на австро-венгерские правящие круги: «Поддерживая Фердинанда Кобургского и его единомышленников, венская дипломатия старалась наверстать потерянное и сразу отыграться после первого крупного проигрыша. События показали, и на этот раз ошибочность расчетов венского кабинета и ненавистная ему Сербия вышла снова победительницей из вторичного испытания и своими победами над Болгарией приблизилась к осуществлению пансербского идеала».[38]

Российский военный агент в Болгарии Романовский, оценивая общие итоги балканских войн, отмечал: «Сербо-болгарская война является крушением всей нашей предшествующей балканской политики, и, независимо от ее итога, может быть для нас только невыгодной. Если бы болгары победили сербов, то это повело бы лишь к торжеству австрийских интересов и к сближению Болгарии с Австрией. Если, как это случилось в действительности, благодаря выступлению Румынии, греки и сербы победили болгар, то это должно привести лишь к усилению греков и румын и к уступке им областей с славянским элементом»[39]. Об этом же в сентябре 1913 года писал российский военный агент в Турции полковник Леонтьев, подчеркивая необходимость изменения российской политики по отношению к Болгарии: «Игра стоит свеч, ибо вопрос идет о сотнях тысяч штыков и о том направлении, какое могут принять в будущей и по существу неизбежной борьбе, в которой может быть и нам волей-неволей придется принять непосредственное участие. Очень уж велика разница – будут ли славянские армии действовать с нами заодно, или же, по примеру недавнего прошлого, займутся взаимоистреблением к вящей радости торжества врагов России и славянства».[40] Пророчество Леонтьева полностью оправдалось в ходе Первой мировой войны.

В свою очередь, С.Д. Сазонов отмечал, что Бухарестский мир для Австро-Венгрии «означал тяжелое нравственное поражение благодаря вторичному в течение одного года блестящему успеху Сербии».[41] В этом же контексте рассуждает российский исследователь Т.М. Исламов: «Бессилие и бесплодность австро-венгерской дипломатии со всей очевидностью проявились в 1912-1913 гг. Проигравшей в итоге балканских войн стороной оказалась не одна только Турция, но и Австро-Венгрия. Она была унижена, посрамлена. Впервые за всю историю европейско-османского противостояния балканские проблемы решались без непосредственного участия империи Габсбургов. Авторитету ее как великой державы был нанесен ощутимый урон. Еще больше пострадал престиж империи в глазах собственных подданных, особенно югославянских и просто славянских. Жгучее чувство униженности и бессилия испытывала, пожалуй, вся верхушка империи. И эта психологическая травма сыграла немалую роль в бесшабашной агрессивности правящих кругов в роковые июльские дни 1914 г.».[42]

Отметим, однако, что в 1913 гг. итоги Лондонской конференции и Бухарестского мира преподносились австро-венгерскими правящими кругами перед общественным мнением страны и Европы как очередной успех имперской политики: в противовес идее создания Великой Сербии успешно была проведена аннексия Боснии и Герцеговины, а также создано албанское государство. Именно так писал в австрийской прессе уже упоминавшийся нами придворный историк Фридъюнг. А видный представитель немецкого юнкерства Леопольд Хлумецкий уговаривал нового министра иностранных дел Берхтольда немедленно начать войну против Сербии. «Необходимо воспользоваться моментом, - писал он, - вопрос ведь в том, чье влияние будет преобладать в Белграде – наше или русское?» И он же предостерегал: «Если к русскому влиянию присоединится еще и экономическая независимость, тогда будет ясно, что югославянский вопрос решен без нас и против нас». Милитаристскую антисербскую и антирусскую кампанию развернула и австрийская военная печать - газеты «Danzers Armee-Zeiting» и «Armee Blatt».[43]

Таким образом, амбиции Вены, желание австрийских правящих кругов перекроить в свою пользу политическую карту Балкан, было очевидно уже тогда. Подобные настроения выражал и начальник Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, который не только не боялся войны, но и стремился ее спровоцировать. С начала XX века он делал это так настойчиво, что одно время даже впал в немилость у осторожного Франц-Иосифа, однако в 1912 году был возвращен на службу, что могло означать только одно: Австро-Венгрия была готова развязать войну. Сербское королевство, как отметил историк В. Готлиб, «по утверждению Конрада, было «смертельным врагом Австро-Венгрии, никогда не дающим покоя», и, именно он внушал Францу-Иосифу, что «к нему нужно относиться только как к таковому».[44] Уроки 1908-1909 годов были вполне учтены венским кабинетом во время знаменитого июльского кризиса 1914 года.

Vishniyakov Y. The Bosnian Crisis of 1908-1909 and the Slavic Question.

Summary: *The Bosnian Crisis of 1908-1909 constituted an event which greatly influenced the development of the political situation in Europe in the beginning of XX century. In September 1908 Austria proclaimed the annexation of the territory of Bosnia and Herzegovina occupied by it under the verdict of the 1878 Berlin Congress which marked the end of the Russian-Turkish War of 1877-1878. In March 1909 under the German pressure Russia and after it Serbia had to accept the fact accompli. The Russian public characterized this event as a "diplomatic Tsushima". The implications of this step of Austrian-Hungarian monarchy did not take long to appear. Only five years after the said event in Sarajevo a shot rang out which turned out to be fatal not only for the Austrian-Hungarian, but also for Ottoman, German and Russian empires. The lessons of the Bosnian crisis have not lost their topicality today, as well.*

Ключевые слова

Сербия, Россия, Босния и Герцеговина, Австро-Венгрия, Балканские войны.

Keywords

Serbia, Russia, Bosnia and Herzegovina, Austria-Hungary, the Balkan Wars.

Примечания

1. См. подробнее: Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908-1909 гг. Пролог первой мировой войны. Л., 1964.
2. Отход Дунайской монархии от согласованных действий с Россией по решению «восточного вопроса» стал проявляться еще в конце XIX века Несмотря на то, что в 1897 году между Россией и Австро-Венгрией было подписано соглашение о сохранении на Балканах status quo, вопрос о его изменении стал подниматься австро-венгерскими правящими кругами буквально сразу же после его подписания. Так, например, граф Капнист – российский посол в Вене, сообщал летом 1897 года: «В беседе, которую я имел с графом Голуховским накануне его отъезда в отпуск он высказался по поводу слухов об объявлении независимости Болгарии в том смысле, что венский кабинет, со своей стороны, не имел бы никаких принципиальных возражений против такого изменения существующего порядка вещей, в случае, ежели бы такое изменение было признано необходимым Россией» // АВПРИ Ф. Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49 1897/1898, Л.3. Вместе с тем, соглашение 1897 года вызвало негативную реакцию в Сербии. Так, например, Капнист отмечал летом 1897 года: «Сербская печать продолжает поход против австрийской администрации в Боснии и Герцеговине Мелкие белградские газеты, как то «Браник», «Одјек», «Ускок», «Зает», «Гласник» и т.д. наполнены статьями со всякими тенденциозными сведениями о притеснения и жалобах сербского населения в оккупационных провинциях. В них говорится о каком-то аграрном обложении, об эмиграции в Америку, о появившихся разбойничьих шайках и тому подобное, - вообще же о жалком экономическом положении страны, управляемой австро-венгерским правительством». Капнист при этом, ссылаясь на донесения российского посланника в Белграде Неклюдова, пишет «об успешном насаждении в тех же оккупационных провинциях «западной культуры» с устройством сети железных дорог, разработкой почвенных богатств и т.д». //АВПРИ Личный архив Гартвига. Опись 584 дело 49, 1897/1898. Л.17-17 (об)
3. Босния и Герцеговина в народной Скупщине королевства Сербии на заседаниях 29 сентября, 20 и 21 декабря 1908 года. Белград 1909. С.3-4
4. Там же. С.22-23.
5. Там же. С.86.
6. АВПРИ ф. 166. Дело 113 Л. 91.
7. АВПРИ ф. 166. Дело 102 .Л. 25 (об).
8. Речь идет о Народной партии Черногории, оформленной к 1907 году. Ее программа, опубликованная в газете «Народна мисао», включала в себя расширение прав Народной Скупщины, реорганизацию государственного аппарата, требование гражданских и политических прав. Наиболее видными членами партии были Марко Радулович и Шако Петрович. Несколько ранее, 1903 году в Баре во главе с Й. Хайдуковичем был основан «Рабочий союз» - первая в Черногории рабочая организация.
9. АВПРИ ф. 166 Дело 102. Л. 28.
10. Там же. Л.25 (об).
11. См. Хлебникова В.Б. Особенности партийного строительства и межпартийной борьбы в период становления черногорского парламентаризма (1905-1914 гг.) // Человек на Балканах. Власть и общество. Опыт взаимодействия (конец XIX-начало XX в.) СПб 2009. С. 110-111.
12. ГАРФ Ф. 559 дело 55. Л. 12 (об) -13.
13. Организация «Словенский Юг» была образована в Белграде в мае 1903 года и ставила своей целью содействовать объединению южнославянских народностей. Формально являлось культурно-просветительским обществом, однако, в его составе было немало влиятельных фигур сербской политики
14. АВПРИ Ф. 166. Дело 102. Л.39-42.
15. Там же. Л.120.
16. Там же Л.143 (об)
17. Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма. 1902-1915гг. т. I. Москва-Подгорица, 2003. С. 424

18. В.П. Сватковский являлся корреспондентом санкт-петербургского телеграфного агентства в Вене. Командированный в столицу Австро-Венгрии в октябре 1908 г., - в самом начале Боснийского кризиса, он стал одним из самых энергичных осведомителей Министерства иностранных дел, оказав ему немало важных услуг.
19. АВПРИ Ф. 340. Опись №793 Дело 6. Л. 12-12 (об).
20. АВПРИ. Ф. 166. Дело 113. Л. 91.
21. Там же. Л. 91 (об).
22. Боборыкин Г.С. Сербский процесс в Загребе СПб. 1909 С. 4.
23. АВПРИ. Ф.166. Дело 186. Л, 87.
24. АВПРИ ф. 340- Личный архив Сватковского опись 793, дело 6. Л. 4(об)-5.
25. АВПРИ ф. 166. Дело 186. Л, 87 (об)
26. Гартвиг в МИД 13 декабря 1910 года. // Там же. 109-109 (об)
27. АВПРИ Ф. Политархив Дело 502. Л.3
28. РГВИА. Ф. 2000 дело 1011. Л. 212-212 (об) Оценивая события младотурецкой революции российский военный агент особо подчеркивает роль масонских организаций в этих событиях. Он пишет в рапорте от 21 марта 1908 года: «Образуется, таким образом, что-то вроде масонских лож с определенной политической программой. Организация настолько похожа на масонство, что можно подумать, что она родная дочь масонства. Связь с Лондоном несомненна. Балканский комитет официально поздравил центральный комитет с успехом. А действия комитета указывают на несомненное содействие опытных деятелей освободительного движения. Сегодня ж я узнал, что евреи играли большую роль в революции, оказанием материальной поддержки».
29. Улунян Ар.А. Политическая история современной Греции. (конец XVIII-90-е гг. XX в.) М,1998 с. 90-91.см. также: Никитина Т.В. Соколовская О.В. Социально-политический кризис и «великий бросок» в Греции 1909-1912 гг. //Реформы и революции на Балканах Балканские исследования, вып.12. М., 1994. С.167-189.
30. РГВИА ф. 2000 оп. 1 ед.хр. 855 Л.129.
31. Впервые австро-венгерское правительство узнало о существовании «Черной Руки» в ноябре 1911 года от своего посла в Белграде Угрона и военного агента Гелинека. Однако самые подробные сведения сообщил в Вену агент Теодор Стефанович Виловский. В сербской прессе слухи об основании новой организации появились во второй половине 1911 года. Тогда же появилось и другое её название «Черная Рука», по одному, только что вышедшему криминальному роману.
32. 29 мая 1903 года в результате военного переворота, в Сербии был убит король Александр Обренович и его жена Драга, а новым монархом страны был провозглашен Петр Карагеоргиевич.
33. РГВИА ф 2000 ед.хр. 7371. Л. 42.
34. Там же. См. также Вишняков Я.В. Балканы: хватка «Черной Руки». //Военно-исторический журнал № 5. 1999.
35. Трубецкой Гр.Н. Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. Монреаль. 1983. С.39
36. Сазонов С.Д. Воспоминания М., 1991. С. 114
37. Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 2001. С.112.
38. Сазонов С.Д. Указ. Соч. С. 115.
39. РГВИА ф. 2000. Дело 3048 Л, 66(об).
40. РГВИА ф. 2000. Ед. хр. 3048. Л. 34.
41. Сазонов С.Д. Указ. Соч. С.120.
42. Исламов Т.М.Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи. //Новая и Новейшая история №5, 2001. С.20.
43. АВПРИ ф.340. Опись 793. Дело 6. Л.128-130.
44. Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С.357.

Модернизация российского общества: историко-культурный аспект

С.Н. Ивашковский

В статье анализируются закономерности и противоречия модернизационных проектов, осуществлявшихся в разное время в России. Показано, что попытки модернизации носили фрагментарный характер, осуществлялись сверху и, как правило, не доводились до логического завершения. Важным уроком для нынешнего модернизационного проекта также должна стать необходимость пересмотра роли общества и культуры.

Сегодня российское общество опять оказалось на распутье. Перед ним снова, как и в середине 1980-х годов, встал вопрос «что делать?». Вступив в XXI век, страна столкнулась с масштабными технико-технологическими вызовами, огромными структурными дисбалансами и институциональными барьерами, препятствующими формированию современной экономики, ее приближению к стандартам передовых стран, что существенно ограничивает возможности повышения уровня жизни людей, полноценного и гармоничного развития личности.

В этих условиях исключительно важной становится задача модернизации всех сфер жизнедеятельности общества, и в первую очередь экономики. Сильная зависимость последней от экспорта минерального сырья и от иностранных финансовых рынков, отсталая структура производства, низкий уровень образования и здравоохранения, деградация человеческого и культурного капитала создают серьезные угрозы для долгосрочного развития страны и требуют поиска путей, ведущих к заметным изменениям в облике народного хозяйства, образе жизни и быте миллионов людей. Такие изменения могут обеспечить только подлинная *диверсификация* экономики и *постиндустриальная* модернизация, включающая как технико-экономические, так и социокультурные преобразования общества.

В России пока не сложилось ясное понимание того, что такое модернизация и как она должна выглядеть на современном этапе. Если в мире модернизация воспринимается как обновление всех сфер жизнедеятельности общества с целью улучшения качества и комфорта жизни людей, то у нас под ней подчас понимается продолжение все той же политики наращивания количественных показателей, прежде всего ВВП. Можно встретить данные о том, что Россия по душевому производству товаров и услуг занимает достойное 73-е место из 228 стран,- по соседству с такими странами, как Хорватия, Литва и Чили, отставая всего в два раза от Франции,- что не так уж и плохо. Если удвоим ВВП - будем жить не хуже французов. При этом ссылки делаются на правительственную «Стратегию – 2020», которой предусмотрено, в частности, что в рамках диверсификации экономики доля высокотехнологичных отраслей составит порядка 20%, производительность труда вырастет в 2,5 раза, а в отдельных секторах в 5 раз, энергоэффективность - в 2 раза, среднемесячная заработная плата поднимется до 2700 долларов на одного человека[1].

При всей важности поддержания высоких темпов роста, как и любых других количественных показателей, надо отметить, однако, что в современных условиях нам необходим такой рост, который удовлетворял бы ряду дополнительных критериев[2].

Во-первых, рост должен сопровождаться прогрессивными структурными сдвигами, а не

Ивашковский Станислав Николаевич – к.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

консервировать хозяйственную систему, воспроизводящую экономическую отсталость и неэффективность. При этом надо иметь ввиду, что прогрессивные структурные сдвиги могут сопровождаться снижением темпов роста, в том числе по причине статистического характера, когда новые сектора экономики плохо учитываются статистикой, ориентированной на традиционные отрасли национального хозяйства.

Во-вторых, темпы роста должны быть устойчивыми и сбалансированными на протяжении длительного периода, что свидетельствует об эффективности избранной экономической модели. Альтернативой является искусственное форсирование темпов роста за счет монетарной накачки спроса и государственных расходов, после чего неизбежно следует кризис или стагнация.

В-третьих, рост должен обеспечивать сокращение разрыва между Россией и наиболее развитыми странами мира - пионерами постиндустриальной модернизации.

В-четвертых, это должен быть реальный рост, не фальсифицируемый в угоду политической конъюнктуре и для поддержания рейтинга политических лидеров. Данное требование важно иметь ввиду, поскольку у нас имеется «богатый опыт» такой фальсификации, особенно на этапе затухающего развития, когда снижение темпов роста происходит по мере исчерпания свободных мощностей и перехода к инвестиционной модели экономики. Достаточно вспомнить вторую половину 1920-х годов, когда объективное снижение темпов хозяйственного развития крайне раздражало власть, после чего начались первые в череде сталинских репрессий «процессы» над инженерами и экономистами, критиковавшими проекты «социалистической реконструкции». Именно тогда, отказываясь впредь от серьезного экономического анализа, академик С. Струмилин произнес слова: «Лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие»[3].

Соблюдение перечисленных критериев в практике модернизационных мероприятий позволит придать экономическому росту другое качество, что в конечном счете будет способствовать улучшению условий жизни миллионов людей. Именно это должно стать конечной целью нынешней модернизации. Мыслить же только в системе количественных координат – значить обрекать себя на повторение печального прошлого, на своего рода «хождение по мукам». Для панорамного видения экономики и ее перспектив необходимо «отойти в сторону», тогда перед нами откроются не только новые горизонты, но и отчетливо будет виден не замечаемый ранее «ближний пейзаж», который на самом деле и являет собой настоящую экономику – реальных людей и все то, что они создают вокруг себя, как и чем они живут на самом деле.

В Сибири есть городки, где валовой продукт на душу населения составляет больше $100 000 в год (почти как в Катаре и больше, чем в Лихтенштейне). Средняя зарплата перед кризисом превышала $1000 в месяц, что больше, чем в Хорватии или Литве. Однако, как отмечается в печати, на 50 000 жителей в одном из таких городков имеется 4-5 невзрачных кафе, в домах (если их можно так назвать) грязные подъезды, а около половины жителей вообще ютятся в двухэтажных деревянных бараках времен «строительства материально-технической базы коммунизма», в которых из кранов течет желтая вода с металлическим привкусом, а тротуары и асфальтированные дороги в основном отсутствуют. Но статистика – упрямая вещь: она утверждает, что жители этого городка по экономическому благосостоянию находятся на одной ступени с жителями «соседних» по списку Хорватии или Литвы. Здравый смысл подсказывает, что «удвоение ВВП» вряд ли позволит настолько изменить ситуацию в тысячах таких российских городков, чтобы люди в них жили так же достойно, как в Хорватии, Польше или Франции.

Вообще ВВП, сохраняя за собой статус ключевого индикатора экономического развития страны, не может быть основным показателем социально-экономического развития общества, тем более модернизации. Нельзя не согласиться с автором одной статьи в Интернете, который написал: «Очень хочется приплюсовать каким-то образом к ВВП такие параметры, как продолжительность жизни, ощущение справедливости, уровень вежливости, чистоту подъездов и красоту клумб, чистоту воздуха и воды, свободу, скорость и доступность передвижения по стране и за ее пределы, доступность жилья, количество уважения; вычесть – количество унижения, грубости, насилия, уровень пьянства и наркомании. И тогда уже, в таком новом виде, провозгласить целью бесконечное удвоение ВВП как смысл нашей модернизации».

Сказано правильно. Необходимо лишь добавить, что к такому выводу некоторое время назад пришла и ООН, которая на протяжении ряда лет рассчитывает новый интегральный показатель – Индекс человеческого развития (HDI), включающий, помимо ВВП на душу населения, среднюю продолжительность жизни в данной стране, уровень образования и состояние здравоохранения. Пока в нем, как видим, еще не отражается степень вежливости людей, запах в подъездах и возле клумб, безопасность на улицах, чистота воздуха и воды, но сделан важный шаг в правильном направлении: ведь не хлебом единым жив человек. Этот индекс более точно (хотя далеко не идеально) показывает уровень развития людей, а не количество добытой нефти, срубленного леса или выпущенных экскаваторов.

Если модернизация будет пониматься нами в контексте хотя бы данного показателя, думается, что немалое число граждан ее не

только поддержат, но и сами включатся в ее реализацию. Пока же у нас еще нет сколько-нибудь продуманной национальной программы модернизации, своего рода «дорожной карты» комплексного обновления общества, трансформации различных его сторон, понимания ее механизмов и движущих сил. Есть лишь локальные проекты типа «Роснано», «Сколково» и скоростного «Сапсана», которые почему-то не очень вдохновляют граждан, а все чаще вызывают их недовольство, раздражение и даже протест. Причина проста – реализация подобных проектов не улучшает, а ухудшает жизнь многих людей. В частности, с началом эксплуатации «Сапсанов» резко увеличилось время простоев поездов и автотранспорта, десятки населенных пунктов Тверской области, где нет альтернативного сообщения, остались без транспорта. Неудивительно, что против «Сапсанов» развернулась самая настоящая партизанская война местных жителей.

Немало вопросов возникает и к VIP-проекту «Сколково», реализация которого началась неожиданно, без сколько-нибудь широкого обсуждения его с учеными и специалистами. Кроме того, организация этого проекта предусматривает устранение всех неудобных для нормальной экономической деятельности налоговых, законодательных и нормативных ограничений. Для «Сколково» будет переписан Налоговый кодекс, закон о местном самоуправлении, закон о региональной власти, Градостроительный и Земельный кодексы, законы о техническом регулировании, о таможенном тарифе и др. Возникает естественный вопрос: если власть понимает ущербность этих норм, то почему бы не скорректировать их на территории всей страны? Однако организаторы и спонсоры подобных проектов пока не мыслят в общенациональных масштабах, а идут по пути поиска частных решений, «латания дыр», что больно напоминают старания Акакия Акакиевича, героя рассказа Н. Гоголя, поставить новую заплату на старую шинель, чтобы не стыдно было появляться на людях.

Модернизация же в социальном смысле представляет собой усовершенствование всей системы общественных отношений в соответствии с требованиями современности. Она означает придание современного характера тем государственным и гражданским институтам, которые предполагается модернизировать, их приспособление к новым вызовам, потребностям, взглядам, идеям. В самой постановке задачи модернизации российского общества отчетливо слышится признание нашей отсталости, несовременности, «нездорового образа жизни» (А. Медведев), что для власти, судя по всему, было не легким делом после долгих лет сервильной пропаганды и победного триумфализма. Тем более, что современность, к которой мы стремимся, представлена экономически и демократически развитыми странами Запада, которые той же пропагандой преподносились далеко не в лучшем свете.

«Если отбросить политкорректные условности, - пишет В.Мау,- то модернизация представляет собой достижение уровня технологий и институтов, характерных для современных западных демократий. Можно сколько угодно говорить о ценности различных цивилизаций и уважении к ним, о важности сохранения национальной идентичности, но непреложным фактом является то, что лидерами современного экономического роста являются западные страны. Более того, страны иных регионов мира, успешно решающие задачи модернизации, в процессе своей трансформации становятся все более похожими на западных «пионеров современного экономического роста» - как по структуре своей экономики, так и по сущностным характеристикам политических институтов. … Пока мы не знаем модели более эффективной, чем современная западная экономико-политическая система»[4].

Разговор о модернизации напоминает нам об историческом масштабе предстоящих событий, а также издержках, связанных с проведением подобных мероприятий в прошлом. Как показывают исследования, Россия на протяжении последних примерно 300 лет провела несколько крупномасштабных модернизаций не только экономики, но и государственных институтов, что позволяло ей несколько сокращать отрыв от стран-лидеров, но в долгосрочном периоде глубина отставания сохранялась и колеблется по сей день на отметке в 50-70 лет[5].

Если не вдаваться в детали, то фундаментальная причина такой ситуации кроется в том, что Россия в течение всего этого периода так и не выработала механизмов, делающих модернизацию самовоспроизводящимся процессом. Основной силой и субъектом российской модернизации всегда выступало государство, которое в критический момент мобилизовывало все ресурсы на модернизационный рывок, но спустя какое-то время выдыхалось, после чего начинался откат назад. В связи с этим важно правильно и трезво осмыслить имеющийся опыт, понять функциональную несостоятельность тех общественных институтов, которые обрекали Россию на положение «догоняющей цивилизации».

Один из принципиальных моментов, на который следует обратить внимание, состоит в адекватной идентификации типа российского государства и общества. В отличие от Европы, где при всех политических и социально-экономических потрясениях всегда легитимным оставался институт частной собственности, Россия, как и другие страны Востока, на протяжении всей своей истории развивалась под неусыпным и жестким присмотром деспотического государства. Результатом этого стало формирование двух исторических типов обществ: а) в Западной Европе развитие получи-

ли общества, основанные на собственности; б) на Востоке, включая Россию, - общества, основанные на власти. Именно поэтому в России стала складываться особая культура - властная, политическая, правовая, хозяйственная культура,- которую академик РАН Ю. Пивоваров назвал «властецентричной». Властецентричной в том смысле, что здесь в системе общественных отношений власть, государство всегда занимает центральное положение. В отличие от западной, от европейской культуры, которую он именует «антропоцентричной» (от греч.антропос – человек), поскольку там в центре всегда находится человек. Человек как мера всех вещей. От человека все начинается. В России же – от государственной власти[6].

Восточный тип общества стал отчетливо складываться на Руси еще в Московском царстве в ходе ликвидации татаро-монгольского ига и последующего территориального расширения страны. Такое «развитие вширь» (К. Маркс) загоняло Россию в своеобразную «имперскую ловушку»: отвлекало огромные ресурсы на охрану границ, удержание территорий, освоение все новых и новых земель. Это не только высасывало все соки нечерноземной метрополии, но и формировало особый тип власти, препятствовало зарождению частной собственности, вело к деградации сознания общества. В результате Россия «попала в плен, в «колонию», в заложники к военно- имперской системе, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от вечной угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань государству, не принимал слишком острые формы, постоянно культивировалось «оборонное сознание» - ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным. …Саморазвитие государства подавляло саморазвитие страны, уродовало отношения собственности. Культ государства изуродовал сознание общества, породил в нем ряд тяжелых комплексов, которые мешают нам рационально, с открытыми глазами видеть себя и мир даже сегодня»[7].

Отсталость России от Европы осознавалась уже при первом Романове – Михаиле Федоровиче, начавшем реформу армии, направленной на использование европейского опыта. Но в тот период решение этой задачи далеко не продвинулось. Регулярной армии и флота создать не удалось. Школ были единицы при некоторых монастырях, и в тех обучение сводилось лишь к чтению Священного писания. Университетов не было, поскольку ученым в неграмотной стране неоткуда было взяться. Не было и врачей, на всю страну имелась лишь одна аптека, и та царская. К концу XVII в. разрыв между Западом и Россией был настолько велик, что один из крупнейших ученых Европы -Лейбниц- не без оснований полагал, что будущее России – превращение в колонию Швеции[8].

Поэтому в задачу петровских реформ входило не только строительство флота и создание регулярной армии, но и модернизировать, осовременить всю Россию сверху донизу, перевести ее с азиатского пути развития на европейский. Правда, Петр поначалу тоже предполагал лишь пересадить западные новшества на почву российского вотчинного строя и тем ограничиться. «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, - говорил он, - а потом мы к ней должны повернуться задом»[9]. Однако, начав преобразования, Петр уже не мог остановиться. Он провел административную, экономическую, политическую и военную реформы, а также серьезные изменения в церковной жизни православной страны. Разумеется, все эта работа проводилась с небывалым напором, по наитию, наудачу, что потребовала огромных жертв со стороны простого народа. В стране, где средняя оплата труда не превышала четырех копеек в день, или 12 руб. в год, люди вдруг увидели, что с введением реформ им пришлось платить ежегодный налог по 1 руб. с человека. При этом власть стала изобретать самые невероятные налоги: на шапки, сапоги, бороды, кружева, на свадьбы, с пчелиных ульев, с печей, бань, арбузов, огурцов, орехов и т.д. Но главным налогом стала подушная подать. Налог брали не с живой души, а счетной. Если человек умирал, с него все равно родня платила налог до следующей переписи. Так появились те самые «мертвые» души, о которых мы знаем из гениальной гоголевской поэмы.

Но это было не самое большое бремя, которое легло на плечи простых подданных. Исследователи приводят данные о том, что в 1708 г. при строительстве Петербурга потребовалось 40 000 рабочих, которые все или почти все в течение года погибли, так что в следующем пришлось набрать такое же количество. В 1710 г. только мастеровых было доставлено со всей империи более 15 000 чел., в 1711 г. - сначала 6000, а потом 40 000 чел., и еще столько же в 1713 г.[10]. Эти рабочие, прежде чем умереть в смертоносных болотах от лютых морозов, болезней и невыносимых условий труда и быта, получали по полтиннику в месяц и выживали за счет местного населения, нищенствуя и занимаясь грабежами. Но город Петр все же построил, и с гордостью называл его «мой парадиз» (мой рай). Петербург стал первым не русским, но европейским городом, каким остается он и сейчас.

В отличие от других знаменитых и малоизвестных городов, которые обычно на протяжении человеческой истории вырастают естественным образом, рождение Петербурга стало волюнтаристским решением одного человека, создавшим «искусственный» город. Вот что писал об истории его рождения в стихотворении «Петербург» великий польский поэт, друг А. Пушкина Адам Мицкевич:

С рожденья Рима, с древних дней Эллады
Народ селился близ жилья богов-
В лесах священных, у ручья наяды
Иль на горах, чтоб отражать врагов.
Так Рим, Афины, Спарта возникала.
А кто столицу русскую воздвиг,
Где жил чухонец, где царило море?
Не люди, нет, то царь среди болот
Стал и сказал: «Тут строиться мы будем!»
И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям.
……..
У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил Сатана[11].

Люди не хотели жить в странном, чуждом их духу городе, но их заставили. Сюда насильно перевозились на жительство и на работу все сословия тогдашней России. Со времен строительства осталось страшное пророчество, которое историки приписывают то сыну Петра, царевичу Алексею, погибшему в застенках Петропавловской крепости, то матери Алексея, первой жене Петра Авдотье Лопухиной, заточенной царем в монастырь, то дьячку Троицкой церкви, что стояла напротив первого дома Петра в новом городе: «Быть Петербургу пусту». Даже А.Пушкин, остро чувствовавший странный, мистический дух нового города, не смог обойти эту тему постоянно висящего над Петербургом ощущения близкой катастрофы. Его «Медный всадник» пронизан этим предощущением беды и гибели города в невских водах.

Непосильные налоги, тяжкий крепостнический труд, нескончаемые военные баталии привели к тому, что во время царствования Петра I численность населения России сократилась на 20%, не считая жертв, принесенных делу модернизации в тюрьмах, разбросанных по всей стране, и в казематах Петропавловской крепости.

Нельзя забывать, что Россия Петра I – это сплошной лагерь, огромная военно-бюрократическая машина. В ней не было, как писал К.Валишевский, «ни очага искусств и наук, ни очага духа, откуда сиял бы над миром свет великодушных идей, составляющих высшую и лучшую славу других стран. Петр превратил русских в народ чиновников, рабочих и солдат, но никак не в народ мыслителей и художников. Практичный, не признававший никаких возвышенных стремлений, он научил или старался научить пользованию усовершенствованным оружием, чтению, счету, но не благородным порывам ума и сердца, культу прекрасного, а также доброты и жалости. Может быть если хорошенько вдуматься, обстоятельства покажутся естественными, следовательно, заслуживающими оправдания, и, принимая во внимание достигнутые результаты, кто из русских теперь пожелал бы уничтожить сделку, кровавый договор, заключенный предками с их грозным деспотом?»[12].

Но надо признать и другое: Петр I был сыном не только своего народа, но и сыном своего века. Он пришел в свое время, и пришел вовремя, чтобы дать обреченному на бездействие и спячку народу, в котором копилась огромная энергия, настоящую работу. И посеянные им семена принесли спустя столетие реальные плоды, в том числе и в сфере духа. Тот же Валишевский подчеркивал, что Петр «дал своему народу пример жизни, где прискорбные пороки, результаты потомственных недостатков, сочетались с высокими добродетелями; и история показала, какая чаша весов перетянула. Стомиллионный народ развернул перед взорами старого европейского мира, удивленного и встревоженного, силу, элементы которой, бесспорно, не исключительно материальные»[13].

В ходе реформ Россия сделала заметный шаг в сторону Европы. Вся система управления была переделана на западный лад. Такие институты московской Руси как Боярская дума, коллективные сходы, сильное влияние на политику духовенства были уничтожены полностью. Петр ввел в государственное управление западную рациональность и пунктуальность, распространил по всей империи юридический трактат Самуили Пуффендорфа, чуть ли не насильно заставлял изучать его сенат и придворных. Государственные законы и армейские уставы писались по шведским и английским образцам. Характерно, что практически все царские рескрипты и указы реформированного государства писались Петром собственноручно, поскольку у него не было советников умнее его. Так что петровскую Россию можно по праву считать продуктом его личного творчества.

Распоряжения и указы касались не только переустройства системы государственного управления и армии, но и затрагивали сферы хозяйственной, а также личной жизни. Так, купцам царь предписал довольствоваться прибылью, не превышающей 10%. Крестьянам указывалось жать хлеб не серпами, а косами. Церкви – «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». Печникам – «чтобы печи делали с фундаменту, а не на полах, чтобы трубы были широки, чтобы человеку пролезть было возможно». Чиновникам – принимать коллегиальные решения, «потому что, что не додумает один человек, додумает другой». Всем мужчинам – «брить бороды». Дворянам, для того, чтобы стимулировать поступление дворянских детей на государственную службу, было предписано передавать в наследство имение только одному сыну, чтобы остальные, оставшись без средств, становились служилыми людьми. Был также издан указ об обязанности выполнения всех царских указов, «чтобы никто не дерзал иным способом всякие дела вершить и располагать против регламентов». Наконец, в 1722 г. царь

выпустил Табель о рангах, где была определена иерархическая лестница чиновников, обеспечивающая продвижение наверх самых талантливых и способных управленцев.

Новаторские идеи и подвижническая продуктивность императора были совершенно беспрецедентны для Руси начала XVШ в. и преследовали цель, по словам выдающегося религиозного философа В. Соловьева, «сломать стену, отделявшую Россию от человечества, разрушить умственный и жизненный строй, основанный на языческом обособлении. Это дело Петр Великий сделал прочно, бесповоротно»[14]. Далее Соловьев подчеркивает, что на исторической почве московской Руси, располагавшей «крайней скудостью умственных средств», русский народ был «обречен на духовное бесплодие» по причине «отделения России от всего прочего мира, уклонения от вселенского христианского пути». Поэтому вопреки «всякой видимости реформа Петра Великого имела, в сущности, глубоко христианский характер, ибо была основана на нравственно-религиозном акте национального самоосуждения. Чтобы быть плодотворным, этот нравственный акт должен был непрерывно возобновляться. Россия не могла вдруг переродиться; реформа Петра Великого только открыла для нее путь поступательного движения и совершенствования. Верное этому пути общество должно было постоянно возбуждать в себе недовольство своею действительностью, сознание своих общественных недугов и пороков. Уничтожение смертной казни при Елизавете, отмена пыток при Екатерине **П**, упразднение крепостного права при Александре **П** – вот крупные плоды того христианского направления, которое дал внутренней русской политике «антихрист» Петр»[15].

Реформы Александра II стали действительно выдающейся вехой в истории российских модернизаций. По своей радикальности и слому устоев русской жизни они уступают лишь петровским преобразованиям. Начиная с них и далее, вот уже 150 лет, вся история России – резко поколенческая. Каждое новое поколение живет не так, как предыдущее. Дети стараются переделать, модернизировать ту систему, которую строили их отцы[16].

Главным звеном александровских реформ было освобождение крестьян от крепостной зависимости. Необходимость этого шага осознавалась еще Екатериной II, но сделать его она не решилась. При Николае I, совсем не либеральном монархе, существовало целых девять секретных комитетов по крестьянскому вопросу, однако и они не привели к его решению. Потребность решить этот вопрос не просто назрела, а перезрела, о чем сам Александр II говорил еще за пять лет до издания манифеста 19 февраля 1861г.: «Лучше отменить крепостное право свыше, нежели дожидаться, когда оно само собою станет отменяться снизу».

За крестьянской реформой последовали и другие – судебная, земская (реформа местного самоуправления), военная, университетская, цензурная. Реформы «разбудили» общественную жизнь. Лучшие умы России принялись ставить, обсуждать и разрешать самые разные социальные вопросы. В стране властителями дум стали толстые журналы, продолжавшие «золотой век» русской литературы. За 20 лет Л.Толстой и Ф. Достоевский, И.Тургенев и Н.Гончаров создали русский роман, А.Островский – русскую драму, Н.Некрасов – народную поэзию, Н.Лесков – народный сказ, А.Чехов – новаторские по своей форме и методу рассказ и повесть. В записной книжке Чехова есть важные слова: «за новыми формами в литературе всегда следуют новые формы жизни…»[17].

Эти формы действительно стали пробивать себе дорогу на русском бездорожье: александровские преобразования постепенно и мучительно отменяли институты крайне архаичного феодально-крепостнического строя и подготавливали условия для перехода от аграрной цивилизации к индустриальному обществу[18]. Поставленную задачу пришлось решать и следующим правителям России, в том числе коммунистическим, которым в 1930-е годы все же удалось совершить колоссальный промышленный рывок и превратить страну в мощную индустриальную державу. Об этом периоде советской истории написаны тысячи книг и статей, в которых отображен поистине героический подвиг народа и те жертвы, которые пришлось ему понести в ходе «социалистической реконструкции».

Однако было бы неправильно ставить знак равенства между индустриализацией и модернизацией. Страна, формально совершившая структурную перестройку и создавшая ряд отраслей тяжелой индустрии, совсем не обязательно становится модернизированной. Известно, что индустриализация порождает тенденцию к урбанизации, росту профессиональной специализации и повышению уровня образования в обществе, которое пошло по такому пути. Все эти явления представляют собой ключевые элементы того направления, которое в целом принято называть «модернизацией». Однако подлинная модернизация порождает также тенденцию к проявлению менее очевидных, но не менее серьезных последствий. Таких, например, как повышение уровня гражданской активности масс, трансформация культурных ценностей, изменение базовых норм политической, трудовой, религиозной, семейной жизни и т.п., что на определенном этапе приводит к рождению качественно нового направления - к «постмодернизации», как об этом свидетельствует опыт Запада.

Ничего подобного в советской практике не происходило. Здесь индустриализация была проведена с упором на априорно выбранные властью цели (в первую очередь, на милитаризацию) и без разумного учета как текущих, так

и долгосрочных жизненных интересов подавляющего большинства населения. Поэтому и результаты такой индустриализации оказались крайне противоречивы. С одной стороны, многие предприятия и отрасли стали весьма полезными для экономики, но с другой – именно в просчетах индустриализации кроются причины того колоссального трансформационного спада, через который пришлось пройти всем постсоветским республикам в 1990-е годы. «Так же как человек с сильно развитой мускулатурой далеко не всегда способен победить в схватке специально подготовленного к ней борца, так и рельеф «промышленной мускулатуры» не является признаком эффективной, модернизационной экономики[19]».

К сказанному следует добавить, что советская индустриализация, как и последующее развитие, сопровождались подавлением реальных политических свобод и гражданской активности населения, идеологическим «промыванием мозгов», уродовавших сознание и мировоззрение людей. Реформы Н. Хрущева конца 1950-х годов породили надежды на демократизацию советской системы, однако весь оптимизм рухнул, когда с середины 1960-х годов в стране воцарился авторитарный режим, которому, казалось, не будет конца. Все это говорит о том, что индустриализация способна вести не только к демократии, а в последствии и к постмодернизации, но и к диктатуре, застою, и, в конечном счете, к краху самой системы.

В целом, подводя итоги исторического экскурса модернизационных преобразований в России на разных этапах ее развития, следует отметить, что, несмотря на различия конкретных задач и целей, все они имели и некоторые общие черты. Их отличает, прежде всего, ускоренный, или догоняющий характер. Во все периоды центральным в модернизационных проектах был вопрос преодоления в сжатые сроки серьезного, а порой унизительного социально-экономического и культурного отставания России от наиболее развитых на тот момент стран Европы. Как следствие – спешка, непродуманность многих как текущих проблем, так и перспективных задач и целей, стоящих перед страной, неоправданные жертвы (материальные и людские), которые пришлось понести обществу на избранном пути.

Отсюда – следующая особенность российских модернизаций: избирательный, некомплексный характер, когда преследовалась цель прорыва на отдельных направлениях и игнорировались или даже приносились в жертву остальные. Как подчеркивает В. Мау, страна ставила и решала задачу модернизации в первую очередь в военной сфере и в сопряженных с ней отраслях (металлургия, железнодорожный транспорт, космические исследования), и гораздо меньше внимания уделяла модернизации экономических отношений и культуры, которыми начинала всерьез заниматься тогда, когда общее отставание оказывалось критически опасным. Что же касается политической системы, то необходимость ее изменений не только полностью игнорировалась, но, напротив, все ее институты консервировались на максимально продолжительные периоды времени. Именно данное обстоятельство обусловливало последующее очередное отставание страны. И только тяжелейшие системные кризисы приводили к политическим реформам, как это произошло в середине XIX века, в начале и в конце XX века.[20]

Наконец, третья характерная черта российской модернизации (впрочем, присущая и другим странам, шедшим когда-либо по дороге «догоняющего» развития) заключается в том, что ее проведение сопровождалось возрастанием экономической роли государственной власти. Упование на силу и возможности государства объясняется слабостью или отсутствием рыночных механизмов, в первую очередь предпринимательской функции, в задачу которой, как отмечал еще Й. Шумпетер, входит «созидательное разрушение», то есть создание новых комбинаций, новых систем отношений, непредвиденным следствием которых и является инновационное развитие. Именно оно ведет, в конечном счете, к модернизации производства и человеческого потенциала.

Превращение экономики страны в начале XXI века в преимущественно сырьевую, когда большинство конечных товаров, и в первую очередь потребительских, ввозится из-за рубежа, во многом является следствием перечисленных особенностей российских модернизаций. Результатом той экономической политики, которую проводило российское государство на протяжении не одного десятилетия и даже столетия. Россия вписалась в систему международного разделения труда как цивилизация «низких переделов», поставщик сырья и полуфабрикатов. «Лен, пенька, лес, металлы, газ, нефть, «утекающие» мозги и знания, неосвоенные изобретения и открытия – один ряд сырьевых продуктов. В этой традиции люди – тоже сырье, расходный материал свершений. Страна делается вечной заготовкой под будущее правильное существование. Бросить на полпути, оставить «на потом» – все это становится обычаем поведения в быту, в работе, в модернизациях и реформах, в самой истории».[21]

Болезнь незавершенности, привычка все начинать и ничего не доделывать, «сырьевое проклятье» имеют и культурную составляющую. Они не появились «вдруг» и «ниоткуда», а выросли на почве определенных ценностей, культивировавшихся государством и его институтами на протяжении длительного периода времени. В настоящее время все большее число экономистов, вслед за социологами, признает, что любое восприятие реальности происходит через некие культурные фильтры. Более того, «культурно-ценностная парадигма» является одним из важнейших факторов, формирующих

людской опыт и людское поведение при преобразовании реальности, принятии хозяйственных, политических и прочих решений.

Известный советский историк М. Гефтер, указывая на тесную связь времен, отмечал, что «настоящего нет, есть продленное прошлое». То, что мы имеем сегодня (в экономике: отсталая структура производства, низкая трудовая дисциплина, некачественный труд; в политической и правовой системе: авторитарность власти, неприятие инакомыслия, пренебрежительное отношение к закону и демократическим институтам; в области морали: лояльное отношение к коррупции и обману, равнодушие к поиску истины, неспособность преодолеть ненужную сегодня военную ментальность, нездоровый образ жизни), - не с неба свалилось, а досталось в наследие от нашего исторического прошлого. Ведь история в широком смысле есть процесс развития культуры – системы воззрений, ценностей и знаний, которые широко распространены в обществе и передаются из поколения в поколение, ограничивая набор возможностей в настоящем.

Нельзя забывать, что культура – это живой организм, это то, что растет и развивается (как появившийся на свет ребенок, как яблоня в саду). Мы не можем «построить» дерево; мы должны его посадить, ухаживать за ним и ждать, пока оно вырастет. Только так формируется культура: она вырастает под влиянием многих факторов - религии, мифов, идеологии, природной среды и т.д. Об этом важно помнить. Так же, как нельзя забывать и о другом: «Когда садовник садит деревцо, плод наперед известен садоводу».[22] Выше было показано, какие «деревья» сажал наш садовник, - российское государство, - и почему сегодня они приносят не те плоды, в которых нуждается общество, стремящееся стать современным. Отсюда и постановка задачи модернизации, которую надо понимать не как «догнать и перегнать Португалию», а как изменить себя, свои вековые привычки и традиции, свою идеологию и мораль. Чтобы открыть путь такой модернизации, нам придется начинать преобразования с человека, с формирования нового, современного этоса мышления, с открытого, смелого и прагматичного взгляда на мир.

Ставя задачу модернизации, необходимо отдавать себе отчет в том, что в настоящее время и в обозримом будущем обществу предстоит очень трудная борьба на поприще воспитания и образования подрастающего поколения, привития молодым людям трудовой этики, создания условий для самореализации личности. Только героизация прошлого, пропаганда бесшабашной отваги и патриотизма не могут служить в современную эпоху стимулом нашего движения вперед. Люди будут модернизировать страну не потому, что они ее патриоты, а потому, что здесь созданы условия для безопасной и комфортной жизни, интересной и перспективной работы. А это возможно лишь при объективном восприятии реальности, осознании истинных целей и, непременно, утверждении базовых либеральных ценностей: доступности информации, свободы самовыражения, личной жизни, передвижения по миру и т.д.

Следовательно, если мы хотим модернизировать общество, нам предстоит войти в другое ментальное пространство, снять с себя вековые культурные оковы, понять, что без упорного и творческого труда, без бережливости, деловитости, аккуратности в любом начинании невозможно вырваться из серой реальности, преодолеть отсталость и бедность. Достойная и обеспеченная жизнь, к достижению которой мы стремимся, заключена не в запасах нефти и газа, не в количестве населения, и даже не в машинах и технологиях, а в человеческом духе, и особенно – в способности людей думать и творить. Наполеон некоторое время тому назад говорил: воюют меч и дух, но, в конечном счёте, побеждает не меч, а дух. Такая же диалектика работает и в экономике. Забывать об этом – значит снова обречь себя на движение в тупик и в результате отстать навсегда, повторив судьбу Египта, Южной Родезии (Зимбабве), Аргентины и ряда других стран Латинской Америки.

Опыт указанных стран представляет хорошую почву для понимания причинно-следственной связи между культурой и экономическим развитием. В частности, латиноамериканский регион, который в Европе когда-то считали миром неограниченных возможностей, не реализовал свой потенциал и теперь обманывает ожидания своих народов. Как отмечал бывший президент Коста-Рики, лауреат Нобелевской премии Оскар Ариас на проходившем в Москве в мае 2010 г. международном симпозиуме «Культура, культурные изменения и экономическое развитие», этот провал «не стоит связывать с нехваткой природных или интеллектуальных ресурсов, поскольку в Латинской Америке за десятки лет до открытия Гарварда уже было пять университетов, а ее экономика конкурировала с экономиками стран, которые сейчас являются процветающими. Развитию региона скорее препятствовали культурные и психологические проблемы, в том числе сопротивление переменам, страх нового, правовой нигилизм, милитаристский дух. Понимание и выявление этих проблем в Латинской Америке и во всем мире – первый шаг к смене парадигм, что позволит развивающимся странам достичь прогресса, к которому они стремятся».[23]

Такой вывод в полной мере относится и к России, которая в конце XIX в. тоже рассматривалась как страна безграничных перспектив. К сожалению, российское общество, в первую очередь так называемая политическая элита, не хочет этого понимать. Оно заслоняется от исторического и экономического дефолта разного рода «чарами прошлого», которые до сих пор не развенчаны и непонятно, произойдет ли

когда-либо это развенчание. Страны Восточной Европы и ряд бывших советских республик стали дистанцироваться от России и дрейфовать в сторону Запада не потому, что там в свое время возобладали русофобские настроения, как об этом утверждала и продолжает утверждать официальная пропаганда. Дело совсем в другом. Россия оказалась для них не привлекательной как цивилизация: ни своей политической системой, ни законами, ни администрацией, ни образом жизни, поскольку ассоциируется с регрессом.

И никакая «нефте-газовая зависимость» этих стран от России не способна радикально изменить ситуацию. Мир все больше приходит к пониманию того, что в постиндустриальную эпоху природа богатства трансформируется таким образом, что минеральные ресурсы уже не являются конкурентным преимуществом. По данным экономистов Всемирного банка, в начале XXI в. в развитых странах доля природного капитала в национальном богатстве составляет лишь 2%, доля физического капитала – менее 20%, а удельный вес ресурсов, воплощенных в людях, достигает 4/5. В России же на долю природного капитала приходится 44% национального богатства, на производственный капитал – 41%, на человеческий – всего 15%.[24]

Таким образом, богатство сегодняшнего дня в развитых странах по природе своей нематериально – это главным образом результат образования и доверия, создаваемых в обществе и формирующих новую форму богатства: человеческий и социальный капитал. Сырьевая же модель экономики, базирующаяся на экспорте энергоносителей, фактически является проклятьем для страны и ее населения, поскольку сопровождается проблемами, сдерживающими модернизацию экономики, ее социальную и инновационную ориентацию. К числу этих проблем следует отнести: «голландский синдром», ведущий к повышению реального обменного курса национальной валюты и заработной платы, что ведет к снижению конкурентоспособности продукции обрабатывающих отраслей; «эффект вытеснения» природными активами человеческого капитала, так как сырьевые сектора предъявляют более низкие требования к уровню науки, технологий и образования по сравнению с отраслями с высокой добавленной стоимостью. Например, в настоящее время сырьевые сектора российской экономики обеспечивают лишь около 1,7 миллионов рабочих мест с достойной зарплатой, а остальное население они обрекают на прозябание потому, что нет спроса на высококвалифицированные кадры для промышленности, сельского хозяйства, научных центров, конструкторских бюро и т.д.; «рентную ловушку» - иллюзию правильности избранного курса, которая отвлекает внимание общества и власти от совершенствования структуры производства и институтов современного развития, переключает их на непродуктивную деятельность.

Если нам удастся извлечь собственные исторические уроки, то нынешний модернизационный проект может положить начало качественно новому этапу в экономической и социально-политической истории России, обеспечить такой цивилизационный скачок, который выведет страну на новый путь. И тогда движение по этому пути будет не моментом в перманентной череде застоев и деградаций, стимулируемым внешними угрозами и государственным принуждением, а непрерывным и поступательным процессом действия эндогенных факторов, в основе которых будут лежать стимулы и интересы отдельных людей и общества в целом.

При этом, чтобы быть успешной, модернизация России должна быть европоцентричной, опираться на те цели, задачи и институты, которые обеспечили Западу лидирующие позиции в современном мире во всем, что касается экономики, образования, технологий, защиты прав личности, очеловечивания жизни. Добиться этого не просто, учитывая мощное сопротивление процессу вестернизации в обществе, но после 25 лет непрекращающихся «перестроек», «ускорений» и «реформ», необходимо смириться с тем, что страна на сегодняшний момент не сможет осуществить модернизацию в одиночку.

В заключение хотелось бы привести пространную выдержку из книги великого мыслителя XX в. Исаии Берлина «Подлинная цель познания», в которой автор, размышляя о выборе путей развития человеческой цивилизации, пишет: «Первейшая обязанность общества – избегать чрезмерного страдания. Революции, войны, убийства, чрезвычайные меры могут быть оправданы только в самых крайних случаях. Но история учит нас, что их последствия редко совпадают с тем, что ожидалось; нет никаких гарантий, а иной раз нет даже и достаточно большой вероятности, что подобного рода действия приведут к улучшению. Мы можем идти на крайние меры и в личной жизни, и в социальной политике, но мы должны осознавать и никогда не забывать, что мы можем ошибаться, что абсолютная уверенность насчет последствий таких мер неизбежно ведет к страданию невинных, которого можно было бы избежать. Поэтому мы должны заниматься тем, что называется взаимовыгодным обменом: правила, ценности, принципы должны уступать друг другу в разной степени в зависимости от ситуации. Утилитарные соображения иногда бывают ошибочными, но чаще, думается мне, оказываются благотворными. Как правило, лучшее, что можно сделать, это поддерживать неустойчивое равновесие, помогающее предупреждать возникновение безнадежных ситуаций и невыносимых выборов – таково первое требование, предъявляемое к достойному обществу, - к обществу, к которому мы всегда можем стремиться при всей ограниченности нашего знания и несовершенстве нашего понимания

людей и сообществ. Некоторая скромность в этих вопросах совершенно необходима».[25]

Представляется, что именно западные страны, отвечая на вопрос, как следует жить, что могут и должны делать простые люди и власть имущие на пути к прогрессу и процветанию, давно пришли к пониманию необходимости «взаимовыгодного обмена» и поддержания «неустойчивого равновесия» в экономике, политике, во всех сферах общественной жизни, иначе они не стали бы тем, за кем стремятся идти остальные.

S. Ivashkovsky. The Modernization of the Russian society: historical experience and some current challenges

Summary: *The article analyzes the logic and contradictions of modernization projects which have ever been carried out in Russia. It is stated that these projects were incomplete, imposed by the authorities and, as a rule, failed to reach the goals set. It is important to revise the role of the society and culture for the current modernization project to be successful.*

Ключевые слова

модернизация, индекс человеческого развития, постиндустриальная экономика

Keywords

modernization, Human Development Indicator, a post–industrial economy

Примечания

1. Независимая газета. 20.04.2010 г.
2. Подпобнее см.: Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 388-389.
3. Цит. из статьи В. Мау, в которой он напоминает, что С. Струмилин стал единственным экономистом – Героем Социалистического Труда, получив эту награду к своему 90-летию (Экономическая история. Ежегодник. 2008. М., 2009. С. 419)
4. В.Мау. Сочинения в шести томах. Том 1. М., «Дело», 2010, С. 26-27.
5. Власть и реформы. М.,ОСМА-ПРЕСС: Экслибрис,2006, С.349.
6. Ю.Пивоваров. Тенденции русской государственности и современность. 1-я лекция. www tvkultura. ru.
7. Е.Гайдар. Восстановить единство с Европой. – В кн.: Д. Травин, О. Маргания. Европейская модернизация. В 2-х кн. М.,СП.2004, кн.2., С.565.
8. Молчанов Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986.С.428.
9. В.Ключевский. Курс русской истории. М.,1937. IV. С. 225.
10. Казимир Валишевский. Петр. М., 2004, С.455-456.; Глузман С.А. Ментальное пространство России. СПб. 2010. С.56.
11. Адам Мицкевич. Избранная поэзия. М.,2000, С.243-244.
12. Казимир Валишевский. Указ. соч.,С. 456.
13. Указ.соч., С. 343.
14. Соловьев В. Национальный вопрос в России. М.,2007. С. 216.
15. Указ. соч. С.217-219.
16. См.: Российская империя: занимательная история. М., 2009. С.334-343.
17. Чехов А.П. Рассказы и повести. М.,1981. С.16.
18. Имея в начале реформ 18-кратное отставание от Англии, - тогдашнего мирового экономического лидера - Россия за первые 10 лет преобразований более чем удвоила свою долю, став пятой промышленной державой мира. Выше подняться ей никогда не удавалось, только сокращали разрыв (См.: Российская империя: занимательная история. С.333).
19. Д. Травин, О. Маргания. Европейская модернизация. Кн. I. М., СПб. 2004. С.52.
20. В.Мау. С. 31-32.
21. А.Рубцов. Приведение к современности.- Независимая газета. 14.04.2010.
22. Й.В.Гете. Фауст. М.,1998. С. 24.
23. (http:/Huntington.hse.ru/abs).
24. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. Под ред. Б.З. Мильнера. М.,2010. С. 49-50.
25. Берлин Исаия. Подлинная цель познания. М.,2002. С. 21-22.

Экономика России: итоги развития, цели и механизмы модернизации

В.Г. Клинов

В статье рассмотрены особенности динамики экономики современной России, её материально-технические и социальные последствия, обоснованы цели и механизмы модернизации народного хозяйства страны.

Российская экономика за последние два десятилетия развивалась по траектории отстающего по сравнению с США развития, несмотря на сравнительно высокие темпы прироста в первом десятилетии XXI века. Данные Таблицы 1 свидетельствуют, что отставание России от США по объёму ВВП с 1990 по 2008 гг. увеличилось примерно в 1,5 раза, хотя темпы прироста ВВП в России были в 2001-2008 гг. в три раза выше.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста (СГТП) ВВП (%); индекс ВВП (ИВВП)

	Россия	США	КНР
СГТП (2001-2008)	6,5	2,1	10,0
ИВВП (1990 г. = 100)	114	166	610

Источники: International Financial Statistics Yearbook. – Wash., IMF, 2000-2008; International Financial Statistics. – Wash., IMF, 2010, Feb., p. 342, 1082, 1344.

Анализ экономического роста России на основании представленной далее формулы роста, Таблицы 2 и Диаграммы 1 свидетельствует о низкой норме вложений в основной капитал. Высокая отдача от вложений в основной капитал, с чем связаны сравнительно высокие темпы экономического роста России в 2001-2008 гг., объясняется благоприятной для России динамикой мировых цен на нефть и хищнической эксплуатацией месторождений углеводородного сырья. Формулой такого роста может быть:

$$\Delta GDP_t = \frac{VA_t}{CF_{t-1}} \bullet \frac{CF_{t-1}}{GDP_{t-1}} * 100$$

, где **Δ** – темп прироста в процентах, **t** – отчётный период, (**t-1**) – предшествующий период, **GDP** – валовой внутренний продукт, **VA** – добавленная стоимость (прирост ВВП), **CF** – вложения в основной капитал, **VA/CF** – норма отдачи вложений в основной капитал, **CF/GDP** – норма расходования ВВП на формирование основного капитала.

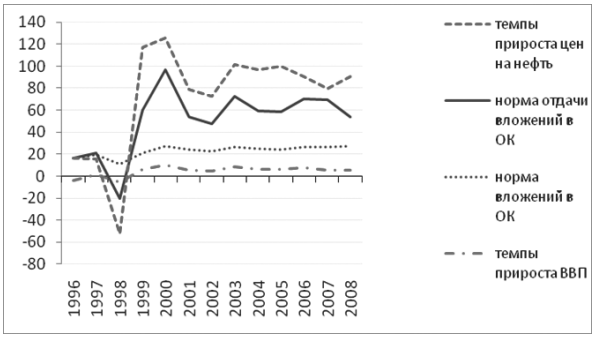
Таблица 2

Факторы роста ВВП

2001-2008 гг.	Россия	США	КНР
Норма вложений в ОК (%)	18,9	19,3	38,2
Норма отдачи ОК (%)	35,4	10,9	26,3

Источники: International Financial Statistics Yearbook. – Wash., IMF, 2008. International Financial Statistics. – Wash., IMF, 2010, Feb., p. 342, 1082, 1344.

Диаграмма 1

Источники: International Financial Statistics Yearbook. – Wash., IMF, 2008. International Financial Statistics. — Wash., IMF, 2010, Feb., p. 71, 1082.

Темпы прироста экспорта нефти из России (Таблица 3) резко замедлились во второй половине первого десятилетия XXI века, а по экспор-

Клинов Виленин Георгиевич – д.э.н., профессор кафедры МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ту газа сформировалась отрицательная динамика. В 2008 г. экспорт нефти и газа сократился, что объясняет разнонаправленную динамику цен на нефть и нормы отдачи вложений в основной капитал в этот отрезок времени, отражённую в диаграмме 1.

Таблица 3

Среднегодовые темпы прироста (СГТП) ВВП (%); индекс ВВП (ИВВП)

	2001-2005	2006-2007	2008	2009
сырая нефть, т.	11,8	1,2	-6,0	1,8
природный газ, м³	1,4	-3,7	-9,4	-13,5

Источники: Российский статистический ежегодник. – М., Росстат, 2008. С. 772; http://www.cbr.ru/eng/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil_e.htm; www.rosinvest.com/news/670930/

Сравнение динамики промышленного производства России и США (Таблица 4) показывает, что в первом десятилетии XXI в. превосходство России по интенсивности роста было девятикратным. Однако, за период с 1990 по 2008 гг. отставание России от США по объёму продукции увеличилось примерно в 2 раза.

Таблица 4

СГТП индекса промышленного производства (ИПП) ИПП (1990=100)

	Россия		США	
	2001-2008	2009	2001-2008	2009
СГТП	5,3	-10,1	0,6	-9,4
ИПП	79	71	156	141

Источники: Российский статистический ежегодник. – М., Росстат, 2008, с. 35; Economic Report of the President. – Wash., USGPO, 2010. p. 390.

Таблица 5

СГТП добавленной стоимости в России и США в %

	Россия 2003-2007	США 2001-2008
Добывающая промышленность	17,0	-1,1
Обрабатывающая промышленность	1,7	1,3

Источники: Российский статистический ежегодник. – М., Росстат, 2008, с. 318; Economic Report of the President. – Wash., USGPO, 2010. p. 390.

Индекс промышленного производства отражает в основном динамику продукции добывающей и обрабатывающей промышленности. Имеющиеся данные (Таблица 5) позволяют предположить, что в России объём продукции обрабатывающей промышленности в 2008 г. составил около 60% от уровня 1990 г., а в США за тот же период продукция отрасли выросла более чем на 70%.[1] Таким образом, разрыв увеличился почти в 3 раза. Политика стерилизации денежной массы, в соответствии с которой посредством налогов из экономики России извлекалось значительно больше денег, чем возвращалось в форме государственных расходов (в частности, доходная часть бюджета в 2007 г. составила 40,5% ВВП, а расходная – 34,5%[2]), обернулась стерилизацией обрабатывающей промышленности.

Российская промышленность развивается по наиболее капиталоёмкому направлению, поскольку оборудование рабочего места в добывающей промышленности обходится в десять с лишним раз дороже. В 2007 г. в добывающей промышленности страны было занято 1,5% рабочей силы, а в обрабатывающей — 16,7%.[3] По данным статистики, начиная с 1995 г., эти отрасли по объёму вложений в основной капитал сохраняют примерный паритет. В частности, в 2007 г. в добывающую промышленность было вложено 1004,4 млрд. рублей, а в обрабатывающую – 1020,7 млрд.[4]

Низкая норма вложений в основной капитал отражается в том, что износ основных фондов в промышленности в течение ряда лет характеризуется нормой примерно в 50%.[5] Это наиболее общая характеристика состояния материально-технической базы российской промышленности. Ограниченные рамки доклада позволяют лишь кратко охарактеризовать состояние машиностроения как ключевой отрасли обрабатывающей промышленности, основы модернизации всего народного хозяйства, и нефтяной промышленности как «станового хребта» России в её нынешнем состоянии.

По оценке экспертов, износ оборудования большинства машиностроительных заводов России достигает 75-80%.[6] Подавляющее большинство — 90 - 95%, — электронных компонентов в новейших разработках российской техники - иностранного происхождения.[7]

За рубежом методы увеличения нефтеотдачи (МУН) обеспечили прирост на 40% мирового объема извлекаемых запасов. В России МУН практически свёрнуты за 15 последних лет.[8] Глубокая переработка нефти составляет чуть более 20% общего объема продукции НПЗ (в США – 73%).[9]

Социальные последствия экономического развития современной России предопределены тем, что основное внимание уделялось нуждам добывающей промышленности, распределение предприятий по территории страны неравномерно, в добавленной стоимости преобладают доходы от капитала. Всё это обусловливает неравномерность занятости экономически активного населения, равно как и неоправданные различия в распределении личных доходов и доходов регионов. Обрабатывающая промышленность в её нынешнем состоянии не выполняет свою социально-экономическую функцию - обеспечивать занятость населения и модернизацию народного хозяйства.

Разрыв нормы безработицы между регионами с лучшими и худшими показателями увеличился с 2,9 в 1998 г. до 6,4 в 2006 г.[10] Норма латентной безработицы по стране в целом оце-

нивается в 30%.[11] Почти третья часть населения не имеет работы, которая бы соответствовала их уровню квалификации и обеспечивала достойное благосостояние. Максимальная разница между регионами в объёме валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в 2000 г. в сопоставимых ценах выражалась коэффициентом равным 20, а в 2006 г. - уже 34.[12] Доля ВРП Москвы и Тюменской области в ВВП нации в 1994 г. равнялась 16,5%; а в 2006 г. - 35%.[13]

Цели модернизации экономики не могут сводиться к решению отдельных, пусть очень важных, задач. Развал СССР произошёл не потому, что его обороноспособность оказалась на недостаточном уровне, а потому, что слишком много сил уделялось гонке вооружений. Представительная власть не ограничивала расходы военно-промышленного комплекса и допустила деградацию гражданских производств. В результате, снабжение населения предметами первой необходимости во многом зависело от импорта. Валютные поступления от экспорта в страны ОЭСР в 1980 г. на 67% обеспечивались продажей нефти и природного газа.[14] Возможности импорта резко сократились в 1980-е гг., когда возобладала понижательная тенденция мировых цен на нефть. Добыча нефти достигла своего пика в 1980 г. и стала снижаться вследствие хищнической эксплуатации месторождений. СССР закончил своё существование банкротом.

Вывод один: модернизация экономики должна быть подчинена развитию нации: обеспечению занятости населения работой, требующей высокого уровня образования и квалификации. Нация профессионалов, оснащённых передовой техникой и хорошо зарабатывающих, способна достойно отвечать на все вызовы современности. Требуется создание благоприятных и равных для всех условий развития обрабатывающей промышленности.

Можно назвать три способа осуществления модернизации:

1) обеспечить экономику дешёвыми ресурсами;

2) укреплять вертикаль управления;

3) использовать рыночные стимулы развития предпринимательской деятельности.

При этом опора на дешёвые ресурсы бесперспективна и губительна:

— во-первых, дешёвые ресурсы тормозят применение передовой техники, и, наоборот, дорогие ресурсы — самый мощный стимул внедрения техники, сберегающей труд, энергию и сырьё;
— во-вторых, промышленность не выдержит конкуренции, когда столкнётся с необходимостью использовать существенно более дорогие ресурсы, если её не готовить к этому сейчас.

Интенсивная индустриализация развивающихся стран обусловливает быстрый рост нагрузки на природные ресурсы и соответствующее повышение цен на них. К 2025 г. численность развивающихся стран составит 6,4 млрд. человек и примерно в 7 раз превысит численность населения развитых наций. За 15 лет развивающиеся страны в среднем удвоят ВВП на душу населения и достигнут уровня развитых стран конца 1960-х.[15] Рабочая сила, по мере усложнения хозяйства и роста расходов на образование и профессиональное обучение, объективно становится всё более дорогой.

Вертикаль управления хозяйством сопряжена с назначением чемпионов в тех областях, которые правительство считает ключевыми для «принуждения к инновациям». Чемпионы путём слияний и поглощений вырастают в монополии, а монополия ведёт к застою и загниванию (коррупции). **Рыночные стимулы** экономического развития исторически доказали своё превосходство по сравнению с административным принуждением. Для регулирования макроэкономических процессов и создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности, для формирования конкурентной среды следует использовать стимулирующие возможности налогово-бюджетной системы. Напротив, неадекватная волюнтаристская политика оказывается мощным тормозом экономического развития.

Необходимо общее и равное для всех снижение ставок налогов на прибыль и трудовые доходы от переработки сырья и выпуска готовой продукции. Следует поощрять развитие всей обрабатывающей промышленности: не только фирм, которые создают передовую технику, но и использующих её. Лучше дать возможность предпринимателю самому вложить прибыль в производство, чем отнять её в форме налога, а потом заставлять банки предоставлять ему кредиты, которые не могут быть дешёвыми при существующих темпах инфляционного процесса.

Для пополнения бюджета и стимулирования применения передовой техники целесообразно повышать налоги на ресурсы и расходы (страховые отчисления за использование рабочей силы, НДПИ, налоги на землю и недвижимость, НДС).

В расходной части государственного бюджета требуется увеличение ассигнований на фундаментальную науку, образование, здравоохранение, государственных капиталовложений в инфраструктуру, поскольку частный капитал не считает возможным в полной мере финансировать общественные блага, которые не дают быстрой отдачи и не подлежат его эксклюзивному использованию.

Klinov V. The Russian Economy: Development Results, Goals and Methods of Modernization.

Summary: *Pattern of Post Soviet Russia's economic growth and the consequences for the mode of technology and society have been critically examined. Goals and methods of modernizing the economy have been evaluated.*

Ключевые слова

модернизация, индекс человеческого развития, постиндустриальная экономика

Keywords

modernization, Human Development Indicator, a post–industrial economy

Примечания

1. Economic Report of the President. – Wash., USGPO, 2010, p. 346.
2. Российский статистический ежегодник. – М., Росстат, 2008, с. 307, 638.
3. Там же, с. 138.
4. Там же, с. 718.
5. Там же, с. 330.
6. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 1. Стратегические проблемы модернизации – М., ЦИПО, 2009, с. 232.
7. Там же, с. 218.
8. Там же, с. 166.
9. Там же, с. 178.
10. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Выпуск 2. Социальные аспекты модернизации – М., ЦИПО, 2009, с. 202.
11. Там же, с. 133.
12. Там же, с. 191.
13. Там же, с. 187.
14. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. - М., РОССПЭН, 2006, с.185.
15. Клинов В.Г. Прогнозирование долгосрочных тенденций в развитии мирового хозяйства. – М., Магистр, 2010, с. 96, 105

Институциональные аспекты модернизации

Е.А. Бренделева

В статье речь идет об особенностях существующей в России системы экономических институтов, а также возможности создания новых эффективных институциональных механизмов, способствующих росту экономики страны.

«Чтобы рассмотреть институциональные рамки, которые не поощряют, а тормозят экономическую активность, обратимся к условиям, господствующим во многих странах «третьего мира», а также к условиям, которые имели место на протяжении большей части мировой истории. И в этом политические руководители имеют смешанный набор возможностей, но все же, по большей части эти возможности поощряют скорее деятельность по перераспределению, а не производству материальных благ, формируют скорее монополии, чем конкурентную среду, и скорее ограничивают, чем расширяют выбор. Они редко стимулируют инвестиции в образование, которые повышают производительность. Организации, развивающиеся в этих институциональных рамках, становятся более эффективными, но только эффективными в снижении общей продуктивности общества и в развитии базовой институциональной структуры, еще менее благоприятной для продуктивной деятельности»[1].

Вышеприведенная характеристика основных направлений институционального развития в странах «третьего мира» еще в 1980-х гг. была дана Дугласом Нортом, Нобелевским лауреатом по экономике[2], в период, когда не было современной России с ее новыми институтами, «рыночной» экономикой и текущими проблемами макроэкономического регулирования. Когда Россию причисляют к группе стран с рыночной экономикой, экономисты институционального направления, как правило, не соглашаются с данной оценкой. Они считают, что подобные выводы следует делать не на основе макроэкономических показателей, зачастую представленных «голыми» цифрами, подверженными изменению, не на сравнении названий институтов и структур, а на анализе эффективности институтов, которые существуют и функционируют в стране.

Например, при оценке банковской системы внимание должно обращаться не на количество банков или даже не на их капитализацию, а на эффективность выполнения банковской системой основной функции –кредитование реального сектора экономики. При оценке роста экономики в центре внимания должны быть не на рост показателя ВВП, а факторы, приведшие к его росту – спекулятивный краткосрочный рост цен на нефть или рост платных медицинских и образовательных услуг при снижении бюджетных расходов или ухудшении качества бесплатных услуг. В первую очередь следует рассматривать долгосрочные факторы экономического роста, связанные с реальным сектором экономики, оценки его потенциала в будущем, определяемые во многом человеческим капиталом.

Российская модернизация в XX веке. Идея модернизации российской экономики, ставшая основной темой многочисленных конференций, публикаций и дискуссий в СМИ в последнее время, не нова для нашей страны. Она поднималась и активно обсуждалась в начале 2000-х гг. В послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию в 2003 г., в частности, постулировалось: «…Россия должна быть и будет страной с конкурентоспособной рыночной экономикой… Конкурентоспособным должно быть все – товары и услуги, технологии и идеи, бизнес и само государство, частные компании и государственные институты, предприниматели и государственные служащие, студенты, профессора, наука и культура… Высокая конкурентоспособность страны должна стать важнейшей целью…».

В своем выступлении накануне президент-

Бренделева Елена Алексеева – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ских выборов 2004 г. В.В. Путин выразил мнение, что в достижении конкурентоспособности и состоит так называемая национальная идея, то есть имея в виду стратегию национальной модернизации в самом широком понимании[3]. В ходе ряда научных конференций эта тема все глубже поднимала основные проблемы общества, касавшиеся в большей степени институциональных аспектов[4]. Комплекс выявленных в итоге этих дискуссий институциональных проблем можно кратко очертить следующим образом:

- возросший разрыв между формальными и неформальными институтами;
- неэффективное государственное управление; усиление неэффективной бюрократии; запредельный рост коррупции; несоблюдение законов; теневая экономика;
- беспорядочное распределение собственности и последующий «неэффективный» передел собственности, высокий уровень ее концентрации;
- углубление социальной дифференциации;
- серьезный рост преступности, в том числе и в силу указанных выше факторов.

Все вышеперечисленные негативные эффекты активно действуют в существующей в настоящее время в России институциональной системе, определяя, в свою очередь, низкую эффективность экономики.

Институты и эффективность экономической системы. Финансово–экономический кризис 2008-2009 гг. заставляет по–новому взглянуть на систему институтов, сложившуюся в нашей стране. С изменением условий и экономической политики, связанной с выходом из кризиса, меняются институциональные механизмы управления экономикой, создаются принципиально новые, однако неэффективные, с точки зрения дальнейшего развития экономики, институты.

Если посмотреть на программу выхода из кризиса, то она в большей степени носит перераспределительный характер и не способствует формированию устойчивых механизмов, которые бы определили успешное развитие страны в будущем. Поддержка банковской системы в самом начале кризиса была эффективной мерой по предотвращению массового банкротства банков в результате возможной паники и соответствующего поведения вкладчиков. Однако неопределенность целей использования этих средств повлекла за собой не дальнейшую их ориентацию на реальный сектор экономики, стимулирование совокупного спроса, а их вложение в иностранные активы, валютный рынок, что привело к таким негативным последствиям, как резкая девальвация рубля, вывоз капитала за рубеж и т.д.

Перераспределение этих средств могло бы быть направлено на целевую государственную поддержку проектов крупных российских компаний, в том числе и с государственным участием. Так, в 2009 г. Газпром не осуществил запланированные ранее инвестиции в объеме 1 трлн. руб. По экспертным оценкам, с учетом мультипликатора – 3,3 трлн. руб. недополученного ВВП, или 150 тыс. рабочих мест в компаниях – поставщиках Газпрома.[5] Российские железные дороги сократили в 2009 г. запланированные ранее программы на 10 млрд. руб.

В условиях кризиса, как показывает мировой опыт, экономическая политика по «кейнсианскому сценарию» направлена на помощь базовым отраслям экономики, а также поддержание уровня доходов и спроса населения. *Стимулирование экономики путем государственной поддержки крупных проектов российских компаний* – это один из новых механизмов, соответствующих существующей системе институтов. Его формирование «назрело» в условиях кризиса и он мог бы быть использован эффективно, поскольку, в свою очередь, сокращал бы государственные расходы на пособия по безработице и другие социальные выплаты, способствовал пополнению бюджета за счет налогов получивших заказы предприятий.

Еще один из новых механизмов, который «помогал» бы государству решать кризисные проблемы, был предложен новыми рыночными, в большей степени частными, структурами, однако не был услышан «наверху».

Крупнейшие международные газотранспортные проекты, осуществляемые Россией – «Северный поток», «Южный поток», «Алтай» – могли бы стать основой не только выхода из кризиса, но и создания эффективной экономики, активно развивающейся в результате благоприятной конъюнктуры на нефтяном и газовом мировых рынках. В данной ситуации возрождение машиностроения нефтегазового комплекса, одной из важнейших отраслей российской экономики, которая, в свою очередь, обеспечивает заказами отрасли, связанные с производством грузовых автомобилей, дорожно-строительной техники и другие, могло бы стать одним из таких институциональных механизмов.

Однако, по данным Минпромторга России, в 2009 г. объем производства нефтегазового оборудования сократился на треть, в том числе выпуск буровых установок упал в два раза. Причем в марте 2009 г., в разгар кризиса, был взят кредит в 240 млн. долл. у Эксимбанка (Китай) Внешторгбанком (РФ) – государственным финансовым институтом для дочерней лизинговой компании ОАО «ВТБ-Лизинг» с целью рефинансирования затрат на покупку 30 буровых нефтяных установок китайского производства и последующей передачи их в лизинг. Закупка китайских буровых установок происходила через оффшорные зоны по завышенным ценам, данные сделки сопровождались многочисленными скандалами.[6]

Газпромбанком также был получен кредит для финансирования закупок китайских буровых установок. Подобная политика наносит

серьезный удар по российским предприятиям машиностроения нефтегазового комплекса, способным производить высококачественное и высокотехнологичное оборудование для международных проектов, реализуемых в нашей стране.

Изменение ***институциональных механизмов из перераспределяющих в производящие*** могло стать основой антикризисной программы. Господдержка заключается не во вливании денег из бюджета в производство неконкурентоспособной продукции, а в направлении финансовых средств заказчиков в конкурентоспособные предприятия[7]. В том числе в предприятия в тех отраслях, которые способны самостоятельно успешно развиваться в случае продуманной государственной политики. Например, если бы государство увязало поддержку крупных российских компаний нефте- и газодобывающего секторов с их встречными закупками оборудования у национальных производителей.

Казалось бы, что в кризисной ситуации правительство должно было обеспечить для российских предприятий максимально комфортные условия на внутреннем рынке, на который традиционно они и были ориентированы. Однако, в этих тяжелых условиях мы отдаем его часть иностранным производителям, поставляющим зачастую продукцию более низкого качества, и тем самым усугубляем и без того серьезные последствия кризисной ситуации, лишаем собственный бюджет источников дохода – налогов с прибыли работающих предприятий, но активно поддерживаем экономики других стран.

Примеров формирования неэффективных институтов в российской практике макроэкономического регулирования достаточно много, но в настоящей статье мы остановимся еще на одном аспекте, рассмотренном Д. Нортом в вышеприведенной характеристике тенденций институционального развития в «третьих странах». Человеческий капитал является одним из определяющих источников экономического роста экономики в долгосрочной перспективе. Если рассмотреть долю человеческого капитала в совокупной структуре капитала в странах с развитой рыночной экономикой, то за прошлый век она выросла с 15% до 75%. Для России недооценка этого фактора - явление повсеместное. Об этом свидетельствуют и современные тенденции в законотворчестве. Так, «в целях повышения эффективности бюджетных расходов» 23 апреля 2010 г. Государственной Думой принимается в третьем чтении законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», который предусматривает отказ от сметного финансирования школ и переход на финансирование в рамках государственного заказа. По заявлению председателя комитета Государственной думы РФ по образованию Г. Балыхина, "школы за выполнение госзадания – обучать детей в рамках образовательных стандартов, – будут получать деньги из бюджета". Но бюджетное финансирование школ в результате такой реформы будет сокращено. На взгляд чиновника, закон расширяет финансовую самостоятельность образовательных учреждений: "Они смогут не только распоряжаться средствами по собственному усмотрению, но и зарабатывать деньги".

Как показывает экспертная оценка проекта закона, «в законопроекте предусмотрено, что при определении этих нормативов следует исходить из размера бюджетных ассигнований соответствующего учреждения на 2010 год. Однако эта исходная нормативная база далеко не благоприятна для решения социальных проблем. Такой уровень нормативов серьезно затруднит деятельность большого числа бюджетных учреждений, поставит часть из них на край выживания»[8]. Очевидно, что в существующих условиях коррупции, данный закон может значительно ухудшить ситуацию в сфере образования.

Это еще один из примеров, когда при попытке «залатать дыры» в бюджете, *урезаются определяющие, по Норту, институциональные составляющие экономического роста и экономической эффективности.*

В «Основных направлениях антикризисных действий правительства РФ на 2010 год» приоритетами антикризисных и модернизационных действий Правительства Российской Федерации в 2010 году определены:

— поддержка социальной стабильности и обеспечение полноценной социальной защиты населения;
— поддержка оживления экономики, обеспечение устойчивости наметившихся положительных тенденций;
— активизация модернизационной повестки дня: реализация первоочередных мер по решению проблем российской экономики, обусловивших скорость и глубину спада (слабость национальной финансовой системы, недиверсифицированность экономики и экспорта, неконкурентоспособность значительной части перерабатывающих производств), совершенствование институциональной среды, выстраивание новой модели регулирования, в том числе на финансовых рынках, наращивание инвестиций в человеческий капитал.

Эти меры в значительной степени перекликаются с назревшими институциональными реформами в обществе. Однако на практике, как и в предыдущие годы, *ориентация на поддержание и укрепление перераспределительных механизмов превалирует над созданием институтов, определяющих переход к производящей экономической модели.* Частично эти тенденции объясняются эффектом «*path dependence*» – зависимостью от траектории предшествующего развития, частично - сформировавшимися институциональными ловушками – неэффек-

тивными институтами. Последние имеют самоподдерживающийся, устойчивый характер и в силу эффекта масштаба и высоких трансакционных издержек при переходе к новым институтам сдерживают любые изменения по созданию эффективной институциональной системы. К тому же в России формальные «правила игры» – законы и указы, – не являются определяющими в поведении экономических агентов, которым в большей степени «комфортнее» играть по неформальным правилам, пусть и неэффективным, с точки зрения развития экономики в целом.

E. Brendeleva Institutional aspects of modernization. (To the issue of creation a generating institutional system in Russia)

Summary: *This article is about the features of the existing system in Russia's economic institutions, as well as the possibility of creating new and effective institutional arrangements that promote the growth of the economic system.*

Ключевые слова

Модернизация, институты, эффективность экономической системы

Keywords

modernization, institutions, efficiency of an economic system

Примечания

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «»Начала», 1997. – С.25.
2. Нобелевская премия 1993 г. Д. Норт и Р. Фогель «За новое исследование экономической истории с помощью экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений».
3. Исследование «Модернизация России и Европа» / Комитет внешнеполитического планирования, Институт стратегических оценок, Фонд им. Фридриха Эберта. - 1 января 2005.
4. См., например, семинар «Перспективы российской системной модернизации в XXI веке» / Фонд «Российский общественно-политический центр» – 27 марта 2003 г. (http://politeia.ru/seminar.php?2003-03-27).
5. Трудная добыча Газпрома / В фокусе. – 4 ноября 2009. http://www.rbctv.ru/archive/index.shtml?prog=focus&from=240&to=288.
6. Более подробно см. интервью с президентом Союза производителей нефтегазового оборудования А.Романихиным от 16 апреля 2010 г. http://www.rbctv.ru/archive/index.shtml?prog=companies.
7. В отличие, например, от АВТОВАЗа, продукция которого по многим параметрам не отвечает современным требованиям, и который получает государственную помощь.
8. Заключение Общественной палаты Российской Федерации по проекту федерального закона № 308243-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (http://www.oprf.ru/expert/views/).
9. Бренделева Е.А. QWERTY-эффекты, институциональные ловушки с точки зрения теории трансакционных издержек // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. – Т.4. (www.ecsocman.ru).

Опасности и альтернативы догоняющего пути модернизации в России

М.А. Козлова

В настоящее время задача модернизации российской экономики является одной из самых важных, ведутся дискуссии о путях и стратегии ее проведения. В статье обсуждаются опасности, подстерегающие Россию на пути догоняющего развития, оценены возможности развития с опорой на собственные силы, а также описаны институциональные ловушки, которые могут препятствовать эффективной модернизации.

В России модернизация экономики является сейчас одной из приоритетных задач. 20 мая 2009 года Д.А. Медведевым был подписан указ о создании Комиссии при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России. 3 марта 2010 г. Комиссию по высоким технологиям и инновациям правительства РФ возглавил В.В. Путин. Об актуальности данной задачи говорит и проведение 6 апреля 2010 года в ГУ-ВШЭ Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества «Модернизация экономики: рынки, фирмы и структурные сдвиги».

Существует два основных сценария модернизации страны: догоняющее развитие и опора на собственные силы, а также сочетание элементов той и другой концепции. Сторонники догоняющего развития указывают на успехи развития послевоенной Германии, Японии, новых индустриальных стран (НИС) в Восточной и Юго-Восточной Азии, однако у этого пути есть и ряд существенных недостатков. Например, директор Центра исследований постиндустриального общества В.Л. Иноземцев[1] отмечает следующие проблемы, с которыми столкнулись азиатские страны:

— выраженная односторонность индустриального развития, поскольку ускоренная индустриализация требовала концентрации усилий на определённых направлениях;
— недопотребление населения и рост сбережений как предпосылка для индустриального типа догоняющего развития (отсутствие роста реальной заработной платы, малочисленность среднего класса);
— преобладание экстенсивных методов развития – необходимость вовлечения в производство всё большего числа работников, сбережений;
— масштабный импорт капитала, острая зависимость от поставок комплектующих и технологий, превращение заводов страны в сборочные цехи зарубежных корпораций;
— зависимость от экспорта своей продукции и мировой конъюнктуры;
— технологическая, интеллектуальная и культурная зависимость от развитых стран, отрицательный баланс торговли с ними технологиями.

В настоящее время для России характерны в первую очередь преобладание экстенсивных методов развития и технологическая зависимость от развитых стран. При этом импорт зарубежного оборудования и технологий носит самоподдерживающийся характер и ведёт к отрицательной селекции отечественной продукции. Основывая технологии производства на зарубежном оборудовании, при обновлении производственной базы национальные компании оказываются вынужденными вновь закупать иностранную аппаратуру и станки. В этом слу-

Козлова Мария Александровна – к.э.н., старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

чае для решения проблемы государству необходимо стимулировать импортозамещение.

Однако именно масштабное участие государства в процессе модернизации ряд учёных, в том числе и В.Л. Иноземцев, называют среди основных опасностей догоняющего пути развития. В истории известны примеры успешной модернизации сверху, в том числе - реформы Петра Первого. Однако научный руководитель Высшей школы экономики Е.Г. Ясин считает, что в современных российских условиях мобилизационный путь модернизации обречён на провал, поскольку предполагает подавление собственных интересов граждан, то есть «подавление той энергии и инициативы людей, которые сами могли бы при ином варианте стать главной силой модернизации»[2].

Ещё одна опасность следования по пути догоняющего развития заключается в том, что для имитационного и инновационного развития требуются различные институты, смена которых затруднена. На это указал американский экономист Ф. Агийон[3]. Например, протекционистские меры, которые рекомендуются странам, не обладающих возможностями создания современных технологий, позже становятся препятствием для инноваций. Кроме того, первопроходцы на технологическом рынке обладают и преимуществами эффекта масштабов производства.

При разработке стратегии модернизации, основанной на догоняющем развитии, встаёт вопрос и о том, какие именно страны нужно догонять? Самые передовые или стоящие ближе по уровню развития? Ранее большинство учёных придерживались теории о линеарном развитии, предполагающей, что все общества можно выстроить вдоль единой оси, идущей от традиционности к современности (понимаемой как распространение европейских институтов и технологий). Но в 1970-1990 гг. получили распространение и многолинейные модели модернизации[4]. Так, С. Хантингтон на примере азиатских стран стал обосновывать возможность «модернизации без вестернизации». В этом случае модернизация происходит без отрыва от исторических корней и национальных традиций. К. Мюллер указывал на необходимость рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции». Э. Тирикьян, в свою очередь, отмечал важность социокультурной традиции в качестве важного фактора развития.

Для России этот фактор также представляется значимым. Если при разработке стратегии модернизации стараться во всём следовать западному пути развития, это может привести к ряду перекосов в развитии экономики, неэффективности и односторонности принимаемых мер. В качестве реальной опасности С. Хантингтон выделял «вестернизацию без модернизации», то етсь поверхностное усвоение западных принципов и разрушение собственных культурных традиций без восприятия западных культурных устоев[5]. В.Г. Федотова также предупреждает об опасности потери собственной культурной основы без обретения западных ценностей[6].

С этим нельзя не согласиться, поскольку успешное и эффективное развитие обществ возможно лишь на базе ценностей и традиций, объединяющих общество. Макс Вебер обосновал значимость протестантской этики для развития капиталистических отношений в Европе. Пуританские идеалы способствовали становлению американской нации на ранних этапах ее развития. В азиатских странах конфуцианские традиции, уважение к строгой иерархии, коллективизм содействовали быстрому их индустриальному взлету. В России же попытка перенять западные ценности приходит в противоречие с традициями коллективизма, взаимопомощи, исторической склонностью к патернализму.

Наконец, Д. Рюшемейер[7] выдвинул концепцию частичной модернизации, когда в обществе модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые конструкции, провоцирующие несоответствия между различными институтами. Это свидетельствует о необходимости проводить комплексную модернизацию всех областей экономики, научной, социальной и политической сфер, поскольку анклавное введение инноваций не принесёт желаемого повышения экономической эффективности.

Всё выше перечисленное указывает на необходимость найти альтернативу догоняющему пути развития. И она видится в создании национальной модели модернизации, в основе которой может лежать национальная инновационная система, учитывающая как передовой зарубежный опыт, так и культурные традиции страны. К. Фримен определяет национальную инновационную систему как «сеть институтов общественного и частного сектора, деятельность и взаимодействие которых порождает создание, приобретение, изменение и распространение новых технологий»[8].

Научно-технический прогресс, человеческий капитал и создание информации сейчас являются определяющими факторами экономического роста, однако их эффективное развитие невозможно без достаточной развитости таких традиционных факторов как труд и капитал. В России же наблюдается следующая картина[9]:

Эти данные свидетельствуют о том, что в России нет ресурсов, необходимых для экстенсивного роста, которые способствовали быстрым темпам развития в азиатских странах (включая рост занятости и сбережений населения). Поэтому нам необходимо, в первую очередь, повышать производительность труда и эффективность использования капитала. Однако и для инновационного развития на основе собственного научного потенциала у России в настоящее время недостаточно возможностей.

Помимо обозначенных проблем, модернизации в России препятствуют и институциональные ловушки, которые могут снижать заинтере-

сованность в модернизации или уменьшать её эффективность. Можно выделить следующие виды ловушек:

1) В результате модернизации повысится производительность труда, что приведёт к сокращению рабочих мест и обострит проблему безработицы. Поэтому необходимо создавать условия для развития малого и среднего бизнеса, способного предоставить рабочие места.

2) Повышение производительности труда на неэффективных предприятиях даёт лишь временный эффект, препятствуя коренным преобразованиям. Поэтому имеет смысл сразу вводить передовые технологии, однако здесь встаёт та же проблема занятости населения на время преобразований.

Труд	1) Численность населения в 2009 г. – 141,9 млн. человек, а) из них занятых на 02.2010 г. – 68,0 млн. человек (47,92 %); б) по среднему варианту прогноза население сократится до 139,36 млн. к 2030 г., а коэффициент демографической нагрузки (число нетрудоспособных на 1000 трудоспособных) с 2010 г. до 2030 г. возрастёт с 605-607 до 763-865[10]. 2) Производительность труда в РФ в 2007 г. – 26 % от уровня США[11].
Капитал	1) Степень износа основных фондов на 2008 г. – 45,3 %. 2) Доля полностью изношенных основных фондов в коммерческих организациях – 13, 1%. 3) Основная цель инвестирования в основные фонды – замена изношенной техники и оборудования, а не повышение эффективности. 4) По данным ROMIR, 52% россиян в сентябре 2009 года имели сбережения, что на 5,5% меньше, чем в январе[12].

3) Коррупционная ловушка и схемы отмывания денег, когда выгоднее закупать менее качественный товар.

4) При увеличении финансирования государственных исследований за государственный счёт снижаются стимулы работы учёных, наукоградов, технопарков с коммерческими организациями, происходит отрыв от практических нужд. Поэтому имеет смысл развивать частно-государственное партнёрство, что в настоящее время и получило в РФ государственную поддержку.

5) Самоподдерживающийся импорт иностранных технологий и оборудования.

6) Устаревание и снижение технического уровня оборудования – средств амортизационного фонда не хватает на покупку дорогого современного оборудования, а закупки за счёт прибыли не позволяют воспользоваться налоговыми льготами.

Наука[13]	1) Удельный вес публикаций российских авторов в научных журналах с 1995 по 2007 гг. снизился с 3,88 % до 2, 42 %. 2) Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВВП в 2007 г. - 1, 12 % (США - 2, 62 %, Япония - 3,39 %, Китай - 1, 42 %). 3) В 2007 г. отрицательное сальдо по балансу торговли технологиями – 795.996.000 долларов США. 4) В 2007 г. в России из 23028 выданных патентов 4597 было выдано иностранным заявителям (20 %). 5) Россия выделяет из государственного бюджета на НИОКР почти в два с половиной раза больше, чем Канада, имея при этом в десять раз меньше международных патентов и в три раза меньше поступлений от экспорта технологий[14].
Инновации[15]	В 2007 г. удельный вес организаций, осуществлявших инновационную деятельность, в России составил 8,6 % (Германия – 65,1 %, Болгария – 16,1 %).

Таким образом, в настоящее время при проведении модернизации необходимо активное участие государства, однако, помимо непосредственного финансирования научно-технических разработок и технопарков, нужно создавать условия и для сотрудничества науки и бизнеса – например, за счёт софинансирования расходов компаний на НИОКР, предоставления налоговых льгот предприятиям при закупке передового оборудования. В ближайшие годы Россия не сможет самостоятельно обеспечить достаточное количество конкурентоспособных технологий, поэтому необходимо стимулировать импорт технологий, продолжать деятельность по приближению технических стандартов к европейским. Однако основной целью модернизации должно стать не следование по догоняющему пути развития, а создание национальной инновационной системы, отвечающей российским традициям и способной вывести Россию в будущем на траекторию опережающего, а не догоняющего развития.

M. Kozlova. Dangers and alternatives to catch–up modernization in Russia

Summary: *At present the modernization of the Russian economy is regarded as the top priority and different ways and strategies of modernization are being considered. This article concerns the potential dangers of catch-up development in Russia and the possibilities of development on the basis of its own potential. It also describes the institutional problems and lock-in effects that could reduce the efficiency of modernization.*

Ключевые слова

модернизация российской экономики, догоняющее развитие, институциональные ловушки

Keywords

modernization of the Russian economy, catch-up development, institutional traps, lock-in effects

Примечания

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы // http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000946/st071.shtml
2. Ясин Е.Г. Модернизация российской экономике: что в повестке дня // Материалы II Международной конференции «Модернизация экономики России» (// http://www.hse.ru/ic2/materials_2/yasin.htm).
3. Aghion Ph. Competition, Imitation and Growth with Step-by-step Innovation / Ph. Aghion, Ch. Harris, P. Howitt, J. Wickers// Rev. of Econom. Studies. – 2001. – Vol. 68. – p. 467
4. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168 // http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm
5. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. P. 75.
6. Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект // http://www.perspektivy.info/rus/gos/ot_dogonyaiuscheiy_modernizacii_k_nacionalnoiy_teoreticheskiiy_aspekt_2007-11-7-39-54.htm
7. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168 // http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm
8. Freeman C. Japan: a new national system of innovation? / C. Freeman // In: Dosi G., Freeman C., Nelson R.R., Silverberg G., Soete L.L.G., eds. Technical Change and Economic Theory. – London: Frances Pinter, 1988, Chapter 16, p. 65
9. По данным Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru
10. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn4.htm
11. Исследование McKinsey & Company: главная проблема российской экономики – низкая производительность труда, 29.04.2009 // http://gtmarket.ru/news/state/2009/04/29/1986
12. Сбережения граждан РФ: до 89% россиян предпочитают хранить свои средства в рублях, 21.10.2009 // http://rumetrika.rambler.ru/review/0/4102?article=4102
13. Данные из сборника Индикаторы науки: 2009, М. ГУ-ВШЭ, 2009 // http://www.gks.ru/doc_2009/nauka/ind_nauki2009.pdf .
14. Ливанов Д., Пономарёв А. Три императива технологической политики // (http://www.inno.ru/press/articles/document33724/).
15. Данные из сборника Индикаторы инновационной деятельности: 2009, М, ГУ-ВШЭ, 2009 // http://www.gks.ru/doc_2009/nauka/ind_innov2009.pdf.

Пути российской модернизации

М.В.Сафрончук

В данной статье рассматриваются пути модернизации российской экономики и общества. Особое внимание уделяется сценарию, наиболее реалистичному по институциональным и техническим возможностям. Рассматриваются вопросы, что и как можно модернизировать и кто будет осуществлять модернизацию.

В статье представлено небольшое теоретическое исследование институционально-социальных возможностей модернизации общества и промышленности в России. О необходимости модернизации говорится много. Но какая модернизация нужна и модернизация чего? Кто будет ее проводить и как? Эти вопросы пока еще остаются открытыми.

Но если поставить вопрос о цене модернизации, то возникает эффект голосования за общественное благо: нравы российского общества таковы, *что платить за модернизацию никто не хочет, хотя всем она нужна и теоретически от нее могли бы выиграть* все. Вот если бы само все преобразилось, - … думают представители и бизнеса, и правительство, -… все бы продолжилось, но на другом витке. Возможно, продолжилась бы стрижка купонов лежа на печи, но только печка-то была бы более высокотехнологичной и комфортной, да и размер наживы мог бы быть еще более впечатляющим.

Однако за все нужно платить. Возникает вопрос: кто заплатит за модернизацию в России? Ответ, на наш взгляд, можно найти, лишь рассмотрев, а кому она реально нужна. Действительно, стоит порассуждать, кто заинтересован или, наоборот, не заинтересован в настоящей модернизации. Но для этого необходимо знать, какая модернизация нам нужна. Рассмотрим два варианта модернизации:

а) догнать вчерашний день;

б) запрыгнуть в вагон поезда, уходящего за пределы индустриального общества.

Первый вариант означает обновить производственный капитал и структуру промышленности на уровне индустриального общества. Возможно ли это с точки зрения сегодняшнего состояния нашей производственной базы? Как создать машины, которые смогут делать новые машины? Реально ли переоснастить всю промышленность, создать новые отрасли? Даже если такую возможность допустить теоретически, то сколько лет на это уйдет? А за счет чего страна будет жить в период создания и внедрения новой техники? Импортировать в долг? Да и сама техника, которую мы не сможем создать здесь и сейчас, должна бы первые годы импортироваться. Какого же размера был бы в таком случае внешний долг и каковы будут последствия его обслуживания и погашения?

Для выявления заинтресованности в модернзации следует определить, что это за процесс с точки зрения движения финансового капитала. Это не только отказ от прибыли или части дохода на длительное время. Здесь длительность и риски гораздо больше, чем обычное инвестирование в производство. Бизнесу в нашей стране его осуществлять не интересно, пока существуют огромные альтернативные потери на факторных рынках:

— нефтяном и газовом;
— земельном;
— торговли без производства;
— на внутреннем и внешнем рынках ценных бумаг;
— в банковском секторе.

Подобная дихотомия в нашей стране – неизлечимая болезнь. Возможно - это внешний институциональный эффект российской трансформации. Р.С. Гринберг мог бы согласиться с данным выводом, так как в «Российской газете» от 17.02.2010 г. писал о том, что мы 15 лет сжимаем денежную массу и не можем обуздать рост цен. Схема регулирования денежной массы для решения проблем в экономике у нас не работает. По нашему мнению, можно говорить об инвестиционной и институциональной ловушках, продолжающих .

Меры, которые предлагает Р.С. Гринберг[1], связаны с первым вариантом модернизации. Он заключается в следующем:

Сафрончук Марина Валентиновна – к.э.н., доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

— провести масштабную «инвентаризацию» всей страны, выделить перспективные направления и помогать им, «строго спрашивая за результат» и контролируя его. Строго контролировать расход государственных денег и протекционизм в виде частичного закрытия рынков от импортных товаров. Необходимо наметить, что нужно заново, а что создавать из того, что есть, обосновав технически и экономически.

Однако возникает вопрос, кто будет проводить эти мероприятия и в чьих интересах? Предлагается разделить отрасли государственной поддержки на три группы:

— все еще перспективные (самолетостроение, судостроение, атомное машиностроение, космос, возможности в химической промышленности);
— падающие отрасли, но социально важные – занято огромное количество людей (например, нельзя закрыть ВАЗ, но можно его модернизировать, предположим, с «Рено-Ниссан»);
— производства в интересах национальной безопасности.

Уже сейчас, по оценке специалистов, это сделать сложно, так как растеряли множество первоклассных проектных бюро, квалифицированных рабочих, техников. Одним словом, утратили инновационную базу модернизации.

В качестве пути реализации рассматривается идея, вероятно, заимствованная у Вэнь Цзябао (премьер-министра КНР) или у Ху Цзиньтао (генсека ЦК КПК), о покупке нереализованной в кризис техники в странах ЕС, создать совет экономической взаимопомощи «Европа-Россия». Мы предлагаем еще один вариант, который стоило бы обсудить. Это идея международного госзаказа на инновационную технику, необходимую для модернизации. Пусть в период кризиса страны с развитым рынком поделятся своими лабораториями, бюро и другой инфраструктурой НИОКР под наш госзаказ с участием наших специалистов. Причем как создателей, так и обучающихся. О такой возможности следует заключать международные договоренности. Кстати, такой госзаказ может сопровождаться и пакетом частных заказов, отобранных правительственной экспертной комиссией.

Возникает вопрос, как преодолеть институциональные барьеры – нашу неизлечимую болезнь, свести все на нет в связи с коррумпированностью чиновников и оппортунистическим поведением частного бизнеса? Предлагается ввести зависимость карьеры чиновника и оплаты его труда от продвижения проекта и его конечного результата (выведения на окупаемую мощность предприятия, ответственность за высокую конкурентоспособность продукта и дешевизну производства и его организации, решение всех институциональных проблем вокруг деятельности предприятия или отрасли), то есть своеобразное официальное «крышевание».

Однако не следует забывать, что путь догоняющего развития – не самый эффективный вариант модернизации и фактор экономического роста, хотя и наиболее реалистичный. Следовательно, не стоит перечеркивать и другой вариант модернизации, связанный с частной инициативой, которая могла бы исходить от самостоятельных бизнес-структур. Именно сейчас, когда страны развитого рынка только начинают выкарабкиваться из кризиса, у России сохранился еще один шанс впрыгнуть в набирающий скорость поезд, идущий по пути метакапиталистической трансформации.

M. Safronchuk The Ways of Modernization in Russia

Summary: *This article presents investigation on institutional and technological abilities of modernization in Russia. The analyses cover two ways of modernization and problem, who should be responsible for its realization. The first way suggests the government should control, regulate and subsidize the improvement of the industrial base. The second way is the national business should try to incorporate into the world metacapitalist society.*

Ключевые слова

модернизация, рыночная экономика, правительство, бизнес, метакапитализм, трансформация, экономический рост, инвестиции, институциональный эффект, международный госзаказ, инновационная инфраструктура.

Keywords

modernization, market economy, government, business, transformation, economic growth, investment, institutional effects, infrastructure for innovations.

Примечания

1. См. подробнее интервью с Гринбергом Р.С. в статье Е.Кукол. Ловля попутного ветра. "Российская газета" - Федеральный выпуск №5112 (33) от 17 февраля 2010 г.

Системные проблемы модернизации

Ю.А. Гончаров

Россия выступает как экспортер ресурсов и импортер оборудования в торговле как с Евросоюзом, так и с Китаем. Основными проблемами, по мнению автора, являются коррупция, низкий уровень развития технологии и человеческого капитала. Однако одного понимания отставания России недостаточно: реформы не могут быть спущены сверху, если ни производители, ни чиновники в них не заинтересованы. Прежде, чем говорить о выходе на первые места в мире, необходимо решение базовых проблем развития страны.

О модернизации экономики России говорят давно. Новый импульс эта идея получила в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», принятой 17.11.2008 года, затем в статье Д.А. Медведева «Россия, вперед!» от 10.09.2009 года и далее в послании Президента Федеральному собранию от 12.11.2009. Что есть модернизация? В статье Д. А. Медведева сказано: «В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности»[1]. Цель - сделать Россию одной из самых комфортных стран и для развития бизнеса, и для проживания людей[2].

Следовательно, главный вопрос модернизации - конкурентоспособность. Дела в этой области обстоят неважно. По национальной конкурентоспособности доклад всемирного экономического форума поместил Россию на 63-е место в мире среди таких стран, как Мексика, Турция, Румыния и Уругвай. Другой вид конкурентоспособности – конкурентоспособность товаров, измеряемая соотношением их цены и качества. По нему Россия проигрывает как развитым странам, так и новым индустриальным. Так, в США средняя зарплата составляет 2500 долларов (72,5 тыс. руб.) в месяц[3], однако производительность труда в 4-5 раз выше, чем в России[4]. Среднемесячная зарплата в Китае 2160 юаней (7400 руб.)[5], а производительность труда не намного ниже. Избыточное количество трудовых ресурсов блокирует рост зарплат, по некоторым оценкам, «навес» дешевой рабочей силы в современном Китае составляет примерно 17% трудоспособного населения страны[6]. Россия со средней зарплатой 19128 руб.[7] занимает промежуточное положение - зарплата не настолько низка, как в Китае, а качество не настолько высоко, как в США. К тому же Китай покупает либо иначе заимствует из-за рубежа новые технологии.

Российские товары слишком дороги для их качества, они могут удовлетворить только внутренний спрос. Да, Россия поставляет некоторые виды техники за рубеж. Однако в случае с вертолетами для Венесуэлы главную роль играют политические отношения, в случае с самолетами для Ирана – эмбарго, наложенное на него США и Евросоюзом. Иран не имеет права покупать самолеты, если они состоят более чем на 10% из комплектующих деталей европейского или американского производства. В связи с этим иранские авиакомпании используют устаревшие модели самолетов, в том числе российского производства[8]. Даже в ОПК «фондовооруженность работников в 2-3 раза ниже, производительность труда ниже, чем в развитых странах в 5-10 раз»[9].

В результате Россия все меньше экспортирует оборудования и все больше сырья. За 1995-2009 гг. доля минеральных продуктов в экспорте возросла с 42,5% до 70,2%, а доля машин и оборудования в импорте – с 33,6% до 52,7. Даже в торговле с Китаем Россия играет ту же роль: покупает оборудование и продает сырье.

Россия импортирует 75% легковых автомо-

Гончаров Юрий Анатольевич – преподаватель кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

билей[10], 80% электроники[11], 93% деревообрабатывающих станков[12]. Программное обеспечение, видео и киноиндустрия – в лучшем случае бюджетное копирование западных аналогов, опять же для внутреннего рынка. Россия традиционно имела репутацию страны с сильной фундаментальной наукой, особенно в таких областях, как теоретическая физика, математика, науки о Земле, отдельные разделы химии. Данные области остаются ведущими и в настоящее время, однако позиции России даже в этих сферах исследований постоянно ухудшаются[13]. О каком технологическом лидерстве идет речь?

Российская модель экономики характеризуется следующими чертами: экспорт сырья, импорт оборудования, слабая конкуренция между производителями, давление государства, которое поддерживает неэффективные производства, коррупция (которая опять же поддерживает неэффективные производства). Государство играет роль стабилизатора такой системы, о чем сказано в обращении Президента. «Широко распространённые в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство»[14]. Может ли модернизация быть проведена по указке? Само наличие проблем не означает автоматически желание всех членов общества эти проблемы решать. Не означает необходимых предпосылок для выхода из тупика развития. Такая трактовка похожа на реформы Петра Первого: раз все плохо, надо улучшать. А если кто проявляет недостаточный энтузиазм, посадить на кол. Но, как и говорит Президент, задачу нужно решать демократическим путем, иначе мы просто поддерживаем существование патерналистской системы. Многие ли заинтересованы в модернизации? Экспортеры сырья? Защищенные пошлинами отечественные производители – собиратели машин из импортных деталей? Чиновники, получающие «откаты» за распределение госзаказов? Коррумпированные бизнесмены, предпочитающие дать взятку повышению конкурентоспособности? По мнению В.Л. Иноземцева, «в России отсутствует воля к переменам. Это обусловлено тем, что современная российская элита самый крупный бенефициант отката к сырьевой модели экономики»[15].

Складывается впечатление, что правительство излишне оптимистически оценивает ситуацию. Рассмотрим Концепцию развития до 2020 года. Планируется **одновременно**:

— выход российской экономики на траекторию долгосрочного устойчивого роста со средним темпом около 106,4 - 106,5 процента в год.
— снижение инфляции до 3 - 3,5 процента в год;
— превращение России в один из мировых финансовых центров, обеспечение лидирующих позиций на финансовых рынках евразийского пространства;
— рост реальных располагаемых доходов населения ;
— 164 - 172 процента;
— рост инвестиций в основной капитал - 215 - 223 процента;
— снижение уровня общей безработицы с 6 до 2 - 3 процентов.
— увеличение строительства автомобильных дорог федерального, регионального и межмуниципального значения в 2020 году в 3,2 раза (до 8 тыс. км в год) по сравнению с 2007 годом;
— повышение доли России в мировой экономике с 3,2 процента мирового валового внутреннего продукта в 2007 году (по паритету покупательной способности) до 3,8 процента в 2015 году и 4,3 процента в 2020 году;
— увеличение экспорта машиностроительной продукции более чем в 6 раз (до 110 - 130 млрд. долларов США) по сравнению с 2007 годом;
— увеличение доли России на рынках высокотехнологичных товаров и услуг до уровня не ниже 5 - 10 процентов по 5 - 7 крупным позициям[16].

Неясно, за счет чего будет достигаться этот рост. Не много ли противоречивых целей, таких как одновременное снижение инфляции и безработицы? Нелишне отметить, что предшествующая Стратегия-2010 оказалась не вполне успешной. «Если оценивать реализацию мер Стратегии—2010, то общий ее уровень составляет примерно 36%»[17].

Итак, мы определили, что в широком смысле модернизация есть прежде всего повышение конкурентоспособности путем внедрения новых технологий. «Применительно к промышленности формула модернизации выглядит так: реиндустриализация на основе инноваций и хайтека, диверсификация на основе повышения доли наукоемких отраслей в структуре производства и экспорта»[18]. В статье Д.А. Медведева дается более узкая трактовка. «Во-первых, мы станем одной из лидирующих стран по эффективности производства, транспортировки и использования энергии. Разработаем и выведем на внутренние и внешние рынки новые виды топлива. Во-вторых, сохраним и поднимем на новый качественный уровень ядерные технологии. В-третьих, российские специалисты будут совершенствовать информационные технологии, добьются серьёзного влияния на процессы развития глобальных общедоступных информационных сетей, используя суперкомпьютеры и другую необходимую материальную базу. В-четвёртых, мы будем располагать собственной наземной и космической инфраструктурой передачи всех видов информации. В-пятых, Россия займёт передовые позиции в производстве отдельных видов медицинского оборудования»[19].

К сожалению, выполнение этих задач не потребует роста конкурентной среды и эффективности: их можно решить и другим путем: госзаказами и производством силами государства. Модернизация необходима, но необходима мо-

дернизация осознанная и мотивированная снизу. Более того, модернизация должна начаться с решения базовых проблем: подавления коррупции, сокращения чиновничьего аппарата, уменьшения количества всяческих разрешений и бумаг, создающих питательную среду для коррупции.

Необходимо улучшение условий конкуренции хотя бы в некоторых производствах, которые бы производили отечественную технологическую продукцию, пользующуюся спросом сначала на внутреннем рынке, а затем на мировом. Популярную в силу соотношения «цена-качество», а не за счет государственного кредитования или ограничения импорта. Нельзя снимать сливки, не имея молока. Только нанеся решительный удар по неэффективности и коррупции, можно будет перейти к более сложным задачам.

Y. Goncharov. Systemic problems of modernization

Summary: *Russia is an exporter of resources and importer of equipment in trade both with the European Union and with China. The basic problems, according to the author, are corruption, lack of technology and weakness of human capital. However it is not enough to admit Russia's backwardness if neither manufacturers nor officials are truly interested in reform. State officials must concentrate on solving these issues before speaking about surpassing developed countries in matters of technology.*

Ключевые слова

модернизация, концепция социально-экономического развития России на период до 2020 года, экспорт, импорт, патернализм

Keywords

modernization, The Concept of social and economic development till the year 2020, exports, imports, paternalism

Примечания

1. Медведев Д.А. Россия, вперед! / http://www.kremlin.ru/news/5413.
2. Шувалов И. Россия на пути модернизации // Экономическая политика. 2010. № 1.
3. http://www.bls.gov/news.release/wkyeng.nr0.htm
4. http://www.cig-bc.ru/library/74190/93453
5. http://www.regnum.ru/news/1033281.html
6. Гельбрас В. Миграции китайского крестьянства // Вопросы экономики. 2005. № 7.
7. http://www.dp.ru/a/2010/03/19/Srednjaja_zarplata_v_RF_pre
8. http://delo.ua/biznes/kompanii/iran-oboshel-embargo-s-pomocshju-110550.
9. Модернизация российской экономики: структурный потенциал / Отв. ред. – Н.И. Иванова, науч. рук. – Ю.В. Куренков. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 130.
10. http://www.automag.vrn.ru/08_17/0.html
11. http://ecoportal.ru/getresearchlist.php?h=ecoportal.ru&id=346
12. http://market.babr.ru/mark/getresearch.php?id=3405&h=babr.ru
13. Дежина И. Меняющиеся приоритеты международного научно-технологического сотрудничества России // Экономическая политика. 2010. № 5. С. 143-156.
14. Медведев Д.А. Россия, вперед! / http://www.kremlin.ru/news/5413.
15. Иноземцев В.Л. Модернизация России в контексте глобализации. Современные проблемы развития. Материалы теоретического семинара в ИМЭМО РАН. Отв. ред.– д.и.н. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 227.
16. http://www.youngscience.ru/753/820/978/index.shtml
17. М. Дмитриев, А. Юртаев. Стратегия—2010: итоги реализации 10 лет спустя // Экономическая политика. 2010. № 3. С. 107-115.
18. Модернизация российской экономики: структурный потенциал / Отв. ред. – Н.И. Иванова, науч. рук. – Ю.В. Куренков. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 5.
19. Медведев Д.А. Россия, вперед! / http://www.kremlin.ru/news/5413.

Интеллектуальное предпринимательство как процедура открытия

А.В. Пономарев

В данной статье рассматривается теория предпринимательства, предложенная современной австрийской школой экономической мысли. Созидательный рыночный процесс трактуется ею как основной источник благосостояния общества. В теории особо подчёркивается, что интеллектуальное предпринимательство невозможно при рассогласовании стимулов у предпринимателей. Нарушения координации планов предпринимателей во многом бывают вызваны иллюзиями правительственной политики.

Австрийская экономическая школа прочно укоренилась в сознании представителей научного сообщества как альтернативное течение в теории современного общественного развития. В настоящее время этот подход распространён не только в Европе и США, крупных центрах экономической мысли, но и во многих других странах. Очередной кризис экономической науки, наступивший уже в конце XX в., предопределил возрастание влияния именно данной школы на теоретические выводы учёных и на решения представителей экономической и юридической практики.

На рубеже тысячелетий доминирование основного направления (mainstream) постепенно начинает ослабевать по методологическим причинам. В частности, неоклассическая теория капитала и предпринимательства, основанная на использовании физико-математических методов, оказалась непригодной для объяснения процессов в реальной экономической практике.

Постулаты австрийской теории экономического цикла, основанные на теории капитала и процента представителя второго поколения «австрийцев» Ойгена фон Бём-Баверка, приобрели новую силу после краха кейнсианской модели государственного регулирования в 1970-1980 гг.

Сокрушительный провал социалистической модели экономического планирования в 1990-е гг. был теоретически предсказан в работах австрийской школы (известная теорема невозможности социализма) уже на заре глобального эксперимента большевиков. Очевидно, что по указанным выше причинам вклад австрийской школы в объяснение современных процессов общественного развития начинает признаваться всеми стратами и поколениями научного мира экономистов. В современном развитии австрийской школы на основе достижений основателей (К. Менгер, Л. фон Мизес, Ф.А. фон Хайек) принимали и принимают участие, прежде всего, ученые из американских и европейских университетов[1].

Настоящая работа посвящена теоретическому анализу предпринимательства в развитии рыночных отношений. Первоначально обратимся к определению понятия «предпринимательство». Согласно воззрениям австрийской экономической школы, предпринимательство в целом совпадает с человеческой деятельностью. Каждый индивид стремится реализовать определенные цели, от которых его отделяет определённый отрезок времени. Смысл предпринимательства состоит в процедуре открытия человеком своих скрытых возможностей для достижения целей и использование этих возможностей для получения выгоды. Израэль Кирцнер, современный представитель австрийской школы, ученик Л. фон Мизеса, связывает проявление предпринимательских способностей с наличием у человека особого качества – бдительности (alertness).

Данное качество помогает человеку воспринимать то, что происходит в окружающей общественной среде и эффективно решать проблему выбора таких способов действия с учетом данных средств, которые обеспечат достижение

Пономарев Александр Валерьевич – к.э.н., старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

по возможности наибольшего количества его целей (в порядке их значимости).[2] Любой акт предпринимательства создает новое знание, которое постепенно распространяется по рынку. Предпринимательство связано с координацией поведения людей и представляет собой процесс обучения (концепция Ф.А. фон Хайека). В данном процессе наиважнейшим элементом предпринимательства является творчество: «созидательным является только человеческий ум, направляющий деятельность и производство»[3].

Предприниматель, по Кирцнеру, – это человек, который не столько знает состояние рынка (что, как и для кого производить), сколько обладает исключительным знанием о том, где надо искать рыночную информацию. На основе достижений предшественников испанский экономист, современный представитель австрийской школы Хесус Уэрта де Сото выделяет основные черты предпринимательского знания:

— ***Практичность.*** Предпринимательское знание приобретается в ходе осуществления человеческой деятельности и не может быть получено на основе знакомства с экономической наукой.
— ***Эксклюзивность и рассеянность.*** Каждый человек ставит перед собой уникальные цели, соответствующие его собственному видению мира. Каждый в отдельности предприниматель обладает лишь небольшим объемом всего знания в обществе. Ни один государственный орган не может получить доступ ко всему объёму информации, рассеянной в обществе. К анализу эксклюзивности предпринимательского знания применительно к современной рецессии в мировой экономике добавим, что при регулировании экономического цикла посредством денежной политики (денежная накачка) и при осуществлении государственных инвестиций (например, активная структурная политика с определением стратегических отраслей) вносится лишь рассогласованность в действия предпринимателей. Государственный интервенционизм, особенно в США и Китае, неизбежно обернётся в среднесрочной перспективе большим объёмом бессмысленных инвестиций (malinvestments) со стороны предпринимателей.
— ***Неартикулируемость предпринимательского знания***. Информация, принимаемая во внимание предпринимателем, не может быть передана непосредственно от человека к человеку. Данные знания могут быть добыты человеком лишь в ходе самостоятельной предпринимательской деятельности по решению прикладных задач. На наш взгляд, экономический прогресс невозможен без неявного предпринимательского знания, которое имплицитно содержится в индивидуальном опыте предпринимателей – в их творческом процессе спонтанной координации. Неартикулируемое знание не излагается в учебниках и государственных программах экономического развития, его нельзя обнаружить в научных исследованиях, оно передается в ходе непосредственных контактов предпринимателей.

Справедливости ради отметим, что концепция неартикулируемого знания применительно к научным исследованиям была выдвинута американским учёным Майклом Полани в качестве альтернативы основным теориям познания (эмпиризм, марксизм), полностью исключавшим наличие имплицитных форм знания. В работах представителей австрийской школы неартикулируемость знания прилагается к анализу действий предпринимателей.

Австрийская школа особенно подчёркивает то, что предприниматель всегда настроен на конкуренцию[4]. Если оценивать нереалистичный подход неоклассической школы к анализу поведения фирмы, то можно обнаружить, что в неоклассической микроэкономике предприниматель и частный интерес всегда нацелен на получение монопольного положения в отрасли, и поэтому необходима активная антимонопольная практика государственного регулирования. Австрийцы же подчёркивают, что процесс предпринимательского поиска и реализации возможностей для достижения целей никогда не исчерпается, так как каждый акт координации меняет существующее положение вещей – восприятие различных целей и средств у участников рыночного процесса.[5] В условиях соперничества предприниматели выполняют очень важную роль в обществе – осуществляют координацию рыночного процесса, спасая рыночный механизм от хаотических, несогласованных колебаний, вносимых государственным интервенционизмом.

Одна из причин неравновесия на рынке – это незнание и упущенные возможности. Взаимодействие между предпринимателями может быть обеспечено, если у всех есть равные возможности узнать, что лучше и выгоднее предпринимать для достижения поставленных целей. Приобретая эксклюзивные практические знания, люди могут изменять свои ожидания и координировать свое поведение в соответствии с другими участниками рыночного процесса, обеспечивая равновесную ситуацию на рынке и экономическое развитие.

Основное внимание в австрийской теории предпринимательства уделяется не субъекту, а ситуации неопределённости. Если созданы все условия свободы для занятия предпринимательством и отсутствуют ограничения, то эксклюзивная информация и знания, которыми обладает предприниматель, бесконечно распространяются в обществе. Важен предпринимательский климат, который порождает стремление людей находить полезную информацию в условиях соперничества, или конкуренции. Не нужно стремиться помочь предпринимателям справиться с

гигантским объемом рассеянной информации, и организовывать передачу информации, динамический процесс соперничества автоматически обеспечит ситуацию равновесия.

Современные исследователи всё чаще используют термин «интеллектуальное предпринимательство». Например, американский профессор А.Р. Червитц[6] при исследовании американской системы образования указывает, что создание материального богатства представляет собой лишь одно из частных проявлений предпринимательства. По его словам, интеллект не ограничен академической научной школой, а предпринимательство – это не бизнес, это установка на овладение миром. Червитц подчеркивает универсальность предлагаемой концепции интеллектуального предпринимательства, утверждая, что интеллектуальным предпринимателем может быть бизнесмен, ученый, студент, художник, музыкант и т.д.

Современные исследователи всё чаще используют термин «интеллектуальное предпринимательство». Например, американский профессор А.Р. Червитц при исследовании американской системы образования указывает, что создание материального богатства представляет собой лишь одно из частных проявлений предпринимательства. По его словам, интеллект не ограничен академической научной школой, а предпринимательство – это не бизнес, это установка на овладение миром. Червитц подчеркивает универсальность предлагаемой концепции интеллектуального предпринимательства, утверждая, что интеллектуальным предпринимателем может быть бизнесмен, ученый, студент, художник, музыкант и т.д.

A. Ponomarev. Intellectual entrepreneurship as a discovery process

Summary: *The theory of entrepreneurship designed by a group of modern Austrian economists is examined in this article. Creative market activity is considered as a key source of social welfare. Intellectual entrepreneurship is impaired when entrepreneurs' incentives are distorted. Intertemporal miscoordination is mainly caused by the government policy illusions.*

Ключевые слова

австрийская школа, предпринимательство, интеллектуальное предпринимательство, межвременное рассогласование, бессмысленные инвестиции, инвестиции, государственная политика.

Keywords

the Austrian school, intellectual enterpreneurship, intertemporal miscoordination, malinvestments, investments, government policy.

Примечания

1. См. подробнее: Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2009. С. 147-156.
2. См.: Kirzner M. Israel. Entrepreneurial Discovery and the Competitive Market Process: An Austrian Approach // Journal of Economic Literature. Vol. XXXV (March 1997). P. 60-85
3. Уэрта де Сото Х. Указ. соч. С. 106.
4. Уэрта де Сото Х. Указ. соч. С. 38
5. Kirzner M. Israel. Market Theory and The Price System. Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1963 P.283-286.
6. Cherwitz A.R., Sullivan Ch.A. Intellectual Entrepreneurship. A vision for graduate education / Change. November/December 2002. https://webspace.utexas.edu/cherwitz/www/ie/articles.html

Макроэкономические проблемы модернизации в России

М.Н. Тепловодский

В статье изложены макроэкономические проблемы модернизации. Необходимо повысить производительность труда, провести административную реформу и реорганизацию государственных корпораций, привязать рост реальной заработной платы к темпам роста отраслей промышленности. Кроме поддержки новых инновационных проектов, государство должно и дальше реализовывать уже существующие, на основе конкурентоспособности.

Объявленная Президентом России Д.А.Медведевым модернизация совпала с 25-летием перестройки, предпринятой М.С.Горбачевым и 45-летием реформ А.Н. Косыгина. Смысл всех советских и современных реформ состоял и состоит в реформирование экономики, повышение производительности труда, переход на интенсивный путь развития с целью повышения благосостояния всех членов общества. Однако, в 60-70 годы прошлого столетия были открыты месторождения нефти и газа в Западной Сибири, демографическая ситуация позволяла на рубеже 60 и 70-ых привлечь дополнительные трудовые ресурсы, тем самым экономика СССР продолжала развиваться по экстенсивному сценарию.

Именно тогда сформировался перекос в структуре внешней торговли, доля энергоресурсов и сырья в советском экспорте увеличилась в четыре раза, а доля продукции обрабатывающей промышленности уменьшилась с 20,7% до 12,5%, да и то основную долю в данном экспорте занимала продукция предприятий военно-промышленного комплекса. Именно тогда в советской экономике проявились первые признаки, присущие «голландской болезни». В 80 – ые годы из-за сложившейся неблагоприятной конъюнктуры на мировых нефтяных рынках экономическая ситуация ухудшилась, денежный поток от экспорта нефтепродуктов резко сократился. Эти и другие негативные факторы послужили началом перестройки 80-ых, которая провозгласила ускорение социально-экономического развития страны, выражающегося в росте национального дохода. Предполагался экономический рост за счет увеличения добычи нефти, газа и сырья на 15%, трудовых ресурсов - на 2 млн. человек и инвестиций – на 30-40 %.

Указанное увеличение факторов говорит о том, что экономика должна была развиваться по экстенсивному пути развития, то есть экономический рост обеспечивался за счет дополнительного, количественного, а не качественного использования факторов производства. Качественный рост в первую очередь обеспечивался за счет роста производительности труда, а с этим в экономике Советского Союза были огромные проблемы, о чем свидетельствуют приведенные данные[1].

С 1951 по 1960 г. темпы прироста производительности труда в промышленности СССР составляли в среднем 7,3% в год, с 1961 по 1970 г. — 5,6%, а с 1971 по 1975 г. — 6%. Становится ясным, что для сохранения достигнутого недостаточно было 6% прироста производительности труда в год. Если использовать правило «70», то необходимо как минимум 7 % ее прироста при условии, что в вышеназванных

Тепловодский Михаил Николаевич - старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

странах прирост оставался на прежнем уровне. А ведь оставалось еще и сельское хозяйство, где советская производительность труда составляла примерно 25% от уровня США.[3]

Таблица 1

Производительность труда в промышленности СССР, США и других стран (США=100%) [2].

Год	1950	1960	1970	1975	1980	1988
США	100	100	100	100	100	100
Франция	47,7	57,0	75,7	75,7	93,3	85,0
Великобритания	38,5	38,7	37,6	37,7	42,1	65,3
ФРГ	30,9	41,4	52,6	55,9	65,9	80,8
СССР	менее 30	44,0	53,0	55,0	55,0	55,0
Япония	13,1	22,0	46,6	46,1	61,2	69,2

В современной российской экономике существует та же самая проблема, да и к тому же по сравнению с советской экономикой она усугубилась. Так, по исследованиям консалтинговой компании McKinsey производительность труда в России в период с 1999 по 2009 гг. выросла в 1,7 раза, с 18% до 26% от аналогичного показателя США. Наибольший рост производительности труда был в розничной торговле - с 15% до 31%[4]. В банковском секторе российский банковский служащий совершает 9000 операций в год, в Польше – 21000, в США- 60000, а в Финляндии -81000, т.е. в 9 раз эффективнее.[5] Огромный разрыв производительности существует и в тех отраслях, которые внесли наибольший вклад в экономический рост в 2000 годы: в жилищном строительстве всего 21% от уровня США, в металлургии – 33 % и т.д. В 2008 относительный рост производительности труда уменьшился с 7 % в 2007 г. до 5,2%, и происходит его дальнейшее снижение. А если рассматривать данный вопрос с точки зрения абсолютных показателей, то данные выглядят еще более удручающе. По производительности труда, рассчитываемый к ВВП, произведенный продукт среднестатистическим работником в год составил в России 15600 $, в США-63700 $, во Франции-54800 $, в Белоруссии-21500 $, а в Казахстане-18600 $[6]. В ближайшее время России вряд ли удастся преодолеть данное отставание. Однако, данное отставание необходимо постепенно ликвидировать: провести дезагрегирование показателей, влияющих на производительность труда по каждой отрасли промышленности, проанализировать их по отдельности и в совокупности, определить вес каждого фактора и его значение для дальнейшего роста.

А экономический рост в этот период, как и ранее, зависел не от роста производительности труда, а от конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей, о чем и говорят данные, рассчитанные ИЭПП. Приведенные в таблице 2 данные показывают, что до 2004 г. экономический рост базировался не только на основе конъюнктурных изменений на рынке нефти, а еще и на структурных преобразованиях, связанных с эффектом девальвации 1998 года, с дополнительным притоком инвестиций в основной капитал, то есть наблюдался эффект восстановительного роста. Но начиная уже с 2005 г., когда цена на нефть увеличилась с 33,1 до 54,4 $ за баррель ситуация резко меняется (таблица 2). Устойчивый экономический рост объясняется теперь конъюнктурными факторами, и в первую очередь ростом мировых цен на энергоносители. С увеличением притока денежных доходов от экспорта энергоносителей увеличивался так же и платежеспособный спрос населения, выраженный в тот момент через повышение реальной заработной платы, улучшение розничного и ипотечного кредитования. В тот момент также проявилась прямая зависимость между ростом цен на нефть и ростом цен на рынке жилищного строительства.

Таблица 2[7]

Темпы роста ВВП и их конъюнктурные и структурные составляющие

	Фактический рост,%	Структурный рост ВВП,%	Нефть, конъюнктурный рост ,%	Другие факторы конъюнктурного роста,%
2000	10,0	4,9	2,8	2,3
2001	5,1	3,4	1,0	0,7
2002	4,7	3,7	1,0	0,1
2003	7,3	4,2	1,6	1,6
2004	7,2	4,3	2,7	0,3
2005	6,4	0,9	5,0	0,6
2006	7,4	1,0	5,6	0,8
2007	8,1	1,8	5,7	0,6

Следующая проблема, связанная с низкой производительностью труда, это его отставание от увеличения реальной оплаты труда, которая за предыдущий период времени выросла на 12-16%. Это происходит по многим причинам, в том числе и из-за того, что государство в России является крупнейшим работодателем. По данным Росстата, численность работников государственных органов и органов местного

самоуправления на 1000 человек занятых в экономике увеличилась за десять лет с 18 человек в 1999 г. до 24 в 2008 г.

Кроме того, произошло не только увеличение до 30% от общей численности занятых в экономике, работающих в госучреждениях и на государственных предприятиях, но выросли и заработные платы бюджетников в 2,65 раза, жалования военных, силовиков и госслужащих – в 2,8 раза. Так, уровень средней заработной платы государственных служащих составлял в среднем более 30 тыс. рублей, на предприятиях малого бизнеса – 18,8 тыс. рублей и среднего – 21,2 тыс. рублей[8].

Из-за дисбаланса между ростом производительности труда и реальной заработной платы экономический рост в России сопровождался высокой инфляцией, в среднем более 10%, а снижение инфляции до 9% в 2009г. является не заслугой макроэкономической политики государства, а результатом снижения совокупного спроса со стороны населения. Произошли изменения в структуре использования денежных доходов населения. Домашние хозяйства в основном тратят свои доходы на повседневные товары, они руководствуются рациональностью и экономностью. Увеличивалась доля обязательных платежей и сборов, которые, в конечном счете, идут в бюджет государства.

Также произошли изменения в структуре сбережений и наличия денег на руках населения. Сбережения в 2008 г. составили 5,8% от располагаемых доходов населения (в 2006 и 2007 более 10%). Покупка населением валюты за аналогичный период выросла с 5.2% до 7,8%[9]. Данные Росстата показывают (таблица 3), что население в 2008 г. отреагировало на финансовый кризис, изменив структуру сбережений и не поверило заявлению Правительства России, что «Россия в условиях мирового финансового кризиса является тихой гаванью». Последний всплеск покупательной способности населения был зарегистрирован в августе-сентябре 2009 г., и это тоже не заслуга макроэкономической политики государства, а сезонные колебания, связанные с началом нового учебного года и окончания отпускного периода.

Для ликвидации дисбаланса, связанного с необоснованным ростом реальной заработной платы необходимо провести административную реформу, уменьшить количество занятых в государственных учреждениях и предприятиях. Развивать частную инициативу, поддерживать малый и средний бизнес, что позволит увеличить занятость на предприятиях малого и среднего бизнеса, который показал свою жизнеспособность в период финансового кризиса. \

Таблица 3[10]

Структура распределения доходов населения

	2005	2006	2007	2008
Всего денежных доходов, в процентах	100	100	100	100
в том числе:				
покупка товаров и оплата услуг	69.5	69.0	69.6	73.2
обязательные платежи и разнообразные взносы	10.1	10.5	11.8	13.0
сбережения	10.4	10.3	9.6	5.8
покупка валюты	8.5	6.8	5.2	7.8
Прирост (уменьшение) денег на руках у населения	1.5	3.4	3.8	0.2

Так, только в Москве на предприятиях малого бизнеса занято 2.6 млн. человек, а их оборот составил 4522,8 млрд. рублей на 1 января 2009 г.[11] Рост зарплат необходимо привязать к темпам развития ключевых отраслей промышленности.

Следующим совпадением реформ 80-ых прошлого столетия и 2000-ых является создание новых форм хозяйствующих в экономике субъектов с государственной собственностью. В 80-ые годы создавались концерны и корпорации, например Газпром, а в 2000-ые - государственные корпорации в виде некоммерческих партнерств, сейчас создано и действует семь корпораций. Для создания каждой корпорации принимались отдельные федеральные законы, финансируются они из государственного бюджета, в том числе и заработные платы их сотрудников. Так, руководитель государственной корпорации «Роснано» заработал почти 13,2 млн. рублей, более 1 млн. рублей в месяц[12]. Не отстают от «Роснано» и другие госкорпорации, правда, уже существуют предложения об установлении для них верхней границы уровня заработной платы. А какой экономический эффект принесли они государству и как его измерить? Недаром Президент России Д.А. Медведев предлагает их реформировать, сначала через акционирование, а затем акции продать на фондовом рынке. Единственно, что хотелось бы в этой связи отметить, это чтобы руководство и сотрудники данных государственных корпораций были лишены права на опционы при выкупе акций. Преобразование государственных корпораций позволит повысить прозрачность в использование ими бюджетных денег, создать условия для развития частной инициативы и повысить конкурентоспособность отраслей промышленности.

В последнее десятилетие наблюдалось «шараханье» в выборе базовой отрасли промышленности, которая наряду с нефте- и газодобычей

могла бы стать локомотивом экономического роста. Так, в 2006 году во время подготовки к саммиту G-8 была выдвинута программа энергетической безопасности для всех стран мира. Россия заявила, что, наряду с добычей и поставкой на экспорт энергоресурсов, собиралась сконцентрироваться на ускоренном развитии энергетического машиностроения, строительства различных генерирующих мощностей для дополнительного производства энергии. Это является жизненно необходимым, так как почти 40% российских теплоэлектростанций старше 40 лет, в США - таких 28%, в Японии-12%, в Китае-3%[13].

2007-2008 годы стали временем развития автопрома. К сожалению, это развитие вновь основывалось на государственном финансировании и протекционистских мерах поддержки, что наблюдалось неоднократно и ранее. Но современный кризис в этой связи обострил еще и старую проблему, которая не была решена ни в 90-ые, ни в 2000-ые годы, - моногородов и градообразующих предприятий. Правительство обратило на это внимание лишь тогда, когда это коснулось города-автозавода Тольятти. И здесь, как и всегда, было принято только решение об усилении протекционистских мер по защите отечественного автопрома и разработке очередных программ по созданию эффективного производства отечественного автомобиля. А в чем же тогда заключалась деятельность госкорпорации «Ростехнологии»? Лишь в обладании собственностью и привлечении стратегического инвестора?

В 2008 г. было заявлено о четырех «И» на Красноярском форуме и пятом «И» - на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Можно сказать, что высшим руководством страны было принято решение о развитие «институтов, инфраструктуры, инноваций, инвестиций» и «интеллекта». Главное из этих «И» - это интеллект. За последние десятилетия в России полностью разрушена система подготовки и переподготовки кадров, особенно инженерных и рабочих специальностей. Эти профессии стали не престижными. Решить эту проблему за счет миграционной политики не удалось. Так, планировалось привлечь из других стран 300 тысяч соотечественников, но приехало всего 10 тыс. человек.

А развитие инфраструктуры? Это дальнейшее развитие финансового и фондового рынков, дорожной сети и ЖКХ, и т.д. А малый и средний бизнес? Он не потребовал сотен миллиардов рублей для своего спасения во время кризиса, как крупный спасал себя за счет огромных государственных финансовых вливаний. Правовая поддержка малого бизнеса, в том числе и призыв «прекратить кошмарить малый бизнес», финансовые вливания из федерального бюджета в размере 40 млрд. рублей и дотации и субсидии из региональных и местных бюджетов помогли в 2009 г. выстоять малому и среднему бизнесу. В этой сфере не снизилось количество занятых. Средняя сумма оборота на одно малое предприятие в Москве увеличилась в третьем квартале 2009 г. на 6,5% в номинальных ценах[14].

Планы правительства России уменьшить государственную поддержку отраслям инфраструктуры необходимо пересмотреть. Не следует забывать в этой связи, что еще со времен Великой депрессии в США известно, что поддержка предприятий инфраструктуры дает мультипликационный эффект для других отраслей и в конечном итоге приводит к росту национального дохода.

Идея инноваций витает в воздухе с марта 2008 г. Создана госкорпорация «Роснано». Созданы технопарки в Обнинске, Дубне и Зеленограде. Сейчас провозглашена модернизация, в основе которой лежат инновации и их коммерческое применение. Уже создана и действует правительственная комиссия по модернизации, по результатам заседания которой президент России Д.А. Медведев подписал шесть поручений. В этих поручениях говорится о необходимости разработки правового режима «территориально обособленного комплекса для развития исследований и разработок и коммерциализации их результатов». Речь идет о создании иннограда в Сколково, в котором будет специальный налоговый режим и таможенно-тарифное регулирование, особый миграционный режим и другие преференции, в том числе и выделение из федерального бюджета 4,6 млрд. рублей.

Поручение президента касается и повышения энергоэффективности топливно-энергетического комплекса (возвращение к программам 2006 г.). Кроме этого, правительство России выделяет дополнительные финансовые ресурсы в размере более 1 млрд. рублей на развитие иннограда в Новосибирске, аналогично Сколковскому проекту. А как же быть с уже существующими особыми экономическими зонами и крупными технопарками, которые так же созданы на основе решений правительства России и их развитие связано с предоставлением государственных преференций, в том числе и финансовых и правовых? Или указанные зоны и технопарки выполнили поставленные перед ними задачи, если федеральное агентство по развитию ОЭЗ уже ликвидировано? А какой конечный продукт будет произведен в Сколково, на который уже существует спрос? Или инновационные разработки позволят повысить производительность труда и в каких отраслях промышленности? Или

в этой зоне все разработки останутся на уровне НИОКР, без соответствующего спроса на них и соответственно без их коммерциализации? Не превратиться ли этот проект в организацию нового научно-исследовательского центра, с участием западной научной мысли и менеджмента, а как же быть с «Роснано»? Государственные деньги в очередной раз будут с легкостью выброшены на ветер?

Приведенные выше сопоставления государственных программ модернизации экономики показывают, что цели и задачи, обозначенные в них, повторяются, да и инструменты, применяемые для их реализации, основаны в большей мере на государственной финансовой поддержке. Не надо надеяться на то, что новые программные заявления быстро решат существующие макроэкономические проблемы, тем более, приведенные выше факты показывают, что они в российской экономике передаются по наследству, из десятилетия в десятилетие. Кроме поддержки новых проектов, необходимо на основе принципа рыночной конкурентоспособности, продолжать реализацию уже существующих, таких как ОЭЗ, технопарки и бизнес-инкубаторы, поддерживать малый и средний бизнес. Помимо увеличения государственных расходов необходимо применять и другие инструменты налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, как по отдельности, так и совместно:

— кредитование на рыночных и на льготных условиях;
— доступность к финансовым ресурсам для госкорпораций и для частного бизнеса;
— снижение налоговой нагрузки и предоставление инновационным предприятиям специального налогового режима, а не только для иннограда в Сколково, и т.д.

Программные заявления руководства России не должны остаться только очередными политическими заявлениями, их надо реализовывать взвешенно и экономически обоснованно на основе рыночных принципов.

Teplovodsky M. Macroeconomic issues of modernization in Russia.

Summary: *The article describes the macroeconomic problems of modernization. It is necessary to increase productivity, to carry out an administrative reform and reorganization of state corporations, to tie the growth of real wages to the growth of industries. In addition to supporting new innovative projects, the government should continue to implement existing ones, based on competitiveness*

Ключевые слова

модернизация, производительность труда, инновации.

Keywords

modernization, labor productivity, innovations.

Примечания

1. Герасимов И.М., Попов М.В. Противоречия развития социализма и реставрация капитализма в СССР// www.rpw.ru/public/prot_soc.html
2. Там же.
3. Там же.
4. www.rbcdaily.ru/print.shtml?2009/04/08/focus/409505.
5. Секретное оружие // Ведомости. 14.04.2009г. №66 (2336).
6. Свобода от труда // Ведомости. 15.04.2010г. №67 (2585).
7. Казакова М., Синельников-Мурылев С. Сырьевая зависимость: Из чего состоит рост // Ведомости. 23.12.2009г. №243(2513).
8. Данные Росстата / www.gks.ru/wps/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages.
9. Данные Росстата / www.gks.ru/wps/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level.
10. Данные Росстата / www.gks.ru/wps/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level.
11. Столичный бизнес в цифрах и фактах / www.dmpmos.ru, www.giac.ru/content/document.
12. www.vedomosti.ru/newspaper/print/2010/05/12/233943.
13. www.vedomosti.ru/newspaper/print.shtml/2009/04/22/192438.
14. Столичный бизнес в цифрах и фактах / www.dmpmos.ru, www.giac.ru/content/document.

Банковская система и модернизация российской экономики

М.И. Столбов

В статье анализируются стратегические и тактические вызовы для российской банковской системы. Главное препятствие на пути её модернизации состоит в отсутствии широкой общественной коалиции в поддержку этого процесса. Без создания такой коалиции решение тактических задач – укрупнение кредитных организаций и повышение их финансовой устойчивости – крайне маловероятно.

Теоретический анализ модернизации весьма затруднён. Сам термин "модернизация" не имеет строгого определения, общепринятого в социальных науках. Кроме того, объективное изучение модернизационных процессов, очевидно, возможно только на основе междисциплинарного подхода. Наконец, исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой корректной идентификации субъектов и объектов модернизации, между которыми существуют интенсивные прямые и обратные связи. Банковская система, в частности, может рассматриваться как объект и субъект модернизации: успешное реформирование банковского сектора способно создать положительные экстерналии и тем самым катализировать модернизацию экономики в целом.

Проанализируем вызовы, стоящие перед российской банковской системой, преодоление которых позволит превратить её в значимый субъект модернизации отечественной экономики. Разделим эти вызовы на две группы – вызовы стратегического и тактического характера. Под модернизацией (банковской системы, экономики) будем понимать комплекс реформ, позволяющих существенно повысить национальную конкурентоспособность, определяемую по наиболее распространённым международным рейтингам и индексам (например, по семейству индексов Всемирного экономического форума и т.п.).

Стратегические вызовы. Условием эффективной модернизации считается наличие мощной коалиции (или коалиционных сетей) общественных сил, выступающих в поддержку этого процесса . Как ни парадоксально, выраженного перевеса сил у агентов модернизации банковской системы России по сравнению со сторонниками status quo не наблюдается, несмотря на регулярные экспертные дискуссии вокруг построения мирового финансового центра и поручения Президента РФ правительству по разработке конкретных мер в этом направлении.

Отсутствие целостной коалиции в поддержку реформирования банковской системы удобно проиллюстрировать следующей таблицей, отражающей интересы различных сторон в этом процессе (см. табл.):

Столбов Михаил Иосифович – к.э.н., старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Таблица

Заинтересованность различных субъектов экономической деятельности в модернизации банковской системы России

Субъект экономической деятельности	Позиция в отношении модернизации банковской системы России	Степень влияния на формирование коалиции
Федеральные органы власти (Президент, правительство, Федеральное собрание)	+	Высокая
Регулятор (Банк России)	+/–	Высокая
Банки с государственным участием в капитале	–	Высокая
Прочие банки	+/–	Средняя
Крупнейшие нефинансовые компании	–/+	Высокая
Прочие нефинансовые компании	+	Средняя
Домохозяйства	+	Незначительная

В таблице знаки "+" означает полную поддержку, "+/–" – поддержку в целом, "–" – неприятие, "–/+" – скорее неприятие, чем поддержка.

Безусловная поддержка модернизации банковской системы характерна для федеральных органов власти, малых и средних компаний нефинансового сектора и домохозяйств. Интересы инсайдеров банковской системы – Банка России, госбанков и прочих коммерческих банков – не столь однозначно артикулированы. Банки с государственным участием в капитале имеют все основания отстаивать status quo, который, по сути, тождественен принципу "too big to fail". В таких условиях несбалансированное привлечение фондирования из-за рубежа, просчёты в корпоративном управлении существенно не сказываются на рыночном положении госбанков и вознаграждении топ–менеджмента. Напротив, стимулирование конкуренции в банковском секторе в рамках модернизационного сценария чревато для этих кредитных организаций потерей "почти неуязвимого" положения. В условиях модернизации нынешнее поведение госбанков, которое справедливо охарактеризовать как моральный риск, негативно отразилось бы на их рыночных позициях.

Банк России фактически не проводит независимую политику. Это справедливо как в отношении денежно–кредитной политики, так и надзора за кредитными организациями. На него одновременно оказывается давление со стороны правительства и тех же госбанков, в результате чего Банк России зачастую выступает скорее в роли дипломата, нежели регулятора, имеющего и активно продвигающего собственную программу реформирования банковского сектора.

Двойственным является положение и иных участников рынка. Если динамично развивающиеся и достаточно крупные кредитные организации (входящие в первую сотню банков по величине активов, за исключением банков с госучастием в капитале) заинтересованы в реформировании сектора, то мелкие и средние банки, как и госбанки, видимо, предпочли бы status quo. Интенсификация конкуренции и сопряженный с ней рост рынка слияний и поглощений кредитных организаций напрямую угрожает сохранению бизнеса владельцев этих банков.

Важной силой, противодействующей модернизации банковской системы, но формально находящейся за её пределами, являются крупнейшие компании нефинансового сектора. Речь идёт о компаниях преимущественно сырьевой специализации, имеющих прямой доступ к международным рынкам капитала (через синдицированные кредиты и выпуск еврооблигаций). Для них внутренний кредит не является приоритетным способом привлечения внешнего финансирования: в лучшем случае они взаимодействуют с теми же госбанками. При этом для этих фирм также характерен моральный риск при осуществлении внешнего фондирования.

Качественный анализ значимости перечисленных сторон при формировании коалиции в поддержку модернизации банковской системы России приводит к неутешительному выводу: нынешняя расстановка сил не способна реально обеспечить реформирование этого сектора. Консолидации федеральных органов, малого и среднего бизнеса и домохозяйств не достаточно; их инициативы являются внешними по отношению к банковской системе и нейтрализуются госбанками и крупнейшими нефинансовыми компаниями.

Соответственно, первый и главный вызов модернизации банковского сектора – создание большего числа совместимых стимулов для экономических субъектов, которые позволили бы привлечь в лагерь сторонников модернизационного сценария новых влиятельных игроков. В этом смысле представляется полезной политика, направленная на сбалансированное сочетание типов рыночных структур в реальном и банковском секторах. Существующая в российской экономике дихотомия – олигополия в большинстве видов экономической деятельности, не связанных с финансами, против монополистической конкуренции[2] в банковском секторе – отдаляет крупнейшие нефинансовые предприятия от сторонников модернизации банковского сектора.

Олигополистические рынки в реальном секторе представлены крупными компаниями с соответствующими потребностями в кредитах. Монополистическая конкуренция обеспечивает выигрыш потребителей от разнообразия това-

ров и услуг (taste for variety), но не нацелена на достижение значительных масштабов бизнеса. Соответственно, банковский сектор, тяготеющий к такой рыночной структуре, неизбежно будет воспроизводить дефицит кредитных ресурсов, "выталкивая" крупные нефинансовые компании на международные рынки капитала. Гармонизация рыночных структур в банковском и реальном секторах экономики России – второй стратегический вызов в нашем перечне.

Тактические вызовы. Ответ на второй стратегический вызов должен, по нашему представлению, состоять в укрупнении российских кредитных организаций параллельно с сокращением их количества. Подобная "олигополизация" банковского сектора является вызовом тактического порядка. Можно ли утверждать, что рост концентрации в банковском секторе отвечает интересам российской экономики и способен ускорить модернизацию? Ответ не однозначен, если анализировать его воздействие по отдельным институциональным секторам – домохозяйствам, нефинансовым предприятиям. Тем не менее, есть основания полагать, что суммарный выигрыш превысит потери.

Такой вывод содержится в недавнем теоретическом исследовании, в котором анализируется "гибрид" олигополии и монополистической конкуренции с позиций общественного благосостояния. Обострение конкуренции при такой смешанной рыночной структуре ведёт к "вымыванию" с рынка фирм из "пояса" монополистических конкурентов. Но потери, связанные с сокращением выигрыша потребителей от разнообразия товаров и услуг, перекрываются за счёт ценового характера конкуренции крупных фирм с мелкими (индекс цен в отрасли, где имеет место такая конкуренция, будет сокращаться)[3].

Данная модель из теории отраслевых рынков содержательно близка к ситуации в российской банковской системе. Барьер входа в российский банковский сектор, связанный с требованием к минимальной величине собственного капитала кредитных организаций, является очень низким[4], что препятствует "олигополизации". Очевидно, требуется его пересмотреть в сторону повышения. Эта мера будет способствовать и ответу на второй тактический вызов – обеспечению финансовой устойчивости банковской системы России.

Наряду с ужесточением требования к минимальному размеру собственного капитала, целесообразно реализовать, среди прочего, следующие меры в области банковского надзора:

— ввести динамическое резервирование (dynamic provisioning);
— разработать регрессивную шкалу отнесения выплат кредитных организаций по долговым обязательствам на издержки.

Эти подходы следуют духу гипотезы финансовой нестабильности Х. Мински, позволяя отдалить переход банковской системы к спекулятивному режиму и Понци–финансированию[5]. Концепция динамического резервирования позволяет если не устранить полностью, то хотя бы сгладить проциклический эффект традиционного подхода к формированию банковских резервов под возможные потери по ссудам. В условиях повышательной фазы экономического цикла банки активно увеличивают кредитные портфели, зачастую недооценивая кредитный риск. Дополнительное резервирование под возможные потери по ссудам при этом не осуществляется. В фазе сжатия поведение кредитных организаций, напротив, становится резко консервативным. Соответственно, порой необоснованно жёсткими становятся условия получения и рефинансирования кредитов. Кроме того, банки опережающими темпами формируют резервы для компенсации потерь от волнообразного увеличения "плохих" долгов.

Эта практика негативно отражается на перспективах быстрого восстановления банковского сектора в посткризисный период, поскольку создание резервов обеспечивается за счёт текущей прибыли. Таким образом, в условиях экономического спада финансовые результаты кредитных организаций выглядят ещё хуже. Неизбежно более пессимистическими становятся при этом и ожидания инвесторов, использующих методы инвестиционной оценки перспектив банковского бизнеса. В этом суть традиционной схемы формирования резервов, которая, впрочем, бесполезна для сдерживания распространения финансовой нестабильности. Подобный подход к резервированию способен ещё более усугубить эффекты финансового акселератора, кредитного рационирования и финансового "заражения".

Динамический подход к формированию резервов по возможным потерям по ссудам предполагает их дополнительное аккумулирование в период роста экономики и использование в кризисный период. Это никак не сказывается на текущей прибыли банков. Соответственно, поддержание удовлетворительных финансовых результатов кредитных организаций создаёт предпосылки для большего оптимизма инвесторов и ускоряет выход из кризиса, прежде всего, за счёт быстрого восстановления кредитного рынка. Несмотря на "естественность" именно динамического подхода к начислению резервов для компенсации кредитного риска, он пока не получил широкого использования. Наиболее успешным считается опыт применения динамических резервов в Испании: по мнению экспертов, благодаря такому подходу удалось не допустить коллапса банковской системы этого государства в ходе кризиса 2008–2009 гг[6].

Также имеет смысл рассмотреть возможность внедрения в отношении кредитных организаций "регрессивной" шкалы отнесения долговых выплат на издержки: чем ниже отношение капитала к активам банков, тем меньший объём процентных платежей и платежей по основному долгу может включаться в издержки и, со-

ответственно, меньше экономия на налоговых платежах. Это вынудило бы банки заботиться о периодическом наращивании собственного капитала. Кроме того, подобная мера позволила бы увеличить ёмкость и ликвидность банковского сегмента отечественного фондового рынка, поскольку один из наиболее распространённых способов увеличения собственного капитала – осуществление первичного размещения акций. По нашему представлению, шкала отнесения долговых выплат на издержки не должна иметь слишком много разновидностей и изъятий. Недопустимо, чтобы льготы получили банки с государственным участием.

Перечисленные меры реагирования на тактический вызов по обеспечению устойчивости банковской системы России, разумеется, не представляют собой исчерпывающий перечень. Вместе с тем, они относятся к мерам "тонкой настройки" банковского надзора, и для научного дискурса по проблемам регулирования российского банковского сектора являются новыми.

Однако дать эффективные ответы на тактические вызовы, стоящие перед отечественной банковской системой, не достаточно. Предложенная система соподчинённых стратегических и тактических вызовов предполагает сначала формирование мощной общественной коалиции в поддержку модернизации банковской системы. Только при условии консенсуса по ответам на стратегические вызовы можно ожидать сдвигов в решении тактических задач. К сожалению, пока консенсус отсутствует. Об этом наиболее явно свидетельствуют сложности с принятием Стратегии развития банковского сектора на ближайшие годы.

Stolbov M. The banking system and the modernization of the Russian economy.

Summary: *Strategic and tactical challenges to the Russian banking system are analyzed in the article. The main obstacle impeding its modernization is the absence of a full–scale social coalition that would push this process. Resolving tactical issues such as making Russian banks bigger and financially sound is highly unlikely unless this coalition is formed.*

Ключевые слова

модернизация, банковская система, стратегические и тактические вызовы, коалиция, банковский надзор, динамическое резервирование

Keywords

modernization, banking system, strategic and tactical challenges, coalition, banking supervision, dynamic provisioning

Примечания

1. См., например, Коалиции для будущего. Стратегии развития России. "Коллектив экономистов "СИГМА". М: Промышленник России 2007.; Стратегии социально–экономического развития России: влияние кризиса. М: Институт современного развития, 2009.
2. Отметим, что определение типа рыночной структуры в банковском секторе России – сложная и сравнительно мало изученная проблема. Сошлёмся здесь на недавнее эконометрическое исследование этой проблемы, в котором обосновано тяготение банковского сектора к монополистической конкуренции, см. Мамонов М. Моделирование конкуренции в российском банковском секторе с использованием подхода Панзара–Роуза: теоретический и прикладной аспекты / Доклад на международной конференции "Ломоносов–2010" (www. http://www.forecast.ru/mainframe.asp). В то же время справедливо предположить, что конкуренция российских банков точнее характеризуется гибридной рыночной структурой, в которой выделяется олигополистическое "ядро" и многочисленный "пояс" из кредитных организаций – монополистических конкурентов.
3. Shimomura K., Thisse J.– F. Competition Among the Big and the Small // ECORE Discussion Paper № 75, 2009.
4. На постсоветском пространстве меньший размер собственного капитала банков предусмотрен только в Киргизской Республике. Минимальный размер собственного капитала в России почти в 5 раз меньше, чем в Казахстане. См. Структурная модернизация финансовой системы России. М: ИНСОР, 2010. С. 205.
5. Подробнее см. Столбов М. Гипотеза финансовой нестабильности Хаймана Мински и экономический кризис в России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3.
6. Saurina J. Dynamic Provisioning. The Experience of Spain / The World Bank Group Financial and Private Sector Vice Presidency Note № 7. July 2009.

Антиинфляционная политика в России в стратегии модернизации и инновационного развития

А.А. Урюпина

Модернизация и инновационное развитие поможет справиться как с инфляцией издержек, так и с инфляцией спроса в российской экономике. Необходима государственная политика по стимулированию инноваций, нужно усилить налоговое стимулирование вложений в модернизацию производства. Низкая инфляция – это также результат хорошо отлаженного рынка, отсутствия трений, сбалансированности экономики и высокого доверия экономических агентов друг к другу.

Сегодня модернизация стала ключевым словом. Все говорит об усилившемся за время реформ отставании России в промышленном развитии и деградации производственной базы, а также о слабых возможностях и стимулах модернизации экономки. Известно, что инфляция, создавая нестабильность и риски, снижает стимулы к модернизации и инвестициям в промышленность. Поэтому России для того, чтобы преодолеть экономическое и технологическое отставание от западных стран необходимо снижать инфляцию.

Затяжной и труднорегулируемой инфляции подвержены экономики с устаревшей, затратной производственной базой. Устранить эти дефекты экономики через освоение ресурсосберегающих технологий, улучшение структуры производства и его модернизацию мешает сама же инфляция. Низкая инфляция является не только условием, но может выступать и следствием модернизации. Модернизация – это один из факторов снижения инфляции в России в долгосрочной перспективе.

Высокая ресурсоемкость и низкая производительность в России ведут к дефициту ресурсов, дороговизне производства, то есть обостряются причины инфляции *издержек*.

В 2007 г. Министерство экономического развития разработало Концепцию долгосрочного социально-экономического развития, в которой ставится задача к 2020 г. снизить инфляцию до 2–3%[1]. В документе также говорится, что производительность труда должна быть увеличена вдвое, энергоемкость – снижена не менее чем на 40%[2]. Почему Министерство экономического развития обеспокоено производительностью труда в России? Если темп повышения заработной платы превышает рост производительности труда, возникает инфляция спроса. В России до 2008 г. рост заработной платы вдвое превышал рост производительности труда (рис. 1), что обусловлено нехваткой квалифицированных кадров и низкой эффективностью производства в ряде отраслей. Например, производительность труда в «АвтоВАЗе» в 27 раз ниже, чем в компании «Ford»[3].

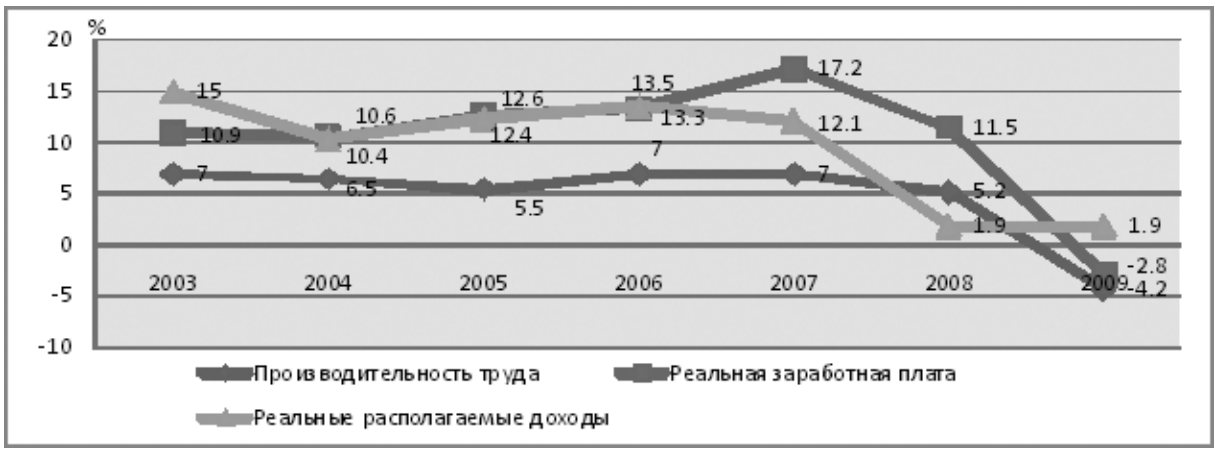
Высокие цены на нефть привели к росту доходов населения, а производительность труда осталась низкая, что во многом является наследием советского прошлого. Невзирая почти на два десятилетия рыночных реформ остается одной из самых низких среди индустриальных государств. Средняя производительность труда в России составляет только 17% от уровня США[4].

Причинами низкой производительности труда являются неэффективные деловые процессы и плохая организация, с одной стороны, и

Урюпина Анастасия Александровна – к.э.н., преподаватель кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

Рис. 1

Динамика темпов роста производительности труда и реальной заработной платы и реальных располагаемых доходов в 2003-2009 гг

Источник: Российский статистический ежегодник. 2009: Стат.сб./Росстат. – С.37, 167.

устаревшая технология, с другой стороны. Опережающий рост производительности труда является важнейшим условием не только стабильных цен, но и устойчивого развития экономики.

Тарифы естественных монополий как фактор инфляции издержек. Непрерывно растут и без того завышенные тарифы естественных монополий (транспортные организации, предприятия ТЭК и ЖКХ), рост цен на их продукцию практически не ограничен. Например, в 2006 г. три естественные монополии - РАО «ЕЭС России»,[5] «Газпром» и РЖД, - обеспечивали вклад в инфляцию порядка 26–28%[6]. Вместо снижения издержек, монополисты решают проблемы высоких затрат через повышение цен на свою продукцию, что говорит об их низкой эффективности.

Меры, направленные против инфляции издержек: модернизация производственной инфраструктуры; инвестирование в новое оборудование; действия, стимулирующие расширение производства и производительность.

Представляется, что их реализация позволит уменьшить инфляционное давление со стороны издержек.

Государственная политика по стимулированию инноваций. Она необходима для обеспечения не просто доступности кредитов для экономики, но и создания механизмов контроля за их использованием[7]. Для противодействия инфляции необходимо использовать целевое кредитование национальной экономики в целях модернизации. Необходимо усилить налоговое стимулирование вложений в модернизацию производства, в инновации.

Новые методы организации производства, новые технологии уменьшают издержки в экономике, расширяя совокупное предложение. В результате, при прочих равных условиях, рост общего уровня цен замедляется. Так, 80% денежной эмиссии Японии и Америки идет на научно-технические и социальные программы[8]. Увеличение денежной массы в Китае в среднем на 40% в год[9] не разгоняло инфляцию. Правительство через институт государственных банков развития направляло деньги на модернизацию экономики. Деньги работали на рост производства и эффективности экономики.

России необходимо сконцентрировать все имеющиеся ресурсы для построения инновационной модели социально-экономического развития. Нужно обеспечить рост несырьевых секторов экономики, прежде всего, перерабатывающей и машиностроительной промышленности. Деньги, направленные на развитие производства, на модернизацию экономики не вызовут усиления инфляции при условии *их целевого использования*.

К концу 2007 г. в Стабфонде было накоплено 157 млрд. долл.[10] Сегодня средства Стабфонда, преобразованного 1 февраля 2008 г. в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, тают на глазах. Россия обладала уникальной возможностью воспользоваться колоссальными ресурсами, накопленными государством. По выражению А.Кудрина, средства Стабфонда не следовало «тратить», так как это привело бы к усилению инфляции[11]. Нельзя не согласиться с министром финансов в том, что средства нельзя было просто тратить. Но ведь можно было их не тратить, а инвестировать в построение инновационной модели социально-экономического развития. К сожалению, до того, как период «нефтяного благоденствия» закончился, государство не воспользовалось своим денежным потенциалом для финансирования инновационного развития, не обеспечило рост несырьевых секторов экономики, прежде всего, перерабатывающей и машиностроительной промышленности.

Нефтяные доходы создавали иллюзию, что в России нет проблемы отсталых технологий. Возможно, снижение цен на нефть в ходе экономического кризиса станет мотивирующим фактором для развития технологий. Для модернизации промышленности очень важны прямые

зарубежные инвестиции. Например, самыми эффективными отраслями промышленности являются те, где выше всего доля ПЗИ (например, пивоваренная промышленность). Для привлечения зарубежных инвестиций необходим благоприятный инвестиционный климат.

Модернизация подразумевает импорт технологий. Но, к сожалению, лидеры развития готовы продавать нам лишь устарелые технологии. Вспомним недавний прецедент с продажей Opel, когда камнем преткновения в сделке стал доступ не к самым передовым технологиям автомобилестроения.

Сколь бы ни была важна технологическая модернизация, главным предметом модернизации является само общество. Требования устойчивого развития включают модернизацию и ускоренное развитие отраслей, определяющих качество человеческого капитала[12]. Это потребует фундаментальных реформ в таких сферах, как наука, образование, здравоохранение, жилищный сектор. В российских условиях высокую производительность труда может дать не «азиатский» подход к рабочей силе, делающий ставку на дешевизну рабочей силы, а на ее квалификацию, инновационность, производительность.

Под модернизацией можно понимать и оздоровление, отладку рыночного механизма. Потому что только в стабильной рыночной экономике инфляция снижается сама собой.

Для достижения долгосрочной цели – устранение разбалансированности экономической системы – необходима помощь государственной политики по стимулированию экономического развития на основе модернизации экономики, политики развития рыночных институтов и дальнейшее совершенствование законодательства. Таким образом, для снижения темпа инфляции необходимым условием является *модернизация* экономики и вступление России в фазу инновационного развития.

A. Uryupina. Anti-inflation policy in the strategy of modernization and innovation development in Russia

Summary: *Modernization and innovative development in Russia can decrease both cost-push and demand-pull inflation. Government should encourage innovations and enhance tax incentives for investments in production modernization. Low inflation is also the result of well-run market, absence of frictions, the result of economic equilibrium and high credibility of economic agents.*

Ключевые слова

инфляция, инфляция спроса, инфляция издержек, антиинфляционная политика, модернизация, производительность труда, естественные монополии.

Keywords

inflation, cost-push inflation, demand-pull inflation, anti-inflation policy, modernization, labor productivity, natural monopolies.

Примечания

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Минэкономразвития. – С.32. http://www.economy.gov.ru.
2. Там же. – С.8.
3. Россия в 30 раз отстает по производительности труда от ЕС и США. Людмила Дудиева, Finam.ru 27.03.2008 http://www.finam.ru/analysis/forecasts00ADE/default.asp.
4. Why Is Russia's Productivity So Low? / Jason Bush // Businessweek. – 08.05.2009. –http://www.businessweek.com.
5. 1 июля 2008 г. РАО «ЕЭС России» была расформирована. Сегодня преемником компании является «Федеральная сетевая компания».
6. Интервью заместителя министра экономического развития и торговли К.Г.Андросова // Эхо Москвы. – 07.03.2006. – Режим доступа: http://www.echo.msk.ru.
7. Что позволит увеличить количество товаров на рынке, а, следовательно, снизить инфляцию.
8. Интервью С.Глазьева // Топ-менеджер. – 09.06.2007. – http://top-manager.ru.
9. Там же.
10. Министерство финансов РФ (http://www1.minfin.ru).
11. Кудрин А. Тратить стабфонд – значит разрушать экономику // Коммерсантъ. – 2006. – 30 марта. – С. 1.
12. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Минэкономразвития. Минэкономразвития. – С.32. – http://www.economy.gov.ru.

Модернизация российской экономики и ВТО

Л.Н. Артамонова

В статье дан анализ проблем, которые возникают при вступлении России в ВТО. Особое внимание уделяется проблемам и последствиям присоединения России к ВТО для авиационной промышленности, обсуждаются пути усиления конкурентоспособности российского самолетостроения.

Россия давно и с переменным успехом стремиться вступить в ГАТТ/ ВТО и довольно долго проводит переговоры о принятии ее в члены данной организации. 17-19 июля 1995 года в Женеве состоялось первое заседание рабочей группы по присоединению России к ВТО. Заседание проходило на основе Меморандума о внешнеторговом режиме, который был представлен Россией в марте 1994 г. (документ L / 7410), а так же письменных ответов на вопросы, заданные странами-членами ВТО по Меморандуму. В сентябре 1995 г. состоялось заседание Правительства РФ по вопросу о ходе переговоров по присоединению России к ГАТТ\ВТО. С тех пор переговорный процесс о вступлении России в ВТО осуществляется регулярно.

Надо ли вступать России в ВТО или нет - это проблема не только баланса потерь и выгод , которые получит Россия от сотрудничества с ВТО. В литературе нет единой и однозначной точки зрения на этот не простой вопрос. Потери из-за низкой конкурентоспособности российской экономики очевидны, но и плюсы от того, что Россия будет иметь льготы на рынках, где торгуют по правилам ВТО, и где находятся более 150 государств, не дают однозначного ответа на этот не простой вопрос.

Главное взвесить те выгоды и потери, которые получит экономика России от вступления в ВТО. Сегодня присоединение России к ВТО (Всемирной торговой организации) является важным условием для дальнейшей модернизации российской экономики.

Самое важное для национальной экономики при вступлении в ВТО – это получения наиболее благоприятного режима в международной торговле. Например, упрощенный сбыт товаров на рынке позволит нашим производителям быть более конкурентоспособными на международных рынках. Мы получим возможность расширить рынки для сбыта угля, нефти, металла и других природных ресурсов. Однако не следует забывать и о проблеме сбыта товаров отечественного перерабатывающего комплекса. Поэтому необходимо более тщательно проработать проблему реализации этих видов товаров на международном рынке и с позиций усиления конкурентоспособности, и с позиций правовой защиты.

Вступление в ВТО позволит России участвовать в выработки правил регулирования международной торговли, что в будущем усилить правовую защиту наших производителей.

Для России важно получить возможность доступа к новейшим технологиям, при одновременном привлечении в экономику различных инвестиций, через допуск на финансовые рынки западных стран. Это необходимо для дальнейшего выхода экономики из кризиса на основе обновления и модернизации российского производства[1].

При расширении сотрудничества с ВТО и при вступлении в эту организацию, для защиты российского производителя следует тщательно прорабатывать любые соглашения, уступки, компромиссы по самым конкретным вопросам, с позиций национальных интересов. Известно, что вступление в ВТО для ряда отраслей экономики России, может быть неблагоприятной и грозить потерей потребителя и рынков сбыта как внутри, так и за рубежом. Особенно это касается отраслей, которые ориентированы на внутренний рынок и на российского потребителя. Это касается отраслей автопрома, станкостроения, электроники, машиностроения, химической, отраслей легкой, пищевой промышленности, сельского хозяйства[2].

Артамонова Любовь Николаевна – к.э.н, доцент кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

По данным ряда исследований, среди отечественных предприятий только 34% являются конкурентоспособными на отечественном рынке, на рынке СНГ – 24%, 7% - на зарубежных рынках. Видим, что стартовые условия не самые благоприятные, если же Россия отказывается от вступления в ВТО, то возникает опасность отставания и, стагнации и снижения конкурентоспособности для отраслей народного хозяйства.

Какие же выгоды получит российская экономика от членства в ВТО, кроме тех, что в общем виде были отмечены выше? В долгосрочной перспективе Россия может получить свободный доступ к новым технологиям и на основе этого ускорить темпы модернизации российской экономики и совершенствования ее структуры. При этом снизятся расходы по привлечению иностранных инвестиций за счет устранения дискриминационных ограничений, расширятся занятость квалификационной рабочей силы, что благоприятно скажется на рынке труда. Можно также указать, что снижение цен на импортные товары, снижение цен на импортное сырье и оборудование, расширение ассортимента товаров и услуг, повышение их качества благоприятно скажется на развитии национальной экономики и уровне жизни населения.

Переход к инновационной экономике с хорошим финансовым обеспечением является основой модернизации российской экономики. Современный финансовый кризис показал очевидность проблемы модернизации экономики России как альтернативного варианта развития на основе экспорта сырья, которого она придерживалась до мирового финансового кризиса.

Кроме того, следует указать, что на развитие отдельных отраслей экономики отрицательно может сказаться отмена ввозных пошлин после присоединения к ВТО. Отмена ввозных таможенных пошлин является важной проблемой как для переговорного процесса в целом, так и для исследований экономистов. Известно, что после вступления России в ВТО по прогнозам средневзвешенный тариф на промышленные товары снизится с 10% до 7,6% , что приведет к увеличению импорта и рост конкуренции на внутреннем рынке. Эти изменения и их влияние на отдельные отрасли требует исследования в каждой конкретной отрасли, а не для экономики в целом[3].

Например, авиапромышленность. По требованиям ВТО Россия ввозные пошлины на самолеты иностранного производства должна снизить с 20% до 7,%-10% в течение семи лет после вступления во Всемирную торговую организацию. Цены на самолеты будут дифференцированы в зависимости от их размеров и типа, будут снижены цены на их комплектующие детали. Доступ западных конкурентов российского авиапрома на внутренний рынок может привести к развалу отечественной отрасли. Это будет связано не только с вступлением России в ВТО, но прежде всего в связи с недофинансированием отечественного авиапрома.

На сегодняшний день наши известные самолеты ИЛ-96.ТУ-204,ТУ-214 считаются на внутреннем рынке надежными и хорошими, но по техническим параметрам, когда цены на нефть очень возросли, они не могут отвечать современным требованиям экономичности и энергосбережения. В Европе в стоимости авиаперевозок цена на топливо составляет 25% , а у наших - 50%. Отсюда даже до вступления в ВТО российские самолеты не конкурентоспособны. Наши авиаперевозчики уже сегодня в ряде случаев переходят на западные модели самолетов, такие как Airbus/ Boeing. К сожалению, российский авиапром отстал, по мнению специалистов, на два поколения, хотя еще совсем недавно все было наоборот.

На сегодняшний день российский авиапром может составить небольшую конкуренцию на мировом рынке только по самолетам, которые летают на среднее и близкое расстояние. И то лишь потому, что государство сохранило государственную поддержку этих моделей отрасли. Модели самолетов, летающих на близкое и дальнее расстояние, на российском рынке могут быть еще конкурентоспособными при вступлении в ВТО. Это касается таких марок самолета, которые созданы у нас, это - ТУ-334 и SuperJet . Они были разработаны в 90-е годы. Эти самолеты отвечают международным требованиям и сертификатам. Несмотря на имеющиеся, на западе современные экономичные двигатели, которых в России пока не производятся, эти марки самолетов пока еще остаются топливоемкими, и могут проигрывать иностранным конкурентам, а поэтому требуют основательной доработки. При всех минусах этих марок самолетов, уже есть покупатели на ТУ-334, SuperJet, как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Купить эти самолеты планирует Аэрофлот, Китай. Аэрофлот уже решил закупить 30 самолетов SuperJet.

В Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации принята Программа по поддержке авиационной промышленности, где определены сроки и этапы ее реализации, и что самое важное указаны объемы финансирования (См. в ред. Постановления Правительства РФ от 11.05.2007 284, от 07.05.2008 №364, от 04.10.2008 № 742).

Целью и задачей Программы является принципиальное изменение стратегической конкурентной позиции гражданского сектора авиационной промышленности России, заключающейся в создании на его базе нового мирового центра авиастроения и завоевания в 2015 году не менее 5% мирового рынка продаж гражданской авиационной техники (включая внутренний и внешний рынки). Реализация мероприятий Программы позволит обеспечить ежегодные продажи магистральных и региональных самолетов российского производства к 2015 году в объеме 95-100 единиц самолетов.

Принимаются серьезные меры по повышению конкурентоспособности отечественных самолетов и авиапромышленности в целом, снижение импортных пошлин на зарубежные самолеты в любом случае коснутся российского авиапрома. Поддержка, которая проводится нашим правительством, должна положительно сказаться на отечественной авиапромышленности. Здесь главное, чтобы политика модернизации и индустриализации российской экономики была продолжена.

В этой ситуации Россия могла бы выйти на мировой рынок производства самолетов, так же, если сможет переориентировать производство на выпуск не самолетов в целом, а например, отдельных узлов, моторов или др. Так в мире поступают многие крупные авиационные корпорации, усиливая кооперационные связи между собой. Тем самым, с одной стороны, отечественная авиапромышленность получила бы доступ на мировой рынок, а с другой - получила бы новые технологии, тем самым сэкономив денежные средства на их разработку, и сосредоточила бы свои усилия на более важных, конкурентоспособных направлениях развития авиапромышленности. Эту модель поведения мы могли бы использовать в рамках ВТО.

Кроме того, следует отметить, что проводимые государством мероприятия в области укрепления отечественной авиапромышленности через увеличения заказов на поставку военных самолетов, положительно влияет на технологическую базу гражданского самолетостроения. Государству следует вернуться к вопросу об укрупнение авиакомпаний, чтобы у них появились материальные средства для закупки новых отечественных самолетов или возможность получить новые самолеты в лизинг с последующим правом выкупа. Также надо стимулировать вложения, инвестиции в строительство новых аэропортов, создания новой технологичной инфраструктуры для обслуживания новых самолетов.

Государство должно также проводит новую ценовую политику в области оплаты грузоперевозок и пассажироперевозок, чтобы повысить уровень загрузки, прежде всего внутренних перевозок, повышая эффективность использования авиатранспорта. Известно, что после стремительного падения объемов внутренних авиаперевозок, которые сократились примерно в 4 раза, Россия оказалась с избыточным авиапарком, и сегодня на долю России приходится 10-11% мирового парка при доле перевозок в 4%[4].

Надо еще раз подчеркнуть, что авиапром при своевременной поддержке со стороны государства, и при целенаправленных инвестициях в новые разработки, а не на поддержку новых, но уже морально устаревших проектов, даже в условиях вступления России в ВТО, имеет хорошую перспективу развития.

В заключение необходимо подчеркнуть, что вступление России в ВТО, усиление открытости экономики, национальных рынков окажет, несомненно, сильное влияние на экономику. Минимизация отрицательных эффектов от вступления в ВТО является важнейшей задачей государства для отстаивания национальных интересов России.

L. Artamonova. The WTO and modernization of the Russian economy.

Summary: *In the paper the analysis of the problems concerned with Russia's accession to the World Trade Organization is given. Special attention is paid to the consequences of this step for the aircraft–building industry and the ways of raising its competitiveness are discussed.*

Ключевые слова

ВТО, модернизация, авиационная промышленность, тарифное регулирование, международный рынок, инвестиции, конкурентоспособность

Keywords

The World Trade Organization, modernization, aviation-building industry, tariff regulation, international trade, investment, competitiveness

Примечания

1. Медведев Д.А. Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации страны // Международная жизнь. №8. 2010. С.1-9.
2. К программе социально-экономического развития России 2008-2016 гг. // Научный доклад ИЭ РАН. М.,2008. С190.
3. Портанский А.П. ВТО и ее роль в глобализации мировой экономики. М.2010.
4. Горбунова О.А., Минченкова И.В. ВТО: основы функционирования и проблемы присоединения России. М., 2009.

Сбережения населения как потенциальный источник финансирования модернизации в России

А.В. Костомарова

В статье демонстрируется весомость сбережений населения России как потенциального источника финансирования модернизации и рассматриваются специфические для страны проблемы, препятствующие эффективному участию сбережений в экономических процессах. В ней выделены психологические и социальные характеристики индивида (особый российский менталитет, низкий уровень финансовой грамотности), которые в значительной степени объясняют сберегательное поведение населения в России. На основе проведённого анализа делается вывод о первоочередной необходимости «модернизации человеческого капитала» и «модернизации системы» для достижения заявленных целей.

Темы модернизации и инноваций сегодня заявлены как приоритетные в экономической политике России как на ближайшую перспективу, так и на многие годы вперёд. Первые страницы газет и журналов изобилуют многочисленными речами о необходимости ухода нашей страны от чрезмерной сырьевой зависимости и развития собственных отраслей производства, об этом постоянно говорят первые лица страны с экранов наших телевизоров.

Действительно, статистика по российскому экспорту демонстрирует весьма удручающую картину. Согласно данным, опубликованным в журнале РБК - ежемесячном экономическом обозревателе - доля основных видов топливно– энергетических ресурсов в экспорте России в 2009 году составила 65,9%, в то время как экспорт машин, оборудования и транспортных средств – лишь 5,9%.[1] Так каково же лекарство против этой, пожалуй, уже не просто «голландской болезни», а настоящей российской «сырьевой чумы»?

10 сентября 2009 года Президент России Д. А. Медведев опубликовал в своём блоге статью под названием «Россия, Вперёд!»[2]. Одной из основных ее тем является мысль о назревшей крайней необходимости построения инновационной экономики и ухода от сырьевой зависимости. А ещё ранее, в мае 2009 года, в России была создана Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики, на первом заседании которой были определены пять приоритетных направлений:

— повышение энергоэффективности, включая разработку новых видов топлива;
— ядерные технологии;
— космические технологии, прежде всего связанные с телекоммуникациями (ГЛОНАСС и наземная инфраструктура);
— медицинские технологии;
— стратегические информационные технологии, включая создание суперкомпьютеров и программного обеспечения[3].

По мнению министра финансов Алексея Кудрина, для проведения быстрой модернизации России необходимо увеличить инвестиции в основные фонды с 8 до 14 триллионов рублей в год. Каковы же возможные источники финансирования? На самом деле, их несколько. Первый - государство, которое, естественно, не в состоянии все оплатить. Второй - деньги бизнеса, который во всем мире делает это. Третий - сбережения населения, величина которых оценивается в более, чем 7,5 триллионов рублей[4].

Костомарова Анастасия Валерьевна – аспирантка кафедры экономической теории МГИМО (У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

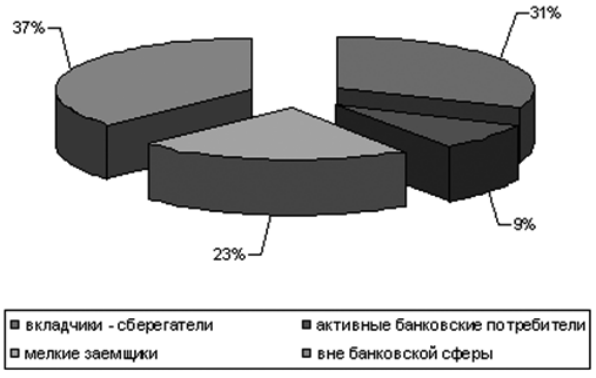
Приведённые выше данные демонстрируют значимость категории сбережений населения в аккумулировании необходимых для модернизации финансовых средств. Сами по себе сбережения населения являются чрезвычайно важным понятием в экономической теории. Именно сбережения являются источником инвестиций, которые в масштабах страны определяют процесс расширенного производства. При этом сбережения населения, наряду со сбережениями таких институциональных секторов экономики, как государство, предприятия и некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства, являются чрезвычайно важным элементом формирования источников инвестирования экономики.

Однако на сегодняшний день степень участия населения России в инвестиционных процессах в стране остаётся ничтожной. В чём же причины этого, и какова российская специфика сберегательных процессов в России? Для начала выясним, какая часть домашних хозяйств в России имеют сбережения. По данным опросов НАФИ (см. табл. 1), доля «сберегателей» в России по состоянию на ноябрь 2009 года составила лишь 32%, а в докризисном периоде (2005-2008 гг.) была ещё меньше и составляла всего 26-28%.[5]

При этом, по данным ВЦИОМ, лишь 23% населения России в 2007 году являлись активными банковскими потребителями, а 31% находился вне банковской сферы (см. Рис. 1)[6].

Рис. 1.

Распространенность групп домохозяйств, различающихся стратегией в области финансовых активов

Источник: http://wciom.ru/biblioteka/zhurnal-monitoring/arkhiv/six-ten/ehkstremizmsredimolodezhi.html?0

Кроме того, структура сбережений населения России в период с 1998 по 2009 гг. говорит и о невысоком уровне финансовой активности в целом. Так, например, согласно данным в Таблице 2, на конец 2009 года покупка недвижимости по-прежнему считалась наиболее безопасным вложением денег. При этом лишь 18% опрошенных считали свой счёт в Сбербанке надёжным, 3% полностью доверяли своему вкладу в другом коммерческом банке, только 2% были спокойны по поводу вклада в паевой инвестиционный фонд, а порядка 27% населения предпочитали хранить деньги в наличном виде, из них 15% отдавали предпочтение рублю, а 12% - иностранной валюте[7].

Таблица 4

СГТП индекса промышленного производства (ИПП) ИПП (1990=100)

	01.2005	01.2007	01.2008	10.2008	02.2009	06.2009	11.2009
Есть	27,1	27,6	26,1	25,0	22,7	26,0	32,0
Нет	64,1	66,3	67,8	72,6	72,4	66,0	64,8
Затрудняюсь ответить	8,8	6,2	6,1	2,4	4,9	7,0	3,2

Источники: Российский статистический ежегодник. – М., Росстат, 2008, с. 35; Economic Report of the President. – Wash., USGPO, 2010. p. 390.

Таким образом, налицо две значительные проблемы в вопросе формирования сбережений населением России: их общий низкий уровень и невысокая финансовая и, в частности, банковская, активность населения.

С целью более подробного анализа специфики формирования сбережений населения России обратимся к такому индикатору как Индекс потребительских настроений (Index of Consumer Sentiment, ICS) и сравним его с аналогичным показателем ведущей мировой экономики – США. Индекс был разработан в 1950-е годы группой исследователей Мичиганского Университета под руководством Дж. Катоны, одного из основоположников экономической психологии, направления, которое подчёркивало значимость разнообразных психологических факторов в процессе хозяйственной деятельности индивида. Индекс рассчитывается на основе пяти вопросов, задаваемых регулярно в репрезентативных опросах общественного мнения. Два вопроса относятся к сфере личных финансов:

— как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год?;
— какие изменения материального положения Вашей семьи ожидаются через год?

Следующие три вопроса касаются оценок экономической ситуации в целом:

— как вы считаете, какие времена ожидают экономику через 12 месяцев?
— как вы считаете, какие времена ожидают экономику через 5 лет?
— как вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, что бы делать крупные покупки?

Шкала ответов может состоять из трёх или пяти пунктов, но обязательно должна быть возможность в последующем сгруппировать ответы в три группы: а) стало лучше, станет лучше, будут хорошие; б) не изменилось, не изменится, будут

Таблица 2

Доля считающих вложения денег в данный актив надежными (ВЦИОМ, НАФИ, N=1600)

Вид вложения	08.98	10.08	11.08	01.09	03.09	10.09	12.09
покупка недвижимости	45	51	48	40	49	44	40
покупка золота, драгоценностей	26	19	21	19	21	23	20
затрудняюсь ответить	17	19	21	21	21	21	25
счет в Сбербанке	9	17	11	14	12	17	18
накопления денег в рублях и хранение их в наличном виде	**14**	**13**	**13**	**13**	**11**	**13**	**15**
покупка акций предприятий	3	8	5	4	3	5	5
покупка иностранной валюты и хранение ее в наличном виде	39	7	7	12	11	8	12
вклады в пенсионные фонды	5	6	4	5	4	5	4
другое	4	4	4	3	3	2	2
вклады в паевые инвестиционные фонды	1	4	2	2	2	2	2
открытие счета в коммерческом банке	2	2	1	1	1	3	3
ВСЕГО*	165	150	137	134	138	143	146

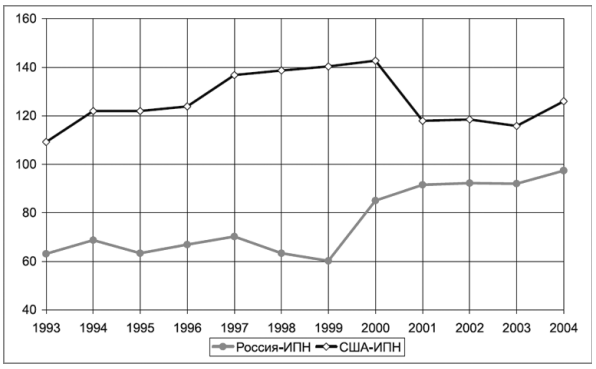
**Более 100% из-за возможности множественного выбора.*
Источник: http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176367

такими же; в) стало хуже, станет хуже, будут плохими.

На рисунке 2 мы видим динамику ИПН России и США в период с 1993 по 2004 гг[8]. В первую очередь бросается в глаза противоположная динамика индексов с 1997 по 2003 гг. По мнению авторов исследования, проведённого в рамках Независимого института социальной политики Ибрагимовой Д. Х и Николаенко С. А., «здесь причина кроется в цикличности экономического развития. Таким образом, российский кризис 1998 г. и вызванный им обвал индексов «пришелся» по времени как раз на период роста экономики США, тогда как этап быстрого посткризисного роста в России — на снижение показателей американской экономики, в результате чего в 2001—2003 гг. значения двух индексов потребительских настроений максимально за весь период наблюдений приблизились друг к другу»[9].

Рис. 2.

Динамика ИПН в 1993 – 2004 гг.: сравнение США и России (среднегодовые значения)

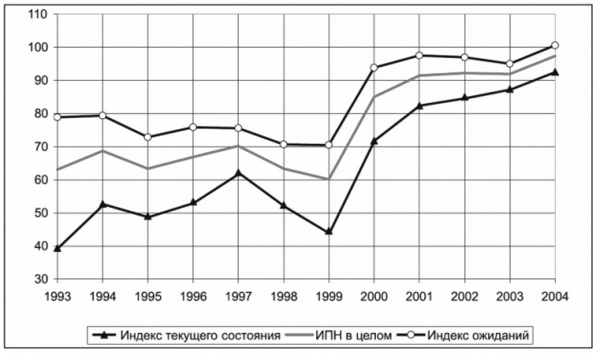

Источник: Источник: http://www.socpol.ru/publications/ipn/ch2.pdf, Индекс потребительских настроений, Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005

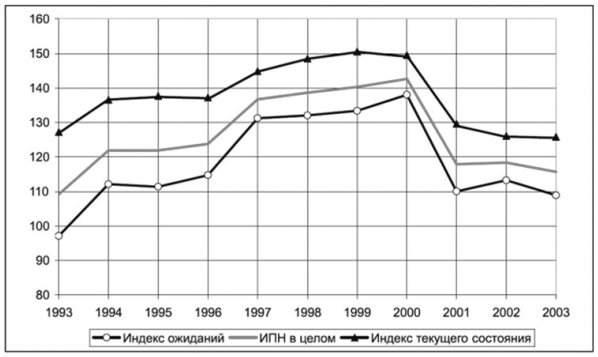
Стоит отметить, что динамика совокупного индекса ИПС, взятая в отдельности, практически ничего не говорит о возможных факторах, влияющих на его изменения. Для более подробного анализа поведения и настроений населения в исследовательской практике обычно выделяются два субагрегата ИПН — индекс текущего состояния (ИТС) и индекс потребительских ожиданий (ИПО). ИТС представляет собой среднюю арифметическую 1-го и 5-го вопросов (т.е. оценок личного материального положения и целесообразности приобретения товаров длительного пользования); а ИПО — среднюю арифметическую вопросов 2, 3 и 4. (то есть ожиданий краткосрочного изменения личного материального положения, а также краткосрочного и долгосрочного экономического развития страны). Динамика этих интегрированных показателей, таким образом, отражает восприятие людьми настоящего и будущего.

Рис. 3.

Динамика ИПН, ИТС и ИТО в России и США в 1993-2004 гг[10].

а) Россия

б) США

Источник: там же

В своём исследовании Д.Х. Ибрагимова и С.А. Николаенко отмечают, что «сравнительный анализ динамики ИПН и его субагрегатов в России и США (см. рис. 3) обнаруживает явное различие: ожидания в американском обществе по уровню значений ниже текущих оценок, т.е. оптимистов по отношению к реальной действительности больше, чем применительно к будущему. Важно отметить, что такая ситуация существовала не всегда — в 1950-е гг. экономические ожидания американских потребителей по своему уровню были выше оценок настоящего, а в 1960-е гг. эти два индекса (ИТС и ИПО) практически совпадали.

Наблюдаемый ныне в США «расклад» в восприятии текущего и будущего сложился в 1970-е гг., и с тех пор остается устойчивым. Российская же ситуация прямо противоположна: ожидания в отношении будущего по своему уровню стабильно выше текущих оценок». Чем же обусловлены такие различия? По мнению Ибрагимовой, директора по исследованиям Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), объяснение выявленных различий следует искать не в экономической, а в социально – психологической сфере, которая непосредственно связана с традициями национальной российской веры в «лучшее завтра». Традиции такого рода формировались десятилетиями «советского существования». Кроме того, привычка возлагать на будущее значительно большие надежды объясняется не только национальными традициями веры в «светлое будущее», но и вполне «прозаическими» причинами, связанными с реалиями настоящего - низким уровнем и качеством жизни значительной части населения страны, отсутствием ощущения стабильности и т.д[11].

Таким образом, приведённый выше сравнительный анализ динамики субагрегатов ИПН России и США в период с 1993 по 2004 гг. позволяет сделать вывод о значимости факторов менталитета и финансового прошлого в формировании сберегательного поведения населения России. Другими словами, к специфическим чертам сберегательного поведения населения России можно отнести следующее:

— российский менталитет в значительной степени обусловлен советским прошлым;
— низкий общий уровень жизни и финансовой грамотности;
— низкий уровень доверия к финансовым институтам, что во многом обусловлено сравнительно недавним зарождением рыночной экономики в России и её негармоничным развитием.

Анализ сберегательного поведения населения России и выявление его специфики и проблематики в контексте проблемы формирования необходимых инвестиционных ресурсов для модернизации позволяет сделать важный вывод, который распространяется, пожалуй, практически на все сферы экономической деятельности. Задумывая любого рода модернизацию, необходимо, в первую очередь, «модернизировать» саму систему и людей в ней. Говоря в терминах проблематики сберегательного поведения населения России, необходимо избавиться от призрака советского прошлого, привести уровень функционирования институтов к европейскому, сделать их более прозрачными и понятными для обычного гражданина. Более совершенная экономическая система также позволит повысить уровень жизни и доходов российских граждан, что по-прежнему является основным фактором, определяющим размер сбережений населения и, к сожалению, остаются на весьма низком уровне в нашей стране.

Что касается «модернизации человеческого капитала», то необходима серьёзная работа по повышению уровня финансовой грамотности и активности населения России, что, очевидно, потребует усилий как со стороны правительства, так и со стороны самих граждан. Образно выражаясь, очевидно, что для успешной реализации всего замысла модернизации российской экономики необходимо сначала укрепить её фундамент – систему и людей в ней, и только после этого переходить к самой реализации заявленных целей.

A. Kostomarova. Household savings as a potential source of financing modernization in Russia: specifics and problems

Summary: *The article illustrates the significance of household savings in Russia as a potential source to finance modernization and also looks at the specific problems, hindering the efficient contribution of savings to economic processes. Besides such classical factors determining savings as income, for example, the article talks about psychological and social characteristics of an individual (special Russia mentality, low level of financial literacy), that to a large extent explain savings behavior of Russian households. On the basis of the conducted research, the article draws the conclusion about the foremost necessity to "modernize human capital" and "to modernize the system in order to achieve the stated goals.".*

Ключевые слова

модернизация, сбережения населения России, источник финансирования, специфика, структура сбережений, уровень дохода

Keywords

modernization, household savings in Russia, source of financing, specifics, structure of savings, level of income

Примечания

1. Момот М. Параллельный мир // РБК. - №6. – 2010.
2. Медведев Д.А. Россия вперед. – http://www.kremlin.ru/news/5413
3. Заседание комиссии по модернизации российской экономики. http://rian.ru/economy/20091225/201308589.html
4. Мытарев В. Плюс модернизация всей страны. – http://www.rian.ru/finans/20100303/211996520.html
5. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Финансовые стратегии россиян: доверие не утрачено. // Капитал страны. –25.02.2010. – http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176367
6. Данные Всероссийского центра изучения общественного мнения. – http://wciom.ru/biblioteka/zhurnal-monitoring/arkhiv/six-ten/ehkstremizmsredimolodezhi.html?0=
7. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Финансовые стратегии россиян: доверие не утрачено. // Капитал страны. –25.02.2010. – http://www.kapital-rus.ru/articles/article/176367
8. Данные Национального агентства финансовых исследований http://www.socpol.ru/publications/ipn/ch2.pdf
9. Там же.
10. Там же
11. Там же

Берлинский кризис 1948-1949 гг.

М.М. Наринский

Автор анализирует развитие Берлинского кризиса 1948 – 1949 гг. С советской стороны блокада Западного Берлина была ответом на одностороннее решение Запада объединить три западных оккупационных зоны. 25 июня 1948 г., то есть на следующий же день после начала блокады, западные лидеры организовали воздушный мост с Западным Берлином. Он сыграл огромную роль в борьбе с Советским Союзом за немецкое общественное мнение. К зиме 1948-1949 гг. Сталин понял, что воздушный мост дает Западу больше преимуществ, чем блокада - СССР. После секретных переговоров, 4 мая было решено, что блокада будет снята 12 мая с условием, что две недели спустя для обсуждения германской проблемы соберется Совет Министров Иностранных дел.

Первый Берлинский кризис уже рассматривался российскими и германскими исследователями[1]. Тем не менее, некоторые его аспекты (причины кризиса, цели сторон и методы их действий) остаются недостаточно проанализированными. Важнейшими задачами сталинского руководства СССР в рассматриваемый период было укрепление международно-политического положения страны и, в первую очередь, контроля над советской сферой влияния. Подобный контроль был призван решить несколько задач: обеспечить безопасность СССР, увеличить его вес в международных делах, не допустить чрезмерного усиления позиций США и Великобритании.

Политика СССР в германском вопросе стала составной частью усилий Кремля по созданию и упрочению советской сферы влияния в послевоенной Европе, а при возможности - и ее расширения. Сталинское руководство стремилось установить полный контроль над советской зоной оккупации и укрепить свое влияние на ситуацию в Германии в целом. Имелось в виду, что осуществление решений союзников о денацификации, демилитаризации, демократизации и декартелизации Германии призвано было усилить влияние политических групп, ориентировавшихся на Советский Союз. Советское руководство добивалось осуществления германских репарационных поставок в СССР; выдвигало требование советского участия в контроле над Руром. Весьма характерной была негативная реакция Москвы на американский проект договора о разоружении Германии, предложенный в сентябре 1945 года.

После ознакомления с рабочим проектом договора советская сторона пришла к выводу, что он преследует цель быстрейшего окончания военной оккупации Германии и ограничивается вопросами военного разоружения и демилитаризации Германии, игнорируя важнейшие предпосылки экономического разоружения и демократизации Германии. В частности, маршал В. Соколовский и политический советник Советской военной администрации в Германии В. Семенов писали в Наркомат иностранных дел: «В предложенном виде американский проект неприемлем и в настоящий момент мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы пойти в какой-либо степени навстречу эвентуальным попыткам американцев поскорее покончить с оккупацией Германии, так как мы не можем допустить после такой войны, чтобы дело действительного разоружения и демократизации Германии бросить на полдороге»[2].

Отрицательную позицию в отношении американского предложения после совещания с Л. Берией и Г. Маленковым занял Сталин. «Он полагал, что договор направлен против СССР», - утверждают Г. Кынин и Й. Лауфер[3]. При этом, с точки зрения политической тактики, И. Сталин проявлял в первое время заметную осторожность. Так, в июне 1945 г. он советовал германским коммунистам выступать за установление антифашистского демократического парламентского

Наринский Михаил Матвеевич – д.и.н., профессор заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

режима и не насаждать в Германии советскую систему.

Однако 1947 год ознаменовался резким обострением международной обстановки. Разгром оппозиции в ряде стран Юго-Восточной Европы, провозглашение доктрины Трумэна, безрезультатный итог Московской сессии Совета Министров Иностранных Дел, начало осуществления плана Маршалла, отказ от участия в нем СССР и дружественных ему стран, создание Коминформа — все эти события возвестили о явном начале «холодной войны».

Осенью 1947 года руководящие круги Москвы стали проявлять беспокойство в связи с нараставшими противоречиями по германской проблеме между бывшими союзниками. Заведующий 3-м Европейским отделом Министерства иностранных дел СССР А. Смирнов в записке на имя министра В. Молотова от 3 октября обращал внимание на новые моменты в политике западных держав по вопросу о мирном урегулировании с Германией. Они, по его мнению, были направлены в сторону дальнейшего отхода от Потсдамских решений с целью сепаратного разрешения германской проблемы. Это подтверждали и практические мероприятия, проводимые США и Великобританией в Германии, направленные на подготовку к сепаратному урегулированию германской проблемы. «Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов и проводимых Соединенными Штатами и Великобританией в Германии практических мероприятий дает основание сделать вывод о том, что здесь речь идет не о пропагандистском приеме или политическом шантаже, - констатировал А. Смирнов в своей записке, - а о реальной угрозе политического и экономического расчленения Германии и включении Западной Германии со всеми ее ресурсами в создаваемый Соединенными Штатами западный блок»[4].

Советское руководство стремилось блокировать подобное нежелательное развитие событий. Опираясь на решения Ялтинской и Потсдамской конференций, оно пыталось сохранить полный контроль над советской зоной оккупации и вместе с тем не утратить возможности влиять на ситуацию в Германии в целом. В директивах советской делегации на Лондонской сессии Совета Министров Иностранных Дел, одобренных Политбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября 1947 г., на первый план выдвигалось заключение мирного договора с Германией, которое связывалось с задачей восстановления «единой демократической Германии». В этих директивах подчеркивалась важность борьбы за принятие в Лондоне советских предложений по двум вопросам:

«а) создание демократического общегерманского правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции;

б) созыв мирной конференции из представителей соседних союзных государств, а также других союзных государств, участвовавших своими вооруженными силами в общей борьбе против Германии, с отклонением американского предложения о мирной конференции в составе всех стран, объявивших войну Германии»[5].

Однако Лондонская сессия Совета Министров Иностранных Дел (25 ноября — 15 декабря 1947 г.) завершилась полным провалом. Воспользовавшись острыми разногласиями при обсуждении вопроса о германских репарациях, государственный секретарь США Дж. Маршалл прервал ход заседания и отказался продолжить работу сессии СМИД. Лондонская сессия Совета Министров Иностранных Дел не исчерпала своей повестки дня. Не была назначена дата следующей встречи министров иностранных дел четырех государств. Неясно было, сможет ли вообще Совет Министров Иностранных Дел возобновить в будущем свою работу.

Единственным реальным результатом сессии СМИД стал явный разрыв между тремя западными державами и Советским Союзом. Во время этой встречи министров иностранных дел Франция дала принципиальное согласие на объединение французской зоны оккупации с Бизонией и создание Тризонии. 19 декабря в Вашингтоне было объявлено решение государственного департамента о прекращении репарационных поставок Советскому Союзу. Дело шло к расколу Германии и ее вовлечению в «холодную войну». Частью этого процесса стала подготовка к раздельному проведению денежной реформы на Западе и на Востоке Германии.

Проблема денежной реформы в Германии обсуждалась в Контрольном совете еще в 1946 г. При этом советские представители настаивали на выпуске новых денежных знаков отдельно для западных зон оккупации — в Берлине, и отдельно для советской зоны — в Лейпциге «под одинаковым международным контролем». Представители США решительно возражали против этого. Особое значение при обсуждении возможной денежной реформы приобрел вопрос о праве контроля над эмиссией денежных знаков. Западные представители настаивали на создании общегерманского банковского механизма при Контрольном совете, на который возлагались бы также и вопросы эмиссии денежных знаков. Как указывалось в записке министра финансов А.Г. Зверева и начальника финансового отдела СВАГ П.А. Малетина В.М. Молотову от 21 января 1947 г., тем самым западные державы пытались «поставить под контроль объем наших затрат на оккупацию и репарации», что для советской стороны было совершенно неприемлемым.

Министр финансов отмечал, что надо «считаться с тем, что союзники не согласятся на предоставление командующему советской зоны оккупации права эмиссии денежных знаков для покрытия расходов по оккупации и репарациям»[6]. В этой связи советский министр финансов выражал опасение, что западные державы могут использовать отсутствие договоренности по вопросу об эмиссионном механизме как предлог для проведения сепаратной денежной реформы

в западных зонах. А это повлекло бы за собой дальнейшую экономическую изоляцию советской зоны оккупации. А. Зверев считал возможным принять предложения западных держав при условии, что с их стороны будет гарантировано «полное покрытие наших оккупационных расходов и расходов по репарациям, включая репарации из текущего производства»[7]. Этот документ еще раз свидетельствует о важности проблемы репараций для советского руководства.

Договориться о согласованном проведении денежной реформы в Германии четырьмя союзными державами так и не удалось. В сентябре 1947 г. Глава Советской Военной Администрации в Германии маршал В. Соколовский сообщил в Москву, что в связи с активизацией подготовки американскими властями сепаратной денежной реформы на западе Германии возникает необходимость приступить к изготовлению новых денежных знаков для советской зоны оккупации. По инициативе В. Соколовского и политического советника СВАГ В. Семенова, Совет Министров СССР 10 декабря 1947 г. принял постановление «О новых денежных знаках для советской зоны оккупации Германии»[8].

С учетом возможности проведения в западных зонах оккупации Германии сепаратной денежной реформы советское правительство разрешило СВАГ «изготовить новые немецкие денежные знаки для советской зоны оккупации Германии». Постановление Совета Министров СССР обязало московскую фабрику Гознак изготовить новые немецкие денежные знаки на сумму 5 миллиардов марок в количестве 400 миллионов экземпляров к 1 июля 1948 г. (Постановлением Совета Министров СССР от 7 мая 1948 г. намеченный срок был отодвинут до 25 августа 1948 г.[9], очевидно, из-за технических затруднений).

Тем временем западные державы приступили к непосредственной подготовке создания западногерманского государства. «Эра Ялты закончилась, — писала 20 декабря 1947 г. газета New York Herald Tribune. — Раздел Германии даст нам свободу действий, чтобы включить Западную Германию в систему западных государств»[10]. С 23 февраля по 6 марта 1948 г. в Лондоне проходила первая фаза конференции представителей США, Великобритании, Франции, а также Бельгии, Нидерландов и Люксембурга по германской проблеме. Решения Лондонской конференции шести западных стран означали курс на включение Западной Германии в план Маршалла, подготовку к созданию западногерманского государства и его интеграцию в западный блок.

Эти решения вызвали несомненное беспокойство советского руководства, которое стало искать методы противодействия политике Запада в Германии. Уже 9 марта 1948 г. маршал В.Соколовский и политический советник СВАГ В.Семенов были срочно вызваны в Москву для обсуждения некоторых вопросов[11]. Доступные ныне документы позволяют предположить, что именно в это время в Москве был разработан план введения ограничений на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации. Во всяком случае, в середине апреля заместитель В. Соколовского генерал-лейтенант М. Дратвин и В. Семенов сообщали министру иностранных дел В. Молотову и министру вооруженных сил Н. Булганину: «Разработанный в соответствии с Вашими указаниями план контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии проводится неуклонно, — начиная с 1 апреля, кроме ограничений по воздушному сообщению, которые мы намерены провести позднее»[12].

Из этого сообщения явствует, что в Москве был разработан специальный план давления на западных союзников в Берлине. Очевидно, в обсуждении и принятии этого плана так или иначе участвовали И. Сталин, В. Молотов, Г. Маленков, Н. Булганин, В. Соколовский и В. Семенов. Разработка мер советского противодействия реализации лондонских решений западными державами проходила строго секретно, к ней был привлечен очень узкий круг лиц. Вопрос не обсуждался в Политбюро ЦК ВКП(б), и этот высший партийно-политический орган не принимал какого-либо официального решения. Не вызывает сомнений, что главную роль в принятии столь важного политического решения играл И. Сталин.

Телеграмма Дратвина и Семенова свидетельствует и о том, что первоначальный советский план предусматривал введение также ограничений и в отношении воздушного сообщения, однако практических попыток реализовать эту часть замысла предпринято не было. Очевидно, в Кремле сочли меры против американского "воздушного моста" слишком рискованными. Да и соотношение военно-воздушных сил было явно не в пользу СССР.

Тогда же, когда В. Соколовский и В. Семенов были вызваны в Москву, то есть 12 марта 1948 г., заведующий 3 Европейским отделом МИД СССР А. Смирнов направил В. Молотову записку, озаглавленную «О наших мероприятиях в отношении Германии на ближайший период». В записке отмечалось, что США и Великобритания отказались от урегулирования германской проблемы на основе Ялтинских и Потсдамских решений и «ведут подготовительные мероприятия к созданию западногерманского государства, с которым намереваются заключить сепаратный мирный договор или мирный статут». Лондонское совещание западных держав по германской проблеме расценивалось как свидетельство того, что «западные державы превращают Германию в свой опорный пункт и включают ее в создаваемый военно-политический блок, направленный против Советского Союза и стран новой демократии»[13].

А. Смирнов предлагал более решительно противодействовать политике западных держав в германском вопросе. «При создавшихся условиях мы не можем дальше ограничиваться протестами западным державам по поводу их сепаратных действий, которые существенно затрагивают

наши интересы в Германии и в Европе, — писал заведующий 3-им Европейским отделом МИД. — Нам необходимо поэтому провести такие мероприятия, которые не только ограничивали бы сепаратные действия США, Англии и Франции в Германии, но и активно срывали их планы по сколачиванию западного блока с включением в него и Германии»[14].

А. Смирнов сформулировал в своей записке следующие предложения:

1) провести совещание министров иностранных дел СССР, Польши, Югославии, Чехословакии и Албании, пригласив в качестве наблюдателей представителей Венгрии, Румынии, Болгарии, Финляндии, а также германского Народного конгресса. На совещании принять декларацию с оценкой деятельности западных держав в Германии;

2) после этого совещания Советскому Союзу надлежит проявить инициативу для созыва новой сессии Совета Министров Иностранных Дел по германскому вопросу. «Если США, Великобритания и Франция примут это предложение, тогда будут подорваны основы для их действий по сколачиванию западного блока и включению в него Германии. В том случае, если наше предложение будет ими отклонено, тогда будет ясно, что эти державы окончательно отказываются от решения германского вопроса на базе Потсдамских решений»[15], - писал А. Смирнов.

После этого Советскому Союзу предстояло заявить о том, что западные державы своими действиями разрушили Союзный Контрольный Совет и Совет Министров Иностранных Дел, и тем самым соглашения о союзном контрольном механизме и о зонах оккупации утратили свою силу. Поэтому Советское правительство вынуждено было бы полностью закрыть свою зону оккупации, обеспечив проведение соответствующих финансовых мероприятий, организацию охраны границ и тому подобное.

По моему мнению, записка А. Смирнова была подготовлена не по собственной инициативе заведующего 3-м Европейским отделом МИДа. Она отражала замыслы высшего советского руководства, в частности В. Молотова, и вписывала ограничительные мероприятия на коммуникациях Берлина с западными зонами в более широкий контекст политико-пропагандистской кампании против действий западных держав в германском вопросе. Не случайно, весь план действий, намеченный в записке, был реализован в той или иной форме. 20 марта 1948 г. маршал В. Соколовский демонстративно покинул заседание Союзного Контрольного Совета, деятельность этого органа и всех его директоратов была прекращена[16].

25 марта 1948 г. маршал В. Соколовский издал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации Германии». В нем начальнику транспортного управления СВАГ, в частности, предписывалось сократить до минимума движение пассажирских поездов и транспортов американских, английских и французских войск[17].

27 марта последовал его же приказ «Об усилении охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина», ужесточивший контроль над передвижением людей и перевозкой грузов через внешние границы Большого Берлина.

С 1 апреля были введены различные ограничения на коммуникациях, связывавших Берлин с западными зонами[18].

В Москве получали информацию, свидетельствовавшую о серьезности конфронтации вокруг Берлина. Так, в обзоре утренней немецкой прессы из Берлина за 2 апреля подчеркивалось: «Американский государственный департамент заверил, что вооруженные силы США останутся в Берлине. В вашингтонских дипломатических кругах советские мероприятия рассматриваются как начало попытки вытеснить западные державы из Берлина. По их мнению, Берлин является местом, где проверяется решимость американской и русской внешней политики»[19].

Представители западных оккупационных держав в этот период неоднократно заявляли о своей «непреклонной воле оставаться в Берлине»[20]. Тем не менее, руководители Советской Военной Администрации в Германии были настроены весьма решительно и оптимистично. Сообщая в Москву 17 апреля 1948 г. о реализации с 1 апреля плана контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации, М. Дратвин и В. Семенов победно докладывали: «Наши контрольно-ограничительные мероприятия нанесли серьезный удар по престижу американцев и англичан в Германии. Немецкое население считает, что "англо-американцы отступили перед русскими" и что это «показывает силу русских»[21].

Руководство Советской Военной Администрации в Германии явно недооценивало и решимость западных союзников оказать сопротивление советскому нажиму на Берлин, и средства, имевшиеся в их распоряжении. В этой же телеграмме руководители СВАГ утверждали, что «попытки Клея создать "воздушный мост" Берлина с западными зонами провалились. Американцы признали, что это слишком дорогая затея»[22].

М. Дратвин и В. Семенов предлагали усилить нажим на западные державы дальнейшим ужесточением режима на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации: пропускать товарные поезда из Берлина в западные зоны оккупации только по лицензии СВАГ на грузы, ввести новый порядок приема почтовых посылок в западные зоны. В дальнейшем под предлогом обеспечения безопасности полетов предполагалось ограничить и воздушное сообщение между Берлином и западными зонами оккупации[23].

Пойдя на серьезную конфронтацию с западными державами вокруг Берлина, сталинское руководство стремилось, прежде всего, обеспечить возможности вести переговоры по германской проблеме с позиции силы. Предполагалось, что осложнения в Берлине заставят Вашингтон,

Лондон и Париж быть более уступчивыми, отказаться от реализации их планов создания западногерманского государства. Советское силовое давление должно было также усилить недоверие немецкого населения к западным державам. Если же западные державы не готовы были пойти на серьезные политические уступки по германской проблеме, то советское руководство имело в виду попытаться включить весь Берлин в советскую зону оккупации и, возможно, вытеснить союзников из Берлина. В беседе лидеров Социалистической Единой Партии Германии с И. Сталиным 26 марта 1948 г. В. Пик заметил, что вряд ли результаты выборов, намеченных в Берлине на октябрь того же года, будут лучше для СЕПГ, чем в 1946 году. Далее Пик сказал, что «они были бы рады, если бы союзников удалить из Берлина. Сталин замечает: Давайте общими усилиями попробуем, может быть, выгоним»[24].

В апреле-июне 1948 г. Советская Военная Администрация в Германии продолжала усиливать нажим на западные державы в Берлине. 23 апреля политсоветник СВАГ В. Семенов, сообщая в МИД СССР о признаках переселения персонала администрации западных оккупационных властей из Берлина в западные зоны оккупации, высказывал предположение, что "выкуривание" западных держав из города вследствие этого вряд ли облегчится. Он считал, что «они, вероятно, хотят иметь для себя больше свободы» для «сопротивления нашему нажиму»[25]. 11 июня он же сообщил, что «в соответствии с утвержденным планом» в отношении ограничения передвижений принимаются дальнейшие меры. В сообщении выражалась надежда, что ограничения вызовут «дальнейшее потрясение престижа» западных оккупационных властей в Берлине[26]. 16 июня 1948 г. прекратила свою работу союзная комендатура в Берлине.

Таким образом, советские оккупационные власти в Германии стремились максимально затруднить положение западных держав в Берлине, подорвать их влияние в городе. Тем временем и на западе, и на востоке Германии продолжалась подготовка к проведению раздельной денежной реформы. 18 мая 1948 г. Советское правительство приняло постановление «О проведении денежной реформы в советской зоне оккупации Германии». Постановление обязывало Советскую Военную Администрацию в Германии в случае проведения сепаратной денежной реформы в западных зонах оккупации немедленно провести денежную реформу в советской зоне оккупации Германии. Правительство обязало «Советскую Военную Администрацию добиться хождения в районе всего Большого Берлина только новых денежных знаков Советской зоны оккупации»[27]. Тем самым возможности для маневров СВАГ резко сужались. Советское руководство стремилось включить весь Берлин в финансово-экономическую систему советской зоны, а это означало новый виток в развитии берлинского кризиса.

18 июня командующие оккупационными войсками США, Великобритании и Франции генералы Клей, Робертсон и Кёниг сообщили маршалу В. Соколовскому об осуществлении с 20 июня денежной реформы в трех западных зонах оккупации. Предполагалось не распространять денежную реформу на западные сектора Берлина. Однако представители СССР 19 июня объявили о том, что «денежные знаки, выпущенные в западных зонах оккупации Германии, не будут допущены к хождению в советской зоне оккупации Германии и в районе "Большого Берлина", находящегося в советской зоне оккупации Германии и экономически являющегося частью советской зоны»[28].

Четырехсторонние переговоры финансовых экспертов 22 июня оказались безрезультатными. При этом советский представитель заявил: «Мы предупреждаем и вас, и немецкое население Берлина, что примем экономические и административные санкции, которые заставят перейти в Берлине только на одну валюту — валюту советской оккупационной зоны»[29].

Осуществляя раздельную денежную реформу в Германии и пытаясь включить Берлин в советскую зону оккупации в финансовом отношении, обе стороны сознательно шли на резкое обострение ситуации. Сообщая в Москву о письмах западных главнокомандующих о проведении денежной реформы и нераспространении ее на западные сектора Берлина, руководитель СВАГ отмечал: «Очевидно, однако, что новая валюта для западных зон оккупации Германии будет введена в западных секторах Берлина после объявления о введении нами денежных знаков советской зоны для всего Берлина»[30].

С другой стороны, представители французских военных властей в Германии предупреждали американских и британских партнеров о серьезности грозящего международного кризиса. 23 июня французский генерал Ганеваль (Ganeval) заявил: «В момент перехода к применению контрмер, предусмотренных на случай советской денежной реформы, французское правительство обращает внимание союзников на непредсказуемые последствия, которые повлечет за собой введение валюты западных зон в наших секторах [Берлина]. Эти последствия, несомненно, выйдут за рамки самого Берлина»[31].

22 июня маршал В. Соколовский известил генералов Клея, Робертсона и Кёнига о проведении денежной реформы в советской зоне оккупации Германии и в районе Большого Берлина.

23 июня оккупационные власти трех западных держав приняли решение распространить денежную реформу в Западной Германии на западные сектора Берлина.

24 июня советские оккупационные власти полностью перекрыли наземные и водные коммуникации между западными зонами оккупации и Берлином "по техническим причинам".

Руководители СВАГ информировали Москву о нарастании трудностей западных держав в Берлине, о неизбежности их отступления в германском вопросе. Позднее в записке, составленной

сотрудником дипломатической миссии СССР в ГДР М. Сениным, отмечалось: «Среди наших руководящих товарищей в Германии имело место предположение, что в результате затруднений, которые могли вызвать наши ограничения в Берлине, западные державы вынуждены будут отступить, сдать свои позиции в Берлине в пользу Советского Союза»[32].

Положение западных держав было действительно непростым. Никаких ясных международно-правовых документов о коммуникациях западных зон оккупации с Берлином не существовало. Немецкий историк М. Вильке отмечает: «Формально введением блокады Советский Союз не нарушал никаких соглашений. Только воздушное сообщение западных держав с Берлином было отрегулировано решением Контрольного совета 30 ноября 1945 г. Были созданы три воздушных коридора и центральная служба воздушной безопасности Берлина, которая функционировала до 1990 г., и в период воздушных мостов советские офицеры продолжали нести свою службу»[33].

Попытка прорыва силой советской блокады означала столь существенный виток в эскалации конфликта, грозивший непредсказуемыми последствиями, что решиться на подобный шаг было очень трудно. Французский министр иностранных дел Ж. Бидо, например, в конце июня считал, что западные державы смогут удержаться в Берлине весьма непродолжительное время. В телеграмме в посольство Франции в Вашингтоне 27 июня Бидо отмечал: «Развитие ситуации в Берлине показывает, что западные державы столкнутся с самыми серьезными трудностями, дабы удержаться там более нескольких недель, если не произойдет радикального изменения отношений с советскими властями»[34]. Со своей стороны, западные державы ввели запрет на торговлю с советской зоной оккупации и на поставки репараций из Западной Германии Советскому Союзу.

При всей остроте международно-политического кризиса вокруг Берлина его участники полагали, что ни одна из сторон не стремится к большому вооруженному конфликту. Американские, британские и французские политические и военные руководители были единодушны во мнении, что Советский Союз не был в тот момент готов к войне и не стремился ее развязать[35]. Командование французскими войсками в Германии 24 июня так оценило позицию американцев и британцев: «Их образ действий основывается на абсолютном убеждении, что Россия не хочет войны»[36].

С другой стороны, советское руководство внимательно следило за выработкой позиции Запада в отношении берлинского кризиса. Проанализировав реакцию в США на советскую ноту от 14 июля, Министерство иностранных дел СССР пришло к следующему выводу: «После некоторых колебаний и прощупывания твердости советской позиции, руководящие круги США решили не идти в настоящее время на дальнейшее обострение берлинского вопроса»[37]. Все советские действия были направлены на то, чтобы военно-политическим давлением добиться от Запада политических уступок с расчетом на его благоразумие и нежелание спровоцировать развязывание войны. Впоследствии А.А. Громыко, объясняя решение И. Сталина о блокаде Берлина, называл следующие причины: из-за Берлина Соединенные Штаты не стали бы применять атомное оружие, а если бы американцы стали посылать вооруженные конвои, их бы останавливала Красная Армия. Советский министр добавил: «В конце концов, в случае столкновения лоб в лоб с Соединенными Штатами окончательное решение осталось бы за ним (за Сталиным – М.Н.)»[38].

Основной просчет руководства СССР заключался в недооценке решимости западных держав сопротивляться советскому нажиму и продолжать курс на реализацию решений Лондонской конференции представителей шести стран по германскому вопросу. Уже 3 июля маршал В. Соколовский заявил, что транспортные ограничения будут продолжаться до тех пор, пока не будут отменены планы западных держав по созданию западногерманского правительства. По мнению Л. Клея, это было первым признанием действительной причины блокады[39].

Отмеченное заявление маршала В. Соколовского убедительно опровергает утверждения, что важнейшей причиной Берлинского кризиса «стало проведение денежной реформы в западных зонах оккупации Германии и в Западном Берлине, политика США и Великобритании, направленная на их экономическое и политическое объединение»[40].

Что касается объединения трех зон, то советское руководство выступало не против этого объединения, а против создания сепаратного западногерманского правительства на основе Тризонии.

Западные державы организовали и расширили "воздушный мост" между западными зонами оккупации и Берлином. Советские власти не предприняли никаких мер против "воздушного моста". Российский исследователь И.Ф. Максимычев обоснованно утверждает: «Сепаратная денежная реформа предоставила повод для того, чтобы перекрыть наземные и водные пути сообщения с Западным Берлином. Но этот шаг был максимумом того, на что СССР готов был пойти. Его главной целью оставалось побудить западные державы вернуться за стол переговоров на предмет согласованного решения германского вопроса. Западный Берлин и пребывание западных гарнизонов в нем носили в данном контексте подчиненный характер»[41].

Вместе с тем после безрезультатного обмена нотами американское руководство решило добиваться личной встречи послов трех западных держав в Москве с И. Сталиным.

30 июля 1948 г. представители США, Великобритании и Франции посетили заместителя министра иностранных дел В. Зорина и вручили ему памятные записки аналогичного содержания,

в которых просили организовать встречу с главой Советского правительства для обсуждения положения в Берлине, а также более широких, связанных с этим вопросов[42].

31 июля послы США, Великобритании и Франции имели раздельные беседы с министром иностранных дел СССР В. Молотовым, во время которых обсуждалось содержание предстоящих переговоров. В. Молотов подчеркнул, что «Советское правительство считает невозможным отрывать обсуждение вопроса о Берлине от вопроса о четырехстороннем контроле над Германией в целом»[43]. Послы западных держав вроде бы согласились с подобным подходом.

2 августа представители США, Великобритании и Франции были приняты И.Сталиным. Глава Советского правительства энергично изложил свою позицию послам западных держав. «Он, тов. Сталин, говорил о двух моментах: о специальной валюте в Берлине и о решениях Лондонского совещания. Он, тов. Сталин, думает, что эти решения вызвали и стимулировали те ограничительные меры, о которых идет речь. Он, тов. Сталин, уже сказал, повторяет и может даже, если это необходимо, записать, что одновременно с ликвидацией ограничительных мер по транспорту, принятых Военной Администрацией Советского правительства, должна быть отменена специальная валюта — марка «Б», введенная тремя державами в Берлине, и заменена той валютой, которая имеет хождение в советской зоне, т.е. валютой «дойчемарк». Это первое. Во-вторых, должно быть дано заверение, что исполнение решений Лондонской конференции будет отложено до того, пока представители четырех держав не встретятся и не договорятся по всем основным вопросам, касающимся Германии»[44].

При этом Сталин подчеркнул, что он выступает против создания западногерманского правительства, а объединение трех западных зон в одну, это, может быть, даже лучше. Сталин вновь и вновь настаивал: "Приостановите исполнение лондонских решений и отмените марку «Б». Никаких затруднений не будет. Это можно хоть завтра сделать. Подумайте об этом"[45]. При этом «тов. Сталин отметил, что Советское правительство потому и не имело и не имеет намерения вытеснить войска трех держав из Берлина, что оно полагало, что союзники вернутся к сотрудничеству, что они придут к этому в конце концов, после драки»[46].

Натолкнувшись на последовательное нежелание представителей западных держав дать какие-либо официальные заверения о приостановлении реализации лондонских решений, Сталин пошел на уступку: он не стал требовать этого как условия отмены советских ограничений на коммуникациях, но просил записать настойчивое пожелание Советского правительства отложить решение вопроса о западногерманском правительстве. Со своей стороны, представители западных держав выразили согласие на введение в обращение в Берлине немецкой марки советской зоны оккупации и на изъятие из обращения в западных секторах Берлина марки «Б». Было условлено, что одновременно с этой мерой будут сняты транспортные ограничения между Берлином и западными зонами оккупации[47].

В ходе беседы И. Сталин признал советское давление на западные державы, но стремился представить его как вынужденную оборонительную меру — «Тов. Сталин ответил, что он, тов. Сталин, не отрицает, что было применено давление, но оно было вызвано тем давлением, которое оказала Лондонская конференция. Это было давление на Советский Союз, атака на валюту в Германии»[48].

В целом И. Сталин весьма логично, последовательно и напористо изложил представителям трех западных держав свою позицию. Основной задачей советского руководства было добиться отказа западных держав от реализации решений Лондонской конференции по германскому вопросу, от подготовки к созданию западногерманского правительства. К этой теме вновь и вновь возвращался В. Молотов во время своих встреч с представителями западных держав в августе 1948 г. Так, 6 августа он настаивал на необходимости «отложить решения лондонского совещания. Советская сторона теперь на этом не настаивает, поскольку это затруднительно для представителей трех держав. Но Советское правительство считало бы это желательным. Это настойчивое пожелание Советского правительства»[49].

В качестве запасной позиции И. Сталин и В. Молотов стремились добиться признания валюты советской зоны оккупации в качестве единственной валюты в Берлине в обмен на отмену советских ограничений на коммуникациях Берлина с западными зонами оккупации. В этом случае советская сторона добивалась бы фактического включения всего Берлина в финансово-экономическую систему советской зоны под советским контролем. Тем самым советские позиции в Берлине существенно усиливались, а западные — ослаблялись. Впоследствии 2-й секретарь дипломатической миссии СССР в ГДР М. Сенин в своей записке по берлинскому вопросу писал: «Для нас было, прежде всего, важно восстановить экономическое единство Берлина, включить весь Берлин в экономическую систему советской зоны, а также восстановить единство управления городом. Это послужило бы основой для завоевания западноберлинского населения. Этим были бы созданы предпосылки для полного вытеснения западных держав из Берлина»[50].

Думается, что западные державы допустили тактический просчет, добиваясь встречи представителей США, Великобритании и Франции с И. Сталиным. Глава Советского правительства чувствовал себя хозяином положения, оказывал энергичное давление, требовал, настаивал. Уклончивые дипломатичные ответы представителей западных держав он расценивал как показатель слабости, готовности пойти на уступки. Эти иллюзии И. Сталина и В. Молотова отразились в советском проекте совместного коммюнике пра-

вительств Франции, Соединенного Королевства, США и СССР по вопросам Германии, утвержденном на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 августа 1948 г. Характерно, что это был первый документ, рассмотренный и утвержденный Политбюро ЦК ВКП(б) в ходе берлинского кризиса.

Проект совместного коммюнике предусматривал отмену 15 августа всяких ограничений, наложенных после объявления денежной реформы в западных зонах в отношении пассажирского и грузового транспорта между тремя западными зонами Германии и Берлином в обоих направлениях. Одновременно немецкая марка советской зоны должна была стать единственной валютой для Берлина при регулировании всего денежного обращения в городе Немецким Эмиссионным Банком советской зоны оккупации. Советский проект предусматривал созыв в ближайшее время совещания представителей четырех правительств в виде Совета Министров Иностранных Дел или отдельного совещания представителей четырех держав «для обсуждения а) любых неразрешенных вопросов, касающихся Берлина, и б) любых других неразрешенных проблем, затрагивающих Германию в целом».

Но и это было еще не все. Советский проект содержал следующий важный абзац: «В состоявшихся переговорах представителей четырех держав рассматривалось пожелание Советского Правительства отложить проведение решений Лондонского совещания о создании правительства Западной Германии до выяснения результатов упомянутого выше совещания представителей четырех держав. При этом представители трех западных держав заявили, что правительства этих держав не думают пока заняться вопросом о создании правительства Западной Германии»[51].

Ясно, что подобный документ означал бы чистый выигрыш сталинского руководства, успех блокады Берлина и давления на западные державы. Утверждение подобного документа на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) свидетельствовало о надеждах добиться чрезвычайно выгодного для СССР разрешения берлинского кризиса и резко ограничивало возможности советской дипломатии в достижении компромисса. Сталинское руководство допустило серьезный политический просчет, недооценивая готовность западных держав сопротивляться советскому нажиму, продолжить конфронтацию.

Тем не менее, в результате переговоров западных представителей с И. Сталиным и В. Молотовым удалось выработать совместную директиву главнокомандующим четырех держав в Германии. Она предусматривала одновременную отмену ограничений на коммуникациях между Берлином и западными зонами оккупации и изъятие из денежного обращения в Берлине западной марки «Б». Тем самым марка советской зоны становилась бы единой валютой для Берлина. Для контроля за введением и денежным обращением единой валюты в Берлине должна была быть создана финансовая комиссия из представителей четырех главнокомандующих.

Ужесточение позиции представителей западных держав в ходе переговоров в августе 1948 г. воспринималось советской стороной чрезвычайно негативно. В частности, западные представители упорно отказывались зафиксировать приостановку реализации решений Лондонской конференции. Советское руководство было явно разочаровано созывом 1 сентября 1948 г. Парламентского совета для разработки конституции Западной Германии. Эта акция ясно продемонстрировала стремление западных держав продолжить подготовку к созданию западногерманского государства. Между тем, во время беседы И. Сталина с представителями трех западных держав 2 августа В. Молотов заметил, что «не о чем вести переговоры, если будут проведены в жизнь решения Лондонской конференции»[52].

Думается, что именно начало работы Парламентского совета предопределило неудачу переговоров главнокомандующих оккупационными силами четырех держав в Германии в начале сентября. Неверная оценка советским руководством общей военно-политической ситуации, намерений и возможностей западных держав привела к отказу от компромиссных решений в августе-сентябре 1948 года и к затягиванию Берлинского кризиса.

31 августа министр иностранных дел СССР В. Молотов передал в Берлин указания к переговорам главнокомандующих, в которых, в частности, предписывалось «не отступать от согласованных в Москве решений, особенно в отношении расширения полномочий финансовой комиссии»[53].

В соответствии с выработанной в Москве общей директивой четырех правительств, финансовая комиссия из представителей четырех главнокомандующих в Германии создавалась для контроля за практическим осуществлением мероприятий, связанных с введением в обращение единой валюты в Берлине. Вопрос о функциях и полномочиях этой финансовой комиссии и стал одним из главных "камней преткновения" на переговорах главнокомандующих в Берлине 1-7 сентября.

При этом, как мне представляется, представители западных держав готовы были пойти на разумный компромисс. На встрече с В. Молотовым 18 сентября они доказывали, что их главнокомандующие не хотят вмешательства в финансовые дела советской зоны и распространяют деятельность финансовой комиссии лишь на Берлин. Посол США в Москве Смит во время этих переговоров заявил, что «со стороны представителей Франции, Великобритании и США в Берлине не было сделано никакой попытки расширить контроль финансовой комиссии над Немецким Эмиссионным Банком в отношении каких-либо других вопросов, помимо тех, которые относятся к Берлину». Далее он отметил, что «представители трех держав все время признавали, что контроль финансовой комиссии должен осуществляться таким образом, чтобы не нанести ущерба ответст-

венности советской администрации за денежное обращение в советской зоне оккупации»[54].

К сожалению, советское руководство не использовало этот шанс для достижения довольно выгодного компромисса. Неверная оценка общей военно-политической ситуации, намерений и возможностей западных держав привела к отказу от урегулирования берлинского кризиса в августе-сентябре 1948 г. и к его затягиванию. Очевидно, ставка делалась на невозможность нормального функционирования американского "воздушного моста" осенью-зимой 1948 года. Советские представители тщательно собирали и докладывали руководству всю информацию, свидетельствовавшую именно о нарастающих трудностях организаторов "воздушного моста" и о его неминуемом грядущем провале.

В этом смысле характерен отчет сотрудника советской делегации на сессии генеральной ассамблеи ООН Г. Ратиани о его беседе с французским заместителем начальника отдела прессы ООН Оденом 20 ноября 1948 года. По информации Ратиани, хорошо знакомый Одену сотрудник американской делегации говорил ему о том, что «положение с “воздушным мостом” в Берлине исключительно трудное. Американские военные заявляют, что в настоящих зимних условиях полеты чрезвычайно сложны и личный состав настолько измучен, что стоит очень больших усилий заставить летчиков продолжать полеты. Материальная часть очень быстро изнашивается. Этот сотрудник американской делегации сказал, что американское военное командование и госдепартамент опасаются прекращения функционирования “воздушного моста” в самое ближайшее время»[55].

В ожидании краха "воздушного моста" и капитуляции западных держав в берлинском вопросе советское руководство взяло курс на затягивание дипломатических дискуссий. Одновременно в октябре 1948 года СВАГ усилила охрану границ внешнего обвода Берлина.

Все дипломатические баталии и маневры по берлинскому вопросу осенью-зимой 1948 г.: обсуждение в Совете Безопасности ООН, попытки Председателя Совета Безопасности Брамуглия выступить посредником, работа технического комитета экспертов шести нейтральных стран — оказались безрезультатными. Тем временем общая политическая ситуация вокруг Берлина изменилась. Во-первых, четыре державы предприняли дальнейшие шаги к расколу Германии: прекратил свое существование единый магистрат Берлина; и на Западе, и на Востоке страны активно велась подготовка к созданию двух германских государств. Во-вторых, — возможно, это и было главным — американский "воздушный мост" смог успешно функционировать и в зимних условиях. В начале мая 1949 г. СВАГ докладывала, что с июля 1948 г. по 31 марта 1949 г. авиация трех западных держав произвела 274663 самолетовылета, в Берлин было доставлено 1 209 157 тонн продовольствия, топлива и дефицитного сырья[56].

Советское руководство вынуждено было признать поражение своей попытки блокады Берлина. Политико-пропагандистский проигрыш был налицо. Российский специалист А.М. Филитов обоснованно отмечает: «При этом последствия “блокады Берлина” для имиджа советской политики в Германии были явно отрицательными»[57].

Тогда-то, 31 января 1949 г., были опубликованы ответы И. Сталина на вопросы генерального европейского директора Американского агентства "Интернэшнл Ньюс Сервис" г-на Кингсбэри Смита, в которых отмена всех транспортных ограничений связывалась лишь с созывом новой сессии Совета Министров Иностранных Дел. Вопрос о единой валюте для Берлина вообще не упоминался[58].

После этого, в середине февраля 1949 г., по инициативе американской стороны, между заместителем представителя США в Совете безопасности Ф. Джесепом и советским представителем в ООН Я. Маликом были начаты переговоры об урегулировании берлинского вопроса. Эти переговоры продолжались до начала мая 1949 г. 4 мая в Нью-Йорке было достигнуто соглашение, по которому 12 мая отменялись все ограничения по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными землями, между восточной зоной и западными зонами, а также между западными зонами и восточной зоной Германии. Пункт 3 соглашения предусматривал: «Через 11 дней после отмены ограничений, упомянутых в пп. 1 и 2, а именно 23 мая 1949 года, в Париже будет созвана сессия СМИД для рассмотрения вопросов о Германии и проблем, возникающих из положения в Берлине, в том числе и вопроса о валюте в Берлине»[59].

Это соглашение было реализовано. 12 мая все ограничения по связи, транспорту и торговле между Берлином и западными зонами, введенные после 1 марта 1948 г., были отменены. К сожалению, в моем распоряжении не было документов, раскрывающих мотивы действий советского руководства и механизм принятия решения об окончании блокады Берлина. Имеется лишь последующая оценка сотрудника советской миссии в ГДР М. Сенина, который отмечал негативный эффект "воздушного моста" для СССР с политической, пропагандистской и стратегической точки зрения.

«Советское правительство, естественно, не могло мириться с существованием этой военно-воздушной трассы англо-американских империалистов в Берлин, — писал Сенин в 1950 г. — Чтобы ликвидировать это агрессивное “сооружение” и его отрицательные последствия и вообще выбить из рук империалистов всякие поводы, возникшие в связи с введением ограничений, для разжигания антисоветской пропаганды среди немцев, для разжигания военной пропаганды, Советское Правительство в мае 1949 г. пошло на снятие ограничений в области транспорта, связи и торговли»[60]. Тем самым косвенно признавалось поражение СССР по берлинскому вопросу.

Что касается Парижской сессии СМИД, то она не достигла реальных договоренностей. Берлин остался расколотым городом с различными валютами. В июне 1948 года западные коменданты Берлина ввели в обращение новую немецкую марку, поставив на нее печать «Б», и разрешили обращение восточной марки в своих секторах. Таким образом, до марта 1949 г. в Западном Берлине использовались две валюты. Позже немецкая марка была объявлена единственным платежным средством, что укрепило экономические связи Западного Берлина с Западной Германией[61]. На Западе и Востоке Германии завершалась подготовка создания двух германских государств.

Анализ действий советского руководства во время берлинского кризиса 1948-1949 годов позволяет утверждать, что для него это была борьба за недопущение расширения западной сферы влияния. Москва стремилась не допустить образования западногерманского государства и его включения в западный блок. Блокада Берлина призвана была создать ситуацию, в которой СССР мог бы вести переговоры по германской проблеме с позиции силы. В случае отказа западных держав пойти на серьезные политические уступки оставалась попытка ослабить их позиции в Берлине, включив весь город в финансово-экономическую систему советской зоны оккупации.

Основным просчетом сталинского руководства была недооценка решимости западных держав, и в первую очередь США, добиваться реализации курса на создание западногерманского государства, финансово-экономических и военно-технических возможностей Запада. Успешное функционирование американского "воздушного моста" привело к тому, что Советский Союз потерпел политическое и пропагандистское поражение в берлинском кризисе. Сталин еще раз показал, что при серьезном сопротивлении его внешнеполитическим акциям он умел отступать. Западные державы, пойдя на созыв Парижской сессии СМИД в мае 1949 г., позволили советским лидерам "спасти лицо", по форме добиться некоторого компромисса.

Вместе с тем важной чертой этого острейшего международного кризиса холодной войны было нежелание ни одной из сторон "сделать первый выстрел", развязать крупномасштабный военный конфликт. В этом смысле участники конфликта правильно оценивали намерения друг друга и проявляли разумную сдержанность.

Narinsky M. The Berlin crises 1948-1949.

Summary: *The author analyses the origins and the development of the Berlin crisis of the 1948 – 1949 years. From Soviet perspective, the blockade of Western Berlin was a legitimate response to the West's unilateral decision to unify the three western occupation zones and to move toward establishing a West German government. On June 25, the day after the blockade went into effect, British and U.S. military leaders began airlifts to supply West Berlin. The airlift provided a huge victory for the West in the battle for German public opinion. By the winter of 1948-1949, Stalin realized that the airlift was helping the West more than the blockade was hurting it. After U.S. – Soviet secret discussions there was an announcement on May 5 that the blockade would be lifted on May 12 and that a Council of Foreign Ministers meeting on German problem would convene in Paris two weeks later.*

Ключевые слова

германская проблема, Совет министров иностранных дел, курс на раскол Германии, денежная реформа, блокада Берлина, воздушный мост, урегулирование кризиса.

Keywords

the German problem, the air bridge, course on split of Germany, Council of Foreign Ministers, crisis settlement

Примечания

1. См., например: 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008г. Москва, РОССПЭН, 2009.
2. СССР и германский вопрос, 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Том 2: 9 мая 1945 – 3 октября 1946. Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. Москва, 2000, стр. 370-371.
3. Г. Кынин, Й. Лауфер. Введение - **Ошибка! Ошибка связи**. том 2, стр.74.
4. Записка А.Смирнова В.Молотову. 3.X.1947 - АВП РФ. Фонд 082, опись 34, папка 146, дело 7. лист 1. Опубликовано: СССР и германский вопрос, том 2, стр. 505.
5. Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.XI.1947 - Российский государственный архив социально-политической истории.
6. А.Г. Зверев и П.А. Малетин В.М. Молотову, 21 января 1947 - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 227.
7. Там же, стр. 227.
8. Постановление Совета Министров СССР от 10.XII.1947 г. - Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 1-2.
9. Постановление Совета Министров СССР от 7.V.1948 г. - Там же, лист 32.
10. New York Herald Tribune. 20 December 1947.
11. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франциис Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з , опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 435.
12. Телеграмма М.Дратвина и В.Семенова В.Молотову и Н.Булганину. 17.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 23.
13. А.А. Смирнов В.М.Молотову, 12 марта 1947 - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 601.

14. Там же, стр. 602.
15. Там же, стр. 603.
16. См.: Советский Союз и Берлинский вопрос (Документы). [Выпуск 1]. Москва, МИД СССР, 1948, стр. 22-25.
17. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франциив Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з , опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 439.
18. См.: Справка О.В. Оконишникова, 10 апреля 1948 г. - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 647-651.
19. Телефонограмма из Берлина в Москву 2.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 13.
20. Справка О.В Оконишникова, 10 апреля 1948 г. - Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 648.
21. Телеграмма М.Дратвина и В.Семенова В.Молотову и Н.Булганину. 17.IV.1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 25.
22. Там же, лист 24.
23. Там же, лист 28.
24. Запись беседы тов. И.В.Сталина с руководителями Социалистической Единой Партии Германии В.Пиком и О.Гротеволем. 26 марта 1948 года. - Архив президента РФ. Фонд 45, опись 1, дело 303, лист 34. Опубликовано: Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 623.
25. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франции. Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з , опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 449. Опубликовано: Советский Союз и германский вопрос, 1941-1949. Том 3: 6 октября 1946 – 15 июня 1948, стр. 662.
26. **Ошибка! Ошибка связи**. лист 451.
27. Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 33-35.
28. Советский Союз и Берлинский вопрос (Документы). [Выпуск 1], стр. 30.
29. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франциив Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з , опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 454.
30. Телефонограмма В.Соколовского и В.Семенова В.Молотову 18.VI.1948 - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 45.
31. Général Ganeval à G.Bidault, le 24.6.1948. Télégramme arrivé. - Archives Nationales. Paris. Archives privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
32. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, опись 37, папка 216, дело 112, лист 21.
33. М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г. Москва, РОССПЭН, 2009, стр. 128-129.
34. G.Bidault à AmbaFrance, Washington , le 27.VI.1948. Télégramme au départ. - Archives Nationales. Paris. Archives privées de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
35. См.: A.Shlaim. The United States and the Berlin Blockade, 1948-1949. A Study in Crisis Decision-Making. University of California Press, 1983, p. 216, 232, 248 and others.
36. Télégramme reçu du Berlin, le 24 juin 1948. - Archives Nationales. Paris. Archives privés de M.Georges Bidault. Fonds 457. Carton AP18.
37. Позиция США в отношении ответной ноты СССР от 14 июля о положении в Берлине (Справка). - АВП РФ. Фонд 082, опись 35, папка 165, дело 32, лист 28.
38. М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 129.
39. См.: L.Clay. Decision in Germany. Melbourne-London-Toronto, 1950, p. 367.
40. В.В. Захаров. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948 -1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 161.
41. И.Ф. Максимычев. "Дырявая" блокада: Западный Берлин 1948–1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 156.
42. US Department of State. The Berlin Crisis. A Report on the Moscow Discussions. Washington. D.C., 1948, pp. 15-16.
43. О переговорах представителей США, Великобритании и Франции с В.М.Молотовым по вопросу о положении в Берлине и другим германским вопросам в августе-сентябре 1948 г. (справка). - АВП РФ. Фонд 7, опись 11ж, папка 1, дело 2, лист 22.
44. Беседа тов. И.В. Сталина с американским послом Смитом, британским представителем Робертсом и французским послом Шатеньо 2 августа 1948 г. - АВП РФ. Фонд 07, опись 21ж, папка 43, дело 1, лист 7, 11.
45. Там же, лист 17.
46. Там же, лист 17.
47. Там же, лист 21.
48. Там же. лист 18.
49. Из дневника В.М. Молотова. Прием американского посла Смита, французского посла Шатеньо и представителя Бевина Робертса. 6 августа 1948 г. - Архив президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 105.
50. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, опись 37, папка 216, дело 112, лист 21.
51. Т. Молотову. Выписка из протокола № 65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Решение от 7 августа 1948 г. - Архив Президента РФ. Фонд 3, опись 64, дело 789, лист 119-121.
52. Беседа тов. И.В. Сталина с американским послом Смитом, британским представителем Робертсом и французским послом Шатеньо. 2 августа 1948 г. - АВП РФ. Фонд 07, опись 21ж, папка 43, дело 1, лист 18.
53. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франциив Обзор, часть 3. - АВП РФ. фонд 048з , опись 11ж , папка 70, дело 17, лист 467.
54. О переговорах представителей США, Великобритании и Франции с В.М.Молотовым по вопросу о положении в Берлине и другим германским вопросам в августе-сентябре 1948 г. (справка) - АВП РФ. Фонд 7, опись 11ж , папка 11, дело 2, лист 11.
55. Из дневника Г.М. Ратиани. Запись беседы с заместителем начальника отдела прессы ООН Оденом 20 ноября 1948 г. - АВП РФ. Фонд 082, опись 35, папка 165, дело 32, лист 62.
56. В.В. Захаров. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948 -1949 гг. - 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 174-175.
57. А.М. Филитов. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941 – 1990. Москва, Наука, 2009, стр. 130.
58. См.: Советский Союз и берлинской вопрос (документы). выпуск 2. М., 1949. С. 8-9.
59. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США, Англии и Франциив Обзор, часть 3. - АВП РФ. Фонд 048з, опись 11ж, папка 70, дело 17, лист 492-493.
60. М.Сенин. Записка по берлинскому вопросу. 1950 г. - АВП РФ. Фонд 082, опись 37, папка 216, дело 112, лист 24.
61. См.: М. Вильке. Берлинский кризис 1948 -1949 гг. и его место в истории «холодной войны». – 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19-20 июня 2008 г., стр. 134.

Образ Советского Союза в странах Северной Европы в 1945 году

В.В. Рогинский

В статье анализируется смена образа СССР в странах Северной Европы в 1945 году, когда страны и народы Северной Европы пережили краткий период восхищения Советским Союзом - победителем страшной нацистской силы. Возросший к концу Второй мировой войны авторитет Советского Союза, сыгравшего главную роль в разгроме военной машины гитлеровского Рейха¸ способствовал также повышению популярности коммунистических партий стран Северной Европы. Однако положительный образ СССР в глазах жителей североевропейского региона, образовавшийся в итоге Второй мировой войны, в условиях начавшейся «холодной войны» довольно быстро рассеялся.

Что представляла собой Северная Европа 1945 года, точнее, в середине мая этого года, когда гитлеровская Германия капитулировала и военные действия на европейской территории в основном прекратились? Все страны Северной Европы (Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия) ко времени Второй мировой войны были уже вполне развитыми в экономическом, политическом, социальном и культурном отношении странами. Экономически это были страны развитого капитализма с социально-ориентированной рыночной экономикой, которая в 1930-х годах в большей или меньшей степени стала объектом социал-демократического реформирования. В политическом отношении здесь уже существовала устоявшаяся демократическая многопартийная система, которая продемонстрировала свою неподверженность право- и леворадикальным веяниями. Некоторым исключением здесь была Финляндия, где существовавшая конституционная демократическая система была неполной, так как в силу целого ряда причин в стране была существенно ограничена деятельность леворадикальной Коммунистической партии, которая была вынуждена действовать в подполье.

Самая крупная страна региона, Швеция, которой посчастливилось, как и в годы Первой мировой войны, остаться нейтральной, фактически вышла окрепшей и консолидированной, несмотря на потери, вызванные фактической блокадой и военными действиями на Балтике, когда жертвой подводной войны со стороны Советского Союза стали несколько шведских судов. Существовавшие в 30-х годах симпатии к Советскому Союзу как противовесу гитлеровской Германии, в начале Второй мировой войны, после сближения СССР с Германией, особенно после начала «Зимней войны» с Финляндией, почти полностью исчезли. Но затем, уже в ходе Отечественной войны они возродились, так как большинство шведов понимало, что героической борьбе советского народа Швеция обязана сохранением своей независимости.

Дания стала одной из первых жертв нападения Германии и оккупации, хотя особенно на первых порах эта оккупация была сравнительно с другими странами Европы весьма мягкой. Тем не менее, нараставшее в ходе войны движение сопротивления и крушение политики умеренного коллаборационизма уже в 1943 г. способствовало тому, что под занавес Второй мировой войны Дания вошла в состав антигитлеровской коалиции.

Принадлежавшие Дании атлантические островные владения, Исландия (формально королевство в личной унии с Данией) и Фарерские острова уже в апреле 1940 г. были заняты британцами, которых в Исландии через год сменили

Рогинский Вадим Вадимович – д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

американцы. Исландия стала огромным перевалочным пунктом, где формировались конвои союзников, перевозившие грузы в Европу, в том числе после июня 1941 г. в арктические порты Советского Союза. В 1944 г. Исландия провозгласила разрыв унии с Данией и установление республики.

Фарерские острова своего статуса не изменили, но участие их крошечного флота в морских перевозках британцев (погибло 25 судов и 132 моряка) способствовало в дальнейшем обретению ими автономии в 1948 г.

Норвегия была оккупирована немцами в апреле – июне 1940 г. В течение всей войны на ее территории находилось 200-400 тыс. немецко-фашистских войск, поскольку Гитлер опасался, что союзники именно здесь откроют второй фронт. В августе 1940 г. оккупантами был установлен марионеточный режим местных национал-социалистов под руководством их вождя Видкуна Квислинга. Здесь также симпатии к Советскому Союзу в начале войны были весьма незначительными, но уже затем популярность СССР, несмотря на мощную антисоветскую пропаганду со стороны немцев и квислинговцев, стала расти. Большую роль здесь сыграли радиопередачи из Лондона, которые велись на норвежском языке и в которых часто выступал король Норвегии Хокон VII, неоднократно подчеркивавший важность союзнических отношений между Норвегией и СССР.

В августе 1943 года Квислинг заявил о том, что он объявляет войну СССР. Под Ленинград был отправлен "норвежский легион" (две тысячи человек), но развернуть массовую мобилизацию в помощь Гитлеру квислинговцы оказались не в силах. Возможно, этот факт способствовал тому, что иногда из уст некоторых наших политиком, высказывающихся на темы истории Второй мировой войны, Норвегия причисляется к союзникам гитлеровской Германии, что является прямой фальсификацией истории. Чрезвычайной особенностью положения Норвегии было то, что на территории страны в ходе Второй мировой войны оказалось до 80-100 тыс. советских военнопленных, переброшенных сюда гитлеровцами, прежде всего, для строительства «Festung Norwegen" (крепости Норвегия). Норвежцы, хотя это и было запрещено оккупантами и жестоко каралось, всячески старались помогать советским военнопленным, о чем до сих пор в норвежских семьях сохраняются предания.

Возросший к концу Второй мировой войны авторитет Советского Союза, сыгравшего главную роль в разгроме военной машины гитлеровского Рейха, способствовал повышению популярности коммунистических партий стран Северной Европы. На выборах 30 октября 1945 г. Коммунистическая партия Дании, включившаяся в движение сопротивления после 22 июня 1941 г., получила 12,5% голосов (18 депутатов, на выборах 1939 г. – 3 депутата), правда, в основном за счет потерпевших поражение социал-демократов, продолжавших оставаться сильнейшей партией страны (48 депутатов вместо 66).[1]

В Швеции на выборах 1945 г. во вторую палату риксдага коммунисты получили 15 мандатов (из 230), на предыдущих выборах 1937 и 1941 гг. – соответственно 5 и 3 места. В первую палату – 2 места (из 150), в 1937 – 0, а в 1941 г. – 1. В Норвегии, где в 1930-х гг. компартия занимала маргинальное положение и не была даже представлена в парламенте – стортинге, в 1945 г. завоевала 17% голосов. Более того, два члена КПН вошли в состав коалиционного правительства страны, образованного после освобождения.

Интересной особенностью взаимоотношений Дании и Норвегии с Советским Союзом и отсюда сложностью формирования образа СССР в этих странах в 1945 г. было то, что на небольших территориях и Дании, и Норвегии находились части Красной Армии. В отношении Дании это был датский остров Борнхольм, с боями занятый десантом советских частей уже в мае 1945 г., точнее - 9 мая, поскольку немецкий гарнизон отказался капитулировать.[2] Советские войска оставались на острове до марта – апреля 1946 г. Выступая 10 мая 1945 г. по радио, министр иностранных дел Дании, активный участник движения сопротивления Кристмас Мёллер подчеркнул: «Все народы благодарят сегодня Советский Союз за его огромный вклад в дело разгрома злейшего врага человечества. Датский народ выражает России свою огромную благодарность за ее участие в освобождении Дании».[3]

Ситуация в отношениях между СССР и Норвегией неожиданно изменилась в связи с выходом Финляндии из войны с Советским Союзом в сентябре 1944 г., когда одним из условий перемирия стало возвращение Советскому Союзу района Петсамо – Печенги. Это была российская территория, оказавшаяся в ходе гражданской войны и по Тартускому мирному договору в составе Финляндии. Теперь СССР и Норвегия становились граничащими друг с другом государствами: по границе, установленной между Россией и Норвегией еще в 1826 г.

Это событие побудило норвежского посла в Москве Рольфа Андворда уже 29 сентября 1944 г. отправить министру иностранных дел Трюгве Ли письмо со своими наметками о развитии советско-норвежских отношений в будущем. Андворд писал: «Что касается современной ситуации, то я испытываю соблазн сказать, что, может быть, и лучше иметь прямой контакт с таким своеобразным и могучим социалистическим государством будущего, каким является Советский Союз, который после неспокойных и мятежных лет молодости сейчас, с политической точки зрения, вошел в более спокойный фарватер, где он чувствует себя более уверенным и желает оказать уважение другим. Курс, который здесь взят, нельзя рассматривать как нечто случайное, связанное с личностью Сталина, а следует понимать его как естественное следствие происшедшей эволюции».[4]

В 1944 г. стала вырисовываться перспектива освобождения Северной Норвегии советскими войсками. Встал вопрос о юридических аспектах ситуации предстоящего перехода границы. В марте в Лондоне начались переговоры о возможном участии норвежских частей в военных действиях совместно с Красной Армией, а в мае здесь же было заключено советско-норвежское соглашение "о гражданской администрации и юрисдикции в норвежских районах, освобождаемых советскими вооруженными силами".

Однако осуществление этого соглашения, в силу сложности самой операции, могло начаться только осенью 1944 года. В сентябре, после выхода Финляндии из войны, создалась благоприятная обстановка для разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье, ядро которых составляла 20-я горная армия численностью в 200 тысяч человек.

26 сентября началась подготовка Карельского фронта к наступлению на петсамо-киркенесском направлении. На первом этапе 14-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.И. Щербакова во взаимодействии с Северным флотом (командующий - адмирал Г.А. Головко) должна была разгромить немецкий 19-й горно-стрелковый корпус и выйти на государственную границу с Норвегией. К этому времени, согласно соглашению с Финляндией, район Петсамо (Печенги), отошедший к ней по договору 1920 года, возвращался России. Осуществлять такую операцию было непросто, так как гитлеровцы за несколько лет сумели сделать свою оборону в Заполярье почти неприступной.

8 октября силы 14-й армии начали наступление, в ходе которого оборона противника была взломана, и он был вынужден отступить. 15 октября советские войска вышли к финляндско-норвежской границе. Уже 18 октября солдаты и офицеры первого батальона 253-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии вступили на территорию Норвегии. Норвежский поселок Тарнет был превращен немцами в важнейший опорный узел Киркенесского укрепленного района, вокруг которого была создана "мертвая зона". Однако и эти укрепления не смогли остановить наступающие советские войска. 22 октября они захватили Тарнет, а еще через два дня бои завязались уже на подступах к норвежскому городу Киркенес.

В ночь на 24 октября 61-й стрелковый полк 45-й дивизии форсировал залив Ярфьорден и захватил плацдарм на западном его берегу. Тогда же в другом заливе, Холменфьордене, был высажен десант моряков и морской пехоты Северного флота. С первых же дней боевых действий на норвежской земле местные жители помогали, чем могли, наступавшим советским войскам. Для переправ через фьорды они передали имевшиеся у них лодки, шлюпки, все, что сумели спрятать от немцев.

В 5 часов утра 25 октября советские войска после мощной артиллерийской подготовки приступили к форсированию залива Бекфьорден. Первая попытка не удалась. Второй натиск оказался более удачным. В переправе участвовали и норвежцы. Фашистские войска были вынуждены отступить. За отличие в боях и с учетом важности операции 30 соединений и частей Красной Армии были удостоены почетных званий "Печенгские" и "Киркенесские".

Отступая, немцы уничтожали дома, мосты, другие сооружения, в прямом смысле применили тактику "выжженной земли". 28 октября Гитлер отдал приказ о принудительной эвакуации всего населения Северной Норвегии. Квислинговская пропаганда, со своей стороны, запугивала население "русской опасностью". В результате, 50 тысяч человек было вывезено в другие районы страны.

Но 23 тысячи человек уклонились от этих предписаний, скрываясь в горах. 3500 жителей разрушенного Киркенеса спрятались в заброшенной штольне, недалеко от города. Немецкое командование собиралось взорвать эту штольню, и лишь подоспевший утром 25 октября взвод разведчиков 65-й стрелковой дивизии спас норвежцев, вовремя блокировав и уничтожив отряд немецких подрывников.

В ходе операции по освобождению Печенги и Киркенеса было убито и ранено 15 773 советских солдата и офицера, причем непосредственно на норвежской территории — 2122 человека. В результате Петсамо-Киркенесской операции было не только освобождено полностью советское Заполярье, но и часть территории Северо-Восточной Норвегии, где вскоре была восстановлена законная норвежская власть.

Норвежское правительство приветствовало вступление советских частей на территорию страны. 26 октября 1944 года по лондонскому радио выступил король Хокон VII. Текст этой речи был отпечатан и распространен в виде листовок по всей Норвегии. Приветствуя советских солдат как освободителей, король заявил: "Путь к свободной, независимой, демократической Норвегии — это путь лояльного и тесного сотрудничества со всеми объединенными нациями, в том числе и с Советским Союзом. Этот путь ведет через откровенное сотрудничество всех честных патриотических сил в норвежском народе, включая коммунистов. У нас есть много доказательств дружбы и симпатий правительства Советской России и русского народа к нашей стране. И мы с восхищением и восторгом следим за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца — оказывать нашим советским русским союзникам самую большую поддержку". Речь короля была с удовлетворением воспринята в Москве, и 29 октября ее текст был полностью опубликован в газете "Правда" и других советских изданиях.

Уже в ходе начавшегося наступления советских войск правительство Норвегии поставило перед Москвой вопрос о возможном

участии норвежских частей в боевых действиях, о чем говорилось в памятной записке, которую норвежский посол в Москве Рольф Андворд передал 15 октября 1944 года в НКИД СССР. Норвежская сторона предлагала направить в Советский Союз военную миссию и перебросить в Северную Финляндию сформированные в Швеции так называемые норвежские "полицейские" части для участия в борьбе против отступающих немцев. Название "полицейские" было использовано в качестве некоторого прикрытия, которым считала оправданным воспользоваться норвежская сторона. Через два дня В.М. Молотов дал положительный ответ на это пожелание.

В конце октября советский посланник в Стокгольме А.М. Коллонтай поддержала перед шведским правительством просьбу правительства Норвегии о переброске "полицейских" частей в северную норвежскую область Финмарк через Финляндию, власти которой по инициативе Союзной контрольной комиссии в Хельсинки согласились на пропуск норвежских частей через финляндскую территорию. На освобожденной территории Норвегии началось формирование подразделений норвежской армии из местных жителей, и уже 29 октября в норвежской печати был опубликован призыв правительства к населению вступать в формируемые норвежские добровольческие части.

30 октября из Шотландии с морским конвоем в Мурманск были отправлены горнострелковая рота численностью 300 человек, штабные учреждения, а также норвежская военная миссия во главе с полковником А.Д. Далем. 6 ноября миссия добралась до Мурманска, где ее встретил военный атташе Норвегии в СССР генерал Вильям Стеффенс. Он был назначен норвежским представителем при советском командовании в Заполярье. Через Петсамо норвежцы были доставлены на советских судах и автомашинах в Киркенес, куда они стали прибывать 8 ноября.

Норвежская военная миссия получила возможность иметь собственную шифросвязь с правительством в Лондоне и с посольством в Москве через радиопередатчики советского командования. Тогда же, в ноябре 1944 года, Советское правительство дало согласие на прибытие в Финмарк норвежского военно-морского отряда из конвойных, охранных судов и минных тральщиков.

Командование Карельского фронта и 14-й армии оказало прибывшим норвежским властям и военнослужащим необходимую помощь. Так, норвежские войска, численность которых достигла к маю 1945 года трех тысяч человек, были поставлены в 14-й армии на все виды материального довольствия. Среди норвежских военных, прибывших на маленький освобожденный кусочек своей родины, был и младший офицер Тур Хейердал, ставший впоследствии всемирно известным путешественником.

Большую помощь оказало советское командование жителям освобожденного Киркенеса и других населенных пунктов, подвергшихся огромным разрушениям. Киркенес был разрушен почти полностью, в Сер-Варангере была уничтожена половина зданий, в городе Вадсё — две трети, в Вардё — более 80 процентов. Многие норвежские семьи оказались без крова как раз накануне наступления зимы и полярной ночи. Командование советских войск приняло решение не занимать уцелевшие здания. Министр юстиции Норвегии, совершивший поездку по освобожденным районам, писал впоследствии: "По вечерам можно было видеть сотни небольших костров, вокруг которых спали солдаты. Палаток мы видели немного. Советские войска предоставили норвежскому населению возможность пользоваться уцелевшими от всеобщего уничтожения домами."

Из СССР в Северную Норвегию завозились продовольствие и топливо. Когда в ноябре 1944 года среди населения вспыхнула эпидемия дифтерии и дизентерии, командование 14-й армии срочно открыло шесть больниц, а тяжелобольные помещались в армейский госпиталь. При содействии военных властей норвежцы сформировали органы местного самоуправления. Советские саперные и инженерные части за короткий срок восстановили разрушенные причалы норвежских городов, в Киркенесе были также приведены в действие водопровод и телефонная станция. При разминировании зданий, причалов и предприятий саперами Красной Армии было извлечено около 15 тысяч мин, оставленных немцами. Была налажена и культурная жизнь: организовывались лекции, демонстрировались кинофильмы. Особой популярностью у норвежцев пользовались концерты самодеятельности, которые устраивали в тех непростых условиях советские военнослужащие. Возобновилась деятельность церкви.

По мере увеличения светлого времени в этом заполярном районе норвежские подразделения под командованием полковника Даля, прибывшие из Шотландии или Финляндии, а также сформированные в Восточном Финмарке и временно подчинявшиеся советскому командованию, продвигались на юг по территории Финмарка. Полностью немцы оставили этот район Норвегии к концу января 1945 года. Ко времени капитуляции немецких войск в Норвегии, а это произошло уже в самом конце войны, норвежские части, опираясь на поддержку советских войск, поставили под свой контроль почти всю северную область Норвегии. К маю 1945 г. численность норвежских войск достигла 3 тыс. человек, и при поддержке частей 14-й армии они очистили всю территорию области от отступающих немецких войск.

Буквально через несколько дней после освобождения, 18 мая 1945 г. в Осло прибыла первая группа советских представителей (5 человек) по делам репатриации бывших военнопленных из Норвегии, которых там насчитывалось на

момент освобождения свыше 75 тысяч человек. Сохранился секретный отчет уполномоченного по делам репатриации в Скандинавии А. Беляева заместителю заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Л.С. Баранову от 30 июня 1945 г.[5] Беляев писал, что встреча первой советской делегации была чрезвычайно теплой. «Встречать ее пришли начальники лагерей – бывшие военнопленные и большая группа норвежских патриотов, и уже на вокзале в Осло возник стихийный митинг. Советских представителей встретили лозунгами «Да здравствует Советский союз и Красная Армия. Привет доблестным офицерам Красной Армии».

«Такими словами приветствия встретили прибывших на вокзале. Толпа встречающих проводила группу советских представителей до гостиницы. Исключительно тепло встречали в последующем наших представителей жители Норвегии и норвежские власти. Десятки разнообразных вопросов было задано нашим людям о положении в СССР, о том, когда Красная Армия придет в Норвегию. Один из руководителей компартии в беседе, например, заявил, что компартией было получено свыше 3000 писем от норвежских патриотов, где приветствовалось освобождение Красной Армией Севера Норвегии и выражалась надежда, чтобы быстрее, до прихода англичан, в Норвегию вступила Красная Армия». В официально благодарственной телеграмме премьер-министра Норвегии Эйнара Герхардсена председателю СНК СССР И.В. Сталину, отправленной 17 октября 1945 г.[6], говорилось следующее: «В связи с выводом советских войск с норвежской территории, я хочу передать Вам, как Генералиссимусу Красной Армии и премьер-министру СССР, самые теплые поздравления Норвежского Правительства и его благодарность за неоценимое содействие Красной Армии в освобождении Норвегии от немецкого ига. Ваши офицеры и солдаты в Норвегии держали гордые традиции героических русских армий. Соблюдая соглашения о гражданской администрации территорий, принятые обоими нашими Правительствами, они проявили дух подлинного сотрудничества и товарищества. Бойцы Красной Армии укрепили дружбу между нашими двумя странами и оставили у норвежского народа чувство благодарности и восхищения великим советским народом».

Наиболее сложными были отношения с Финляндией, которая за период 1939 – 1944 гг. дважды оказывалась в состоянии войны с Советским Союзом. Причем первый раз, в конце ноября 1939 г., она открыто подверглась нападению со стороны СССР («Зимняя война»), да и в отношении второй войны, получившей название в Финляндии «война-продолжение», не все ясно. Естественно, образ СССР в Финляндии среди широких слоев населения имел негативный оттенок. Однако перелом в настроениях здесь стал нарастать уже ранней осенью 1944 г., когда для того, чтобы вывести Финляндию из войны, советское руководство отказалось от требования безоговорочной капитуляции Финляндии и от оккупации страны Красной Армией[7]. После подписания в сентябре 1944 г. соглашения о перемирии и прекращения военных действий Финляндия фактически перешла на сторону антигитлеровской коалиции и даже начала военные действия против бывших «братьев по оружию» - немецко-фашистских войск, отступавших на севере страны в Норвегию (так называемая «Лапландская война»).

Чрезвычайно интересной страницей в отношениях между СССР и Финляндией в 1945 г., показывающей, сколь быстро начало меняться отношение к СССР, был вопрос о возможном заключении договора о союзе между двумя государствами. Подробности этих секретных контактов впервые были обнародованы публикацией дневников Юхо Кусто Паасикими, тогда премьер-министра Финляндии и затем президента страны[8].

Вопрос о возможности заключения военного союза между СССР и Финляндией встал в связи с переговорами в ноябре-декабре 1944 г. между президентом Финляндии Густавом Маннергеймом и советским руководителем Союзной контрольной комиссии в Хельсинки Андреем Ждановым о демонтаже некоторых финских береговых укреплений. 8 января 1945 г. Маннергейм в письме к Жданову писал: "Я позволю себе надеяться, что генерал (так именовался Жданов - В.Р.) обсудит мои предложения, исходя из основополагающей предпосылки, что у Финляндии и Советского Союза есть общие интересы в отношении обороны Северной Балтики и в особенности вод западной части Финского залива, участвовать в чем Финляндия, как независимая нация и хочет, и может."

Этот демарш президента Финляндии вызвал интерес у Жданова, который 18 января посетил главу государства. Пока подробности из беседы мы знаем из дневников Паасикиви, которого Маннергейм обстоятельно информировал. Речь шла о возможном финско-советском военном договоре. У Паасикиви сказано следующее: "Жданов (и, вероятно, Кремль) ухватились за это. Жданов сослался на возможность того, чтобы Финляндия и Советский Союз заключили соглашение, подобное тому, какое Советский Союз заключил с Чехословакией и Францией ". Паасикиви также одобрил эту идею. Однако уже через несколько дней Жданов, видимо, проконсультировавшись со Сталиным, несколько изменил свою позицию, что не могло не встревожить Паасикиви, высказавшего предположение, что что-то произошло. В дневниковой записи от 22 января он писал: "Я призвал Маннергейма действовать ради этого дела. Подобное соглашение важно для нас. Оно способно стабилизировать и укрепить наше положение. Маннергейм с этим согласился".

Еще до этого, находясь в ставке 20-21 января, Маннергейм составил на основе советско-

чехословацкого союзного договора проект соответствующего соглашения и с Финляндией на случай нападения на одну из сторон после войны. Обе стороны должны были помогать друг другу в случае нападения на Финляндию или на Советский Союз через Финляндию. Трактат (преамбула из 3 статьи) предусматривал тесное и дружеское сотрудничество после заключения мирного договора. Обе стороны должны были действовать "на основе взаимного уважения их независимости и суверенитета, а также прямого или косвенного невмешательства во внутренние дела других государств", всемерно развивать экономическое сотрудничество. Обе стороны не должны были принимать участие в каких-либо коалициях или союзах, направленных против другой стороны.

Оба руководителя Финляндии обсудили текст проекта, который вечером того же дня Маннергейм и передал Жданову. Советский представитель довольно сдержанно отнесся к этому документу, лишь ограничившись сравнением с маяком, к которому надо стремиться, а обсуждать проект фактически отказался, исключая обсуждение конкретных совместных мер по обороне Финского залива. Через два дня Маннергейм вновь встречался со Ждановым, и вновь натолкнулся на прохладное отношение последнего в отношении заключения союзного договора. Финские руководители терялись в догадках, почему произошла такая перемена. Временно вопрос о таком договоре ушел на задний план. В начале марта, в разговоре с Паасикиви, Маннергейм, коснувшись союзного договора, высказал предположение, что "русские не хотят заключать подобный договор со мной".

Довольно неожиданно вновь вопрос о заключении советско-финского союзного договора был поднят уже после подписания Германией капитуляции и окончания военных действий в Европе. 12 мая 1945 г. Жданов и Паасикиви, после обмена вежливыми заверениями в стремлении обоих государств и народов к миру и взаимной дружбе, советский представитель осведомился, знает ли Паасикиви содержание договоров Советского Союза с Чехословакией и Францией. И когда премьер Финляндии сказал, что договор с Чехословакией хорош, то Жданов прямо спросил: "Не считаете ли Вы, что подобный договор следует заключить и с Финляндией?" Паасикиви на это ответил, что вопрос следует решить с парламентом, но лично он относится одобрительно. Тогда Жданов сказал: " И взаимное сотрудничество?", на что последовал утвердительный ответ Паасикиви.

Больше этот вопрос между Ждановым, который вскоре уехал в Москву, и Паасикиви не затрагивался. Но этот разговор побудил финнов к активной деятельности. В тот же день Паасикиви обсудил вопрос с министром иностранных дел Финляндии Энкелем, который поддержал такую идею, высказав даже мысль, что "общественное мнение в Финляндии созрело для договора между Финляндией и СССР". Кроме того, по мнению Энкеля, такой договор сможет сдержать левые элементы. Паасикиви и Энкель договорились продолжать обсуждение вопроса, причем министру иностранных дел поручалось начать подготовку проекта такого договора.

На следующий день Паасикиви имел по этому поводу длительный разговор с Маннергеймом, который одобрил мысль о заключении подобного союзного договора, оговорив при этом одно ограничение: договор должен налагать на финнов лишь обязательство защищать свою собственную территорию и не втягивать их в "большую войну Советского Союза". Маннергейм сказал, что специально выедет в ставку финской армии, где обсудит условия такого договора с генералитетом. Тем временем Карл Энкель занялся подготовкой нового проекта советско-финского союзного договора на основе составленного Маннергеймом в январе проекта. Он также использовал тексты соглашений, которые Советский Союз заключил с Польшей и Югославией весной 1945 г.

Текст проекта был составлен Энкелем на русском языке, отправлен Паасикиви, и лишь затем переведен на финский язык. Проект насчитывал пять статей, причем новые статьи, внесенные Энкелем, предусматривали участие обеих сторон "в любой международной деятельности, во всех мероприятиях, направленных на поддержание мира и безопасности всех народов" и в действиях " в духе дружбы и сотрудничества развивать и укреплять экономические и культурные связи между обеими странами". Энкель стремился путем укрепления двусторонних экономических и культурных отношений между СССР и Финляндией добиться советской поддержки Финляндии для ее участия в деятельности ООН и ее организаций.

26 мая Жданов вернулся в Хельсинки и встретился с Паасикиви, который сразу же напомнил об их разговоре 12 мая, когда был поднят вопрос о договоре о дружбе. Паасикиви пояснил, что с финской стороны считают, что и советская сторона заинтересована в подписании такого договора. Жданов подтвердил такую оценку, сообщив, что содержание разговора и мнение Паасикиви доложено им в Москве. Он сказал также, что вопрос сейчас рассматривается советским руководством и что в ближайшем будущем он вновь будет поднят. Когда Паасикиви прямо спросил Жданова, следует ли понимать это так, что Советский Союз прямо выступит с такой инициативой, если сочтет необходимым, то Жданов ответил утвердительно. В руководстве Финляндии все поняли это так, что теперь надо ждать советского проекта договора.

31 мая Жданов в беседе с Паасикиви вновь вернулся к вопросу о договоре о дружбе между СССР и Финляндией по образцу советско-чехословацкого соглашения. Советский представитель подчеркнул, что правительство СССР в

принципе не против подобного договора, повторив, что вопрос прорабатывается в Москве. Паасикиви, заявив что и с финской стороны, в частности Энкель, занимаются разработкой проекта такого договора, поставил вопрос о военной части соглашения. Он напомнил Жданову текст третьей статьи договора между СССР и "Финляндской Демократической Республикой", заключенный 2 декабря 1939 г. Молотовым и Куусиненом, где речь шла об ограничении военных обязательств Финляндии лишь собственно финской территорией. Он показал Жданову 22-й номер журнала "Большевик", где был опубликован этот пресловутый договор. Жданов, который, как известно, осенью 1939 г. активно участвовал в подготовке нападения на Финляндию и стоял за спиной Куусинена в момент, когда тот подписывал этот договор, видимо, никак не ожидавший такого пассажа, ограничился тем, что спросил у Паасикиви его мнение в отношении этой статьи. Получив утвердительный ответ, записал номер журнала, пообещав сообщить об этом в Москву.

Фактически, на этом обсуждение вопроса о заключение советско-финского оборонительного договора и завершилось. Причина, скорее всего, была в том, что Сталин готовился к встрече в Потсдаме, и советско-финские отношения были поставлены в зависимость от общего урегулирования в послевоенной Европе. Финское руководство, естественно беспокоясь, пыталось наводить справки. 16 июля Паасикиви в беседе со Ждановым прямо попытался прозондировать почву, на что тот прямо ответил: "Эти дела не продвинулись." После довольно настойчивых заявлений финского премьера Жданов явно, чтобы успокоить того, заверил, "что дело Финляндии не забыто Москвой. Не только Молотов, но и Сталин помнят о нем и тщательно следят за ним."

Все же вплоть до 1946 г. упоминания о таком договоре исчезли из финской документации, но это не означало, что о нем забыли. Так, в апреле 1946 г. финский посланник в Москве Сундстрем приехав в Хельсинки в связи с намечаемым визитом в советскую столицу финской правительственной делегации во главе с Мауно Пеккала, рассказал о беседе с советским посланником в Финляндии Павлом Дмитриевичем Орловым. Орлов неожиданно напомнил о возможности заключения между СССР и Финляндией "оборонительного соглашения, а также долгосрочного соглашения о дружбе и экономическом сотрудничестве". Финской делегации было дано указание Паасикиви обсудить вопрос об оборонительном союзе, "если русские поднимут вопрос".

Как известно, в 1947 г. в Париже был подписан мирный советско-финский договор, а в 1948 г. - Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, на долгие годы определявший взаимоотношения между двумя нашими странами, и в целом способствовавший кардинальному изменению имиджа СССР в глазах финнов.

Положительный образ СССР в глазах жителей стран Североевропейского региона, созданный, прежде всего, великой победой советского народа, сыгравшего главную роль в разгроме страшной нацистской военной машины (что, кстати, признавалось тогда и руководителями скандинавских стран, и большей частью прессы, и широкими слоями народа) просуществовало после 1945 г. очень недолго. Этот образ начал быстро разрушаться, в значительной степени из-за проводившейся СССР политики и тесно связанных с ним лидеров коммунистических партий в странах Центрально-Восточной Европы, сначала в Польше, затем в Венгрии, Румынии и Болгарии, где начались репрессии не только против буржуазных политических деятелей, но и против социал-демократов.

Нельзя здесь списывать со счетов и антисоветскую пропаганду, все усиливавшуюся после 1945 г. Окончательным поворотным пунктом в крушении позитивного образа СССР стал коммунистический переворот в Чехословакии в начале 1948 г. Это была единственная страна региона, где еще в межвоенный период существовал демократический строй, восстановленный после освобождения в 1945 г.

Показателем этого стала утрата коммунистами популярности. Так, например, на выборах во вторую палату риксдага 1949 г. у КПШ осталось только 8 мандатов (вместо 15)[9].

То же самое произошло и в Дании, где на выборах в фолькетинг 1947 г. датские коммунисты смогли сохранить только 98 мест из прежних 180[10].

В Норвегии же коммунисты в 1946 г. были удалены из правительства, а в 1949 г. даже полностью лишились представительства в стортинге.[11]

Иная картина складывалась в Финляндии, где контролируемый коммунистами «Демократический союз народа Финляндии» занял прочные позиции в парламенте страны и его представители даже одно время входили в правительство. Парадоксом было то, что финские коммунисты, мечтавшие об установлении в стране режима «народной демократии» по образцу стран Центрально-Восточной Европы, неожиданно для себя натолкнулись уже в 1945-46 гг. на сопротивление своим планам со стороны Москвы, где сделали ставку на буржуазного политика Паасикиви ради поддержания добрососедских отношений и взаимного доверия.

Просоветским настроениям среди широких слоев населения Финляндии во многом способствовало то, что, во-первых, в 1944 г. руководство СССР не пошло на оккупацию Финляндии. Во-вторых, относительно мягкая (по сравнению с тем, что ожидали финны) политика Союзной Контрольной Комиссии во главе с видным партийным функционером А.А. Ждановым. Интересно, что когда 5 октября 1944 г. Жданов прибыл в Хельсинки, то его прибытие было встречено с тревогой финским обществом:

о Жданове было известно, что в 30-х годах он руководил кровавыми чистками в Ленинграде, а в 1940 г. осуществил советизацию Эстонии. Совершенно неожиданно Жданов сумел установить контакты с руководством стран, прежде всего с президентом Финляндии, маршалом Карлом Густавом Маннергеймом. Именно Жданов сдерживал финских коммунистов в их намерениях установить в Финляндии народную демократию.

В целом же положительный образ СССР в глазах жителей североевропейского региона, образовавшийся в итоге Второй мировой войны, в условиях расширявшейся «холодной войны» довольно быстро рассеялся.

Roginsky V.V. The Nothern Europe countries image of the USSR at 1945.

Summary: *There was a short period of fascinating of the USSR, who defeated the awful Nazi danger. The Soviet representatio, The article dwells on the changes of the Soviet Union visuality at the Nothern Europe countries at 1945. Soviet influence, grew to the end of World War II, as it was the major power which broke Hitler military machine, caused the rise of Nothern Europe Communist parties weight. Newertheless the positive Soviet standing rapidly rolled away because of the coldwar*

Ключевые слова

Северная Европа, СССР, Вторая мировая война, Петсамо-Киркенесская операция .

Keywords

Nothern Europe, USSR, World War II, Petsamo-Kirkenes operation.

Примечания

1. История Дании. М. Весь мир. 2007.
2. Jensen, Bent. Den lange befrielse. Bornholm besat og befriet. 1945 – 1946. Odense. Universitetsforlag. 1996. Перевод на русский язык: Енсен, Бент. Долгое освобождение острова Борнхольм. 1945 – 1946. Перевод Бориса и Людмилы Вайль. М. РГГУ. 2001. 367 с.
3. Правда. 1945. 12 мая.
4. Советско-норвежские отношения. М. 1997. С.347.
5. РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.810. Л.35-37. Подлинник (машинопись). Рус. яз.
6. Советско-норвежские отношения 1917 – 1945. Сборник документов. М. 1997. Док. № 287. С.393-394.
7. Nevakivi, Jukka. Ratkaiseva välirauha 1944-47: miksi Suomea ei neuvostolaistettu. // Historiallinen Aikakauskirja 1993 № 3. S.195-204. Nevakivi, Jukka. A Decisive Armistice 1944-47: Why Finland Not Sovietized? // Scandinavian Journal of History. № 19. 1994.
8. J.K. Paasikivi päiväkirjat 1944 – 1956. 1949 –1956. Helsinki. 1986. Paasikivi, Juho Kusti. J.K. Paasikivis dagböcker 1944 – 1956. Red. och översättning av Göran Stjernschantz). D.1. Vid katastrofens rand (26.6.44 – 10.2.47). Stockholm. Askelin & Hägglung.
9. История Швеции. М. Весь мир. 2002.
10. История Дании. М. Весь мир. 2007.
11. История Норвегии. М. 1980.

Особенности процесса институционализации социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ

Б.П. Гуселетов

В статье анализируются результаты процесса становления и институционализации социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ в период после распада СССР. Автор попытался выявить основные закономерности этого поцесса и песрпективы дальнейшего развития этих партий.

Постановка задачи. Как хорошо известно, в середине XX века социал-демократические и социалистические партии сыграли ключевую роль в становлении социально-ориентированной рыночной экономики и демократической политической системы в странах Западной Европы[1]. В конце XX века социал-демократы и социалисты сыграли аналогичную роль уже в странах Центральной и Восточной Европы.

В странах СНГ в условиях радикального реформирования политической системы этих стран в последние 20 лет социалистические и социал-демократические партии до последнего времени не играли ключевые роли в политической жизни этих стран. Поэтому не случайно, что в научной литературе этому вопросу уделялось недостаточно внимания. Однако в последнее время в ряде стран СНГ (Армения, Кыргызстан, Молдова, Россия Украина) роль и влияние этих партий стали возростать. В связи с этим представляет интерес анализ процесса институализации социалистических и социал-демократических партий стран СНГ в последние 20 лет. При рассмотрении этого процесса необходимо первым делом отметить, что из 11 (до недавнего времени 12) стран-членов СНГ этого типа партии возникли лишь в 8 (с учетом Грузии 9 странах Содружества). Поэтому такие страны как Узбекистан, Таджикистан, Туркменистана исключены из анализа в силу отсутствия в них как таковых субъектов исследования. Кроме того, анализ этого процесса позволяет более или менее отчетливо выделить, по крайней мере, три его ключевых этапа:

1. Возникновения социалистических и социал-демократических партий стран СНГ после распада СССР, который продолжался в разных странах с 1991 по 1995 годы;
2. Становления этих партий в условиях трансформации политической системы этих стран, занявший в разных странах от 3 до 7 лет и более;
3. Активного участия этих партий в политических процессах своих стран.

Естественно, что в каждой из стран процесс становления социалистических и социал-демократических партий имел свою специфику, но вместе с тем ему были присущи и некоторые общие моменты. В связи с этим, чтобы не рассматривать каждую из этих стран в отдельности автор сгруппировал их в две группы в зависимости от типа политического режима, сложившегося в той или иной стране. При этом необходимо иметь в виду, что граница между этими группами весьма условна, т.к. в ряде стран (Азербайджан, Кыргызстан, отчасти Молдова, Россия, Грузия) за прошедшие годы политический режим претерпел достаточно серьезные изменения. Таким образом, в данной работе была предпринята попытка проанализировать трансформацию объектов исследования (социа-

Б.П. Гуселетов – кандидат технических наук, доцент, Руководитель Центра международных проектов и программ Института «Справедливый Мир». E-mail: bguseletov@mail.ru

листических и социал-демократических партий стран СНГ), что позволило выявить динамику процесса становления этих партий в разных странах СНГ и роль России укреплении диалога между ними в период после распада СССР.

1. Первоначальный этап (1991-1995 гг.).

Итак, начнем рассмотрение процесса формирования социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ с начального этапа – 1991-1995 гг. Как уже отмечалось выше, в силу отсутствия в научной и иной литературе достаточно надежных источников, содержащих проверенную информацию по рассматриваемому вопросу в большинстве стран СНГ, картина, которую автор попытается восстановить, оказалась весьма неполной и мозаичной.

В работе известных специалистов по социал-демократии Н. Крука, М. Даудендорфа и А. Герритса[2] сделана попытка проанализировать становление социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Восточной Европы, включая ряд стран СНГ. В ней впервые были системно представлены итоги участия социалистов и социал-демократов в парламентских выборах своих стран в 1993-2001 годы (см. таблицу 1). Данные по Казахстану и Кыргызстану были взяты из других источников.

Как видно из этой табл. 1 в 7 из 9 стран СНГ социалисты и социал-демократы уже на первых парламентских выборах проявили высокую активность и оказались представлены в парламентах своих стран. Это свидетельствовало о том, что левоцентристские партии в большинстве стран СНГ успешно прошли этап формирования и заняли реальное место в политической системе своих собственных стран.

Таблица 1

Участие политических партий в первых после распада СССР парламентских выборах в странах СНГ[3]

№	Страна	Дата проведения выборов	Количество партий, представленных в парламентере	В том числе, коммунисти-ческие, социалистические и социал-демократические
1	Армения	5-29.07.1995	14	3 (компартия, социал-демократическая, социалистическая партия Дашнакцутюн)
2	Азербайджан	Нет данных	-	-
3	Беларусь	14-28.05.1995	16	2 (компартия, Громада)
4	Грузия	11.10.1992	6	-
5	Казахстан[4]	7.03.1994	4	2 (социалистическая партия Казахстана, Федерация профсоюзов)
6	Кыргызстан[5]	02.1995	Нет данных	1 (Социал-демократическая партия Ата-Мекен)
7	Молдова	27.02.1994	7	2 (Компартия, Аграрно-демократическая партия Молдовы)
8	Россия	12.12.1993	7	2 (компартия, аграрная партия)
9	Украина[6]	27.03.1994	14	4 (компартия,социалистическая партия,партия труда, социал-демократическая партия)

Однако конкретные результаты (см. таблицу 2), которых добились эти партии в ходе этих выборов в сравнении с результатами других партий, оказались весьма слабыми. Из табл. 2 видно, что на первых парламентских выборах социалисты и социал-демократы, показав весьма скромные результаты, практически нигде не смогли войти в состав правящих коалиций (кроме аграрно-демократической партии Молдовы).

Кроме Молдовы, социалисты и социал-демократы добились сравнительно неплохих результатов в Армении, Казахстане, России, Украине. Результаты российских (Аграрная партия М. Лапшина, Российское движение демократических реформ Г. Попова и А. Собчака) и украинских (соцпартия А. Мороза) социалистов отчасти были связаны с тем, что лидерами этих партий были достаточно известные политики, входящие в правящую элиту и обладающие определенными ресурсами[7].

Неплохие результаты левоцентристов в Казахстане на первых парламентских выборах оказались во многом случайными. Обе организации (соцпартия и Федерация профсоюзов) уже к следующим выборам исчезли с политической арены страны. Им на смену пришли другие партии, и это явление было вполне типичным для многих стран бывшего СССР, когда возникавшие в них партии или общественные организации, в силу разных обстоятельств добивались на первом этапе неких электоральных результатов, но уже в следующий раз бесследно исчезали с политической арены[8].

Необходимо отметить, что в большинстве стран СНГ свое влияние сохранили коммунистические партии, являвшиеся осколками бывшей КПСС. Сравнение результатов, полученных на выборах коммунистами и социалистами (социал-демократами) имеет принципиально важное значение потому, что и те, и другие претендовали на одну и ту же электоральную нишу, поэтому борьба между ними за голоса избирателей была наиболее ожесточенной.

Избирателям, особенно на первых порах было сложно выявить разницу между социалистами (социал-демократами) и коммунистами,

Таблица 2

Результаты участия коммунистических, социалистических и социал-демократических партий стран СНГ в первых парламентских выборах[9]

№	Страна	Название партии	% голосов, поданных в поддержку партии	Участие партии в правящей коалиции
1	Армения	коммунистическая социал-демократическая социалистическая партия Дашнакцутюн	15.7% 2.1% 0.5%	Нет Нет Нет
2	Беларусь	коммунистическая социал-демократическая (Громада)	16.2% 0.4%	Нет Нет
3	Казахстан[10]	социалистическая Федерация профсоюзов	8.8%; 8.8%	Нет Нет
4	Кыргызстан[11]	социалистическая партия Ата-Мекен	~15%	Нет
5	Молдова	коммунистическая аграрно-демократическая	0.7% 28.0%	Нет Да
6	Россия	коммунистическая аграрная Российское движение демократических реформ	12.40 7.99 4.08	Нет Нет Нет
7	Украина[12]	коммунистическая социалистическая социал-демократическая	19.1% 3.1% 0.4%	Нет Нет Нет

с одной стороны, и социалистами и либералами, с другой. После развала СССР и правящей КПСС в массовом сознании этих стран доминировали идеи свободы и независимости.

Первую из них сразу же оккупировали сторонники либеральной идеологии, обвинявшие коммунистов и вообще всех левых в недемократизме, неуважении прав и свобод граждан, подавлении личной инициативы и стремлении укрепить роль государства. Либералы почти повсеместно получили поддержку бизнеса, да и власть порой вынуждена была прибегать к их услугам для осуществления необходимых преобразований в экономической сфере. Социал-демократам, приходилось либо примыкать к либералам (как это сделали социал-демократы в России в начале 90-х или социалисты Украины в начале 2000-х или молдавские демократы в 2009 г.), что заранее ставило их в позицию ведомых. Либо оппонировать им, по сути, склоняясь к позиции коммунистов или националистов (как различные мелкие левые партии Казахстана, Украины, России). Попытка радикализации социал-демократов, противоречащая их идейно-политической идентичности, обрекала их на второстепенные роли в политическом процессе, заставляя следовать в фарватере либо более успешных на тот момент либералов, либо более радикально-оппозиционных коммунистов.

Таким образом, можно констатировать, что по окончании первого этапа во всех странах СНГ, где сложилась реальная многопартийность, возникли социалистические и социал-демократические партии, активное участвовавшие в первых национальных парламентских выборах. Они не добились на них существенных успехов, но смогли занять свое место в оппозиционной части политического спектра, между коммунистами, либералами и консерваторами. Отличительной особенностью левоцентристов, особенно в России и Украине было наличие большого числа (порой до 10 и более) партий подобного толка, незначительно отличавшихся по названию и программе.

2. Этап становления (1995-2005 гг.)

В ходе вторых и третьих парламентских выборов социалистические и социал-демократические партии стали постепенно улучшать свои результаты, особенно в Армении, Грузии, Кыргызстане, Молдове, Украине, где в то время политические режимы отличались некоторой демократичностью. При этом компартии в этих странах (кроме Украины) начали стремительно терять свою популярность. Отчасти это было связано с тем, что их руководители, бывшие лидеры республиканских отделений КПСС (Шеварднадзе в Грузии, Лучинский в Молдове, Кравчук на Украине), стремились ослабить роль компартий в своих странах, видя в них реальную угрозу своей личной власти.

В Армении и Кыргызстане к власти пришли представители новой волны – Л. Тер-Петросян и А.Акаев, которые способствовали демократизации политической системы своих стран и тем самым наносили удар по компартиям своих стран, во главе которых оставались бывшие функционеры КПСС, занимавшие весьма консервативные позиции.

В Беларуси и России социалисты и социал-демократы не сумели укрепить свои позиции, но по разным причинам. Если в Беларуси новый Президент А. Лукашенко сразу же взял курс на сворачивание политической конкуренции и многопартийности, то в России, наоборот, в середине 90-х наблюдался так называемый «разгул демократии», граничащий с управляемым хаосом[13]. Тогдашний президент России Б. Ельцин, носивший даже неформальное прозвище «Царь

Борис», в принципе негативно относился к самому институту политических партий. Ему и его окружению было явно выгодно сохранять определенную популярность компартии, чтобы на выборах, особенно президентских, иметь некий жупел прошлого, который позволил Ельцину и в 1991, и в 1996 годах побеждать представителя этой партии Г. Зюганова на президентских выборах.

В таблице 3 даны результаты участия коммунистических, социалистических и социал-демократических партий стран СНГ во вторых-третьих выборах.

Как видно из таблицы 3 коммунисты в большинстве стран СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан) уже к концу XX века оказались вытесненными с внутриполитической арены. В России и на Украине они постепенно снизили свои электоральные результаты и, хотя сумели закрепиться в парламентах своих стран, но никакого реального влияния на политические процессы не оказывали[23]. Единственная страна, где коммунисты сумели вернуться к власти – это Молдова. Но и здесь их гегемония сохранилась лишь до лета 2009 года.

Как отмечалось выше ситуация с компартиями стран СНГ важна для анализа процесса становления социалистических и социал-демократических партий стран СНГ. Во-первых, в ряде случаев послдение возникли из недр ком-

Таблица 3

Результаты участия коммунистических, социалистических и социал-демократических партий стран СНГ во II-III парламентских выборах[14]

№	Страна	Название партии	% голосов, поданных в поддержку партии (дата проведения выборов)	Участие партии в правящей коалиции
1	Армения[15]	коммунистическая; социалистическая партия Дашнакцутюн	12.09% (30.05.1999); 7.84% (30.05.1999); 8.39% (25.05.2003)	Нет; Нет; Да
2	Азербайджан[16]	социал-демократическая	- (1995)	-
3	Беларусь	коммунистическая; социал-демократическая (Громада) республиканская партия труда и справедливости	5.5% (15-29.10.2000); бойкот (15-29.10.2000); 1.8% (15-29.10.2000)	Нет; Нет; Нет; Нет
4	Грузия[17]	партия труда; коммунистическая; социалистическая	0.8% (31.10.1999); 15% (02.11.2003); 6.01% (28.03.2004); 0.4% (05.11.1995); 1.7% (05.11.1995)	Нет; Нет; Нет;
5	Казахстан[18]	коммунистическая; социал-демократическая; партия Адилет	1.98% (2004) < 1/0% (2004) 0.76% (2004)	Нет; Нет; Нет
6	Кыргызстан[19]	избирательный блок "Союз демократических сил"; социалистическая партия Ата-Мекен	18,64%; (2000) Нет данных (2005) 6,47% (2000) Нет данных (2005)	Нет
7	Молдова[20]	коммунистическая; демократическая;	30.0% (22.03.1998) 50% (02.2001); 46.1% (06.03.2005) 18% (22.03.1998); 5.02% (02.2001); 28.4% (06.03.2005)	Нет; Да; Да; Нет; - Нет
8	Россия[21]	коммунистическая; аграрная; соцпартия России; Блок партий пенсионеров и социальной справедливости Блок партий жизни и возрождения России	22.3% (17.12.1995) 24.29% (19.12.1999) 12.7% (07.12.2003) 3.78% (17.12.1995) 3.8% (07.12.2003) 3.90% (17.12.1995) 0.8% (19.12.1999) 3.2% (07.12.2003) 1.9% (07.12.2003)	Нет Нет Нет Нет Нет Нет Нет Нет Нет
9	Украина[22]	коммунистическая; социалистическая; социал-демократическая (объединенная) социал-демократическая	24.7% (27.03.1998) 19.98 % (31.03.2002) 8.6%(27.03.1998) 6.87% (31.03.2002) 4.0% (27.03.1998) 6.27% (31.03.2002) - (27.03.1998) 0.26% (31.03.2002)	Нет Нет Нет Нет Нет Нет - Нет

партии (социалисты Украины, аграрная партия России, аграрно-демократическая партия Молдовы), во-вторых, именно коммунисты и социалисты особенно на первых порах вели непримиримую борьбу за свои избирателей, которые по их идейно-политическим взглядам были очень близки. И до сих пор, хотя сегодня коммунисты и социалисты в большинстве стран имеют, так называемый собственный ядерный электорат, их соперничество за голоса избирателей является наиболее острым и непримиримым.

Еще один важный момент, который нужно учесть при анализе процесса становления социалистических и социал-демократических партий стран СНГ, это характер политического режима, сложившегося в той или иной стране. После распада СССР в большинстве стран СНГ к власти пришли (а вернее у нее остались) бывшие партийные лидеры, которые при этом вышли из компартии и не примкнули ни к одной из существующих партий. В Азербайджане и Грузии первыми Президентами были избраны новые политики националистического толка, соответственно, Эльджибей и З. Гамсахурдия. Однако, они вскоре уступили свои посты бывшим первым секретарям компартий своих республик – Г. Алиеву и Э. Шеварднадзе. В результате в большинстве стран СНГ на первоначальном этапе сформировались тоталитарные (Таджикистан. Туркменистан, Узбекистан), либо авторитарные (Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан), либо псевдо демократические (Армения, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина) политические режимы.

Очевидно, что в условиях авторитарного, тем более тоталитарного режима социал-демократам тяжело вести свою политическую деятельность, т.к. они выступают за демократический путь развития, отстаивают принципы свободы и прав человека, стремятся опираться на институты гражданского общества (профсоюзы, молодежные, женские и иные общественные организации). Кроме того, в ходе становления новых независимых государств на постсоветском пространстве их политические элиты стремились опираться на патриотические и националистические идеи, чтобы получить поддержку начеления своих стран.

Что касается положения социалистов и социал-демократов в странах с псевдо демократическими режимами (см. выше), то там они смогли добиться более или менее значительных результатов. В Армении (Дашнакцутюн), Кыргызстане (Ата Мекен), Молдове (демпартия) и Украине (социал-демократическая (объединенная) и социалистическая партии) регулярно проходили в парламент и их представители (Текебаев – Ата Мекен, Дьяков – Демпартия Молдовы и Мороз - Соцпартия Украины) даже становились спикерами. Но добиться серьезных успехов на президентских выборах, либо быть представленными в правительстве им не удавалось.

В России в этот период социалистических и социал-демократических партий было очень много (более 10), но их результаты на парламентских выборах были весьма плачевны[24]. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, в идейно-политическом пространстве России в те годы доминировали либералы, коммунисты и патриоты. Социал-демократы изначально представляли собой очень разрозненную в организационном и идейно-политическом плане силу. И хотя суммарно представители социалистической и социал-демократической идеологии набирали на парламентских выборах от 10 до 20% голосов избирателей, ни одна из этих малочисленных и маловлиятельных партий не смогла пробиться в российский парламент[25]. Попытка, предпринятая в 2000 году бывшим Президентом СССР М. Горбачевым объединить большинство левоцентристских партий России в Российскую объединенную социал-демократическую партию (РОСДП), не смотря на некоторые первоначальные успехи, также завершилась провалом[26]. Возникшая в 2002 году на базе РОСДП социал-демократическая партия России во главе с М. Горбачевым и К. Титовым приняла участие в парламентских выборах 2003 года только по одномандатным округам и не получила ни одного места в Государственной Думе[27].

Во-вторых, для этого периода в истории России было характерно сильное расслоение общества, что естественно способствовало популярности партий радикального толка (коммунисты, патриоты, радикал-либералы).

В-третьих, социал-демократия в общественном сознании ассоциировалась с Западной Европой, где это политическое течение было особенно популярным. Но уже в конце XX – начале XXI веков в России Запад уже воспринимался скорее в образе врага, чем партнера.

Таким образом, по итогам второго этапа становления социалистических и социал-демократических партий стран СНГ хорошо видно, что закрепивших в партийно-политической системе своих стран эти партии, тем не менее, так и не стали играть в ней какую-то существенную роль. В первую очередь это было связано с особенности политических режимов этих стран, которые в подавляющем большинстве оставались авторитарными и не ориентированными на интересы общества. Само общество в этих странах было крайне поляризовано, что делало наиболее популярными партии радикального толка. А бывшие компартии либо не стремились к реформированию и продолжали оставаться более или менее популярными (Молдова, Россия, Украина), либо просто исчезли с политической арены (Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан. Кыргызстан), что также не способствовало росту популярности социалистов и социал-демократов в этих странах.

3. Современный этап (с 2005года по настоящее время)

Этот этап развития социалистических и социал-демократических партий в странах СНГ

характеризуется, с одной стороны, некоторой стабилизацией их роли в партийно-политических системах их стран, а с другой, качественным изменением позиции отдельных партий в Молодве, России и Украине.

В таблице 4 представлены результаты участия социалистов и социал-демократов в последних парламентских выборах в их странах.

Как видно из таблицы 4 в последние годы положение социалистов и социал-демократов в странах СНГ в основном стабилизировалось. Там где они оказались оттесненными на обочину партийно-политической системы (Азербайджан, Беларусь, Казахстан.), так и не сумев пробиться в парламенты своих стран, это их положение не изменилось. И вряд ли измениться в ближайшем будущем, если политические режимы этих стран не претерпят вдруг каких-либо радикальных трансформаций в сторону демократизации.

Даже в Армении, Грузии и Кыргызстане, где социал-демократы сумели укорениться в парламентах, став тем самым частью существующей партийно-политической системы, их будущее остается туманным.

Так партия Дашнакцутюн, которая в последние годы даже входила в правящую коалицию и имела ряд министерских постов, в конце 2009 года из-за разногласий по поводу армяно-турецких отношений вышла из коалиции. С одной стороны, это позволяет партии быть более оппозиционной по отношению к нынешней власти в Армении и тем самым набрать на следующих выборах дополнительные голоса избирателей. Но, с другой стороны, потеря поддержки со стороны правящей коалиции, в условиях псевдодемократического политического режима всегда чревата явными или неявными репрессиями по отношению к этой партии со стороны власти, что может привести к самым печальным последствиям на ближайших выборах (пример, социалистическая партия Кыргызстана Ата-Мекен, которая после возникновения конфликта с новым Президентом К. Бакиевым не прошла в парламент, даже набрав необходимый процент голосов). Правда события лета 2010 года, произошедшие в Кыргызстане и приведшие, с, одной стороны, к отставке Бакиева, а с другой, к формированию Временного Правительства, главой которого стала представитель социал-демократической партии Р. Отунбаевой, а ее заместителями стали Лидер СДПК А. Атунбаев и Лидер социалистической партии Ата Мекен О. Текебаев, неожиданно продемонстрировали, что у социалистов и социал-демократов Кыргызстана есть прекрасные шансы сформировать по итогам предстоящих в октябре 2010 года парламентских выборов правящую коалицию. Но даже и в этом случае, учитывая непростую социально-экономическую и политическую ситуацию в этой республике давать прогноз о том, что социалисты и социал-демократы Кыргызстана надолго вошли в правящую элиту страны пока преждевременно.

Неясной остается ситуация с Лейбористской партией Грузии, которая также в последнее время постоянно представлена в парламенте. Нынешний Президент Грузии М. Саакашвили, являющийся для лейбористов главным политическим оппонентом, установил в стране пра-

Таблица 4

Результаты участия социалистов и социал-демократов в последних парламентских выборах в их странах

№	Страна	Название партии	% голосов мест, поданных в поддерж-ку партии, или число депутатских (дата проведения выборов)	Участие партии в правящей коалиции
1	Армения	социалистическая партия Дашнакцутюн	12.7% (12.05.2007)	Да (до ноября 2009 г.)
2	Азербайджан	социал-демократическая	0 мест (06.11.2005)	-
3	Беларусь[28]	социал-демократическая (Громада) республиканская партия труда и справедливости	0 мест (28.09.2008); 0 мест (28.09.2008)	Нет; Нет;
4	Грузия	партия труда;	7.44% (28.03.2004);	Нет;
5	Казахстан	социал-демократическая; партия Адилет	0 мест (08.2007) 0 мест (08.2007)	Нет; Нет;
6	Кыргызстан[29]	социалистическая партия Ата-Мекен социал-демократическая	8.29% (16.12.2007) 5.05% (16.12.2007)	Нет Нет
7	Молдова	коммунистическая; демократическая;	44.69% (29.07.2009) 12.54% (29.07.2009)	Нет; Да;
8	Россия	коммунистическая; Справедливая Россия	11.57% (02.12.2007) 7.74% (02.12.2007)	Нет Нет
9	Украина	коммунистическая; социалистическая; социал-демократическая (объединенная)	3.66 % (26.04.2006) 5.39% (30.09.2007) 5.59% (26.04.2006) 2.86% (30.09.2007) 1.01% (26.04.2006) Не участвовала (30.09.2007)	Нет Нет Нет Нет Нет Нет

ктически авторитарный политический режим, который держится на нещадной эксплуатации образа внешнего врага в лице России. Грузинские лейбористы, хотя и представлены в парламенте страны, но фактически не ведут в нем никакой работы, сосредоточившись на критике нынешнего руководства страны. Насколько оправдана такая тактика покажут следующие парламентские выборы

Наиболее интересно складывается ситуация с социалистами и социал-демократами в Молдове, России и Украине.

В Молдове демократическая партия сумела накануне последних парламентских выборов привлечь в свои ряды одного из лидеров компартии М. Лупу и это позволило ей вновь войти в парламент (после неудачи на выборах 2008 года) и даже стать членом правящей коалиции. К сожалению, М. Лупу не был избран Президентом страны, т.к. правящей коалиции не удалось заручиться поддержкой 2/3 депутатов молдавского парламента. Тем не менее, по оценкам наблюдателей у демократической партии Молдовы и ее нового лидера неплохие шансы на будущее. И скорее всего, М. Лупу сможет стать в этом году первым Президентом социал-демократом на пространстве СНГ.

В России в 2007 году произошло знаковое для социалистов и социал-демократов событие: удалось объединиться практически всем более или менее влиятельным партиям левоцентристского толка и создать партию «Справедливая Россия/Родина, Пенсионеры, Жизнь», во главе с Председателем Совета Федерации С. Мироновым. Партия сумела преодолеть на последних парламентских выборах 7% барьер и оказалась первой в постсоветской истории партией социал-демократического толка, представленной в нижней палате российского парламента – Государственной Думе. При этом российские социал-демократы лишь немного уступили коммунистам, набравшим 11.57% голосов. За время, прошедшее после этих выборов партия **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** приняла участие в ряде региональных и местных выборов, на которых в среднем получала от 8 до 10% голосов избирателей. Это позволяет предположить, что на следующих парламентских выбора **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** имеет шанс вновь преодолеть 7% барьер и быть представленной в Государственной Думе. Но вряд ли следует ожидать, что эта партия получить существенный процент голосов избирателей, т.к. ни в российском обществе, ни в российской политической элите еще не созрели условия для консенсусной демократии, за которую выступают социал-демократы. Но даже то, что эта партия постепенно укореняется в партийно-политической системе России, является позитивным фактором, вселяющим сдержанный оптимизм относительно будущего социал-демократии в этой стране.

А вот на Украине, где казалось соцпартия Украины (СПУ), лидер которой А. Мороз дважды избирался спикером украинского парламента (1994-1998 и 2006-2007 гг.), постепенно превращается в одну из ведущих политических сил страны, последние парламентские и президентские выборы принесли социалистам неожиданно неприятный результат. На выборах 2007 года СПУ, набрав лишь 2.86%, не сумела впервые после 1994 года пройти в парламент. На президентских выборах 2009-2010 года сам Мороз получил в первом туре лишь 0.38%, заняв 11-е место среди 19 кандидатов. Социал-демократическая партия Украины (объединенная), которая даже не принимала участия в этих выборах, также практически сошла с политической арены. Таким образом, на Украине, где по мнению большинства экспертов в настоящее время сложился наиболее демократичный политический режим из всех стран СНГ, социалисты и социал-демократы переживают глубочайший кризис. Причины этого кризиса, как нам кажется, коренятся, во-первых, в особенностях политической элиты Украины, которая в целом не склонна к консенсусу при решении ключевых политических вопросов, что особенно отчетливо проявилось при обсуждении политической реформы на Украине после победы так называемой «оранжевой революции». Из трех участников оранжевой коалиции Блок Ю. Тимошенко, «Наша Украина» В. Ющенко и СПУ А. Мороза лишь социалисты последовательно выступали за проведение такой реформы, направленной на создание в стране парламентской республики. Два других участника правящей коалиции использовали реформу для удовлетворения собственных политических амбиций. В результате СПУ вышло из коалиции по принципиальным соображениям, что привело партию и ее лидера к уходу с политической арены.

4. Начало сотрудничества социалистов и социал-демократов стран СНГ.

8 февраля 2010 года в Москве прошел Форум социалистических и социал-демократических партий стран Содружества Независимых Государств (СНГ). Идею его проведения высказали на третьем Съезде партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ** представители левоцентристских партий Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизстана и Украины. Делегаты Съезда поддержали эту инициативу.

В работе Форума приняли участие делегации 14 партий из 8 стран СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан. Киргизстан, Молдова, Россия, Украина). 4 из них в настоящий момент представлены в парламентах своих стран – Дашнакцутюн (Армения), социал-демократическая партия Киргизстана, демократическая партия Молдовы и **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ**.

Основной вопрос, который рассматривался на Форуме - это создание на пространстве СНГ постоянно действующей площадки для координации деятельности социалистических и социал-демократических партий этих стран.

По итогам заседания Форума было принято Заявление, в котором было отмечено, что «только объединив усилия всех политических партий социалистической направленности стран-членов СНГ) можно добиться того, чтобы социалистические ценности стали близки и понятны народам наших стран».

Участники Форума решили:

— начать конструктивный межпартийный диалог на уровне руководства партий социалистической и социал-демократической направленности стран СНГ, а также руководителей их региональных подразделений;
— обмениваться опытом и информацией по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес;
— сформировать единое ценностное пространство на территории стран СНГ, вести работу по созданию общей идейной платформы на основе базовых социалистических ценностей;
— организовывать совместные межпартийные мероприятия: конференции и круглые столы по широкому кругу вопросов.

Для практической реализации указанных целей решено было создать рабочую группу для выработки совместной Стратегии действий по ускорению интеграционных процессов на постсоветском пространстве на основе базовых социалистических принципов и сформировать Межпартийный совет по координации совместных действий в соответствии с поставленными задачами.

Guseletov B.P. Features of Institutionalization of Socialist- and Social-Democratic Parties in the CIS-Countries.

Summary: *On this article is representing the result of the analysis of the formation and institutionalization of the Socialist and Social Democratic parties in the CIS countries during of the USSR collapse period. The author tries to reveal the main occurrences of this process and the prospective of these parties future development.*

Ключевые слова

социалистические и социал-демократические партии, страны СНГ, трансформация политичексой системы, выборы.

Keywords

Socialist and Social Democratic Parties, CIS countries, the political system transformation, elections.

Примечания

1. Что такое социал-демократия. М.: Ключ-С, 2008. (Библиотека института «Справедливый мир, вып. 4), с. 10-11.
2. Крук Н., Даудерштад М. и Герритс А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция-Примирение-Стагнация./ Перевод с английского и редактирование Е. Сазонова и Б. Гуселетов – М.: Культурная революция, 2004, с.102-126.
3. Dauderstatd M., Gerrits A. & Markus G. How the Social Democrats after the collaps of Communism face the task of constructing capitalism. Troubled Transition Social Democracy in the Central and East European Countries. 1999, с.139-151.
4. Официальный сайт парламента Казахстана. Итоги выборов в парламент Казахстана первого, второго, третьего и четвертого созывов. Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://www.parlam.kz/Information.aspx?doc= 5&lan=ru-RU.
5. Официальный сайт социалистической партии Ата Мекен (Кыргызстан). Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://www.atameken.kg/ istoriya-partii.
6. Свободная энциклопедия. Википедия. Итоги выборов депутатов Верховной Рады 1994 года Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://ru.wikipedia.org/ wiki/Парламентские выборы на Украине (1994)
7. Kitschelt H. Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies. Theoretical Propositions. Party Politics, т. 1, 1995, с. 447-472.
8. Dauderstatd M. & Gerrits A. Democratization after communism: progress, Problems, Promotion. Internationale politik und Gesellschaft. № 4, 2000.
9. Крук Н., Даудерштад М. и Герритс А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция-Примирение-Стагнация./ Перевод с английского и редактирование Е. Сазонова и Б. Гуселетов – М.: Культурная революция, 2004, с.139-151.
10. Официальный сайт парламента Казахстана. Итоги выборов в парламент Казахстана первого, второго, третьего и четвертого созывов. Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://www.parlam.kz/Information.aspx?doc= 5&lan=ru-RU
11. Официальный сайт социалистической партии Ата Мекен (Кыргызстан). Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://www.atameken.kg/ istoriya-partii.
12. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Украины. Итоги выборов депутатов Верховной Рады 1998, 2002, 2006 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.cvk.gov.ua/pls/
13. Ishiyama J. & Kennedy R. Superpresidentialism and political party development in Russia, Ukraine, Armenia and Moldova, Europe-Asia Studies, 53 (2001) 8.
14. Крук Н., Даудерштад М. и Герритс А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция-Примирение-Стагнация./ Перевод с английского и редактирование Е. Сазонова и Б. Гуселетов – М.: Культурная революция, 2004, с. 104-117.
15. Информационно-аналитический портал Евразийский дом. Режим доступа свободный. Итоги выборов в парламент Армении 2003 и 2007 годов. (Электронный ресурс). http://www.eurasianhome.org/xml/t/databases.xml?lang= ru&nic=databases&country=8&pid=526.
16. Информационно-аналитический портал Евразийский дом. Режим доступа свободный. Итоги выборов в парламент Азербайджана 2005. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http:// www. eurasianhome.org/ xml/t/databases.xml?lang=ru&nic=databases&country=13&pid=586.
17. Информационно-аналитический портал Грузия. Итоги выборов в парламен
18. Грузии 1995, 1999, 2003 и 2004, 2008 года. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.apsny.ge/news/1212694734.php.

19. Официальный сайт парламента Казахстана. Итоги выборов в парламент Казахстана первого, второго, третьего и четвертого созывов. Режим доступа свободный (Электронный ресурс). http://www.parlam.kz/Information.aspx?doc= 5&lan=ru-RUКынев А. В. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции»/ Сайт Международного института гуманитарно-политических исследований. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.igpi.ru/info/people/kynev/1128082583.html
20. Информационно-аналитический портал Молдовы E-democracy. Итоги выборов в парламент Молдовы 2005 года Режим доступа открытый. (Электронный ресурс). http://www.e-democracy.md/ru/elections/parliamentary/
21. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Итоги выборов депутатов Государственной Думы 1993, 1995, 1999, 2003 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.cikrf.ru/newsite/vib_arhiv/ gosduma/.
22. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Украины. Итоги выборов депутатов Верховной Рады 1998, 2002, 2006 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.cvk.gov.ua/pls/
23. Wilson A. Reinventing the Ukrainian Left: assessing adaptability and change, 1991-2000. In: Slavonic and East European Review. 80 (January2002), 1.
24. Шмелев Н. «Есть ли будущее у социализма в России?», Знамя, 1999, 1.
25. Работяжев Н. и Яшлавский А. «Социал-демократия в современной России», Свободная мысль, 2001, 10.
26. Студеникин Н.В. «Социал-демократические партийные проекты в современной России», Вестник Московского университета. Политические науки, 2002.
27. Гуселетов Б.П. Социал-демократия в современной России. – В кн. Актуальная социал-демократия в XXI веке. – М.: Ключ-С. 2009.
28. Информационно-аналитический портал Евразийский дом. Итоги парламентских выборов в Беларуси 1996, 2000, 2004 и 2008 гг. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.eurasianhome.org/xml/t/ databases.xml?lang=ru&nic= databases&country=24&pid=1032&s=-1.
29. Официальный сайт социал-демократической партии Кыргызстана. (Электронный ресурс). Режим доступа свободный. http://www.sdpk.kg/ru/Activities/History.

Состояние и перспективы развития системы экономических санкций США

А.Р. Шакиров

В условиях борьбы с последствиями мирового финансового кризиса президент США Б. Обама в январе 2010 года объявил о Национальной экспортной инициативе, направленной на удвоение американского экспорта в течение ближайших пяти лет. Реализация инициативы во многом зависит от эффективности основных инструментов внешнеэкономической политики США. К их числу относятся экономические санкции, которые в последние два десятилетия стали одним из основных элементов американской политики в отношении целого ряда стран. В статье анализируется американская система экономических санкций, в частности, осуществляется их систематизация, изучается практика США по их использованию, оценивается их эффективность, влияние на российско-американские отношения и внешнеэкономические интересы России.

В международной практике понятию «экономические санкции» соответствуют различные трактовки. В правовой практике ООН, в частности, в статье 41 Устава, используется следующее определение экономических санкции: «Меры, не связанные с использованием вооруженных сил», которые могут включать «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

В российской правовой практике экономические санкции определяются в соответствии с Федеральным законом № 281-ФЗ как «специальные экономические меры», которые «применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающие права и свободы ее граждан, а также в соответствии с резолюциями Совета Безопасности Организации Объединенных Наций».

Законодательство США содержит целый ряд нормативно-правовых актов, регулирующих применение экономических санкций, однако ни в одном из них не содержится дефиниции данного понятия. Сложившееся доктринальное толкование данного понятия в США основано на трактовке экономических санкций как экономических мер принудительного характера, применяемых в отношении какой-либо страны в целях добиться изменения ее поведения. Они вводятся в случае наступления чрезвычайной международной ситуации – совокупности обстоятельств, представляющих угрозу национальной безопасности, внешнеполитическим интересам или экономике США.

Экономические санкции традиционно являются одним из ключевых инструментов внешнеэкономической политики США и используются в основном для оказания экономического давления на какую-либо страну с определенными, как правило, политическими целями. При этом экономическое давление может оказываться самостоятельно или в сочетании с другими формами давления, в частности, с дипломатическим давлением и (или) военным давлением. Выделяются три основные функции экономических санкций:

Шакиров Айдар Робертович – к.э.н., заместитель начальника экономического отдела Торгового представительства России в США. E-mail: arshakirov@mail.ru

1) побуждение или принуждение объекта санкций к изменению политики;

2) наказание объекта санкций за противоправную политику;

3) направление сигнала объекту санкций и третьим странам[1].

Субъектами экономических санкций, как правило, выступают независимые государства, а объектами – независимые государства, отдельные юридические и физические лица. Предметом экономических санкций могут выступать связи между субъектом и объектом санкций на рынках товаров, услуг, капитала и труда.

Систематизация экономических санкций США. Практика применения экономических санкций как мировым сообществом в целом, так и США демонстрирует многообразие ее проявлений, которые автор счёл возможным структурировать в следующие типы, виды, формы. В практике США используются два типа экономических санкций, которые вводятся автономно или комплексно: 1) торгово-экономические санкции; 2) финансово-экономические санкции.

Разными американскими исследователями в эти категории санкций включаются различные перечни принудительных мер, от расширенного вплоть до слишком суженного, которые в настоящей статье объединены в две группы форм:

1. Запрещение или ограничение внешнеэкономических связей с объектом санкций (эмбарго). Данная форма экономических санкций имеет 2 вида:

— полное или выборочное запрещение или ограничение торговых связей с объектом санкций (полное или выборочное торговое эмбарго);

— полное или выборочное запрещение или ограничение финансовых связей с объектом санкций, в том числе инвестиций, финансовых операций, предоставления экономической помощи, предоставления грантов и займов, а также замораживание активов правительства, юридических и физических лиц.

Санкции в виде полного торгового эмбарго используются в практике США относительно редко, в частности они применяются в отношении Ирана, Судана, Кубы, Северной Кореи. При этом в последние годы из-под эмбарго были выведены различные группы товаров. В частности, с 2000 года в эти страны, за исключением Северной Кореи, разрешены поставки из США сельскохозяйственной продукции, медикаментов и медицинского оборудования, тогда же из-под режима санкций были выведены поставки из Ирана ковров и ряда продовольственных товаров. В 2010 году в целях содействия развитию оппозиционных демократических движений, были внесены изменения в санкции против Ирана, Судана и Кубы: был разрешен экспорт в эти страны технологий и программного обеспечения, которые позволяют физическим лицам обмениваться информацией в Интернете.

К санкциям в виде выборочного торгового эмбарго можно отнести ограничения на поставки товаров военного и двойного назначения в рамках системы экспортного контроля, которые получили наиболее широкое распространение в американской практике. Ограничения на поставки отдельных товаров обуславливаются необходимостью обеспечения долгосрочной национальной военной и экономической безопасности США и определяются уровнем угроз, исходящих от конкретной страны. Американская система экспортного контроля, сохранившаяся со времен холодной войны, является во многом запутанной и неэффективной, что признают и сами американские власти. В ближайших планах Администрации США - проведение реформы данной системы. Основными элементами реформы станут создание единого списка товаров, подлежащих экспортному контролю, и передача полномочий по выдаче экспортных лицензий в один орган исполнительной власти.

2. Предоставление объекту экономических санкций относительно худших условий внешнеэкономического сотрудничества. Данная форма экономических санкций имеет ряд видов, в том числе:

— введение запрета или ограничений на предоставление режима наибольшего благоприятствования (РНБ) и его отмена;

— отказ объекту экономических санкций в торговых преференциях;

— отказ объекту экономических санкций в предоставлении кредитов;

— предоставление объекту экономических санкций кредитов под более высокий процент, чем другим странам.

Некоторые из указанных видов санкций предусматриваются разделом 402 Закона о торговле 1974 года, более известным как поправка Джексона-Вэника. В соответствии с поправкой, запрещено предоставление режима натбольшего благоприятствования (РНБ), а также кредитов и банковских гарантий по линии американских государственных агентств странам с нерыночной экономикой, которые ограничивают свободу эмиграции своих граждан. В настоящее время только Кубе и Северной Корее отказано в РНБ в результате действия данной поправки. Остальные нерыночные, прежде всего социалистические страны, в 1980-2000-е годы были: а) либо выведены из-под действия поправки специальными законодательными актами; б) либо в отношении них действует мораторий на применение поправки; в) либо они признаются странами, не нарушающими изложенных в поправке критериев. В двух последних случаях РНБ предоставляется на временной основе и подлежит ежегодному подтверждению.

Мировой опыт показывает, что, в зависимости от количества субъектов, экономические санкции могут быть: 1) односторонними, то есть применяться одной страной; 2) международными, то есть вводиться на многосторонней

основе в рамках международных организаций, в частности на основании резолюций Совета безопасности (СБ) ООН. При этом односторонние экономические санкции могут носить как дополнительный к международным санкциям характер, так и быть автономными.

Введение санкций США предусматривается за проведение противоправной, с точки зрения американцев, политики, в том числе в следующих областях:

— нераспространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий;
— борьба с терроризмом;
— борьба с наркоторговлей;
— экспроприация собственности, принадлежащей американским правительственным структурам, юридическим и физическим лицам;
— несоблюдение прав человека;
— совершение военных преступлений;
— нарушения законодательства по трудовым правам;
— нарушения законодательства по защите окружающей среды.

Особое место в практике США занимают «экстерриториальные санкции», вводимые в соответствии с американским национальным внутренним законодательством, как правило, в отношении юридических и физических лиц из третьих стран, сотрудничающих с объектом американских односторонних санкций. При этом они носят дополнительный к данным односторонним санкциям характер и, как правило, вводятся без предварительных консультаций и без предъявления весомых доказательств вменяемых нарушений. По мнению некоторых экспертов, режим «экстерриториальных санкций» по сути является косвенным признанием со стороны США неэффективности односторонних санкций и невозможности добиться от других государств присоединения к режиму американских односторонних санкций в целях обеспечения международной изоляции того или иного объекта санкций.

В США действуют несколько законов, предусматривающих введение санкций в отношении иностранных компаний из третьих стран, осуществляющих сотрудничество с объектом американских односторонних санкций, прежде всего, с Ираном и Кубой:

— закон о санкциях в отношении Ирана от 1996 года предусматривает введение экстерриториальных санкций в отношении иностранных компаний, осуществляющих новые инвестиции размером более 20 млн. долл. в год в нефтегазовый сектор Ирана. Подобные санкции могут оказать негативное влияние на деятельность иностранных компаний в США. В отношении них могут быть введены запреты на участие в американских тендерах по государственным закупкам, ограничения на поставки товаров на американский рынок, предоставление кредитов американскими банками. Но до настоящего времени Администрация США ни разу не применяла санкции в отношении нарушителей данного закона;
— закон о нераспространении от 2000 года (в результате принятых в 2005-2006 гг. поправок он стал также действовать в отношении Сирии и Северной Кореи) предусматривает введение санкций против иностранных компаний, поставляющих в Иран товары, услуги или технологии, которые могут быть использованы при создании оружия массового уничтожения (ОМУ);
— закон о поддержке свободы в Иране от 2006 года распространил санкции на иностранные компании, которые поставляют Ирану усовершенствованные обычные вооружения;
— закон о всеобъемлющих санкциях в отношении Ирана, ответственности и изъятии капиталовложений от 2010 года предусматривает, в том числе:
— введение санкций в отношении иностранных компаний, поставляющих в Иран нефтепродукты и оборудование для нефтедобычи и нефтепереработки;
— обязанность иностранных компаний, участвующих в тендерах по госзакупкам в США, предоставлять сертификат, подтверждающий отсутствие у них экономических связей с топливно-энергетическим комплексом Ирана;
— запрет на участие в тендерах по госзакупкам в США иностранным компаниям, экспортирующим в Иран продукцию и технологии, используемые для ограничения свободы слова;
— запрет американским банкам на установление сотрудничества с иностранными банками, поддерживающими отношения с иранскими организациями, являющимися объектами санкций.

Данные законы вызывают протесты со стороны третьих стран, однако, по мнению американской стороны, выгоды от их действия весомее их издержек: законы способствуют сдерживанию роста экономического и военного потенциала Ирана, так как многие иностранные компании, находясь в условиях выбора между иранским и американским рынками, отдают предпочтение последнему и отказываются от отношений с Ираном.

Закон о свободе и демократической солидарности с Кубой от 1996 года, известный как закон Хелмса-Бертона, предусматривает введение санкций в отношении юридических и физических лиц из третьих стран, которые ведут бизнес на Кубе с использованием активов, экспроприированных у американских владельцев в начале 1960-х годов. Данный закон также запрещает заходить в американские порты в течение 6 месяцев морским кораблям, делавшим остановку на Кубе.

Факторы, оказывающие влияние на систему экономических санкций США. На принятие решения, планирование, подготовку, применение и снятие конкретного комплекса экономических санкций влияет широкий круг политических, идеологических, экономических, правовых, военных и других факторов, как международного, так и национального уровня. Среди факторов международного уровня можно выделить геополитические изменения в мире после окончания «холодной войны»:

— глобализацию мировой экономики;
— международное сотрудничество в применении санкций;
— проблему тяжелых гуманитарных последствий от действия санкций.

Геополитические изменения в мире после окончания «холодной войны» устранили риски, связанные с угрозами для безопасности США и других западных стран со стороны СССР и его союзников, однако породили новые вызовы. К таковым можно отнести активизацию международного терроризма и попытки ряда стран обзавестись ОМУ. До 1990-х годов США использовали односторонние экономические санкции главным образом против стран, которые входили или могли попасть в сферу влияния СССР. То есть они применялись в основном в отношении социалистических стран, с которыми у США не было тесных экономических отношений, что обуславливало незначительное экономическое давление на объект санкций, и, соответственно, их низкую эффективность. В то же время США не имели практической возможности проводить международные санкции по линии СБ ООН в отношении неугодных им стран в связи с неминуемым их блокированием советской стороной.

После окончания «холодной войны» США в условиях фактически однополярного мира стали активнее использовать экономические санкции. При этом, в связи с окончанием идеологического противостояния и нормализацией отношений с Россией, у США появились реальные возможности применять не только односторонние санкции, но и проводить в результате многосторонних переговоров и компромиссных договоренностей международные санкции по линии СБ ООН.

Вместе с тем глобализация мировой экономики приводит к существенному снижению экономического давления на объект санкций в случае применения США к нему односторонних экономических санкций. Ибо объект санкций, как правило, имеет широкие возможности по развитию внешнеэкономических связей с другими странами. Кроме того, глобализация стала одной из причин смены приоритетов в практике использования экономических санкций США. После Второй мировой войны в их практике доминировали финансово-экономические санкции, главным образом запрет на предоставление экономической помощи, в связи с тем, что США являлись наиболее важным ее источником сначала для участников войны, а затем для новых независимых государств в Азии и Африке. Однако со временем стали появляться новые источники финансирования для развивающихся стран, соответственно, эффект от использования односторонних финансово-экономических санкций США стал снижаться, что побудило американские власти активнее использовать торгово-экономические санкции.

Международное сотрудничество в применении санкций может выражаться в использовании мировым сообществом международных санкций и поддержке или неодобрении американских односторонних санкций. Международные санкции по линии СБ ООН, инициатором и координатором большинства из которых выступают США, вводятся в качестве инструмента принуждения «государства-правонарушителя при существовании угрозы миру и безуспешности дипломатических усилий». Они эффективнее односторонних санкций, так как ведут к международной изоляции объекта санкций. Однако они требуют много усилий и времени, так как для их введения требуется провести комплекс согласований большим количеством стран с разными подходами к использованию санкций и различными экономическими интересами.

Международные санкции, являющиеся результатом компромиссных договоренностей, как правило, получаются, по мнению американцев, недостаточно жесткими, что побуждает их при определенных условиях принимать дополнительно односторонние санкции в отношении объекта международных санкций. Более того, американское правительство в ряде случаев оказывает давление на своих торгово-политических партнеров с целью введения ими жестких санкций в отношении неугодной страны – в июле 2010 года ЕС и Австралия под давлением США ввели дополнительно к международным, принятым месяцем ранее резолюцией СБ ООН, односторонние санкции в отношении Ирана[2].

Односторонние санкции США не всегда пользуются международной поддержкой, а в ряде случаев даже вносят разлад в отношения США с третьими странами. Так, с 1992 года санкции США в отношении Кубы осуждаются Генеральной ассамблеей ООН – в 2009 году в поддержку резолюции, осуждающей США, проголосовало 187 стран, против – 3 страны, а именно США, Израиль, Палау. Санкции в отношении Кубы «являются прекрасным примером, используемым антиамериканистами во всем мире, чтобы показать лицемерие супердержавы, которая наказывает малый остров, потакая в то же время диктаторам в других странах»[3].

Проблема тяжелых гуманитарных последствий от действия санкций для мирного населения остро встала в последнее десятилетие. Использование жестких санкций зачастую приводит не к давлению на элиты, возможно, ответственные за противоправную политику страны, а к ухудшению социального положения населения,

здоровье и качество жизни которого ухудшается, в том числе из-за дефицита продовольствия и медицинских препаратов. Моральный аспект применения санкций получил широкий политический резонанс. Последствия жестких санкций в отношении Ирака и Гаити для мирного населения этих стран вызвали негативную реакцию международного сообщества. Они побудили ООН сместить акценты в сторону применения «умных» санкций, то есть направленных на несущих ответственность за противоправную политику страны лиц.

США, откликнувшись на эти новые тенденции и в целях облегчения положения населения, вывели из-под эмбарго, действующего в отношении Ирана, Судана и Кубы, сельскохозяйственную продукцию, медикаменты и медицинское оборудование. При этом американские экспортеры должны получать соответствующую лицензию на каждую поставку данных групп товаров в эти страны, они не могут поставлять товары в кредит и проводить напрямую операции с банками данных стран.

Среди факторов национального уровня, влияющих на изменения в политике экономических санкций, можно выделить внутриполитическую ситуацию в США, интересы американского бизнеса, деятельность этнических лобби. Внутриполитическая ситуация в США во многих случаях является определяющим фактором в применении санкций. Американские президенты при этом нередко исходят из необходимости или желания продемонстрировать электорату свое лидерство, способность к инициативам по формированию мирового порядка, умение жестко реагировать на события за рубежом. В этом смысле, по мнению американских исследователей У. Кемпфера и А. Лоуэнберга, торговые санкции выглядят в большей степени эффектным, нежели эффективным, инструментом[4]. В ряде случаев очевидны практика применения двойных стандартов и доминирование стереотипов времен «холодной войны». В отношениях с Китаем США исходят из понимания того, что развитие внешнеэкономических связей с ним способствует улучшению ситуации с правами человека и проведению там политических реформ, и применяют в отношении него санкции мягкого характера, в основном в рамках системы экспортного контроля. В то же время в отношении Кубы, которая представляла угрозу для национальной безопасности США лишь до 1991 года в связи с союзническими отношениями с СССР, и сейчас действуют жесткие санкции.

Интересы американского бизнеса, как правило, существенно страдают из-за экономических санкций:

— во-первых, американские компании теряют рынки сбыта и лишаются потенциальных доходов из-за запрета экспортировать свою продукцию в некоторые страны. По оценкам американских экспертов, во второй половине 1990-х годов в результате действия жестких санкций в отношении 8 так называемых «стран-изгоев» экспорт США ежегодно «не добирал» 1,3 - 1,6% объема[5]. Жесткие санкции применяемые против «стран-изгоев», емкость рынков которых не так уж и велика, мало влияют на недополученные доходы американского бизнеса. Но санкции, связанные с реализацией экспортного контроля, становятся причиной потери огромных сумм потенциальных доходов из-за ограничений поставок высокотехнологичных товаров в Китай, Индию, Россию и другие страны;
— во-вторых, в результате применения санкций американские компании несут репутационный ущерб. Они могут считаться ненадежными поставщиками в некоторых странах из-за опасений, что в будущем в результате возможного введения санкций властями США в отношении этих стран они не смогут выполнять свои обязательства. Даже после снятия санкций эффект от их действия будет еще долгим: запрет на поставки машин и оборудования сегодня означает снижение экспорта завтра, когда санкции уже будут сняты, потому что теряется рынок поставок запасных частей и дополнительных технологий.

Деятельность этнических лобби в США оказывает существенное влияние на американские экономические санкции в отношении ряд стран. Так, важную роль во введении экономических санкций в отношении Кубы играли американцы кубинского происхождения, эмигрировавшие в США после революции на Кубе в 1959 году и большей частью осевшие во Флориде – в штате, который традиционно важен в предвыборных президентских кампаниях. Соответственно, претенденты на высшую должность в стране для получения их голосов на выборах вынуждены при выработке политики в отношении Кубы учитывать мнение данного этнического меньшинства, которое отличается непримиримой оппозицией правящему на Кубе режиму. Другим примером участия этнического лобби во введении санкций является экономическое давление США на ряд стран Ближнего Востока, на которое оказывает влияние израильское лобби[6].

Особенности практики применения США экономических санкций. Наиболее полно политика США по применению экономических санкций раскрывается при анализе их использования в отношении «стран-изгоев», которые, по мнению американцев, представляют угрозу для национальной безопасности США. Санкции США в отношении Ирана впервые были введены в 1979 году после захвата сотрудников посольства США в этой стране в качестве заложников, случившегося вскоре после исламской революции в Иране. В ответ были заблокированы все активы иранского правительства в США, разорваны дипломатические отношения, введено полное торговое эмбарго.

После освобождения заложников все санкции, за исключением замораживания активов, были сняты. В середине 1980-х был вновь введен ряд санкций в связи с включением Ирана госдепартаментом США в список стран, спонсирующих международный терроризм. В 1987 году был введен запрет на импорт в США товаров из Ирана. В 1995 году, США усилили экономическое давление на Иран в связи с ростом опасений по поводу иранской программы создания ОМУ.

Санкции США в отношении Судана были впервые введены в 1988 году в связи с гражданской войной в этой стране и включали в себя приостановление ей экономической и военной помощи. Позднее Судан был исключен из списка участников Генеральной системы преференций США. В 1997 году администрация Б. Клинтона, обвинив суданское правительство в пособничестве международному терроризму, попытках дестабилизировать соседние государства и нарушениях прав человека, ввела всеобъемлющие санкции, в частности, полное торговое эмбарго, запрет на финансовые операции, замораживание в США активов суданского правительства. Подписание в 2005 году мирного соглашения между противоборствующими сторонами в Судане, официально положившее конец гражданской войне, не стало поводом для снятия санкций со всей страны, так как нарушения прав человека продолжились, прежде всего, в провинции Дарфур. Но в то же время из-под санкций были выведены другие районы страны.

Санкции США в отношении Северной Кореи, в частности, полное торговое эмбарго, были впервые введены в 1950 году в ходе Корейской войны. В дальнейшем санкции действовали также на основании признания Северной Кореи спонсором международного терроризма, марксистско-ленинским государством с коммунистическим правительством и страной, разрабатывающей ОМУ. Усилившееся экономическое давление на Северную Корею после выхода страны из Договора о нераспространении ядерного оружия и проведения испытаний баллистической ракеты и ядерной бомбы в 2003-2006 гг., побудило северокорейское руководство выразить готовность к диалогу по ядерной программе. В этой связи в 2008 году США было принято решение о прекращении действия Закона о торговле с вражеским государством в отношении Северной Кореи и снятии накладываемых этим законом санкций. Тем не менее, санкции, налагаемые на КНДР другими законами США, продолжали действовать.

Санкции США в отношении Сирии были впервые введены в 1979 году в результате включения Сирии в список государств, спонсирующих международный терроризм. В частности, был наложен запрет на поставки в эту страну из США продукции военного и двойного назначения, а также на оказание ей экономической помощи. В 2004 году администрация Д. Буша-младшего ужесточила санкции в отношении Сирии. Был введен запрет на экспорт из США в Сирию любых товаров, за исключением сельскохозяйственной продукции, медикаментов и медицинского оборудования. Кроме того, действуют санкции в отношении Коммерческого банка Сирии и более 20 юридических и физических лиц в связи с подозрениями в их участии в разработке ОМУ и поддержке организаций, причисляемых американцами к террористическим, а также запрет сирийским авиаперевозчикам пользоваться аэропортами США.

Санкции США в отношении Кубы были введены в начале 1960-х годов в связи с экспроприацией после революции собственности американских юридических и физических лиц в этой стране. В 1960 году было введено эмбарго на экспорт, в 1962 году – полное торговое эмбарго, в 1963 году – замораживание средств кубинского правительства и введение ограничений на передвижения ее руководства. В 1982 году Куба была причислена США к странам, спонсирующим терроризм, с 1996 года - введен запрет на прямое воздушное сообщение между США и Кубой. Действующие ограничения на передвижения между США и Кубой оказывают негативное воздействие на экономику Кубы, так как она лишается потенциальных доходов в туристической сфере. В 2009 году Президент США Б. Обама смягчил некоторые санкции в части, касающейся посещения этой страны американцами кубинского происхождения, денежных переводов, предоставления услуг американскими телекоммуникационными компаниями этой стране.

Россия – США: фактор санкций США. В феврале 2009 года Администрацией США была объявлена «перезагрузка» российско-американских отношений. В настоящий момент можно говорить о том, что объявленная «перезагрузка» пока в большей степени коснулась политической области и в меньшей степени затронула внешнеэкономическую сферу. Существенным препятствием для развития двусторонних взаимовыгодных экономических отношений являются используемые США в отношении России ограничения:

— применение поправки Джексона-Вэника;
— санкции в отношении ряда российских предприятий;
— строгие процедуры экспортного контроля в отношении поставок американской высокотехнологичной продукции в Россию.

Санкции в виде отказа СССР в предоставлении РНБ были введены США в 1951 году, в том же году они денонсировали советско-американское торговое соглашение 1937 года. В 1974 году на СССР было распространено действие поправки Джексона-Вэника. По сути, поправка не изменила положения вещей: РНБ СССР как не предоставлялся с 1951 года, так не предоставлялся и после 1974 года, однако теперь основанием для проведения такой политики у США было не только противостояние с идеологическим соперником, но и борьба за права человека.

В отношении России мораторий на действие поправки был введен в июне 1992 года, а с сентября 1994 года Россия дважды в год признается не нарушающей изложенные в поправке критерии. Таким образом, Россия юридически все еще остается объектом применения поправки и получает РНБ на временной основе, а принципиальный для российской стороны вопрос получения РНБ в торговле с США на постоянной и безусловной основе пока не решен. В настоящий момент поправка Джексона-Вэника, с одной стороны, не имеет практического влияния на двусторонние отношения, но, с другой стороны, предоставление РНБ России на временной основе создает неопределенность и негативно воздействует на долгосрочные планы участников внешнеэкономической деятельности двух стран. Более того, такая ситуация противоречит статье 1 двустороннего Соглашения о торговых отношениях от 1990 года, предусматривающей взаимное предоставление РНБ без каких-либо условий.

Несмотря на неоднократные заявления руководителей исполнительной и законодательной властей США о необходимости выведения России из-под действия поправки и внесение соответствующих законопроектов на рассмотрение Конгресса США, серьезных подвижек в этом направлении так и не произошло. В то же время в последние годы из-под действия поправки были выведены Латвия, Литва, Эстония, Армения, Грузия, Киргизия, Украина, Китай и Вьетнам, что является подтверждением дискриминации России в этом вопросе. Очевидно, что данный вопрос имеет больше политический характер, чем экономический. Россия может быть выведена из-под действия поправки только решением Конгресса, члены которого неоднозначно относятся к такой перспективе.

Сторонники положительного решения этого вопроса считают, что поправка достигла цели и сыграла свою роль в обеспечении:

— свободы эмиграции из страны;
— соблюдении прав человека;
— достижении прогресса в области религиозных свобод и межэтнических отношений в России;
— демократизации общественной жизни.

Они отмечают, что с 1994 года российская политика полностью удовлетворяет требованиям поправки в отношении свободы эмиграции, а ее дальнейшее сохранение не соответствует духу новых отношений двух стран и болезненно воспринимается в России. По их мнению, отмена поправки будет способствовать улучшению инвестиционного климата и укреплению двусторонних экономических связей.

В то же время противники такого решения трактуют данную поправку, которая нацелена только на обеспечение свободы эмиграции, расширительно и увязывают ее отмену с другими вопросами, не имеющими никакого отношения к ней. В разное время отмена поправки увязывалась ими с вопросами: 1) соблюдения прав человека; 2) обеспечения религиозных свобод; 3) проведения демократических реформ; 4) либерализации торговли; 5) санитарных и фитосанитарных правил; 6) нарушений в сфере прав владельцев интеллектуальной собственности. Кроме того, по мнению некоторых членов Конгресса, предоставление России РНБ на постоянной основе лишило бы США необходимого рычага влияния на процесс присоединения России к ВТО.

С учетом имеющихся разногласий в политической элите США по данному вопросу, представляется, что Конгресс США отменит действие поправки в отношении России только после присоединения России к ВТО. Он сделает это в интересах американского бизнеса, так как в случае непредоставления России РНБ на постоянной и безусловной основе США будут вынуждены отказаться от установления отношений с Россией в рамках ВТО, и, соответственно, американский бизнес не сможет воспользоваться либерализацией торгового режима России. Об этом говорит и исторический опыт: в отношении 12 из 13 стран, на которые распространялась поправка Джексона-Вэника и которые присоединились к ВТО в последние годы, действие поправки было отменено, а единственным исключением стала Молдова. Отмена действия поправки до присоединения России к ВТО означала бы широкий жест в отношении нашей страны, на который Конгресс вряд ли пойдет.

В США действуют экстерриториальные санкции в отношении ряда российских организаций, введенные в связи с нарушением ими соответствующего американского законодательства и обвинениями в сотрудничестве с Ираном, Сирией и Ливией, якобы способствующем распространению ОМУ и военных технологий. Санкции включают в себя различные меры: а) ограничения на поставки российским организациям товаров военного и двойного назначения из США; б) запрет на их участие в тендерах по госзакупкам в США; в) запрет на предоставление им финансовой помощи по линии государственных агентств. По мнению официальных лиц России, отечественные организации строго выполняют нормы международного права в сфере военно-технического сотрудничества с иностранными государствами, и это дает основание утверждать, что санкции являются проявлением недобросовестной конкуренции со стороны США и наказанием за сотрудничество с неугодными им странами.

В качестве позитивного сигнала со стороны администрации Б. Обамы можно воспринимать снятие в феврале-марте 2010 года санкций, которые вводились в разное время, начиная с 1999 года, с Балтийского государственного технического университета и ФГУП «Главкосмос»[7].

В мае 2010 года то же самое было сделано и в отношении Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева, Московского авиационного института, ФГУП «Конструкторское бюро приборостроения», ФГУП «Рособоронэкспорт».

Данные решения воспринимается большинством американских экспертов как уступка США в торге с Россией по ужесточению международных санкций в отношении Ирана[8]. Хотя снятие санкций свидетельствует о готовности американцев проводить «перезагрузку» двусторонних отношений не только в политической, но и во внешнеэкономической сфере, переоценивать значение данного решения все же не стоит – побудительным мотивом у них все же было желание добиться усиления экономического давления на Иран.

По-прежнему актуальна проблема дискриминации России в вопросах экспортного контроля США, применяемого к поставкам товаров военного и двойного назначения. В 1949 году западными странами был создан Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю, более известный как КОКОМ, занимавшийся координацией политики стран-участниц в сфере экспортного контроля с целью предотвращения попадания стратегических товаров и технологий в СССР и другие социалистические страны. Упразднение этого комитета в 1994 году не привели к изменениям правил экспортного контроля США в отношении России. Мало что в этом отношении дали и достигнутые в 1996 году Вассенарские договоренности, которые направлены на координацию политики в сфере экспортного контроля над поставками обычных вооружений и товаров и технологий двойного назначения в нестабильные регионы мира и участником которых является Россия.

Напрямую затрагивает российские интересы строгий контроль в США за экспортом высокотехнологичных товаров, в частности, быстродействующих компьютеров. Согласно американским правилам экспортного регулирования, все страны разбиты на несколько групп, применительно к каждой из которых установлен потолок производительности компьютеров, разрешенных к экспорту. В настоящее время Россия отнесена к 3-й группе стран, в которую входят около 50 стран, включая Афганистан, Албанию, Египет, Индию, Ирак, Китай, Ливан, Лаос, Монголию, все страны СНГ, и в отношении которой действуют строгие правила контроля. Из стран-участниц Вассенарских договоренностей в эту группу включены только Россия, Украина и Хорватия. Поставки в эту группу стран быстродействующих компьютеров, мощность которых превышает 0,75 терафлопс, подлежат лицензированию, при этом система экспортного контроля построена таким образом, что американскому поставщику практически невозможно получить лицензию.

Внешнеэкономическим интересам России в сферах военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов наносится ущерб в результате действия американских односторонних экономических санкций. Среди стран, за сотрудничество с которыми США ввели или могут ввести экстерриториальные санкции в отношении российских организаций, выделяется Иран, на который в 2009 году пришлось 0,9% российского экспорта. При этом ущерб может быть прямым, как в случае с вышеупомянутыми российскими организациями, или косвенным, когда российские бизнес-структуры при проработке своих сделок с вынуждены учитывать возможность применения санкций со стороны США. В 2010 году, например, из-за угрозы введения экстерриториальных санкций со стороны США российская нефтяная компания «Лукойл» прекратила поставки нефтепродуктов в Иран и вышла из проекта «Анаран»[9].

Экономические санкции США в отношении третьих стран могут негативно влиять на совместные российско-американские проекты и препятствовать российскому экспорту продукции, в которой есть комплектующие американского производства. Так, действуют ограничения на поставку в Иран самолетов «Ту-204», которые оснащены авиадвигателями, разработанными совместно ОАО «Пермский моторный завод» и американской компанией «Pratt & Whitney»[10].

Инициированные США международные санкции по линии СБ ООН также нередко наносят ущерб российским внешнеэкономическим интересам. Как правило, внешнеэкономические интересы России и США в странах, в отношении которых применяются международные санкции, не совпадают. США не имеют серьезных планов развития внешнеэкономических отношений с данными странами, в то же время некоторые из этих стран традиционно были или потенциально являются потребителями российской промышленной продукции. В этой связи встает задача отстаивания российских экономических интересов при разработке и применении международных санкций. Наличие у России права вето в СБ ООН объективно содействует выполнению данной задачи, так как инициаторы санкций, прежде всего США, вынуждены учитывать наши интересы и искать компромиссные решения по санкционным режимам.

В то же время отдельные американские санкции в отношении третьих стран невольно способствуют укреплению экономических позиций России в некоторых регионах мира, так как закрывают доступ на ряд рынков, многие из которых традиционно входили в сферу влияния СССР и России, сильным конкурентам в лице американских производителей. Они же ограничивают доступ европейским и японским производителям, которые из-за опасения применения экстерриториальных санкций со стороны США зачастую отказываются от внешнеэкономической деятельности в таких странах.

Внешнеполитические интересы России могут в определенной степени страдать в результате действия односторонних санкций США и инициированных ими международных санкций:

— во-первых, применение односторонних экономических санкций США в отношении России и угроза такого применения

негативно сказываются на общем климате российско-американских отношений;

— во-вторых, практика использования США в отношении третьих стран односторонних санкций, выходящих за рамки действующих международных санкций по линии СБ ООН, подрывает авторитет ООН, которая, по мнению российской стороны, должна играть определяющую роль в поиске политико-дипломатического урегулирования той или иной ситуации и применении экономических санкций;

— в-третьих, участие России в разработке международных санкций против какой-либо страны может вести к ухудшению наших политических отношений с этой страной и снижению российского влияния в том или ином регионе в целом.

В то же время внешнеполитические интересы России и США в ряде сфер могут совпадать, как в случае с недопущением распространения ОМУ в мире, и тогда инициирование США международных санкций может соответствовать внешнеполитическим интересам России. Кроме того, ослабление политического взаимодействия между США и объектами односторонних и международных санкций может объективно содействовать укреплению политических позиций России в определенных странах и регионах, в том числе вследствие стремления объектов санкций использовать возможности России по влиянию на принятие международных санкций по линии СБ ООН.

Эффективность экономических санкций США. Оценка эффективности экономических санкций, как соотношения между достигнутым результатом и использованными ресурсами, носит во многом субъективный характер и поэтому является одним из наиболее дискуссионных вопросов[11]. Для оценки эффективности санкций необходимо исходить из целей, которые ставились при введении санкций, и достигнутых результатов. Однако, во-первых, цель введения санкций не всегда четко объявляется властями, ее формулирование может быть достаточно обтекаемым, в таком случае весьма трудно оценить, насколько полно она достигается. Во-вторых, тяжело понять, какую именно роль играют санкции в решении объекта санкций изменить свою политику, если такое происходит. Ведь санкции всегда выступают лишь как один из элементов давления на страну, наряду с дипломатическими акциями, угрозой военного вмешательства и т.д.[12].

В докладе Главного бюджетно-контрольного управления США об эффективности санкций в отношении Ирана говорится, что американские односторонние санкции оказывают определенное влияние на эту страну, однако определить степень этого влияния представляется затруднительным. По мнению составителей доклада, американские ведомства не анализируют влияние санкций и не оценивают, насколько санкции содействуют достижению внешнеполитических целей США. Дефицит этой важной информации препятствует администрации США и Конгрессу США вырабатывать эффективную стратегию давления на Иран[13]. Согласно исследованию Института международной экономики (Вашингтон), эффективной является только одна треть вводимых санкций, в связи с чем необходим детальный анализ последствий экономических санкций при решении об их введении[14].

Теоретически свидетельством эффективности санкций может служить их снятие, так как оно означает достижение поставленных при введении санкций целей. Так, в отношении Сирии санкции должны быть сняты в случае, если она прекратит поддержку террористических организаций, вмешательство в политику Ливана и разработку ОМУ. В отношении Кубы санкции будут приостановлены в случае прихода к власти на Кубе переходного правительства, и отменены, когда к власти придет демократически избранное правительство.

Санкции в отношении некоторых стран действуют уже много лет, что может свидетельствовать о том, что цели, которые ставились при их введении, пока не достигнуты. Санкции в отношении Ирана, Северной Кореи, Кубы, Мьянмы и ряда других государств не смогли изменить поведение режимов, находящихся у власти в этих странах, они лишь ухудшили положение населения. Так, Иран, по мнению некоторых американских экспертов, несмотря на экономические санкции, политическое давление, угрозы военного вмешательства, продолжает реализовывать свою ядерную программу, будучи уверенным, что она станет важным фактором доминирования Ирана в регионе. Тегеран уверен в том, что Запад нехотя, но все же смирится с наличием ядерного оружия у страны, как это произошло в случае с Индией и Пакистаном[15]. Торговое эмбарго в отношении Кубы «не изменило курса или природы кубинского правительства. Оно не дало свободы ни одному кубинскому гражданину. На самом деле эмбарго сделало кубинское население еще беднее, при этом не сделало его более свободным, - пишет Д. Гисволд. - В то же время оно лишило американцев свободы передвижения и стоило американским фермерам и другим производителям десятки миллиардов долларов потенциального экспорта»[16].

Эффективность санкций снижается и тем, что в американском законодательстве всегда находятся лазейки для того, чтобы их обойти. Так, полное торговое эмбарго, как правило, не распространяется на деятельность дочерних компаний американского бизнеса за рубежом, которые могут осуществлять поставки товаров в страны, в отношении которых действуют санкции. Исключением, пожалуй, является только Куба. Например, в разные годы, по оценкам Исследовательской службы Конгресса США, с Ираном осуществляли торговые операции дочерние компании флагманов американского бизнеса -

«Halliburton», «General Electric», «Coca Cola»[17].

Продукция американских марок, произведенная вне США, широко представлена в Сирии, где продаются автомобили «General Motors» южнокорейского производства, а «Coca Cola» занимается производственной деятельностью в самой стране. Кроме того, поставки из США зачастую идут в объекты санкций через третьи страны, в отношении которых правила экспортного контроля США не столь строгие. Так, по оценкам Главного бюджетно-контрольного управления США, поставки товаров из США в Иран осуществляются через ОАЭ, Малайзию, Сингапур, Германию, Великобританию[18].

Несмотря на применение жестких санкций в отношении «стран-изгоев», внешнеэкономические связи с рядом из них у США развиваются достаточно интенсивно. В 2009 году, по данным Министерства торговли США, объем торговли между США и «странами-изгоями» составил (экспорт и импорт соответственно, в млн. долл.):

— Иран – 282 и 67;
— Куба – 533 и 0;
— Судан – 79 и 10;
— Северная Корея – 1 и 0;
— Мьянма – 7 и 0;
— Сирия – 304 и 303.

Получается, что США, ставя задачу изолировать эти страны, сами зачастую способствуют ее невыполнению, в частности, делая в режиме санкций изъятия для некоторых товаров.

Заключение. В системе экономических санкций США априори заложен конфликт внешнеэкономических и внешнеполитических интересов страны. С учетом убытков, которые американский экспорт несет в результате действия санкций, можно говорить о том, что санкции препятствуют реализации внешнеэкономических интересов США. В то же время санкции определенным образом, хотя и не всегда эффективным, содействуют реализации внешнеполитических интересов США. Таким образом, возникает проблема принесения внешнеэкономических интересов в жертву внешнеполитическим. Каждая из администраций США решает данную проблему по-своему, сопоставляя экономические издержки и политические прибыли от введения санкций.

Приход к власти в США в январе 2009 года новой американской администрации во главе с президентом Б. Обамой повлек серьезные изменения в подходах к формированию и реализации внешней политики. Были внесены коррективы и в практику США по применению санкций. В частности, в отличие от Д. Буша-младшего, который делал ставку на ужесточение режима односторонних санкций в отношении «стран-изгоев» ради эффектности в ущерб эффективности, Б. Обама пытается уйти от прямолинейной политики экономического давления, которая не приносила результата, и использовать другие инструменты, в частности, дипломатический диалог.

Новая стратегия национальной безопасности США, опубликованная в мае 2010 года, предусматривает постепенный отход от односторонних действий во внешней политике страны в пользу более активного использования многостороннего сотрудничества подходов. Однако такая политика не всегда приносит моментальный успех. Если изначально Б. Обама призывал к диалогу с Ираном, то после провалившихся попыток его наладить президент США обратился вновь к политике односторонних и международных санкций. Пока неизвестно, чем закончатся попытки наладить диалог с Сирией, которая играет важную роль в ближневосточном урегулировании. В феврале 2010 года Б. Обама назначил нового американского посла в эту страну, что произошло спустя 5 лет после отзыва его предшественника Д. Бушем-младшим.

Несмотря на ряд противоречий в самой американской системы экономических санкций, они будут оставаться одним из ключевых инструментов внешнеэкономической и международной политики США. Ряд стран американцами попрежнему воспринимается как серьезная угроза для национальной безопасности США, поэтому экономическое давление на них будет оставаться основным элементом внешнеполитического курса Вашингтона. С учетом низкой эффективности односторонних санкций все же представляется, что в ближайшие годы администрация США будет делать ставку на международные санкции, о чем свидетельствует активная деятельность страны в рамках СБ ООН, направленная на ужесточение санкций в отношении Ирана.

Роль и место экономических санкций во внешнеэкономической политике США во многом будут зависеть от соотношения внешнеэкономических и внешнеполитических интересов в системе приоритетов администрации США. В условиях борьбы с последствиями мирового финансового кризиса правящая элита США может сделать приоритетными внешнеэкономические интересы. Б. Обама в январе 2010 года объявил о Национальной экспортной инициативе, направленной на удвоение американского экспорта в течение ближайших пяти лет. Реализация инициативы, которая становится одним из ключевых элементов внешнеэкономической политики США, должна способствовать выполнению наиболее актуальной задачи, стоящей перед страной, – созданию новых рабочих мест. В этой связи администрация США уделяет особое внимание вопросу эффективности использования основных инструментов внешнеэкономической политики.

Одним из инструментов, чья эффективность нуждается в повышении, в том числе за счет усовершенствования механизма планирования и применения, являются экономические санкции. Их смягчение или даже снятие в отношении «стран-изгоев» вряд ли может сколько-нибудь серьезно содействовать росту американского экспорта. В то же время существенный резерв для его увеличения имеется

в реформировании американской системы экспортного контроля, которая давно устарела и не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Реформа, которую администрация США считает одной из своих приоритетных задач во внешнеэкономической сфере, позволит американцам значительно нарастить экспорт высокотехнологичной продукции. Россия является одной из тех стран, которая заинтересована этом, так как строгий экспортный контроль на настоящем этапе создает препятствия для закупок отечественными организациями такой продукции в США, что, естественно, тормозит модернизацию российской экономики.

Shakirov A.R. The Current State and Prospects of Economic Sanctions System in the USA.

Summary: *In countering the effects of the global financial crisis, the U.S. President Barack Obama in January 2010 announced the National Export Initiative aiming for a doubling of the U.S. exports over the next five years. The implementation of the Initiative largely depends on the efficiency of the key tools of the U.S. trade policy. They include economic sanctions, which have become one of the principal elements of the U.S. policy towards a considerable number of countries over the past twenty years. In the article the author attempts to analyze the U.S. system of economic sanctions, in particular, provides their systemization, examines the U.S. experience in their use to achieve the foreign policy goals, evaluates their efficiency, studies their influence on the U.S.-Russia relations and on the foreign economic interests of Russia.*

Ключевые слова

внешнеэкономическая политика США, экономические санкции, торговое эмбарго, поправка Джексона-Вэника, экспортный контроль, российско-американские отношения.

Keywords

U.S. trade policy, economic sanctions, trade embargo, Jackson-Vanik amendment, export control, U.S.-Russia relations.

Примечания

1. Alexander K. Economic Sanctions: Law and Public Policy. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – p.10.
2. Cody E. European Union imposes new economic sanctions against Iran. // The Washington Post. – 2010. – July 27.
3. Naím M. The Havana Obsession. // Newsweek. – 2009. – June 22.
4. Economic Sanctions Reconsidered / Hufbauer G. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. – p.7.
5. Hufbauer G. and Oegg B. The Impact of Economic Sanctions on US Trade: Andrew Rose's Gravity Model. // International Economics Policy Briefs. – 2003. – April.
6. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy / Mearsheimer J. and Walt S. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007. – p.200.
7. Lynch C. Gains for Moscow in Iran Deal.// The Washington Post.–2010.– May 22.
8. Spiegel P. Washington Takes Russians off Blacklist, Citing Iran Shift. // Wall Street Journal. – 2010. – May 22.
9. Дмитриенко Д. Россия заявила о готовности поставлять нефтепродукты в Иран. // Ведомости. – 2010. – 14 июля.
10. Колобков С. Американские санкции приземлили Ту-204СМ. // РБК daily. – 2010. – 15 апреля.
11. U.S. Economic Sanctions: Their Impact on Trade, Jobs and Wages / Hufbauer G. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 1997.
12. Effectiveness of U.S. Economic Sanctions with Respect to Sudan (Report to Congress). Washington, DC: Department of Treasury, 2009. – p.7.
13. Iran. Sanctions: Impact in Furthering U.S. Objectives Is Unclear and Should Be Reviewed (Report GAO-08-58). – Washington, DC: Government Accountability Office, 2007. – p.3.
14. Economic Sanctions Reconsidered / Hufbauer G. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. – p.158.
15. Economic Sanctions Reconsidered / Hufbauer G. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. – p.145.
16. Griswold D. The US embargo of Cuba is a Failure.// The Guardian. – 2009. – June 15.
17. Iran Sanctions (Report RS20871). – Washington, DC: Congressional Research Service, 2010. – p.15.
18. Iran sanctions: impact in furthering U.S. objectives is unclear and should be reviewed (Report GAO-08-58). – Washington, DC: Government Accountability Office, 2007. – p.10.

Динамическое моделирование макроэкономических систем: эндогенные модели Н. Калдора и М. Калецкого

О.Б. Окунев

В статье дан краткий обзор исследований в области экономической динамики; подробно представлен анализ методов и эндогенных макродинамических моделей Н. Калдора и М. Калецкого; исследована динамика дифференциально-разностных моделей при различных значениях параметра инвестиционного лага; сформулирована комбинированная модель макроэкономической динамики Калдора-Калецкого, представляющая собой систему дифференциальных уравнений с запаздыванием. В работе предлагается уточнить и расширить полученную модель путем использования прогностической оценки динамики основного капитала и сбережений макроэкономической системы.

Одним из важнейших направлений теоретических исследований в области экономической динамики является макроэкономическое моделирование динамических процессов. Такое моделирование позволяет находить глубокие взаимосвязи макроэкономических параметров и на этой основе давать объяснительный анализ основополагающих механизмов хозяйствования, что позволяет предложить подходы к решению сложных проблем, возникающих в реальных социально-экономических системах на различных стадиях их эволюции. Макроэкономические динамические модели принято разделять на модели экономического роста и модели, представляющие экономические циклы. Исследования моделей первого типа сосредотачивают внимание на поиске траекторий сбалансированного развития экономических систем, в то время как теоретические модели экономического цикла изучают закономерности немонотонного, колебательного изменения макроэкономических переменных, что, как правило, присуще реальным социально-экономическим процессам.

В данной работе мы не делаем особых различий между двумя подходами к макроэкономическому моделированию и объединяем исследуемые модели понятием экономической макродинамики. В определенной степени такая позиция обусловлена тем обстоятельством, что одна и та же математическая структура может быть отнесена к обоим типам моделей, в зависимости от особенностей используемой нелинейности и значений параметров макроэкономической системы. Это относится и к эндогенным моделям Н. Калдора и М. Калецкого, которые изучаются в данной работе.

Краткая история развития исследований в области экономической динамики. Динамические процессы в экономике и существование экономических циклов впервые были выявлены французским физиком К. Жугляром в середине XIX века[1]. Его идеи впоследствии были развиты в работах Я. ван Гельдерена[2] и Дж. Китчина[3].

В развитие теории экономических циклов общепризнанный вклад внес русский учёный Н.Д. Кондратьев[4]. В своем труде «Мировое хо-

Окунев Олег Борисович – кандидат экономических наук, доцент кафедры страхования МГИМО МИД РФ. E-mail: insurance@mgimo.ru

зяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922 г.) он сформулировал предположение о существовании длинных волн в экономическом развитии капитализма.

В дальнейшем австрийским исследователем Й. Шумпетером была предложена инновационная теория циклов[5]. Она открыла в теории экономической динамики дорогу новому направлению, которое представлено такими исследователями, как С. Кузнец[6], Дж. Менш[7], А. Клайнкнехт[8], Дж. ван Дайн[9].

В 70-е годы XX века Дж. Форрестером и его учениками была разработана математическая модель системной динамики, изучение которой позволило установить, что за большие экономические циклы ответственны процессы отраслей, выпускающих средства производства[10].

В 1970–1980 гг. исследователями школы К. Фримена была разработана теория длинных волн, основанная на активной роли рабочей силы и уровня занятости[11].

Теории Форрестера и Фримена согласуются с теорией мультипликатора-акселератора, разработанной П. Самуэльсоном[12] и Дж. Хиксом[13]. Согласно последней, рост инвестиций ведет к многократному увеличению реального национального дохода. При этом национальный доход и совокупные инвестиции оказываются функциями друг от друга, порождая циклы деловой активности.

Существенный вклад в развитие теории мультипликатора-акселератора вложил Николас Калдор[14]. Известный английский экономист подверг критике слишком простые модели экзогенного мультипликатора-акселератора как проявляющие либо нереалистично стабильную, либо нереалистично нестабильную динамику. По мнению Калдора, теория эндогенного экономического цикла должна быть основана на нелинейности инвестиционной функции, хотя им признавалось, что циклы, имеющие место в реальности, не являются чисто эндогенными. В частности, он предполагал, что рост активности предпринимателей мог бы вызвать кумулятивный подъем инвестиций, который периодически сталкивался бы с экзогенными барьерами, такими, как полная занятость.

Над теорией экономических циклов также работал польский экономист Михаил Калецкий[15]. В своих работах он рассматривал различные варианты модели динамики: линейную (1935), нелинейную (1937, 1939) и линейную с влиянием экзогенного шока. Далее подходы Калдора и Калецкого будут рассмотрены более подробно.

Макроэкономическая модель экономического цикла Н. Калдора. В экзогенной модели взаимодействия мультипликатора и акселератора механизм генерации динамики конъюнктурных колебаний в экономике возникает вследствие экзогенного изменения величины автономного спроса или денежного предложения. Однако, согласно Николасу Калдору (1908-1986), динамические колебания, возникают, главным образом, по причине действия эндогенных факторов. В основу разработанной им модели экономической динамики положены нелинейные возрастающие функции инвестиций и сбережений. Калдор сделал определенные предположения о форме функций I и S, согласно которым объем инвестиций в коротком периоде нелинейно зависит от величины реального национального дохода. При этом, инвестиции малоэффективны как при низком, так и при высоком уровне занятости, и высокоэффективны в фазе подъема при переходе от малой к высокой занятости (Рис.1). Сбережения также являются нелинейно возрастающей функцией дохода в коротком периоде. При низком и высоком уровне дохода склонность к сбережению относительно высока, в то время как при среднем уровне дохода домохозяйства снижают уровень сбережений (Рис.1).

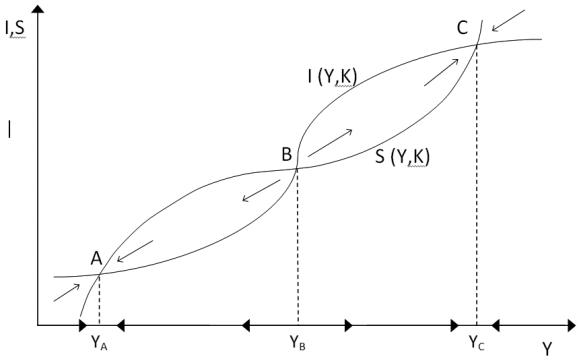

Рис.1 Нелинейные функции инвестиций и сбережений

При построении своей модели Калдор представил сбережения S и инвестиции I нелинейными функциями основного капитала K и дохода Y, соответственно, I=I(Y,K), S=S(Y,K).

Разработанная Калдором эндогенная модель экономической динамики дохода представляется двумерной автономной динамической системой нелинейных дифференциальных уравнений вида:

$$\frac{dY}{dt} = a[I(K,Y) - S(K,Y)]$$

$$\frac{dK}{dt} = I(K,Y) \qquad (1)$$

Здесь *a* - коэффициент пропорциональности, «скорость», с которой доход реагирует на изменение соотношения между инвестициями и сбережениями. Если значение параметра пропорциональности a>0, направление изменения дохода зависит от знака разности между инве-

стициями и сбережениями. Второе уравнение определяет, что увеличение капитала равняется инвестициям. Для сформулированной модели Калдора в работе Чанга и Смита[16] доказаны условия существования предельного цикла.

$$\frac{dY}{dt} = a[I(K,Y) - S(K,Y)]$$

$$\frac{dK}{dt} = I(K,Y) - \delta K, \qquad (2)$$

где δ – степень обесценивания (норма амортизации) капитала.

В предположении линейности функции сбережений S относительно дохода Y, т.е. $S_Y = \gamma \in (0,1)$, и сепарабельности функции инвестиций I=I(Y,K) относительно своих двух аргументов Y и K, так что $I_Y>0$, $I_K=\beta<0$ и I=I(Y,K)=μ(Y)+βK. При этих допущениях модель Калдора можно представить в форме:

$$\frac{dY}{dt} = \alpha\mu(Y(t)) + \alpha\beta K(t) - \alpha\gamma Y(t)$$

$$\frac{dK}{dt} = \mu(Y(t)) + (\beta - \delta)K(t) \qquad (3)$$

Выполненное с учетом работы[17] расчеты,

(в предположении, что функция μ(Y) является симметричной S-образной функцией вида $\mu(Y) = \frac{A}{1+e^{-BY}} - \frac{A}{2}$, где значения параметров модели заданы как A=4, B=1, c=0.6, α=0.8, β=-0.2, δ=0.05) показывают, что предельный цикл существует и притягивает две разные траектории, исходящие из точек **a** и **в** (рис.2):

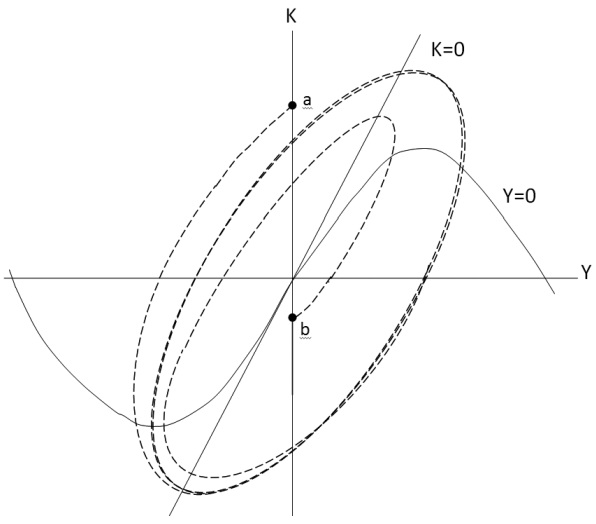

Рис.2 Устойчивая стационарная точка модели Калдора

Модели макроэкономической динамики М. Калецкого. Представленные в предыдущем разделе динамические модели Калдора не учитывает реального временного интервала (лага), существующего между моментом принятия решений об инвестировании и реальным внедрением результатов инвестирования. Модель Калецкого принимает во внимание наличие такого временного запаздывания результатов внедрения принятых инвестиционных решений. Рассмотрим формализацию этой модели[18], с учетом [16,19]. Пусть D(t)- инвестиционное решение, I(t)- фактическое внедрение инвестиций, и пусть q – фиксированная величина временного лага между инвестированием и его реализацией, т.е. I(t+q) = D(t) или I(t) = D(t - q). Этот параметр временной задержки (запаздывания) q, связанный с инвестиционными решениями, играет в теории Калецкого фундаментальную роль. В период временного лага, между моментами инвестиционного решения и внедрения инвестированного капитала, будет осуществляться производство инвестированных средств. Величиной еще не внедренных инвестиций в произвольный момент времени t будет объем инвестиционных решений, принятых в период времени между моментами t-q и t. То есть величина не внедренных инвестиций составит:

$$W(t) = \int_{t-q}^{t} D(\tau)d\tau.$$

Средняя величина не внедренных инвестиций в единицу времени указанного периода составит, таким образом, A(t)=W(t)/q. Можно показать, исходя из условий равновесия на товарном рынке, что A(t)=1/q[(K(t+q)-K(t)], т.е. средние инвестиции в единицу времени равняются среднему изменению капитала во временном лаге, или инвестиционным затратам в момент t [16,19].

На решение инвестировать положительное влияние оказывает прибыль и отрицательное капитал. Калецкий разделил доход на две части: прибыль капиталиста и заработная плата наемных рабочих. Если прибыль формируется как P(t)=sY(t), где s коэффициент пропорциональности, а Y(t) – доход, тогда модель Калецкого принимает вид: D(t) = F(sY(t), K(t)).

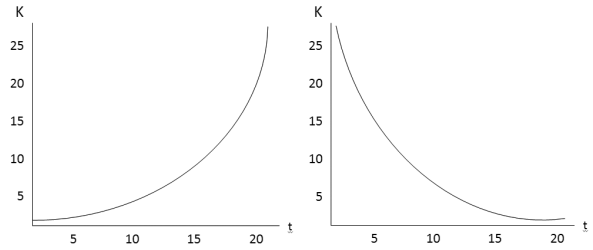
Калецким было рассмотрено несколько допущений о виде функции F. В случае линейной функции F, имеем: D(t) = asY(t) - dK(t), где a,d>0. Исходя из условия равновесия на товарном рынке Y(t) = C(t) + A(t), где потребление C(t) = cY(t) = (1-s)Y(t) и ранее полученного представления A(t) получаем: Y(t) = A(t)/s = (1/sq)[K(t+q) - K(t). Отсюда, в линейном случае, имеем D(t) = (α/q) [K(t+q) - K(t)] - δK(t). С учетом D(t) = I(t+q) = dK(t+q)/dt, получаем, после некоторых преобразований, уравнение Калецкого в форме:

$dK(t)/dt = (\alpha/q)K(t) - [\delta + \alpha/q]K(t-q)$. (4)

Исследование дифференциально-разностной модели Калецкого с запаздыванием. Итак, эволюция капитала K(t) по Калецкому определяется следующим дифференциально-разностным уравнением с запаздыванием

$dK(t)/dt = (\alpha/q)K(t) - (\delta + \alpha/q).K(t - q)$, где α - коэффициент подстройки на товарном рынке, δ - норма амортизации капитала, а q – средний интервал запаздывание инвестиционных решений. Предполагается, что q является константой. Когда величина запаздывания q мала, K(t - q) можно представить, ограничиваясь приближением ряда Тейлора первого порядка $K(t - q) = K(t) - qdK(t)/dt$, так что уравнение (1) можно записать как $dK(t)/dt = (\alpha/q)K(t) - (\delta + \alpha/q)(K(t) - qdK(t)/dt)$ или как $dK(t)/dt = (-\delta/(1 - \alpha - \delta q))K(t)$ (5).

Решение уравнения Калецкого (5) при различных значениях параметров приводит к монотонным траекториям экспоненциального роста или затухания, о чем свидетельствуют результаты, выполненного нами имитационного моделирования, представленные на Рис.3а и Рис.3в:

3а. Рост, α=0.2, δ=0.01, q=75 3в. Затухание, α=0.2, δ=0.01, q=85

Рис.4 Эволюция капитала K(t), K(0)=0.5: модель Калецкого $dK(t)/dt = (-\delta/(1 - \alpha - \delta q))K(t)$

При использовании второго порядок разложения функции

K(t - q) имеем $K(t - q) = K(t) - qdK(t)/dt + (q^2/^2)d^2K/dt^2$,

тогда уравнение (4) принимает следующий вид:

$d^2K(t)/dt^2 + [2(1 - \delta q - \alpha)/(\delta q^2 + \alpha q)]dK(t)/dt = [-2\delta/(\delta q^2 + \alpha q)]K(t)$ (6).

Решение этого уравнения имеет осциллирующее поведение. Устойчивые колебания возникают при $1 - \delta q - \alpha = 0$, с частотой $\omega^2 = 2\delta^2/(1-\alpha)$, и периодом колебаний $T = 2\pi q/sqrt(1 - \alpha)$. Нами разработан программный комплекс для моделирования динамики на основе уравнения Калецкого. Так, на рис.4-авс представлены результаты проведенных на модели Калецкого численных расчетов, используя разложение второго порядка функции K(t), при следующих значениях параметров: $\alpha = 0.2$, $\delta = 0.01$, и q= 70, 80, и 90. При этом, период колебаний составил примерно T ~ 500.

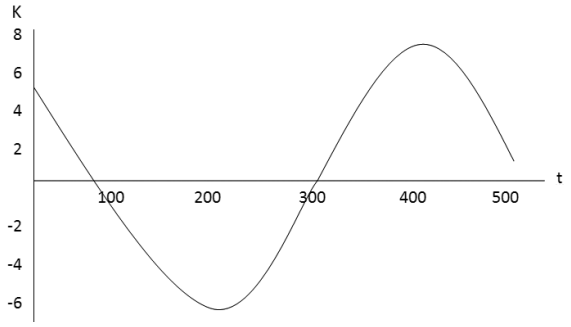

Рис.4а: Модель Калецкого с параметром запаздывания q = 90.

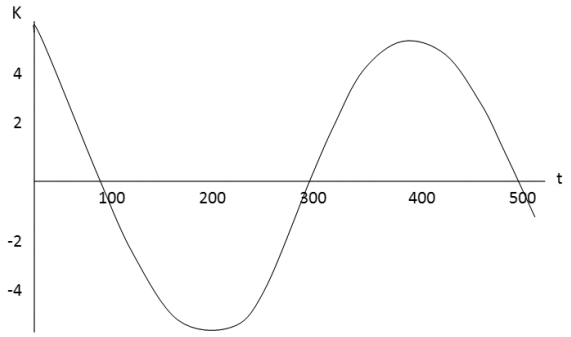

Рис.4в Модель Калецкого с параметром запаздывания q = 80.

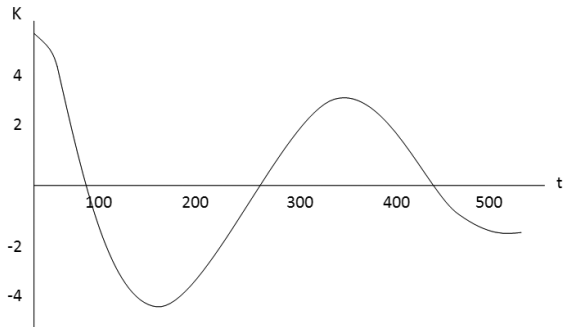

Рис.4с Модель уравнения Калецкого с параметром запаздывания q = 70.

На рис.4в (q=80) хорошо видны устойчивые колебания, а период колебаний T согласуется с аппроксимацией второго порядка в уравнении Калецкого. Рис.4а показывает результаты моделирования при q=90, при этом наблюдается возрастание амплитуды колебаний, что и следует из логики влияния параметра запаздывания. На рис.4с представлены результаты для запаздывания q=70, видно, что амплитуда убывает. Таким образом, результаты моделирования подтверждают возможность использования аппроксимации второго порядка для уравнения Калецкого (4).

Комбинированная макродинамическая система Калдора-Калецкого с инвестиционным лагом. Будем рассматривать возможность построения двумерной модели Калдора - Калецкого, в которой предложение Калецкого учитывать наличие временного лага между решением об инвестировании

и реальным внедрением инвестиций, объединяется с моделью циклической динамики, разработанной Калдором. Двумя важными свойствами объединенной модели, которые обуславливают динамику и цикличность развития экономики, являются нелинейность инвестиционной функции и интервал времени между принятием инвестиционного решения и его внедрением.

Ранее мы описывали модель экономического цикла Калдора, в которой инвестиции положительно связаны с доходом нелинейной положительной связью. Модель Калецкого, представленная в предыдущем разделе, дала возможность учитывать наличие временного лага **q** между инвестиционным решением и внедрением инвестируемого капитала. Его модель использует дифференциально-разностный механизм генерации экономической динамики. Модель Калдора-Калецкого реализует комбинацию идей нелинейного инвестирования и временного лага в накоплении капитала.

Чтобы сформулировать новый подход к макроэкономической динамике, объединяющий полезные идеи Калдора и Калецкого в единую системную модель, будем предполагать справедливость одного из допущений Кейнса[19]: экономика достигает такого уровня активности, при котором сбережения равняется инвестициям. Затем мы используем идею Калецкого о временном лаге в уравнении накопления капитала. Наконец, соединим динамический мультипликатор Калдора с инвестиционным запаздыванием Калецкого, которое играет важную роль в процессе накопления капитала. Конечно, значение временного лага есть величина переменная, и изменяется в зависимости от конкретных условий инвестирования. Однако, как мы видели ранее, Калецкий предложил использовать в уравнениях усредненный временной лаг **q** между принятием решения и внедрением инвестиций. В таком случае, мы можем сформулировать систему Калдора-Калецкого из двух дифференциальных уравнений с временным запаздыванием, в следующем виде:

$$\frac{dY}{dt} = \alpha[I(Y(t), K(t) - S(Y(t), K(t))]$$

$$\frac{dK}{dt} = I(Y(t-q), K(t)) - \delta K(t), \qquad (7)$$

здесь I - инвестиции, S- функция сбережений. Y – валовой национальный до-ход, K- основной капитал, δ- степень обесценения капитала. Функция I-нели-нейна, параметр запаздывания q=const.

Инвестиции положительно связаны с доходом и отрицательно с капиталом, так что $dI/dY=I_Y>0$ и $dI/dK=I_K<0$. Кроме того, функция инвестиций принимает S-образную форму относительно Y, что указывает на то, что инвестиции становятся неэластичными при низком и высоком уровнях дохода. Аналогично, сбережения зависят от дохода, т.е. $0<dS/dY=S_Y<1$. Следуя Калдору, мы полагаем, что IY-SY>0, т.е. инвестиции растут быстрее, чем сбережения при росте национального дохода. Первое уравнение системы (7) говорит о том, что доход изменяется пропорционально превышению спроса на товарном рынке. Второе уравнение в (7) является стандартным уравнением накопления капитала, но включает временной лаг **q**. В книге А. Кравца и Шидловского[20] показано, что **q** является параметром бифуркации, и существует механизм бифуркации Хопфа, формирующий динамику предельного цикла.

Заключение. Сформулированная система Калдора-Калецкого включает функциональное дифференциально-разностное уравнение с запаздыванием. Это такой тип дифференциальных уравнений, в котором текущее поведение системы зависит от прошлой истории. Инвестиции зависят от дохода в момент принятия инвестиционные решения, и капитала в момент внедрения инвестиций. Последнее вытекает из того обстоятельства, что в момент времени t могут существовать инвестиции, которые будут внедряться в экономику во временном интервале между t-τ и t. Таким образом, комбинированная модель Калдора-Калецкого позволяет, при планировании новых инвестиций, учесть полученный в этом интервале капитал[21].

В настоящее время автор заканчивает разработку программно-методического комплекса для анализа и моделирования макродинамических процессов экономических систем на основе синтеза моделей Калдора и Калецкого, а также расширения этих моделей с использованием кибернетических механизмов прогнозирования капитала и сбережений в макроэкономической системе[22]. Разрабатываемые модели и ПМК могут быть использованы как в научно-образовательных целях, так и при анализе реальных макроэкономических задач. В последующих статьях будет представлено подробное описание возможностей новых моделей и инструментального комплекса, а также результаты моделирования некоторых задач макроэкономической динамики.

Okunev O.B. Dynamic modeling of macroeconomics: endogen models of N. Kaldor and M. Kalecki.

Summary: *The article is dedicated to the investigation of economic dynamic and evaluation of endogen macrodynamic difference-differential models, N. Kaldor and M. Kalecki. At various characteristic of investment lag, the dynamic of difference-differential models is analyzed. The Kaldor-Kaletsky cogeneration model of macroeconomic dynamics is formulated, representing system of the differential equations with delayed argument. It is offered to specify and expand the received model, by prognostic estimations of long-term assets dynamics and savings of macroeconomic system.*

Ключевые слова

Макроэкономическая динамика, экономический рост, экономический цикл, эндогенные макродинамические дифференциально-разностные модели, Н. Калдор, М. Калецкий.

Keywords

Macroeconomic dynamic, economic growth, economic cycle, endogen macrodynamic difference-differential models, Kaldor, Kalecki.

Примечания

1. Juglar, C. Des Crises commerciales et leur retour periodique en France, en An-gleterre, et aux Etats-Unis, 1862.
2. van Gelderen, J. Springtide: Reflections on industrial development and price movements, 1913.
3. Kitchin, J. Cycles and trends in economic factors. Review of Economic Statis-tics, 1923.
4. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М: Экономика, 2002.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. - М.: Прогресс, 1982.
6. Kuznets, S. Schumpeter's business cycles. American Economic Review, 30, No. 2 (1940); Kuznets, S. Equilibrium economics and business cycle theory, 1930.
7. Mensch, G. Das technologische Patt: Jnnovationen ubervinden die Depression. Frankfurt-am-Main: Umschau Ferlag, 1975.
8. Kleinknecht, A. Observations on the Shcumpterian swarming of innovations. Futures, 13, No. 4 (1981).
9. Van Duijn, J. J. The long wave in economic life. London: Allen & Unwin, 1983.
10. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978.
11. Freeman, C., Long wave theory. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 1996.
12. Samuelson, P.A. Interaction between the multiplier analysis and the principle of acceleration. Review of Economics and Statistics. Vol. 21 (2), 1939.
13. Hicks, J.R. Harrod's dynamic theory, Economica, Vol. 16, 1949.
14. Kaldor, N. A model of the trade cycle. Economic Journal. Vol. 50, 1940.
15. Kalecki, M. A macrodynamic theory of business cycle. Econometrica. V. 3, 1935.
16. Chang, W.W., Smith, D.J. The existence and persistence of cycles in a nonli-near model: Kaldor's 1940 model re-examined. Rev. Econ. Stud. 38, 1971.
17. Matsumoto, A., Szidarovszky, F. Delay differential nonlinear economic mod-els. In Nonlinear Dynamics in Economics, Finance and Social Sciences Essays in Honour of John Barkley Rosser Jr. N.Y.: Springer-Verlag, 2010.
18. http://homepage.newschool.edu/het//essays/
19. Тарасевич, Л.С. Макроэкономика: Л.С. Тарасевич, П.И. Гребенников, А.И. Леусский. –М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009.
20. Krawiec, A., Szydlowski, M. Investment delay and economic system dynam-ics. DCS 2009. Delayed Complex Systems, Intern. Workshop, 2009.
21. Rosen, R. Anticipatory systems. N.Y.: Pergamon Press. 1985.
22. Dubois, D. Theory of computing anticipatory systems based on differential delayed-advanced difference equations. In Computing anticipatory systems: CASYS 2001, AIP Conf. Proc., 2002.

Поможет ли золотой стандарт стать рублю резервной валютой

В.С.Кузнецов

В данной статье рассматривается проблема стабилизации мирового финансового порядка посредством введения золотого стандарта в форме конверсии в золото внешних официальных валютных пассивов странами – их эмитентами.

Одной из важнейших особенностей современного ямайкского валютного порядка является демонетизация золота. Однако золото продолжает выступать наиболее качественной составной частью мировых резервов. Возможность выполнения золотом в межгосударственных отношениях других денежных функций, и, в частности, функции международного расчетного средства, базируется на наличии двух факторов – согласия сторон на использование золота и применения его договорной цены.

Проблема необходимости изменения роли золота в процессе создания новой мировой «финансовой архитектуры» неразрывно связана с эволюцией мировых финансовых кризисов. Если кризисы 90-х гг. прошлого века возникали в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, то мировой финансовый кризис второй половины 10-х гг. этого столетия зародился в денежно-кредитной системе США, выступающих в роли экономического и валютного локомотива мира.

Для преодоления финансового кризиса США и другие развитые страны были вынуждены отойти от принципов Вашингтонского консенсуса и применить меры активного вмешательства государства в банковскую сферу и сферу производства – осуществить вливание в экономику огромных финансовых ресурсов. Эти меры носят затратный характер и не устраняют причины, породившие современный мировой финансовый кризис.

Изменение характера кризисов содействует реанимации идей стабилизации мировой валютной системы и международных валютно-кредитных отношений через реставрацию золотого стандарта. Золотой стандарт в мировой валютной системе в форме золотовалютного стандарта, предусматривающего обязательство выкупа центральными банками на золото внешних официальных пассивов в валюте, эмитированной ими, мог бы стать средством дисциплинирования национальных валютно-финансовых систем стран - эмитентов, прежде всего, путем снижения заимствования за границей, стабилизации торгового и платежного балансов, а также государственного бюджета.

Увеличение объёма внешних пассивов в национальной валюте обязывало бы правительства соответствующих стран накапливать адекватное им золотое обеспечение. В отличие от бреттон-вудсского золотодолларового стандарта, это был бы постямайкский золотовалютный стандарт. Такой вариант золотого стандарта в мировой валютной системе предполагал бы установление официальной цены золота и конверсии внешних официальных валютных пассивов не в одной стране (при бреттон-вудсском стандарте - только в США), а введение такой конверсии и установление официальной (конверсионной) цены золота в нескольких странах. Проблема установления официальной цены золота странами для целей выкупа внешних официальных валютных пассивов является краеугольным камнем реализации возможности введения золотовалютного стандарта в постямайкском порядке. Это означало бы также необходимость внесения изменений в современную систему режимов валютных курсов.

В современной мировой валютной системе

Кузнецов Вячеслав Сергеевич – доктор экономических наук, профессор кафедры Международных валютных и кредитных отношений МГИМО(У) МИД России, почётный профессор МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

нет юридического базиса и права стран – держателей официальных активов в иностранной валюте требовать выкупа их на золото у соответствующих стран – её эмитентов. Есть юридическая возможность, точнее, отсутствие запрета на использование золота для погашения своих внешних пассивов в национальной валюте. Глубина и масштабы первого в XXI веке мирового финансового кризиса обусловили объективную необходимость возврата золотого стандарта для целей стабилизации валютной системы мира.

Такой вариант золотого стандарта мог бы стать средством введения своеобразной материальной ответственности, прежде всего, стран – резервных центров за хронические дисбалансы их международных расчетов и средством стабилизации их национальных валютных систем. В случае введения золотовалютного стандарта все страны - эмитенты резервных валют отвечали бы за стабильность мировых финансов через обязанность конверсии в золото своих внешних официальных валютных пассивов. Возможность требования центральным банком – держателем активов в иностранной валюте обязательного их выкупа банком – эмитентом данной валюты могла бы стать важным фактором повышения финансовой дисциплины, прежде всего, стран – резервных центров.

Для России проблема введения конверсии внешних официальных рублёвых пассивов в золото является не столь острой, как для других ведущих стран-эмитентов резервных валют. Это связано с тем, что наша страна, во-первых, находится на начальном этапе формирования внешних рублёвых пассивов и, во-вторых, с 2009 г. интенсивно увеличивает долю золота в своих международных резервах.

Проблема реставрации золотодолларового стандарта обсуждалась ещё в 80-е годы в Конгрессе США. Для этих целей была создана «золотая комиссия». При окончательном голосовании по вопросу о возврате к золото-долларовому стандарту во внешнеэкономических отношениях США его противники получили незначительный перевес голосов. Важнейшим тормозом к такому возврату явилась проблема уровня официальной цены золота в долларах. Дело в том, что, учитывая размер внешних долларовых пассивов (хотя бы официальных) и золотого запаса США, официальная цена унции золота в долларах должна была бы составлять величину, значительно превышающую рыночную мировую цену золота.

При обсуждении в Конгрессе США в 60-е годы прошлого века проблемы урегулирования кризиса международной ликвидности был отвергнут проект одноактной крупной девальвации валют всех стран к золоту. Важным доводом такого решения было то, что незаслуженные экономические выгоды получили бы золотодобывающие страны, и, в первую очередь, СССР. В современных условиях в случае введения мирового золотовалютного стандарта, предусматривающего конверсию внешних валютных пассивов соответствующей страной – эмитентом в золото на базе мировой цены или приближённой к ней, этот довод отпадает в силу ряда факторов:

— во-первых, экономика России признана рыночной;
— во-вторых, золотодобытчики в России имеют право после выполнения обязательств по поставке золота в госрезервы продавать его на внешнем рынке;
— в-третьих, российские банки с лицензией на право проведения операций с драгоценными металлами также могут осуществлять куплю-продажу золота на мировом рынке.

При введении мирового золотовалютного стандарта была бы установлена юридическая связь валют с золотом. Если при золотодолларовом стандарте бреттон-вудсского порядка только США обменивали доллары на золото иностранным центральным банкам, а другие валюты обменивались на золото только через доллар, то в рамках постямайкского золотовалютного стандарта возникла бы прямая юридическая связь между всеми резервными валютами и золотом. А это означало бы, соответственно, что бремя обеспечения стабильности такого золотовалютного стандарта были бы вынуждены нести все страны – эмитенты резервных валют. Такой стандарт не противоречил бы интересам России. Он мог бы стать важным фактором содействия решению проблемы превращения рубля в мировую резервную валюту, особенно в период решения поставленной российским руководством важнейшей стратегической задачи - повышения конкурентоспособности российской экономики и её несырьевого экспорта.

Проблема установления внешней официальной цены золота в национальной валюте странами имеет большое значение не только с теоретической точки зрения. Установление такой цены невозможно без учета современных рыночных цен на золото. Уровень цены мог бы иметь фиксированный и корректируемый характер. И в этом процессе важную роль могли бы играть глобальные регуляторы, и, прежде всего, МВФ. В случае отрыва официальной (конверсионной) цены от мировой рыночной возникала бы необходимость её корректировки.

В проблеме демонетизации золота в рамках мировой валютной системы и крушении золотодолларового стандарта были сопряжены две группы важных факторов.

1. Объективные факторы – ограниченность золотых месторождений и повышение издержек при добыче золота и производстве золотых слитков, причем, со временем, фактор издержек мог бы стать главным. Однако действие

этих факторов в период функционирования официальной цены золота в долларах имело специфический характер. Оно было ограничено законом США 1934 года, установившим «официальную цену» золота в размере 35 долларов за одну тройскую унцию. По этой цене Казначейство США продавало и покупало у иностранных центральных банков золотые слитки, то есть выкупало (конвертировало) внешние официальные долларовые пассивы на золото. В первые послевоенные годы мирового долларового дефицита США значительно увеличили свой золотой запас, продавая доллары на золото по выгодной для них официальной цене.

С момента установления эта цена стала приобретать заниженный характер вследствие повышения цен, особенно в годы Второй мировой войны, на все другие товары. В этих условиях добыча золота стала осуществляться только на высоко рентабельных рудниках ЮАР, СССР и некоторых других стран. Поэтому неувеличение мировых золотых резервов стало одной из важнейших причин кризиса международной ликвидности 60-х гг. прошлого века. США не использовали средство борьбы с этим кризисом в форме девальвации доллара, что привело бы к увеличению его добычи и пополнению международной ликвидности за счет увеличения мировых золотых резервов.

Декрет президента Р. Никсона 15 августа 1971 г. о временном прекращении конверсии долларов в золото для иностранных центральных банков и последовавшая отмена раздела 2 «Покупки золота, основанные на паритетах» статьи IV устава МВФ означали крушение золотодолларового стандарта в мировой валютной системе. С помощью этой статьи, как известно, официальная цена золота в долларах США, установленная Конгрессом США, приобрела международный нормативный, юридический уровень. Навязав свой новый вариант ст. IV устава МВФ в январе 1976 г., США положили конец юридическому закреплению за золотом мировой денежной функции всеобщего эквивалента.

Отмена золотых паритетов валют странчленов МВФ изменила существенным образом облик мирового валютного порядка. Из золотодолларового стандарта он превратился в мультивалютный стандарт. Запрет привязки валют стран к золоту, установленный современным вариантом ст. IV устава МВФ, с 1 апреля 1978 г. изменил и международный юридический статус золота. Отрыв валют от золота открыл свободу действия, прежде всего, фактора издержек производства золота на мировую цену этого металла, ставшего «товаром № 1».

В современных условиях введение золотого стандарта на мировом уровне, в рамках одного региона или одной страны противоречит положениям статьи IV устава МВФ, которая исключает привязку национальных валют стран-членов к золоту. В случае введения золотовалютного стандарта важным фактором мотивации роста спроса на золото со стороны центральных банков стала бы выступать финансовая либерализация. Отсутствие валютных ограничений в развитых странах и ряде развивающихся государств, интенсивный процесс снятия их остальными развивающимися странами и странами с переходной экономикой ускорили формирование внешних валютных пассивов, важным источником которых выступают валютные операции международного движения капитала.

Поэтому возврат к золотому стандарту при официальной цене на уровне современной мировой цены золота в долларах был бы равнозначен обострению проблемы международной ликвидности ведущих стран – эмитентов резервных валют, и прежде всего США. Это потребовало бы наращивания золотого запаса и приведения его в соответствие с объёмом официальных внешних валютных пассивов. В условиях финансовой глобализации возникла также необходимость внесения изменений в показатель международной ликвидности, который используется Международным валютным фондом при регулярных пересмотрах её уровня и определении дополнительной мировой потребности в резервных активах.

2. Субъективный фактор демонетизации золота в бреттон-вудсском валютном порядке состоял в том, что конверсия внешних долларовых пассивов в золото по официальной цене стала обременительной для США. Привязка доллара к золоту уже выполнила свою историческую миссию – обеспечила мировое закрепление имиджа доллара как знака золота и превосходство доллара над золотом, имея в виду возможность для держателей долларов получать доход по счетам в этой валюте. Не последнюю роль при этом играло большее удобство осуществления расчетов в валюте, чем золотом. Прекращение конверсии внешних долларовых пассивов в золото означало устранение ответственности США на мировом уровне выкупать внешние официальные пассивы в своей валюте. Весь последующий рост внешних долларовых пассивов обусловлен современным статусом обратимости доллара и наличием мощного экономического и правового базиса рыночной конверсии этой валюты в другие валюты, а также в товары, включая золото. И не только в США, но и во многих других странах мирового финансового сообщества.

В условиях современной интенсивной финансовой глобализации введение золотого стандарта только одной страной является менее перспективным средством стабилизации мировых финансов, нежели введение золотовалютного стандарта всеми странами – эмитентами резервных валют. Свобода транснационализации денежно-кредитных систем,

прежде всего ведущих стран, при отсутствии валютных ограничений у большинства стран мира априори означала бы создание невыносимого бремени на платежный баланс такой страны по причине роста мировой потребности в её валюте для обслуживания международных валютно-кредитных и расчётных отношений, а также по причине давления обязательства конверсии внешних официальных валютных пассивов.

Фактор «дилеммы Р.Триффина», как известно, дестабилизировал прежний мировой золотодолларовый стандарт. Однако при золотовалютном стандарте, предусматривающем прямую конверсию в золото внешних официальных пассивов всеми центральными банками – их эмитентами, «дилемма Р.Триффина» приобрела бы более широкий страновой диапазон действия. Практически все страны «большой двадцатки» заинтересованы в развитии и упрочении мировых денежных функций своих валют. Введение обязательства выкупа центральными банками – эмитентами своих внешних пассивов на золотые слитки способствовало бы размораживанию мировых золотых резервов и превращению обязательства конверсии внешних пассивов в золото в важное средство понуждения соответствующих стран к проведению денежно-кредитной и валютно-финансовой политики, направленной на снижение своих дефицитов.

Теоретическая возможность введения золотовалютного стандарта в современной мировой валютной системе, который предусматривал бы конверсию внешних пассивов в валюте соответствующего государства в золото по фиксированной или регулируемой цене, может быть реализована только при наличии воли и желания всех центров мировой валютной силы. В рамках ямайкского валютного порядка такая возможность не может быть воплощена в реальную действительность. Специфика этого порядка заключается в том, что все решения реформенного характера, принимаемые Советом управляющих МВФ, требуют большинства 85% голосов. Это касается и решений по изменению роли золота в мировой валютной системе.

В условиях консенсусного принципа принятия судьбоносных решений такое большинство голосов может быть достигнуто, если не возражают все мировые центры валютной силы и имеется желание стран мирового финансового сообщества.

Среди планов возврата к золотому стандарту заслуживают внимания идеи, высказанные профессором МГИМО(У) В.Ю. Катасоновым о возможности введения золотого стандарта в мировой валютной системе или в рамках одного региона, одной страны.[1] Он призвал российские валютные власти резко увеличить золотой запас нашей страны, причем даже за счет закупок золота на мировом рынке. Совет директоров ЦБ РФ в марте 2009 г. принял решение о форсированном увеличении золотого резерва. В итоге, золотой запас России в 2009 г. вырос, по данным МВФ, на 129,39 т, тогда как в 2008 г. он увеличился только на 69,36т, а в 2007г. – 48,83т. По состоянию на конец июня 2010 г. золотые резервы РФ увеличились ещё на 66,55т и составили 709,78т[2].

Проблема возврата к золотому стандарту как средству стабилизации мировых финансов и противодействия зарождению мировых финансовых кризисов может выйти за рамки экономической науки и стать объектом внимания политиков и государственных деятелей. Не исключено, что она может занять достойное место в повестке дня «Группы 20». В этой связи следует отметить, что позиция России по этой проблеме была озвучена президентом Д.А. Медведевым в его выступлении на пленарном заседании Петербургского экономического форума 5 июня 2009 года. Президент России отметил, что при решении проблемы создания новой мировой валюты «следует дополнительно оценить и потенциальную роль золота в глобальной валютной системе, о чем сегодня много говорят с абсолютно разными интерпретациями и предложениями».[3]

Введение золоторублевого стандарта в форме конверсии Банком России внешних рублёвых официальных пассивов было бы созвучно со стратегией руководства страны по превращению рубля в региональную, а впоследствии - и мировую резервную валюту. В таком случае мы бы использовали исторический опыт золотодолларового стандарта для формирования имиджа национальной валюты как знака золота и облегчения процесса её трансформации в мировую валюту. Реализация идеи золотого стандарта в России в форме введения конверсии хотя бы внешних рублёвых официальных пассивов в золото способствовала бы, несомненно, развитию мировых денежных функций рубля, в том числе функции международного резервного средства.

Превращение российской валюты, как и любой другой валюты, в региональную и мировую резервную валюту невозможно без создания соответствующего экономического базиса. Главным элементом этого базиса выступает возможность конверсии внешних рублёвых пассивов в российские товары. Это требует решения таких важнейших стратегических задач, как модернизация промышленного производства, создание новых конкурентоспособных отраслей, устранение монокультурного характера экспорта РФ. Поскольку создание такого базиса представляет собой длительный процесс, введение конверсии в золото внешних официальных рублёвых пассивов облегчило бы превращение рубля в региональную и мировую резервную валюту.

Идеи «восстановления», реставрации или введения золотого стандарта на мировом

уровне, уровне отдельного региона или страны не могут быть реализованы без изменения современной редакции ст. IV устава МВФ, не разрешающей привязку валют к золоту. Особое место занимает перспектива введения золотого стандарта в форме конверсии странами своих золотых резервов в специальные права заимствования в рамках МВФ. Однако реализация такого варианта стабилизации мирового валютно-финансового порядка через установление взаимной конверсии золота и СДР и эмиссии Фондом СДР под обеспечение получаемого у стран золота также невозможна без изменения устава МВФ[4].

При современной системе консенсусного принципа принятия в рамках МВФ решений по наиболее важным вопросам, включая реформу мировой валютной системы, введение золотовалютного стандарта в качестве более эффективного средства дисциплинирования национальных валютных систем стран – членов этого мирового валютного регулятора, как и введение золото-СДР-го стандарта, возможно лишь при наличии политической воли и желания всех центров мировой валютной силы.

Kuznetsov V.S. Would a gold standard help the Russian rouble to become a reserve currency.

Summary: *This article prepared by Dr.Prof. Viacheslav S. Kuznetsov deals with an issue of internanional financial order stabilization by the adoption of gold standard in the forme of conversion of external currency liabilities by the countries that issue reserve currencies*

Ключевые слова

мировой валютный порядок, золотой стандарт, официальная цена золота, внешние валютные пассивы, резервная валюта.

Keywords

internatonal monetary order, gold standard, official gold price, external currency liabilities, reserve currency.

Примечания

1. Катасонов В.Ю., проф., д.э.н., заведующий кафедрой «Международные валютно-кредитные отношения» МГИМО(У) МИД РФ. Золотой стандарт может быть восстановлен./Финансовый бизнес. Сентябрь-октябрь, 2008. С. 14-16.
2. Подсчитано по: IMF International Financial Statistics. August 2010. – P. 24.
3. Президент России. Официальный сайт. Стенографический отчёт о пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 5 июня 2009 года. Санкт-Петербург. –С.4. –Http://www.kremlin.ru/text/appears/2009/06
4. Более подробно см. Кузнецов В.С. Международный валютный фонд и мирохозяйственные связи. М.: РОССПЭН, 2001. §4. «Проблема восстановления роли золота в мировой валютной системе и обеспечения экономических интересов России при пересмотре ее основ» . С.381-394.

Эстония: неожиданно долгий путь в зону Евро

А.Н.Цибулина

В то время как отдельные страны зоны евро столкнулись с серьезными проблемами и в научных кругах все чаще стал обсуждаться вопрос о возможности выхода из нее тех или иных стран. Перед участниками Экономического и валютного союза остро встала задача реформирования структуры его управления. Тем не менее, процесс перехода новых государств на евро пока не затормозился. Семнадцатым по счету членом зоны евро с 1 января 2011 г. стала Эстония. В статье рассматривается динамика основных экономических показателей Эстонии, анализируются трудности, связанные с выполнением номинальных критериев конвергенции, а также положение Эстонии после перехода на евро.

Согласно положениям Договора о ЕС 1992 г. (Маастрихтского договора) все страны-члены ЕС обязаны отказаться от использования своей национальной валюты в пользу евро. В течение какого времени после присоединения к ЕС государство должно осуществить переход на единую валюту, в документе не указывается. Великобритания и Дания при подписании этого Договора добились получения так называемой оговорки о «не участии» (по англ. opt-out clause), по которой они имеют право не переходить на евро. В этих странах перспектива перехода на евро широко обсуждается как на государственном уровне, так и в научных кругах. В 2004 г. к ЕС присоединились 10 стран, которые объявили о своем намерении как можно скорее ввести евро. Первой из этих страна стала Словения, которая ввела евро в 2007 г. За ней последовали Мальта и Кипр, которые ввели евро в 2008 г. С января 2009 г. евро был введен в Словакии.

Эстония, присоединившись к Европейскому союзу (ЕС) в 2004 г., официально заявила о своем намерении как можно скорее присоединиться к зоне евро. Изначально правительство Эстонии ставило целью перейти на евро уже 1 января 2007г. Однако выполнить все критерии номинальной экономической конвергенции, которые служат основанием для принятия решения о вступлении в зону евро, Эстонии к тому времени не удалось:

— темпы инфляции не должны превышать более чем на 1,5 процентных пункта средний аналогичный показатель в трех странах с наименьшим ростом цен;
— дефицит государственного бюджета не должен быть более 3% от ВВП;
— государственный долг не должен быть более 60% от ВВП;
— процентные ставки по долгосрочным кредитам не должны превышать более чем на 2 процентных пункта соответствующий показатель для трех стран с наименьшим ростом цен.
— в течение двух лет страна должна участвовать в Механизме обменных курсов (МОК).

Первым шагом на пути в зону евро стало присоединение Эстонии 28 июня 2004 г. к МОК-2. В его рамках курс эстонской кроны был зафиксирован на уровне 15,6466 крон за евро, а допустимые пределы отклонения от центрального паритета могли составлять + 15%.[1] В течение всего последующего периода курс кроны оставался неизменным. В Эстонии, начиная с 1992 г., действует система валютного комитета (валютной палаты), в рамках которого государство не проводит самостоятельной денежно-кредитной политики. Поэтому условно можно говорить о том, что Эстония находится в валютном союзе на протяжении более 18 лет.

Участие в валютном союзе привело к утрате независимости в использовании инструментов денежно-кредитного регулирования (ставок рефинансирования и определения объемов эмиссии). Оно же лишило государство возможности

Цибулина Анна Николаевна – преподаватель кафедры европейской интеграции МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

управлять валютным курсом. В этой связи переход Эстонии на евро почти ничего не меняет в этой области.

В сфере государственных финансов положение Эстонии на протяжении последних 10 лет оставалось стабильным. Начиная с 2002 г., государственный бюджет был профицитным. Лишь в 2008 г. наметился дефицит на уровне 2,8%, который не превысил установленный предел в 3% от ВВП[2]. Эстонии на протяжении с 2000 г. по 2007 г. удавалось поддерживать самый низкий уровень госдолга по странам зоны евро. В среднем госдолг не превышал 5% от ВВП, а в 2007 г. достиг минимального значения в 3,8%. В 2008 г. госдолг начал увеличиваться, но Эстонии удавалось сдерживать его рост за счет использования накопленных за предшествующий благоприятный период золотовалютных резервов[3].

В Эстонии не используется финансовый инструмент, номинированный в эстонских кронах и аналогичный 10-тилетним государственным облигациями, на основе которого производится расчет критерия по процентным ставкам. Следует также отметить, что критерий по процентным ставкам не является ключевым, а призван, в первую очередь, служить дополнительным подтверждением достижения реальной конвергенции показателей инфляции по странам ЕС. При определении выполнения данного критерия Эстонией в расчет принимались такие показатели, как спрэды по спотовым и форвардным сделкам на валютном рынке по отношению к зоне евро, процентные ставки по долгосрочным займам домохозяйствам со стороны финансовых и нефинансовых институтов, а также суверенный кредитный рейтинг страны. Несмотря на то, что выводы по итогам расчетов были особенно противоречивыми в 2009 г., в докладе Европейского центрального банка (ЕЦБ) по конвергенции за май 2010 г. отмечается, что Эстония, в целом, соблюдает данный критерий.

Главным камнем преткновения на пути Эстонии в зону евро была инфляция. Инфляция снизилась с 5,6% в 2001 г., до 1,4% в 2003 г., однако после этого стала возрастать, так что критерий по инфляции не выполнялся.[4] Во многом это было связано с повышением заработной платы работников государственного сектора, мировым ростом цен на энергоносители, а также первыми признаками перегрева экономики, проявлявшимися в росте зарплат и цен на недвижимость. В 2008 г., несмотря на общемировой экономический спад, инфляция в Эстонии подскочила до 10,6%. Однако уже в 2009 г. инфляция составила всего лишь 0,2 при нормативном значении в 1%[5].

Мировой финансовый кризис не обошел стороной и Эстонию. В 2009 г., по данным Европейской комиссии, эстонский ВВП сократился на 13,9%. Более серьезные последствия кризиса по региону ЕС были отмечены лишь в Литве и Латвии. В них ВВП сократился на 14,7% и 18% соответственно. Главным источником роста ВВП Эстонии является внешняя торговля, на долю стран ЕС приходится примерно 70% ее экспорта и 80% импорта. Многие экономические обозреватели считали, что в такой ситуации оживление экономического роста без девальвации эстонской кроны невозможно. Однако за счет гибкости заработных плат и цен уже к концу 2009 г. удалось добиться сокращения удельных затрат на рабочую силу на 7,5%.[6]

Также положительным фактором служит улучшение экономической ситуации в Швеции – главном торговом партнере Эстонии. Внешний спрос на продукцию и услуги из Эстонии будет определяющим для экономического роста в ближайшие два года. Увеличение внутреннего спроса, скорее всего, будет оставаться незначительным из-за возросшей с началом кризиса нормы сбережений домохозяйств. Аналогичная ситуация будет наблюдаться и с притоком инвестиций, улучшение которой будет связано с политикой предоставления кредитов и ожиданиями участников финансового сектора. В целом ожидается, что экономический рост в 2011 г. должен составить примерно 4,4%, и 3,5% в 2012 г.[7]

Еще одной проблемой для Эстонии является занятость. В начале 2010 г. уровень безработицы подскочил до 20,4% по сравнению с примерно 16% в 2009 г. Но уже к весне 2010 г. безработица сократилась до 19,2% и составляла на конец сентября 15,7%. Сокращение безработицы должно продолжиться в 2011-2012 гг. и по прогнозам составит соответственно 15,1% и 13,6%. В то же время структурная безработица в Эстонии продолжит возрастать.

После сокращения инфляции до 0,2 в 2009 г. в Эстонии ожидается рост индекса потребительских цен. Несмотря на то, что изначально рост цен был спровоцирован удорожанием энергоносителей и повышением цен на продовольственные товары, рост цен в начале 2010 г. во многом был связан со стремлением компаний восстановить прибыль после существенных потерь с началом кризиса, небольшим внутренним рынком и преимущественно краткосрочными контрактами. Более того, возросший экспорт продовольствия в Россию после неблагоприятных климатических явлений летом 2010 г., привел к сокращению предложения в Эстонии. Инфляция в 2010 г. оценивается на уровне в 2,7%. Рост цен продолжится и в 2011 г. на уровне 3,6% в год. Снижение инфляции до 2,3% прогнозируется только на 2012 г.[9]

В отношении государственных финансов ситуация в ближайшие годы коренным образом измениться не должна, если сохранится нынешняя экономическая конъюнктура. Дефицит госбюджета продолжит расти и к 2012 г. должен составить 2,7% от ВВП. Госдолг может возрасти до 11,7% и будет покрываться в основном за счет новых заимствований.[10]

Введение евро в Эстонии повысит роль страны в разработке и проведении общей экономической и единой денежно-кредитной политики ЕС. К Еврогруппе, в которую входят министры

финансов и экономики стран зоны евро, присоединятся и представители Эстонии, они также войдут в состав Совета Управляющих Европейского центрального банка. В Эстонии этому придают большое значение, так как в его функции входит установление ставки рефинансирования и определение объема эмиссии. К тому же, ввиду того, что 80% внешней торговли Эстонии ведется со странами ЕС, а две трети внешнеторговых операций осуществляется в евро, то переход на евро существенно снизит трансакционные издержки и экономия на этом может достигать 0,2% от ВВП в год.[11]

В Эстонии переход на евро будет осуществляться также, как и в четырех предшествующих странах – Словении, на Кипре и Мальте и Словакии - по так называемому сценарию «большого взрыва» (big bang). В нем переходный период не предусмотрен. Период параллельного обращения будет составлять две недели, в течение которого эстонская крона и евро будут официальными платежными средствами. По истечении этого периода расплачиваться кронами будет нельзя. Кредитные учреждения в течение одного месяца до перехода и в течение шести месяцев после перехода на евро будут обязаны обменивать кроны на евро по среднему курсу без взимания комиссии. По истечении этого срока Банк Эстонии будет осуществлять бессрочный обмен крон на евро также по среднему курсу и без комиссии. С 1 июля 2010 г. по 30 июня 2011 г. во всех розничных торговых точках продавцы обязаны указывать цены в обеих валютах.

Введение евро в наличное обращение в 2002 г. в 12 государствах ЕС спровоцировало резкий скачок цен, особенно на товары и услуги первой необходимости. Поэтому в последующих государствах, осуществлявших переход на евро, колоссальное внимание стало уделяться вопросу честного ценообразования. Готовясь к этому, Торгово-промышленная палата Эстонии, совместно с другими предпринимательскими организациями и Департаментом по защите прав потребителей, составили соглашение, к которому, начиная с конца лета 2010 г., могли присоединиться все предприниматели. Присоединение к соглашению означало, что цены ими не будут округляться в сторону повышения, а в обиход будет введен логотип со словами «цена в евро не поднимется».

Департамент защиты прав потребителей один раз в месяц проводил мониторинг цен по наиболее востребованным товарам и услугам. Эстонский институт конъюнктуры проводил мониторинг цен на продукты питания как в магазинах, так и на рынках по всей Эстонии. Результаты проверок и информация по ценам публиковались в Интернете, а также в газете «Maaleht». Правительство Эстония для того, чтобы уменьшить давление валютного перехода на рост цен заявило о том, что суммы налогов, государственных пошлин и пособий в евро будут обнулены в меньшую сторону, показав тем самым, что валютные перемены пойдут в благоприятном для граждан страны направлении.

Судя по опыту перехода на евро других стран, и в Эстонии повышение цен должно стать незначительным. К примеру, переход на евро Словении привел, по оценке специалистов, к повышению цен на 0,24 процентных пункта, а по данным Евростата – 0,3 процентных пункта.[12] По оценкам Европейской комиссии, влияние перехода на евро на уровень инфляции как на Кипре, так и на Мальте был около 0,2-0,3 процентных пункта.[13]

Переход Эстонии на евро в момент, когда руководство Экономического и валютного союза ЕС ищет пути выхода из кризиса, который особенно сильно ударил по его отдельным его членам, может служить сигналом, что зона евро и впредь будет расширяться. И все новые страны будут находить те или иные преимущества в отказе от своей национальной валюты в пользу евро. Помимо того, что для Эстонии вступление в зону евро - это в некоторой степени вопрос престижа и признание того, что путем проведения реформ и грамотной экономической политики, стране удалось приблизиться к уровню экономического развития ведущих европейских государств. Некоторые экономисты полагают, что действия властей, направленные на ускорение выполнения маастрихтских критериев, в чем-то создали неблагоприятную ситуацию для Эстонии. Но не стоит сбрасывать со счетов те преимущества (снижение транскационных издержек, приток прямых инвестиций, более низкие ставки по кредитам и т.д.), которые несет с собой использование единой валюты.

Поддержание низкого уровня инфляции может стать главной задачей для Эстонии в ближайшей перспективе, что соответствует и главной цели Европейского центрального банка, а именно, подержанию ценовой стабильности в зоне евро. В заключении стоит отметить, что Экономический и валютный союз ЕС никогда не был исключительно экономическим проектом, так же как и полностью политическим. Эффективность и будущее его развитие будет связано с политической волей и желанием государств-членов продолжать процесс не только экономической, но и политической интеграции.

Tsibulina A.N. Estonia: an unexpectedly long way to the euro area.

Summary: *The article deals with an issue of introduction of the euro in Estonia on the 1st of January 2011, at the time when some members of the euro area are severely hit by the sovereign debt crisis and the governance structure of the Economic and Monetary Union is in need of reforms. It explores economic developments in Estonia, its challenges on the way towards fulfilling the convergence criteria and euro changeover. The article also briefly surveys implications for Estonia once it is a member of the euro area.*

Ключевые слова

европейская интеграция, экономический и валютный союз, зона евро, Эстония.

Keywords

European integration, the Economic and Monetary Union, euro area, Estonia.

Примечания

1. European Central Bank, Exchange Rate Mechanism-II, www.ecb.int
2. Convergence Report, European Central Bank. May, 2010.
3. Convergence Report, European Central Bank. May, 2010.
4. Convergence Report, European Central Bank. May, 2010.
5. Там же.
6. Там же.
7. European Economic Forecast, Directorate General for Economic and Monetary Affairs, European Commission, Autumn 2010.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. План перехода Эстонии на евро, Центральный банк Эстонии, 9-я версия, октябрь 2010.
12. Report of European Commission on the introduction of euro in Slovenia. Brussels, 233 final., 4 May 2007
13. Communication from the commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Central Bank, The introduction of the euro in Cyprus and Malta, Brussels, 18 April 2008

Бухгалтерский учет и отчетность в решении агентской проблемы корпоративного управления

Е.Ю.Воронова

В статье рассматриваются основные направления, по которым бухгалтерский учет и отчетность влияют на решение агентской проблемы, снижая агентские издержки. Данные направления включают: определение и оценка инвестиционных возможностей, эффективное управление активами, снижение информационной ассиметрии путем повышения прозрачности информации.

На понимание сути бухгалтерского учета оказывают влияние два важных момента, касающиеся взаимоотношений бухгалтерского учета и экономической теории. С одной стороны, бухгалтерский учет предлагает такие концепции как «прибыль», «капитал» и другие, которые адаптируются в экономической теории. С другой стороны, экономические концепции включаются в среду бухгалтерского учета, обеспечивая определенный ракурс рассмотрения учетных проблем. Многие исследования в области бухгалтерского дела уделяют внимание показателям оценки результатов деятельности и организационному контролю, включая поощрение и мониторинг персонала. В этой связи представляется весьма полезным использование теории агентских отношений.

Управление публичными корпорациями, чьи акции находятся в свободном обращении на рынке, осуществляется не собственниками акций (акционерами), а нанятыми менеджерами - профессионалами. В компаниях такого типа право собственности и функция фактического контроля отделены друг от друга. Теория агентских отношений служит теоретической основой для анализа организационных форм с точки зрения агентских отношений, которые характеризуются как «контракт, по которому одно или более лиц (принципал(ы)) нанимает другое лицо (агента) для выполнения какого-либо поручения от своего имени, для чего агент наделяется полномочиями по принятию решений»[1]. Естественно, существуют чисто рыночные силы, которые заставляют менеджеров действовать в интересах владельцев фирмы.

В то же время, согласно положениям агентской теории, принципал и агент стремятся, во-первых, к максимизации собственной выгоды, и, во-вторых, интересы принципала и агента не всегда совпадают. Таким образом, неизбежно возникает «агентская проблема», заключающаяся в том, что агент может действовать не в интересах принципала, а за его счет стремиться к увеличению своего собственного благосостояния или, иными словами, демонстрировать оппортунистическое поведение. Оппортунизм (или «проследование собственных интересов, достигаемых путем обмана») в агентской теории существует там, где агенты имеют возможность искажать информацию и отвлекать ресурсы для личного пользования[2].

Агентская проблема осложняется в условиях информационной асимметрии, то есть когда одна из сторон имеет информационное преимущество над другой. Обычно более информированной стороной является агент, поскольку он напрямую вовлечен в повседневную деятельность организации. В свою очередь, информационная асимметрия может привести к двум проблемам - неблагоприятному отбору (adverse selection) и моральному риску (moral hazard). Неблагоприятный отбор возникает в

Воронова Екатерина Юрьевна – к.э.н., доцент кафедры учета статистики и аудита МГИМО (У) МИД России. E-mail: voronovaeu@gmail.com

ситуациях, когда принципал либо вовсе не может проверить возможности агента (например, рискованный инвестиционный проект), либо способен проверить, но не может определить, являются ли действия агента наиболее подходящими (например, выбранная агентом учетная политика).

Очевидно, что агента можно побудить действовать на благо принципала с помощью стимулов, ограничений и наказаний. Но эти средства эффективны лишь в тех случаях, когда принципал может проследить за всеми действиями агентов. Ввиду того, что акционеры на практике не могут контролировать все действия агента, возникает проблема морального риска (moral hazard), то есть незамеченных действий со стороны агента в своих собственных интересах («отлынивание», получение дополнительного дохода и др.). Поэтому очевидно, что требуются дополнительные меры и механизмы для решения возникающих проблем в особых условиях, в отдельно взятой компании.

Принципалу приходится, для сближения своих интересов с интересами агента, прописывать в трудовом контракте формы стимулирования агента, а также осуществлять контроль за его деятельностью. В этой связи при решении агентской проблемы возникают известные издержки. В агентской теории внутренняя структура фирмы понимается как совокупность контрактов явных (правовых) и неявных (например, репутация топ-менеджеров), связанных с различными видами агентских издержек (agency costs), которые представляют собой частный случай трансакционных и информационных издержек[3]. Агентские издержки определяются как сумма:

(1) издержек на осуществление мониторинга со стороны принципала (monitoring costs);

(2) издержек ограничения со стороны агента (bonding costs);

(3) издержек расхождения или остаточных потерь (residual loss)[4].

Положения агентской теории направлены на разработку таких контрактов, которые минимизируют агентские издержки. Оптимальную величину агентских издержек следует определять тем же методом, каким принимаются любые инвестиционные решения: агентские затраты могут увеличиваться, пока каждый доллар их прироста обеспечивает увеличение богатства принципала более чем на один доллар[5].

Бухгалтерский учет – это институт, оказывающий информационную поддержку управлению компанией и играющий важнейшую роль в процессе заключения контрактов, которые основываются на учетных данных. Бухгалтерский учет – это язык составления контрактов. Объективная и достоверная бухгалтерская информация:

— способствует мониторингу и эффективной защите прав акционеров в соответствии с существующим законодательством;
— позволяет увеличивать акционерную стоимость через деятельность совета директоров и политику управленческих решений;
— поставляет обширный набор контрактных переменных для определения финансовых условий поощрительных планов, составленных, чтобы совместить интересы акционеров и менеджеров.

Если учет является важной частью контрактного процесса фирмы, и агентские издержки отличаются по разным контрактам, учетные процедуры имеют потенциал влиять на стоимость фирмы и/или компенсацию менеджерам[6]. Важную роль в этом процессе играет информация, предоставляемая бухгалтерским учетом в виде проверенной аудиторами публикуемой финансовой (бухгалтерской) отчетности.

Баланс, отчет о прибылях и убытках, отчет об изменениях капитала, отчет о движении денежных средств, а также раскрытие дополнительной информации в приложении к бухгалтерскому балансу и пояснительной записке, формируют доступный фактическим и потенциальным инвесторам (акционерам) определенный набор информации о конкретной компании. Однако развитие и поддержание детального финансового раскрытия информации стоит дорого. Там, где существуют высокие затраты передачи информации, необходима децентрализация; где есть децентрализация, необходима система контроля. Подотчетность является необходимым условием эффективной деятельности фирмы. Дезинтеграция компании вниз к центрам прибыли позволяет обеспечить четкую, непротиворечивую и реально осуществимую финансовую подотчетность[7].

В настоящее время все большее число крупных компаний ставит целью максимизацию стоимости бизнеса, на которую во многом влияют источники финансирования, а также определение оптимальной структуры капитала. Информация бухгалтерского учета фирм и их конкурентов помогает менеджерам и инвесторам в определении и оценке инвестиционных возможностей. Учитывая агентские конфликты между менеджерами и инвесторами, точные и своевременные данные бухгалтерского учета влияют на эффективность, позволяя менеджерам и инвесторам определить возможности создания стоимости с наименьшими потерями. Это непосредственно ведет к более точному распределению капитала для создания большей стоимости бизнеса. Система бухгалтерского учета также поддерживает информационную роль, которую играют цены на акции.

Выявление инвестиционных возможностей необходимо, но недостаточно для эффективного распределения ресурсов. В условиях информационной асимметрии и потенциально действующих в своих интересах менеджеров давление внешних инвесторов, а также условия формальных контрактов необходимы для того, чтобы менеджеры преследовали политику повышения стоимости компании для ее собственников. Информация бухгалтерского учета способствует

эффективному управлению активами, например, своевременному прекращению убыточных проектов. Бухгалтерский учет оказывает содействие принципалу в оценке деятельности фирмы, и такие принципы, как принцип консерватизма и принцип начисления, оказываются весьма полезными.

Широко применяемый в бухгалтерском учете принцип начисления (в российском учете - принцип временной определенности фактов хозяйственной деятельности) исходит из того, что все хозяйственные операции регистрируются в учетном процессе по мере их совершения, а не в момент оплаты. Соответственно, доход должен отражаться в том отчетном периоде, когда он был получен, а не когда поступила оплата. В России момент продажи продукции определяется по ее отгрузке. При определении финансового результата доходы отчетного периода должны быть соотнесены с расходами, благодаря которым эти доходы были получены. В то же время нереализованные убытки и прибыли не признаются в учете и не отражаются в отчете о прибылях и убытках.

Тогда получается, что если компания в составе оборотных активов имеет большие материально-производственные запасы, которые потеряли свои изначальные качественные характеристики или морально устарели, то фактически компания несет убытки в размере разницы между рыночной и исторической стоимостью таких запасов. Однако пока запасы не проданы, убыток не считается полученным. Более того, подобные запасы могут рассматриваться как обеспечение текущих обязательств. Если бы в бухгалтерском учете не было бы принципа консерватизма, менеджеры фирмы могли бы получать поощрительные выплаты за результат, который позднее будет признан убытком компании.

Согласно принципу консерватизма (в российском учете – требование осмотрительности), большую готовность следует проявлять к признанию в бухгалтерском учете расходов и обязательств, чем возможных доходов и активов, не допуская создания скрытых резервов. Следовательно, активы должны показываться в финансовой отчетности в наименьшей оценке. Если фактическая себестоимость объекта выше его возможной продажной цены, то есть в случае потенциального убытка, объект показывается в отчетности по продажной цене. Таким образом, возникший убыток отражается в том отчетном периоде, в котором он был выявлен, а прибыль – когда она была фактически получена. Своевременное включение экономических убытков в публикуемые отчеты компании, хотя и увеличивает затраты компании, но вместе с тем усиливает эффективность корпоративного управления и долговых соглашений в мотивации и мониторинге менеджеров.

Принцип консерватизма не противоречит принципу оценки имущества по себестоимости, поскольку для его применения требуется сохранение в текущем бухгалтерском учете оценки имущества по себестоимости. Выявленный убыток списывается в дебет результатных счетов, но не со счетов по учету ценностей, а с кредита счетов по учету оценочных резервов. В случае если продажная стоимость активов возрастает, делается обратная запись[8].

Информация, предоставляемая бухгалтерским учетом, снижает премию за риск, требуемую инвесторами, чтобы компенсировать риск потерь от оппортунистических действий менеджеров. Однако влияние улучшенного управления на индексы доходности акций, требуемых инвесторами, является едва различимым. Так, показатель рентабельности собственного капитала (return on equity или ROE) зависит от характера улучшений. Например, улучшение корпоративного управления может привести к снижению личной выгоды, которую менеджеры могут получить в компании, или к снижению затрат на аудит, которые акционеры должны нести для предотвращения оппортунизма менеджеров. Эти изменения могут оказать противоположный эффект на равновесную доходность наблюдаемых акций, и величина этих изменений зависит от степени международной сегментации рынков капитала.

Бухгалтерский учет и отчетность оказывают существенное влияние на проблему информационной ассиметрии, которая может быть охарактеризована как недостаточность прозрачности информации. Прозрачность информации можно определить как широкую доступность существенной, достоверной информации о финансово-хозяйственной деятельности, финансовом положении, инвестиционных возможностях, управлении, стоимости и риске публично действующих фирм. Компании могут снизить проблему информационной ассиметрии, получая надежные информационные сигналы, подаваемые учетным процессом. Бухгалтерский учет – это один из инструментов, позволяющий обеспечить прозрачность. Концепция прозрачности дает возможность исследовать целый круг вопросов применения практических методов бухгалтерского учета и их воздействия на деятельность организации. Благодаря ключевой роли бухгалтерского учета организационные процессы стали более понятными и контролируемыми[9].

Представляемая в финансовой отчетности информация уменьшает неблагоприятный отбор и снижает риск ликвидности. Ликвидность ценных бумаг компании влияет на стоимость капитала фирмы. Основной компонент ликвидности - это неблагоприятный отбор издержек, которые фирма несет для получения информации, и издержек влияния рынка. Подготовка фирмы к своевременному раскрытию высококачественной информации бухгалтерского учета снижает риск инвестора от потерь, которые могут возникнуть при соприкосновении с более информированными инвесторами, поэтому привлекает больше средств с рынков капитала, тем самым

снижая риск ликвидности для инвесторов. Рынки капитала с низким риском ликвидности для инвесторов могут усилить высокодоходные долгосрочные (неликвидные) корпоративные инвестиции.

В контексте теории агентских отношений можно выделить два подхода к формированию финансовой отчетности – подход акционеров и подход менеджеров высшего звена. Первый подход представляет собой традиционный взгляд на финансовую отчетность и находится в соответствии с национальными и международными стандартами. Составление отчетности должно регулироваться, в том числе и с целью защиты интересов акционеров от оппортунистического поведения менеджеров. Второй подход можно рассматривать как альтернативный. Менеджеры напрямую заинтересованы в результате составления финансовой отчетности, и этот факт влияет на их поведение. Они не могут диверсифицировать свой основной актив (человеческий капитал), но могут заключать с компанией стимулирующий контракт.

Показатели финансовой отчетности активно используются при принятии решений о выплате поощрений или об увольнении менеджеров высшего звена. При этом наиболее часто применяются такие финансовые показатели, как прибыль на акцию, чистая прибыль и операционная прибыль. При прогнозировании возможной текучести управленческого персонала обычно принимают во внимание и учетные показатели, и цену акций. Учетные показатели также исключительно важны при расчете компенсаций. Процедуры учета могут применяться для исчисления и сопоставления эффективности контрактов, ориентированных на поведение (например, заработные платы и должность в организации) и контрактов, основанных на результате (например, акционерные опционы).

В связи с появлением в 1980-е годы институциональных инвесторов и других активных групп заинтересованных лиц, компаниям потребовалось создать особые регулятивные структуры, что позволило легче осуществлять мониторинг, контроль и оценивать показатели деятельности менеджеров. Выплаты менеджерам стали более «прозрачными» и нередко утверждаются специальными комитетами, полностью состоящими из независимых директоров. В то же время человеческий капитал стал наиболее важным ресурсом, возросла степень его мобильности.

Также можно констатировать, что в последнее время произошло некоторое смещение акцента при определении компенсационных выплат менеджерам высшего звена с прямых учетных показателей на показатели, основанные на цене акций. Однако это не означает снижения роли учетных показателей. В отсутствие эффективной системы финансового учета само понятие выплат, основанных на цене акций, оказывается весьма спорным. Цена акций может рассматриваться как определяющий ориентир для инвесторов, принимающих решение о размещении своих активов. Однако она не является единственным источником информации, на который можно ориентироваться при принятии текущих оперативных решений и оценке деятельности в рамках компании. Для этого необходим детальный анализ показателей, рассчитываемых на основании финансовой отчетности. Наконец, цена на акции как показатель оценки текущей деятельности менеджеров имеет ряд потенциальных ограничений, в частности, тот факт, что цена на акции является показателем, ориентированным на перспективу, а значит, предвосхищает будущие действия. Например, низкую цену акций компании можно объяснить ожиданием смены действующего исполнительного директора, что негативно сказывается на эффективности его текущей деятельности. Поэтому, возможно, в такой ситуации стоит обратиться к учетным данным.

При составлении стимулирующих контрактов может происходить замещение официально публикуемых учетных данных показателями, которые нельзя проследить напрямую на основе рыночных данных. Очевидно, советы директоров в процессе определения системы вознаграждений руководствуются не только рыночными сигналами, но и осуществляют некую подстройку на основе непубличной информации. Защита инвесторов от оппортунистического поведения менеджмента является фундаментальным определяющим фактом в желании инвесторов финансировать фирмы, в стоимости внешних заимствований для фирмы и в концентрации собственности акционерного капитала.

В то же время нельзя не учитывать внешний эффект стимулирующих контрактов. Чтобы не потерять свое вознаграждение, а иногда и должность, менеджеру приходится скрывать информацию о нежелательных событиях, действуя как вполне легально, используя пробелы в законодательстве или выбирая соответствующую учетную политику, так и совершая неправомерные действия. Доходы менеджера напрямую зависят от результатов, которые показывает компания за время его пребывания на данном посту. Поэтому менеджер заинтересован показывать наилучшие показатели деятельности фирмы в краткосрочном периоде, когда ему приходится отчитываться перед акционерами за проделанную работу, следовательно, они нередко выбирают учетную политику, позволяющую перенести будущие прибыли в текущие периоды. Менеджеры также могут занижать размер прибыли в текущем периоде, если она не достигла целевых показателей, чтобы увеличить ее в будущих отчетных периодах. Иными словами, индивидуальные предпочтения менеджеров, исходящие от их стремления к собственному благополучию, воздействуют на способ, которым они формируют финансовую отчетность. Поэтому практику составления отчетов определяют как бухгалтерские стандарты,

интерпретация которых может варьироваться по фирмам, но и индивидуальные предпочтения менеджеров.

Бухгалтерский учет является не только языком составления контрактов между принципалом и агентом, но и их важной частью. Обе стороны соглашаются на применение определенных бухгалтерских процедур и проверку бухгалтерского учета независимыми и/или внутренними аудиторами, причем выбор учетных методов принципал предоставляет агенту. Бухгалтерский выбор (accounting choice) можно охарактеризовать как решение, в первую очередь нацеленное на то, чтобы повлиять (по форме и/или по сути) на учетный процесс в конкретном направлении[10]. Относительно бухгалтерского выбора возникают два основных вопроса. Во-первых, каким образом он влияет на проблему информационной ассиметрии между акционером и менеджером. И, во-вторых, как тем, кто занимается регулированием бухгалтерского учета, определить оптимальный уровень бухгалтерского выбора.

Когда менеджеры имеют лучшую информацию о видах деятельности фирмы, информационные сигналы, подаваемые системой учета, могут служить механизмом смягчения проблемы информационной ассиметрии для инвестора. Однако если менеджеры получают больше свободы действий в интерпретации учетных сигналов, эффективность таких сигналов будет уменьшаться, проблема информационной ассиметрии будет возрастать. В результате те, кто определяет политику, должны пересмотреть компенсирующий эффект, поскольку свобода выбора бухгалтерских методов может осложнить агентскую проблему между акционерами и менеджерами[11]. Менеджмент использует свои возможности варьирования учетной политикой таким образом, чтобы создать перед акционерами, имеющими право голоса, более благоприятное впечатление.

Методологические инновации в области финансов, такие как модели определения стоимости активов (CAPM), сделали возможным использование математических моделей для отслеживания отношений между менеджерами и акционерами. Модель «принципал-агент» не только включает положения относительно выбора учетного метода, основных причин регулирования бухгалтерского учета и информативности бухгалтерских отчетов, но и используется для того, чтобы объяснить само существование бухгалтерского учета. Роль учета в подготовке контрактов в основном рассматривается на простейших моделях отношений принципал-агент. Исследователи по учету используют формальные компенсационные планы для менеджмента и долговые контракты фирмы, чтобы обобщить и проверить гипотезы о выборе учетных процедур менеджерами и их влияние на стоимость запасов[12].

В свою очередь, на бухгалтерский выбор влияют агентские издержки, информационная ассиметрия и экстерналии. Бухгалтерский учет играет важную роль в контрактных отношениях, теоретически снижая агентские издержки. В то же время, агентские издержки объясняют и прогнозируют выбор учетных практик. Учет является важным каналом, по которому менеджеры могут передавать частную информацию, и выбор конкретных учетных методов может играть ключевую роль в процессе коммуникации. Наконец, регулирование учета влияет на количество и качество финансовых приложений, которые, в свою очередь, вовлечены в политику в условиях экстерналий[13]. Например, менеджер будет стараться избегать политического давления на организацию, вызванного внушающими подозрение размерами прибыли.

Хотя количество вариантов отражения фактов хозяйственной деятельности в учетном процессе ограничено нормативными документами, агент оказывается в положении, в котором может влиять на учетную политику компании. Он может это делать, применяя методы бухгалтерского учета, а также различные приемы, ведущие к увеличению его благосостояния, и отказываясь от методов, которые, на взгляд агента, усложняют его положение. При этом возникают два направления взаимоотношений: между бухгалтерским выбором и экономическим эффектом и между экономическим эффектом и благосостоянием агента. Методы бухгалтерского учета в контексте конфликтных организационных решений нередко позиционируется в качестве оружия, которое менеджеры хотят использовать в своих интересах, например для того, чтобы приукрасить финансовую отчетность, завысив оценку активов и прибыли.

Можно привести следующий пример бухгалтерского выбора и его влияния на размер прибыли. Согласно Инструкции по применению плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций (Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н), разрешены два способа списания общехозяйственных расходов. Собранные за месяц общехозяйственные расходы можно в полной сумме в качестве условно-постоянных списывать на себестоимость продаж (первый способ), а можно в качестве косвенных расходов включать в производственную себестоимость продукции (второй способ). Выбранный способ списания общехозяйственных расходов отражается в учетной политике и, соответственно, подлежит раскрытию в пояснительной записке к отчетности. На различия в сумме прибыли, рассчитанной по обоим способам, непосредственно влияют изменения в уровне производственных запасов, вызванные, в свою очередь, различиями между объемами производства и продаж.

Для понимания взаимосвязи между указанными двумя способами можно сделать следующие обобщения:

— во-первых, если объем продаж равен объему

производства, прибыль, рассчитанная по обоим способам, будет одинаковой;
— во-вторых, если количество проданных единиц продукции окажется меньше, чем количество произведенных единиц, что неизбежно приведет к увеличению запасов, прибыль, рассчитанная вторым способом, обычно превышает прибыль при первом способе;
— в-третьих, если количество проданных единиц больше, чем количество произведенных единиц, то есть запасы уменьшаются, будет наблюдаться обратная ситуация. Это происходит потому, что общехозяйственные расходы, ранее входившие в состав запасов как часть себестоимости готовой продукции, списываются на себестоимость продаж вместе с общехозяйственными расходами текущего периода.

При значительных изменениях уровня запасов следует с осторожностью подходить к анализу прибыли, исчисленной вторым способом, то есть когда общехозяйственные расходы включаются в себестоимость продукции. Так, возрастающие запасы аккумулируют все большие общехозяйственные расходы и вызывают тем самым видимость увеличения прибыли. Однако в долгосрочной перспективе рост запасов без гарантии их дальнейшей реализации может привести к еще большим издержкам, связанным с хранением продукции, ее моральным устареванием и порчей.

Конфликт принципала и агента усиливается принятой в учете концепцией исторической стоимости (historical cost accounting), которая представляет собой сумму, первоначально оплаченную за актив, не корректируемую последующими изменениями стоимости. Также она называется стоимостью приобретения (acquisition cost) или первоначальной стоимостью (original cost). В российской практике, согласно Методическим рекомендациям по организации и ведению управленческого учета, утвержденным Экспертно-консультативным советом по вопросам управленческого учета при Минэкономразвития России (протокол № 4 от 22.04.2002), под исторической стоимостью понимается первоначальная стоимость приобретения без учета переоценок. Оценка по исторической стоимости объективна. Она отражает денежную стоимость фактических сделок, которая была зафиксирована в первичных документах, отражена в учетных регистрах и может быть получена в ходе независимого исследования. В то же время историческая стоимость отражает лишь первичную реальную стоимость приобретения активов, но не их последующую экономическую стоимость. Историческая стоимость затеняет реальную экономическую стоимость активов и производит скрытые запасы. Это вполне сочетается с принципом консерватизма, поскольку скрытые запасы представляют собой занижение стоимости активов.

Применение концепции исторической стоимости в бухгалтерском учете и отчетности может приводить к искажению действительного финансового положения и результата деятельности компании, давая возможность для манипулирования учетными данными. Наряду с иными причинами, это вызвано изменениями в уровне и структуре цен и процентных ставок, которые недостаточно рассматриваются в рамках традиционного бухгалтерского учета. Так, расходы на амортизацию основных средств и нематериальных активов почти не отражают реальные затраты на их использование и обычно завышены в более ранние периоды и занижены в последующие. Экономическая функция амортизации по исторической стоимости основана на исторической остаточной стоимости, которая должна отслеживаться, чтобы снизить намерения агента недооценить или недоинвестировать во внеоборотные активы. При отсутствии рыночной или альтернативной стоимости, историческая стоимость внеоборотных активов практически бесполезна для оценки их альтернативного использования, но она является важной частью контрактных отношений между принципалом и агентом.

Проблемой является то, что расчет амортизационных отчислений, исходя из исторической стоимости, занижает стоимость фирмы. В затратном мире контрактов, включение агента в процесс инвестирования с целью максимизации стоимости фирмы влечет за собой комплекс институциональных мероприятий. Бухгалтерская амортизация может быть полезна для контроля действий, связанных с инвестициями, когда используется вместе с остальными институциональными мероприятиями. Также, привязывая агентскую компенсацию к бухгалтерской прибыли, которая включает амортизацию, исчисленную в соответствии с концепцией исторической стоимости, принципал снижает вероятность того, что агент сделает переинвестирование (то есть инвестирует в негативную чистую приведенную стоимость проектов) и недонивестирование (то есть инвестирует в позитивную чистую приведенную стоимость проектов). Выбор оптимальной амортизационной политики снижает агентскую проблему, возникающую, когда жизненный цикл активов превышает горизонт индивидуального агента.

В учете по исторической стоимости при определении себестоимости изготовленной продукции не принимаются во внимание ее рыночная стоимость и альтернативные издержки. Учет также игнорирует влияние изменений в процентных ставках на стоимость обязательств, в особенности долгосрочных (например, облигаций). В результате в балансовом отчете содержатся как недооцененные, так и переоцененные активы и обязательства, а, следовательно, величина собственного капитала также искажается. Менеджер может использовать в своих интересах концепцию исторической стоимости, чтобы

управлять доходами, например, внести изменения в начисление амортизации внеоборотных активов, изменить размер оценочных резервов, продать недооцененные активы. Если первые два действия предусматривают сравнительно небольшие изменения, то третье является реальным и дорогостоящим действием, которое может противоречить основным целям акционеров.

В то же время финансовая отчетность используется фактическими и потенциальными инвесторами, чтобы проанализировать ликвидность, платежеспособность рентабельность, эффективности и другие показатели компании. Так, концепция исторической стоимости может влиять на исчисление показателей рентабельности активов (return on assets или ROA) и рентабельности собственного капитала, которые часто служат акционерам в оценке работы менеджмента. Первый показатель используется, чтобы оценить уровень эффективности, с которой менеджер использовал активы фирмы. Второй показатель - для оценки работы управляющего, ответственного за общее положение дел на фирме, включая структуру капитала. Поскольку оба показателя основаны на учетной информации, менеджеры в состоянии управлять ими посредством изменения размера прибыли. Историческая стоимость не отражает увеличение стоимости активов, и менеджеры могут «укрыться» за высокими показателями рентабельности.

Учет, который ведется с позиций исторической стоимости, предоставляет хорошую возможность оценить действия руководителя постфактум, то есть уже после того, как они произошли. Такие действия так или иначе отражаются в бухгалтерском учете; и затраты, связанные с этими действиями, могут быть определены. Но важно не только то, что делается, но и то, что не делается. В таком контексте бухгалтерский учет не очень эффективен, поскольку за те действия, которые не были совершены, руководитель подотчетен гораздо в меньшей степени. Когда последствия бездействия руководителя, так или иначе, проявятся в учете, пройдет достаточно большой промежуток времени между событием и отчетом. Например, не проведенный вовремя ремонт оборудования может затем отразиться в учете как затраты, связанные с простоем, еще более дорогостоящим ремонтом или заменой оборудования.

Наиболее важной новацией МСФО является отказ от применения в учете концепции исторической стоимости, согласно которой на протяжении последних десятилетий подготавливался основной объем финансовой отчетности. Компаниям, ведущим учет в соответствии с МСФО, теперь предоставляется выбор. Они могут продолжить ведение учета по исторической стоимости или перейти на учет по «справедливой» стоимости (fair value accounting). Во втором случае величины, отражаемые на счетах бухгалтерского учета, должны обосновываться проведением процедур оценки[14].

Концепция справедливой стоимости вносит реальные значения в финансовую отчетность, увеличивает эффективность управления и уменьшает конфликт принципала и агента. Справедливая стоимость определяется как сумма средств, на которую можно обменять актив или погасить обязательство при совершении сделки между хорошо осведомленными, желающими совершить такую операцию сторонами[15].

Указание справедливой цены активов и пассивов в балансе акцентирует внимание акционеров на стоимости активов и акций, а также на периодических изменениях этой стоимости. Акционеры имеют возможность различать две задачи управления: поддержание стоимости акций и созданий условий для появления дохода. Следовательно, они будут в состоянии оценить как деятельность, так и бездействие менеджера. Финансовая отчетность на основе исторической стоимости не раскрывает полную информацию относительно текущей стоимости многих активов и обязательств и искажает значение прибыли. Поэтому необходимо представлять дополнительную информацию, которая может затронуть решения инвесторов. С течением времени примечания, которые сопровождают финансовые отчеты, стали рассматриваться как синоним раскрытия информации. Справедливая стоимость обеспечивает гораздо большее раскрытие информации, и это уже совместимо с понятием прозрачности, которая означает, что в финансовых отчетах содержится истинная, точная и полная информация о видах деятельности фирмы и ее финансовом положении. Увеличение прозрачности означает уменьшение информационной ассиметрии.

К сожалению, особенности российской деловой культуры, рынка капитала и законодательства не способствуют адаптации концепции справедливой стоимости. В российских стандартах оценки дано определение рыночной цены. Однако какая-либо информация о «справедливой цене» там отсутствует. При этом стандарты допускают, что оценщик может определить специальную стоимость объекта. Чтобы ее выявить, в договоре об оценке оговаривают условия, которые не включены в понятие рыночной или другой стоимости. Однако выявить «справедливую» цену объекта труднее, чем рыночную. Причем не только из-за того, что это понятие законодательно не определено. Для того чтобы сделать вывод о «справедливой» цене предмета, нужно переработать большой объем информации[16].

Для достижения большей прозрачности информация финансовой отчетности может сопоставляться с информацией, получаемой на рынках. Однако исследования на базе рыночной стоимости имеют свои ограничения. Во-первых, результаты анализа финансовой отчетности публичных компаний, акции которых свободно обращаются на фондовых рынках, сложно

распространить на прочие фирмы. Во-вторых, анализ, основанный на рыночной информации, исследует совокупность фирм, при этом большая часть информации об индивидуальных компаниях пропадает. В-третьих, качество подобных исследований зависит от качества данных их пригодности для целей анализа. Например, некоторые данные краткосрочны, что ограничивает исследования только текущим периодом. Другая проблема заключается в том, что текущие данные могут корректироваться, что тоже ведет к потере информации.

Суммируя изложенное, следует сказать, что теория агентских отношений позволяет более точно определить конфликты интересов, проблемы поощрения и механизмы контроля в корпорациях. Менеджеры, с одной стороны, обладают полномочиями, делегированными им акционерами, и получают большие возможности для своей деятельности, но, с другой стороны, они ограничены правилами ведения бухгалтерского учета. Ограничивающий эффект проявляется на различных стадиях учетного процесса, который должен быть организован таким образом, чтобы предоставлять информацию, при помощи которой можно оценить риск, правильность выбора стратегии и контроля над поведением менеджеров. Именно система бухгалтерского учета представляет собой первичный источник достоверной, доступной информации для целей управления. И лишь затем используются различные механизмы для поддержания соответствия принципов управления учетным данным. Иными словами, учетные практики призваны уменьшать агентские издержки.

Voronova E. Accounting and financial statements in solving agency problem of corporate governance.

Summary: *This article deals with the main directions, through which accounting and financial statements mitigate the agency problem by reducing agency costs. These directions include: determining and valuation of investment opportunities, effective asset management, reducing informational asymmetry by enhancing informational transparency.*

Ключевые слова

теория агентских отношений, агентская проблема, агентские издержки, информационная ассиметрия, финансовая отчетность, прозрачность, бухгалтерский выбор, принцип консерватизма, учет по исторической стоимости, учет по справедливой стоимости.

Keywords

agency theory, agency problem, agency costs, information asymmetry, financial statements, transparency, accounting choice, conservatism, historical cost accounting, fair value accounting.

Примечания

1. Jensen M. C., Meckling W. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. – 1976. - Vol. 3. - p. 308.
2. Nilakant V., Hayagreeva Rao. Agency Theory and Unsertainty in Organizations: An Evaluation // Organizational Studies. - 1994, Vol. 15. - No. 5. - p. 650.
3. Бухвалов А.В.. Катькало В.С. Эволюция теории фирмы и ее значение для исследований менеджмента [Текст] // Российский журнал менеджмента. – 2005. - Том 3. - № 1. – с. 77.
4. Jensen M. C., Meckling W. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. – 1976. - Vol. 3. - p. 308.
5. Гапенски Б. Теория агентских отношений [Электронный ресурс] // http://www.seinst.ru/page98.
6. Watts R.L., Zimmerman J.L. Positive Accounting Theory // New Jersey, Englewood Cliffs: Prentice Hall. - 1986. – p. 196.
7. Roberts J. Strategy and Accounting in a UK Conglomerate // Accounting, Organizations & Society, 1990, Vol. 15. – p. 124.
8. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет в США: взгляд из России. Вместо послесловия / Нидлз Б., Андерсон Х., Колдуэлл Д. Принципы бухгалтерского учета: Пер. с англ. / Под. Ред. Я.В.Соколова. – 2-е изд., стереотип. - М.: Финансы и статистика, 2002. – с. 483.
9. Morgan G., Willmott H. The "New" Accounting Research: On Making Accounting More Visible // Accounting, Auditing & Accountability Journal. – 1993. - Vol. 6. - No. 4. – p. 18.
10. Fields T.D., Lys T.Z., Vincent L. Empirical Research in Accounting Choice // Journal of Accounting and Economics, 2001, Vol. 31. – p. – 255.
11. Mingcherng Deng. Principles-Based Accounting, Legal Liability and Accimetric Information Problems [Электронный ресурс] // http: // www.rotman.utoronto.ca/accounting/deng.pdf.
12. Bricker R., Chandar N. On Applying Agency Theory in Historical Accounting Research // Business and Economic History. – 1998. - Vol. 27. - No. 2. - p. 489.
13. Cazavan-Jeny A., Jeanjean T. Accounting Choices under IFRS 1: Analysis and determinants [Электронный ресурс] // http: // www.esse-kmpg.net/us/eufin/pdf/papers/Cazavan-Jeny-Jeanjean%20.pdf.
14. Артеменков И.Л., Артеменков А.И. Особенности учета и оценки недвижимости и других основных средств предприятий в соответствии с новыми требованиями МСФО // Вопросы оценки. – 2006. - № 2. - с. 16.
15. Учебное пособие по МСФО для профессиональных бухгалтеров. МСФО (IAS) 40 «Инвестиционная собственность». - М.: ПрайсУотерхаусКуперс, ФБК. - 2007. – с. 3.
16. Крыганов К. Приживется ли справедливая стоимость в России? [Электронный ресурс] // http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=002189.

Публичная политика в регионах России: Характеристика типов и ресурс влияния

Л.И. Никовская, В.Н Якимец

Опираясь на опыт полевых исследований 2004 – 2006 гг. авторами был создан инструмент для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России. Этот инструмент (далее ЯН-индекс) нацелен на измерение двух компонентов – степени развитости субъектов публичной сферы и состояния институтов и механизмов публичной политики. В 2009 – 2010 гг. ЯН-индекс был применен в более, чем 20 субъектах РФ в рамках крупномасштабного исследовательского проекта. В статье представлены значимые результаты данного проекта: а) выявлены пять типов региональной публичной политики; б) дана их характеристика; в) очерчены возможности влияния субъектов и институтов публичной политики на принятие социально значимых решений в рамках выделенных типов; г) осуществлено их межрегиональное сопоставление.

В современных условиях, когда руководством России заявлен курс на системную модернизацию страны, центральным становится вопрос, какая политическая система окажется для ее осуществления более эффективной – либеральная автократия или демократия? Кроме того, стоящие перед Российской Федерацией стратегические модернизационные задачи предполагают создание отечественной модели «умной экономики», формирование национальной инновационной системы, переход к «обществу знаний», к инновационному типу развития. Все эти задачи невозможно решить, опираясь лишь на меры бюрократической мобилизации и одни лишь технократические усилия. Без включения в эти процессы потенциала общества, без развития творческой конкуренции идей и подходов, без реальной многопартийности любые, даже самые позитивные импульсы «сверху» неизбежно будут натыкаться на объективные социально-экономические и политические ограничители. Именно поэтому необходимо проведение полноценной политической модернизации политической системы в направлении расширения принципов политической конкурентности, демократии и повышения качества народного представительства в органах власти и управления.

Разворачивающиеся системные изменения в стране актувлизируют проблематику института обратной связи, который позволял бы власти:

— своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов;
— производить коррекцию управленческих решений;
— снимать накапливающиеся в обществе напряжение;
— поддерживать доверие населения к государственным органам;
— обеспечивать право и возможность влияния граждан на принятие социально-значимых решений.

Все эти вопросы, в той или иной мере, составляют суть феномена публичной политики. Серьезная системная модернизация, как известно, не просто дает шанс чему-то новому или ранее маргинальному. Она должна сформировать устойчивый спрос на технологии отбора и селекции тех субъектов, которые формируют суще-

Никовская Лариса Игоревна – д.соц.н. профессор, главный научный сотрудник института социологии РАН; **Якимец Владимир Николаевич** – д.соц.н. профессор, главный научный сотрудник института системного анализа РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ство нового этапа развития. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для привлечения в эти процессы более широкого круга людей, чтобы быстрее произошел поиск и формирование новых субъектов роста.

Иными словами, мы видим, что развитие модернизации и национальной инновационной системы требуют «диверсификации» вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, то есть тех механизмов, на которых основывает свою деятельность гражданское общество. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации - залог и условие успешного внедрения и стимулирования постиндустриальных инноваций. На это, собственно, указали и авторы широко обсуждаемого в экспертной среде доклада ИНСОРа «Россия XXI века: Образ желаемого завтра».

Нынешняя модернизация предъявляет свои требования к политической системе страны:

— качественное государственное управление – компетентное, обеспечивающее выполнение базовых функций государства и предоставление обществу базовых общественных благ; некоррумпированное, прозрачное, ответственное и поддерживающее постоянную обратную связь с обществом.
— верховенство права, защита прав и свобод граждан, в т.ч. – права собственности;
— обеспечение свободного развития каждого гражданина и групп граждан.

Такое государство – помимо всех прочих своих базовых функций, – должно выступать арбитром и управляющим всеми конфликтами между плюралистичными интересами. Описанные выше черты желаемого общественного строя дают четкое его определение как демократии, причем демократии современной[1].

Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе и призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу:

— формировать стратегическую повестку дня;
— создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития;
— переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений:

— во-первых, она являет собой особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей:
(1) отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации;
(2) переход от «логики учреждения» к «логике обслуживания»;
(3) развитие нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX века)[2];
— во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений;
— в-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения в обществе возникающих проблем, а также социальные технологии их реализации;
— в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме.

На Западе тематика, связанная с публичной политикой, постоянно была в фокусе теоретических дискуссий, рассматривалась как органическая часть политической науки, без которой было немыслимо представить механизмы формирования политики, взаимодействия в этом процессе государства, гражданского общества и бизнеса. Любой профессиональный политик получал квалификацию по «policy science». В книге американского философа Д. Дьюи «Публичное и его проблемы», вышедшей в 1927 г., «публичное» истолковывалось как способ регулирования обществом тех реально существующих интересов, эффект которых выходит за рамки прямого взаимодействия частных лиц и существенно сказывается на жизни многих граждан общества.[3]

После Второй мировой войны интерес к проблематике публичной политики был стимулирован изданной в 1962 г. в Германии книгой Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы». Помимо раскрытия смысла этой категории, рассмотрения ее исторического генезиса, автор, опережая время, обозначил наиболее острые узлы взаимодействия публичного и частного в современных условиях. Английское переиздание книги в 1989 г. попало уже на подготовленную почву и вызвало бурную дискуссию, продолжающуюся и до настоящего времени[4]. Сам же Ю. Хабермас не раз развивал и уточнял содержательное наполнение категории публичной политики и ее проявления в различных социально-политических условиях[5].

На Западе публичной политике посвящена огромная научная литература, в которой всесторонне исследуется как сам феномен публичной политики, так и его наиболее важные компоненты и функции в общественной жизни[6]. В Российской Федерации конкретные механизмы формирования и осуществления публичной политики изучаются явно недостаточно. На этом фоне

выделяется интересная в методологическом и концептуальном плане работа, выполненная научным коллективом под руководством Ю.А. Красина[7], в которой системно исследуются проблемы публичной сферы и публичной политики применительно к постсоветской России. Немало для осмысления и исследования общей теории публичной политики делается кафедрой публичной политики ГУ-ВШЭ под руководством Н.Ю. Беляевой[8], а также гуманитарно-политологическим Центром «Стратегия»[9] под руководством А.Ю. Сунгурова. В разработку данной проблематики подключаются и региональные институты и университеты, в частности, Пермский госуниверситет[10]. Авторами настоящей статьи был разработан количественный инструмент исследования состояния публичной политики в регионах России[11], в ходе применения которого была выявлена типология ее реализации в регионах, особенности ее институциональных и субъектных срезов формирования.[12]

От организации публичной сферы и развитости ее ключевых институтов и механизмов в значительной мере зависит характер публичной политики. Публичная сфера – это своеобразный «инновационный инкубатор", позволяющий "свежей крови" новых социальных технологий:

— оптимизировать механизм взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества (развить межсекторное социальное партнерство);
— преодолевать с целью конструктивного реформирования закостенелость государственных институтов и структур;
— подключать ресурс гражданских инициатив к формированию государственной политики и контролю за деятельностью власти.

Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики, выражающей публичный интерес:

— артикуляции общественных интересов;
— публичного контроля деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере;
— влияния на формирование государственной политики;
— политического просвещения граждан.

Разработанный нами ЯН-индекс построен из двух частных индексов:

— ЯН-индекса развитости субъектов публичной политики (оценивает развитость субъектов публичной сферы - представительная власть, исполнительная власть, некоммерческий сектор бизнес, партии, профсоюзы и пр.);
— ЯН-индекса, характеризующего состояние институциональной инфраструктуры публичной политики (отражает степень открытости и демократичности институтов и процедур, касающихся систем и каналов участия граждан в публичной политике - выборов, верховенства закона, возможности ведения экономической деятельности, гражданского контроля и т.д.).

В целом задачи расширения рамок и качества социально-политического представительства интересов полноценно может осуществляться и функционировать только в публичной сфере. Публичная сфера – это сфера диалога, общения, коммуникации, это сфера договора с государством по общезначимым вопросам. Как только атрибуты публичности начинает исчезать или ощутимо «уменьшаться», так сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр. Каналы влияния на органы государственной власти начинают монополизироваться сильнейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власть имущих.

Основная гипотеза нашего исследования состояла в том, что чем меньше развиты институты и субъекты публичной политики (далее – ПП), тем больше степень социальной напряженности и конфликтности в регионе, недовольства эффективностью государственного и муниципального управления, тем хуже показатели социального взаимодействия с основными активными группами региона и, соответственно, использования их потенциала для решения социально-значимых проблем регионального сообщества в условиях кризиса. При конструктивном выстраивании ПП граждане не только «сверху» должны воспринимать правильность принимаемых решений, но и быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией, снятия напряжений и урегулирования конфликтных ситуаций.

В условиях преодоления кризисных явлений и перехода к системной модернизации страны на принципах демократии и «укоренения» ее институтов очень важной является такая функция публичной политики, как налаживание диалога между социально-значимыми субъектами общественно-политического процесса - властью, бизнесом, гражданскими организациями и самим населением. Расширение поля публичной политики может стать механизмом достижения консенсуса, то есть общественного согласия, среди различных активных групп общества и власти по формированию и принятию той «повестки дня», которая будет способствовать выходу общества из кризиса и перехода его к новому качественному состоянию.

Вторым нашим предположением, которое проверялось в ходе исследования, было утверждение о том, что модель «управляемой демократии» в условиях кризиса и задач созидательной модернизации не только не оправдала себя, но и показала исчерпанность своих концептуальных и технологических возможностей и низкую их эффективность. Обрыв «обратных связей» и избыточная «вертикализация» системы политико-государственного управления способствуют лишь реализации модели бюрократической моби-

лизации. Это характерно для догоняющего типа развития, экспансии административного начала властвования в «большую политику», нечувствительности к сигналам, идущим «снизу».

Как следствие, в таких случаях формируется высокий уровень социальной напряженности и конфликтности, происходит сужение спектра горизонтальных связей и многообразия интересов, которые могут быть той основой, на которой начинают складываться условия и предпосылки формирования новых субъектов инновационного развития. И самое главное – избыточная и жесткая вертикализация ведет к блокированию потенциала развития деловой и гражданской инициативы, что существенно тормозит развитие социального и человеческого капитала как в масштабах региона, так и в масштабах страны.

Третьим предположением проведенного исследования было то, что на характер и качество публичной политики в регионе существенное влияние оказывают:

— региональные особенности социально-политических процессов;
— характер политико-государственного управления;
— сложившаяся политическая культура;
— реальная заинтересованность в развитии полноценного взаимодействия субъектов гражданского общества и власти;
— взаимная настроенность использовать обоюдный потенциал власти и гражданской и деловой инициативы.

Расчетные значения ЯН-индексов, гистограммы и «плоскостные портреты» публичной политики, полученные с помощью нашей методологии, являются информативными и очень наглядными, поскольку ни в одной из трех проведенных фокус-групп представители трех секторов регионального сообщества – власти, бизнеса и НКО-сектора не опровергли полученных количественных оценок. Более того, давая качественные интерпретации полученных результатов, они лишь подтвердили валидность представленных данных. По итогам проведенных фокус-групп было сформулировано общее мнение, что разработанный количественный инструментарий – ЯН-индекс - позволяют наглядно сравнивать положение дел с развитием публичной политики и демократизации в разных субъектах РФ и внутри того или иного региона. Более того, используя предлагаемый инструментарий, можно наладить систему мониторинга публичной политики в исследуемых регионах, постепенно «опуская» его и на субрегиональный уровень.

В целом, проведя эмпирический опрос в 21 регионе России, нами было выявлено пять типов публичной политики в регионах:

1. Регионы с консолидированными низкими оценками – там, где респонденты из 3 секторов одинаково низко оценивают состояние ПП;
2. Центрированные регионы – там, где консолидировано была дана средняя оценка;
3. Регионы с разрывами оценок – там, где оценки ПП респондентами из разных секторов характеризуется значимым разрывом;
4. Регионы с партнерскими отношениями между секторами – там, где, по крайней мере, респонденты из двух секторов дали консолидировано высокие оценки состояния ПП;
5. Регионы с неконсолидированными оценками ПП – там, где между оценками респондентов из разных секторов большие разрывы в зоне низких оценок.

К первому типу (рис.1.) относятся Республика Дагестан, Мурманская, Иркутская области и Республика Коми.

На экспертной сессии в Иркутске ее участники отмечали:

НКО – «сворачиваются партнерские отношения – прекращена деятельность Губернского собрания общественности, власть выдавливает НКО-сектор на обочину публичной политики».

Бизнес[1] – «власть давит и устрашает, бизнес в ответ не подчиняется законам, уходит от непомерных налогов, вынужденно участвует в коррупции».

Власть - «мы не совсем удовлетворены: нормативно-правовая база не развита, институты и механизмы МСП слабы».

Второй тип (рис.2) характерен для Ярославской, Нижегородской Курской и Амурской областей и Алтайского края.

Мнения на экспертной сессии в Курске:

Власть – «в совокупности все три сектора гражданского общества работают неплохо и удовлетворены существующим балансом интересов».

Бизнес – «Нет особых барьеров для входа на уровень принятия решений. Власть поддерживает наши полезные начинания».

НКО – «Полярные позиции отсутствуют, так как в публичной политике работает принцип золотой середины. Нет авторитаризма, но нет и бурных волн».

Третий тип (рис.3) выявлен в Краснодарском крае, Республике Татарстан, Пензенской, Архангельской и Тюменской областях.

На экспертной сессии в Краснодаре отмечалось:

НКО - «В крае жесткая вертикаль власти, НКО выдавлены из процесса принятия решений: многие институты номинальны, имеют декоративный характер – Общественный Совет по содействию развитию гражданского общества при Главе не очень активен, 3 года назад принят закон о создании Общественной палаты края, но она так и не появилась».

Бизнес – «У нас неэффективны антикоррупционные законы, нет независимых судов, работают неформальные связи. Власть - закрытая корпорация, она оторвана от понимания интересов других групп».

Власть - «Третий сектор маргинален, формально всякие «Советы при ….» не позволяют ему реально влиять на принятие решений.

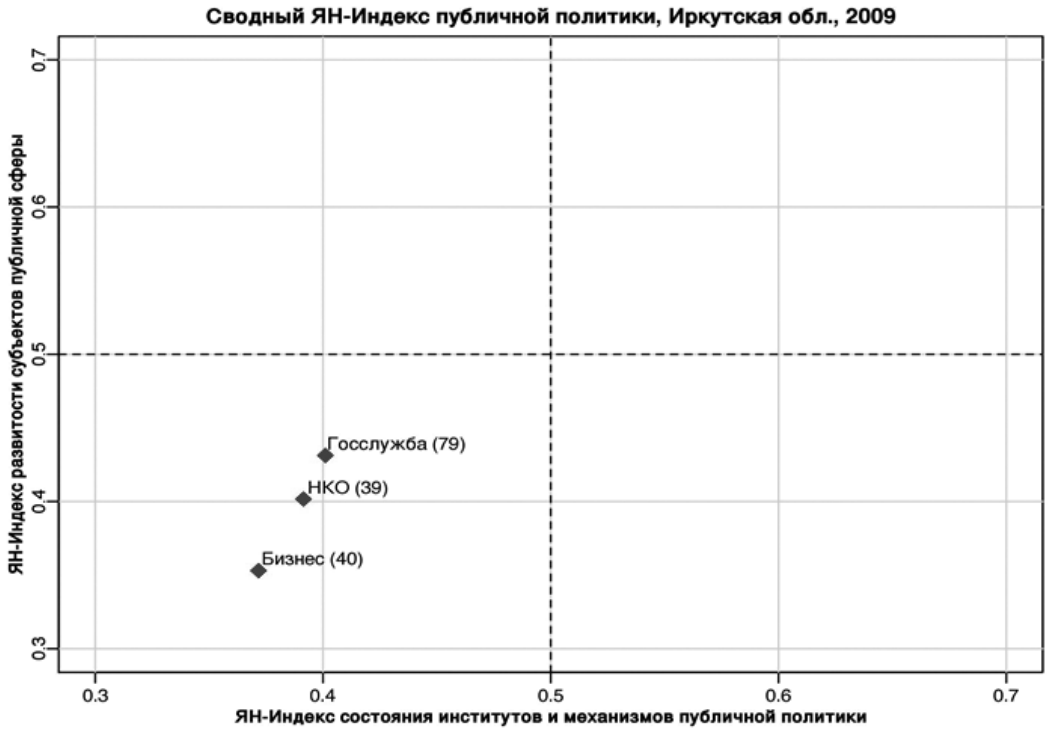

Рис.1. Пример региона с консолидированными низкими оценками

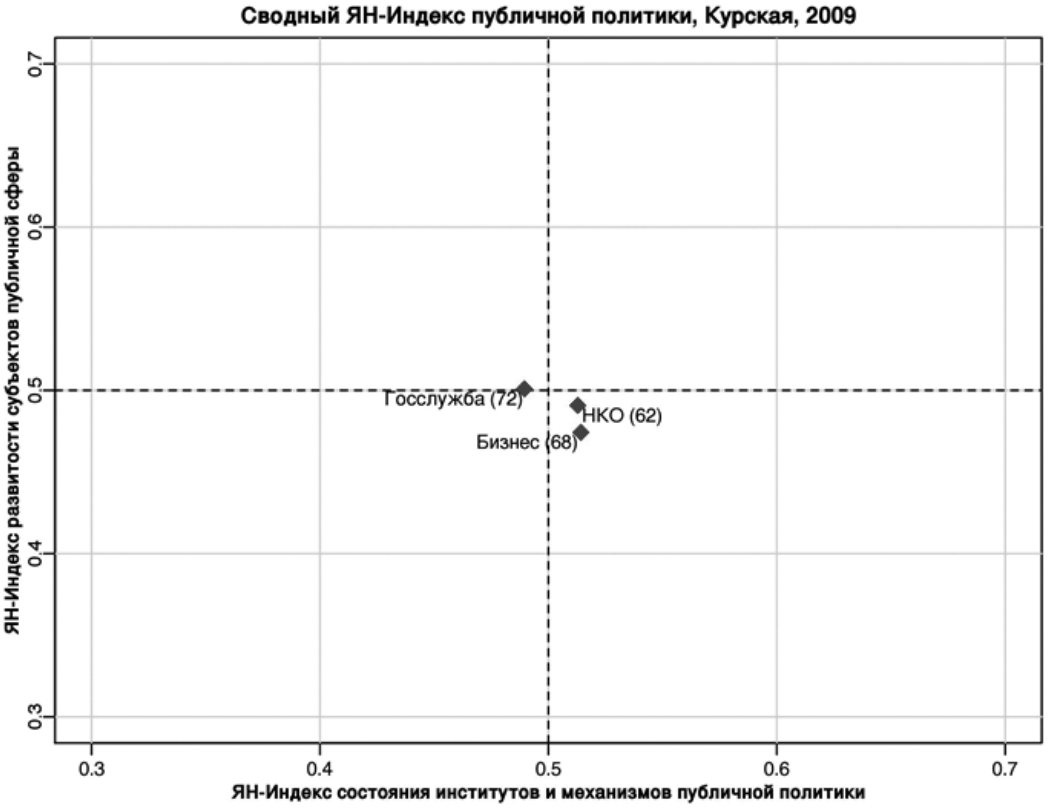

Рис.2. Пример центрированного региона

[1] Респондентами от группы «бизнеса» были представлены малым и средним бизнесом. Представители крупного бизнеса в исследовании не участвовали.

Признаем, что степень взаимодействия власти и НКО слабая, НКО играют формальную роль в ПП»

Четвертый – партнерский - тип представлен на рис.4. Сюда попали Новосибирская и Челябинская области, а также Республика Карелия.

На экспертной сессии в Петрозаводске:

НКО – «Власти привлекают НКО к решению вопросов социальной политики. В Конституции РК с 1993 г. за НКО закреплено право законодательной инициативы. Власть поддерживает трансграничное сотрудничество НКО со скандинавскими странами».

Бизнес – «Из-за кризиса малый бизнес разоряется. Надеемся на усиление потенциала частно-государственного партнерства и на развитие взаимодействия между бизнес-ассоциациями и властью».

Власть – «РК настроена на развитие потенциала МСП. Мнение НКО важно при подготовке решений, это надо для верной расстановки приоритетов, выявления острых проблем и поиска

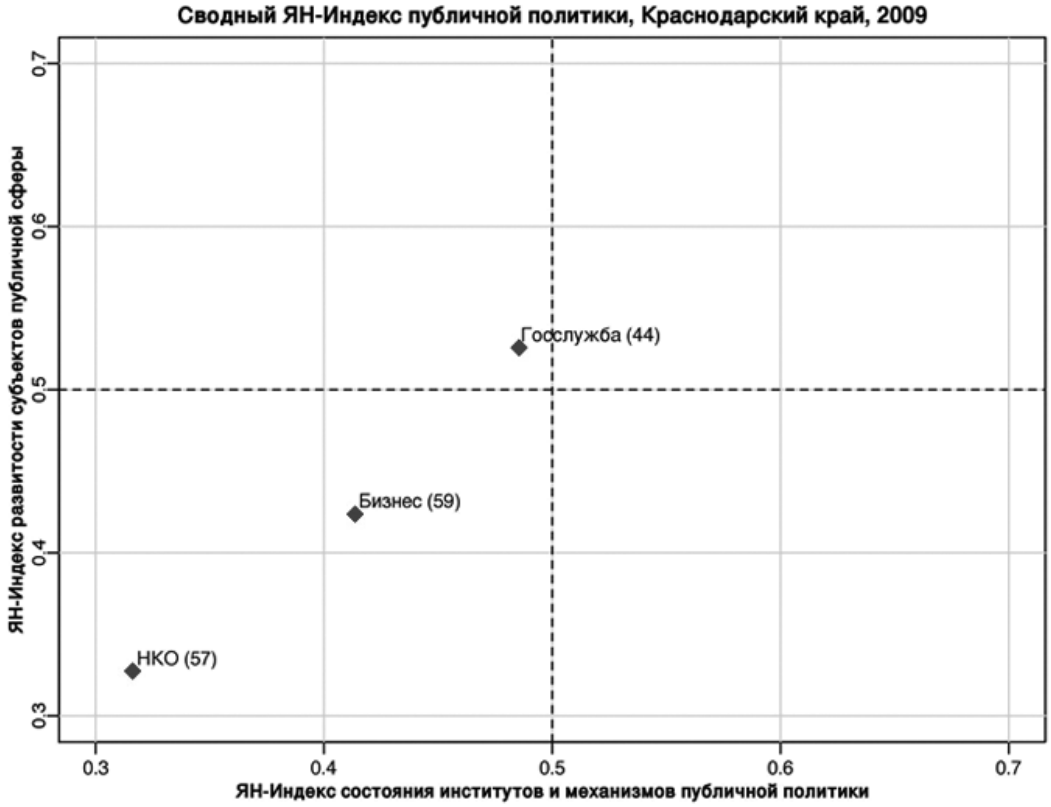

Рис.3. Пример региона с разрывами оценок ПП

правильных вариантов решения (справедливые, отвечающие ожиданиям общества».

Пятый тип - это Хабаровский и Пермский края, Томская и Волгоградская области (рис.5).

Здесь восприятие ПП респондентами из разных секторов характеризуется **большим разрывом в зоне низких оценок**. Видно, что оценки власти, находясь в нижнем квадрате, тем не менее, доминируют над оценками двух других секторов. Из-за такого разрыва в восприятии ПП предконфликтная ситуация достаточно вероятна.

На рисунке 6 даны межрегиональные сравнения оценок состояния ПП, сделанных бизнесменами, представителями органов власти и НКО.

То, что представители бизнеса из 20 регионов ниже других секторов оценили состояние ПП, можно отнести к последствиям финансово-экономического кризиса. На экспертных сессиях с участием представителей малого и среднего предпринимательства говорилось о серьезных масштабах разорений и сворачивании бизнеса. Однако это не исчерпывающее объяснение. Сложившаяся система ПП в регионах оказалась негибкой, практически не учитывала потребности малого и среднего бизнеса при разработке антикризисных мер и не позволяла оперативно вносить коррективы в антикризисные программы. Это усугублялось и действием коррупционных схем. Иными словами малый и средний бизнес оказался один на один перед проблемами сокращения спроса, сложностями получения кредитов и не получал своевременной поддержки со стороны власти. Это и предопределило более низкие оценки состояния ПП со стороны бизнесменов из разных регионов.

Чуть лучше выглядят оценки представителей НКО-сектора за счет небольшого числа регионов, где власти активно сотрудничают с НКО. В целом же эта картина межрегионального сравнения их оценок ПП не сильно отличается от оценок бизнеса.

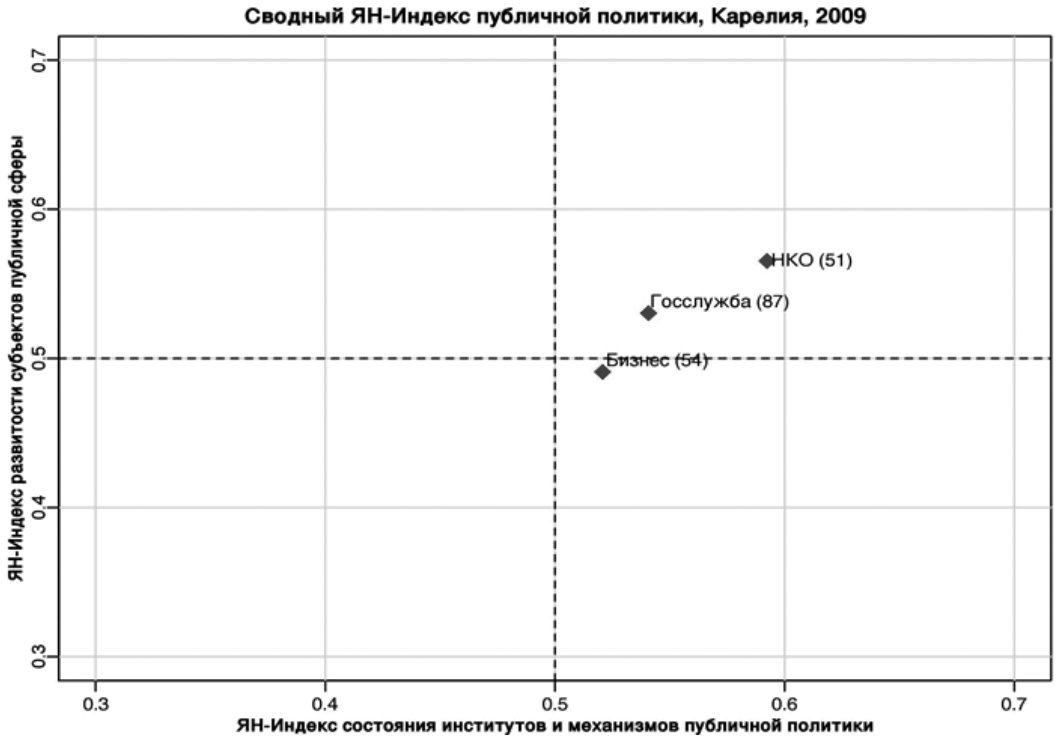

Рис.4. Пример региона с партнерскими отношениями между секторами.

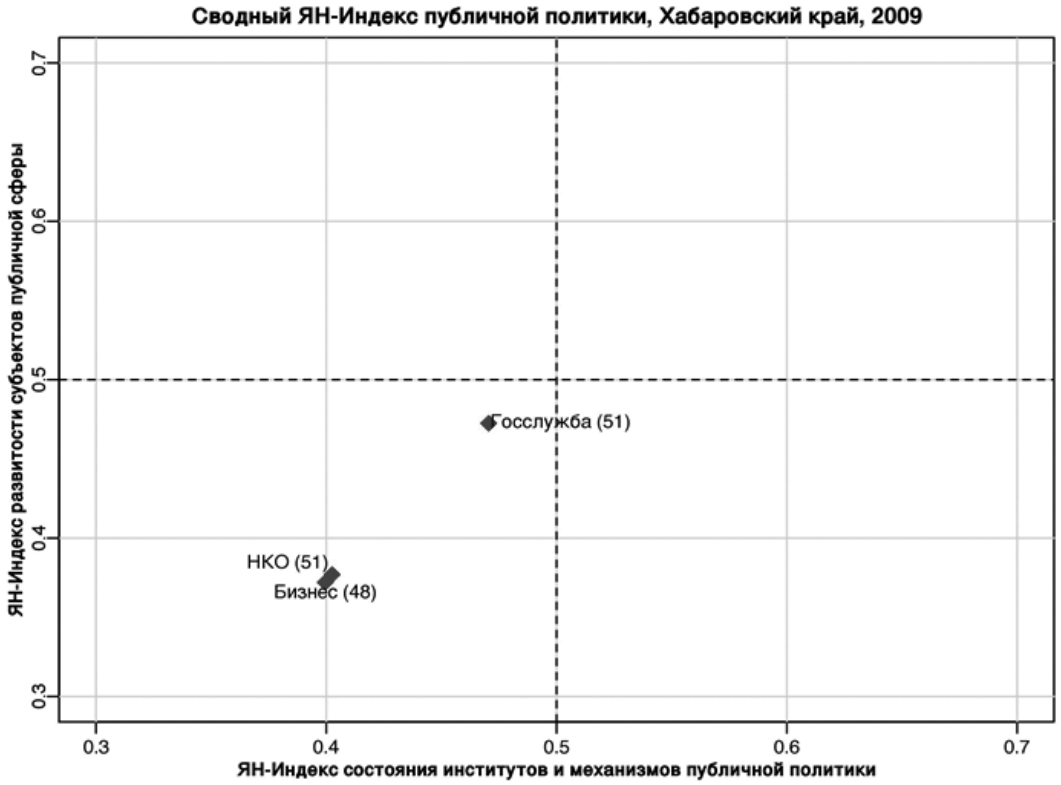

Рис.5. Пример региона с неконсолидированными оценками ПП

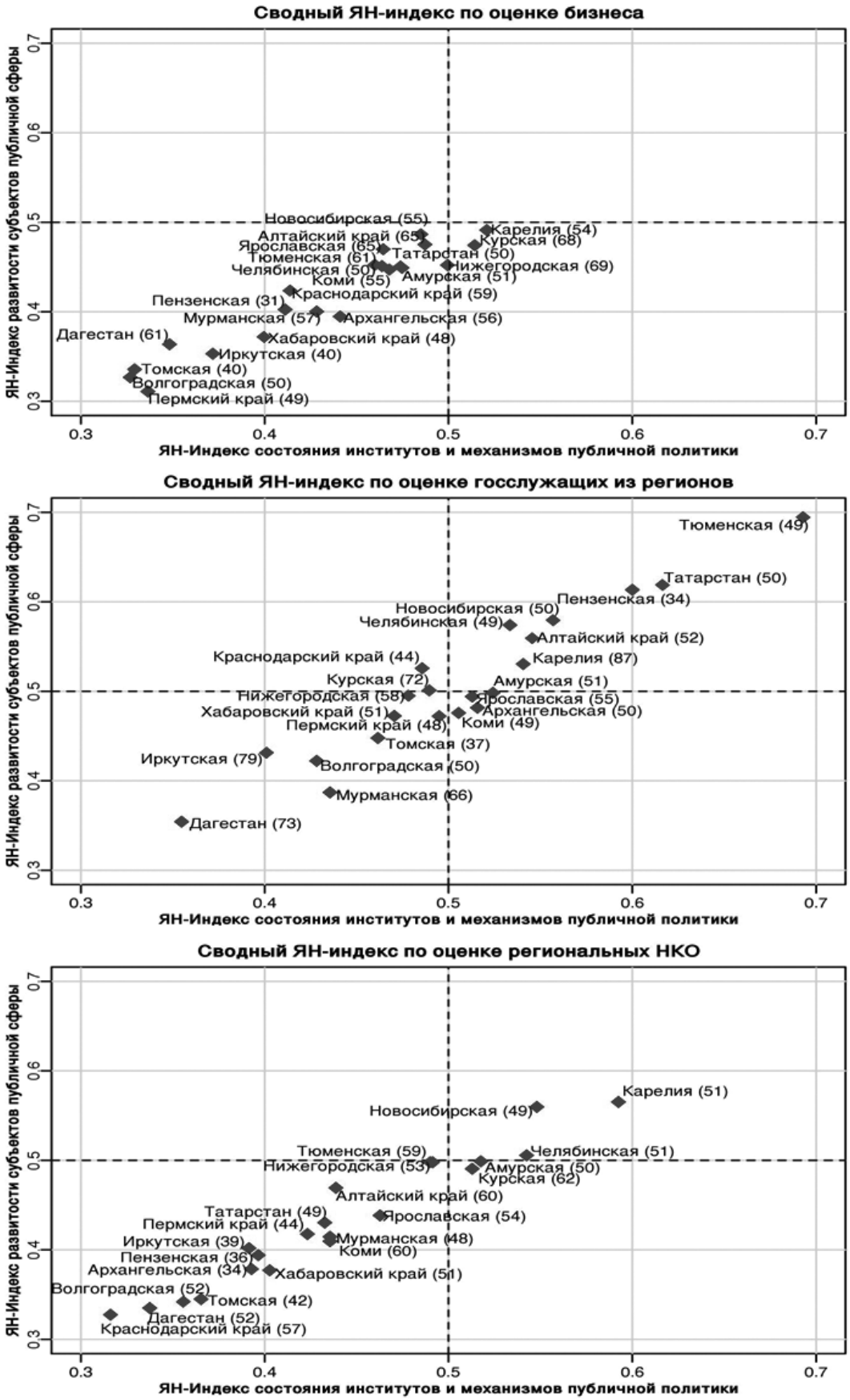

Рис.6. Межрегиональное сравнение оценок ПП бизнесменами, представителями органов власти и НКО.

По-иному выглядит межрегиональное сравнение оценок представителей власти. В ряде регионов они оптимистично оценивают состояние ПП, сильно отличаясь от мнений бизнеса и НКО. Что за этим стоит? Самодостаточность? Дистанцирование от общества? Или сознательное завышение своей роли в развитии ПП? Здесь нет общего знаменателя. В регионах, где выявлены сильные разрывы в оценках, скорее всего, преобладает намеренное завышение оценки. Не синдром ли это «потемкинских деревень»?

И, наконец, еще один интересный результат, полученный нами на основе анализа результатов оценки публичной политики в динамике.

На рис.7 приведены данные расчета ЯН-индекса для Приморского края, полученные в ходе пилотажного исследования 2005 года, а также в ходе проведения масштабного исследования 2009 года. Нетрудно видеть, что результаты не только сопоставимы, но хорошо интерпретируемы. В кризисном 2009 году оценки бизнеса изменились существенно меньше, чем оценки госслужащих и НКО. Более того, индекс оценки деятельности субъектов публичной сферы понизился и это объяснимо тем, что в период кризиса предприниматели имели слабую поддержку со стороны разных ветвей власти. Некоторое улучшение оценок бизнесменами состояния институтов публичной политики объясняется тем, что за прошедшие годы деятельность ряда институтов была улучшена. Последнее нашло отражение и в том, что индекс состояния институтов по оценке НКО вырос на один пункт, поскольку в это же время был принят ряд нормативно-правовых актов, совершенствующих условия деятельности НКО-сектора.

Наибольший прирост показал ЯН-индекс ПП, рассчитанный по результатам опроса госслужащих. Он вырос за 5 лет на 2 пункта. На наш взгляд такой прирост – это излишне оптимистичная оценка, когда желаемое выдают за действительное.

В целом, на общий уровень и характер развития институтов, механизмов и субъектов публичной политики в регионах, безусловно, влияют все системные пороки модели *«управляемой демократии»*, креативный потенциал которой в условиях кризиса фактически оказался исчерпан. Переход к реализации целей и задач системной модернизации требует существенного пересмотра принципов организации публичной политики как на федеральном уровне, так и на региональном.

Подтвердилось наше предположение: чем ниже качество и характер осуществления принципов публичной политики в регионе, тем выше недовольство такими дисфункциональными явлениями, как коррупция, неэффективность деятельности институтов и технологий диалога между властью и обществом, высокая степень недоверия и на региональном уровне, большой потенциал недовольства и социальной напряженности, негативное отношение к действиям власти, низкий уровень доверия и взаимопонимания всех основных акторов публичной сферы. Это сказывается на качестве состояния социального и человеческого капитала региона (так, низкие оценки состояния ПП в Краснодарском крае полностью нашли подтверждение позднее в т.н. «синдроме Кущевки», вскрывшем деграда-

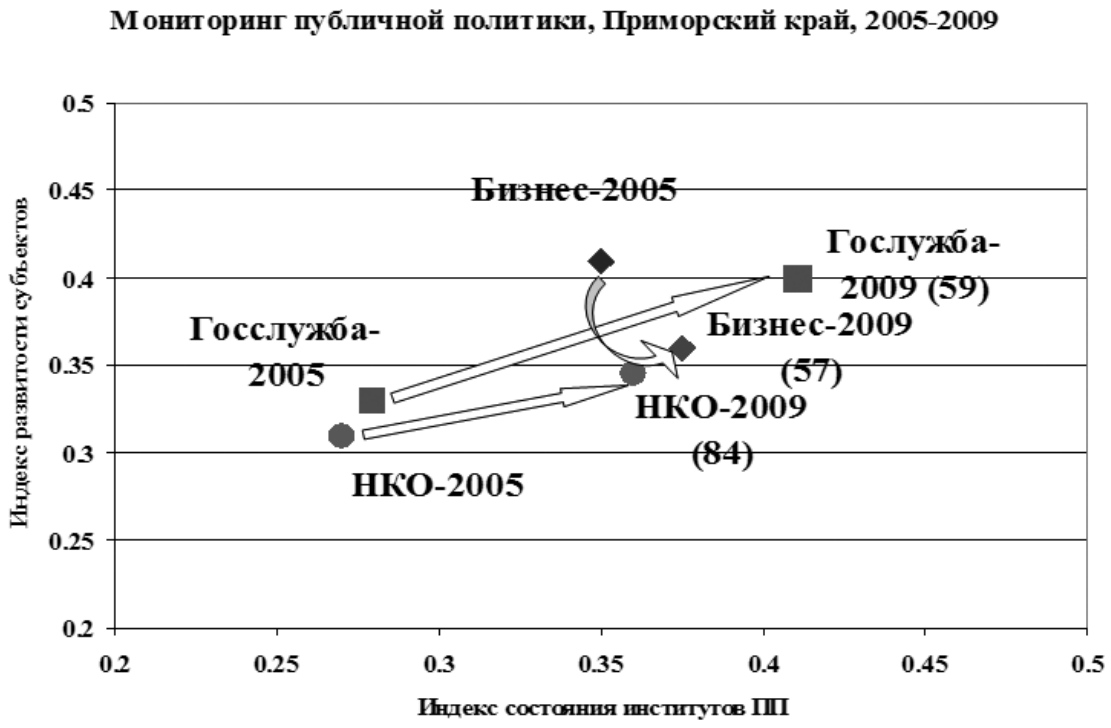

Рис.7. Динамика изменения ЯН-индексов ПП в Приморском крае.

цию институтов и механизмов взаимодействия региональной и местной власти с населением).

Стоит особо подчеркнуть, что самым распространенным дисфункциональным явлением, существенно препятствующим формированию полноценной институциональной структуры публичной политики в регионах, является коррупция. Причем не в обычном понимании как взяточничество, как криминально наказуемое действие, носящее чаще всего аномальный характер и воспринимаемое как издержки системы, следствие ее недостаточной прозрачности. Она воспринимается как системная норма отношений бюрократии и бизнеса, где скорее исключением является безвозмездное предоставление административных услуг, а правилом, так называемой «статусной рентой»[13].

Корни этого явления уходят в практику формирования отношений по поводу перераспределения собственности в лихие 90-е годы. Собственник, осознающий нелегитимность или крайне слабую легитимность своего состояния и своих активов, и бюрократ с психологией рантье, если они взаимодействуют в рамках системы, где «понятия» часто выше закона, обречены на то, чтобы это взаимодействие продолжать на той же основе обмена товара «административный ресурс» на товар «деньги», «товар-активы», «товар – статусная рента». Не случайно на втором месте по числу негативных оценок после коррупции респондентами упоминается несоблюдение принципа неприкосновенности частной собственности. Можно со всей определенностью говорить о том, что корпоративно-бюрократический «этос» отношений накладывает существенный отпечаток на всю систему общественных отношений в России и во многом предопределяет «правила игры», на которых она основана. Его основное влияние проявляется в закупорке каналов взаимодействия общества с властью и в становящемся все более очевидным отчуждении рядовых граждан и от бизнеса, и от самой власти. Процессы корпоративизации[14] отношений между обществом и властью самым негативным образом сказываются на развитии институтов и механизмов публичной политики, и работают в противоположном направлении от реализации задач системной модернизации.

В отношении субъектных характеристик публичной политики практически все три группы всех регионов указали на слабость и неэффективность деятельности *профсоюзов*. В условиях острого кризиса «официальные» профсоюзы, входящие в ФНПР, оказались в большинстве случаев недееспособны, а альтернативные – крайне малочисленны, и в силу этого слабы. Наемные работники перед угрозой увольнений или неоправданных сокращений заработной платы чувствуют себя экономическими и политически незащищенными, а предприниматели и шире - работодатели – свою безнаказанность и монополизм. Профсоюзов как-будто нет! Как никогда, сегодня нужны действенные профсоюзы, которые возьмут на себя заботу о соблюдении законных прав и интересов наемных работников и проявят способность организовывать - в случае необходимости - коллективные действия и солидарность при защите прав простых людей труда.

Как показывают наши исследования, практически все активные группы региональных сообществ в той или иной мере отказывают профсоюзам в праве считаться самостоятельной силой, способной отстаивать и выражать интересы наемных работников. К сожалению, самостоятельность профсоюзов в целом в общественном сознании россиян ставится под большое сомнение. Результаты многих исследований показывают, что большинство россиян воспринимают большинство профсоюзных организаций как *зависимую* структуру. Они воспринимаются либо как слишком слабые для того, чтобы добиться от правительства и работодателей необходимого решения, либо как имитирующие оппозиционность. Даже когда профсоюзы громко заявляют о своем несогласии с правительством, они все равно выглядят в глазах населения «приводными ремнями», которые начинают действовать только если это нужно правящим группам.

Низким качеством субъектности - согласно оценкам всех трех групп, - характеризуется и местное самоуправление. И за этим фактом стоят серьезные политические процессы: в ходе длительного реформирования демократический потенциал институтов МСУ постепенно выхолащивался. В значительной мере муниципальная реформа, как и вся российская политика в сфере местного самоуправления, отражает общеполитические тенденции в стране. После того как выборы в России перестали быть конкурентными, было бы наивным ожидать расцвета автономного и демократического местного самоуправления. Более того, муниципальная политика оказалась заложником «управляемой демократии». Каждый шаг на пути к концентрации власти провоцировал дальнейшие «наезды» на местное самоуправление. Очень показательны в этом отношении предпринимаемые время от времени попытки отказаться в крупных городах от местного самоуправления вообще и от выборов градоначальников, в частности, заменив их государственным управлением, которое осуществляется губернаторами. Так или иначе, на сегодняшний день не существует почти никаких гарантий против полной ликвидации местного самоуправления или его низведения до политически и экономически ничтожного уровня.

В целом, обобщая, можно сказать, что сложившийся моноцентричный режим привел к снижению роли публичной сферы и политики в современном политическом процессе как на федеральном уровне, так и на региональном. Так, например, наши исследования показали, что, во-первых, там, где регионы получают существенную «подпитку» со стороны федерального Центра (как в случае с Краснодарским краем,

который активно реализует ФЦП «Сочи-2014»), или крупного бизнеса, штабы которых располагаются в Москве, они в большей степени начинают ориентироваться на интересы более верхних и высоких этажей политико-государственной системы, часто превращая управление регионом в аналог иерархично и жестко выстроенной модели крупной корпорации. И наоборот – чем более дотационен и, соответственно, социально уязвим регион, тем более взвешенно и партнерски он стремится выстраивать отношения с основными акторами публичного пространства, апеллируя к его деловой и гражданской активности.

Во-вторых, степень развитости субъектов и институтов, механизмов публичной политики на региональном уровне во многом зависит от комбинации факторов своего регионального свойства – качества государственного и муниципального управления, стабильности и культуры кадрового корпуса управленцев (так, например, частая смена губернаторов Иркутской области, нестабильность управленческих команд привела к существенным откатам в развитии институциональной базы публичной политики, наработанной в 1990-е и «нулевые» годы), особенностей развития культуры взаимодействия гражданского общества и власти, наконец, личной политической воли тех лидеров, которые возглавляют основные статусные позиции в регионе – губернаторы, руководители законодательных собраний, Общественных палат, институтов гражданского общества и бизнеса.

В целом, на федеральном уровне публичная политика пока не является системным свойством нынешней политической системы. Продолжает сохраняться система принятия политических и социально-значимых решений в «режиме консультаций» и «приводных ремней», при активном контроле государственно-административных структур. Но подобная практика конструирования публичной политики порождает опасность усиления бюрократического корпоративизма. Традиционное чиновничество не готово к постоянному диалогу с партнерами, которые пытаются войти в круг общественных консультаций. Формирование государственной политики оно по-прежнему рассматривает как составную часть своих прерогатив. Участие внешних сил воспринимается как покушение на суверенную территорию исполнительной власти.

Существующая система принятия решений демонстрирует устойчивую склонность превращать «режим консультаций» в декорацию традиционно бюрократической политики. Поэтому «режим консультаций» работает в той мере, в какой высшая политико-государственная власть заинтересована оказывать политическое давление на участников, принуждая их к лояльности и сотрудничеству. Многие перспективные общественные организации и структуры, не обладая надежными каналами представительства интересов и политическими связями, оказываются вне сферы «парадигмы согласования», которая пока все больше функционирует в духе бюрократически-элитисткого корпоративизма.

Между тем новые вызовы общественного развития, определяемые задачами перехода к системной модернизации, нацеливающей на формирование национальной инновационной системы, создают повышенный спрос на функции и услуги, связанные с экспертизой и консалтингом по публичной политике. Отсюда появляется потребность в поддержке со стороны гражданского общества, центров публичной политики, связанных с различными гражданскими и деловыми инициативами. В этом, видимо, кроется глубинный настрой государства поддерживать тот формат взаимодействия с гражданскими структурами, который в последнее время оформился в виде общественных обсуждений программных статей и обращений Президента РФ (пример публичной дискуссии вокруг его статьи «Россия, вперед», подготовки последнего Послания Федеральному Собранию РФ). Иными словами, тот вариант стабильности и порядка, который вначале нынешнего десятилетия отвел Россию от края пропасти и минимизировал угрозы безопасности государства и общества, сегодня показал невысокий запас прочности и, особенно, развития.

Но сегодня проблема находится глубже – без расширения качества и системности публичной политики невозможно вести речь о переходе к модернизации, а тем более – к инновационному типу развития российского общества. Речь нужно вести, по всей видимости, о создании условий для социальной инновации, то есть внедрении тех новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали бы гармонизации общества, и повышении жизненного уровня людей. Поэтому представляется важным, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в себя науку (которая в контексте гражданского общества, как правило, вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО, и такой важнейший институт, как независимые и квалифицированные средства массовой информации.

Многообразие институтов гражданского общества и политических акторов – страховка от опасностей авторитаризма и тоталитаризма, преследующих как тень едва ли не любую демократию и всегда возникающих перед глазами в периоды преодоления кризисов либо затяжных трудностей. Попросту говоря, ситуация требует срочного разворота к широкому общественному диалогу, декомпрессии политического режима. Требуется возврат к реальной демократии, т.е. процессу постепенного «размораживания» политических процессов и гражданских инициатив, свернутых отчасти в середине 2000-х годов. Обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия

на реальную власть, на процесс принятия социально-значимых решений, а значит и разделения ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность создаваемой системы делает общественную среду менее напряженной, вовремя разряжает скопившуюся деструктивную энергию, канализирует недовольство. А самое главное – дает пробиться новым росткам и трендам.

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Public Policy in the Russian Regions: Typology and Resource of Influence.

Summary: *The new Instrument for studying Regional Public Policy aimed at measuring both the Efficiency of Public Sphere Subjects and the Maturity of Public Policy Institutes (named YN-index) was applied in more than 20 Regions within the Framework of a large-scale Project in 2009. From to 2 to 4 Regions of all Federal Districts were involved into this Study. About 4000 Respondents representing regional small and medium Business Companies, non-commercial Organizations and governmental Structures were interviewed. Findings of this Study are represented in this Paper. Five Types of the Regional Public Policy Samples were revealed, including three of them showing various consolidated views, one Sample with unconsolidated estimates made by respondents of different groups and the so-called Partner-like Sample of Public Policy. This Typology is described in general as well as Examples of each type are given. Interregional Comparison of Public Policy Estimates made separately by each of three Groups of Respondents are shown. The YN-index Estimates by Businessmen were clearly much lower than those made by Representatives of governmental Structures.*

Ключевые слова

субъекты, институты, механизмы и типы региональной публичной политики, ЯН-индекс.

Keywords

Subjects, Institutions, Mechanisms and types of the Regional Public Policy, YN-index.

Примечания

1. Россия XXI века: образ желаемого завтра. Институт современного развития. http://www.riocenter.ru.
2. См.: Сморгунов Л.В.Современная сравнительная политология. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002, сс.382-393
3. Dewey J. The Public and Its Problems. Ohio University Press. Athens. 1954. Reprint, N.Y., 1927.
4. Calhoun C. Habermas and the Public Sphere. The MIT Press, Cambridge, 1997.
5. Habermas J. Strukturwandel der Offentlichkeit. Berlin: Luchterhand Verlag, 1971; Habermas J. Die Moderne - ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsatze 1977-1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990.
6. Howlett M. and Ramesh M. Studying Public Policy. Policy Cycles and Policy Subsystems. Toronto. Oxford University Press, 1995.
7. Публичная политика в России (по итогам российско-канадского проекта «Университет Калгари- Горбачев Фонд») М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
8. Публичная политика в современной России. Субъекты и институты. М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
9. «Публичная политика – 2005». Сборник статей. СПб: Норма, 2006; Публичное пространство, гражданское общество и власть. М.: РОССПЭН, 2008.
10. «Публичная политика в социальной сфере: региональная модель. Пермь: ПГУ, 2005.
11. Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России// Труды ИСА РАН, том 25. Под ред. А.П.Афанасьева. М.: КомКнига, 2006. С.138-146; Никовская Л.И., Якимец В.Н.. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором, «Полития», №1, 2007. СС.30-51; Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики. В кн. «Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия», М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. СС.107-121.
12. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Антикризисный потенциал публичной политики: ведение в проблему оценки ее состояния в регионах России // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар. № 3, 2009; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Особенности состояния публичной политики в регионах России: состояние и современные вызовы.// Политэкс, СПб, № 1, 2010.
13. Перегудов С.П. Бизнес и бюрократия в России: динамика взаимодействия.// Полития.2007, № 1.
14. См.: Перегудов С.П. Плюрализм и корпоративизм в СССР и России (общее и особенное)// Полис (Политические исследования). Научный и культурно-просветительский журнал. № 5, 2010. сс. 111-129

Развитие теории социальной сети

О.Е. Брун

В статье рассматривается современная социальная сеть и характер действий в ней людей, анализируются социологические подходы, которые применялись и разрабатываются в настоящее время для изучения социальных сетей. В этой связи исследуются взгляды Ричарда М. Эмерсона, Джеймса С. Коулмэна и Мануэля Кастельса.

Классические социологические теории изучают взаимодействия людей в контексте конкретного и достаточно однородного социума (семьи, социальной группы, класса), исходя также из того, что он при этом остается относительно стабильным. Однако в жизни современного общества, подверженного усложняющейся социокультурной динамике, такой «чистый» социум бывает только в представлениях ученых. Социальные реалии становятся все более сложными в структурно-функциональном плане и динамичными. Акторы социального взаимодействия, как правило, также являются разнородными: ими могут быть не только отдельные индивиды, но и формальные организации. Такие взаимодействия обычно приобретают форму довольно разветвленной социальной сети. Действия людей в социальной сети качественно отличаются от их общения в однородной социальной группе, так как происходят одновременно как на микро, так и на макро уровнях. Они предполагают возможность использования ряда альтернатив, поэтому их последствия неоднозначны. Акторы вынуждены постоянно рефлексировать относительно исходов взаимодействий с учетом сделанного ими выбора альтернатив.

Теории социальной сети первого поколения. Первые социологические подходы к изучению социальной сети были выработаны американским социологом Ричардом М. Эмерсоном (1925 – 1982). При создании своей теории социальной сети ученый исходил из того, что:

— во-первых, в сетевых отношениях устанавливаются специфические властные отношения, отличные от тех, которые существуют в обществе в целом. Здесь действуют собственно правила сети, и если индивид зависим от других акторов, то это в процессе социального взаимодействия приводит к утверждению над ним власти сети;
— во-вторых, неопределенность – отложенность результатов взаимодействия порой на длительный срок, – порождает специфическую мотивацию, предполагающую необходимость учитывать риски того, что работа, услуги, осуществленные одним актором, могут, пройдя через значительное количество ячеек сети, оказаться без ответного вознаграждения вообще. В большой сети определить виновника дисфункциональности порой бывает затруднительно. Взятые вместе, эти специфичные моменты отношений приводят к тому, что возникает динамичное неравенство акторов в социальных сетях, что в дальнейшем ведет к конфликтам и постоянным рефлексиям относительно результатов взаимодействия[1].

Казалось бы, современное общество, широко использующее сетевые взаимодействия, идет к хаотизации, подрывающей незыблемые основы своего существования – социальную стабильность, предсказуемость, столь характерные для традиционного и отчасти даже индустриального общества. Но, как показал Эмерсон, проведя соответствующие эмпирические исследования и используя для них сложный математический аппарат, этим утверждающимся хаосом можно управлять. Для этого необходимо учитывать факторы синергии, сложной причинности

О.Е. Брун – аспирант кафедры социологии МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

процессов, происходящих в сетях, и, конечно, компонент доверия, являющийся имманентной сущностью образования и функционирования социальной сети. Ученым, в частности, было обосновано следующее:

— особенности властно-зависимых отношений в сети детерминируют динамику характера поведения акторов;
— чем более один актор зависит от другого в плане получения тех или иных вознаграждений, тем бóльшая вероятность, что властный актор будет использовать свои ресурсы давления на других акторов в целях получения односторонних преимуществ;
— вместе с тем, если дискредитируемые акторы ослаблены из-за соперничества в конкретной социальной сети, они будут стремиться к изменению сложившегося неравенства и обретению определенной независимости. К ней ведут два основных пути – специализация и образование коалиции. Если акторы выбирают специализацию, то будут стремиться к развитию более эффективного разделения труда, и уже от результатов их деятельности будут зависеть другие акторы. А если они пойдут по пути создания коалиции, то это приведет, в конечном счете, к возникновению коллективного актора, действующего как единое целое в социальной сети, обладающего весьма большими властными полномочиями.

Эмерсоном было также эмпирически выявлено, что примерно равные акторы, но имеющие большее количество альтернатив для достижения своих целей, будут менее зависимы от своих партнеров и обладать большей властью, ибо сами альтернативы увеличивают доступ к ценностным ресурсам. В ответ временно зависимые акторы могут применять уже упоминавшиеся стратегии специализации и образования коалиций, что на практике приводит к созданию союзов, совместных предприятий, использованию разных типов интеграции ресурсов и работ, заключению долговременных контрактов, специализации и т.д.

Американский социолог также исследовал динамику рисков и доверия в социальных сетях. При этом им было установлено:

— если практики взаимодействия в виде работ и услуг не подкреплены соглашениями, совместными письменно зафиксированными решениями, что предполагает переговорный обмен, то это неизбежно увеличивает риск невыполнения обязательств;
— если предпринимаются меры по усилению зависимости акторов (дисбаланс в торговле, политическая дискриминация), то, соответственно, увеличивается риск попыток использования ими нелегитимных средств;
— если, напротив, растет доверие между акторами, то уменьшаются риски невыполнения партнерских обязательств.

Известный современный американский социолог Дж. Ритцер отмечает, что исследования Эмерсона дали толчок новому перспективному направлению изучения динамичных характеристик современных обществ. По существу, в настоящее время сетевая теория представляет собой группу концепций, основанных на ряде общих методологических постулатов, которые рассматривают социальные взаимодействия как на макро-, так и на микроуровне, исходя из того, что их участники обладают различным доступом к значимым ресурсам (финансам, натуральным продуктам, власти, информации и т.д.) и вследствие этого одни из них зависят от других[2].

При этом, согласно принципам современной сетевой теории, связи между индивидами следует анализировать с учетом структуры более крупных сетей[3]. И действительно, подходы Эмерсона к исследованию социальной сети были успешно применены при изучении таких сфер, как маркетинг, брачно-семейные отношения, функционирование организаций через изменения и т.д. Кроме того, по совокупности всех критериев можно вывести динамичный баланс доверия конкретных акторов. Социологи определяют рейтинги доверия не только отдельно взятых деятелей (политиков), но и социальных институтов.

Американский социолог Джеймс С. Коулмен (1926-1995) качественно углубил исследования социальных сетей, разработав теорию рационального выбора в условиях распространяющегося асимметричного взаимодействия физических и юридических лиц. Сущностная черта методологии его теории предполагает наличие потенциального конфликта между рациональностью отдельно взятого актора (физическое лицо) и рациональностью коллективных акторов (юридических лиц). Данный конфликт конкретно проявляется в постоянно воспроизводящихся социальных дилеммах, которые могут быть разрешены с учетом трех факторов: конкуренции, доверия и координации действий. При этом все акторы оценивают количественно-качественный состав участников сети, наличие определенных альтернатив у каждого актора, риски и вероятные последствия использования альтернативных выборов, поведение и ожидания друг друга[4].

Примером разрешения подобного рода дилемм может быть участие самых различных акторов в коммерческих проектах строительства дорог в Москве и Подмосковье с учетом активизации деятельности московской мэрии, экологических, муниципальных и самоорганизованных движений, представителей политических партий, масс-медиа и, конечно, собственно подрядных организаций. Соответственно, в зависимости от того, как в условиях конкуренции идей и возможных приобретений и потерь, упущенных выгод, стороны доверяют друг другу, координируют действия, учитывая интересы самых разных акторов, могут быть разные последствия. При этом, исходя из теории Коулмена,

особенно важно то, что индивидуальные рациональные действия могут вести к коллективным иррациональным последствиям. Методология парадигмы рационального выбора ориентирует на учет непреднамеренных последствий сетевых взаимодействий. В нашем примере – возможный экологический ущерб природе, отложенные опасности, которые могут проявиться в будущем и т.д.

Особо отметим, что ныне важным актором практически всех сетевых взаимодействий становятся масс-медиа. Они в естественную конкуренцию акторов привносят невиданную ранее символическую борьбу, а также при определенных условиях могут способствовать утверждению доверия к деятельности коллективных акторов. Известный российский социолог В.В. Радаев отмечает: «Застолбить рыночную нишу можно не только путем снижения издержек, повышения качества или введения на рынок нового продукта или услуги, но также и посредством идентификации фирмы и продукта. Этому способствуют раскрученные торговые марки и брэнды, которые увязываются не столько с полезными потребительскими свойствами предметов, сколько с символическими образами определенных стилей потребления»[5].

В современном обществе товары и услуги, как правило, рекламируются через образы, связанные с доверием, безопасностью и надежностью. Когда социальным актором выступает физическое лицо как рядовой потребитель товаров и услуг, он, как правило, не может получить валидную информацию об интересующих его предложениях. В этом ему помогают юридические лица, занимающиеся рекламой. Тем самым, акторы масс-медиа вносят свой определенный вклад в систему доверия как фактора стабильности, формирования упорядоченного хаоса. Как считает лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, данное состояние социума, вполне пригодное для жизнедеятельности и функционирования различных акторов, может возникнуть в условиях «увеличения динамической сложности», что влечет за собой «случайность»[6]. Компонент случайности присутствует во всех социальных сетях, но к нему, в принципе, можно адаптироваться.

В 1970–1980-е гг. возник целый ряд концепций, в которых так или иначе используются принципы и методология сетевого подхода: концепции «политико-управленческих сетей» Д. Ноука, «сообществ» Дж. Ричардсона, «потоков» (streams) Дж. Кингдона, «подсистем» П. Сабатьер и др. Вместе с тем, первые теории социальных сетей постепенно «устаревают». Они не учитывают такие новейшие реалии как разворачивающиеся процессы глобализации, увеличение открытости уже достаточно открытого социума, появление принципиально новых средств информации и коммуникации. Кроме того, сетевые взаимодействия все более выходят за пределы конкретных государств и культур, становятся все более динамичными и главное – осуществляются вне определенных пространственных и временных границ. В этом контексте социум обретает качественно иную рефлексивность, благодаря увеличению и усложнению которой знания людей также обретают характер динамического фактора, способствующий постоянной трансформации как социальных институтов, так и моделей поведения индивидов. Возникает невиданная ранее «рефлексивная реальность», подвижного и пластичного типа, способная к самотворению и самоорганизации. Некоторые СМИ принципиально отказались от разграничения «отечественной» и «зарубежной» аудиторий, делая ставку на глобальность теле- и радиовещания[7]. Эти новые реалии пытается учесть социология постмодерна.

Постмодернистская теория социальной сети М. Кастельса. Обретение социумом принципиально новых качеств, естественно, сказывается на характере утверждающегося постмодернистского социологического теоретизирования. Постмодернизм как теоретическое течение в современном социологическом знании способен произвести настоящий эпистемологический поворот, спровоцировать «проблематизацию онтологических оснований научного исследования»[8]. Мы рассматриваем постмодернизм как весьма важную теоретическую и методологическую основу новейшей социологии. К постмодернистам мы относим тех, кто сам себя к ним причисляет, а также тех, чьим предметом рассмотрения выступают нарождающиеся реалии постсовременности.

Известный английский социолог Э. Гидденс называет следующие черты постмодерна:

1) изменения бытия происходят в контексте разрывов в познании;

2) социальные трансформации обретают центробежный и беспорядочный характер;

3) личность индивида подвергается разрывам, расчлененности в результате того, что жизненный опыт носит фрагментарный характер;

4) истина обретает контекстуальный характер;

5) ощущается теоретическая беспомощность перед лицом глобализирующихся тенденций;

6) возникает «опустошение» повседневной жизни как результат вторжения в нее абстрактных систем;

7) координация политических усилий лишена благоприятных возможностей из-за возрастания роли локального фактора и дисперсии[9].

На эти и другие вызовы ускоряющихся и усложняющихся социальных изменений пытается дать ответы испанский социолог Мануэль Кастельс (1942), работающий в рамках постмодернистского теоретико-методологического инструментария. Его теории информационального сетевого общества была особо представлена на XVII Всемирном социологическом конгрессе

(Швеция, 2010 г.), где ученый выступил с докладом на тему «Сети в сетевом обществе». К Конгрессу было также приурочено второе издание его книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура», к которой было специально написано новое предисловие. Принципиальной новацией со времени выхода первого издания труда, по мнению Кастельса, стало утверждение «новых форм массовой самокоммуникации», которые, по существу, знаменуют собой утверждение «новой формы социетальной коммуникации»[10].

«Новые технологии, - пишет он далее, - также продвигают развитие социальных пространств виртуальной реальности, которые сочетают социабильность и экспериментирование с ролевыми играми»[11]. При этом ученый подчеркивает, что формы социетальной коммуникации существуют не сами по себе, а представляют собой информациональные сети. Последние радикально влияют на политику, бизнес, повседневную жизнь, вплоть до переструктурирования.

К такому пониманию сети ученый шел более 10 лет. В начале своей карьеры Кастельс занимался социологией урбанизации, создав концепцию информационального города. По его мнению, это мега-город, олицетворяющий собой процесс организации глобальной экономики с учетом трех основных факторов: утверждения сетевого общества, информационального капитализма и новой Интернет-культуры[12]. Данная проблематика нашла целую плеяду последователей. Среди них особо отметим С. Сассен. Она создала концепцию глобального современного мега-города, выполняющего принципиально новые функции по организации мировой интегральной экономики. Этот город также способствует, по мнению автора, формированию у жителей принципиально новых, постнациональных гражданских притязаний[13].

В первом издании книги «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» М. Кастельс показал, что сетевая форма социальной организации становится доминирующей, образуя новую общественную морфологию, постепенно подводя читателя к выводу, что «власть собственно сетевой структуры оказывается сильнее структуры власти»[14].

В новом издании труда идеи сети обретают инновационное развитие в контексте процессов, которые интерпретируются как «информационализм». Современная сеть – это динамическая система, смысл существования которой коммуникация. В ходе коммуникации по сети передается информация, которая становится самостоятельной реальностью, предшествующей смысловой нагрузке. Информация – это знание, лишенное смысла. Смысл относится к области декодирования и трансляции концептуальных матриц. Сеть и коммуникация живут динамикой передачи информации и ориентированы только на увеличение ее скорости и устранение помех. Ситуация, при которой сеть становится всеобщей и всеохватывающей, определяется Кастельсом как «информационализм».

Называя современную эпоху «информационализмом», ученый попытался уйти от таких его негативных определений, как «постиндустриализм», «постмодернизм», «постфордизм» и так далее. Различие между индустриализмом (его расцвет приходится на период после Второй мировой войны) и информационализмом состоит, прежде всего, в создании принципиально новых информационных технологий, которые стали использоваться для саморазвития и самоорганизации. Информация оказалась одновременно и инструментом, и производимым продуктом/услугой. Примером подобного замыкания информационных технологий Кастельс считает Интернет, ставший из чисто инструментального изобретения одновременно и средой производства, и результатом производства – совокупностью продуктов и сервисов.

Новейшие информационные технологии никогда не оказали бы такого значительного воздействия, если бы они не были встроены в гетерогенные процессы трансформации капитализма, рельефными зонами которых можно считать, к примеру: а) Силиконовую долину; б) восточно-азиатские торговые и промышленные сети; в) семейные и франчайзинговые сети северной Италии, и т.д.. Иными словами, сеть в сочетании с информационализмом обретает многогранный смысл - это и информационная сеть, и экономико-организационная сеть, и сеть новых работ, и сеть культуры виртуальной реальности.

Одна сеть поддерживает другую, и наоборот, при этом сети пересекаются друг с другом. Кастельс подчеркивает, что он именует социальную структуру информационного века сетевым обществом потому, что «оно включает в себя все ключевые аспекты социальной организации и социальной практики. Кроме того, в то время как сети – это старая форма организации человеческого опыта, цифровые сетевые технологии, характерные для информационного века, простимулированы социальными и организационными сетями таким образом, что позволило обеспечить их бесконечное расширение и изменение конфигурации, превосходя традиции сетевых форм организации для управления сложности за определенный размер сети»[15].

В результате этих метаизменений, по мнению ученого, возникает современное сетевое общество информационального типа. В нем логика структур заменяется логикой сетевой структуры информационных потоков, что, по существу, знаменует утверждение принципиально новой социальной структуры: происходит сдвиг от привычных масс-медиа к системе горизонтальных коммуникационных сетей, организованных посредством Интернета и беспроводной коммуникации. А так как эти сети не останавливает граница национального государства, сетевое общество конституировало

себя в качестве глобальной системы. Главная особенность глобальных сетей в том, что они «включают некоторые народы и территории и в тоже время исключают другие». При этом сетевое общество «характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла».

Соответственно, возникает принципиально новая экономика - информациональный капитализм и «капиталистическая перестройка»[16], итогом которой стала новая технико-экономическая основа жизнедеятельности людей. Ее суть - в реструктуризации капитализма, осуществлявшейся по следующим четырем главным направлениям:

— углублению капиталистической логики стремления к прибыли в отношениях между капиталом и трудом;
— повышению производительности труда и капитала;
— глобализации производства, распределения и рынков с овладением возможностями использования наиболее выгодных условий для получения прибыли повсюду;
— сосредоточению государственной поддержки на повышении конкурентоспособности национальных экономик, часто с ущербом для социальной защиты и общественных интересов. При этом технологическая инновация и организационные изменения, сосредоточенные на гибкости и приспособляемости, были решающими в обеспечении скорости и эффективности реконструкции в социальных сетях.

Далее возникает Интернет культура – принципиально новая культура, основными компонентами которой являются:

— техно-меритократическая культура ученых, убежденных в том, что человеческий прогресс ассоциируется с развитием науки;
— хакерская культура, представленная экспертами-программистами;
— виртуальная культура, которую образуют самые разные представители он-лайновой коммуникации;
— культура представителей бизнеса, рассматривающих Интернет как привлекательный инвестиционный сектор.

Кастельс особо отмечает, что одной из ключевых черт информационального сетевого общества является специфическая форма социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти. В этом обществе социальные и технологические формы данной социальной организации пронизывают все сферы деятельности, начиная от доминантных (в экономической системе) и кончая объектами и обычаями повседневной жизни. Разумеется, что утверждение информационального сетевого общества идет с временными разрывами. Ничто не говорит в пользу того, что мы живем в «победившем» сетевом обществе, и уж точно это не относится к жителям развивающихся стран.

Сеть влечет за собой новое понимание пространства, которое изменяет свои качественные параметры. Кастельс пишет об этом так: «… Новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его, - пространство потоков. Пространство потоков есть материальная организация социальных практик в распределенном времени, работающих через потоки. Под потоками я понимаю целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества»[17].

Как видим, пространство потоков отрывает от привычного пространства (географического и социального) тех, кто интегрируется в сеть. Сеть уничтожает привычное нам социальное пространство с конкретными границами, снимает его, переводит фиксированную позицию в эфемерный, быстро меняющийся пучок энергии. Это, прежде всего, сказывается на пространстве, в котором мы живем. Постепенно, по Кастельсу, привычный нам город, как социальная матрица, распложенная в физическом пространстве и структурированная в соответствии с социальной морфологией, превращается в «глобальный город». «Глобальный город - это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»[18].

Кастельс сформулировал целостную теорию цивилизационных изменений, которая позволяет оценить фундаментальные последствия воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир. Вместе с тем ему чужд примитивный технологический детерминизм. Так, он высказывает нетривиальное предположение, что революция в информационной технологии через материальную культуру латентно утверждает освободительный дух. Новые информационные технологии являются не просто инструментом для применения, но также процессами для развития человека, в силу чего в определенной мере исчезает различие между пользователями и создателями.

Ученый убедительно доказывает, что дерегуляция рынка и приватизация не являются развивающими механизмами ни человеческой личности, ни общества в целом, в связи с чем замечает: «Глобальная экономика представляет собой экономику, чьи основные составляющие

имеют институциональную, организационную и технологическую возможности работать в качестве единого элемента в реальном времени или в выбранном отрезке времени или даже в космическом масштабе»[19].

Кастельс убежден, что страны, которые полностью отдались на произвол рыночных механизмов, особенно остро реагируют на изменение финансовых потоков, они уязвимы и с точки зрения технологической зависимости. Вместе с тем, в информациональном сетевом обществе создаются условия для возникновения нового соотношения между социальными процессами создания и обработки символов (культура общества) и способностью производить и распределять товары и услуги (производительные силы). Впервые в истории человеческая мысль прямо является производительной силой, а не просто определенным элементом производственной системы.

Brun O. The Development of the Theory of the Social Network.

Summary: *The author considers what is a modern social network, the the actions of people in a social network. Moreover the author demonstrates which sociological methods were used and now are carried out to study the social networks. In the article the views of A.M. Emerson, J.S. Coleman and Manuel Castells are specifically considered.*

Ключевые слова

социальная сеть, постмодернизм, теория информационального сетевого общества, массовая самокоммуникация, социетальная коммуникация, информационализм, информациональный капитализм, информациональный город.

Keywords

social network, post-modernism, theory of the informational network society, mass self-communication, societal communication, formationalism, informational capitalism, informational city.

Примечания

1. См.: Emerson, R.M. Power-Dependence Relation. – American Sociological Review, 1962, № 27.
2. См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. — М., СПб.: Питер, 2002. — С. 343.
3. См.: Ритцер Дж. Современные социологические теории… — С. 344.
4. См.: Coleman, J.S. Foundations of Social Theory. – Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
5. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. — С. 59.
6. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 265.
7. См.: Кравченко С.А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 21, 23.
8. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии. - № 3, 1999. – С. 63.
9. См.: Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity Press, 1990. - P. 150.
10. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. XXVII.
11. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. XXIX.
12. См.: Castells, Manuel. The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development. - Oxford: Blackwell, 1989.
13. См.: Sassen, S. The Global City. – Princeton: Princeton University Press, 2001.
14. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell Publishing. 1996.
15. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010 p. xviii
16. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P.18
17. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. xxxii
18. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 409-410
19. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – P. 101-102

Концептуальные блоки и метафорические концепты как средство выражения категории количества в немецком и русском языках

А.С. Ноздрина

В статье рассматривается проблема оформления средствами языка категории количества в немецком и русском языках с позиции когнитивной лингвистики. Описание категории количества представляется через образы, которые носят метафорический характер и сформированы в характерные для немецкого и русского языков метафорические концепты, представленные в виде концептуальных блоков.

Каждая лингвокультура содержит в себе ряд опорных концептов и представлений об окружающей действительности, которые зафиксированы в языке и заложены в сознании носителей каждой лингвокультуры. Такую систему концептов принято называть концептуальной картиной мира, и их кодировку с помощью языка – языковой картиной мира. Концептуальная картина мира содержит в себе некоторое количество основополагающих представлений об окружающем мире, концептов, по которым можно сравнивать концептуальную картину мира различных лингвокультур. Такие представления, в свою очередь, могут быть сгруппированы в более крупные единицы, классификация и изучение которых является основой и центральной проблемой когнитивной лингвистики.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт является содержательной единицей памяти, ментального лексикона. То есть в данном случае опыт человека, процесс познания мира представлены в виде «квантов» знания. Концепты являются составными элементами концептуальной системы, которая помогает подвести накопленный субъективный опыт под определённые, выработанные обществом **категории**[1].

Следует, однако, отметить, что в когнитивной лингвистике понятие концепта не является единственно возможным для описания представлений различных этнокультур, в ней также важными являются понятия сценария, скрипта, фрейма, ментального пространства. Наряду с этими понятиями, на данном этапе развития лингвистических исследований разрабатываются понятия когнитивной метафоры или метафорического концепта, которые предоставляют исследователю возможность описать феномен человеческого мышления, которое, помимо процессов мышления, включает в себя представления и знания об окружающем мире, вопросы восприятия, опыт и сам язык[2].

Восприятие внешнего мира, упомянутое выше, разрабатывается в рамках когнитивной лингвистики уже долгий период времени. Одним из крупных и значимых результатов таких исследований является теория Дж. Лакоффа о когнитивных метафорах[3]. В основе подобной концептуальной метафорической структуры лежат чаще всего пространственные представления по типу «верх-низ», «впереди-позади», «центр-периферия», «часть-от-целого», «источник-путь-цель» и т.д.[4]. Абстрактное знание человека таким образом проецируется на

Ноздрина Анастасия Станиславовна – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: nozdrina@list.ru

конкретные концепты, именуемые в лингвистике базовыми. К таким метафорическим или образным схемам могут относиться:

— действия – такие как хватать, трогать, давать, принимать;
— движение – удаление, путешествие;
— процесс еды;
— восприятие, борьба, игра, владение чем-либо, заболевания, мир животных и растений, свет, погода, деньги, машины и т.д.;
— конкретные объекты окружающего мира: части тела человека, строения, деревья, геометрические формы, массы.

Конкретные базовые концепты были вычленены человеческим сознанием на довольно раннем этапе развития в результате контактов с внешним миром, а точнее с материальными объектами, и объединяют в себе основное знание. Разумеется, подобный список может быть расширен, дополнен и структурирован по различным принципам. В рамках нашего исследования нам видится возможным рассмотрение достаточно абстрактной для человеческого мышления категории количества при проекции ее на конкретные представления и полученные в результате этого метафорические концепты и концептуальные блоки.

Как уже говорилось выше, каждая лингвокультура обладает целым рядом основополагающих категорий, таких как время, пространство, качество и рассматриваемая в рамках данной работы категория количества. В ней рассматриваются в первую очередь способы выражения и описания образов неопредленно большого количества, а именно - какими средствами обладают немецкая и русская лингвокультура для ее описания. В рамках настоящей статьи мы попытаемся рассмотреть способы языкового оформления категории количества и концептуальные блоки, через которые описывается данная категория. Такой подход позволяет говорить о концептуализации категории количества в немецком и русском языках.

Мы можем предположить, что на определённом этапе развития этноса человеку для осознания такой абстрактной категории, как количество, было необходимо найти некоторые вполне конкретные и знакомые ему предметы материального мира, которые были бы знакомы ему и могли послужить «подручным инструментом» для категоризации абстрактных и жизненно важных явлений. Таких, как фиксация результатов счёта времени, определение пространственных величин и т.п. Немецкими исследователями был предложен следующий перечень «образных схем» , свойства которых задействованы при описании различных абстрактных категорий:

1. Части тела человека; здания; деревья (как явления из области каждодневного опыта);
2. Круги, формы, массы (как абстрактные концепты); области различного опыта;
3. Физические действия (держать, хватать, трогать, давать, принимать);
4. Движение от объекта, путешествие, еда, восприятие, борьба, игра;
5. Физическая близость объекта, психическая близость, обладание чем-либо, заболевание;
6. Мир животных и растений, свет, погода, формы;
7. Деньги и машины.[5]

Необходимо, отметить, что данный список может быть несколько модифицирован и структурирован иначе. В частности, таким образом, чтобы явления, упомянутые в нем, были сгруппированы по одному принципу и, возможно, выстроены иерархически. В то же время вышеприведенный перечень может быть как расширен, так и сужен. В рамках нашего исследования для описания именно абстрактной категории количества необходимо составить иной перечень объектов или явлений, характерный для немецкой и русской лингвокультуры, и таким образом выяснить, какие явления и объекты материального мира являются необходимыми для описания категории количества в немецком и русском языках. Это позволит выявить, какие концепты лежат в основе концептуальной картины мира или же, точнее, количественной картины мира как её сегмента.

Необходимо заметить, что при описании той или иной категории будут задействованы только некоторые из перечисленных объектов списка, то есть в основе той или иной абстрактной категории лежат различные образы. Мы предлагаем исследовать выражение в языке образа неопределенно большого количества через перечисленные схемы и нам видится рациональным ввести понятие «образ количества» и подразделить его на образ большого количества и образ малого количества. В основе образа количества лежит схема концептуального характера, которую мы предложим ниже. В основе схемы лежат взаимосвязанные концептуальные блоки. Как отмечает Е.Г. Беляевская, в основе любого образа лежат структуры наподобие концептуальной схемы. В свою очередь, концептуальные схемы – это «иерархически организованные системы концептов, формирующие единое когнитивное представление»[6]. Они являются основанием образа или же, как предложено этим автором, концептуального блока (некой крупной концептуальной единицы, состоящей из более мелких концептуальных составляющих). Это понятие мы и выберем в качестве базового для описания образа количества. При выборе наименования блоков сохранена классическая формула x=y, принятая в когнитивном подходе.

Концептуальные блоки

1. Количество - это субстанция.

Примеры в языке, иллюстрирующие данный образный переход:

Эх, вот бывает же счастье: однажды перед школой, как раз когда все высыпали во двор на перемену, опрокинулась двуколка, а вместе с ней и бочка патоки.[7]

И тогда в восточном направлении потекли потоком миллиардные суммы, которые успешно разворовывались с обеих сторон (Запад и Восток) как по отдельности, так и совместными усилиями.[8]

Er einigte sich mit dem Senat, daß die Studentenflut durch eine ebenso einfache wie kühne Regelung aufgefangen würde, die den Vorteil hatte, wenig zu kosten.[9]

Die Bücher lagen seit Monaten im ganzen Zimmer verstreut.[10]

Необходимо обратить внимание на тот факт, что средства выражения анализируемой категории часто подчинены кластерному принципу. Иными словами, небольшой контекст может содержать в себе сразу несколько примеров выражения данной категории, и можно сказать, что одна единица языка часто подкреплена несколькими другими, упомянутыми в том же контексте, что способствует созданию некоего целостного образа, в нашем случае образа большого количества. На наш взгляд, подобная тенденция является более характерной для конструкций немецкого языка. И в данном случае можно говорить о такого рода закономерности: появление одного из метафорических средств выражения категории количества обусловливает появление 2 -3 единиц языка в ближайшем окружении с тем же значением, но, возможно, иного образного типа. В таком случае в представленных примерах штрих-пунктиром подчеркнуты второстепенные образы, возникающие в контексте в дополнение к цитируемому и описываемому образу.

Концептуальный блок «субстанция» является наиболее обширным по количеству репрезентантов в языке, содержит в себе множество оттенков значения и представлен большим количеством примеров. Примеры, отсылающие реципиента к образу воды, превалируют во всей схеме концепта «субстанция» в обоих языках. Он является одним из наиболее обширных по количеству конституентов. Непосредственно в русском языке образы сыпучих или плотных субстанций (как гуща, гущина, усеивать, сгребать, завал, валить, заваливать) представлены обширным пластом лексического материала, в отличие от немецкого языка, где большое количество представлено через образы льющейся субстанции, воды.

2. Количество - это растение / количество - это животное.

Нам удалось найти следующие примеры отражения данного метафорического образа в языке:

Еще при жизни личность балерины (Анны Павловой) была окружена роем преданий, слухов и недомолвок…[11]

Aus diesen Feuerwehrsitzungen waren schnell informelle Routineberatungen geworden, bei denen man künftige Konfliktherde, die zu Flächenbränden werden konnten, schon bei der Entstehung bekampfte…[12]

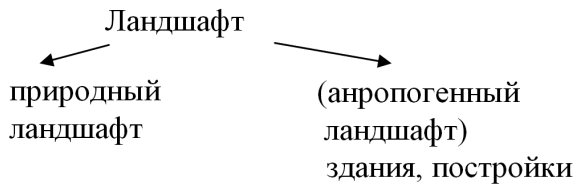
In der Ausdünstung von Ölböden, von ein paar Hundert Kinderleben, Zwergenmänteln, verbrannten Radiergummi, zwischen Tränen und Tadel, Eckenstehen, Knien und unstillbarem Schwätzen sind zu leisten …[13]

…Steinwald aus Türmen, Laternen und sechsstöckigen Häusern; Steinwald, dessen Pflastersteine einen Waldboden mit singendem Rhuthmus hinzaubern… “[14]

Семантика самой лексической единицы *der Wald* - лес предполагает наличие территории с большим количеством деревьев. В данном случае – в переносном значении – *каменный лес*, – может быть прочитано как большое количество каменных построек.

И в русском, и в немецком языках образные выражения количества через представления растений показывают себя как менее экспрессивные, чем выражения через представления животных. Следовательно, первые в меньшей степени выражают оценку, а выражения, содержащие образы животных – в подавляющем большинстве случаев характеризуются неупорядоченностью, отсутствием внутренней организации, представляя по своему характеру неупорядоченное множество. При переносе на описания людей такая черта усиливается, и описание приобретает пренебрежительный оттенок.

3. Количество - это ландшафт.

Проанализируем вербальные репрезентанты концептуального блока «ландшафт»:

Martin stellte seine Tasche neben den Stuhl,setzte sich und packte den großen Berg Papierbögen mit dem fertigen Deckblatt vor sich auf den Tisch. “Donnerwetter, das ist ein Magnum Opus!“ entfuhr es Lonitz, als er die ziegelsteindicke Masse Papier bemerkte.[15]

Auf den Obstständen türmen sich rote, gelbe, grune Pyramiden aus Früchten.[16]

«… Да, Шейхантаур…это был город в городе, знаете…Такой Багдад: путаный бесконечный лабиринт переулков, тупиков, бесчисленного множества узбекских дворов…А что такое узбекский двор? Это комплекс полного жизнеобеспечения…»[17]

Существительные «лабиринт» и «комплекс» представляются как объекты, занимающие большую площадь. Подобные существительные приобретают функцию описания больших пространств, что обусловлено исключительно контекстом. Такие идиоматические выражения, как mit etw. die Strasse pflastern können часто обладают двойственной сущностью. А именно: с одной стороны, определённой образностью обладает само выражение в целом, с другой – образ, через

который описывается количество. Ввиду этого возникает определённая сложность в отнесении выражения к определённой группе – либо к неупорядоченному множеству (образность самого выражения в целом), либо к субстанциям, а именно к их частному случаю – сыпучая субстанция (по элементу Sand). Подобные «двойственные» примеры до настоящего момента нам не встречались в описываемых концептуальных блоках, но в то же время они не являются единичным случаем и будут описаны ниже.

4. Количество – это война / военное подразделение.

Концептуальное основание «военное подразделение» представлено в языке следующим образом:

…Красовская детально знала все уникальные романтические позы Спесивцевой, вовсе забытые ныне всей армией теперешних жизелей…[18].

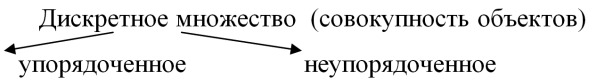
Sie müßte dann einen neuen beantragen – das war mit aufwendigen Verlustanzeigen, Ausfüllen von Formblättern und einem Riesenpapierkrieg verbunden – ,und mit all diesen Tätigkeiten würde signalisiert: Der Typ, den die Bauarbeiter in seinem Büro gesehen hatten, das konnte, nein, das mußte jemand anders gewesen sein.[19]

Необходимо отметить, что приведённые лексические единицы могут выполнять две функции. С одной стороны, они, с точки зрения семантики, сами по себе могут обозначать понятия, подразумевающие под собой большое количество чего-либо (в данном случае большое количество людей), такие как *рота, батальон, флотилия и т.д.* С другой стороны, они сами могут выступать в качестве образа, через который может описываться неопределённо большое или неопределённо малое количество, т.е. могут лечь в основу какого-либо концептуального блока. Такая двойственная природа приводимых в данном разделе главы лексических единиц свойственна далеко не всем концептуальным блокам или образам, используемым для описания категории количества, однако такие случаи, в тоже время, не являются большой редкостью и будут отмечены в каждом случае отдельно.

Для немецкого языка в данном образном поле характерно образование наречий, производных от существительных, что нехарактерно для русского языка - *legionweise, hordenweise*, что, однако, показывает очевидные различия в строе языка, а не наличии принципиально новых концептуальных блоков в одном языке и отсутствие их в другом. Представляется целесообразным также особо отметить лексическую единицу *Papierkrieg*, дословно – *бумажная война*, существующую только в немецком языке и обозначающую большое количество бумаг (на столе), разбросанных в хаотичном порядке . Такой образ характерен только для немецкого языка и в русском языке эквивалента ему нами не найдено.

В рассматриваемом семантическом поле единицы, обозначающие скопления людей привносят дополнительное значение чёткой внутренней упорядоченности данной группы (для обоих языков) с наличием внутреннего порядка и чёткой структуры.

5. Количество - это дискретное множество.

В рамках данного концептуального блока может быть представлена и переходная группа из концептуального основания «сыпучая субстанция». Реализация этих явлений в языке происходит следующим образом:

… В моей коллекции есть такие русские головные уборы XVIII века, в которых встречаются вкрапления бисерной работы [20].

Это был настоящий триумф, которым началась целая вереница ее блестящих выступлений пред английской публикой. [21]

Die Parlamentarier müssen ja stapelweise Akten, Anträge und Gesetzesvorlagen durchlesen, aus denen der Nominalstil ebenso wenig wegzudenken ist wie der Stau von deutschen Autobahnen.[22]

In die Schaufenster traten Schatten und verbargen die Dinge, die darin gehäuft lagen, aber ab und zu flammten schon Neonlichter auf und drängten das einbrechende Dunkel gegen die Fassaden. [23]

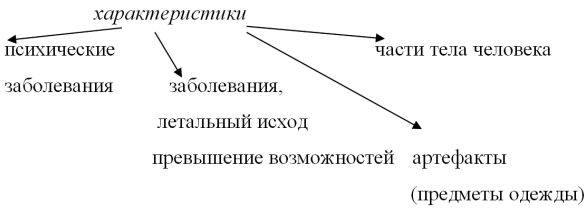
Это один из самых сложных для описания концептуальных блоков, анализ которого вызывает сложности ввиду некоторой семантической схожести составляющих элементов с другими концептуальными блоками и, как следствие, возникновения большого количества переходных групп. Данный концептуальный блок связан с блоками «субстанция» (а именно ее движение), «характеристики человека – артефакты», «военное подразделение», «ландшафт», но лишь в некоторых сегментах, что не позволяет нам говорить о тесной связи этих концептуальных блоков. Также рассматриваемая группа обладает определенной степенью абстракции, то есть концептуальные единицы блока обладают возможностью свободной сочетаемости со счисляемыми объектами, иными словами, вышеописанные слова-квантификаторы носят довольно универсальный характер и могут сочетаться с весьма разнообразной группой слов. Часто такие примеры можно отнести к авторским приемам.

Большинство представленных в данном разделе лексических единиц, как правило, представляют собой существительные, обозначающие некоторое количество людей или объектов (*группа, семья, партия, коллекция, список, Aufeinanderfolge, in Zug, Karawane, Irrgarten, Labyrinth, Sippe,*). Количество в данном случае выражено имплицитно и дает скорее классифицирующее значение, а не квантитативное. Однако мы склонны полагать, что подобные существительные все же обладают некоторым количественным потенциалом и по своей семантике являются репрезентантами большого или малого количества. Так, к примеру, существительное *коллекция* описывает некоторое количество объектов, более одного, так как кол-

лекция не может состоять из одного предмета.

Приведенные примеры вербальных репрезентантов могут быть поделены на более мелкие группы и рассмотрены как частные случаи дискретного упорядоченного и дискретного неупорядоченного множества. Данные вербальные репрезентанты обладают определенной двойственностью, как и единицы языка, сгруппированные в концептуальном основании «военное подразделение». С одной строны, многие из них дают некоторый образ, через который может быть описано неопределённо малое или неопределенно большое количество, с другой – они сами в прямом своем значении являются словами, содержащими в себе количественный потенциал т.е. описывают понятия, сами по себе обозначающие группу объектов.

6. Количество - это характеристики человека.

Рассматриваемый концептуальный блок является источником наиболее ярких образов для описания образа количества. Расмотрим некоторые примеры реализации этих образов в языке:

Число кошельков, бумажников, портмоне, очечников, украшенных бисером и сделанных в ту пору, вовсе не счесть.[24]

Атомные лодки, атомные станции, атомные ледоколы. Сумасшедшие скорости.[25]

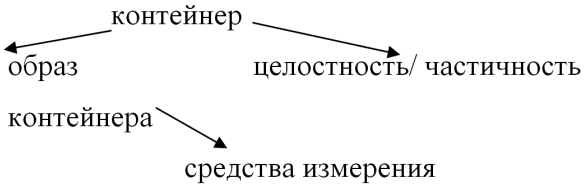
Die Luft stand gesättigt von Staub und Stille, nur eine dicke Fliege, die sich von der Straße hineinverirrt haben mußte, kreiste summend um die Lmpe, die nackt und ängstlich von der Decke baumelte.[26]

Nie hat er einen Augenblick befürchtet, daß der Vorhang, wie jetzt, aufgehen könne vor seinem dreißigsten Jahr, daß das Stichwort fallen känne für ihn, und er zeigen müsse eines Tages, was er wirklich zu denken und zu tun vermochte, und daß er eingestehen müsse, worauf es ihm wirklich ankomme.[27]

Для описания категории количества характерен антропоцентризм, под которым понимаются следующие составние элементы – артефакты, части тела человека, физические и психические состояния. Основной отличительной чертой концептуального блока «характеристики человека» является то, что в русском и немецком языке он выражается через различные лексические единицы. Общим для обоих языков характерно употребление названий частей тела, таких как руки, ноги, голова, рост человека. Для немецкого языка характерны образы головы или живота для описания большого количества – явления, которому мы затрудняемся подобрать соответствие в русском языке. Характерное для немецкого языка выражение "Augenblick" – «минуточку!» также антропоцентрично (дословно – взгляд) и не имеет аналога в русском языке. В немецком языке репрезентаны тесно связаны и во многом пересекаются с концептуальным основанием контейнер - части тела человека в образных выражениях представляют собой довольно часто некую емкость (живот, сердце, голова, уши, пригоршня).

Проанализировав сегмент блока «психические отклонения», мы не обнаружили достаточное количество репрезентантов с данной семантикой для выражения большого количества в немецком языке. Довольно употребительным, однако, нам представляется наречие "wahn-sinnig" являетстя универсальным и имеет довольно широкую область употребления, включая обозначение большого или малого количества.

7. Количество - это контейнер.

Довольно часто можно встретить в языке описания различных явлений через образы емкостей или частей некоего целого образа или объекта. Подобные образы в последнее время стало принято обозначать через образ «контейнер». Однако в преломлении рассматриваемой категории через данный образ мы можем увидеть некоторую модификацию образа контейнера, то есть его подвиды, что и изображено на схеме.

Реализация репрезентантов в контексте может быть самой разнообразной. Довольно часто можно встретить употребление перечисленных единиц в прямом значении.

Wahnsinn ist über die Menschen gekommen und hat sie innen zerstückt.[28]

Bernie betrat sein Büro und ließ sich auf den Stuhl hinter dem überfüllten Schreibtisch fallen.[29]

Он (эскапизм) выражался в большом интересе к тропической моде с упором на карибско-латиноамериканские мотивы и с заметной дозой испанского колониального влияния.[30]

Я жил в те дни во Флоренции и прекрасно помню, что, когда улетал в Лондон, нас в целом самолёте бывало, скажем, трое.[31]

Довольно распространен пример употребления репрезентантов в своем прямом значении и в сочетании с прилагательным *целый* . Образ целостности мы также причисляем к образу «контейнер» , вернее как одну из его концептуальных составляющих.

В комнату набивался народ со двора, приносились стулья, табуреты, садились друг к другу на колени, полулежали на полу.[32]

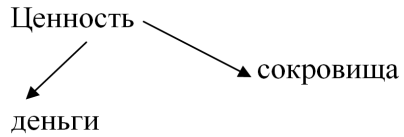
Очевидно, что между концептуальными основаниями существует определенная взаимосвязь, неоднократно нами упоминаемая. Часто одно концептуальное основание может взаимодействовать с одним-двумя другими. Так, наиболее четкая связь прослеживается с концептуальным блоком «сила/напор/взрыв».

Один из сегментов концептуального блока «контейнер» различается по своим репрезентантам в немецком и русском языках. Контейнер в немецком языке получает совершенно иные характеристики, чем в русском языке, благодаря характеру репрезентантов, составляющих данный концептуальный блок. А именно: для немецкого языка основной чертой является заполненность контейнера, выражающаяся через лексическую единицу voll, и характеристику, до какой степени он полон - *gedrängt, gepfercht, gepropft, gepresst, gesteckt, gerammelt, bis zum Rand voll,bis oben hin voll, zum Platzen voll, erstickend*, что позволяет говорить о некой стандартной структуре, характерной для описания контейнера.

Следующий сегмент концептуального блока – целостность / частичность – не обнаруживает больших различий между немецким и русским языком. В данном сегменте представлены как целые объекты, так и наименования частей, которые также могут служить словами-квантификаторами. *Anteil, Dosis, Betrag, Portion, долька, зубчик;*

Лексическое выражение сегмента «образ контейнера» предполагает подвариант – «средства измерения», которые иногда могут заменять друг друга: *вагон,кубышка, чемодан, Sack, Scheffel*. То есть употребляться в своем прямом значении, или же выступать в качестве слова-квантификатора и сочетаться с различными счисляемыми объектами.

8. Количество - это ценность.

Перечисленные лексические единицы находят следующее применение в языке:

"Will der große Häuptling dem Brockhaus dann medienwirksam den Doktorhut vom Kopf schlagen, den Talar zerfetzen und die Promotionsurkunde zerreißen, um zu beweisen, daß wir genauso hohe Standards für die Promotion haben wie die in Kiel?" [33]

Так, значит, этот парень фотографирует за сущие копейки и присылает – все-таки память…[34]

Говоря о всем концептуальном блоке в целом, можно отметить, что количество вербальных репрезентантов рассматриваемого блока немногочисленно, но сам концептуальный блок часто встречается в речи для образного описания количества. Основным различием в реализации концептуального блока в немецком и русском языке являются различия в самих лексических единицах, а именно в сегменте «деньги» (используются наименования различных денежных единиц).

9. Количество - это сила /взрыв/напор.

Еще один концептуальный блок, немногочисленный по количеству репрезентантов, но достаточно употребительный в обоих языках. Образ силы, напора или взрыва, описывающий большое количество, представлен следующими лексическими единицами:

Время больших перемещений. Массы двинули за город. В музеях демографический взрыв.[35]

Далее нам хотелось бы представить в краткой форме несколько концептуальных блоков, которые уступают вышеперечисленным блокам по количеству вербальных репрезентантов, однако не являются менее актуальными и довольно ярко представляют образы количества.

10. Количество - это явления природы.

Этот концептуальный блок может быть представлен всеми предыдущими концептуальными блоками или же как собирательный образ для всех частных случаев вышеперечисленых концептуальных блоков. Количество часто описывается через образы объектов на небе. Мы можем рассматривать такое описание как частный случай блока «явления природы»:

Облако, туча, созвездие, как звезд на небе,звездопад,

der Himmel hängt ihr voller Geigen, Himmel und Menschen, wie die Sterne am Himmel, besternen- ≥(дискретное множество), Gewölk, Wolke;

Можно также высказать предположение, что образ неба в немецком языке представляется как контейнер, то есть вмещает в себя объекты (например, *Himmel hängt ihr voller Geigen*) в противоположность русскому языку, где небо может быть представленно плоскостью: на краю неба, краешек неба. Данное наблюдение остается лишь предположением и, безусловно, требует дальнейшего исследования для полного подтверждения.

Также блок «явления природы» представляют такие лексические единицы как: *Regen, regnen, beregnen, niederregnen, Platzregen, Spruhregen, Hagel, hageldicht, hageln, dicht wie Hagel; Gewitter, Orkan, Sturm, Wind, Wirbel;*

11. Количество - это шкалы измерения профессиональных сфер (шкалы естественных наук и искусства): *гамма, диапазон, палитра, регистр, симфония, спектр, шкала, комплекс, система; Spektrum, Palette, Skala;*

12. Количество - это цвет.

Образ большого количества может быть предан и через описание цвета. Можно сказать, что «цветовая палитра» довольно ограниченна: *белый, черный, пестрый, тьма, черным черно, мгла; schwarz, weiß,schwarz-weiß, schwarz von Menschen*

Так, выражения наподобие черно-белая жизнь означают однообразие, небольшое количество событий в жизни, а прилагательное *пестрый* наоборот, свидетельствует о большом наборе разнообразных событий или фактов. Прилагательное *белый* часто является синонимом слова *пустой* и является символом малого количества или отсутствием чего-либо.

13. Количество - это свет /огонь / высокая температура: *пламя, пожар, искрится, пылать, бурлить, кипеть; Brennen, Feuer, Flammen, funkeln, Glut, glühen, lodern;*

Этот небольшой по количеству репрезен-

тантов концептуальный блок, однако, может быть рассмотрен как один из вариантов описания образа большого количества или интенсивности.

Таким образом, мы можем предположить, что языковое оформление средств обозначения неопределённо большого количества, исследуемое в нашей работе, связано с внеязыковой действительностью. Категория количества может быть подчинена процессу метафоризации, то есть объяснению абстрактных понятий типа много/мало через конкретные объекты, понятные человеку. Набор таких конкретных объектов окружающего мира характерен для определённой лингвокультуры и определённой эпохи, в которую они развиваются.

Nozdrina A.S. Conceptual blocks and metaphorical concepts as means of verbalization of category of quantity.

Summary: *The article is devoted to linguistic means of verbalization of the category of quantity in German and English and dwells on the problem from the cognitive point of view. The category of quantity is described by metaphorical images that are presented in form of metaphorical concepts which are grouped into conceptual blocks.*

Ключевые слова

концепт, картина мира, множество, количество, метафорический образ, метафорический концепт, концептуальные блоки.

Keywords

concept, world view, multitude, quantity, metaphorical image, metaphorical concepts, conceptual blocks.

Примечания

1. Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина // Под общей редакцией Е.С. Кубряковой.- М.: Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 1997. С. 90.
2. Radden G. Das mentale Lexikon // Wolfgang Börner / Klaus Vogel (Hrsg.) Kognitive Linguistik und Fremdsprachenerwerb. 2. Auflage Gunter Narr Verlag Tübingen 1997. S 69.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. /Под ред. И с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. С . 11.
4. Там же. С. 46.
5. Radden G. – a.a.O. S.72.
6. Беляевская Е.Г. Образ России как концептуальная структура // Русское слово в русском мире – 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности : Сборник научных статей / Под. ред. И. В. Ружицкого, Ю.Н. Караулова, О. В. Евтушенко. – М., Ц П «Васиздаст», 2008. С. 70 -72.
7. Рубина Д. На солнечной стороне улицы: Роман / Дина Рубина – М.: Эксмо, 2008. С.253.
8. Васильев А.А. Этюды о моде и стиле / Александр Васильев. – М.: Фэшн Букс; Глагол, 2007. С. 418.
9. Schwanitz D. Der Campus / D. Schwanitz- Der Wilhelm Goldman Verlag, München, 2005. S. 50.
10. Там же.С. 126.
11. Васильев А.А. – Указ. соч. С. 143.
12. Schwanitz D. a.a.O. S. 86.
13. I. Bachmann, sämtliche Erzählungen; Piper Verlag, München, 2005. S. 86.
14. Borchert W. Hamburg // Wolfgang Borcherts Werke. – M.: Progress,1970. S. 114.I. Bachmann, sämtliche Erzählungen; Piper Verlag, München, 2005. S. 86.
15. Schwanitz D. a.a.O. S. 128.
16. Helga M. Novak. Das Gepäck // Гаврилова В.В. Семестр с книгой. Избранные художественные тексты для углубленного изучения немецкого языка – М. : КНОРУС, 2007. С. 80.
17. Рубина Д. – Указ. соч. С. 241.
18. Васильев А.А. – Указ. соч. С. 216.
19. Schwanitz D. a.a.O. S. 101.
20. Васильев А.А. – Указ. соч. С.345.
21. Там же. С. 149.
22. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen 1. Sprache Folge. Kiepenheuer &Witsch, Köln und Spiegel online GmbH Hamburg, 2007. S. 89.
23. Bachmann I. a.a.O. S.86.
24. Васильев А.А. – Указ. соч. С.346.
25. Жванецкий М. Собрание произведений в четырех томах .Т. I Шестидесятые. – М.: 2002. С. 176.
26. Bachmann I. a.a.O. S.96.
27. Ebd. S. 96.
28. Ebd. S.103.
29. Schwanitz D. a.a.O. S. 135.
30. Васильев А.А. – Указ. соч. С. 121.
31. Там же. С. 418.
32. Рубина Д. – Указ. соч. С. 253.
33. Schwanitz D. a.a.O. S. 87.
34. Рубина Д. – Указ. соч. С.32.
35. Жванецкий М. – Указ. соч. С. 177.

Функции парцеллированных конструкций в немецких художественных текстах

Л.В. Фадеева

В статье рассматриваются функции парцеллированных конструкций в современных немецких художественных текстах. Основными функциями являются коммуникативно-прагматические, концептуализирующая, актуализирующая, когерентности и делимитативности. Парцеллированные конструкции относятся к области экспрессивного синтаксиса, детализируют сообщение, придают ему особый вес, повышенную эмоциональность. В заключение рассматривается их способность вступать в конвергенцию с другими стилистическими приёмами.

Парцелляция является одним из интереснейших, но, к сожалению, ещё мало изученных явлений современного синтаксиса. Актуальность изучения парцеллированных конструкций обусловлена, в первую очередь, их отнесённостью к грамматике речи, которая в настоящее время находится в центре внимание учёных в связи с решением широкого круга лингвистических задач. Принцип антропоцентризма, интерес к субъекту коммуникации выдвинули на передний план единицы, отражающие человеческий фактор в языке. Многие лингвисты отмечают, что парцелляция - явление живое, активное, преуспевающее, особенно в художественной литературе и публицистике.

Факт широкой употребительности парцелляции практически во всех языках даёт достаточные основания считать парцелляцию явлением интерлингвистическим, позволяет говорить не только об универсальности парцелляции, но и о парцелляции как универсалии речи. Являясь особой формой представления предложения в тексте, парцелляция потенциально возможна, а в некоторых случаях и необходима в качестве важного элемента человеческой речи. Ибо она способна увеличивать экспрессивную и информативную насыщенность высказываний как в устной, так и в письменной формах речи.

Приоритет изучения парцелляции принадлежит российским исследователям, которые первыми отметили особый характер парцеллированных конструкций. Понимание синтаксической сущности парцелляции основывается на разграничении явлений языка и речи, и соответственно, языковых и речевых единиц. В русском языкознании таковое связано с синтаксическими учениями А.М. Пешковского о разграничении фразы и предложения[1], и Л.В. Щербы - о трояком аспекте языковых явлений[2].

С.И. Бернштейн синтезировал эти два учения, разграничив предложение как единицу языковой системы, предназначенную для выражения суждения и его аналогов, и фразу как коммуникативную единицу речи, которая представляет собой не только интонационное, но и смысловое единство[3]. Синтаксическая концепция С.И. Бернштейна послужила фундаментом теории парцелляции. Она была принята, уточнена и развита Ю.В. Ванниковым, который одним из первых дал общий теоретический анализ явления парцелляции[4].

В российской германистике проблема парцелляции впервые получила терминологическую характеристику и описание в трудах О.И. Москальской[5], Е.В. Гулыги[6] – на материале сложноподчинённого предложения и Э.Г. Ризель[7] – в стилистическом аспекте. Необходимо отметить, что явление парцелляции (Isolierung, Parzellierung, absolute Absonderung, additiver Anschluß, Ergänzungsanschluß) до сих пор не нашло достаточно широкого освещения в трудах зарубежных лингвистов, хотя оно весьма широко распространено в современной немецкой художественной литературе и представляет собой одну из тенденций развития синтаксиса немецкого языка. Но даже в тех немногих работах, вышедших за

Фадеева Людмила Владимировна – к.филол.н., доцент кафедры немецкого языка МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

рубежом, где исследуется парцелляция, она расценивается как негативное явление современного синтаксиса, проявление ущербного «языка астматиков» (Asthmadeutsch). Авторы опасаются, что парцелляция может стать «сумасбродным модным увлечением» (Modetorheit) и усматривают в ней «угрозу немецкому предложению»[8].

Парцелляция как явление, связанное с изменением нормативной структуры предложения, отражает основную тенденцию развития синтаксиса современного немецкого языка – тенденцию к разрыхлению синтаксической конструкции (syntaktische Auflockerung). Синтаксическое разрыхление – это изменение структуры предложения, в результате которого отдельные члены предложения менее прочно связываются друг с другом. Такое упрощение структуры предложения сближает литературный язык с разговорным, делая его эмоциональнее, проще, понятнее для широких слоев населения[9]. Активизации этого процесса, начавшегося ещё во второй половине XIX века, способствовало развитие радио, кино и телевидения.

К приёмам синтаксического разрыхления относится не только парцелляция, но и:

1) отказ от сложного подчинения, обращение к простому гипотаксису (подчинению первой и второй степени) и особенно к модели простого предложения (Einfachsatz);

2) отказ от полной рамочной конструкции, то есть вынесение части предложения за пределы рамки;

3) отказ от согласования некоторых членов предложения и т.п.

В этой связи представляется необходимым остановиться несколько подробнее на определении и функциях парцелляции. Это явление - приём экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в намеренном расчленении единой синтаксической структуры предложения на две и более интонационно-смысловые единицы, или фразы, придание им статуса самостоятельного высказывания, отделённого знаком точка. Изолированные таким образом от общего высказывания и пунктуационно оформленные части предложения приобретают особую весомость и привлекают к себе внимание. В этом проявляется актуализирующая функция парцелляции.

Парцеллированная конструкция возникает в сознании говорящего в процессе высказывания, являясь как бы добавочным, иногда очень важным, элементом к основному высказыванию. Реализацию данной функции можно достаточно чётко проследить в следующем примере, где главная героиня размышляет о «классовых различиях» очевидных уже в младенчестве по тем игрушкам, которые ребёнку дарят его родные, хотя на первый взгляд все дети похожи друг на друга:

Wenn sie schlafen, sind sie wirklich herzergreifend. So zart und klein. Und so unbeschreiblich ruhig. In fast jedem Bettchen liegt ein Kuscheltier. Von den stolzen Vätern oder den verklärten Paten. Schon hier die ersten Klassenunterschiede. Kindern aus feineren Familien leistet zumindest ein Sigikid oder sogar ein Steifftier Gesellschaft. Die anderen haben No-Name-Viecher. Ich sag's immer die Welt ist halt nicht gerecht. Obwohl's den Babys wahrscheinlich schnuppe ist. Jedenfalls jetzt noch[10]. Актуализация наиболее важного в этом фрагменте сочетается с реализацией функции ретардации, которая играет важную роль в звене «автор-читатель», способствуя повышению степени вовлечения читателя в художественное действие.

Парцелляция, наряду с порядком слов, интонацией участвует в актуализации, выделении значимых с точки зрения говорящего элементов высказывания, что является весьма существенным как для устного, так и для письменного дискурса. Причём, как показал анализ, на выполнение данной функции в большей степени влияет структура парцеллированных конструкций, чем их семантика, а именно, постпозиция парцеллята относительно базового предложения. Так, в приведённом выше примере парцелляты занимают позицию абсолютного конца, то есть постпозицию ко всему базовому предложению. Однако возможны случаи препозиции парцеллята к базовому предложению, что стилистически вполне оправдано, так как позволяет автору расставить акценты в соответствии с замыслом, выдвинув на первый план наиболее значимое.

В следующем примере главный герой спустя многие годы сожалеет о своей поспешности и пытается найти ей объяснение: Bis heute. Der hastige Aufbruch hängt mir nach. Warum diese Eile?[11] Актуализируемый компонент bis heute вынесен автором в начало парцеллированной конструкции с целью подчеркнуть, что эти воспоминания и связанные с ними раздумья не покидают главного героя до сих пор, хотя прошло уже много лет. Однако стоит заметить, что препозиция парцеллята относительно базового предложения не является типичной для немецкого синтаксиса и встречается довольно редко. В приведённом примере препозиция оправдывает себя как средство создания определённого темпоритмического рисунка повествования, ретроспекции, создания временной рамки с целью актуализации значимого содержания.

Парцелляции могут подвергаться любые члены предложения, в том числе и главные, при наличии однородных подлежащих и сказуемых. Она может осуществляться не только в простых, но и сложных предложениях разных структурно-семантических типов (бессоюзных, сложносочинённых, сложноподчинённых). Структурные особенности парцеллятов создают эффект дополнительной выразительности данных компонентов текста, повышают степень информационного и экспрессивного воздействия на реципиента. In Unterhosen hatte er vor dem Spiegel gesessen, mit naßgeschwitzter Hemdbrust. Den Frack über den Sessel geworfen, seidenglänzend vor Schäbigkeit. Die Hände zittrig, der Bart lang, weiß, zerzaust. Halb

Clown, halb Tolstoj.[12] В данном фрагменте парцелляты являются составной частью сложного предложения с бессоюзной связью, которая в сочетании с явлением парцелляции выступает средством создания особой тональности, эффекта «сопричастности», «соучастия» читателя в описываемых событиях[13].

В произведениях художественной литературы реализуется концептуализирующая функция парцеллированных конструкций – выделение ключевого слова художественного произведения, формирующего подтекстовые смыслы, входящие в поле авторского концепта.

Als wäre mein Geburtstag so schrecklich wichtig!

Nicht der Geburtstag, versetzte Percy, das Rosenbouquet!

Ah ja, wirklich?

Vierzig Stück, heißt es.[14].

Vierzig Stück входит в поле концепта время, т.к. в подтексте содержит прямое указание на возраст главной героини, в котором её всегда желает видеть муж. Концептуальность понятия время для данного произведения подтверждается заглавием романа «Vierzig Rosen».

Делимитативная функция парцелляции направлена на решение различных коммуникативно-прагматических задач. Стремление говорящего сделать своё сообщение более обозримым и действенным, усилить наиболее важные его моменты, обратить на них особое внимание слушающего приводит к выделению этих элементов высказывания в самостоятельные интонационно-смысловые речевые единицы или парцелляты. Благодаря им происходит информативная разгрузка высказывания, его разделение на два плана. Такое разделение может быть связано с конкретными условиями коммуникации и обусловлено прагматической интенцией субъекта речи.

Выделение одних элементов высказывания как основных (базовая часть), а других – как дополнительных (парцеллят) помогает говорящему расставить акценты в своём высказывании, разграничить его основное пропозициональное содержание от нового (дополнительного) рематического центра. В этом и находит своё отражение делимитативная функция парцелляции, например: Und dann war plötzlich Maria da. Cousine zweiten Grades, mit drei berstenden Koffern importiert aus Nowosibirsk. Eine Chance für die *traumatisierten Kinder, wieder eine Familie zu werden*.

Vadims Cousine übrigens[15].

В приведённом примере делимитативная (разграничительная) функция парцелляции проявляется уже в том, что парцеллят и базовая часть парцеллированной конструкции размещены в разных абзацах. Они связаны между собой по смыслу в отдельное целое, но разграничены парцелляцией на исходный пункт сообщения тему (данное) и на то, что о ней утверждается – рему (новое). Облегчая восприятие распространённых и переусложнённых синтаксических структур, парцелляция выступает как особый приём текстообразования, помогая воспринимающему текст или речь одновременно разграничить одно значимое содержание высказывания от другого. В этом и проявляется делимитативная функция парцелляции, закреплённая в письменной речи графически, то есть пунктуационным знаком конца предложения (точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие), а в устной речи посредством интонации, однако нередко используются и другие вспомогательные способы.

Парцеллированные сегменты могут подвергаться инверсии, находиться как в контактной, так и в дистантной позиции относительно базовой части предложения или других, формально и семантически связанных с ними парцеллятов. Дистантная позиция парцеллята характеризуется его отчуждением от базовой части посредством включения какого-либо синтаксического построения, не входящего в состав парцеллированной конструкции. Так, парцеллят приведённого выше примера находится в дистантной позиции к базовому предложению, а повторяемый элемент базовой части Cousine облегчает смысловое восприятие информации и даёт возможность введения дополнительных распространителей.

При контактной позиции парцеллят располагается сразу после базовой части, следует за ней линейно после постановки финального знака препинания, расчленяющего единую структуру предложения, как в следующем примере, где высказывается замечание о квалификации старого врача по прозвищу Лаванда: Lavendel ist ein auslaufendes Modell, merk dir das. Nicht mehr auf der Höhe der Zeit[16]. Линейная последовательность расположения частей парцеллированных конструкций позволяет без труда идентифицировать подобные построения через трансформацию их в единое целое. В немецком языке большинство употреблений парцеллированных конструкций отмечено контактной позицией парцеллята по отношению к базовой части.

Одной из важнейших характеристик текста является целостность и взаимосвязь всех его составляющих, то есть его когерентность. Любой текст когерентен, его целостность обеспечивается определёнными средствами связи. Условиями когерентности признаются единство содержания и общая тема или определённые неязыковые критерии акта коммуникации. К числу частных признаков взаимодействующих в тексте и формирующих комплексную когерентность относятся коммуникативная, логико-семантическая, лексическая и просодическая когерентность. Таким образом, текст представляет собой сложное образование, цельность которого создаётся многими факторами.

Парцелляция играет важную роль в создании когерентности текста. В функциональной стилистике целостность текста трактуется как интегрирующая текстовая категория, структурно-смысловое понятие (в отличие от дискретности формальной структуры текста). Так,

применительно к тексту в соответствии с деятельностной, субъект-объектной концепцией его специфического содержания, целостность текста обеспечивается и объектной (посредством терминосистемы), и субъектной стороной смысла (благодаря объединяющей коммуникативно-познавательной активности субъекта)[17]. Обладая признаками текста, большая часть высказываний с парцеллятами характеризуется смысловой, структурной и коммуникативной целостностью. Например:

Vielleicht schicke ich Gregor eine Geburtsanzeige. Mit ein paar persönlichen Dankesworten. Obwohl der Abend damals grauenhaft begann.[18]

О структурной целостности приведённого высказывания свидетельствует согласование предложного дополнения в парцелляте с прямым дополнением базового предложения, следующих последовательно один за другим. Сигналом структурной связи между базовой частью и парцеллятом служит употребление времён (Präsens в базовом предложении и Präteritum в парцелляте, так как с этого предложения начинается подробное изложение событий в прошлом, на что указывает наречие времени damals). Таким образом, компоненты всего высказывания составляют структурное единство.

Источником смысловой целостности текста является экстралингвистический фактор, обусловливающий многоплановую смысловую структуру текста. Смысловая целостность приведённого выше высказывания проявляется в том, что основное высказывание и парцеллят объединены одной микротемой. При этом парцеллят расширяет тему базового высказывания, создавая у слушающего определённый фонд общих знаний, увеличивая его осведомлённость. Данное высказывание, таким образом, является монотематичным. Единство темы данного высказывания обусловливает его смысловую законченность, которая проявляется не в содержательном плане как исчерпанность данной микротемы, а как отличие смысла данного высказывания от других высказываний контекста.

Коммуникативная целостность анализируемого высказывания выражается в том, что парцеллят развивает и дополняет мысль, выраженную в базовом высказывании, опирается на него в коммуникативном плане и продвигает высказывание от данного, известного, к новому, неизвестному. В результате образуется цепочка, имеющая конечный характер. Использование в данном контексте парцеллята обусловлено коммуникативной интенцией автора высказать собственное отношение к произошедшему. В единстве делимитативной и связующей функций проявляется функционально-коммуникативная сущность парцеллированных конструкций как особого способа подачи мысли, так как парцелляция одновременно связывает и расчленяет текст.

Одна и та же структурная модель предложения способна актуализироваться в парцеллированных конструкциях разной структуры и с различными коммуникативно-прагматическими функциями. Парцелляция относится к процессам, реализующим коммуникативную структуру высказывания. Общим лингвистическим смыслом высказываний с парцеллированными конструкциями является коммуникативная расчленённость, а именно экспрессивное членение. С помощью соответствующей интонации парцелляция производит в актуальном членении перераспределение основной коммуникативной нагрузки, создавая второй дополнительный план сообщения[19]. Благодаря созданию двух и более центров высказывания парцелляция расширяет смысловые рамки высказывания, делает его более ёмким. Увеличение смысловой ёмкости как всего высказывания, так и отдельного парцеллируемого члена предложения составляет основу парцелляции.

Речевая выразительность и экспрессия создаётся на базе основных значений высказывания – коммуникативных значений «данного» и большей частью «нового», как бы надстраиваясь над ними в виде дополнительных значений. В устной разговорной речи парцелляция позволяет подавать высказывание в расчленённом виде в целях лучшего взаимопонимания, т.е. в чисто коммуникативных целях, например: Er studierte das Foto und sagte schließlich: »Das ist er. Ganz bestimmt. Schlechtes Foto. Sieht in Wirklichkeit besser aus[20].«

В стиле разговорной речи парцелляция имеет место также как результат естественного развёртывания речи, спонтанного её течения, например: Sie biß sich auf die Unterlippe. Dann legte sie die Hand auf Papas Unterarm und sagte: Aber nicht erschrecken!

Er riß ihn herum. Er starrte sie an. Nein, rief er, ist es wahr?

Ja, flüsterte sie. Meisterschülerin.

Meisterschülerin … beim großen Fjodor Danilowitsch Fadejew!

Ab nächstem Semester, fügte sie hinzu, nach der Geburt[21].

С точки зрения коммуникативной предназначенности парцеллированные предложения можно отнести к полифункциональным синтаксическим конструкциям: они используются как для сообщения, так и для общения. При этом следует отметить, что не всегда легко установить границу между ними, здесь возможны переходы и совмещения. Парцеллированные конструкции могут выполнять различные коммуникативные функции: уточнять, конкретизировать, ограничивать либо расширять объём содержания базовой части. Rache ist eine Speise, die kalt genossen werden muß. Nur nichts überstürzen. Gregor wird nicht ungeschoren davonkommen. Ekelhafte Bestrafungen für Feinde auszudenken, ist eine feine Sache. Gibt emotionalen Auftrieb. Bessert die Laune schon allein beim Daran-Denken[22]. Рассуждая о природе мести и её пользе для того, кто мстит, героиня романа находит всё новые и новые аргументы и реализует их в парцеллированных компонентах, что ещё раз подтверждает, что в

основе явления парцелляции лежит волновая природа формирования мысли.

В базовой части парцеллированной конструкции говорящий зачастую употребляет малоинформативные слова или дейктические элементы, тем самым создавая в высказывании коммуникативное напряжение. В парцелляте данные языковые элементы конкретизируются, расшифровываются. Так в следующем примере, чтобы придать особый вес и значение сообщаемой информации, в базовой части употребляется обобщённое das, смысл которого раскрывается лишь в парцелляте, причём прописными буквами: „Weißt du nicht, was das bedeutet?“ fragte Melanie und riss ihre blauen ganz weit auf. „Eine NEUE Stereoanlage. Das heißt, sie alle haben bereits eine. Und ich habe noch keine.“[23]

Парцеллированные конструкции имеют большой прагматический потенциал. Парцеллят, как и любая другая единица речи, наделён свойством оказывать целенаправленное вербальное воздействие на адресата. В приведённом выше примере целью парцеллята является стремление субъекта речи добиться перлокутивного эффекта, а именно вербально и невербально воздействовать на адресата, изменяя его эмоциональное состояние, чтобы повлиять на совершаемые им действия.

Прагматическое воздействие, оказываемое парцеллированными структурами на читателя в значительной степени обусловлено содержащимися в них оценками. Являясь средством реализации оценки, парцелляты способствуют формированию оценочности в микротексте, созданию эмоционального настроя повествования. «Ich hasse nichts so sehr wie das Schmarotzen», war einer ihrer Lieblingssätze. „Das hasst du nur bei dir“, habe ich immer geantwortet. „Versuch doch mal, das auch bei anderen zu hassen. Bei Vadim zum Beispiel.“[24] Парцеллированная конструкция обладает в данном контексте иллокутивной силой, содержит совет, который несмотря на свою краткость и лаконичность очень объёмен в информативном плане и обладает большим смысловым потенциалом, реализуемым всего лишь одним парцеллятом.

Употребление парцеллята может являться следствием коммуникативной неудачи: «Was hat er da aus dem Ohr hängen?»

„Einen mp3-Player“, erklärte ich.

„Was?“

„Musik.[25]“

В данном примере адресат, тётушка молодой девушки, посредством переспроса сигнализирует нарушение принципа сотрудничества, в частности, максимы количества (адресат не имеет представления о том, что такое мп-3 плеер). И парцеллят призван дополнить необходимый для успешной коммуникации объём информации. Коммуникативно-прагматические функции парцеллированных конструкций в художественном тексте обеспечивают его смысловую и коммуникативную целостность.

Парцелляция часто вступает в конвергенцию (взаимодействие) с другими стилистическими приёмами, усиливая их прагматический (воздействующий) потенциал. Например: „Sie sind nicht …?“ fragte sie, ohne den Satz zu beenden, und Henry bestätigte: „Von drüben, von Fundbüro.“[26]

В данном примере базовое предложение представлено апозиопезисом (умолчание). Внезапный обрыв мысли, недоговаривание её до конца ситуативно обусловлено осторожностью в выражении мысли, поиском подходящего слова. Апозиопезис в сочетании с парцелляцией выступают здесь как стилистические приёмы, с помощью которых автору удаётся достичь естественной выразительности присущей спонтанной устной речи.

В следующем примере парцелляция взаимодействует с эллипсисом, выполняя функцию выделения наиболее важных элементов общей картины, способствующих большей наглядности образа, а именно образа актрисы Одри Хепберн: Er beugte sich wieder zu ihrem Ohr: Audrey, müssen Sie wissen, ist die Tochter einer niederländischen Baronin.

Einer Baronin?

Der Vater Geschäftsmann.

Geschäftsmann!

Irisch-englischer Abkunft.

Ein Gentleman!

Nicht ganz, bemerkte Percy, leider nicht ganz. Bei Kriegsausbruch hat der alte Hepburn Mutter und Tochter sitzenlassen.

Nein!

In Holland. Eine sehr schwere Zeit für Audrey. Allein mit der adligen Mutter unter Deutschen und Holländern![27]

Некоторые исследователи рассматривают высказывания с парцелляцией как эллиптические предложения[28]. Эллиптические предложения и парцеллированные конструкции функционируют в естественной речи и представляют явления актуального синтаксиса, обнаруживая сходные черты: они синсемантичны, выражают тему высказывания, могут употребляться как в речи одного, так и в речи разных коммуникантов. Эллиптические предложения ситуативно и контекстно обусловлены. Парцеллированные компоненты являются частью структуры базового предложения: их можно ввести в рамку базового предложения, не нарушив при этом грамматичности последнего.

Различие между обсуждаемыми конструкциями можно найти не только в их структуре, но и обратившись к прагматической стороне их употребления. Эллиптические предложения либо принадлежат речевым актам разного типа (в сравнении с высказываниями, на которые они реагируют), либо вообще не имеют эксплицитно выраженного коррелята, а воспринимаются при помощи ситуации. Части парцеллированной конструкции представляют собой речевые акты одного и того же типа.

Парцелляция довольно часто является основой номинативного или именного стиля (Nominalstil), распространение которого очень характерно для современного немецкого языка и соответствует духу времени, т.к. информация становится более сжатой, концентрированной. Номинальные конструкции не наносят ущерба смыслу высказывания, а наоборот делают его информативным, насыщенным, коротким, более легким для восприятия, а в художественном тексте кроме того повышают степень его экспрессивности, выразительности, например: Ich bin Meiers Wahlplakat, und so wie es aussieht, stehen wir kurz vor dem großen Triumph…

Im Spiegel ein Grinsen. Tote Augen. Hohle Wangen. Die Zahnhälse zu lang, die Lippen zu rot. Weiße, schwitzende Kacheln. Die Leere der Unterwelt[29]. В этом описании именной блок однородных членов предложения распадается на номинативные конструкции в именительном падеже, что не просто ослабляет, а разрушает грамматические связи изолированных словоформ с базовой частью, усиливает их смысловую значимость и обогащает семантику текста в целом. Такая последовательность номинативных предложений создаёт своеобразный номинативный стиль, в котором не только утверждается бытие того или иного явления действительности, но и даётся его эмоционально-окрашенная оценка.

Суммируя наблюдения над явлением парцелляции в современном немецком языке, нужно подчеркнуть следующее, экспрессивные возможности, заложенные в парцелляции как особом виде интонационно-смыслового членения, наиболее полно проявляются в стиле художественной литературы. Сущность экспрессии парцеллятов состоит в выражении различных оценок и эмоциональных состояний персонажа и автора, усилении выразительности, изобразительности, увеличении впечатляющей силы художественного произведения. Использование парцеллированных конструкций в художественной литературе обусловлено стремлением избежать монотонности, разнообразив синтаксический рисунок текста, придав ему особые ритм и динамику. Основными функциями парцелляции в художественном тексте являются функции когерентности и делимитативности, концептуализирующая, актуализирующая и коммуникативно-прагматические функции.

Fadeeva L.V. The Fragmentary Sentences' Functions in the Modern German Fiction Texts.

Summary: *The article deals with the analysis of fragmentary sentences' functions in the modern German fiction texts. The main functions are communicative-pragmatic, conceptualization, actuality, coherency and delimitation. The fragmentary sentences belong to the field of expressive syntax, detail a statement and attach special weight, heightened emotionality. In conclusion, convergence with other stylistic devices is considered.*

Ключевые слова

немецкий язык, экспрессивный синтаксис, парцелляция, когерентность, делимитативность, актуализация, концепт, коммуникативно-прагматические функции

Keywords

German, expressive syntax, parcelling, coherence, delimitation, actualization, concept, communicative-pragmatic functions

Примечания

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7, М., 1956, стр. 459-460.
2. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1948, стр. 85-86, 121.
3. Лисиченко Р.П. Фонетический аспект парцелляции в немецком языке // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. М., 1972, вып. 70, стр. 288-301.
4. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. Изд. 2-е. М., 2009. – 296 с.
5. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 1971, S. 287, 351.
6. Гулыга Е.В. Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. – М., 1971. – 208 с.
7. Riesel E. Der Still der deutschen Alltagsrede. Moskau, 1964. S. 161-162.
8. Kaden E.-F. Unruhe um den deutschen Satz.„Sprachpflege", Leipzig, 1965, H. 11, S. 225.
9. Степаненко Л.Г. Стилистика немецкого языка. Курс лекций. М., 1979. С.78.
10. Fröhlich S. Frisch gepreßt. Eichborn Verlag, 1998. S. 30.
11. Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. S.241.
12. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S.337.
13. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М., 1983. С. 102.
14. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S.31.
15. Bronsky A. Scherbenpark. Kiepenheuer & Witsch Verlag. 2008. S. 22.
16. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S.341.
17. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Флинта: Наука, 2006. С. 609.
18. Fröhlich S. Frisch gepreßt. Eichborn Verlag, 1998. S. 40.
19. Азовцева Ю.А. Коммуникативно-стилистическая вариативность на уровне высказывания (Обособление и парцелляция) // МГПИИЯ им. Тореза. Учёные записки. Вопросы Романо-германской филологии. – 1970. – Т.55. С. 9.
20. Suter M. Ein perfekter Freund. Diogenes Verlag, 2002. S. 225.
21. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S.239.
22. Fröhlich S. Frisch gepreßt. Eichborn Verlag, 1998. S. 52.
23. Bronsky A. Scherbenpark. Kiepenheuer & Witsch Verlag. 2008. S. 15.
24. Ibid. S. 12.
25. Ibid. S. 29.
26. Lenz S. Fundbüro. Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. S. 49.
27. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S. 260.
28. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M., 1975. 315 S.
29. Hürlimann T. Vierzig Rosen. Ammann Verlag, 2006. S.351.

Фольклорный текст в процессе овладения иностранным языком

Е.Р.Корниенко

В статье обсуждается социокультурный подход к проблеме понимания текста на иностранном языке. На примере русских фольклорных текстов, а именно народных сказок, отражающих определенные концепты чужой культуры и формирующих этико-эстетические жизненные позиции иностранных учащихся, автор анализирует колорит языка фольклора, а также рассматривает пути творческого обучения пониманию иноязычных текстов в процессе межкультурного общения.

В эпоху глобализации открываются новые возможности в решении актуальных задач постижения культурных ценностей других народов. Именно культура, понимаемая как совокупность всех накопленных людьми знаний и умений, нацеленных на удовлетворение человеческих потребностей и необходимых для упорядочения их взаимоотношений[1], формирует наше существование в окружающем мире, проявляясь и в поведении людей, и во взглядах, и в индивидуальных особенностях восприятия человека. Известный русский философ начала XX века Николай Бердяев в своей книге "Судьба России" утверждал, что культура имеет ярко выраженный национальный характер. В 30-ые годы XX века Л.С. Выготский[2] заложил основы культурно-исторической теории, согласно которой присвоение культуры выступает в качестве основного условия и источника развития человека, его воспитания и обучения. Культурные знания, приобретенные в рамках социализации личности, составляют основу созданной А.Н.Леонтьевым теории о национальной специфики мышления личности в процессе ее "присвоения" культуры общества[3]. Согласно данной теории, в ролевой репертуар личности, усваивающей культурные знания, входит и национальная роль, формирующаяся на первых этапах социализации человека и является общей для всех носителей языка.

Указанные теории повлияли и на развитие социокультурного подхода в практике преподавания иностранных языков, в рамках которого, как утверждает Е.И. Пассов[4], можно выделить четыре основных фактора:

— изучение модели культуры того или иного народа в функциональном плане, то есть отбор фактов культуры, традиций и обычаев народа, говорящего на изучаемом языке;
— развитие обучаемого как личности, то есть развитие у него таких способностей, которые играют наиболее важную роль для познания нравственного, морально-этического мировоззрения иноязычной культуры;
— формирование у обучаемых понимания психологического содержания иноязычной культуры, жестов и коммуникативного поведения носителей данного языка;
— развитие речевых умений, которыми должны овладеть учащиеся в процессе межкультурного общения, а именно - говорение, аудирование, чтение, письмо, возможно и перевод.

Такой познавательный потенциал служит мощным фактором постижения языковой или концептуальной картины мира, отражающей особенности ментально-лингвального комплекса представителей изучаемого культурного сообщества. Однако трудность состоит в том, что для большинства учащихся иностранный язык является ценностью потенциальной, но не реальной, то есть отсутствует личная ориентированность ученика на коммуникативное общение, предполагающее активизацию возможностей личности, что и обеспечивает мотивацию изучения иностранного языка. Поэтому принципиально важ-

Корниенко Елена Радмировна – к.филол.н., доцент, докторант Московского педагогического государственного университета. E-mail: ekorni@mail.ru

но, чтобы процесс обучения осуществлялся как бы в диалоге двух миров - мира иностранной и мира родной культуры. Овладевая иностранным языком как неотъемлемой частью иноязычной культуры, учащийся развивает "восприимчивость к иноязычию, инокультурности".[5] И в этом смысле иная культура и межкультурный диалог могут быть действительно освоены, осмыслены, творчески восприняты человеком, мыслящим на родном языке.

С этой точки зрения каждый урок иностранного языка следует строить как познание характера, образа жизни, ментальности другого народа. Данный принцип обучения в контексте диалога культур подразумевает использование источников актуальной информации (кинофильмов, интернета, изучение программ ТВ и радио, газет и журналов). При этом важно учитывать особую роль художественной литературы, отражающей наиболее полно, комплексно и эмоционально историческую память народа, а также определенные представления о действительности того лингвокультурного сообщества, в рамках которого они были созданы. Это настоящее достояние народа, говорящего на данном языке. Эстетический аспект работы над литературным произведением может разрабатываться, как указывал Л.С. Выготский[6], в двух направлениях: сверху, с общефилософских позиций, и снизу, с позиций фактов и эмпирических наблюдений.

Весьма полезно изучение колорита языка, воплощающего в себе национально-культурную семантику, что способствует формированию у учащихся способности к восприятию системы ценностей чужой культуры, а также умению понять чужую точку зрения по различным социальным и гуманитарным проблемам. Это происходит на основе достойного отношения к представителям иной культуры, к их моральным и нравственно-этическим ценностям. Поэтому обучение должно быть ориентировано на взаимодействие представителей разных культур, на их диалог, построенный как равноправное общение. Его участниками являются учащиеся, решающие различные коммуникативные задачи и одновременно овладевающие этикетом, стратегией межкультурного общения. Вся система преподавания иностранного языка строится таким образом, чтобы каждая порция подлежащего усвоению языкового материала подавалась бы как артифакт изучаемой иностранной культуры. С этой целью на занятиях полезно использовать аутентичные тексты с высказываниями носителей языка о своей культуре, об отдельных фактах культуры и отношении к ним. Это способствует лучшему пониманию менталитета народа, а также помогает в приобщении к мировой культуре в целом.

Однако проблема состоит в том, что при изучении иностранного языка учащийся, встречаясь с текстами, в которых отражаются концепты чужой культуры, может по-иному интерпретировать информацию из-за другого жизненного опыта и видения мира. Ведь действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей, специфических особенностей их культуры. Ведь языковая картина мира отличается у каждого отдельного народа так же, как и кодовые системы культур. В ходе осмысления иностранного текста учащийся использует набор правил, присущих родному языку и родной культуре читателя. Он декодирует культурные схемы и соотносит их содержание с привычным ему контекстом. Вследствие этого текст может быть понят им неадекватно или не понят вообще даже тогда, когда "снят" языковой барьер. Это объясняется тем, что правила иного языка, а также его семантические факты рассматриваются через призму своей родной культуры и опознаются как непонятные или ошибочные, что затрудняет восприятие смысла учащимся. Лишь при условии того, что контексты автора и читателя совпадают, возможно адекватное понимание текста.

Иная ментальность может стать причиной образования определенных барьеров в понимании концептов "своего" и "чужого" в каждой культуре, влияющих на расчленение коммуникативной цепи *посылающей информацию - информация (иноязычный текст) - получающий информацию*. В ней говорящий - слушающий рассматриваются как система переработки языковой информации, а языковая деятельность - как один из способов познания, составляющий вершину айсберга, в основании которого лежат когнитивные способности человека. Декодируемая информация в определенной степени оказывает влияние на кодируемую. Последняя влияет на то, как реципиент понимает информацию. При этом ее значение определяется не только смыслом сообщения, но и индивидуальным способом его восприятия читателем.

Следовательно, понимание состоит в адекватном истолковании реципиентом полученного сообщения. Это происходит лишь тогда, когда субъект декодирует информационное сообщение, получаемое извне, расшифровывает концепты и языковые символы, составляющие сообщение. Процесс декодирования осуществляется в несколько этапов: снятие предубеждений, стереотипов по отношению к другому народу и его культуре, осмысление другой психологии, и наконец, принятие другой культуры. Общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого говорящего фреймов, сценариев и моделей ситуации, то есть когнитивных структур культуры страны изучаемого языка.

Анна Вежбицка[7], известная польская исследовательница в области когнитивной лингвистики, установила, что национально-специфические концепты сопоставимы в той мере, в какой они переведены на язык "семантических примитивов". Специфика языковой картины мира становится очевидной при сопоставлении значения лексических единиц, описывающих

приблизительно один и тот же фрагмент действительности. Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура.

Как показала А. Вежбицка, сравнивая английский и русский языки, этническая ментальность ярко отражается в словарном составе языка, в его грамматическом строе. Англосаксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдержанному потоку чувств. Англичане с подозрением относятся к эмоциям в то время, как русская ментальность считает вербальное выражение эмоций одной из основных функций человеческой речи. Эмоциональность русских обусловила большое количество глаголов, обозначающих эмоции: *радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, гневаться, тревожиться томиться* и другие. Они, как считает автор, почти не переводимы на английский язык, так как не имеют таких точных эквивалентов. Данные значения соответствуют прилагательным *to be sad, to be pleased, to be angry*.

Один и тот же артифакт в английском и русском языках может оцениваться по-разному. Так, для русских выражение "съесть собаку" имеет смысл приобретения большого опыта, навыка в деле. Английское соответствие "to eat dog" означает унижаться, пресмыкаться, проглотить обиду. И то, что в тексте является для реципиента странным и нуждающимся в истолковании, служит "сигналом" присутствия в нем специфических элементов культуры - лакун, препятствующих его пониманию. Г. Гачев[8] образно характеризует лакуны как "заусенцы", которые "задираются" в процессе межкультурной коммуникации, создавая тем самым определенные трудности для восприятия информации. К ним относятся:

— во-первых, национальный "образ мира", представляющий собой внутренний мир человека, запечатленный в слове, а также уклад его быта и другие элементы материального мира;
— во-вторых, специфика культурной символики определенных этносов; в-третьих, национально-культурная семантика текстов, например, фольклорных произведений, в которых наиболее ярко проявляется история, мировоззрение и традиции, мудрость, нравы и обычаи народа. Именно в них зафиксировано наибольшее количество лакун.

С этой точки зрения изучение фольклорных текстов очень важно, так как позволяет с определенной степенью вероятности структурировать национальную картину мира, что служит богатым материалом для лингвокультурных и этнокультурологических исследований. Сказочный дискурс в полной мере отражает основные постулаты христианской веры, ее нравственные заповеди, а также мифологические образы и представления о загробной жизни и смерти. Сказка воздействует на реципиента, формируя ракурс мировосприятия читателя, его этико-эстетические жизненные стереотипы. В ней интерпретируются многие нравственные проблемы, например, идея любви к ближнему, покорности воле Божьей, борьбы с грехом и искушениями, а также спасение души.

Сказка учит не гнаться за "богатством" <*... Пожили с месяц, приелось старухе богатое житье, говорит старику: "Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают!*> ("Жадная старуха"), жить по совести: <*... Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: "Дети мои! Живите хорошо - в любви и совете, так, как мы с покойницей жили"*> ("Оклеветанная купеческая дочь"). Христианское мировоззрение отражается и в особенностях языковой картины мира, которые вербализуются в таких концептах, как "*собор*" <*Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо*> ("Волшебное кольцо"), "*бог - Спаситель*" <*Ерш не унывает, на бога уповает...*> ("Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове").

Помимо этого, русский сказочный дискурс позволяет выделить основные обряды, например, "*благословение*" <*...Говорит царю большой сын: "Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку...*> ("Три царства - медное, серебряное и золотое"), связанное с браком "*венчание*" <*...Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня*> ("Морской царь и Василиса Премудрая"), а также со смертью человека - "*поминки*" <*Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама со своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать*> ("Волк и коза").

Сюда же можно отнести культурные концепты, характеризующие традиции, уклад и быт деревни, менталитет народа. Так, неизменно упоминается в сказках "*крещение*", сопровождающее рождение ребенка.<*Вот родился у дьякона сын. Пришел он мужичка просить кумом быть - захотелось это ему попробовать медку. Ребенка окрестили, мужик кумом стал*> ("Как дьякона медом угощали"). Примечательно то, что в сказках играет существенную роль концепт "*кумовства*". Причем, упоминание об этом встречается даже в сказках о животных <*Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах...*> ("Лиса и журавль"). Кумовья рассматриваются как духовные наставники ребенка. Они могут помогать друг другу, совершая добрые дела по велению сердца, а не для того, чтобы получить за них награду, а могут, напротив, преследовать корыстные цели, получая друг от друга какую-либо выгоду.

Необходимо учитывать тот факт, что каждый иностранный фольклорный текст является не только объектом коммуникативно-познавательной деятельности, но и результатом коллективного сознания инофонного сообщества. Он представляет собой особую функциональную систему, в рамках которой усваивается некий социальный и культурный опыт представителей другого народа. В этой связи на занятиях по иностранному языку следует чаще анализировать особенности проблематики и структуры инокультурного нарративного дискурса, что способствует развитию фоновых знаний о иноязычном лингвосоциуме, с присущими ему национальными традициями, представлениях о добре и зле, о справедливости и жестокости, о вербальном и невербальном национальном поведении.

Важно и выявление определенных, личностно значимых смыслов, формирующих определенный способ видения мира, а также релевантные черты инофонной языковой личности. Это дает возможность на основе изучения ментальности другого народа приобщиться к определенной национальной культуре через усвоение основных национально детерминированных культурных концептов и символов иной культуры. При этом сферы языкового и когнитивного видов сознания обучаемого удваиваются за счет приобщения к иноязычным образам языковой и концептуальной картин мира.

Языковая личность начинается на уровне выявления и установления иерархии смыслов и ценностей в личностной картине мира. Когнитивный уровень языковой личности непосредственно связан с языковой картиной мира и закладывается с детства. С развитием и активизацией речевой деятельности, картина мира человека расширяется и осложняется, а, значит, происходит и развитие языковой личности. И результат этот наступает не только после овладения языком, но и в процессе его изучения. Тем самым, через понимание не только глубинных смыслов изучаемого текста, но и восприятия позиции Другого обогащается и сама личность человека. Признание субъективной точки зрения Другого составляет сегодня основу процесса преподавания. Ведь именно диалогичность понимания подразумевает совместный поиск скрытых смыслов, зафиксированных в изучаемых иноязычных текстах. Как учил М.М. Бахтин[9], диалог позволяет поставить вопрос о критерии границ культурных эпох, которые «разбивают грани своего времени», «живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности».

Выработка принципа "участного мышления", основанного на преодолении замкнутости национальной культуры, дает возможность преодолеть и этноконфессиональные барьеры. Такая форма взаимодействия, где каждый ставит себя на место другого, требует взаимопонимания и огромных усилий, чтобы понять и принять позицию другого человека. По мысли П. Флоренского и А. Ф. Лосева, это и есть "разум общения разумов"[10]. И лишь на этой основе возможна завершенная, однозначно воспринимаемая картина мира. Ведь для достижения взаимопонимания человек должен знать определенную систему фактов иностранной культуры, должен иметь опыт отношения к этим фактам культуры и, наконец, он должен проявлять готовность видеть в чужом то, что нас объединяет, а не разобщает.

Таким образом, художественное произведение на иностранном языке является своего рода каналом передачи культурных знаний, а его содержание находится в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя, который присваивает культурные знания, внедряет их в собственное сознание. Через текст и его восприятие осуществляется трансляция опыта людей, их межкультурный диалог, направленный на их сближение. Поэтому перед прикладной лингвистикой сегодня стоят конкретные задачи, связанные с поиском эффективных путей разработки новой модели творческого обучения пониманию иноязычных текстов с учетом их особой национально-культурной специфики.

Многолетний опыт преподавания иностранных языков показывает, что обучаемые с интересом относятся к истории, культуре, искусству, нравам и обычаям, традициям, укладу повседневной жизни другого народа, его взглядам на жизнь, то есть ко всему тому, что связано со страной изучаемого языка. И роль преподавателя заключается в том, чтобы донести до обучаемых в доступной им форме социокультурную информацию, помогающую понять духовную жизнь народа, говорящего на данном иностранном языке, интерпретировать мысли, чувства, его систему нравственных ценностей. Это является непременным условием всестороннего развития мировидения и ментальности личности в современном мире, помогает расширить горизонты "картины мира", что становится возможным лишь при условии того, что в основу преподавания иностранных языков будет положен методологический принцип диалога культур, способствующий развитию творческих способностей учащихся. Именно при таком подходе создаются реальные условия для более глубокого освоения новой модели личностно ориентированной системы иноязычного образования.

Kornienko E.R. Folk Text in the Process of Foreign Language Learning.

Summary: *The paper discusses socio-cultural approach to the problem of foreign text comprehension focusing on Russian folk tales reflecting certain concepts of foreign culture which might help to set up ethic as well as esthetic values of foreign students. The author analyzes the language of Russian folklore and tries to show the creative ways for teaching foreign text comprehension as a means of cross culture communication.*

Ключевые слова

межкультурная коммуникация, картина мира, культурный опыт народа, лакуны, преподавание иностранных языков.

Keywords

cross-culture communication, world view, folk cultural experience, gaps, foreign language acquisition.

Примечания

1. Фрейд З. Избранное/ Под ред. Е. Жиглевич. - Т.1. - М., 1969. – С.49.
2. Выготский Л.С. Развитие высших функций. - М., 1960. – С.121.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М., 1972. – С.86.
4. Пассов Е.И. и др. Мастерство и личность учителя. На материале деятельности учителя иностранного языка. - М., 2001. - С.29.
5. Библер В.С. Философско-психологические предположения школы диалога культур. – М., 1998. –С.56.
6. Выготский Л.С. Психология искусства - М., 1965 - С.19.
7. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке.// Русский язык в научном освещении. - 2002. - № 2 (4). - С.9-34.
8. Гачев Г.Д.. О национальных картинах мира //Народы Азии и Африки. - 1967 - № 1. - С.81.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. – С.350.
10. Лосев А.Ф. Философия имени. - М., 1990. – С.98.

Актуальные проблемы межъязыкового взаимодействия

Л.П. Дианова

Статья посвящена проблемам, возникающим в процессе тесного контактирования языков. Наряду с актуальными проблемами межъязыкового взаимодействия (русского и иных национальных языков стран Содружества Независимых Государств), находящимися в фокусе внимания лингвистов с 60-х годов XX века, возникают новые, требующие своих решений. В статье ставится в ряд актуальных проблем современной русистики и лингводидактики вопрос речевой культуры студентов-билингвов, обучающихся в российских вузах.

Процессы межъязыкового взаимодействия, в частности — билингвизм, полилингвизм (двуязычие, многоязычие) входят в круг приоритетных направлений общего языкознания. Лингвистические исследования последних двух десятилетий свидетельствуют о том, что двуязычие и полиязычие находится в фокусе внимания ученых и приобретают особую важность для частного языкознания, в том числе для *русистики*.

Билингвизм (двуязычие), основанный на взаимодействии русского и иных национальных языков, называют *русско-инонациональным (инонационально-русским)*. Данный тип двуязычия стал объектом пристального внимания не только социолингвистов, но и «природных лингвистов» — носителей языка[1]. Возникнув, прежде всего, в российском (досоветском) государстве, билингвизм существенно расширил свой императив в советский период и вполне объективно назывался русско-инонациональным. Одна из главных причин функционирования двуязычия (многоязычия) в обществе — необходимость владения государственным языком, который обеспечивает реализацию индивида, его творческих способностей в социуме.

Постсоветская действительность характеризуется изменением языковой ситуации. В новых социумах ближнего зарубежья языковая политика и языковое строительство направлены на расширение сферы применения языков титульных наций, ставших государственными, проведение мероприятий по их стандартизации, модернизации. За последние годы стало заметным усиление степени воздействия на функциональный статус русского языка. Об этом свидетельствуют работы, посвященные вопросам языкового сдвига (language shift), поворота языкового сдвига (reversing language shift)[2], статуса русского языка, вариативности лексической системы русского языка[3], национального варианта русского языка в постсоветских социумах. Тем не менее, категорически сказать о том, что русско-инонациональный билингвизм утрачивает свои позиции в период постсоветского почти двадцатилетнего развития пятнадцати государств, пока не представляется возможным.

Очевидно, можно вести речь о смещении функциональных возможностей взаимодействующих языков (государственного и русского) в новых социумах, которое не исключает активного развития двуязычия (и полиязычия) в пределах постсоветской макросистемы. Одним из доказательств нашего вывода является особое внимание отечественных специалистов и лингвистов ближнего зарубежья к изучению вопросов, связанных с билингвизмом на новом этапе.

Социолингвистические исследования, посвященные коллективному двуязычию и многоязычию, индивидуальному билингвизму, индивидуальному литературно-художественному (творческому) билингвизму и *транслингвизму*[5], в целом свидетельствуют о том, что русско-

Дианова Людмила Павловна – старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

инонациональный (инонационально-русский) билингвизм - объективное следствие общей лингвокультурной истории и социокультурной ситуации[6]. Поэтому правомерно говорить о нем как о естественном, а не о искусственном билингвизме, формирование которого происходит при обучении иностранным языкам.

Русский язык остается языком межнационального и делового общения для новых постсоветских государств. Его жизнеспособность — *витальность*, в том числе в качестве *лингвистического капитала*, едва ли можно подвергнуть сомнению, несмотря на интенсивное развитие государственных языков в социумах, сопряженных с российским. Русский язык остается необходимым условием в процессе реализации индивида в личность. Подвергать сомнению, переосмыслению и описанию необходимо некоторые устоявшиеся в отечественном языкознании (до 90-х годов) не совсем точно отражающие суть явлений определения и понятия, бывшие общепринятыми и служившими основами для разработки теории билингвизма. И процесс критического осмысления стал заметен в лингвистике последних лет[7].

Появились работы, в которых говорится о том, что разграничение на «русско-национальный» и «национально-русский билингвизм» не основывалось на каких-либо существенных для двуязычия признаках. Однако именно с таким разграничением были связаны некоторые упрощения теории двуязычия, в частности — русско-инонационального. В первую очередь, это вылилось в сужение функционирования и, как следствие, уровня знания национальных языков, в проблему их сохранения, смены и утраты родного языка при двуязычии, но, с другой стороны, подчеркивалась обязательность обогащения языков, находящихся в контакте друг с другом. Не уделялось достаточно внимания наличию или отсутствию корреляции между языками и культурами (*билингвизм — бикультурализм; билингвизм — одна культура или один язык — две культуры*). Социально-функциональный анализ двуязычия часто осуществлялся без учета столь значимых факторов, как *языковое сознание и национальное самосознание, языковая идентичность и этническая идентичность*[8].

Несмотря на появление новых исследований, теория двуязычия, обусловленная неуправляемыми процессами межъязыкового взаимодействия, пока еще не в состоянии предложить окончательные определения и рекомендации для описания многих понятий. По всей видимости, будучи величиной постоянной в развитии любого социума и социумов, межъязыковое взаимодействие невозможно раз и навсегда «загнать» в одни рамки, тем более, учитывая сложность проблемы в описании механизмов сосуществования разных языков в сознании индивида, которые еще не вполне ясны. Трудности объективного характера возникают и в связи с необходимостью учета социально-функциональных, педагогических, лингвистических сторон этого явления, способных объяснить отсутствие общепринятой классификации видов двуязычия.

К настоящему времени известны различные виды билингвизма: *активный* (субъект более или менее регулярно обращается к обоим языкам); *пассивный* (чаще обращается к одному из языков); *контактный* (наблюдается при поддержании билингвом связи с носителями языка); *неконтактный* (отсутствие такой связи); *автономный/параллельный* (при автономном билингвизме языки усваиваются субъектом без последовательного соотнесения их между собой, при параллельном овладение одним из языков происходит с опорой на овладение другим языком). Все эти виды не стали общепринятыми.

Наиболее известной считается классификация по принципу: *индивидуальный* (знание двух языков отдельными членами этноса) и *массовый/коллективный* (знание двух языков большинством этнической группы) билингвизм. Наряду с данной классификацией существуют и другие, которые не учитывают важнейших критериев типологии двуязычия:

— степени владения вторым языком (например, диглоссно-билингвальных сочетаний типа «инонациональный разговорный — русский литературный язык», «инонациональное просторечие — русский литературный язык и др.);
— способа существования двух языков в когнитивной системе билингва и причин доминирования одного из языков. Поэтому наиболее значимыми остаются классификации *чистый*, *смешанный* тип (Л.В. Щерба), *координированный, смешанный* (Ч. Осгуд, С. Эрвин), *субординативный* (У. Вайнрайх). В лингводидактике особое значение приобретает теория функционального типа двуязычия, разработанная Ю.Н. Карауловым и В.Г. Костомаровым; теория и практика билингвального образования Б.М. Есаджанян.

Очевидно, что споры и дискуссии о лингвистических и психолингвистических основах двуязычия, о необходимости введения дифференциации разных степеней владения языком и выявления закономерностей сочетания нескольких языков в языковой личности билингва принадлежат к числу тех научных споров, которые будут приобретать все большую остроту. В первую очередь - в связи с глобализационными процессами.

Рост национального самосознания также является действенным фактором, влияющим на создание новой языковой ситуации. Он может «работать» на расширение/сужение сферы применения языков, воздействовать на функциональный статус, стандартизацию русского и языка титульной нации. Это, в свою очередь, и в перспективе будет оказывать влияние на лингвокультурную ситуацию на постсоветском пространстве, с присущим ему «кризисом иден-

тичностей». Как справедливо отмечают исследователи, культивируемая соответствующей идеологией конкретная идентичность (например, в свое время «советская»), предоставляет возможность дополнительной языковой *идентификации*, но не заменяет *этническую идентичность*.

Современное состояние русско-инонационального двуязычия предоставляет возможности для определения типов соотношения языковой и этнической идентичности билингвальной личности:

— *бесконфликтный тип*: языковая и этническая идентичности *билингвальной личности* полностью совпадают; языковая и этническая идентичности не совпадают, но не порождают языковых конфликтов;
— *тип с проблемной идентификацией билингвальной личности*:

а) языковая и этническая идентичность не совпадают;

б) личность, поменявшая языковую идентичность под влиянием каких-либо внешних причин при сохранении этнической идентичности;

в) личность, испытывающая трудности с языковой идентификацией;

г) личность, неверно оценивающая свою языковую идентичность[9].

В контексте вышеизложенного и, в частности, представленной типологии особую актуальность приобретает вопрос речевой культуры билингва (этнически не русского), доминирующим языком которого является русский. Большинство студентов-билингвов из стран СНГ, обучающихся в российских вузах, как правило, владеют русским языком на достаточно хорошем уровне и занимаются, как правило, вместе с носителями русского языка. Это касается и студентов МГИМО, будущая перспектива которых связана с международной деятельностью.

Как известно, при составлении профессиограммы специалиста дипломатической службы принято учитывать, что сотрудник дипломатического ведомства выступает одновременно в трех ипостасях:

а) как специалист, то есть носитель определенных знаний, навыков и опыта для выполнения одного или нескольких видов дипломатической деятельности;

б) как органический элемент, с одной стороны, системы государственной службы своей страны, а, с другой стороны, ее подсистемы — дипломатической службы;

в) как личность — социально, политически и нравственно подготовленный индивид для выполнения определенного вида и объема работ в системе внешнеполитического ведомства страны. Более того, каждый дипломатический работник, независимо от места его службы (столица своей страны, зарубежная структура), времени (служебного или нерабочего), характера деятельности (официальное выступление, протокольный прием, дипломатическая беседа или спортивное мероприятие), в глазах окружающих не перестает оставаться ответственным работником внешнеполитического ведомства, представителем государства.

Все представленные стороны специалиста дипломатической службы обеспечиваются, в первую очередь, речевой культурой индивида. Появление большого числа исследований по вопросам речевой культуры свидетельствует об актуализации данного направления исследований, о чем свидетельствуют работы А.В Кореневой, Л.Ф. Быстрых, Я.С Киселева, Г.Р.Малыгиной, М.В.Соловьевой. На недостаточность изучения «исключительно с филологической точки зрения» речевой культуры указывает Е.В. Белова[10].

По ее мнению, ни один из концептуальных подходов к определению понятия речевой культуры (общекультурный, нормативный, коммуникативный, деятельностный), «ни одно из предложенных в рамках исследованных подходов определений речевой культуры не отражает в полной мере ее сущность и специфику как социокультурного явления». Е.В. Белова предлагает собственное определение изучаемого явления с позиции социокультурного подхода, подтверждая его результатами собственных социологических исследований.

Нашим поискам в этой связи отвечают научные результаты, полученные А.В. Кореневой. Изучая состояние коммуникативной подготовки студентов-нефилологов, на основе анализа анкет, публичных выступлений и срезовых работ, выполненных 1480 студентами первого и второго курса Мурманского государственного технического университета (юридический, экономический, гуманитарный факультеты, факультет мировой экономики и международных отношений, а также факультет заочного социально-экономического образования очного и заочного отделений), исследователь пришел к неутешительному заключению.

Итоги констатирующего эксперимента свидетельствуют о низком уровне коммуникативных знаний обучаемых в области речевой деятельности, об отсутствии у студентов необходимой теоретической базы. Большинство отвечавших (85,7%) не знают видов речевой деятельности. Невысок уровень коммуникативных умений студентов, особенно в рецептивных видах речевой деятельности. Недостаточно развиты основные качества зрелого читателя (скорость, осознанность, гибкость). 60% не всегда осознают его коммуникативную цель чтения. Степень понимания текста не превышает 70% информации. Некоторые испытуемые понимают только 30 – 40% содержания, что крайне мало для успешного обучения и последующей профессиональной деятельности.

Анализ сформированности умений, обеспечивающих восприятие устного высказывания, свидетельствует о том, что степень понимания звучащего текста у большинства студентов не

превышает 60% информации. Невысок уровень культуры слушания. Студенты (57%) не могут выбрать адекватные речевой ситуации приемы слушания. Почти треть студентов не владеет правилами аудирования.

В ходе анализа степени сформированности умений, обеспечивающих создание письменного высказывания, проверялось, насколько развиты у студентов умения создавать вторичные тексты (тезисы, конспект, реферат). Умение составлять монографический реферат у испытуемых не сформировано: 80% студентов не могут написать реферат, 20% предлагают варианты, во многом не соответствующие требованиям, предъявляемым к этому жанру.

Анализ констатирующих срезов, направленных на выявление исходного уровня владения знаниями и умениями в области профессионального общения, показал, что студенты плохо знают профессиональную лексику, актуальную для их будущей специальности: не могут определить лексическое значение профессиональных слов. Студенты (42%) делают ошибки в их произнесении, 68% из опрошенных затрудняются в определении понятий *профессиональный язык, профессиональная речь, профессионализмы, термины*. Слабо представляют студенты значимость для профессиональной деятельности культуры речи, речевого этикета, речевых жанров.

Полученные результаты подтверждают необходимость развития у студентов профессионально-коммуникативной компетенции, крайне значимой для профессиональной адаптации выпускников вуза, для успешного осуществления ими трудовой деятельности[11].

Актуальное для современной лингводидактики исследование А.В. Кореневой было проведено без разделения студентов на монолингвов и билингвов и, по всей очевидности, речь идет только о носителях русского языка. Касающаяся этой же категории учащихся стройная и логичная теория типов речевой культуры носителя языка, разработанная в рамках саратовской научной филологической школы (О.Б. Сиротинина), получила широкое распространение в российской лингвистике и лингводидактике. Понятие типа речевой культуры носителя языка становится «исключительно важным для современного состояния общества и его культуры»[12]. Основные типы речевой культуры, выделенные в рамках этой теории (элитарный тип речевой культуры, средне-литературный тип, литературно-разговорный и фамильярно-разговорный, а также жаргонный и просторечный типы речевой культуры). Они дополняются полно-представленным и неполно-представленным типами, что способствует пониманию различия между основными типами речевой культуры.

Тем не менее, несмотря на очевидную актуальность проведенных исследований, пополняющих теорию речевых культур, все вышеуказанные исследования направлены на изучение речевой культуры носителя языка. Возникает вопрос о том, какие требования должны предъявляться в процессе формирования речевой культуры к иностранным гражданам – студентам российских вузов, где преподавание ведется на русском языке и, в частности, к студентам из стран Содружества. Ведь владение русским языком в странах постсоветского пространства в силу общности истории несопоставимо с владением в странах дальнего зарубежья.

Многочисленные исследования, посвященные состоянию и функционированию русского языка на постсоветском пространстве, свидетельствуют о том, что русский язык осуществляет функцию языка межнационального, межкультурного и делового сотрудничества. Такое положение дел в немалой степени обусловлено лингводидактическими составляющими (компоненты) современной образовательной среды в новых государствах. В качестве ядра образовательной среды во многих странах Содружества выступают школьные программы и стандарты по русскому языку; обучающий потенциал русской языковой среды; профессионально-педагогическая компетентность педагога-русиста как владение суммой определенных компетенций, старшее поколение. Очевидно, в этом кроется причина достаточно высокого уровня владения русским языком студентами из стран бывшего Союза, обучающимися в МГИМО. В подавляющем большинстве они способны успешно выполнить программу «Русский язык и культура речи», направленную на формирование и развитие у будущего специалиста — участника профессионального общения — комплексной компетенции на русском языке.

Косвенным свидетельством данному утверждению являются наши предварительные исследования уровня знания русского языка (тесты на знание и употребление паронимов русского языка), проведенные в начале 2009-2010 учебного года. Тестирование проводились у студентов, знающих русский язык, но продолжающих его изучать в качестве одного из иностранных (тест состоял из 30 заданий на употребление паронимов, относящихся к общественно-политической лексике; высший балл – 30; время выполнения 20 мин.). В тестировании приняли участие 33 студента из 11 стран Содружества. Результаты предварительного исследования показали, что общий уровень владения паронимами русского языка на момент проведения можно оценить средним баллом — 26 (из 33 тестируемых более 50% показали хороший уровень: 3 получили 30 баллов; 6 — 29 баллов; 3 — 28; 5 — 27).

В то же время обнаружилось, что у билингвов возникают трудности в воспроизведении эквивалентов предложенных паронимов на автохтонном языке, что служит еще одним доказательством доминирования русского языка у билингвов из стран ближнего зарубежья. Безусловно, для более обоснованных выводов необходимы дальнейшие исследования как в

области теории паронимии в русском языке и их эквивалентов на языках стран СНГ, так и в области разработок адекватных тестов. Тем не менее, вопрос о содержании и структуре коммуникативной компетенции требует дальнейшего исследования и конкретизации применительно к учебному процессу. Поиск решений на этот вопрос важен не только в отношении обучения русскому языку носителей языка, но и в отношении этнически не русских студентов - граждан СНГ.

Доминирование русского языка в речевой культуре билингвов свидетельствует о том, что нередки случаи, когда языковая идентичность и этническая идентичность данной категории учащихся не совпадают. При этом не каждого из них можно отнести к типу *бесконфликтной билингвальной личности*, поскольку в некоторых случаях обнаруживается наличие языковых конфликтов. Некоторых из опрошенных студентов можно отнести к типу: *билингвальная личность с проблемной идентификацией* в силу неверной оценки своей языковой идентичности.

Предварительные исследования, проведенные нами, подводят нас к выводу о том, что процессы межъязыкового взаимодействия, их причины и последствия выдвигаются в ряд актуальных вопросов современной русистики и лингводидактики. Речевая культура билингва (с доминирующим русским языком) на русском языке, очевидно, нуждается в теоретическом осмыслении в рамках процессов межъязыкового взаимодействия и теории речевой культуры.

Dianova .P. The Most Important Issues of Interlanguage Interaction

Summary: *The article is devoted the problem, arising in the course of languages' interaction (Russian and other national languages of the countries of Commonwealth of the independent states). Since 60th years of the XX-th century problems of bilingualism and bilingual persons have been studying by the Russian scientists, but there are new problems of languages' interaction in focus of linguists' attention demanding the decisions. The author of article guesses that one of the actual problems of the modern Russian philology is a question of speech culture of bilingual students.*

Ключевые слова

межъязыковое взаимодействие, билингвизм, билингв, билингвальная личность, речевая культура, теория речевой культуры.

Keywords

межъязыковое interaction, a bilingualism, bilinguals, билингвальная the person, speech culture, the theory of speech culture.

Примечания

1. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм и особенности русского текста писателя-билингва. ¬ Автореф. дисс... доктора филол.наук:. М.: 2005. – С.41.
2. Сулейменова Э.Д. Социолингвистические переменные языкового сдвига и поворота языкового сдвига // «ЯЗЫК – ОБЩЕСТВО – ВРЕМЯ». Сборник материалов XIII Международной научно-теоретической конференции «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ 20-21 мая 2010 года. 2010. С.14-18.
3. Волынец Т.Н. Национальный вариант русского языка в Беларуси – Миф или реальность? // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Международная научная конференция "Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение». Сборник в 2-х частях. 2009 . С.16-21.
4. Дмитрюк Н.В. Русский язык в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании казахстанцев.// Психолингвистика в XX1 веке: результаты, проблемы, перспективы. – М.: Эйдос, 2009. – С.207-208. Журавлева Е.А. Вариативность лексической системы: русский язык как полинациональный язык. ¬ Автореф. дисс. … д-ра филол. наук: Алматы: 2007. – С. 43. Котлярова Т.Г. Активные процессы в русском языке современности (на мтериале СМИ Казахстана). // Русский язык в контексте этноязыковых процессов Республики Казахстан. Сб.мат-лов конференции. 2008. С.42-50.
5. Алтынбекова О.Б. Этноязыковая ситуация в Казахстане: языковые сдвиги в сфере образования.//Русский язык в контексте этноязыковых процессов Республики Казахстан // Сб. мат-лов конференции. 2008. С.65-71.
6. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). 2009. С.254. Туксаитова Р.О. Художественный билингвизм: к определению понятия // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 198-206.
7. Так, например, случилось с получившими широкое распространение терминами «русско-национальный» или «национально-русский билингвизм». Мы придерживаемся точки зрения У.М. Бахтикиреевой о том, что целесообразнее употреблять термины «русско-инонациональный», «инонационально-русский» (поскольку русский язык — тоже национальный).
8. Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. –2-е изд. – Алматы: Демеу, 1996. С. 208.
9. Кремер Е.Н. Проблема русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: 2010. С.21. Михальченко В.Ю. Национально-языковые проблемы в СССР и перспективы социолингвистических исследований. // Русский язык в СССР. 1991. №11. С.13
10. [Интернет-ресурс] Белова Е.В. Речевая культура молодежи: проблема дефиниции //. http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=177.
11. Коренева А.В. Профессионально ориентированное обучение речевой деятельности студентов-нефилологов на основе междисциплинарной интерации в курсе «Русский язык и культура речи». ¬Автореф. дисс... доктора филол. наук. 2010. С.48.
12. Стернин И.А. К теории речевых культур носителя языка. // Вопросы психолингвистики. 2009. №9. С.22-29.

Интеллектуальная собственность: инвестиции и международный технологический обмен

В.В. Пирогова

Статья посвящена анализу роли права интеллектуальной собственности в развитии экономики и международного технологического обмена; привлечении прямых инвестиций. Исследуются, в частности, проблемы технологического обмена между странами с развитой рыночной экономикой и развивающимися странами; проводится анализ ряда международных соглашений в области патентного права.

Более половины всех экспортируемых сегодня из Соединенных Штатов Америки продукции и услуг защищены различными правами интеллектуальной собственности, будь то права на изобретения, товарные знаки, авторские права или коммерческая тайна. Россия, делая ориентиры на инновационную экономику, ставит для себя целями увеличение конкурентных технологий, которые бы оказались востребованными на мировых рынках высокотехнологичной продукции. Осуществляя эти долгосрочные программы, наше государство не может оставлять в стороне вопросы защиты новых разработок, которые лежат в плоскости интеллектуальной собственности.

В мировом сообществе существуют различные мнения относительно целесообразности и эффективности правовой охраны новых идей. Мнения расходятся в диаметрально противоположные стороны: от ратования за усиление защиты прав и всеохватывающего применения института интеллектуальной собственности до его полного отвержения как препятствия на пути распространения информации. Полагаем, мнения столь различны потому, что проблемы информационного обеспечения и защиты новых знаний рассматриваются с разных позиций.

Как правило, разработчикам новых технологий особенно выгоден режим усиленной охраны новых идей. Производители и потребители находятся в поле «поглощения» знаний и результатов новых технологий, поэтому среди них обычно не выделяется особый интерес к монополизации прав. Государство в свою очередь призвано, обеспечивая баланс интересов участников оборота, направлять ресурсы на освоение новых технологий и разрабатывать концепцию охраны интеллектуальной собственности. Процессы глобализации международной торговли требуют создания такой национальной модели охраны интеллектуальной собственности, которая бы учитывала не только наукоемкость технологий, но и такие важные составляющие экономического и социального потенциала государства, как:

— инвестиционная привлекательность;
— безопасность;
— доступность сырьевых и энергетических ресурсов;
— сложившаяся правовая система;
— уровень образованности населения;
— специфика рынка трудовой занятости;
— национальные, культурные традиции общества.

Как отмечалось в одном из выступлений бывшего генерального директора ВОИС господина Камила Идриса, законодательство в сфере интеллектуальной собственности может выступать для государства мощным инструментом его экономического развития. Наряду с этим, среди многих зарубежных экономистов и политологов

Пирогова Вера Владимировна – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: vpirogova@mail.ru

существует и такое мнение, что необдуманное использование этого инструмента может стать для общества достаточно «опасной игрушкой», более деструктивной, нежели созидающей. При этом акцентируется мысль, что технологии и законодательство об интеллектуальной собственности сами по себе не могут разрешить глобальной проблемы человечества. В качестве таковой указывается преобладание в мире обществ, в которых люди не заботятся о себе[1]. Для убедительности западными экономистами разрабатываются научные теории о влиянии социального общества на так называемую экономику знаний. Большинство научных школ придерживаются концепции так называемого «общепринятого здравого смысла» (conventional wisdom), согласно которой в жизни общества идет постоянное столкновение понятий «истина» и «осведомленность». При этом поиск истины и принятие решений во всех сферах общественного уклада в значительной степени осуществляются в соответствиями с критериями «выгоды и преимущества». В указанных теориях обосновываются различные модели, демонстрирующие растущие взаимосвязи между интеллектуальной собственностью и экономическим развитием общества. Ряд зарубежных исследователей проводит анализ влияния сильных, развитых систем охраны инноваций на экономики развивающихся стран как в условиях притока в них прямых иностранных инвестиций, так и при отсутствии последних. Согласно некоторым результатам этих исследований, повышение уровня охраны интеллектуальной собственности в развивающихся странах может вести к росту лишь одной составляющей международной торговли, а именно : импорта. Одновременно с ростом показателей импорта для развивающихся стран ими прогнозируется рост неконтролируемого копирования продукции, изготовленной по западным технологиям.

Некоторые зарубежные специалисты отдают предпочтение так называемой мягкой модели патентного законодательства, когда речь идет о развивающихся странах, советуя избегать по отношению к ним радикальных решений[2]. Вместе с тем, один из аргументов в пользу усиления охраны прав формулируется следующим образом: повышение стандартов охраны само по себе не будет стимулировать развитие инноваций, но будет вести к росту прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые, в свою очередь, будут стимулировать экономический рост.

Известно, что при разработке инвестиционных программ во внимание большинством западных стран принимаются многие факторы, как экономико-правового, так и социально-политического характера страны-импортера технологий. Как правило, если государство располагает низким уровнем образовательной системы и низким уровнем законодательства в сфере инноваций, возможности для копирования ввозимых технологий на его территории носят крайне ограниченный характер. Следовательно, страна-инвестор может не требовать ужесточения правового режима охраны инноваций. Напротив, если государство обладает необходимыми ресурсами для копирования лицензионной продукции, для инвесторов важно обеспечить систему жестких санкций за нарушение прав интеллектуальной собственности. Иными словами, требуется повышение минимальных стандартов правовой охраны.

Третью группу стран можно охарактеризовать как страны с исторически сложившейся высокой культурой образования и современной законодательной базой в сфере интеллектуальной собственности. Для этой группы стран прямой зависимости инвестиций от уровня охраны инноваций не выявлено, и предпочтение обычно отдается не прямым инвестициям, а лицензионной торговле[3].

Взаимосвязи между инновациями и инвестициями наглядно проявляются и при разработке инвестиционной политики крупными транснациональными компаниями. В частности, если инвестиции направляются в страны с развитой экономикой, то вопросам охраны интеллектуальной собственности при принятии решения об инвестировании придают первостепенное значение. Для рынков развивающихся стран фактор интеллектуальной собственности, как правило, уступает другим факторам, а именно: показателям экономического роста в конкретном секторе экономики, уровню квалификации персонала, особенностям налогового режима. В этом отношении, полагаем, показателен пример с Китаем, когда все вышеуказанные факторы удовлетворяли требования транснациональных компаний, что в результате привело к высоким темпам роста объемов иностранных инвестиций. Следует попутно подчеркнуть, что для инвестиционной активности транснациональных компаний в некоторых сферах производства и обслуживания, как например, в розничной торговле и общественном питании уровень правовой охраны инноваций решающего значения не имеет. Нередко с финансирования этих сфер инвестор начинает формирование своего инвестиционного портфеля. Опосредованное влияние на развитие технологического потенциала развивающихся стран оказывает размещение на их территории производственных мощностей по выпуску высокотехнологичной продукции. В процессе производства местные инженеры и рабочие, как правило, проходят обучение в крупных зарубежных компаниях, привнося в свою страну новые знания и навыки. В зарубежной литературе такой вид передачи технологий называют «неформальным» (informal means of technology transfer)[4].

Рядом авторов приводятся три группы факторов, которые по их оценкам оказывают наибольшее влияние на технологический обмен. Во-первых, к ним относят показатели валового дохода. Во-вторых, скоординированность системы охраны интеллектуальной собственности и

открытости торговли. В-третьих, показатели роста производства продукции в секторе экономики и обмена технологиями с указанием объемов международной торговли и наличия зарубежного патентования[5]. Интересно в связи с фактором патентования отметить, что для стран с низкими и средними показателями доходов на душу населения число зарубежных патентов находится в прямой зависимости от показателей лицензионной торговли. В странах с высокими показателями доходов подобной зависимости не наблюдается. Вместе с тем, в странах с высокими и средними показателями дохода повышение в рамках лицензионной торговли импорта находится в прямой зависимости с ростом производственных мощностей лицензиата. Количество внутренних патентов[6] в развивающихся странах указывает на имеющийся в этих странах неиспользуемый потенциал для технологических инноваций. Зачастую им не хватает собственных ресурсов для коммерческой реализации. С другой стороны, ввоз «неформальных» (беспатентных лицензий) не требует сильной системы правовой охраны новшеств. В этом случае предпочтительным для инвесторов является финансирование местной системы образования, нежели создание усиленной системы прав интеллектуальной собственности. Приводится аргумент, что улучшение системы образования повышает рост неформальных технологий при одновременном повышении показателей прямых иностранных инвестиций.

Были выявлены иные интересные взаимосвязи: страны с наиболее развитыми патентными системами отличаются наиболее высокими экономическими показателями; при этом страны с наименее слабыми патентными системами опережают по экономическим показателям те государства, в которых систему охраны интеллектуальной собственности можно охарактеризовать как усредненную между двумя первыми. В итоге делается вывод о том, что для экономического роста государства охрана интеллектуальной собственности имеет важное значение, но уступает по влиянию на экономику страны таких факторов как конкурентоспособность и открытость торговли.

Можно согласиться с первостепенным значением фактора конкурентоспособности, но одновременно подвергнуть сомнению значение второго фактора. Полагаем, что без надлежащего уровня конкурентоспособности промышленности открытость торговли может оказать негативный эффект на экономические показатели. В этой связи обратимся к одной из публикаций на тему целесообразности усиления охраны инноваций в развивающихся странах. Автор исследования отмечает, что подавляющее количество инновационных разработок в развивающихся странах носит характер копирования, поэтому усиление охранных прав означает расширение возможностей для получения охраны не только для иностранных компаний - инвесторов, но и для местных разработчиков технологий. Как следствие, полагает, что усиление прав интеллектуальной собственности может скорее нанести вред, нежели принести пользу экономикам развивающихся стран.

Таким образом, с одной стороны, права интеллектуальной собственности признаются мощным стимулом экономического развития, обмена технологическими и социально-культурными достижениями. С другой стороны, в зарубежной литературе нередко высказывается точка зрения о том, что гармонизация прав интеллектуальной собственности не всегда является предпочтительным инструментом технологического обмена с развивающимися странами. Именно западной доктриной применительно к интеллектуальной продукции были разработаны такие понятия, как «пиратство» и «контрафакт». В последние десятилетия прошлого века они становятся реальными рычагами воздействия со стороны ведущих западных стран на своих торговых партнеров из развивающихся стран. Изучение начальных этапов развития технологического середины 19- ого века показывает, что новые технологические знания преимущественным образом стали концентрироваться в руках опытных рабочих. При передаче технологий между европейскими странами, между Европой и США обмен знаниями и навыками преимущественно осуществлялся посредством направления рабочих и инженеров на зарубежные стажировки[7]. Подобная ситуация наблюдалась до принятия Англией и Нидерландами нормативных актов, направленных против подкупа рабочих, их рекрутинга, вводивших запрет на экспорт машиностроительного оборудования. Целью введения новых правил было предотвращение странами-торговыми партнерами получения незаконных преимуществ в торговой практике. Ответная реакция ряда европейских государств на эту законодательную инициативу нередко выражалась в организации промышленного шпионажа с целью поддержания технологического уровня. Легальным средством регулирования обмена технологиями выступили первые патентные законы, принятые многими западными странами в период окончания 18-ого и середины 19 –ого века. Вместо привилегий правообладателям стали выдаваться патенты как охранные грамоты[8].

По прошествии двух столетий классическая патентная система охраны изобретений остается для продвижения инноваций общепризнанной. В отношении изобретений у авторов или иных правообладателей действуют исключительные права. Государство в рамках патентной системы регулирует технологические инновации во всех отраслях науки и техники. Патентное ведомство после сбора патентных пошлин осуществляет экспертизу и при успешном ее завершении выдает охранный документ- патент. Исключительные права обеспечивают конкурентные преимущества правообладателей и получение вознаграждения авторам служебных изобретений. Последние

по своему количеству и значению существенным образом превосходят личные изобретения. Совершенно очевидно, что в условиях жесткой конкуренции без патентной охраны не обойтись.

В современных условиях глобализации экономики невозможно представить себе компании, выходящие на внутренние и зарубежные рынки с новой продукцией или технологией без патентной охраны своих разработок. системы интеллектуальной собственности значительно возрастают инвестиционные риски: разработчики инноваций не в состоянии завоевать прочные позиции на рынке среди конкурентов.[9]

В начале 70-х годов прошлого века в условиях быстрых темпов роста объемов технологического обмена в сфере патентного права был подписан ряд международных договоров, которые позволили достичь определенного уровня гармонизации интеллектуальной собственности[10]. Тогда же мировое сообщество впервые серьезно столкнулось с проблемой необходимости признания роли международного разделения труда при обмене технологиями. Целесообразность такого разделения была очевидна, поскольку виделось, что отдельное государство не может быть лидером одновременно во всех отраслях промышленности[11]. Вместе с тем, следует признать и тот факт, что дальнейшая гармонизация интеллектуальной собственности стала осуществляться мировым сообществом по иному сценарию.

Начиная со второй половины 20-ого века группа развивающихся стран стала достаточно высоко оценивать для себя возможности так называемой «эрозии» на свою почву патентного права европейских стран. В 1967 году во время Стокгольмской конференции учреждается Всемирная Организация по Интеллектуальной Собственности (ВОИС). На ВОИС возлагаются функции специализированного подразделения ООН; в ее компетенцию , в частности, входят вопросы правовой и технической поддержки технологического обмена с сфере промышленной собственности. В 1975 в рамках ВОИС году была создана специальная комиссия, занимавшаяся проблематикой Парижской конвенции об охране промышленной собственности в контексте интересов развивающихся стран. Наиболее остро для всех стоял вопрос применения принципа национального режима[12]. Предполагалось, что технологическое отставание развивающихся стран можно было восполнить двумя путями. В качестве одного из вариантов наращивания технологического потенциала виделось усиление внутренней промышленной политики. Другим путем представлялось отдать предпочтение закупке технологий в странах с развитой рыночной экономикой. Тогда с формулировкой «оказание помощи» и во исполнение первого варианта Соединенными Штатами Америки был разработан специальный документ, содержащий рекомендации в области промышленной политики для развивающихся стран. Однако в связи с обострившейся в 70-х годах политической ситуацией вокруг ряда стран Юго-восточной Азии, и в частности, Индии, западными странами была занята иная позиция, согласно которой преобладающим стало мнение, что неконтролируемые технологии могут представлять значительную опасность для всего мирового сообщества. В итоге дебатов предпочтение было отдано контролируемому ввозу западных технологий.

В конце 80-х годов США начинают осуществлять политику по включению проблематики интеллектуальной собственности в поле зрения Генеральной Ассамблеи по Торговле и Тарифам (ГАТТ). Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), подписанное в Марракеше 15 апреля 1994 года в рамках создания Всемирной Торговой Организации, по-прежнему было обращено к проблеме развития технологического обмена на принципах взаимного сотрудничества и равного доступа к технологиям всех стран – участников договора. Пятнадцать лет, прошедшие после вступления Соглашения в силу, показали, что на практике нередко провозглашенные принципы равного доступа остаются формальной декларацией, и каждая страна-член ВТО формирует собственную стратегию продвижения на мировые рынки своих технологий и закупки их за рубежом.[13] При всем том странами - участницами международного оборота осознана необходимость максимального привлечения института интеллектуальной собственности к обеспечению своих экономических интересов в технологическом обмене[14].

Подводя итоги и исходя из вышеизложенного, полагаем, что для всех государств, независимо от уровня экономического развития и членства в международных торговых организациях, вопросы технологического обмена и инвестиций никоим образом неотделимы от прав интеллектуальной собственности. С уверенностью можно говорить также и о том, что инвестиции в наукоемких областях промышленности и производства без использования института интеллектуальной собственности сегодня фактически не осуществляются. Вместе с тем, следует понимать, что система охраны интеллектуальной собственности в отрыве от иных значимых факторов, влияющих на приток инвестиций и технологический обмен, сама по себе не может обеспечивать создание и продвижение на международных рынках новых технологий.

Pirogova V. Intellectual Property: Investments and International Technology Transfer.

Summary: *The article dedicates to the role of Intellectual property law in economic development and international technology transfer; growth of Foreign Direct Investment in high tech industries. Special attention is paid to problems of technology transfer between developed (MNS-countries) and developing countries; the article analyses some of international patent conventions. The article is based on results of recent research on this issue.*

Ключевые слова

право интеллектуальной собственности, экономическое развитие, прямые инвестиции, международный технологический обмен, Парижская конвенция 1883 г., Соглашение ТРИПС, гармонизация патентного законодательства, развитая патентная система, исключительные права, инновационная стратегия.

Keywords

intellectual property law, economic development, Foreign Direct Investment , international technology transfer, Paris Convention of 1883, the TRIPS Agreement, patent law harmonization, patently superior system, exclusive rights, innovation strategy.

Примечания

1. Joseph E.Stiglitz. Celebrating the Irrational, Project Syndicate, 2002.Режим доступа: < http://www.project-syndicate.org/commentary/stiglitz23>
2. T.Vallee, M. Yildzoglu. Social and Technological Efficiency of Patent System, Режим доступа: http://repec.org/sce 2004/up.16143.1075828575.pdf (2004).
3. Полагаем, к этой группе вполне может быть отнесена Россия, располагающая достаточно высоким интеллектуальным потенциалом, современной законодательной базой и опытом международного сотрудничества в реализации научно-технических разработок. См.например, М.М. Богуславский. Основные вопросы изобретательства в международном частном праве. –М., 1960; Иванов И.Д., Сергеев Ю.А. Патенты и лицензии в международных экономических отношениях.-М., 1966; Э.Я. Волынец –Руссет. Ноу-хау во внешней и внутренней торговле.- М., 1992.
4. P.Beattie. (The Intellectual Property Law and) Economics of Innocent Fraud- The IP and Development Debate // IIC, Vol. 38, 2007,6-29.
5. Используются показатели о количестве выданных патентов, но не показатели фактически используемых патентов.
6. Имеются в виду патенты, которые выдаются национальным заявителям.
7. P.Beattie. Указ. Соч., с.15-17.
8. В Англии – с 1624 года; во Франции- с 1791 года, в США- с 1790 года , в Германии-с 1815 года.
9. Об опыте лицензионной торговли в условиях бывшего СССР. См. например, М.Л Городисский. Лицензии во внешней торговле СССР.- М., 1972.
10. Договор о патентной кооперации (PCT от 1970 г.), Европейская патентная конвенция (ЕПК) от 1973г.; OAPI (Африканская организация по интеллектуальной собственности, основанная в 1962 г. для франкоговорящих стран); ARIPO (Организация по интеллектуальной собственности для англоязычных африканских стран, основанная в 1976 г.).
11. F.-K. Beier. Die Bedeutung des Patentsystems für den technischen, wirtschaftlichen und sozialen Fortschritt, Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, Internationaler Teil // 1979, Heft 5, p. 227- 235.
12. K. Hallstein. Die Genfer Konferenz zur Revision der Pariser Verbandsübereinkunft zum Schutze des gewerblichen Eigentums // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht, Internationaler Teil, 1981, 138;
13. См. например.G.Ghidini. Innovation, Competition and Consumer Welfare in Intellectual Property Law. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.- 2010, p.33-92.
14. A.Liberman, P.Chrocziel, Russell E. Levine,P.C. International Licensing and Technology Transfer: Practice and Law,- Walters Kluwer, 2008, Chapter 1.

Глобализация начала XXI века: мегатренды мирового развития

Л.А. Добрынина

В статье анализируются новейшие тенденции мирового развития, связанные с изменением природы глобализации и ее научного осмысления в первом десятилетии XXI века. Основной идеей статьи является рассмотрение глобализации, особенно ее современной, более социально ориентированной и девестернизированной, версии как глобального общественного блага, создающего возможности для комплексного решения проблем развития. Автор также стремится выявить некоторые результаты воздействия мирового финансово-экономического кризиса на мирополитическую систему, сферу государственного и делового управления, на распределение социальных ролей и межличностных связей, подчеркивает его конструктивную роль в распространении ощущения единства мирового сообщества.

В первое десятилетие XXI века в мире начало формироваться новое глобальное общественное благо. На данный момент его существование не очевидно и признается далеко не всеми участниками мировой политики и экономики. Однако на него указывают многие современные исследователи, особенно азиатского происхождения. Этим глобальным общественным благом является глобализация, вернее, возможности, которые она создает для каждого государства, компании, социальной общности, отдельного человека. О беспрецедентной с исторической точки зрения значимости глобализации для решения проблем социального и индивидуального развития начали говорить исследователи либеральной ориентации в конце XX – начале XXI вв.[1] Примерно тогда же в теоретических подходах к проблеме развития и практической политике произошли следующие изменения:

— развитие на глобальном уровне и на уровне отдельных стран и регионов было осознано как общечеловеческая ценность;
— проблемы развития (бедность, голод, болезни, неграмотность, плохая экология и т.д.) перестали восприниматься как относящиеся исключительно к странам третьего мира, стали глобальными проблемами;
— сформировался комплексный подход к проблемам развития, учитывающий не только экономические, но и политические, культурные, социальные аспекты этого явления;
— разочарование в результатах догоняющего развития в большинстве незападных стран привело к пониманию, что проблемы развития не могут быть решены в короткий срок и путем простого копирования западных экономических моделей;
— фрагментарность и неоднородность процессов общественного развития были признаны реальностью и даже нормой.

Сегодня исследователи все больше отходят от характерных для 90-х гг. критических оценок глобализации. Тогда она понималась в основном как распространение в масштабах всей планеты «западных» идеалов либерализма, демократии и рыночной экономики и противопоставлялась делению мира на виртуальные дихотомии типа капитализм-социализм, Запад-Восток, Север-Юг, на конфликтующие цивилизации. Глобализация в XXI веке воспринимается не как источник зависимости развивающихся стран от развитых, а, прежде

Добрынина Людмила Андреевна – аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

всего, как возможность для развития, которой каждый человек и каждая социальная общность может воспользоваться. При этом целостность глобальной человеческой общности становится основной формой и нормой существования. В этой связи одной из центральных тем мирополитической науки становится социально ориентированная глобализация. Исследования в области развития фокусируются не на отдельных странах и регионах, а на человечестве в целом, которое в настоящее время фрагментировано национальными границами, этническими, религиозными, социально-экономическими барьерами, глобальными проблемами, но стремится к целостности в отдаленной и желаемой перспективе.

Все больше государств, НПО, международных организаций, прежде всего системы ООН, выступают за то, чтобы поставить глобализацию на службу человеку. Доклад «Справедливая глобализация. Создание возможностей для всех» Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации, созданной при Международной организации труда, гласит: «Глобализацию нужно снять с высокого пьедестала совещаний корпоративных советов директоров и кабинетов министров и поставить на уровень потребностей людей в местах их проживания. Социальное измерение глобализации означает рабочие места, здравоохранение и образование, но оно выходит далеко за рамки этих вопросов… Это совокупность их надежд на демократическое участие и материальное благополучие. Улучшение глобализации – ключ к повышению качества и стабильности жизни людей всего мира в XXI веке».[2]

Но каковы критерии эффективной включенности в глобализацию? Является ли наличие мобильного телефона или доступ в Интернет показателем глобализированности при отсутствии, например, доступа к нормальным санитарным условиям и высшему образованию? Известный индийский экономист, лауреат Нобелевской премии А.Сен обратил внимание на то, что такие показатели, как доход на душу населения или темпы роста ВВП, не всегда адекватно отражают уровень развития общества. Гораздо важнее, по его мнению, оценивать уровень социального развития с точки зрения продолжительности жизни, доступности образования, в том числе высшего, и здравоохранения, наличия у граждан либеральных прав и свобод, и главное – экономических, политических и социальных возможностей для выбора. Таким образом, одним из центральных понятий для исследования развитости и отсталости становится человеческий капитал и развитие личности.

«…Основные права человека (то есть право на политическую деятельность, получение базового образования и медицинской помощи) являются неотъемлемыми компонентами развития», - пишет А. Сен в своей книге «Развитие как свобода».[3] Он считает, что свобода и права человека способны эффективно влиять на экономический прогресс по двум причинам:

— во-первых, они ценны сами по себе, а, значит, их наличие свидетельствует о высоком уровне общественного развития;
— во-вторых, политические и экономические свободы способствуют более эффективному политическому управлению и экономическому росту в результате свободной экономической деятельности граждан, их индивидуальной инициативы и политической активности. Он пишет в этой связи: «Обладание большей свободой поступать так, как считаешь нужным, является, во-первых, непосредственно значимым для человеческой свободы вообще и, во-вторых, такое обладание важно для развития личных возможностей, ведущих к получению ценных результатов».[4]

Бедность в таком случае рассматривается не в традиционном понимании наличия низких доходов, а как отсутствие, недостаток возможностей. Для обеспечения развития необходимо, чтобы экономические возможности создавались на адекватном социальном фоне, который в свою очередь обеспечивает возможность воспользоваться вновь открывшимися экономическими возможностями. Не только повышение заработка увеличивает возможности, но и расширение возможностей способствует большим заработкам. Улучшение качества жизни и вклад в развитие человеческого капитала ведет к усилению способности людей к активной деятельности, повышает продолжительность жизни, влияет на уровень рождаемости, что особенно важно для развивающихся стран.

Сингапурский политолог К. Мабубани, рассуждая о важности свободы для целей развития и о расширении индивидуальной свободы в результате включения в процессы глобализации, отмечает, что понимание свободы различно в странах Запада и остального мира. Если западная философия и политическая наука подчеркивают значение свободы как ценности и самоцели, то для стран Азии свобода инструментальна. Ее значение подчеркивается в основном в свободе предпринимательства и в смысле расширения возможностей выбора для роста благосостояния населения. На Западе свобода – абсолютная категория, она либо есть, либо ее нет. Поэтому и общества часто классифицируются по дихотомии свободные/несвободные. Во всем остальном мире, и на Востоке особенно, свобода – категория относительная, которая может присутствовать в обществе в той или иной степени и принимать различные формы.

К. Мабубани, например, отмечает, что в развивающихся странах Азии на первое место выходят такие проявления свободы как свобода от голода и нужды, свобода как личная и общественная безопасность, свобода выбора рабо-

ты и т.д.[5] Таким образом, благодаря быстрому экономическому росту, спровоцированному глобализацией, население, например, политически авторитарного Китая сейчас обладает гораздо большей свободой, чем 30 лет назад. Что еще более важно, в развивающихся странах сегодня наблюдается беспрецедентный рост интеллектуальной свободы и открытости за счет внедрения западной системы образования и расширения возможности получать образование на Западе.

Современная глобализация перестала быть синонимом вестернизации, каким она была в 90-е гг., когда многие западные политики и исследователи полагали, что Запад достиг предельной, наивысшей точки своего развития, «конца истории», и все, что ему теперь остается – это ждать пока остальной мир догонит его по уровню развития. Как пишет в своей статье А.Д. Богатуров, сегодня «в интеллектуальном дискурсе нарастает ощущение обратимости некоторых важнейших международно-политических процессов. До середины 2000-х годов распространение либеральных ценностей и американское силовое превосходство считались «неотчуждаемыми и долгосрочными» факторами мирового развития. Сегодня это ощущение проходит»[6]. В первое десятилетие XXI века глобализация действительно воплощается в росте влияния незападного мира, на что обращают внимание в том числе и американские аналитики[7]. Экономические успехи незападных стран ведут к росту их национального, культурного, цивилизационного самосознания, к признанию равноправия цивилизаций и демократизации мирового порядка. Более того, под воздействием глобализации Запад начал испытывать сильное влияние со стороны остального мира и продолжает меняться.

Однако, хотя глобализация и предполагает значительное расширение возможностей для экономического роста и развития, многие страны в силу различных причин не способны интегрироваться в глобальную экономическую систему и получить доступ к открывающимся возможностям, а также влиять на их формирование. Несмотря на глобальный экономический рост (рост мирового ВВП - 4,9% в 2007 году, 3,7% в 2008 году, в среднем по развивающимся странам около 6,7%[8]) подключение к процессам глобализации и, как следствие, достижение значительных темпов экономического роста и уровня развития вовсе не является неизбежным для отдельных стран. Отчасти это происходит из-за несовершенства существующих механизмов управления глобализацией и доминирования в них развитых западных стран. Отчасти - из-за неспособности самих правительств выбрать оптимальный сценарий подключения к глобализации, часто в результате рекомендаций международных институтов. Отчасти – из-за непредсказуемости, ограниченной транспарентности и регулируемости международных экономических и финансовых процессов.

Если оценивать воздействие глобализации по таким макроэкономическим показателям как рост ВВП или доход на душу населения, можно придти к выводу, что она действительно способствовала развитию многих государств, созданию в них открытой, конкурентоспособной экономики. И это свершалось за счет поощрения в них более свободного обмена товарами, услугами, капиталом, рабочей силой, идеями, знаниями, технологиями. В масштабах всего мира успех двух последних десятилетий действительно выглядит впечатляюще:

— число людей, живущих в абсолютной бедности (менее чем на $1 в день) в развивающихся странах сократилось на 278 миллионов в период с 1990 до 2004 г.[9];
— в Восточной и Юго-Восточной Азии процент живущих за чертой бедности снизился с 56% в 1990 году до 17,8% в 2005 году[10];
— за счет грамотного государственного регулирования интеграции в глобализацию, стимулирования инновационной деятельности, временного протекционизма, а затем включения в глобальные производственные цепочки страны Восточной Азии смогли не только решить проблемы бедности и в несколько раз увеличить доход на душу населения, но и стать одними из ведущих производителей высокотехнологичных товаров и квалифицированных услуг.

Тем не менее, это улучшение связано с изменениями, произошедшими в Китае, Индии, НИС и странах ЮВА. В странах южнее Сахары, Европы и Центральной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна бедность выросла на 82, 14 и 8 млн. человек соответственно. Более того, комиссия МОТ установила, что из 73-х исследованных стран в период с 1960-х по 1990-е гг. 59% населения проживало в странах с усиливающимся социально-экономическим неравенством, и только 5% - в странах с уменьшающимся неравенством.[11] Лишь в 16-ти развивающихся странах темпы роста доходов на душу населения в период с 1985 по 2000 гг. превышали 3% в год. В 55 развивающихся странах темпы роста были ниже 2% в год, а у 23 из них рост оказался отрицательным.[12]

Глобализация усугубляет проблемы и в развитых западных странах, порождает бедность, безработицу, низкие продолжительность и качество жизни. В США реальные доходы низших слоев населения стагнируют уже на протяжении более чем 25-ти лет. Европа никак не может справиться с высоким уровнем безработицы. Это доказывает, что американская или европейская модели рыночной экономики не являются панацеей и безусловным благом для воспринимающих их незападных стран, как и для самих американцев и европейцев.

Дуалистичный характер глобализации подтвердил и мировой финансово-экономи-

ческий кризис 2008-2010 гг. «Высокая динамика подъема до кризиса и сопутствовавшая ей эйфория усугубили остроту восприятия падения производства». Причем «падение производства вызвано теми же причинами, что и предшествующий ему динамичный подъем. В их основе – одновременное действие двух фундаментальных факторов: глобализации и ускоренного инновационного развития».[13] Остановимся кратко на зарождающихся под воздействием кризиса новых для большей части мира тенденциях: а) в мировой политике; б) в сфере глобальной управляемости; в) в отношениях на уровне социальных и коммерческих организаций и на межличностном уровне. Стоит подчеркнуть, что эти тенденции еще только намечаются в различных странах и регионах. И даже внутри отдельных стран они проявляются с различной степенью интенсивности.

Любое кризисное явление в любой сфере общественной жизни является отклонением от нормы. Поэтому кризис изменяет представления о важном и необходимом, смещает приоритеты, создает потребность в нестандартном мышлении и реагировании. Это выражается, прежде всего, в том, что на первый план в управлении (государством или бизнес-структурой) выдвигаются созидатели – менеджеры, предприниматели, политики, - способные найти новые, креативные подходы. При этом главным критерием для выдвижения в анти-кризисные руководители становится талант, а не навыки или знания. Если пользоваться терминологией Макса Вебера, рационально-легальные лидеры становятся неэффективными в решении нестандартных проблем, им на смену приходят лидеры харизматичные. И чем больше образ такого лидера расходится с привычным, докризисным имиджем руководителей, тем более он привлекателен в глазах общественности. Барак Обама в этом смысле – классический антикризисный лидер, символизирующий надежду на возрождение. Символично, что первого темнокожего президента в США выбрали в, пожалуй, один из наиболее тяжелых для США годов с начала XX века.

Нынешний кризис стал беспрецедентным как по масштабам экономического спада, так и по количеству пораженных им государств. Виной тому - глобализация, под воздействием которой кризисные явления усугубляются:

— снижается точность прогнозирования;
— сокращается время для реагирования и принятия решений;
— возрастает роль индивидуального фактора и эмоций в экономике и политике.

Однако о том, что наиболее конструктивным является восприятие кризиса как смеси опасности и возможностей (в частности, такими иероглифами это слово обозначается в китайском языке), сказано и написано уже достаточно. Глобализация – процесс многогранный, ее воздействие на мировую политику и экономику и на отдельные страны и бизнес имеет как отрицательные, так и положительные стороны:

— эмоциональность при принятии решений может означать не только рост рисков, но и доминирование духовного начала в работе;
— снижение точности прогнозирования – стимулировать технологический прогресс;
— необходимость быстрого реагирования на изменения – повышение эффективности управленческой деятельности.

Принято считать, что по мере развития социальной системы ее подсистемы становятся все более специализированными и автономными. Однако, чем выше уровень географической абстракции, тем больше исключений из этого правила. Представляется, что в отношении глобальной социальной системы верно обратное. По мере распространения глобализации на все большее количество стран и сфер человеческой деятельности уровень взаимозависимости между ними повышается. Какое же влияние оказал мировой кризис, начавшийся как исключительно финансово-экономическое явление, на мировые политику, культуру, межличностные связи, распределение социальных ролей?

Во-первых, постепенное размывание однополярной (полутораполярной) иерархии в системе международных отношений системе стало более очевидным за счет роста мощи и влияния отдельных стран и негосударственных акторов, и, особенно в последнее время, за счет добровольного отказа США от политики односторонних действий. Признав необходимость и эффективность коллективного глобального управления, Барак Обама стал президентом надежды на изменения не только для граждан США, но и для всего мира. Однако речь в данном случае не идет об экономическом и политическом упадке США. Как отмечает в статье в журнале «Международные процессы» Ф. Войтоловский, «в действительности нет достаточных оснований говорить о деградации могущества сверхдержавы. Однако на фоне кризисных явлений в мировой экономике, а также внешнеполитических затруднений США (прежде всего в Ираке), имеющих внутриполитические последствия, наметились предпосылки ограниченного сокращения американского влияния в отдельных сферах деятельности и регионах».[14]

Своеобразным символом расширения круга государств – субъектов глобальной политики, - стали три саммита Группы 20. Формально созданная в 1999 году на встрече министров финансов Группы 7, «двадцатка» десять лет собиралась только в составе министров финансов и глав центральных банков своих членов и оставалась в тени элитарного клуба развитых стран. Первый раз форум собрался на уровне глав государств и правительств в ноябре 2008, а в 2009 г. проводился в таком составе уже два раза. «Двадцатка» - уже популярнее и представительнее, чем G8. Развивающиеся страны здесь

- не приглашенные, а полноправные участники. А формат форума более адекватен для института глобального управления, чем формат формализованной организации.

Однако, являясь несомненным прорывом в деле глобального управления, Группа 20 остается сложнокоординационным механизмом, состоящим из стран с различными интересами и потенциалом, не способным пока выйти за рамки обсуждений и обмена информацией. С. Афонцев, например, отмечает, что «результаты саммитов «двадцатки» в ноябре 2008 г. и апреле 2009 г. показали, что доминирующим стремлением большинства участников является сохранение максимальной свободы рук в реализации антикризисной политики на национальном уровне».[15] На саммитах не выносится конкретных решений, а наиболее нестандартные предложения по модернизации мировой финансовой системы, например, о создании новой резервной валюты, даже не выносятся на обсуждение. В результате отсутствия политической воли, финансово-экономическая глобализация не сопровождается созданием соответствующих инструментов ее регулирования. Вместе с тем возрастающее количество рисков становится сложнее идентифицировать и оценивать.

Вторым несомненным изменением стал тот факт, что мировые финансовые и экономические институты все больше концентрируются на проблемах развитых рынков, в то время как раньше они традиционно занимались проблемами развивающихся. В то же время возникают или становятся заметными новые нетрадиционные подходы к содействию развитию. Например, любопытен подход Глобального фонда по продвижению инноваций и других венчурных фондов. Для стимулирования частной деловой активности в развивающихся странах они используют метод «терпеливого капитала» (patient capital) – третий путь между благотворительной помощью, которая чаще всего просто не доходит до беднейших слоев, и инвестициями, которые предоставляются только высокоэффективным хозяйствам.[16]

Согласно концепции «терпеливого капитала», реципиентами помощи в развивающихся и беднейших странах являются индивиды и отдельные домашние хозяйства, которые рассматриваются как участники рынка. Помощь при этом предоставляется обычно не только в форме капиталовложений, но и в форме технической и интеллектуальной поддержки, содействия в менеджменте, инновационных технологиях или бизнес-решениях, но является при этом благотворительной, то есть не предоставляется из соображений эффективности. Ведь большинство нуждающихся не имеет знаний и умений для организации собственного бизнеса, способного привлечь инвестиции.

Любопытным социальным трендом и одновременно механизмом содействия развитию и демократизации развивающихся обществ является то, что на Западе получило название Евалюция (Eveolution) – процесс усиления влияния женщин в экономике, политике, семье. Неправительственная некоммерческая организация Фонд Евалюции (Eveolution Foundation) , партнер ООН и ЕС, была создана для поддержки женщин-предпринимателей в развивающихся странах и обеспечения более активного участия женщин в принятии решений.

В социальной и деловой сферах происходят, пожалуй, наиболее значительные изменения. Некоторые атрибуты глобализации этих сфер приобретают новое значение, предстают более очевидно и выпукло в условиях мирового кризиса. Усиливающаяся конкуренция за ресурсы, инвестиции, клиентов ведет к большей специализации бизнеса, в том числе за счет развития аутсорсинга. С аутсорсингом связано такое явление, как виртуальная миграция, ставшая возможной в результате массового распространения портативных компьютеров, расширения услуг мобильной связи и доступа в Интернет. Сегодня специалист может работать на компанию, находясь вне офиса: дома или в другой стране.

Увеличивается количество интерактивных связей, прежде всего за счет развития социальных сетей и коммуникационных сервисов («Facebook», «My Space» «Twitter», «LiveJournal», «Одноклассники» и т.д.) в Интернет и появления на его базе глобальных самоорганизующихся систем, таких, как Linux, Amazon, EBay, многопользовательских игр. Этой тенденции способствует, главным образом, рост безработицы и, соответственно, необходимости занять освободившееся время, найти новые источники социализации и самореализации.

Исследователи-футурологи все активнее говорят о том, что мир недалекого будущего, по крайней мере, в разрезе международного бизнеса и социальных связей, будет делиться не на страны и регионы, а на «включенные» (connected) и «исключенные» (disconnected) территории. В качестве «включенных» территорий выступают в основном города – «ворота в глобализацию», если использовать известную формулировку. Сегодня города – уже не просто деловые и коммуникационные центры, это глобальные хабы, предоставляющие своим жителям широкий спектр возможностей, характерных для граждан единого мира – образование, трудоустройство, причем в компании из разных стран, отдых, межкультурное взаимодействие и т.д. Больше всего таких городов-хабов в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Формирующийся многополярный, глобализированный мир хаотичен, ни одна система ценностей не сможет стать в нем доминирующей. Однако это, вероятно, не приведет к росту международных противоречий. Кризисные явления способствуют ощущению мироцелостности гораздо больше, чем периоды роста, когда

глобальные проблемы становятся действительно глобальными:

- во-первых, из падения никто не исключен, в отличие от развития, из которого почти полностью исключен целый африканский континент и миллионы людей в других частях света;
- во-вторых, взаимозависимость стран в условиях глобализации ощущается острее при распространении негативных явлений, чем позитивных;
- в-третьих, преодоление кризиса в масштабах всей планеты возможно только совместными усилиями всех втянутых в него стран, а также негосударственных акторов.

А сама глобализация при этом выступает как данность, среда, которая не является безусловно положительной или отрицательной. Глобализация – это возможность, и задача каждого – суметь воспользоваться ей.

Dobrynina L.A. Globalization in the First Decade of the XXI Century: Megatrends of World Development.

Summary: *The article analyses the latest trends of the world development, related to the changing nature of globalization and its scientific interpretation in the first decade of the 21st century. The article focuses on globalization, especially its contemporary, more socially oriented and de-westernized version as a global public good that creates possibilities for comprehensive solution of development problems. The author also seeks to identify the impact of the world financial and economic crisis on the world political system, state government and business management, distribution of social roles and interpersonal relations, stresses its constructive role in unifying the world community.*

Ключевые слова

глобализация, глобальное общественное благо, проблемы развития, девестернизация, демократизация, мировой финансово-экономический кризис.

Keywords

globalization, global public good, development problems, de-westernization, democratization, world financial and economic crisis.

Примечания

1. Например: Бхагвати Дж. В защиту глобализации/ Дж. Бхагвати, пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева – М.: «Ладомир», 2005. – 406 с. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь/ Э. Гидденс. Пер. с англ. – М: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.; Сен А. Развитие как свобода/ А. Сен, пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева, М.: Новое издательство, 2004. – 432 с. – (Библиотека фонда «Либеральная миссия»); Фридман Т. Плоский мир: краткая история XXI века/ Т. Фридман, пер. с англ. М. Колопотина. - М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. – 601 с.; Mahbubani, Kishore. The new Asian hemisphere: the irresistible shift of global power to the East / Kishore Mahbubani. – Public Affairs, New York, 2008 – 314 p.; Stiglitz, Joseph E. "Making Globalization Work"/ Joseph E. Stiglitz. – 1 st ed., W.W. Norton & Company, Inc., New York, 2007 – 374 p.; Zakaria, Fareed. The post-American world / Fareed Zakaria. - W.W. Norton & Company, Inc., New York, 2008 – 292 p.;
2. Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации. «Справедливая глобализация. Создание возможностей для всех»/ Международная организация труда, 2004, стр. VII. http://www.ilo.org/fairglobalization/report/full/lang--en/index.htm
3. Сен А. Развитие как свобода/ А. Сен, пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева, М.: Новое издательство, 2004. – 432 с. – (Библиотека фонда «Либеральная миссия»), стр. 23.
4. Там же, стр. 35.
5. Mahbubani, Kishore. The new Asian hemisphere: the irresistible shift of global power to the East / Kishore Mahbubani. – Public Affairs, New York, 2008 – 314 p., Pp. 134-136.
6. Богатуров А.Д. Кризис стратегии «навязанного консенсуса» / А.Д. Богатуров, А.В. Фененко // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – С. 5–18; 2008. – № 12. – С. 5–18., стр. 17. Источник: http://www.mgimo.ru/files/73144/bced5e078c6344ffdc589685a4edb1ff.pdf
7. См. например: Zakaria, Fareed. The post-American world / Fareed Zakaria. - W.W. Norton & Company, Inc., New York, 2008 – 292 p.
8. Global Monitoring Report 2008. MDGs and the Environment: Agenda for Inclusive and Sustainable Development / The International Bank for Reconstruction and Development . The World Bank / Washington DC, 2008. – P. 6 http://siteresources.worldbank.org/INTGLOMONREP2008/Resources/4737994-1207342962709/8944_Web_PDF.pdf
9. Там же, стр. 2
10. Источник: The Millennium Development Goals Report 2008/ UN, 2008 http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Data/Stat%20Annex.pdf
11. Всемирная комиссия по социальным аспектам глобализации. «Справедливая глобализация. Создание возможностей для всех»/ Международная организация труда, 2004, стр. 48. http://www.ilo.org/fairglobalization/report/full/lang--en/index.htm
12. Там же, стр. 39.
13. Хесин Е.С. Анатомия глобального спада //Современная мировая политика: Прикладной анализ/ отв. ред. А.Д. Богатуров. – М.:Аспект Пресс, 2009. – 588 с., стр. 259
14. Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе/ Ф. Войтоловский // Международные процессы. – Январь-апрель 2009. – Том 7, №1(19). Источник: http://www.intertrends.ru/nineteenth/002.htm
15. Афонцев С. Глобальный кризис и регулирование мировых финансов/ С. Афонцев // Международные процессы. – Январь-апрель 2009. – Том 7, №1(19). Источник: http://www.intertrends.ru/nineteenth/003.htm
16. Источник: http://www.ted.com/talks/jacqueline_novogratz_a_third_way_to_think_about_aid.html
17. http://www.eve-olution.org
18. Источник: http://www.ted.com/talks/parag_khanna_maps_the_future_of_countries.html
19. Использован образ из книги «Ворота в глобальную экономику» под ред. О. Е. Андерссона и Д.Е. Андерссона (пер. с англ. под ред. В.М. Сергеева. - М.: Фазис, 2001., 440 с.).

Эволюция регулирования мировой экономики: роль смешанных механизмов

И.С. Крылов

Вследствие стремительного развития процессов экономической глобализации, а также изменения подхода к проблематике управления мировой экономикой, в последние два-три десятилетия динамично развивались смешанные механизмы сотрудничества государств и негосударственных акторов по регулированию глобальных экономических процессов. Параллельно формировались два типа данных механизмов: межправительственные универсальные организации и переговорные площадки, создававшиеся для полноценного сотрудничества государств и негосударственных акторов. В данной статье рассматриваются организации и институты обоих типов смешанных механизмов регулирования, производится анализ их влияния на процессы управления и поддержания стабильности мировой экономики.

Последние три десятилетия стали периодом кардинальных преобразований, произошедших в международной политико-экономической сфере и связанных со стремительным развитием процессов глобализации мировой экономики. При всей сложности данного феномена и неоднозначности его оценок, именно в области экономики процессы глобализации проявились в наибольшей степени и могут считаться основной содержательной характеристикой современного этапа развития мирохозяйственной системы. Во второй половине XX века и в особенности в 1990-е – 2000-е годы в мировой экономике произошли серьёзные изменения, вызванные постепенной либерализацией национальных режимов:

— регулирования внешней торговли;
— систем контроля за потоками капитала;
— повышением мобильности рабочей силы;
— возросшей взаимозависимости национальных экономик.

Одновременно в течение данного периода наблюдалась смена подходов к проблеме регулирования мировой экономики в условиях стремительно развивающихся глобализационных процессов. Эти изменения происходили на фоне постоянных дискуссий как в рамках научного сообщества, так и на уровне практической политики вокруг двух взаимосвязанных групп вопросов. Во-первых, это проблемы влияния различных акторов мировой политики на основные процессы развития современной политической модели мира и мирохозяйственной системы. Во-вторых, это вопросы развития основных механизмов регулирования глобальных экономических процессов и определения состава акторов, ответственных за формирование и обеспечение эффективности данных механизмов.

В 1980-е – первой половине 1990-х годов в основном преобладала точка зрения, согласно которой экономическая глобализация, с одной стороны, приводит к значительному снижению регуляционных полномочий государств, а с другой стороны, она не требует создания специальной системы регулирования глобальных экономических процессов. Считалось, что процессы глобализации в сфере экономики подчиняются логике саморегулирующихся рыночных отношений, которые в условиях нарастающей взаимозависимости позволят без существенного вмешательства со стороны государств решать насущные проблемы развития мировой экономики. Прежде всего, это касалось:

— формирования справедливой, соответству-

Крылов Иван Сергеевич – аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: ivan.krylov@siemens.com

ющей интересам большинства стран, системы мировой торговли;
— создания стабильной, эффективно функционирующей финансовой архитектуры;
— стимулирования модернизации и догоняющего развития экономик развивающихся государств;
— повышения качества жизни в наименее развитых странах и регионах, их интеграции в глобальные мирохозяйственные процессы.

Однако после серии экономических кризисов последнего десятилетия XX века, в особенности азиатского финансового кризиса 1997-1998-х годов, растущую популярность стал приобретать тезис, согласно которому либеральная модель глобализации не обеспечивает поступательного и устойчивого развития мировой экономической системы. На повестку дня был поставлен вопрос о необходимости проведения реформ международного экономического порядка и создания новой модели управления глобальной экономикой, учитывающей изменившиеся условия мирополитического взаимодействия. Начавшийся в 2008 году глобальный экономический кризис, затронувший сначала финансовую сферу, а затем и производительный сектор экономики, вновь привлёк внимание к проблеме модернизации существующих и созданию новых механизмов регулирования мировой экономической системы. При этом особую популярность приобрел тезис о том, что одним из главных следствий кризиса стало более активное вмешательство государства в экономические процессы как на национальном, так и на международном уровне, в связи с чем основное внимание должно уделяться развитию и модернизации исключительно государственных механизмов экономического регулирования.

Вместе с тем тенденции последних трёх десятилетий привели к тому, что в настоящее время в сфере управления мировыми экономическими процессами сосуществуют три основные модели механизмов регулирования, отличающиеся между собой составом акторов, принимающих участие в их функционировании. Это *государственная модель*, основанная на межгосударственных связях и договоренностях, *смешанная*, представляющая собой площадку взаимодействия государств, межправительственных организаций (МПО), транснациональных корпораций (ТНК) и субъектов глобального гражданского общества, а также *частная*, где механизмы управления находятся в руках негосударственных акторов.[1]

Данная статья в основном посвящена специфике смешанной модели регулирования мировых экономических процессов, потому что:
— во-первых, именно данный тип механизмов развивался наиболее динамично на протяжении последних двух десятилетий, для которых была характерна значительная активизация взаимодействия государств и негосударственных акторов в сфере регулирования глобальных экономических процессов;
— во-вторых, учитывая многочисленность участников и необходимость согласования их интересов, именно смешанные механизмы позволяют представить более полную картину того, что происходит в ходе регулирования мировой экономики на различных ее уровнях;
— в-третьих, смешанные механизмы привлекли наибольшее внимание как теоретиков, исследовавших феномены мировой политики, так и в сфере обсуждения и принятия практических решений.

В настоящий момент можно говорить о существовании двух основных типов подобных смешанных механизмов. К первому из них относятся учрежденные национальными государствами универсальные МПО, которые со временем начали активно сотрудничать с негосударственными акторами, в том числе в создании смешанных механизмов регулирования мировых экономических процессов. Ко второму типу смешанных механизмов относятся структуры, с самого начала создававшиеся в качестве площадки для сотрудничества между государствами и негосударственными акторами, выступающими в качестве равноправных партнеров. При этом оба типа смешанных механизмов предполагают создание различных каналов и инструментов участия негосударственных акторов в регулировании глобальных экономических процессов, к которым относятся:
— активное участие в разработке и подготовке управленческих решений в сфере режимных правил регулирования мировой торговли, инвестиционной деятельности и международной миграции рабочей силы;
— формирование повестки дня и определение приоритетных направлений регулирования мировой торговли, инвестиционной деятельности и международной трудовой миграции;
— осуществление мониторинга и контроля за реализацией принятых решений.

Вышеперечисленные формы участия негосударственных акторов в работе смешанных механизмов позволяют рассматривать их в качестве полноценных участников регулирования глобальных экономических процессов.

Эволюция межгосударственных универсальных организаций в смешанные механизмы сотрудничества. Из наиболее влиятельных международных экономических организаций Всемирный банк стал первым, кто выступил с инициативой внедрения практики проведения консультаций с представителями организаций гражданского общества (Civil Society Organizations) – НПО, социальными движениями, профсоюзными объединениями, религиозными группами и фондами. В 1981 году был создан Комитет НПО – Всемирный банк (NGO – World Bank Committee), в рамках которого на регулярной основе проводятся встречи, по-

священные обсуждению основных проектов и программ ВБ. В этих встречах участвуют высокопоставленные сотрудники банка и главы 26 НПО, совместно формирующие Рабочую группу Всемирного банка по взаимодействию с негосударственными организациями (NGO Working Group of the World Bank).

Отдельным направлением сотрудничества ВБ и НПО является работа на местах. В частности, члены Комитета НПО - Всемирный банк назначаются в качестве наблюдателей в состав миссий банка. С середины 1990-х годов представители гражданского общества заключают контракты на работу в качестве специалистов в региональных офисах ВБ. В результате подобных инициатив доля участия организаций гражданского общества в финансируемых банком проектах возросла с 21% от общего числа проектов в 1990-е годы до 72% - в 2000-е годы.[2] Кроме того, в рамках инициативы по совместному наблюдению за процессом реализации структурных реформ (The Structural Adjustment Participatory Review) в каждой стране - реципиенте помощи со стороны ВБ должен быть образован национальный управляющий комитет, в состав которого, кроме сотрудников банка, представителей национального правительства и местной администрации, входят сотрудники НПО. Хотя эти формы сотрудничества в целом укладываются в стандартную логику реализации программ ВБ, механизмы обратной связи с НПО позволяют ему гибко адаптировать эти программы к возникающим возможностям и проблемам.

Что касается сотрудничества между Всемирным банком и ТНК, то в основном оно сводится к различным контактам в ходе реализации программ содействия развитию и борьбы с бедностью. К подобным контактам относятся проведение тендеров и заключение контрактов на поставку товаров и предоставление услуг в рамках финансируемых банком проектов, предоставление специалистами ВБ консалтинговых услуг потенциальным инвесторам в развивающиеся и наименее развитые страны, страхование рисков (в том числе политических) потенциальных инвесторов, посредничество при передаче технологий и оказании ТНК технической помощи развивающимся государствам. В целом, основной задачей данного сотрудничества является стимулирование участия бизнеса в проектах Всемирного банка, а также разделение ответственности (в том числе и финансовой) за их реализацию.

Опыт Всемирного банка начали перенимать другие МПО. В частности, негосударственные акторы получили доступ к обсуждению глобальных политико-экономических проблем в рамках системы ООН. При этом как субъекты гражданского общества, так и деловые круги имеют свои собственные, специфические формы и каналы сотрудничества с различными структурами системы ООН.

В первую очередь это касается НПО, возможность сотрудничества с которыми была предусмотрена в статье 71 Устава ООН, уполномочивающей ЭКОСОС «проводить надлежащие мероприятия для консультаций с НПО». При ЭКОСОС действует Конференция неправительственных организаций (КОПНО), являющаяся выразителем мнения сообщества НПО, имеющих консультативный статус при ЭКОСОС. Целью данной структуры является создание наилучших возможностей для деятельности НПО, а также обеспечение соответствующих условий для осуществления ими своих консультативных функций.

Одновременно существует ещё один канал сотрудничества между ООН и НПО – деятельность Департамента общественной информации (ДОИ) Секретариата ООН. Более 1500 НПО имеют ассоциированный статус при ДОИ, а также избирают исполнительный комитет ДОИ-НПО, который выполняет консультативные функции и представляет интересы НПО, аккредитованных при ДОИ.[3]

Наконец, НПО имеют тесные связи и с другими структурными элементами системы ООН. К конкретным примерам такого сотрудничества можно отнести следующие:

— участие в дискуссиях, неформальных встречах за круглым столом, специально организуемых сессиях и конференциях, проводимых под эгидой Генеральной Ассамблеи (ГА ООН);[4]
— участие во встречах Совета Безопасности ООН (СБ ООН), посвященных проблемам предотвращения конфликтов, миротворческой деятельности, постконфликтного строительства и мироустройства, в рамках так называемой «Формулы Аррии»;[5]
— сотрудничество с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО), официальный статус при которой имеют 190 НПО, участвующих в работе сессий Совета и Конференциях ФАО, присутствующих на заседаниях экспертов и специальных семинарах;
— сотрудничество с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), официальный статус при которой имеют 180 международных НПО, участвующих в заседаниях организации без права голоса. В рамках ВОЗ была также запущена программа «Глобальный альянс по проблемам вакцинации и иммунизации» (ГАВИ), в рамках которой осуществляется сотрудничество между НПО, фармацевтическими ТНК, международными банками развития, различными благотворительными фондами;[6]
— сотрудничество с Объединенной программой ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС). В состав Совета по координации программы (СКП) входят 5 НПО, включая ассоциации лиц, инфицированных ВИЧ/СПИДом;
— участие в работе Комиссии по правам человека. Представители НПО представляют

Комиссии доклады и отдельные сообщения: о нарушениях в области прав человека, о наблюдении за ходом реализации положений различных договоров. Они также выступают консультантами в ходе разработки новых документов и процедур;

— участие в работе Управления по координации гуманитарной деятельности (УКГД). В состав секретариата Управления входят представители пяти НПО, вовлеченных в реализацию программ гуманитарной помощи и в разработку соответствующей политики как на местном, так и на международном уровне.

У ТНК также существуют свои специфические формы и каналы сотрудничества с ООН. Прежде всего, речь идет об инициативе «Глобального договора» (Global Compact), выдвинутой предыдущим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в 1999 году. Она нацелена на разработку и внедрение правил предпринимательской деятельности, отражающих всеобще признанные принципы защиты прав человека, установления справедливых торговых отношений, обеспечения стандартов занятости, а также защиты окружающей среды. «Глобальный договор» является добровольной инициативой, основывается на публичной подотчётности, транспарентности и ответственности экономической деятельности компаний, которая не только преследует конкретные коммерческие интересы, но и ориентирована на принятие практических мер по реализации принципов этой инициативы.[7]

Одновременно ТНК и деловые круги в целом налаживают тесные связи с различными специализированными структурами системы ООН. Представители ТНК совместно с НПО обсуждают в рамках ВОЗ проблемы создания эффективных лекарственных препаратов против малярии, туберкулеза, а также участвуют в разработке комплекса мер по борьбе с распространением ВИЧ/СПИДа. Другим примером сотрудничества может служить ФАО, которая совместно с транснациональными банками разработала пакет кредитных программ для производителей сельскохозяйственных товаров, открывающих им доступ к использованию малых кредитов. Эти программы используются в 25 странах, где насчитывается свыше 1000 банковских филиалов.

В рамках ЮНКТАД представители национальных государств, ТНК и Международной торговой палаты совместно работают над разработкой практических рекомендаций по улучшению инвестиционного климата в наименее развитых странах, особенно на африканском континенте. Международный союз электросвязи совместно с ТНК, работающими в области телекоммуникационных технологий, запустили проект «Worldnet», нацеленный на развитие коммерческого сектора Интернета и повышение уровня занятости в сфере телекоммуникаций в развивающихся странах. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) активно сотрудничает с ТНК, внедряющими ноу-хау в области защиты окружающей среды и предоставляющими информацию о своей экологической политике. В 1999 году ЮНЕП стала инициатором разработки ряда принципов ответственной корпоративной политики в социальной сфере и в области защиты окружающей среды, и более 20 ТНК согласились в качестве эксперимента работать по этим принципам.[8]

Другие МПО также не остались в стороне от тенденции более активного сотрудничества с негосударственными акторами. Расширился круг акторов, принимающих участие в многосторонних переговорах Всемирной торговой организации (ВТО) по разработке режимов регулирования различных аспектов мировой торговли. Организация предоставляет возможность как ТНК, так и НПО участвовать в обсуждении основных правил регулирования системы глобальной торговли. Можно выделить следующие основные направления сотрудничества ВТО с негосударственными акторами:

— участие представителей ТНК и НПО в Министерских конференциях. ТНК могут участвовать в подобных встречах как от своего имени, получая аккредитацию для спонсируемых ими групп интересов (например, 65% общественных организаций, аккредитованных при встрече в Сингапуре в 2001 году, представляли интересы бизнес-сообщества[9]) так и косвенно, входя в состав делегаций государств, в которых они зарегистрированы. В частности, более 500 сотрудников компаний и представителей бизнеса имели статус консультантов по торговым вопросам американской делегации на переговорах ВТО.[10] Что касается НПО, то они регулярно участвуют в этих встречах, начиная с Сингапурской конференции 1996 года. Приблизительно 650 НПО, работающих в сферах защиты окружающей среды, содействия развитию, защиты прав потребителей, представляющих интересы профсоюзов и фермерских ассоциаций участвуют в регулярных встречах Дохийского раунда переговоров ВТО;

— проведение конференций и симпозиумов, посвященных торговой проблематике. Подобные мероприятия служат площадкой для неформального общения представителей НПО с профильными (отраслевыми) специалистами из правительств государств-членов ВТО. В основном они посвящены таким вопросам, как а) влияние торговли на состояние окружающей среды; б) взаимосвязь между мировой торговлей и процессами развития; в) способы и инструменты стимулирования развития торговли;

— повседневные контакты между НПО и ВТО для формирования повестки дня деятельности организации. Сотрудники Секретариата ВТО и другие официальные

представители организации уполномочены принимать письма и обращения от НПО; главы различных комитетов и комиссий могут встречаться с представителями НПО как в своем личном качестве, так и в качестве приглашенных экспертов на организуемые по инициативе НПО мероприятия;

— создание при ВТО Международного центра торговли и устойчивого развития (International Centre on Trade and Sustainable Development) в 1996 году. Задача центра заключается, во-первых, в налаживании диалога между ВТО и представителями ТНК и НПО, во-вторых, в информировании негосударственных акторов об основных принципах работы организации, процедурах и механизмах её деятельности с тем, чтобы они могли более эффективно представлять свои интересы в системе ВТО.[11]

Сотрудничество с негосударственными акторами Международного валютного фонда (МВФ) не получило широкого институционального развития. Оно менее формализовано и, в целом, начало развиваться значительно позже, чем у Всемирного банка, ООН и ВТО. Тем не менее, в последние годы МВФ ведет целенаправленную политику по усилению контактов, прежде всего, с субъектами гражданского общества. Сотрудничество с ними, по мнению экспертов фонда, обеспечивает большую прозрачность его работы, а также позволяет учитывать мнения и интересы тех групп, на которые непосредственно влияет деятельность МВФ.[12] Диалог, обмен мнениями и информацией, консультации между МВФ и представителями гражданского общества проводятся как на международном, так и на национальном уровне. В основном они сводятся к следующим формам:

— консультациям в ходе больших форумов или специальных встреч;
— проведению встреч и семинаров, посвященных реализации различных проектов, между экспертами МВФ и представителями организаций гражданского общества как в штаб-квартире, так и в региональных офисах;
— обеспечению возможности для НПО предоставлять свои аналитические материалы и доклады по различным проблемам, связанным с деятельностью Фонда, с целью их дальнейшего включения в официальные публикации самого МВФ;
— участию представителей гражданского общества в ежегодном форуме «Политика в отношении гражданского общества» (Civil Society Policy Forum), организуемом совместно с Всемирным банком и проходящим параллельно с ежегодными весенними встречами руководителей МВФ и Всемирного банка;
— регулярным контактам с Бюро независимых оценок (Independent Evaluation Office), которому представители организаций гражданского общества могут высказывать своё мнение и давать рекомендации в отношении оценок эффективности политики МВФ;
— регулярным встречам глав национальных миссий фонда с представителями национальных профсоюзов и аналитических центров.[13]

Смешанные механизмы сотрудничества, созданные государствами и негосударственными акторами. Одновременно существует и второй тип смешанных механизмов регулирования, отличающихся тем, что они изначально формировались в качестве площадки для сотрудничества государств, МПО и негосударственных акторов, выступающих в качестве равноправных партнеров. К наиболее известным примерам подобных механизмов можно отнести Всемирный экономический форум в Давосе (ВЭФ), а также институт неформальных встреч в рамках Бильдербергского клуба и Трёхсторонней комиссии.

Всемирный экономический форум в Давосе является независимой, некоммерческой международной организацией, которую всё чаще называют центром по обеспечению частно-государственного партнерства в области формирования глобальной и региональной повестки дня регулирования политико-экономических процессов. Состав участников, приезжающих на ежегодные встречи в рамках форума, очень разнообразен и включает в себя:

— представителей национальных государств либо на уровне глав государств и правительств, либо руководителей профильных министерств (министров экономики, финансов, социального развития, здравоохранения, экологии);
— руководителей международных и региональных организаций и институтов, таких как ООН, Всемирный банк, МВФ, ВТО, ОЭСР, ЕС, АСЕАН и др.;
— представителей бизнес-сообщества - 1000 крупных компаний, работающих в различных областях экономики в разных регионах мира;[14]
— руководителей и специалистов НПО, занимающихся вопросами: а) защиты окружающей среды; б) доступа к водным ресурсам; в) борьбы с коррупцией; г) развития образования и здравоохранения; д) борьбы с голодом; ж) оказания гуманитарной помощи, з) развития энергосберегающих технологий;
— представителей СМИ. В состав Международного совета по СМИ (International Media Council) входят в общей сложности 100 влиятельных и известных журналистов, главных редакторов, издателей, представляющих печатные, электронные, радио и телевизионные СМИ;
— академические круги в лице 23 ректоров крупнейших и наиболее известных в мире университетов из 9 стран, а также представителей научно-исследовательского и экспертного сообщества.

Главным мероприятием ВЭФ являются ежегодные встречи, которые проводятся на швейцарском горнолыжном курорте Давос в конце января – начале февраля. В рамках этих встреч проходит около 300 пленарных заседаний, семинаров, круглых столов, а также «мини-встреч в верхах» с участием государственных деятелей. Помимо давосских встреч, проводятся региональные саммиты ВЭФ – Европейский экономический форум, ВЭФ по проблемам Ближнего Востока и Северной Африки, ВЭФ для Африки. Наконец, ВЭФ ежегодно проводит около 30 национальных (страновых) встреч, различных семинаров и симпозиумов.[15]

В качестве примеров взаимодействия государств и негосударственных акторов в ходе регулирования экономических процессов можно выделить следующие направления деятельности ВЭФ:

— исследование проблем глобального управления. В рамках Инициативы по глобальному управлению (Global Governance Initiative) ВЭФ проводит мониторинг основных усилий государств, МПО, ТНК и представителей гражданского общества по реализации Целей тысячелетия ООН, касающихся сокращения бедности, развития систем здравоохранения и образования, защиты окружающей среды, ликвидации голода, защиты прав человека;[16]
— обеспечение глобального сотрудничества по борьбе с коррупцией. В 2004 году в рамках ВЭФ представителями деловых кругов была выдвинута Инициатива по партнерству для борьбы с коррупцией (Partnering Against Corruption Initiatives, PACI). Инициатива дает частному сектору возможность представить национальным правительствам и МПО своё видение проблем коррупции, а также оценить эффективность национальных и международных программ по борьбе с этим явлением;
— развитие системы образования. В рамках ВЭФ существует Инициатива по развитию глобального образования (Global Education Initiative), в которой участвует 40 компаний, 14 государств, 7 МПО (прежде всего, ЮНЕСКО) и 20 НПО. Инициатива нацелена на обеспечение глобального сотрудничества в области образования, а также на стимулирование участия деловых кругов в разработке и реализации программ реформирования и развития национальных образовательных систем;[17]
— развитие системы здравоохранения. В 2002 году ВЭФ приступил к реализации Инициативы по развитию глобальной системы здравоохранения (Global Health Initiative), в реализации которой участвуют фармацевтические ТНК, национальные правительства, МПО и представители гражданского общества. Данная инициатива является механизмом частно-государственного партнерства по развитию национальных систем здравоохранения и борьбе с ВИЧ/СПИДом, туберкулезом и малярией в странах Африки, Южной и Юго-Восточной Азии;
— оказание гуманитарной помощи. В 2006 году в рамках ВЭФ была разработана Инициатива по оказанию гуманитарной помощи (Humanitarian Relief Initiative), являющаяся примером частно-государственного партнерства, нацеленного на использование возможностей и ресурсов компаний частного сектора в решении гуманитарных проблем, вызванных как различными политическими и военными кризисами, так и техногенными и природными катастрофами. В ней участвуют представители ТНК, специализированные учреждения ООН (ВОЗ, Всемирная продовольственная программа), а также НПО во главе с Международной Федерацией Красного Креста;[18]
— борьба с изменением климата. В рамках форума существует рабочая группа, исследующая вопросы защиты окружающей среды и достижения экономического благосостояния – The Task Force on Low-Carbon Economic Prosperity, в состав которой входят более 50 ТНК, приблизительно 30 НПО и экспертных групп. Рабочая группа занимается разработкой программ и проектов по развитию экологически чистых технологий, внедрению соответствующих инновационных продуктов, осуществлению инвестиций в те отрасли экономики и компании, которые одновременно демонстрируют и высокие темпы развития, и снижают своё негативное воздействие на окружающую среду.

Кроме того, необходимо упомянуть о Бильдербергском клубе (Bilderberg Group)[19] и Трёхсторонней комиссии (Trilateral Commission). Степень влияния данных организаций на регулирование международных политико-экономических процессов изучена в меньшей степени по сравнению с ВЭФ в силу того, что их деятельность, во-первых, не предполагает столь обширной институциализации сотрудничества, а, во-вторых, не ориентирована на широкую общественность. Именно поэтому эти механизмы получили различные неофициальные названия, начиная от элитарных, закрытых клубов и заканчивая конспиративными группами заговорщиков, тайно управляющих миром (в интерпретации праворадикальных и неомарксистских движений, выступающих с антиглобалистскими лозунгами).

Тем не менее, неформальные встречи в рамках Бильдербергского клуба и Трёхсторонней комиссии можно назвать площадкой для обсуждения проблем глобального управления (в том числе и экономическими процессами) между представителями государств, бизнес-сообщества и организациями гражданского общества. Так, на ежегодные Бильдербергские конференции

собираются 115-130 участников, представляющих ТНК, национальные правительства (как действующие главы государств и правительств, министры, так и политические деятели в отставке), академические круги и профсоюзные организации из стран Северной Америки, Европы и Азии.[20] У клуба существует собственный небольшой исполнительный комитет, занимающийся формированием повестки дня и организацией встреч.

Деятельность Трёхсторонней комиссии во многом близка к практике Бильдербергского клуба. Комиссия объединяет около 400 представителей бизнеса, СМИ, академических и университетских кругов, государственных служащих, НПО и профсоюзных организаций из государств североамериканского, европейского и азиатско-тихоокеанского регионов. Первая встреча в подобном формате состоялась в 1973 году, она проходила в условиях разразившихся нефтяного и валютно-финансового кризисов. С тех пор участники ежегодно собираются для разработки стратегии более тесного сотрудничества между тремя регионами в целях совместного управления основными процессами глобального развития. Кроме того, комиссия проводит ежегодные встречи на региональном уровне, организуемые региональными штаб-квартирами в Вашингтоне (приглашает около 100 участников из США, Канады и Мексики), Париже (120 участников, представляющих в основном страны ЕС) и Токио (около 100 представителей стран АТР).[21]

Смешанные механизмы как инструмент выхода из кризиса и фундамент посткризисной системы регулирования мировой экономики. Глобальный экономический кризис и проблемы посткризисного восстановления вновь привлекли внимание к вопросам управления мировой экономикой, сделав их центральным пунктом международной повестки дня. При этом особую популярность приобрел тезис об увеличении роли государств в регулировании экономических процессов как на национальном, так и на международном уровне, и, соответственно, в формировании предпосылок для развития исключительно межгосударственных механизмов управления мировыми экономическими процессами.

Однако на данный момент нет оснований полагать, что произошедшее в результате кризиса усиление регуляционного влияния государств приведет, во-первых, к снижению роли негосударственных акторов в управлении мировой экономикой, и, во-вторых, к сворачиванию дальнейшего развития смешанных механизмов регулирования. Более того, можно ожидать, что конкуренция между государственными и смешанными механизмами только обострится.

Действительно, на данный момент основные решения, касающиеся разработки стратегии по выходу из кризиса и посткризисного развития, принимались государствами, например, на встречах «Группы двадцати» или «Группы восьми». Одновременно, в самих документах, подписываемых по итогам крупных международных антикризисных саммитов, постоянно подчеркивается необходимость интенсификации деятельности МВФ и Всемирного банка по разработке программ и проектов реформ международной финансовой системы, отмечается важность отказа от протекционизма и сохранения ВТО в качестве ключевого механизма регулирования мировой торговли. В свою очередь, данные МПО по-прежнему рассматривают сотрудничество с негосударственными акторами в качестве одного из наиболее эффективных инструментов реализации своих уставных целей и продолжают курс на формирование смешанных механизмов экономического регулирования. Это дает основание утверждать, что формирующиеся при их поддержке смешанные механизмы, а также такие глобальные переговорные площадки как Всемирный экономический форум будут задействованы в разработке стратегий по преодолению нынешних кризисных явлений и сыграют значительную роль в формировании предпосылок для посткризисного развития мировой экономики.

Наблюдаемое сегодня усиление влияния государств на экономические процессы само по себе является примером успешного и взаимовыгодного сотрудничества государственных и негосударственных акторов в рамках смешанных механизмов регулирования. Тенденцию «возвращения государств в экономику», проявляющуюся в национализации крупнейших финансовых институтов, ужесточении режимов регулирования внешней торговли и финансовых систем, оказании помощи компаниям и предприятиям не следует рассматривать как свидетельство «конца экономического либерализма» или попытки построения модели «государственного капитализма». Это скорее следствие соответствующего запроса со стороны бизнеса, характерного для периодов глубоких экономических кризисов.

Именно в кризисные времена сам бизнес заинтересован в усилении регуляционных полномочий государств, способных обеспечить большую стабильность и предсказуемость экономических процессов. Поэтому можно ожидать, что в посткризисный период, как это неоднократно бывало в прошлом, бизнес будет предъявлять запрос на мероприятия государственной экономической политики, связанные с либерализацией систем контроля за торговой и инвестиционной деятельностью, денационализацией компаний и финансовых институтов, а также на общее ослабление регуляционного воздействия на экономику. Первые признаки этого уже можно наблюдать в практике таких стран, как США и экономически развитых государств Евросоюза.

В целом, наравне с проявившейся в последнее время тенденцией усиления роли государств в управлении экономическими процессами на национальном и международном уровне, по мере преодоления глобального экономического

кризиса продолжится укрепление смешанных механизмов регулирования. Государства будут интенсифицировать диалог с негосударственными акторами, стремиться все более широко привлекать их к разработке стратегий по восстановлению стабильности мировой экономики и к контролю исполнения принятых решений. Развитие смешанных механизмов будет способствовать поиску и возникновению новых моделей экономического регулирования, позволяющих максимально эффективно использовать возможности и ресурсы как ТНК, так и субъектов гражданского общества в интересах управления глобальной экономикой.

Krilov I. Evolution of Global Economic Governance: Role of Mixed Mechanisms.

Summary: *Due to fast-moving economic globalization, as well as changes in approaches to the world economic governance, last three decades have been witnessing the dynamic development of mixed mechanisms of cooperation between states and non-state actors, designed to regulate the global economy. Two major forms of mixed mechanisms appeared: universal intergovernmental organizations, which used to serve as pure interstate cooperation bodies, but then evolved into mixed mechanisms; negotiation platforms, which from the very start were created for overall and full cooperation between states and non-state actors, acting as equal partners. This article focuses on examples of organizations and institutes that represent both types of mixed mechanisms and analyses their impact on governance and stability of world economy.*

Ключевые слова

Глобализация, глобальное управление, мировая экономика, глобальный экономический кризис, межправительственные организации (МПО), субъекты глобального гражданского общества, Всемирная торговая организация

Keywords

Globalization, Global governance, World economy, World Economic Crisis, Intergovernmental Organizations, Global Civil Society, World Trade Organisation

Примечания

1. Афонцев С.А. Интересы граждан и политические механизмы регулирования мировой экономики // Полис. – 2006 - №2, стр. 157-158
2. http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/CSO
3. http://www.un.org/dpi/ngosection/index.asp
4. Report of the Secretary-General in Response to the Report of the Panel of Eminent Persons on United Nations-Civil Society Relations. 13th September 2004. UN Document A/59/354. – NY., 2004. – P.3-4
5. Данная формула предполагает, что подобные встречи, во-первых, будут проводиться не в основном зале заседаний, а в помещении, предоставляемом одним из его действующих членов, а, во-вторых, будут носить неофициальный характер и поэтому не будут включены в расписание заседаний.
6. Система ООН и гражданское общество – подведение итогов и анализ практики. http://www.un.org/russian/partners/sys3.htm
7. http://www.unglobalcompact.org
8. Взаимовыгодные решения – ООН и деловые круги. http://www.un.org/russian/partners/business/win_ solutions. html
9. Kapoor I. Deliberative democracy and the WTO // Review of International Political Economy. – August 2004. –Volume 11. - № 3. – P. 530.
10. Там же.
11. Chadwick A. The Emerging Roles of NGOs in the U.N. System: From Article 71 to a People's Millennium Assembly // Global Governance. – Jan-Mar 2002. – Vol.8. – no. 1. – P. 110, а также http://ictsd.net/about
12. МВФ. Руководство по связям персонала МВФ с организациями гражданского общества. – Вашингтон, 2003. – С.2
13. http://www.imf.org/external/np/cpac/relief.htm
14. http://www.weforum.org/en/Communities/GlobakGrowthCompanies/index.htm
15. http://www.weforum.org/en/about
16. http://www.weforum.org/en/initiatives/globalgovernance/index/htm
17. http://www.weforum.org/en/initiatives/gei/index.htm
18. http://www.weforum.org/en/initiatives/drn/index.htm
19. Клуб стали так именовать по названию гостиницы «Бильдерберг» в голландском городе Остербеке, где в 1952 году состоялось его первое заседание.
20. Carroll W.K., Carson C. Forging a New Hegemony? The Role of Transnational Policy Groups in the Network and Discourses of Global Corporate Governance // Journal of World-Systems Research. – Winter 2003. – IX.I. – P.73
21. http://www.trilateral.org/memb.htm

Внешний долг России: ретроспектива и взгляд в будущее

И.Р. Акопян

В статье анализируется внешний долг России, начиная со времен СССР по настоящий момент, его текущее состояние, а также перспективы его будущего развития.

Новым направлением в российской экономической политике в 2010 г. стало возвращение России на внешний рынок заимствований после почти 12-тилетнего перерыва. Главной причиной этому послужил рост бюджетного дефицита, который, по предварительным прогнозам, в 2010 г. составил 6.3 – 6.4% ВВП. Предполагается, что суммарный объем внешних займов в этом году составит 17.78 млрд. долл., из которых 2-4 млрд. долл. планируется одолжить у Всемирного банка, остальные же средства будут получены в результате размещения на внешних финансовых рынках евробондов. На 2011 – 2012 гг. запланированные заимствования составят по 20 млрд. долл. ежегодно.

Анализ современного состояния мирового финансового рынка дает основание полагать, что российские еврооблигации, являясь стабильными внешними займами инвестиционного класса, будут иметь высокий спрос. К числу таких потенциальных инвесторов можно отнести международные фонды, которые составляют свои портфели преимущественно из высоколиквидных рисковых активов, а также многочисленные инвестиционные компании, осуществляющие вложения в надежные активы, которыми и являются долговые инструменты государства. Из этого можно сделать вывод, что среди международных инвесторов, преимущественно из США и Европы, спрос на размещенные российским правительством евробонды достаточно высокий, что гарантирует привлечение планируемых финансовых средств.

Стабильный инвестиционный рейтинг России создает благоприятные предпосылки для размещения еврооблигаций. Присвоенные международными рейтинговыми агентствами Standart&Poor's и Fitch рейтинги инвестиционного уровня "BBB" обусловлены в основном значительным объемом золотовалютных резервов. По данному показателю Россия находится на третьем месте в мире - после Китая и Японии.

Соответственно, встает вопрос: под какие проценты Министерство финансов готово осуществлять размещение еврооблигаций, то есть какую доходность российское правительство готово предложить мировому финансовому рынку? В течение последнего времени при новых размещениях суверенного долга, например, такому эмитенту как Бразилия не было необходимости устанавливать значительные скидки вследствие высокого спроса со стороны иностранных инвесторов. В данный момент мировые процентные ставки и так находятся на максимально низком уровне за последние несколько лет. Предварительные прогнозы по ставкам на уровне в 4-5% по размещению российских евробондов оправдались. Доходность пятилетних еврооблигаций поэтому установлена на уровне 3.74% годовых, десятилетних – 5.08% годовых. Причем спрос на такие облигации практически в пять раз превышал предложение, что свидетельствует о том, что размещение прошло удачно.

Россия осуществляет третий в своей истории выход на мировой рынок капитала в тот момент, когда планируется резкий рост размещений суверенного долга развивающихся стран, таких, как Бразилия, Аргентина, Мексика и Венесуэла. Они в 2010 г. также выпустили новые долговые обязательства на внешние финансовые рынки. Спрос на такие долговые инструменты со стороны иностранных инвесторов, без сом-

Акопян Ирина Рафаэлевна – аспирантка кафедры МЭО и ВЭС МГИМО (У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

нения, является достаточным для обеспечения финансовых потребностей стран.

По словам министра финансов А. Кудрина, в результате осуществления всех займов государственный долг в 2010 г. составит 12.8% ВВП по сравнению с 9.8% ВВП на конец 2009 г. В этой связи стоит отметить, что безопасным является уровень до 60% ВВП. Для сравнения можно указать, что в США зарубежные заимствования находятся на предельном уровне, около 60% ВВП, в Италии – 100%.

Российское правительство создало еще одну положительную предпосылку для нового выхода на мировой рынок капитала. Оно осуществило полное погашение внешних долгов, унаследованных от советской эпохи, завершив обмен коммерческой задолженности бывшего СССР на еврооблигации РФ в размере 405,8 млн. долл. с датами погашения в 2010 и 2030 гг.

Россия уже зарекомендовала себя как надежный и абсолютно платежеспособный заемщик на мировых рынках капитала, закрыв практически все свои обязательства перед иностранными кредиторами. Российское правительство не расплатилось лишь по царским долгам, которые были аннулированы советской властью еще в феврале 1918 г. без уплаты какой-либо компенсации их держателям. Такая политика советской власти касательно царских долгов на долгое время закрыла доступ на внешние финансовые рынки. Первые внешние заимствования Советский Союз осуществил во времена хрущевской «оттепели», но они были несущественными.

Перелом в политике внешних заимствований в СССР наступил в 1985 г., после прихода к власти М.С. Горбачева. При нем внешний долг увеличивался темпами, которые опережали все основные экономические показатели развития страны, а по ряду параметров (прирост ВВП и национального дохода, производительность труда, увеличение экспорта) изменения носили прямо противоположный характер. При росте внешнего долга эти показатели неуклонно ухудшались. Таким образом, Советский Союз повторял путь, пройденный многими развивающимися странами в конце 1970-х гг., когда чрезмерные заимствования привели сначала к неплатежам, а затем – к острейшему в послевоенный период кризису международной задолженности[1].

До начала 1990-х гг. СССР занял за рубежом в общей сложности около 50 млрд. долл. На момент распада СССР в 1991 г. его внешний долг составлял 72,2 млрд. долл. Из этой суммы:

— займы зарубежных правительств составили 37 млрд. долл.;
— займы коммерческих банков - примерно 15 млрд. долл.;
— около 5 млрд. долл. составили кредитные поставки зарубежных предприятий;
— примерно 15-ю млрд. долл. исчислялась задолженность перед странами СЭВ[2].

В условиях централизованного советского государства отсутствовала практика и критерии разделения ответственности по долгам между отдельными республиками, так же, как и их права на долю во внешних активах СССР. Однако выделение из состава СССР и провозглашение суверенитета союзными республиками, ранее входившими в СССР, придали этой проблеме особое значение. В 1990-1991 гг. она стала предметом рассмотрения на различных межреспубликанских совещаниях.

Результаты договоренностей были оформлены в двух документах:

— меморандуме «О взаимопонимании относительно долга иностранным кредиторам СССР и его правопреемников» от 28 октября 1991 г.;
— договоре «О правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР» от 4 декабря 1991 г.

Этими документами признавалась солидарная ответственность государств - преемников СССР перед внешними кредиторами, что позволило этим государствам возобновить переговоры с западными кредиторами по вопросам платежей по советской задолженности сразу после распада Союза. Однако позднее выяснилось, что только Россия была способна обслуживать свои обязательства. В связи с этим Российская Федерация в течение 1992-1994 гг. подписала со всеми бывшими республиками СССР, за исключением прибалтийских государств и Грузии, двусторонние соглашения. Они зафиксировали принятие Россией на себя обязательств данных государств в части внешнего долга СССР в обмен на их отказ от причитавшейся им доли зарубежных активов СССР (так называемые соглашения о «нулевом варианте»)[3]. Таким образом, Российская Федерация стала одним из крупнейших суверенных должников в мире.

Такое непростое решение было воспринято различными экспертами неоднозначно. Одни посчитали, что добровольное увеличение нашей страной внешней задолженности за счет долга бывшего СССР станет необоснованной обузой[4]. Другие сходились во мнении, что данный шаг был единственно верным в сложившейся ситуации и позволил открыть доступ к новым кредитным ресурсам и обеспечить доверие потенциальных западных инвесторов. В то же время данный шаг облегчил иностранным кредиторам право требования по долгам бывшего СССР, так как было гораздо проще иметь дело с одним крупным должником, чем более чем с десятком мелких.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось быстрым ростом внешнего долга России. Отчасти это было обусловлено отсутствием продуманной стратегии экономического и политического реформирования страны[5]. Действительно, в условиях практического отсутствия в стране в этот период системы управления государственным внешним долгом принимавшиеся решения зачастую носили хаотический характер и были обусловлены преодолением возникших проблем

начального этапа экономического реформирования. Заемные средства не направлялись в реальный сектор экономики, не использовались для производственных инвестиций и, как следствие, не создавали источников погашения существующих внешних обязательств.

Москва расчитывала добиться с помощью внешних заимствований финансовой стабилизации, сбалансированного бюджета, создать предпосылки для последующего экономического роста[6]. Не последняя роль в этом отношении отводилась заимствованиям международных финансовых организаций. В мае 1992 г. Россия становится членом МВФ, который выдвинул ряд экономических, финансовых, политических и социальных требо¬ваний, в частности обязательство следования жесткой финансовой политике, в том числе в отказе от расширения денежной эмиссии. По мнению ряда специалистов, это привело к демонетизации экономики, истощению внутренних источников финансирования бюджетного дефицита, что, в свою очередь, обусловило необходимость внешних заимствований.

С первым облигационным займом после распада советской власти Россия вышла на международный рынок только в 1996г, получив 1 млрд долл. Российским правительством были размещены пятилетние облигации под названием «ливры-1» (ассоциировавшиеся у инвесторов с вице-премьером, министром финансов РФ и главным приверженцем идеи возврата к внешним заимствованиям, А. Лившицем) по ставке 9,25% годовых. Спрос на российские государственные облигации превзошел все ожидаемые прогнозы, вследствие чего за период с ноября 1996 г по август 1998 г. правительству удалось провести 9 успешных размещений облигационных займов на общую сумму в 16 млрд. долл.

Возврату на мировые рынки заимствований, а именно созданию благоприятных предпосылок для выпуска еврооблигаций, способствовал ряд действий, предпринятых российским правительством, по погашению привязанных к кредитам коммерческих банков векселей, которые были выпущены Внешэкономбанком (credit linked notes). Суммы данных погашений были незначительными, но это способствовало укреплению имиджа России как благонадежного заемщика. Причем данные обязательства были разделены на связанные кредиты и финансовые кредиты (credit linked notes), которые и были погашены, а связанные же, в свою очередь, были реструктурированы в рамках Парижского клуба или коммерческой задолженности без госгарантий.

Но полное доверие инвесторов вызвало решение о реструктуризации задолженности перед Лондонским и Парижским клубом кредиторов: график погашения в рамках данной реструктуризации полностью соответствовал прогнозным значениям ВВП и платежного баланса. Основная масса долговых обязательств России перед странами-членами Парижского клуба кредиторов сформировалась в период 1985-1991 гг. (30 млрд долларов). Первый договор о реструктуризации задолженности в рамках данного клуба правительство России заключило в январе 1993 года, затем последовал ряд подобных соглашений (1994, 1995, 1996, 1999 гг.). Россия регулярно производила выплаты по обслуживанию своих долгов.

По данным Минфина, на 1 апреля 2005 года общий объем долга России перед Парижским клубом составил 46,2 млрд долларов или 35,7 млрд евро. В соответствии с графиком, окончательный срок его погашения - 2020 год (ставка - 7% годовых). Однако уже в 2006 г Россия полностью осуществила досрочные погашения реструктурированного долга перед Парижским клубом (неторгуемого и дорогостоящего долга) на сумму 23,7 млрд долл, что дало экономию на процентах более 12 млрд долл, которые изначально по графику необходимо было выплатить вплоть до 2020 г.

Касательно задолженности перед Лондонским клубом, то она была обменена на векселя PRINs (Principal notes) по основному долгу и векселя IANs (Interest arrears notes) по накопленным процентам, являющиеся долговыми обязательствами Внешэкономбанка. Однако в январе 2010 г. Министерством финансов РФ было принято решение о погашении оставшейся части задолженности перед Лондонским клубом кредиторов в размере 34 млн долл. Данный долг представлял собой внешние обязательства бывшего СССР перед частными коммерческими банками стран Западной Европы, США и Японии по кредитам, которые были привлечены Внешэкономбанком до 31 декабря 1991 г. Минфин принял решение, что дальнейшие переговоры с держателями ценных бумаг, которые не приняли предложение о погашении задолженности или не предъявили требования по принадлежащим им инструментам Лондонского клуба, проводиться не будут[7]. Полное погашение этих обязательств в очередной раз подтверждает высокий статус России на международной финансовой арене.

Россия также полностью расплатилась по своим обязательствам и перед Международным валютным фондом (МВФ). На счет этой организации было переведено 3,3 миллиарда долларов. На начало 2006 года общий объем долга перед МВФ составлял около 3,5 миллиарда долларов. Тогда же Россия тремя платежами погасила задолженность на общую сумму до 133,7 миллиона долларов и 9,3 миллиона евро[8]. К тому же, выплатив долг досрочно, было сэкономлено 204 миллиона долларов.

Следующим шагом на пути к созданию комфортных условий для выхода на международные рынки заимствований являлось принятие решения о погашении внешних долгов, унаследованных царской Россией: были проведены переговоры по урегулированию взаимных требований между Францией и Россией, в результате которой РФ произвела уплату 400 млн долл из

подсчитанных французским правительством 30 млрд. долл. Такое решение, принятое российским правительством, подтолкнуло французские власти впервые после практически векового моратория к снятию запрета на покупку ценных бумаг, выпущенных российским правительством, что побудило французских инвесторов приобрести данные государственные бумаги приблизительно на сумму в 200 млн. долл[9].

И, наконец, Россия в третий раз обращается за государственным финансированием на внешний рынок. Встает логичный вопрос: для чего прибегать к зарубежным заимствованиям именно сейчас, когда правительство активно погашало существующие займы досрочно и практически закрыло весь свой внешний долг?. 2008 год для России был далеко не радужным. Вследствие разразившегося мирового экономического кризиса резко снизился приток доходов в бюджет при одновременных огромных тратах на поддержку российских предприятий превратили федеральный бюджет в дефицитный. В начале второго квартала 2009 г. стало очевидным, что бюджет будет сведен со значительным дефицитом: 7,4% ВВП – в 2009 г., 6,8% ВВП – в 2010 г., и 4% ВВП – в 2011 г. Изначально предполагалось снижение цены на нефть с 95 долл. за один баррель до 41 долл., но впоследствии данный прогноз был повышен до 75 долл. за один баррель, что позволило снизить оценку дефицита бюджета РФ до 6,3 – 6,4%% ВВП Федеральный бюджет был составлен при предполагаемой цене барреля нефти в 58 долл.

Также необходимо отметить, что в 2009 г из Резервного фонда было потрачено 2,655 трлн. руб. Остаток на начало 2010 г составил 1 трлн. 860 млрд. руб. При цене выше 70 долл за один баррель нефти правительство будет иметь возможность пополнить Резервный фонд. Несмотря на это, многие экономисты все же убеждены, что выходить именно на внешний рынок заимствований необходимо именно сейчас, пока ставки рефинансирования достаточно низкие, а долговая нагрузка на бюджет позволяет принимать такие решения. Дело в том, что внешние заимствования – это средства для неинфляционного покрытия бюджетного дефицита страны, их главное преимущество перед внутренними займами заключается в том, что последние всегда приводят к уменьшению инвестиционных возможностей страны и к сокращению экономического роста. Более того, в настоящее время внешние капиталы обойдутся России гораздо дешевле нежели привлечение финансовых средств внутри страны.

Akopyan I.R. External Dept of Russia: retrospective and prospect.

Summary: *The article under the headline "Russian External Debt: Retrospective Review and Prospection. What Waits Us in the Future?" deals with the Russian external debt beginning from the Soviet period up to nowadays, its current state and future prospects of its development.*

Ключевые слова

внешний долг, Всемирный банк, еврооблигации, задолженность, долговые инструменты, экономический рост, бюджетный дефицит, реструктуризация, ставка рефинансирования.

Keywords

external debt, World Bank, eurobonds, indebtedness, debt instruments, economic growth, budget deficit, restructuring, refinancing rate.

Примечания

1. Дмитриев В.А. Внешние заимствования государств: теоретический, практический и региональный аспекты – 10/2006 – С.18
2. Устинов И.Н. Монополия внешней торговли России: аргументы «за» и «против». // Внешняя торговля. - 2001. - № 2-3. - С. 4-8;
3. Финансы / под ред. В. В. Ковалева. – М.: ООО «ТК Велби», 2005. – С.219;
4. Глазьев С. Проблема долга СССР. Перспективы ее решения. // Внешняя торговля. - 2001. - №11
5. Саркисянц А.Г. Исторические причины обострения проблемы обслуживания внешнего долга России на современном этапе. // Дайджест-финансы. - 2000. - №3. - С. 6;
6. Россия полностью расплатилась с Международным валютным фондом// http://2-05.olo.ru/news/economy/47376.html.
7. Ibidem/
8. Кудрявцев В. Облако в штанах. Проблемы внешней задолженности Российской Федерации. - М.: 2000. - С. 21
9. Ibidem.

Интервенция как метод дипломатической защиты

Ш.Д. Содиков

В статье указывается, что дипломатическая защита является инициированием процедуры для обеспечения мирного урегулирования спора с целью защиты прав или имущества гражданина, который подвергся угрозе или которому был причинен вред в другом государстве. В частности, рассматривается вопрос о возможности интервенции с применением силы для защиты граждан в соответствии с международным правом, а также подпадает ли данный вопрос под сферу охвата концепции дипломатической защиты в целом.

Понятие о дипломатической защите впервые официально было сформулировано в Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. В Венской конвенции о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г., закрепляется положение о возможности этого вида защиты при нарушении прав граждан и организаций в рамках международно-правовых отношений. Однако следует обратить внимание на тот факт, что пределы и условия применения дипломатической защиты не могут выходить за пределы, очерченные современным международным правом.

Так, исследователь Н. Лашко по этому поводу указывает, что границы дипломатической защиты целесообразно определять суверенитетом государства, поскольку во внутреннем праве отдельных государств существуют специальные нормативные акты, в которых регулируются некоторые аспекты предоставления государством дипломатической защиты. В основном это нормативные акты (инструкции, правила и т. д.) внешнеполитических ведомств[1]. Далее исследователь указывает, что применение дипломатической защиты возможно при наличии следующих условий:

1) международно-правового нарушения;

2) принадлежности потерпевшей стороны к государству, выступающему защитником;

3) эффективной связи потерпевшей стороны с государством, предоставляющим защиту (фактическая связь). Так, по данным исследователя, практике известны случаи, когда, при наличии формальной принадлежности, потерпевшее лицо не имеет в стране ни постоянного места пребывания, ни существенного имущества.

4) дипломатическая защита применяется, если исчерпаны все возможности защиты по национальному праву[2].

Само право защиты государством собственных граждан за границей закреплено во множестве двусторонних договоров государств, а также в таких многосторонних международных документах, как: Гаагская конвенция по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г., Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г., Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.

Не совсем правильными являются, на наш взгляд, точки зрения тех исследователей, которые полагают, что дипломатическая защита стала устаревшей в силу того факта, что теперь в распоряжении частных лиц имеются различные механизмы по урегулированию споров[3]. Как справедливо указывают исследователи А.Х. Абашидзе и Аль-факи Гамиль Хизам Яхья, «несмотря на то, что частные лица являются участниками международной правовой системы и имеют права, предусмотренные международным правом, их методы и средства правовой защиты по-прежнему являются ограниченными»[4].

Полагаем, что дипломатическая защита могла бы использоваться в качестве средства для усиления защиты прав человека, поскольку она является важным элементом в борьбе за права человека. Как указывает И.В. Мингазова, пока государство является доминирующим участником международных отношений, поддержка государствами претензий, касающихся нарушения прав их граждан, остается наиболее эффективным средством защиты прав человека [5].

Заметим, что ряд исследователей в своих работах указывают на то, что понятие «дипломатическая защита» подразумевает меры, при-

Содиков Шарбатулло Джабарович – аспирант кафедры международного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

нимаемые одним государством против другого государства в связи с причинением вреда личности или имуществу гражданина в результате международно-противоправного деяния или бездействия, присваиваемого последнему государству [6].

Дипломатическая защита является длительным и сложным процессом. Так, когда государство получает жалобу от частного лица, оно изучает данную жалобу с целью определения степени ее серьезности, а также того, является ли она правомерной. Эта первая стадия, являющаяся подготовительной, в ходе которой проводится рассмотрение, не представляет собой дипломатической защиты [7]. Дипломатическая защита вступает в действие лишь после того, как государство решило выдвинуть претензии в интересах своего гражданина правительству, которое, предположительно, не обеспечило применения к данному лицу определенных норм международного права.

Заметим, что в научной литературе высказываются разные мнения по вопросу о том, распространяется ли концепция дипломатической защиты на меры и методы, принятые правительством с целью предотвращения причинения вреда его гражданину (то есть до совершения противоправного деяния), или лишь на противоправные деяния государства, которые уже были совершены. Некоторые ученые поддерживают точку зрения, согласно которой дипломатическая защита применяется в случае совершения международно-противоправного деяния другим государством, в результате которого был причинен вред гражданину другого государства. Участие государства гражданской принадлежности в переговорах с другими государствами с целью предотвращения причинения вреда своим гражданам не подпадает под сферу охвата дипломатической защиты с точки зрения классического толкования данного понятия [8].

Другие исследователи заявляют, что на практике государства могут рассматривать опасения своих граждан в отношении действий или мер, которые в будущем могут причинить вред этим гражданам. Участие государства гражданской принадлежности на этой стадии следует также охарактеризовать в качестве дипломатической защиты [9]. В любом случае, дипломатическая защита не сводится к мерам и методам как таковым: она предполагает инициирование процесса, в результате которого претензия физического или юридического лица преобразуется в международно-правовые отношения. С этой чисто технической точки зрения дипломатическая защита является одним из средств обеспечения признания международной ответственности государств [10].

Заметим, что возможность одностороннего использования вооруженной силы как крайнего средства дипломатической защиты в случае повышенной опасности для жизни граждан за рубежом и бесполезности внутренних средств защиты при строгом восприятии норм современного международного права запрещена как противоречащая принципу неприменения силы и угрозы силой, закрепленному в Уставе Организации Объединенных Наций [11]. В соответствии с пунктом 4 статьи 2 Устава ООН государства обязаны воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН.

Говоря о методах дипломатической защиты, следует сказать и об актуальности обсуждения вопроса о том, является ли интервенция с применением силы для защиты граждан разрешенной в соответствии с международным правом, и подпадает ли данный вопрос под сферу охвата концепции дипломатической защиты в целом.

Отметим, что пункт 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций запрещает применение силы. Единственное исключение, касающееся односторонней меры, закреплено в статье 51 Устава, имеющей в виду право на самооборону. По указанному вопросу велась обширная дискуссия между различными учеными, которые придерживались неодинаковых взглядов. Решения международных трибуналов и политических органов Организации Объединенных Наций, в свою очередь, также не обеспечили четких ориентиров по данному вопросу. Суды, как правило, избегали рассмотрения данной темы. Поэтому существующие правовые нормы являются неясными. Вместе с тем в прошлом имело место большое число случаев злоупотребления правом применения силы при защите собственных граждан, и оно по-прежнему стимулирует злоупотребление им.

Итак, согласно одному мнению, международное право в целом не содержит категорический запрет угрозы силой или ее применения при осуществлении дипломатической защиты[12]. Однако, на наш взгляд, в контексте дипломатической защиты любая норма, разрешающая, оправдывающая или узаконивающая применение силы, является опасной и неприемлемой. Со времени разработки в 1902 году доктрины Драго, суть которой заключалась в исключении из международной практики применения иностранными государствами вооруженной интервенции как средства взимания долгов, возникших на основе государственных займов, и принятия Портерской конвенции об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, запрет угрозы силой или ее применения являлся одним из наиболее примечательных аспектов развития права дипломатической защиты.

Запрет этот, несомненно, содействовал дальнейшему развитию общего международного права. Он был окончательно закреплен в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Кроме того, учитывая имеющи-

еся в истории примеры применения силы под предлогом дипломатической защиты, важно сохранить концепцию, согласно которой угроза силой или ее применения запрещена как средство дипломатической защиты, поскольку именно это положение является важным элементом в развитии международного права в области дипломатической защиты [13].

Мы считаем, в свою очередь, неприемлемой идею о том, что государствам следует предоставить правовую основу в рамках дипломатической защиты, которая позволила бы им применять силу в иных ситуациях, помимо самообороны, предусмотренной в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций. Мы также полагаем, что дипломатическая защита является инициированием процедуры для обеспечения мирного урегулирования спора с целью защиты прав или имущества гражданина, который подвергся угрозе или которому был причинен вред в другом государстве.

Таким образом, дипломатическую защиту не стоит сводить исключительно к мерам и методам как таковым, поскольку она предполагает инициирование процесса, в результате которого претензия физического или юридического лица преобразуется в международно-правовые отношения. С этой чисто технической точки зрения дипломатическая защита является одним из средств обеспечения признания международной ответственности государств.

Sodikov Sh.D. Intervention as the Method of Diplomatic Protection.

Summary: *The right of the state protection abroad own citizens fixed in documents as: the Hague convention concerning civil process from March, 1st, 1954, the Vienna convention on the diplomatic intercourses from April, 18th, 1961, the Vienna convention on the consular intercourses from April, 24th, 1963. Diplomatic protection shall be used to for the protection of human rights. Diplomatic protection is the initiation of the procedure for maintenance of peaceful settlement of dispute for the purpose of the protection of human rights.*

Ключевые слова

дипломатическая защита, интервенция, пределы и условия применения дипломатической защиты.

Keywords

diplomatic protection, intervention, conditions and limitation of diplomatic protection.

Примечания

1. См.: Лашко Н. Международно-правовые принципы и способы защиты прямых иностранных инвестиций // Корпоративный юрист. М., 2009. № 2. С. 22
2. Лашко Н. Международно-правовые принципы и способы защиты прямых иностранных инвестиций // Корпоративный юрист. М., 2009. № 2. С. 23
3. См., например: Амирова М. Дипломатическая защита - право государства. // Российский ежегодник международного права. 2007. Санкт-Петербург, 2008. С. 364; Волкова М.С. К вопросу об определении понятия «дипломатическая защита» // Вестник Московского университета. № 3. М., 2009. С. 107
4. Абашидзе А.Х., Аль-факи Гамиль Хизам яхья. Правомерные условия осуществления дипломатической защиты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 1. М., 2001. С. 124
5. Мингазова И.В. Правовые аспекты дипломатической защиты иностранной предпринимательской соб-ственности // Вестник Института экономики, управления и права. Серия 2 «Право». Вып. 8 Казань, 2007. С. 187
6. См. об этом: Аль-факи Гамиль Хизам яхья. Формы и методы дипломатической защиты // Актуальные проблемы юридической науки нового века. Материалы конференции молодых ученых и аспирантов. М., 2001. С. 203
7. См.: Епифанов В.В. Правовые аспекты дипломатической защиты физических и юридических лиц. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 55
8. Колодкин Р.А. К вопросу о дипломатической защите // Московский журнал международного права. № 1. М., 2007. С. 117
9. Колодкин Р.А. К вопросу о дипломатической защите // Московский журнал международного права. № 1. М., 2007. С. 117-118
10. См.: Дипломатия иностранных государств: Учебное пособие / Под ред. Зоновой Т.В. М., 2004. С. 56-57
11. Устав Организации Объединенных Наций // Международное право: в 3 т. Т. 1 / сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2005. С. 21-39.
12. Колодкин Р.А. К вопросу о дипломатической защите // Московский журнал международного права. № 1. М., 2007. С. 119
13. Венедиктов А.А. Дипломатическая защита. Монография. М., 2001. С. 65

Элитное образование в МГИМО(У): философско-культурологические подходы к проблеме качества образования

М.В. Силантьева

Статья посвящена исследованию роли и функций философских дисциплин в образовательном пространстве современного элитного вуза. Прослеживается преемственность образовательных моделей в отечественной и зарубежной практике; анализируются инновационные процессы в данной сфере. Выделена специфика философии культуры как учебной дисциплины формата «исследовательского университета», способствующей повышению качества образования в условиях выхода из глобального экономического кризиса.

В наши дни – быть может, в силу их кризисного характера, - философия как учебная дисциплина вызывает повышенный интерес в среде учащихся элитных вузов. Вопрос о ее месте в структуре современного образования позволяет обратить внимание на основные пути реструктуризации системы российского вузовского образования и науки, осмыслив некоторые предварительные итоги той острой дискуссии, которая идет в научном мире по данной проблематике.

Одна из ключевых позиций сформулирована Ректором МГИМО (У), академиком РАН А.В. Торкуновым. С его точки зрения, ключевой фигурой в образовательном пространстве современного российского вуза, ориентированного на качественное образование, является «преподаватель, профессиональный и мудрый наставник». От такого педагога требуется не только способность предложить студенту некоторую информацию для усвоения и размышления. Он должен быть в состоянии научить «чувствовать нюансы» происходящего, опираясь на «логику объяснения через оперирование фактами»[1]. Преподаватель философии сквозь призму данной установки – «проводник» содержательных оценок и мировоззренческих подходов, важных для формирования настоящего специалиста, профессионалов своего дела, не меньше, чем знание иностранных языков и специальных предметов. А философия международных отношений, в свою очередь, – не выдумка досужих ученых голов, но реальная подоплека деятельности всякой «внешнеполитической элиты»[2].

Как известно, философия сегодня не встроена в контекст «пропускных» идеологических предметов. На эту роль претендуют ныне «светская теология» и – в значительно более скромных масштабах, – «светская этика»[3]. С другой стороны, она охотно поддерживает «дочерние» дисциплины - логику, психологию, историю и философию науки, философию культуры и культурологию. Несмотря на то, что предмет «философия» в учебных стандартах третьего поколения относится к разделу так называемого «федерального компонента», вузам (разумеется, финансово состоятельным) предоставлена этим документом широкая возможность пополнять список необходимых гуманитарных дисциплин, в том числе и за счет родственных философии учебных предметов.

Надо отметить, что в МГИМО (У) подобная практика - не новость. Так, в структуре Университета важное место с давних пор занимает кафедра истории мировой литературы и культуры под руководством Ю.П. Вяземского, чья деятельность оказывает прямое и непосредственное влияние на тот высокий уровень культуры и эру-

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО (У) МИД России. E-mail: silvari@mail.ru

диции, который отличает выпускника МГИМО. Отличает (причем – заметно!) даже от уровня выпускников других элитных вузов страны, не говоря уже о среднестатистическом специалисте в области права, журналистики и т.п.

Свою лепту в реализацию проекта элитного образования вносят все без исключения кафедры МГИМО (У), включая языковые и специальные. Однако их сотрудничество с «зубрами» нашей университетской гуманитаристики – кафедрами философии, социологии, дипломатии, истории – может и должно развиваться. Один из проектов такого развития был реализован сравнительно недавно в Учебно-методическом комплексе «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (под ред. В.С. Глаголева - М., МГИМО, 2010). В этом же ряду стоят такие научно-учебные издания, как «Перспективы цивилизации. Философские проблемы» (под ред. Г.Ф. Хрустова, А.В Шестопала - М., МГИМО, 2009) и, разумеется, книга «Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем» (под редакцией И.Г. Тюлина - М., МГИМО, 2004), а также многие другие работы творческого научно-педагогического корпуса нашего Университета. Все перечисленные издания, на мой взгляд, объединив специалистов разных областей, удачно решили задачу соединения научной проблематизации подходов с четким и ясным стилем изложения, что позволяет работать с этими книгами учащимся – студентам, магистрантам и аспирантам.

Кстати, одна из ранних попыток приспособить философию к «господствующему научному мировоззрению» (вера во всесилие позитивизма здесь просматривается довольно отчетливо) в свое время, как известно, повлекла изменение учебных программ, вследствие чего магистранты и аспиранты осваивают теперь историю и философию науки. Данная дисциплина, как известно, сравнительно молода. Она аккумулирует выводы, полученные философами, логиками и методологами науки в течение последних 100 лет. При этом недостаток «временной дистанции» по отношению к изучаемому материалу отчасти уравновешивается массивом исследовательских и учебно-методических работ, посвящаемых методологической проблематике. Как шутят преподаватели философии, тиражи соответствующих учебных пособий многократно превосходят общее количество книг едва ли не всех мыслителей мира, вместе взятых.

Примечательно, что подобным образом «отталкивается» от философии, прежде всего, академическая научная среда, «по определению» далекая от всякой идеологической ангажированности. Причина «отталкивания» довольно прозрачна: большинство нынешних корифеев науки в свое время проходили через «идейные фильтры» причудливых парафилософских мутаций советского периода. Познакомившись с философией в ее «отягченном» марксизмом-ленинизмом-сталинизмом варианте, они, по понятным причинам, приобрели устойчивую идиосинкразию к данной учебной дисциплине[4].

Таким образом, выведение философии на (и «за») границы учебно-педагогического процесса в ряде негуманитарных вузов сопряжено, в первую очередь, с тем, что можно обозначить как «казус узнавания». Уже давно никого не сажают в тюрьму за «немарксистскую научную платформу», однако «священный ужас» по отношению к всесилию идеологических догм продолжает проецироваться на давно оставленную ими идейную территорию.

К слову сказать, получившие серьезное образование ученые, те самые, естественники и гуманитарии, которые представляют академические круги, без лишней акцентировки демонстрируют свободное владение категориальным аппаратом мировой философской мысли. Как правило, обходя при этом вопрос, откуда, собственно, берется необходимый уровень теоретического мышления в науке – «из нее самой» или же дело обстоит несколько сложнее?

В самом деле: «логика предмета» способна, конечно, подвести выдающегося интеллектуала (скажем, А. Эйнштейна) к категориальному уровню осмысления процессов действительности. Однако большинство представителей новоевропейской науки все-таки не изобретали «философский велосипед» самостоятельно, а знакомились с историей мысли в рамках соответствующего учебного курса, - кстати, старейшего в рамках университетского образования. И по сей день хорошее (а тем более элитное) образование во всем мире предполагает его освоение. Причем, что особенно важно, такое освоение происходит путем знакомства с первоисточниками, а не с их пересказом или толкованием.

Комментарии приветствуются; однако они не должны превращать знание проблем философии в знание-«second-hand». Напротив, *массовое* (в смысле «не-элитное») высшее образование активно обращается к этому источнику, постепенно понижая планку гуманитарного «техминимума» почти до нуля. Официальные объяснения в большинстве случаев просты. Они сводятся до нехитрой констатации на уровне здравого смысла: «болтовня» ныне не в цене; нужны «умения» и «навыки», а не абстрактное теоретизирование, «мысли». Понятно, что в данном случае речь не идет о преподавании философии. Скорее, имеет место оправданный отказ от преподавания ее суррогатов.

Рассмотрение процессов, происходящих в высшей школе ведущих стран мира (например, США) обнаруживает ряд параллельных явлений. В частности, комментатор студенческого Интернет-обозрения на сайте Университета штата Вирджиния Эшли Чаппо прямо связывает дегуманитаризацию современного американского образования с политикой Барака Обамы, отдающего «приоритет математике и экономике; в крайнем случае – технике» («особенно для женщин и этноменьшинств»). При этом, по его мне-

нию, страдает как общий уровень теоретического мышления студентов, их кругозор и методологическая компетентность, так и набор личных качеств, необходимых для жизни в современном мире. В процессе обсуждения статьи Чаппо студенты в целом соглашаются с его суждениями, однако замечают: для того, чтобы изучать гуманитарные дисциплины, «достаточно комнаты и книги» (и вовсе не обязательно платить 30.000 долларов за обучение в вузе), - тогда как освоение технических специальностей «требует дорогостоящего специализированного оборудования».

В ответ оппоненты высказывают свои соображения по двум основным направлениям. Во-первых, изучение математики (да и экономики тоже) не связано напрямую с освоением дорогостоящего оборудования. Во-вторых, изучение, например, арабского языка (от себя добавим: и любой другой лингвокультуры, как и культуры вообще) невозможно без помощи «профессора»[5], - то есть специалиста, сотрудничество с которым «дорогого стоит». Что же касается элитных вузов, типа Принстона (и других университетов США, входящих в «Лигу плюща»), в Европе - Оксфорда или Сорбонны, - то они сознательно поддерживают устойчивые позиции гуманитарного знания в системе своих учебных программ.

Так, Принстон в своей образовательной политике реализует традиционную модель университетского образования как образования разностороннего, требуя освоения некоторой части гуманитарных наук студентами всех факультетов и направлений (например, литературу изучают все первокурсники)[6].

Учащиеся технического направления средних школ во Франции еще до поступления в вуз обязаны штудировать, наряду с французским языком и другими предметами, философию[7].

В Германии для освоения «прикладных» (в некотором смысле «техничных») гуманитарных дисциплин (скажем, политологии) необходимо 2 года обучаться на философском факультете и «набрать соответствующее количество баллов»[8].

В целом усиление междисциплинарности (невозможное без освоения интегрирующих знание ингредиентов, - таких, как философия), - черта современной науки и образования. Это побудило ЮНЕСКО с середины 1960-ых гг. выдвинуть в качестве обязательного требования ко всем странам-членам данного объединения включение в образовательные программы формата междисциплинарности[9].

По-своему показателен тот факт, что солидные представители философии в России вообще склонны обходить молчанием сегодняшний «спор факультетов», на гребне которого философию потихоньку вытесняют в ее нынешние «околонаучные пределы». Молчать об этом принято еще и потому, что явная поддержка соответствующих структур – особый вопрос профессиональной этики, не всегда легко разрешимый «в рамках нашего мирового эона» и требующий капитальной «перезагрузки» всего массива социально-значимых установок.

Вместе с тем, предмет спора – нужна или не нужна истина для разрешения конкретных прикладных задач, прежде всего экономического порядка, - в некотором смысле фикция. Ибо не существует такой сферы деятельности, которая могла бы обойтись сегодня, в век глобализации и информационной революции, без опоры на соответствующий круг знаний. А знания, даже если они совсем не претендуют на абсолютную истинность, не могут оставаться простым набором предпочтений. Иначе теряется всякое их отношение к действительности и, следовательно, прощай эффективность в решении прикладных задач!

Итак, можно ли, в конце концов, заключить: то, что принимают за философию представители не-элитного образования, «борясь» с ней, философией не является? Или все-таки вузовская философия, «мимикрируя» (под историю и философию науки и т.п.), все-таки выполняет свою «бесполезную» задачу беспокоить умы «несъедобными» вопросами?

Трудно, конечно, не согласиться с утверждениями критиков о том, что философия мешает человеку приспособиться к современному ритму жизни. Ритм этот, действительно, требует свободного владения технологиями манипулирования и ориентации на безудержный прагматизм больше, чем любви к мудрости и стремления к истине[10]. Но когда было иначе? Трудно спорить также, что обращение к изучению философии еще не гарантирует «правильной» ориентации обучаемого, его умения динамично справляться с текущими проблемами. Ценности «не включены» в философское знание как нечто неизменное, сакрализованное, раз и навсегда данное – их еще нужно обрести. Подобная «осторожная» гносеологическая стратегия явно не способствует комфортизации условий проживания человека на Земле: задача добыть пищу, устроить жилище и не подраться при этом решается и без участия учения о первоначалах бытия.

Но разве отстраненный от «голой прагматики» подход, опирающийся на ценность знания самого по себе, не есть кредо самой науки? Так что же остается в сегодняшнем вузе от философии? И остается ли?

История и философия науки, - как прикладная философия, - несомненно, в определенной мере восполняет «миниатюризацию» присутствия философии как учебной дисциплины. В самом деле: неплохо, когда математик знает о путях развития математики, начиная со времен пифагореизма. По своему замечательно стремление физика (равно как и инженера-практика) уловить исторические особенности формирования взглядов на природу со времен «первого физика» Фалеса. Продуктивно желание дипломата разобраться в трактовке социальных явлений умнейшими людьми, жившими в прошлые – но отнюдь не «отсталые», - века. Не менее ценным представляется умение любого специалиста

отличить субъект (себя) от объекта (например, кнопки, на которую надо или не надо нажимать).

Это позволяет, в том числе, минимизировать риск техногенных катастроф, возникающих из «постмодернистского состояния знания», пробуждая чувство ответственности и закрепляя это чувство, не вредное для удержания минимума социальной солидарности, на уровне ценностных ориентиров индивидуума. В противном случае «псюхе» (слишком часто, к сожалению), превращается в тот самый «субъективный фактор» - причину взрывов, летных происшествий и других необратимых явлений. По сути, дело философии здесь – обеспечить дифференциацию смыслов и освоение соответствующих им понятий. Дело, важнейшее для ориентации в культуре всякого, кто сопрягает свою жизнь не только с «голым потребительством» и удержанием любой ценой витального уровня существования (в терминологии Т. Гоббса «война всех против всех»), но претендует на участие в жизни общества более зрелого типа.

Таким образом, история и философия науки, сосредотачивая внимание слушателей на развитии знания, его устойчивых и переходных формах и т.д., несомненно, вносит большой вклад в становление специалиста любой области. Выполняя, вместе с тем, роль ретранслятора философских подходов, не сводимых ни ко «всеобщей научной методологии», ни к открытию «наиболее общих законов природы, общества и мышления».

Недаром, видимо, известный специалист в области космогонии, теории языкознания и социального строительства Платон заявил: «Философия – это наука наук и искусство искусств». Данное определение, между прочим, очень любили цитировать на Руси со времен возникновения у нас письменности. М.Н. Громов приводит такой перевод высказывания из книги Иоанна Дамаскина «Источник знания» (высказывания, воспроизводящего приведенное выше платоновское выражение): философия есть «художество художеством» (наука наук, целостное теоретическое знание) и «хитрость хитростем» (искусство искусств, «хитрость – ремесло, алгоритмизированное умение, - на грани колдовства; ср. средневековое название науки в Европе: «естественная магия»)[11].

Так что же значит сегодня наука? Чем она отличается от своей тезки – науки Нового времени? Почему образованный человек в наши дни не может ограничиться умением читать рекламу, технично разбираться в гостиничном бизнесе и ликбезом в области естествознания, - но обязательно должен ориентироваться в «глобальных потоках» научной информации и движении «социального капитала» в различных областях? Зачем, в конце концов, специалисту-международнику «грузиться» проблемами философии науки, коль скоро его собственное научное поле принадлежит скорее сфере искусства, чем точному знанию?

Ответ на поставленные вопросы не столь очевиден, как это может показаться на первый взгляд. И дело даже не в том, что области «чистой» науки и «чистого» искусства сегодня удивительным образом, вплоть до взаимопроникновения, соприкасаются. И даже не в том, что эта их «философизация» стала чертой времени, а не случайной флуктуацией в истории знания. Но прежде всего потому, что в наши дни зависимость знания от социокультурного контекста становится столь явной, что игнорировать данный факт больше не представляется возможным. Вот почему философия нередко «прячется» под маской своей, казалось бы, дальней родственницы – философии науки. Однако философия науки здесь – не исключение.

Еще одной распространенной «маской» философии является философия культуры. Последняя, охватывая *целое* культуры, выступает в качестве метатеории по отношению не только к «неестественным» социогуманитарным наукам, но также по отношению к некогда более «респектабельному» естествознанию (например, в анализе зависимости открытий физика от мировоззренческой парадигмы или реалий политического строя, при котором ему довелось жить). Можно сказать, что подтвердились прогнозы неокантианцев начала 20 века, высказанные относительно судьбы «наук о культуре». Философия культуры «вмонтирована» - вольно или невольно, – в любые философские, естественнонаучные и социогуманитарные изыскания. Сегодня она, пожалуй, одна из немногих дисциплин, охватывающих вопрос о сущности происходящего с человеком сквозь призму удивленного внимания к самому человеку, среде его обитания и возможному смыслу всего происходящего: «кто я, откуда и куда иду?» (Н. Бердяев), почему и зачем?

Никакая наука *сама по себе* эти вопросы не задает, - они не органичны для нее, обесценивают многие из ее открытий как потенциально опасные (а в свете глобальных проблем современности – даже «вредные», грозящие катастрофической гибелью всего человечества по принципу «горе от ума»). Именно философия культуры, а не этика или аксиология, обозначает в данном контексте направление, по которому ведутся поиски этических ориентиров научного знания, ибо перечисленные «отрасли» философского знания, вопреки распространенному стереотипу, не включают в себя с необходимостью элемент компаративизма («вертикального» (исторического) и «горизонтального» (регионального)). А ведь именно он позволяет философии культуры претендовать на разработку «нового синтеза» познавательных стратегий современности.

С другой стороны, методологический и особенно мировоззренческий потенциал философии, ярко выраженный в дисциплинарном подходе как истории и философии науки, так и философии культуры, не исчерпан и в наши

дни. Философия как особая форма знания всегда помогала личности удерживать «вектор» духовного развития, не позволяя впадать в «профессиональный кретинизм» - известную ситуацию замкнутости специалиста на ценности своих узких профессиональных достижений. Если в случае психологического переживания данной ситуации человек еще может как-то ей сопротивляться «своими силами», - то в случае решения собственно профессиональных задач, требующих наличия определенного уровня теоретического мышления, «скорая помощь» философии - отнюдь не лишняя[12].

Для специалиста-международника задача усложняется тем, что его широкая эрудиция и гибкая коммуникабельность должны постоянно подкрепляться усилием, поддерживающим духовную целостность личности. Интеллектуальная составляющая этого усилия во многом опирается на знание реалий «чужих культур» (невозможное без хорошего знания и понимания культуры собственной). Вместе с тем, эта интеллектуальная составляющая обязательно включает в себя стремление к мудрости, умение *слушать*, вникать и сопоставлять, - а не только манифестировать себя в бесконечном и все более разнообразном общении. Только при этих условиях «наука международника» (дипломата, юриста, журналиста, экономиста и т.д.) может считаться состоятельной. Ему необходимо также хорошо знать особенности современного социогуманитарного знания, которые резко отличают последнее от устаревшего примерно сто лет назад идеала точного естественнонаучного знания. Знать, в том числе, для того, чтобы ценить собственное профессиональное знание как *знание*, - а не просто набор случайных ситуативных приемов, разрушающих ценность идеала познания истины и размывающих целостность личности. Не секрет, что владение нужной суммой сведений на данную тему на сегодня не стало еще нормой культуры мышления, по крайней мере, для части специалистов.

Одно из самых «креативных» направлений философии культуры в заявленном контексте – ее обращение к искусству народов мира как наиболее непосредственному способу их самовыражения и самопознания. Понятно, что специалист-международник не может состояться без свободной ориентации в этих реалиях. И хотя значительная часть профессионалов в области международных отношений приходит к пониманию ценности искусства, как говорится, эмпирическим путем, - это не отменяет необходимости иметь в структуре элитного вуза самостоятельные курсы, поддерживающие и развивающие ориентацию студентов и слушателей в данном предметном поле.

Рост «спроса» на искусство сегодня особенно заметен в культуре повседневности, которая, помимо прочего, стоит перед острейшим запросом на взаимопонимание между представителями разных народов, оказавшихся в очередном плавильном котле «межкультурной коммуникации». Причем начинает «плавиться» (приобретая транзитные формы, где сливаются и «сплющиваются» языки, понятия и ценности) сознание людей, вступающих во взаимодействие друг с другом не только в рамках непосредственно международной деятельности; но также в ходе обычного профессионального, бытового и релаксационного общения. При всех издержках мультикультуризма, грозящих, с одной стороны, национализмом, а с другой , – обезличиванием культур, лишенных стрессоустойчивости, кросскультурное взаимодействие - судьба народов в наши дни[13].

Итак, межкультурная коммуникация больше не является прерогативой дипломатов - компетентность в этой области нужна даже тем, кто не собирается выезжать за пределы собственной страны. Все чаще она необходима для того, чтобы понимать (даже не «лучше», а просто – «понимать») своего коллегу или соседа, не нарушать правил толерантности из-за отсутствия элементарных знаний о структуре современного мира. В некотором смысле буквально каждый человек, претендующий на жизненный успех, сегодня вынужден быть «специалистом-международником»: без ориентации в системе координат философской компаративистики «не сваришь кашу» ни в одной из производственных сфер. Сегодня даже дворники в Москве, - в большинстве своем представители таджикской диаспоры, - выступают в качестве контрагентов по отношению к сложившейся культурной среде, невольно включая и включаясь в систему межкультурной коммуникации. Таким образом, «не прагматичная» философия неожиданно выступает в роли «сверх-прагматики», знакомя коммуникаторов с «техникой безопасности» общения не только на уровне «как» (с чем успешно справляются этнопсихология, право и этикет), но и на уровне «почему?».

Искусство - в определенной мере, - способно выступить как тот язык, который может претендовать на универсальность. И дело здесь не только в его мнимой «общедоступности». Последняя связана с реализацией идеологического потенциала образных рядов, - что, как известно, весьма «токсично» для собственно художественного потенциала искусства. И восприятие, и понимание языка художественного творчества требует эмоциональной и интеллектуальной открытости, сравнимой разве что с философской сосредоточенностью. Вместе с тем, оно же требует, если можно так выразиться, наличия у субъекта восприятия «жизненного опыта», - навыков ориентации в разных смысловых и предметных средах. Просто неизвестное, незнакомое – неразличимо. Совершенно герметичное самовыражение не сообщаемо. Это верно не только для описания аутизма, но и для понимания того, что чувственность через искусство все равно пользуется «гиперссылками» на «разграфленное» *понятиями* поле культуры.

Отсюда – необходимость использовать обра-

зование для знакомства с различными языками культуры, культурными кодами, раскрывающими себя не только «лингвистически», но и через предметные ряды, арте-факты (не случайно сегодня спектр значений последнего слова расширен от сугубо искусствоведческого до историко-культурного!).

Искусство всегда имеет ярко выраженный цивилизационный «колорит», даже тогда (а может быть, особенно тогда), когда поднимается до высот общечеловеческого значения. Таким образом, усилия, которые требуются от человека для вхождения в поле мировой художественной культуры, прямо пропорциональны уровню его эмоционального развития, интеллектуальной зрелости и образования. Элитный вуз не может не учитывать эту особенность современных образовательных реалий. Думается, очевидным в условиях современной кризисной экономики является факт, что элитным можно считать лишь то образование, которое способно противопоставить размывающим тенденциям тотального «обнищания» антиэнтропийное стремление к поддержанию высокого уровня личностного развития. Четкая дисциплина ума и чувства, готовность к встрече с иным по отношению к привычному (опыт, который приобретается, в том числе, по мере освоения достижений мировой художественной культуры), - все это способствует поддержанию профессионализма специалиста-международника экстра-класса на должном уровне.

Тем более, что просто читать, считать или переводить сегодня (пока еще) неплохо умеют обычные выпускники хороших общеобразовательных школ. Специалист, чей диплом о высшем образовании «весит тяжело» и котируется выше среднего по мировым стандартам, более востребован еще и потому, что видит смыслы, не очевидные для «школяра». Колоссальной работе, которая ведется в этом направлении самим человеком, его семейным и дружеским окружением, хороший вуз должен предоставить дополнительную «страховку» - учебные курсы, способствующие поддержанию интереса к тому, что в целом было охарактеризовано выше как проблематика философии культуры. Включая при этом также эстетические, этические, религиоведческие и другие аспекты философского знания. «Строители будущего» (а в их число смело можно отнести выпускников элитных вузов), помимо прочего, ответственны за грамотное осмысление процессов, происходящих в культуре. В эпоху глобализации такое осмысление становится важным для выживания культуры как таковой; для поддержания устойчивого вектора экономического и политического развития стран и народов в сторону реализации положительных сценариев глобального будущего. В данной связи уместно подчеркнуть: поддержание личных духовных поисков «метастратегий современности» перестает сегодня считаться приватным занятием, обнажая свою сущность как сущность того дела, которое, оставаясь личным, является условием спасения всех.

Одной из черт современной культуры, «раскапывающей» истоки вдохновения в компаративном обращении к иным эпохам и мирам, является ее «архаизация», ставшая одним из приемов освоения иных моделей социокультурного бытия в условиях тотального кризиса культуры. Тенденция архаизации отчетливо проявила себя в стилистических поисках художников П. Пикассо и Э. Кирхнера, философов З. Фрейда и К.Г. Юнга, музыкантов, биологов, социологов и т.д. Она оставила след не только в кубистических экспериментах Пикассо, воспроизводивших средствами живописи технику изготовления скульптур в мастерских Древнего Египта; не только в его же обращении к детальному копированию африканских масок и объединению принципа древнеегипетского барельефа «профиль – анфас – профиль» с достижениями европейского портрета, что создавало эффект мультипликации и «живой жизни» картины, как бы наделенной чертами магического тотема.

Стихийная архаизация захватила также социальные практики (тоталитарные государства Европы изоморфны культурным формам архаических деспотий); религиозную жизнь (вспомним языческую квазирелигию советского периода, поддержанное государством возрождение язычества в Германии времен Третьего рейха) и т.д. Упоминание этих фактов, очевидных самих по себе и спорных, разумеется, с точки зрения их оценок сквозь призму тех или иных «научных парадигм» (а проще говоря, философских мировоззрений), выделяет, как минимум, *две сферы*, в которых необходимо разобраться специалисту-международнику, если он хочет оставаться на высоте решения задач, диктуемых современностью, - и совместить при этом любовь к Родине с любовью ко «все более взаимозависимому» в век глобализации и информационной революции человечеству. Речь идет о процессах, происходящих в сфере *художественной культуры* и событиях, имеющих место в пространстве *религиозности.*

Заметим: «архаизация», охватившая европейское искусство и культуру в целом в последнее столетие, позволила вернуть в коммуникативное пространство взаимодействия народов и культур его «базы» - первые абстракции, созданные в пещерах Альтамиры 25 тысяч лет назад. Иконография современного городского пространства в этом случае выступает как «открытая библиотека», - подобно тому, как первыми «библиотеками» были, возможно, и первые наскальные рисунки. Правда, библиотеками далеко не такими доступными, как сейчас, - поскольку к упомянутым изображениям, как известно, было трудно добираться; скорее всего, перед нами – первые «священные тексты», уловившие разницу сознания и мира и открывшие коммуникативный простор иного по отношению к витально-бытовому – духовно-интеллектуального – уровня.

«Другой» онтологический уровень хранится, передается и поддерживается усилиями тех, кто с ним работает. Здесь художник стоит в одном ряду с получающим инициацию зрителем; им обоим через сакральное художественное сообщение открывается поле общения. Поле, удерживающее то общее, что, согласно Аристотелю, отличает людей от зверей. И в конечном итоге, по мысли русских философов 20 века, раскрывается через понятие собственно человеческого творчества, создающего культуру. Возможно, именно здесь коренится та парадоксальная связь, которая упорно воспроизводится на уровне бытового сознания (не случайно аналитическая философия велит прислушиваться к нему): «культура», «художественная культура», «культ».

Одним из наиболее заметных проявлений архаизированных форм культа выступает так называемая «антропологическая религиозность». Она - сложносоставная матрица общественной самоорганизации, проективно модулирующая социальную действительность путем создания особых духовно-аксиологических конструкций в рамках индивидуального и коллективного сознания. Феномен антропологической религиозности – дополнительное свидетельство того, что в современном мире все большее значение приобретет именно социокультурная идентификация, позволяющая ориентироваться в системе культуры не только личности, но целым народам и странам. Умение грамотно и своевременно определить вектор подобных идентификационных программ своих партнеров, соотнести их со своими собственными приоритетами – одна из насущных задач специалистов, работающих в сфере международных отношений. Еще раз подчеркнем: межкультурные взаимодействия охватывают еще более широкую сферу интеграции, чем международная, поскольку опираются также на внутренние процессы в области взаимодействий разных цивилизационно-культурных моделей и платформ.

При этом, с одной стороны, процессы унификации образа жизни, стандартизации мышления, стереотипизации образных рядов, будучи тесно связаны с глобализационным «витком» развития культуры, стремительно нивелируют своеобразие локальных культурных типов, провоцируя, вместе с тем, их активное ответное сопротивление («глокализацию»[14]). С другой стороны, возникают субкультуры-мутанты синкретического типа, что выявляет наличие в культуре сформированной потребности в культурном синтезе нового типа. В свете сказанного становится понятно, почему особую роль сегодня приобретает идентификационный механизм, поддерживающий в рамках общественной психологии линию многовекторного взаимодействия, с одной стороны, охранительных тенденций консервации культурного наследия – и, с другой стороны, громадного числа инновационных программ, проецирующихся на все уровни существования человека и социума. Как уже отмечалось, антропологическая религиозность - один из элементов данного механизма.

В современной России данный способ общественной самоорганизации оказался особенно востребован по причине распада сложившихся в период XX века структурно-функциональных связей. По существу, позитивный потенциал руководящей роли партократии, проникавшей административным «щупом» во все сферы жизни советского человека, стал в полной мере понятен только тогда, когда государство, в силу целого ряда причин, перестало выполнять свою социальную миссию. «Сжались» пенсии; вначале сократились, а потом и вовсе исчезли в большинстве регионов выплаты социальных детских пособий; почти полностью закрылась возможность приобретения социального жилья. «Демократизация» постсоветской России в период перестройки вызвала к жизни призрак «оголтелого капитализма», подчинение которому несовместимо с перспективной жизнью социума.

Соответственно, стихийный процесс общественной самоорганизации стал набирать обороты, рекрутируя людей под знамена, как правило, традиционных для каждой конкретной местности культов. В числе таких культов – языческие, что особенно ярко выражено в таких регионах, как Сибирь, Забайкалье и Закавказье. Впрочем, центральные районы РФ также не лишены распространения языческих социально-значимых религиозных культов[15].

Сходную «антропологичность» приобретают здесь и традиционные мировые религии, нередко объединяющие и спасающие людей не только по духовному, но и по витальному направлениям. Так, специалисты говорят о возникновении внутри православия «ряда разных национальных религий»[16] или даже о превращении его в национальную религию (об опасности последнего предупреждал в своих поздних работах русский философ Н. Бердяев[17]).

По сути, антропологическая религиозность представляет собой некоторую модель «невидимого мира», развернутую применительно к интересам и потребностям общества, современного такой «развертке». Соответственно, речь идет о гармонизации путем апелляции к некоей сверх авторитетной инстанции трудовых ритмов (поэзия, «наука как социальный институт», идеология); *властных отношений*, мимикрирующих под отношения самоорганизации (пиар, имиджмейкерство, социологические опросы, рейтинги) и т.д.

Для специалиста-международника немалый интерес может представлять культурологическое «картирование» религиозной ситуации в стратегически важных для России регионах, включая ее собственные (и особенно приграничные) районы. Особое место здесь занимают конкретные социолого-религиоведческие и культурологические исследования, сопряженные с необходимостью трезвой оценки современных социокультурных процессов, имеющих перспек-

тивное значение в свете проблем национальной безопасности нашей страны[18].

В целом вопрос о роли философии в процессе создания целостных взаимосвязанных программ элитного вуза сегодня не потерял своей актуальности еще и потому, что вуз сегодня – одно из наиболее очевидных «мест встречи» разных культур. И преподавательский состав, и студенты на практике нередко принадлежат к разным «локальным культурным типам» и уже в силу этого вынуждены опытным путем осваивать правила и методы межкультурной коммуникации. По понятным причинам МГИМО (Университет) более, чем любой другой вуз нашей страны, сталкивается с этой особенностью современности, имея, к тому же, богатый опыт работы с мультикультурной аудиторией. Являясь одной из ведущих исследовательских площадок, где осуществляется многоаспектное изучение процесса межкультурной коммуникации, наш Университет выступает также ведущим центром методологических и методических[19], а также педагогических изысканий в данной области; осуществляя обширный комплекс инновационных разработок, в полном смысле ориентируясь на задачу «формирования интеллектуальных элит»[20].

Определяя себя по преимуществу как *исследовательский университет*[21], широко опираясь на мировой опыт, МГИМО активно внедряет в свои программы научные результаты, полученные его сотрудниками. Как уже отмечалось, группой ученых и преподавателей Университета был подготовлен модульный Учебно-методический комплекс «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации», выстроенный по принципу определения ведущих «векторов дифференциации» коммуникативного процесса в этой сфере. В их число вошли векторы аксиологии, социологии, религиозной и политической идентификации, конфликтологии и политической лексики. Вместе с тем, очевидна неполнота базового модуля данного УМК - хотя бы в силу того, что в нем отсутствуют дополнительные модули, составленные по региональному признаку и учитывающие этические, эстетические и иные аспекты аспект межкультурных исследований.

Примечательно, что аудитория Университета – студенты, магистранты, аспиранты и соискатели, а также лица, получающие второе высшее образование, - испытывает повышенный интерес к новейшим исследовательским достижениям в данных областях. Обладая (как правило) достаточно высоким уровнем общей культуры, что позволяет свободно ориентироваться в истории и теории вопроса, наши слушатели способны применить полученные знания в таких областях, как международное право, экономика, журналистика и т.д. Это позволяет говорить о перспективности идеи создания в МГИМО специализированного диссертационного совета по перечисленным направлениям в рамках объединяющего их проекта «философии культуры» и «культурологии».

Поскольку на сегодняшний день специализированный курс перечисленных выше дисциплин в Университете отсутствует, «культурологическое» наполнение нередко приобретают предметы, казалось бы, от нее далекие – логика, психология, история философии, риторика и теория аргументации. Вместе с тем, проявление интереса к процессам, происходящим в культуре, «вторжение» вопроса о судьбе культуры в другие сферы социокультурной деятельности способствуют тому, что даже проблемы философии права оказывается иногда уместным подавать сквозь призму правовых норм, регулирующих современные параметры, к примеру, выставочной деятельности. Наглядность, чувственная «доступность» тем, представляемых здесь для обсуждения, осмысления и анализа дает значительный эффект при освоении правил логичного рассуждения. Отдельного внимания заслуживает преподавание риторики, включающее в себя логические, психологические и филологические аспекты. Обращение к философским знаниям, использование философских категорий в данном контексте дает не только положительный учебный эффект, но также стимулирует развитие у слушателей навыков самостоятельной исследовательской работы. При этом философия культуры требует опоры на знания учащихся в области религиоведения, искусствоведения, лингвистики, филологии, психологии, регионоведения, социологии и политологии.

Концентрируя внимание на деталях и специфике взаимодействия перечисленных научных направлений и учебных дисциплин, обобщая их данные по принципу выделения квинтэссенции непосредственно из культурного субстрата, философия культуры позволяет «превзойти» этнографизм как усеченный вариант изучения локальных культур. Сохранив, вместе с тем, его основное звено – интерес к самотождественному ядру данной культуры как неповторимо своеобразной целостности, концентрирующейся в личном пространстве, в объединяющем «поле тяготения» микро- и макро- групп. В этом изначальном парадоксе философского подхода, возвращающего самосознание культуры к идеалу мудреца, возможно, кроется не только его слабость, но и его сила.

Silantieva M.V. MGIMO Elit Education: Philosophical-culturologicul Ways to the Problem

Summary: *The article investigates the role and functions of philosophy in the space of the modern elite education. There is particular view on educational models in Russia and foreign countries in the article, connecting with innovations in the sphere of teaching covered here. Philosophy of culture as teaching course is relevant to the context of the research university conception. These singularities are promoted to educations quality growing especially in conditions of the overcome of the global economic crisis.*

Ключевые слова

межкультурная коммуникация, философия культуры, философия науки, антропологическая религиозность, современное искусство, качество образования, элитное образование.

Keywords

Cross-cultural communication, philosophy of culture, philosophy of science, anthropological religiosity, modern art, the quality of education, elite education

Примечания

1. См.: Торкунов А.В. Новая Россия в новом мире / Торкунов А.В. По дороге в будущее. М., 2010. С.143.
2. См.: Торкунов А.В. От Третьего Рима к мировому городу / Торкунов А.В. По дороге в будущее. М., 2010. С.223.
3. См., например: Височан Н.Н., Егорова Ю.А. Нужно ли изучать философию? // II Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 15 – 20 февраля 2010 года. [Электронный ресурс] URL: http://www.rae.ru/forum2010/39/666 (дата обращения 21.10.2010).
4. Подробный анализ отношений науки, власти и идеологии подробно проанализирован в статье: Александров Д.А., Колчинский Э.И. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // [Электронный ресурс] URL: http://www.polit.ru/science/2006/02/06/alexandrov.html (дата обращения 26.10.2010).
5. См.: Ashley Chappo// Oh, the humanities // The Cavalier Daily. Serving the University of Virginia community since 1890 // [Электронный ресурс] URL: http://www.cavalierdaily.com/2010/10/22/oh-the-humanities-2/ (дата обращения 26.10.2010).
6. См.: [Электронный ресурс] URL: http://www.yastudent.ru/articles/2/11/438.html (дата обращения 26.10.2010).
7. [Электронный ресурс] URL: http://www.meganom.org/useful/education/302.html (дата обращения 27.10.2010).
8. См.: Московскому университету нужен особый статус. Интервью с В.В. Мироновым // [Электронный ресурс] URL: http://www.philos.msu.ru/fac/varia/interv/mironov/mironov_7.html (дата обращения 26.10.2010).
9. См.: Ассоциированные школы ЮНЕСУКО и международное образование. Сборник материалов и документов (издание второе). М.: Этносфера, 2004. С. 43- 57.
10. См., например: Фалин В.В. Социокультурный аспект изучения коммуникационных процессов в современном российском обществе. Автореф…кандидата культурологи. М., 2009. С. 3-17; Кузнецова Н. А. Расширение гуманитарных технологий на основе компетентностного подхода. // Интернет-журнал "Эйдос". - 2006. - 1 сентября. http://www.eidos.ru/journal/2006/0901-3.htm. Дата обращения 20.10.2009; Мартьянова О.С. Менеджмент качества как гуманитарная технология. [Электронный ресурс] URL: http://quality.petrsu.ru/file/206/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84.ppt (дата обращения 01.11.2009).
11. См.: Громов М.Н., Козлов Н.Ф. История русской мысли IX-XVII вв. М., 1990.
12. См., например: Цзинь Синьсюнь. Роль гуманитарных ценностей конфуцианства в развитии духовной культуры студенчества (на материале вузов Внутренней Монголии КНР)». Автореферат на соискание ученой степени кандидата культурологи. Чита, 2009. С.4-5, 12-16.
13. См.: Дмитрий Бабич. Поражение мультикультуризма? [Электронный ресурс] URL: http://www.rian.ru/authors/20101020/287486460.htm (дата обращения 24.10.2010).
14. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001. С.92.
15. См., напр.: Атлас религиозной жизни России. Т.2. Отв. Ред. М. Бурдо, С. Филатов. М., 2006. С.680-686.
16. Бибихин В.В. Грамматика поэзии// Новое русское слово. СПб., С.557.
17. Например: Бердяев Н.А. Демократия, социализм и теократия // Н.А. Бердяев Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С.481.
18. См., напр.: Арзуманов И.А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX-XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования. Иркутск, 2006; Ересько М.Н. Язык религии: смысл и символ (Опыт онтосемантического анализа). Тюмень, 2007; Она же. Специфика религиозной репрезентации: семантика и онтология // Религиоведение. 2008. № 2. С. 95-107.
19. Шестопал А.В. Выступление на 13 Шишкинских чтениях /Самарин А.Н. Фундаментальность гуманитарного знания – основа инновациолнного обновления системы высшего образования. / Обзор 13 Ежегодных Шишкинских чтений, состоявшихся в МГИМО-университете МИД России 22 декабря 2007 / А.Н. Самарин / Право и управление. XXI век. 2008. №1 (6). С.97. См. также: [Электронный ресурс] URL: old.mgimo.ru/kf/docs/social_conflicts.htm Дата обращения 26.12.2010.
20. Ашин Г.К. Выступление на 13 Шишкинских чтениях /Самарин А.Н. Фундаментальность гуманитарного знания – основа инновациолнного обновления системы высшего образования. / Обзор 13 Ежегодных Шишкинских чтений, состоявшихся в МГИМО-университете МИД России 22 декабря 2007 / А.Н. Самарин / Право и управление. XXI век. 2008. №1 (6). С.99.
21. Глаголев В.С. США: современные проблемы развития интеллеатуально-психологического потенциала // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО: Сборник научных статей/ МГИМО (У) МИД России; Под ред. Г.К. Ашина, С.А. Кравченко. М.: МГИМО, 2002. С. 165-188. Он же. Обучение в высшей школе США: опыт университета штата Техас города Остин // Право и управление. XXI век. №2 (11) 2009. С.30-17.

Журналистика как наука: От предметной области к преподаванию

А.В. Коротков, О.А. Шамина

За долгие годы исследований в области журналистики ученые так и не смогли выработать единое определение науки и достичь понимания ее предмета. Три основные предметные области журналистики – текст, контекст и процесс коммуникации, – должны изучаться вместе с медиа-экономикой, которая уже стала еще одной основной частью полисистемы средств массовой информации. В рамках систематического подхода журналистика, ее предмет и метод должны рассматриваться как отдельная гуманитарная наука, которая затрагивает вопросы человеческого бытия и окружающего мира. Но до сих пор сохраняется необходимость создать уникальную систему науки журналистики на основе существующих теорий.

Несмотря на то, что ученые исследуют журналистику уже не одно десятилетие, до сих пор идут споры о ее предметной области. Исследователи постоянно спорят о месте журналистики среди гуманитарных дисциплин, нет у них единства и в понимани ее методологии. Подобно философии, журналистика не имеет точного научного определения, изменяющегося как в историческом, так и в методологическом измерении, в зависимости от научных школ и направлений исследования.

По мнению одних исследователей, журналистика является независимой дисциплиной со своей отдельной предметной областью и особой методологией. Другае группа ученых рассматривает журналистику как часть общественных дисциплин, которая не требует разработки отдельной методологии. Предмет журналистики был исследован во множестве разнообразных работ в рамках различных гуманитарных дисциплин – социологии, политологии, культурологии, лингвистики и т.д.

Подобное разнообразие подходов к журналистике как науке обусловлено отсутствием общепризнанного определения вклада и функций практической журналистики в обществе. Многие традиционно относят журналистику к ремеслам, и сводят ее изучение к узкой практической деятельности. С этой точки зрения журналистику можно рассматривать как счетную комбинацию знаний и навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Подобный подход способствует эффективному обучению студентов и начинающих журналистов необходимым навыкам. Однако эта точка зрения может привести к невозможности адекватно оценить влияние журналистики на общество, понять основные принципы журналистской работы и перспектив этой деятельности в меняющемся мире.

Журналистика может быть также определена как профессиональная сфера деятельности, связанная со сбором информации, ее обработкой и дальнейшим распространением по каналам разнообразных средств массовой информации. Основной функцией журналистики в этом случае является модернизация идеологий социальных групп по средствам отбора фактов, оценок и комментариев, которые своевременны и важны в конкретный момент времени. Воспринятая таким образом, журналистика становится частью мультифункциональных институтов общества - прессы, телевидения, радио, интернета и т.д. Еще одно определение журналистики - это актуализация мировоззрения социальных групп средствами подбора фактов, оценок и комментариев, которые злободневны и значительны в данное время.

Научный подход к журналистике основывается на сборе, систематизации и критическом анализе фактов, которые создают основу для синтеза нового знания. Причем, важным здесь является не только наблюдать и описывать теку-

Коротков Андрей Викентьевич – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой глобальных информационных процессов и ресурсов МГИМО(У) МИД России. E-mail: korotkov_a_v@mgimo.ru; korotkov.andrei@gmail.com
Шамина Ольга Александровна – студентка второго курса магистратуры по направлению журналистика по программе «Международная журналистика» МГИМО(У) МИД России. E-mail: olgashamina@hotmail.com

щую ситуацию в медиа-сфере и ее изменения, но и создать собственные причинно-следственные связи, что позволит уже составлять достоверные прогнозы. Как сказал Менделеев, наука начинается с тех пор, когда начинают измерять.

Подход к изучению журналистики как науки должен быть основан на взаимосвязанной системе творческих, культурных, исторических, социологических и других дисциплин. Подобная система должна не только включать все циклы создания и управления практической журналистикой, но и должна отражать взаимное влияние журналистики и общества. Основная роль здесь отдана предмету журналистской теории. Несмотря на множественность предметных областей, текст все же является краеугольным камнем журналистской теории. Исследователи могут изучать тексты с различных позиций и подходов. Например, тексты могут рассматриваться как определенный набор символов и смыслов или как единица процесса коммуникации между СМИ и аудиторией.

Еще одним ключевым элементом исследований в области журналистики и возможной предметной областью является медиа-экономика. Развитие медиа-институтов и особых экономических отношений между ними открывает новую область для научных исследований. Медиа-экономика раскрывает особые формы взаимодействия между текстом, контекстом и процессом коммуникации как частями полисистем СМИ.

В рамках этого подхода журналистику со своим обособленным предметом и отдельной методологией можно рассматривать как отдельную гуманитарную дисциплину, которая занимается вопросами человеческой природы и окружения. Несмотря на все различия в определении предмета и ценности журналистики, общие рамки для этой науки были сформированы на базе информационной, коммуникационной и управленческой теорий. Методологии этих наук наиболее часто применяются при анализе процесса создания текстов, его редактирования, хранения и распределения, так же как при исследовании контекста взаимодействия отправителя и получателя сообщения в полисистемах СМИ в течение их жизненного цикла.

Эволюция исследований в области журналистики. Процесс исследований в области журналистики – долгий и сложный процесс, который до сих пор далек от завершения. Причем, это процесс развивается в большей степени горизонтально, в сторону расширения знаний. Исследователи охватывают с каждым годом все больше новых теоретических и практических аспектов журналистики. Конечно, нельзя отрицать, что существуют комплексные исследования, которые создают базу всей теории. Хотя внутри журналистики как науки скорее преобладает другой подход: без опоры на предыдущий опыт, разрабатывается огромное количество различных тем и предметов, не связанных между собой.

Фактически, проблемами журналистики и ее влияния на общества ученые заинтересовались сразу после быстрого развития прессы в Европе и США. Например, Роберд Эдуард Прутц издал свою книгу «История немецкой журналистики» в середине XIX века. И уже в этой работе журналистика была определена не просто как практическая деятельность, но как важнейшая часть общества[1].

Первые комплексные исследования в области журналистики появились в 1930-х годах. В это время подобные исследования рассматривались в качестве основы для коммуникационной теории. Таким образом, большинство работ были посвящены влиянию медийного сообщения на аудиторию. Кроме того, в то же время появлялись исторические исследования, который в той или иной мере затрагивали журналистику и СМИ. Подобные работы исследовали проблемы взаимодействия различных социальных сил и журналистской деятельности. Стоит оговориться, что эти исследования были скорее описательными, чем аналитическими. Акцент в подобных работах делался на индивидуальных характеристиках журналиста, который часто героизировался, представлялся незаурядной личностью. Типичной чертой исследователей того времени было применение нормативного подхода к журналистике. Исследователи описывали реальное положение вещей, а затем разрабатывали особые характеристики и требования не только к профессиональным качествам журналиста, но и к его личности.

При этом в этот период были опубликованы исследования, составившие базу для всей теории журналистики. Одной из наиболее интересных и влиятельных теорий того времени была концепция «привратников», предложенная Д.М. Уайтом, который описывает многоступенчатый подход к обработке информации. Эта теория и некоторые другие исследования положили начало более широкому использованию эмпирических данных и их анализу не только на индивидуальном и микроуровне, но и в макросреде.

До 1970-х годов все исследования, посвященные проблемам журналистики, были достаточно редкими и не согласовывались между собой. Например, было множество разрозненных исследований, посвященных описанию внутриредакционной деятельности какой-либо газеты или другого СМИ. В качестве иллюстрации мы можем использовать работы Лео Ростена «Вашингтонские корреспонденты»[2]. К сожалению, эти исследования сложно сравнивать по их качеству и масштабу с более поздними работами.

Начиная с 1970-х, количество исследований в области журналистики постоянно растет. В 1976 году Дж. Джонстон, В.С. Славский и В.В. Боуман опубликовали работу «Новые люди: социологический портрет американских журналистов и их работы»[3]. Эта работа оказалась первым исследованием американских журналистов в национальном масштабе. С 1970 года акцент в исследованиях также переносится в другие пред-

метные области. Исследователей занимают вопросы изучения аудитория и влияния медийного сообщения. Подобные исследования нашли свое практическое применение в концепции маркетинга и других прикладных дисциплинах. Но в то же время эти исследования не способствовали более глубокому пониманию журналистики как социального института. Более того, взаимодействие между обществом и СМИ часто трактовалось неправильно, а роль журналистики сводилась лишь к механизму влияния. Применение этого подхода вызывало серьезную критику. Например, П.Дж. Шумахер и С.Д. Риз посвятили этой теме свою книгу «Медийное сообщение: теории влияния на продукт СМИ»[4].

В 1990-х годах появляется огромное количество исследований, затрагивающих практически все аспекты журналистики и коммуникации. Дэвид Вивер и Мартин Лоффебольц тем не менее отмечают в своей статье «Призыв к глобальной журналисткой теории», что науке все же не достает комплексного подхода, который должен «связать характеристики и отношение журналистов к своей работе, основные черты новостных организаций, социальные влияния с типом и особенностями сообщений, которые производят журналисты».

Другой важной чертой исследований 1990-х годов были попытки найти взаимосвязь между различными характеристиками работы журналистов и развитием общества и экономики. Акцент в подобных работах часто делается на личностных характеристиках журналистов и влияния этих характеристик на продукт и содержимое, которое они производят. Примером подобного исследования может служить книга Пиппы Норис «Женщины, средства массовой информации и политика»[5].

В современных исследованиях особая роль отдана изучению международной деятельности журналистов и сравнительному анализу. Это стало большим шагом вперед для журналистики как научной дисциплины, ибо предшествовавшие исследования часто базировались исключительно на американских эмпирических данных и предыдущих наработках американских ученых. Глобализация, развитие транснациональных медиакорпораций и новых технологий позволили более тщательно исследовать медиаотрасль и журналистику, используя разнообразный практический материал.

В конце 1990-х и в 2000-х годах некоторые ученые попытались внедрить системный подход к исследованиям в области журналистики, согласно которому все предыдущие аналитические разработки и их выводы должны были быть объединены в единый комплекс знаний. Часто попытки создания подобных систем проваливались, так как они не затрагивали многих вопросов социального и экономического влияния на журналистику, так же как воздействия личных характеристик журналиста на конечный продукт. Применяя системный подход, исследователи столкнулись с множеством возможных интерпретаций места журналистики в обществе. Одним из вариантов было исследовать журналистику как отдельную систему внутри общества. Другим вариантом - рассматривать ее как подсистему внутри других социальных систем, в частности, таких, как «средства массовой информации» или «аудитория».

В настоящее время системный подход в журналистике все еще нуждается в доработке и развитии. Конечно, существуют несколько достаточно удачных попыток включить различные срезы журналисткой теории в одну комплексную систему. Например, П. Шумахер и С.Д. Риз пытались выявить роли личностных, структурных и нормативных факторов в процессе производства журналистских материалов. Но потребность в выработке тщательного системного подхода, который вместит в себя все предыдущие работы, практические навыки журналистов и эмпирические данные, сохраняется. Сейчас требуется вертикальная интеграция всех знаний и теорий, которые до этого в течение многих десятилетий развивались независимо друг от друга.

Различные подходы к журналистике. В одной статье сложно поместить описание всех подходов к исследованиям в области журналистики. Но все же мы можем выявить несколько наиболее важных сфер исследований, которым посвящено значительное число научных работ. Наиболее логичным представляется начать подобное описание с социологического подхода, который, в той или иной степени, применяется в большинстве исследований в области журналистики. В рамках этого подхода ученые пытаются изучить социальную роль журналистских организаций и институтов, выявить комплексные взаимосвязи между производителями и потребителями материалов СМИ, а также выделить специфические журналистские структуры внутри медиа-отрасли, в обществе и т.д.

Социологические исследования могут стать основополагающей научной базой для дальнейшей организации и систематизации изысканий в области журналистики. Социологический подход позволяет ученым изучать влияние перемен, происходящих в обществе, на характеристики журналистской работы. Сложно отрицать тот факт, что современные структурные изменения в экономике и обществе, демографические тенденции, изменения в системе управления на макро- и микроуровнях, эволюция принципов политической деятельности приводит к фундаментальным изменениям в журналистике и СМИ как институтах, которые должны выполнять общественные функции и одновременно отвечать потребностям аудитории. В этом случае научная основа социологии может быть единственно возможной структурной базой для изучения эволюции институтов журналистики[6].

Еще одним важным аспектом является то, что социология фактически была первой наукой, в рамках которой изучалась журналистика

и СМИ. Именно социологические исследования в этой области создали представление о журналистах, их работе и деятельности средств массовой информации. Ученые социологи первыми исследовали эмпирические данные о ежедневных занятиях и отличительных чертах поведения журналистов, о работе редакций и особенностей восприятия информации аудиторией и т.д. Из всего этого можно сделать вывод, что социологический подход к журналистике и исследования в рамках данного подхода станут основой научной системы и будут способствовать лучшему пониманию будущей эволюции СМИ и журналистики как научной и практической деятельности.

Одним из наиболее интересных и сравнительно новых подходов к журналистике являются исследования в рамках культурологии. Подобные исследования рассматривают проблемы изменения значений, символов и смыслов в материалах СМИ и внутренней мотивации журналистов и аудитории производить и воспринимать информацию определенным способом. Культурологи изучают особенности восприятия информации различными социальными и культурными группами, влияние культуры журналистов на характер производимых материалов и анализируют внутреннюю культуру организаций. Подобным темам посвящено множество сравнительных исследований различных национальных или политических культур и их влияния на производство журналистских материалов.

Очень часто подобные исследования совмещаются с работами в области лингвистики, что позволяет ученым выявить видимые символы культурного самосознания автора. Текст в подобных исследованиях рассматривается как основной предмет исследований и источник необходимых данных. Процесс выявления символов и метафор в тексте является одним из основных способов его анализа с целью определения скрытых значений и смыслов, а также с целью анализа всего дискурса и непосредственно - его культурных предпосылок.

Современная культура свободы слова, либерализма и демократии, а также развитие технологий позволили претворить в жизнь известный принцип свободы выражения для действительно широкого круга лиц. Большая часть журналистской работы теперь стала доступна для людей без специального образования или опыта работы. Этот тезис может быть проиллюстрирован на примере интернета, где можно найти множество описаний событий и комментариев к ним, созданными не профессиональными журналистами, то есть авторами, которых можно отнести к так называемой «гражданской журналистике». Ее развитие рождает споры о различиях между различными группами авторов, практикующими в журналистике[7].

Ценности и специфические профессиональные качества, которые формируют профессиональное образование и опыт работы, корпоративная культура средств массовой информации и особые экономические факторы, являются основными аргументами, которые должны учитываться при исследовании границ в творчестве профессиональных и непрофессиональных журналистов и выявлении значимости профессионализма в этой сфере деятельности.

Непосредственно лингвистический анализ текстов связан также с рассмотрением их как источников сообщения. Исследователи тщательно анализируют формальные и неформальные структуры текста с целью выявить истинное сообщение журналистского материала и используемые методы его передачи. Формальные структуры включают в себя грамматику, используемую лексику, синтаксические структуры и т.д. К неформальным признакам относятся такие элементы, как литературные приемы, различные схемы построения текстов и некоторые другие. Подобное отношение позволяет выявить спрятанный внутри текста смысл и даже отношение автора и аудитории к той или иной проблеме в обществе. Результаты подобных исследований можно рассматривать как прикладные методы анализа в других областях, например, в социологическом или политологическом подходе к журналистике.

Значительное число исследований рассматривает исторический аспект эволюции журналистики. В рамках этого подхода можно найти множество работ, отличающихся друг от друга по масштабу и глубине анализа исходной проблемы, а также рассматриваемым срезам журналистских практик и применяемой методологии. Исторические исследования включают в себя детальные описания и анализ эволюционных процессов в журналистике, освещения средствами массовой информации того или иного события или влияния личности на продукт труда журналистов. Будучи, наряду с социологией, одними из первых научных подходов к журналистике, исторические исследования представляют собой огромное количество разнообразной информации и могут также служить материалом для дальнейших изысканий.

Организационный и экономический подходы особенно важны и востребованы особенно в современную эпоху, когда медиа-организации часто играют более значительную роль, чем непосредственно сами журналисты. Развитие современных сложных предприятий с множеством различных департаментов и филиалов привело к эволюции работы журналистов. Сегодня уже невозможно говорить о журналистах общего профиля, которые могут освещать любую тему общественной жизни. Подобных журналистов в редакциях заменили специалисты, которые обладают достаточными знаниями и навыками, чтобы наиболее полно и емко освещать события в отдельной сфере общественной жизни. Подобные изменения привели к фундаментальному пересмотру схем работы журналистов и их взаимоотношений внутри медиа-организаций.

Ограничения, налагаемые законами медиарынка, также влияют на практическую деятель-

ность журналистов и продукт их работы. Медиа-организации и отдельные журналисты должны, в первую очередь, удовлетворять потребности аудитории. Продукт их деятельности должен быть не только соответствующего качества, но и отвечать специфичным требованиям. Продукт журналистской деятельности должен защищать интересы всего общества и одновременно удовлетворять непосредственно отдельного потребителя и рекламодателя, так как именно от них зависит финансовая база их работы. Эти ограничения влияют на форму подачу информации, средства ее распространения и непосредственные содержание материалов.

Проблемы организационного и экономического характера прочно связаны с дискуссией о будущем журналистики и СМИ. Медиа-рынок стремительно изменяется в ответ на новые требования, связанные с развитием информационных технологий, эволюцией потребительских предпочтений и моделей социального поведения. Эти изменения неизбежно приводят к эволюции средств массовой информации, которые, в свою очередь, приводят к дальнейшей эволюции медиа-рынка, а затем и всего общества. Этот постоянно ускоряющийся процесс вызывает множество споров о судьбе журналистики как в научной среде, так и между практикующими журналистами.

При исследовании влияния потребительских предпочтений на содержание материалов СМИ не стоит избегать проблемы информационной дискриминации. Аудитория предпочитает получать информацию, которую она может легко воспринять, понять и переработать. Такая информация должна затрагивать события или темы, действительно важные для данного общества и для данного потребителя. Таким образом, можно заметить, что события, не оказывающие непосредственного влияния на общество в конкретном регионе, не освещаются подробно, несмотря на их значение и важность в долгосрочной перспективе или, например, для другого региона.

Большинство экономических и организационных исследований относятся к концу предыдущего века и началу XXI века. Но из-за постоянной эволюции медиа-рынка и организаций, а также из-за противоречивых результатов исследований и неточности прогнозов, эти вопросы должны быть исследованы более подробно с более широким применением разработанных внутри экономики и менеджмента теорий. Кроме того, очень важно анализировать текущую роль журналистов и редакторов в медиа-организациях, современные схемы создания продукта. Такой подход к журналистике как науке можно назвать наиболее перспективным в современных условиях.

Конечно, не следует игнорировать и политическое значение журналистики. Во многом выполняя функцию «четвертой власти» в обществе, журналистика способствует поддержанию стабильности политических систем, режимов государственного управления и эффективности общества. Функции журналистики не ограничены освещением последних политических событий. Фактически журналистика отражает значительные изменения в обществе не только в содержании тех материалов, которые она производит, но и способах передачи, разновидностях своего продукта и в схемах работы СМИ. Интересные результаты ученые получают при сравнении содержания медиа и организационных форм СМИ в странах с разной степенью политических свобод.

В рамках политического подхода к журналистике было опубликовано множество исследований и документов, описывающих основные принципы и механизмы работы журналистов в демократических обществах. Подобные исследования базируются не только на реальном состоянии медиа-рынка, но и на принципах демократии и функционирования «свободного» общества, часто являющихся более декларативными, чем реальными. В то же время этот подход во многом способствовал разработке этических принципов журналистики, но излишнее применение нормативного подхода может привести к неправильному пониманию основных аспектов работы журналистов.

Некоторые ученые нашли взаимосвязь между современным политическим кризисом и кризисом журналистики. И одной из целей политических исследований в области журналистики является модернизация деятельности СМИ и журналистов с целью преодоления политического кризиса. Негативное влияние медиа-демократии и медиа-политики должны быть уменьшены, иначе углубление политического кризиса окончательно сведет роль журналистики к своего рода публичному развлечению[8].

Важно изучать роль журналистики и средств массовой информации в некоторых сложных ситуациях, например, во время избирательных кампаний или достижения политического консенсуса в обществах. Подобные исследования помогут создать законодательную базу, регулирующую действия журналистов с тем, чтобы снизить отрицательные эффекты от их деятельности, но при этом сохранить их общественно значимые функции.

Теории коммуникации и психологии являются наиболее востребованными у политических и бизнес-структур прикладными исследованиями в рамках журналистики как науки. Подобные исследования в наибольшей степени посвящены изучению того, как аудитория воспринимает и обрабатывает информацию, но практически не касается вопросов мотивации журналистов и сотрудников редакций. Сторонники этого подхода исследуют психологические факторы, которые влияют на способы восприятия информации тем или иным образом. Ученые изучают способы взаимодействия между журналистами и их аудиторией, чтобы выявить наиболее эффективные пути подачи информации для достижения

каких-либо целей[9]. Подобный подход способствует более глубокому пониманию скрытого взаимодействия аудитории и журналистов. Но одновременно с этим данные теории могут способствовать умножению способов манипулирования аудиторией и искажения информации.

Более того, чрезмерное использование подобных методов ведет к смене приоритетов в журналистике как науке и как практической деятельности: поиск внутренних проблем общества может быть заменен механизмами изощренных способов манипуляции и влияния. Эти тенденции могут производить долгосрочный негативный эффект, который, в свою очередь, может привести к увеличению и углублению социальных, экономических и политических проблем в обществе, а также к деградации журналистики как социального института.

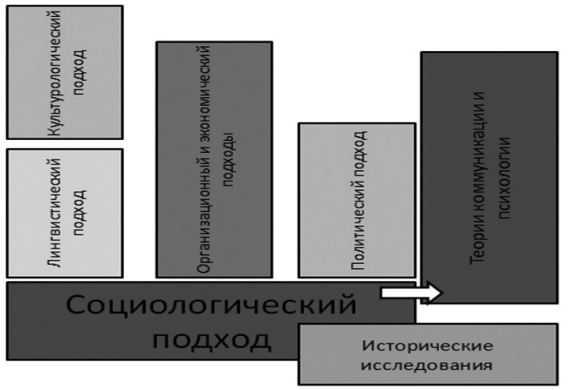

Рис.1. Взаимовлияние различных подходов к журналистики.
Глубина цвета показывает степень проработанности направления, длина фигур демонстрирует потенциал дальнейшей работы

Следует отметить, что авторы статьи не задавались целью дать описание всех подходов к журналистике как науки. Но даже из этого достаточно краткого описания можно сделать вывод о том, что проблема построения научной системы журналистики - достаточно сложная задача, которая требует совместной работы многих исследователей в различных сферах. Конечно, структурные рамки для этой системы уже были созданы современными теориями социологии, менеджмента, коммуникации и информационных технологий. Но исследователи должны заполнить эти рамки огромным количеством исследований и работ, часто противоречивых и не согласующихся друг с другом, которые должны быть соединены в единое целое.

Необходимость выработки системного подхода. Журналистика оказалась одной из наиболее противоречивых гуманитарных дисциплин, в первую очередь, из-за отсутствия общего понимания ее значения и невозможности четко определить ее предмет. Несомненно, исследователи журналистики услышали и последовали призыву создать объединенную систему научного знания с четким определением предмета исследования, сложной иерархии различных подходов и структурированной методологией. Более того, ученые постоянно разрабатывают новые модели и пытаются внедрить в них большинство существующих теорий. Но, к сожалению, даже самые успешные попытки пока только частично достигают своей цели.

Основная причина подобной ситуации кроется в самой природе журналистики. Основная цель этой дисциплины – отражать реальность, освещать и интерпретировать современные события с тем, чтобы как-то понять и классифицировать окружающий мир, раздробить реальность на отдельные фрагменты, темы и смыслы, чтобы облегчить аудитории процесс поиска и обработки информации. В этом смысле журналисты играют значительную роль в процесс эволюции общества, политики и экономики.

Журналистика как практическая дисциплина по своим принципам и функциям во многом копирует науку – она также нацелена на изучение, исследование и анализ какого-либо события, в ее рамках также существует огромное количество возможностей по-разному интерпретировать реальность. Из-за этого сходства и слишком широкого круга затрагиваемых проблем журналистика и становится слишком сложным явлением, чтобы легко задать для него рамки исследования. Еще одной важной проблемой является сложность достижения консенсуса между основными группами лиц, заинтересованных в исследовании журналистики: это, в первую очередь, ученые, преподаватели дисциплины и практикующие журналисты.

Ученые в одиночку фактически не способы выработать единый подход к журналистике и единую иерархическую систему знаний. Нельзя отрицать, что журналистика, в первую очередь, является практической дисциплиной, которая, в то же время, требует прикладной научной базы. Из-за столь тесной взаимосвязи практики и теории ученые просто не могут позволить себе разработать чересчур далекую от реальности концепцию, которую невозможно применить на практике и которая не могла открыть путь к дальнейшим изменениям в дисциплине. Поэтому ученые должны постоянно проверять результаты своих изысканий на эмпирических данных, которые им могут предоставить только практикующие журналисты.

Но эта задача часто оказывается достаточно сложной, так как между практикующими журналистами и журналистами-теоретиками можно наблюдать отсутствие взаимопонимания и неспособность к взаимодействию. Это связано, скорее, не с банальным нежеланием общаться, а с разницей в интересах и в отношении к профессии, которые и создают разрыв в мировоззрении этих двух категорий. Хотя, если и эта проблема будет преодолена, все же существует некий временной лаг между разработкой и возможностью эмпирической проверки теории.

При этом не стоит забывать, что журналистика каким-то образом должна преподаваться студентам. Для этого, в первую очередь, необходимо понять, какую журналистику необходимо преподавать. С одной стороны, начинающие

журналисты могут легко получить определенный набор исключительно практических навыков и прикладных знаний. Подобный подход сформирует из них прекрасных исполнителей, но все же усложнит для них процесс понимания отрасли, в которой они работают, и, тем более, ее модернизации в ответ на возникающие требования общества.

Но если студентам необходимо преподавать науку журналистику, то в какой форме и какую науку необходимо преподавать? Конечно, можно заявить, что молодому журналисту необходимо изучить все описанные выше подходы к журналистике. Студенту потребуются годы, чтобы просто разобраться со всеми существующими теориями и систематизировать их даже на самом примитивном уровне. Таким образом, мы видим противоречие в интересах всех трех групп: ученые пытаются расширить свое знание о предмете, журналисты пытаются свести науку к комплексу прикладных знаний, а преподаватели пытаются найти компромисс и преподать студентам необходимое[10].

Конечно, разработка системы знаний и практических навыков с четкой иерархией и определениями может решить эту проблему. Но для выработки этой систем должны совпасть усилия всех трех заинтересованных групп, а для их эффективного взаимодействия должен быть выработан механизм общения. Еще одним требованием к новой системе знаний должна стать ее релевантность. Новая система журналисткой теории должна учитывать интересы всех групп общества, которых журналистика в той или иной степени затрагивает.

Необходимо понимать, что развитие комплексной системы знаний в области журналистики не может быть сиюминутным процессом, необходимо время и множество усилий для ее создания. Сейчас уже сделана большая работа по созданию рамок и структуры этой системы, что уже само по себе является скачком к систематизации теорий в области журналистики. Но все же стоит отметить и еще один важный аспект, касающийся журналистики. Постоянная эволюция медиа-отрасли и практической деятельности журналистов требует от исследователей постоянной фиксации этих изменений с тем, чтобы уже на основе подобных данных выявить тенденции развития и построить более достоверные прогнозы будущего СМИ и медиа-системы. Подобные действия также обеспечат эффективность будущей системе знаний и смогут заложить основы изменений в практической журналистике. Построение долгосрочных прогнозов, попытки описать только создающиеся структуры медиа-отрасли и разрабатываемые практические методы журналистики и являются основными требования к журналистике как науке сегодня.

В качестве примера одного из определений будущей научной системы можно рассмотреть следующий подход. Журналистика как наука - это система культурологических, исторических, социологических, экономических и других дисциплин, которая охватывает весь цикл создания и управления практической деятельностью журналистов в обществе и их влияние на социальные процессы. Как предмет систематического анализа журналистику можно изучать как:

— социальный институт;
— комплекс практических занятий для поддержания жизненного цикла медиа;
— систему профессий;
— систему работы по созданию текстов;
— систему управления каналами массовой коммуникации;
— часть медиа-индустрии.

Основой журналистики становится комбинации гуманитарных дисциплин, изучающих суть духовной культуры цивилизации через влияние текстов или сообщений в полисистемах СМИ. Текст, таким образом, становится целым комплексом внутренних элементов и внешних отношений в отдельной реальности, в которой существует журналистика и которая необходима для него.

Роль текста. Журналистский текст как конечный продукт деятельности работников СМИ является основным элементом каждого исследования и анализа. В таком качестве текст становится основным предметом журналистики как науки. Конечно, можно назвать множество альтернативных предметов, которые также достойны рассмотрения. Но, все же, тексты остаются основным способом взаимодействия между журналистскими институтами и обществом. Без использования текстов даже самый изощренный в вопросах социального влияния и манипулирования журналист не сможет достичь своих целей. Та же логика может быть применена ко всему институту практической журналистики, основным продуктом деятельности которого является текст, без которого реализация его социальных функций оказывается невозможной.

Понимание значения анализа текстов является одним из ключевых моментов исследований в области журналистики. Причем следует помнить, что, независимо от того, какой из описанных выше подходов к журналистике выбирает исследователь, текст для него остается основой для анализа. Например, если журналистика рассматривается как система создания, обработки, хранения и распределения данных и мнений, то текст в этом случае играет роль системы символов. Такая символическая система может происходить от естественной (событие, явление или отношение) или искусственной (виртуальная реальность, предмет искусства) смысловой области с целью выделения и распределения информации в различных полисистемах СМИ. Предметом журналистики в этом случае является совокупность разнообразных текстов и способов взаимодействия в рамках информационной, коммуникационной и управленческой теорий.

Другой подход относится к семиотике, в рамках которой журналистику анализируют с точки зрения производства и изменения смыслов и

значений. Сторонники этого подхода используют семиотику как основной метод анализа взаимодействия между СМИ и их аудиторией. Тексты в этом случае анализируются с точки зрения социологии и культурологии. А ошибки в интерпретации сообщений или другие нарушения процесса коммуникации связывают с культурными различиями между отправителем и получателем сообщения. Предмет журналистики из-за одновременного и двустороннего анализа роли текстов в культуре расширяется до анализа взаимосвязи текстов и культурных пластов с целью выявить новые значения, которые становятся целью исследования. При акцентировании внимания на анализе текстов не стоит забывать еще три взаимосвязанных области исследований. Первой из них является контекст. Текст практически невозможно комплексно анализировать без определенных знаний по его тематике или об условиях, в которых он был создан. Исследования текста и контекста тесно связаны между собой, а подобные отношения между этими двумя предметами приводят исследователей к более глубокому анализу и способствует получению более релевантных результатов работы.

Еще одним аспектом, который необходимо подробно исследовать, является процесс коммуникации. Символическая система текстов распределяется именно по канал массовой коммуникации, эффективность которых может заметно различаться. Анализ текстов и связанных с ними способов коммуникации, конечно, уже получил достаточно широкое распространение, но все еще требует доработки.

Наиболее актуальным предметом исследования журналистики стали экономические отношения в медиа-отрасли. Медиа-экономика, процесс медиа-производства и исследования в области теории организаций стали основным предметом отдельной сферы исследований в области журналистики. Согласно этим исследованиям, текст является конечным продуктом медиа-организаций, основным товаром на рынке и объектом формирования спроса и предложения на рынке. Уникальные характеристики этого продукта и способы его доставки определяют специфичные черты медиа-рынка[11]. Не стоит забывать, что без подобного комплексного анализа нескольких предметных областей создание действительно завершенной и эффективной системы знаний в области журналистики невозможно.

Заключение. В заключении необходимо отметить, что развитие системного подхода к теориям в области журналистики внесло заметный вклад в развитие междисциплинарных гуманитарных исследований. Определение правильного направления дальнейших научных разработок является наиболее важной задачей формирования журналистики как науки. Характерное для предыдущего этапа горизонтальное развитие привело к отсутствию глубокого понимания истинного значения журналистики для общества и, более того, низведению ее до уровня ремесла.

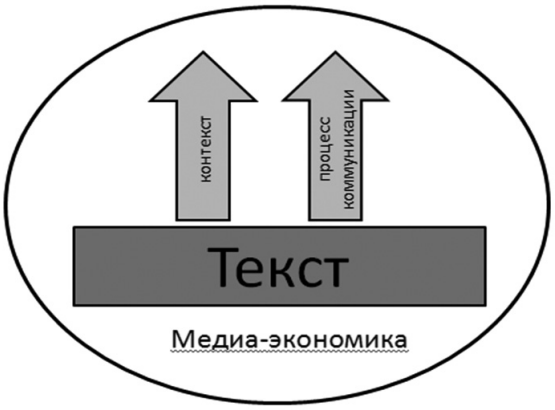

Рис. 2. Структура предметных областей журналистики

Современные тенденции формирования комплексной системы будут способствовать преодолению кризиса в практической журналистике и приведут к дальнейшей эволюции этого социального института в сторону повышения эффективности его функций. Конечно, потребность в выработке системного подхода появилась уже достаточно давно, при этом важность выработки подхода нарастала по мере уменьшения значимости традиционных средств массовой информации и появления новых форм СМИ. В этой ситуации ученые не смогли своевременно решить эту проблему и опоздали с разработкой системы знаний в области журналистики. Но потребность в этой системе до сих пор сохраняется и, более того, продолжает нарастать. Таким образом, ученым все равно придется столкнуться с этой проблемой и найти ее адекватное решение.

Еще одним ключевым элементом этого процесса является поиск компромисса как в научном сообществе, так и в профессиональном сообществе журналистов и внутри всего общества. Теоретические и практические аспекты должны рассматриваться в комплексе с нахождением более эффективного способа удовлетворения социальных потребностей. Поиск механизмов подобного компромисса может оказаться наиболее сложной задачей в процесс формирования системы знаний журналистики как науки.

Korotkov A.V., Shamina O.A. Journalism as a science: from structuring the subject area to teaching the discipline.

Summary: *Despite a long history of journalism, there is neither unified definition for journalism nor a one whole understanding of its subject. Three main subject areas such as texts, contexts and communications should be studiedв alongside media economics which has become another key component of media polysystem. In the framework of the systematic approach journalism and its subject and tools should be analyzed as a separate humanitarian science which refers to the human nature and the outworld. However there is still a strong requirement to construct the unique system of journalistic research on the basis of existing theories.*

Ключевые слова

журналистика, исследование журналистики, экономика медиа, полисистемы СМИ, медиа-рынок

Keywords

journalism, journalistic research, media economics, media polysystem, media-market.

Примечания

1. Global Journalism Research: Theories, Methods, Findings, Future, edited by Weaver D., Loffelbolz M. – Chichester, Wiley-Blackwell, 2008 – p 316
2. Rosten L, The Washington correspondents - New York: Harcourt, Brace. Reprint of 1937 edition published by Arno Press, 1974 – 436 p
3. Johnstone J. W. C, The news people: A socio¬logical portrait of American journalists and their work - Urbana, IL: University of Illi¬nois Press, 1976 – 250 p
4. Shoemaker, P. J., Mediating the message: Theories of influences on mass media content, 2nd edition. White Plains, NY: Longman, 1996 – 233 p
5. Norris P., Women, Media and Politics - Oxford University Press, 1996 – 188 p
6. Global Journalism Research: Theories, Methods, Findings, Future, edited by Weaver D., Loffelbolz M. – Chichester, Wiley-Blackwell, 2008 – p 320
7. Global Journalism Research: Theories, Methods, Findings, Future, edited by Weaver D., Loffelbolz M. – Chichester, Wiley-Blackwell, 2008 – p 327
8. Beckett C., Super Media. Saving Journalism so It Can Save the World – Chechester, Wiley-Blackwell, 2008 – 205 p
9. Global Journalism Research: Theories, Methods, Findings, Future, edited by Weaver D., Loffelbolz M. – Chichester, Wiley-Blackwell, 2008 – p 334
10. Zelizer B., Taking Journalism Seriously: News and the Academy – Los Angeles, Sage, 2004 – 296 p
11. Media Industries. History, Theory, and Method, edited by Holt J., Perren A. – Chechester, Wiley-Blackwell, 2009 – 283 p

Тема империи в последние десятилетия выдвинулась на первый план в целом ряде социальных и гуманитарных наук, не избежала этого и история. Во многом интерес к империи как к системе власти и к судьбам конкретных исторических империй вызван внешними выводами – радикальными геополитическими изменениями конца XX века: распадом СССР, решительно наступающей глобализацией. Обращение к историческому прошлому при «смене времен» становится необходимым для понимания, а иногда и для оправдания современных процессов в мире. Так, например, историческая «генеалогия» империи может стать основанием для анализа перехода от суверенного права национальных государств к первым контурам постсовременного глобального права, ибо проблематика империи определяется, в первую очередь, одним простым фактом – это мировой порядок.

Особый интерес при таких сопоставлениях с современностью вызывает Римская империя. Вполне распространенной оказывается аналогия между ее целостностью и воссозданием европейского единства. Не случайно, в начале двухтысячных годов Генеральный Секретарь Совета Европы Вальтер Швиммер в своей книге «Мечты о Европе» заметил, что зарождение Pax Europiana обязано имперской идее и христианству, а его первоначальной моделью стала Римская империя, основы которой возрождал Карл Великий.

Широкий общественный резонанс к истории империй и имперской идее стимулировал пересмотр имперской тематики в исторической науке. Одним из важных аспектов в изучении этой проблематики является Каролингское Возрождение – феномен сравнимый с Возрождением XIV века. Стремясь возродить в новом облике величие Древнего Рима, империя Карла приобщалась к выдающимся достижениям поздней античности. Одним из таких следствий культурного развития империи франков стало создание библиотек, имевших важное значение для формирования европейского сознания. Именно поэтому доклад сотрудника Института всеобщей истории РАН А.И. Сидорова, сделанный на заседании кафедры всемирной и отечественной истории представляет интерес не только для историков-медиевистов, но и актуален в связи с компаративным изучением проблем империи и влияния ее наследия на современный мир.

Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории, д.и.н.,профессор В.И. Уколова..

Внутренняя жизнь одной Каролингской библиотеки

А.И. Сидоров

На примере раннесредневековой библиотеки монастыря Санкт Галлен показаны основные принципы организации и функционирования книжных собраний в каролингский период. Особое внимание в статье уделяется анализу древнейшего списка книг из Санкт Галлена, в котором содержатся многочисленные пометы и комментарии монастырских библиотекарей.

Одним из поворотных моментов в развитии новейшей политической истории стало создание Европейского союза. Юридически его появление было закреплено в 1993 году Маастрихтским договором. Но этому предшествовали другие формы интеграции, такие как Европейское объединение угля и стали (1952г.), Европейское экономическое сообщество (1957г.), создание европейско-валютной системы (1978г.), подписание шенгенского соглашения (1985г.) и пр. Сегодня членами ЕС являются двадцать семь государств, но число это явно не окончательное. Во всех странах союза создан общий рынок, гарантирующий свободное перемещение людей, товаров, капиталов и услуг, образованы наднациональные административные структуры. Между 22 участниками отменен паспортный контроль, а 16 используют единую валюту. Чем дальше, тем больше ЕС стремится играть самостоятельную роль в мировой политике. Иными словами, мы имеем дело с живым и поступательно развивающимся социальным организмом.

Однако Европу сплачивают не только общие экономические и политические интересы.

Сидоров Александр Иванович – к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН. E-mail: alexhist@mail.ru

Не менее важную роль играют ментальные и культурные представления европейцев о том, что они живут в границах единой цивилизации. Идея панъевропейского единства, разумеется, родилась не в XX веке. Прежде чем обрести зримые организационные формы, она прошла очень долгий путь эволюции. Многие полагают, что ее истоки следует искать в недрах Римской империи. Но это не вполне справедливо, ведь римское господство распространялось главным образом на средиземноморский мир, включая значительные территории на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Континентальная Европа входила в нее лишь частично.

Первое подлинное политическое, идеологическое и культурное объединение значительной части Европы произошло только при Каролингах — во второй половине VIII – начале IX вв. Формальной точкой отсчета считается 800 год, когда Карл Великий, будучи с военной экспедицией в Риме, провозгласил восстановление империи на Западе. Современные европейцы ставят это событие в один смысловой ряд с созданием ЕС: то и другое располагается для них на разных концах единой логической цепи. Доказательством служит Международная премия им. Карла Великого, которая была учреждена в 1950 году. Она вручается ежегодно политикам, бизнесменам и деятелям культуры за вклад в объединение Европы.

Франкские правители широко апеллировали к античному наследству — использовали римское право, латинский язык, элементы римского делопроизводства, управления и пр., но реально создали нечто существенно иное. Их империя мыслилась прежде всего как единство христианского мира, не знающего этнических различий и политических границ. Высшей целью ее бытия было объединение истинно верующих под властью одного правителя, который ведет свой народ (populus christianus) к спасению.

Принципиальным элементом этой интеграции стало активное распространение христианства вширь и вглубь. Оно выражалось в миссионерской политике, в прямых военных захватах, подразумевавших насильственную христианизацию, а также в развитии системы христианского образования.

В итоге политика, инициированная королевской властью, превратилась в мощное культурное движение, постепенно обретшее известную независимость от политической воли конкретных правителей. В историографии его принято называть каролингским возрождением. Оно выражалось в широком освоении античного и раннесредневекового наследия, с одной стороны, в самостоятельной творческой активности каролингских эрудитов — с другой. В течение нескольких десятилетий во франкском обществе, прежде всего в монастырях, шла мощная духовная работа. Только благодаря ей римское наследство было не только освоено и переработано, но стало фундаментом европейской христианской культуры. Без каролингского возрождения не случилось бы Возрождения XIV-XVI в., не наступила бы эпоха Просвещения. Одним из следствий культурной активности франков можно считать рождение библиотек.

Сегодня уже хорошо известно, что библиотеки — определенным образом сформированные, систематизированные и сохраняемые книжные собрания, - появились в раннесредневековой Европе как массовое явление только в каролингскую эпоху. Реформы Карла Великого в сфере образования привели к оживлению культурной жизни, прежде всего, в области письменного слова. Растет уровень грамотности, по крайней мере, в среде социальной элиты, активизируется работа многочисленных скрипториев, стремительно увеличивается количество рукописей и качество их исполнения. Ими обмениваются, их копируют, собирают и даже воруют. Обширными собраниями манускриптов обзаводятся не только институты (монастыри, кафедральные соборы, королевские дворы), но и частные лица.

С развитием библиотек, прежде всего, крупных, неизбежно встал вопрос об их внутренней организации. Как систематизировать сотни кодексов, чтобы при необходимости найти нужное сочинение? Каким образом пополнять фонды и поддерживать их в должном состоянии? Как пользоваться книгами, удовлетворяя потребности читателей, и вместе с тем не допускать их разворовывания? Каждый владелец библиотеки самостоятельно искал ответы на эти вопросы. Но вот всегда ли находил их и какие именно? По правде говоря, мы ничтожно мало знаем об этом. Однако завесу тайны все же можно приоткрыть.

От IX в. сохранились удивительные источники, не до конца оцененные современными исследователями — списки книг различных собраний. В массе своей они изданы, но за редчайшим исключением без должного внимания к деталям[1]. Между тем, на страницах таких импровизированных каталогов их составители иногда оставляли немало следов своей нелегкой работы — вставки, исправления, пометы на полях и т.д. При внимательном к ним отношении эти тексты способны многое рассказать о внутренней жизни каролингских библиотек. Одним из самых любопытных документов подобного рода является старейший каталог библиотеки монастыря Санкт Галлен. О нем и пойдет речь.

Breviarium librorum de coenobio sancti Galli помещен в кодекс № 728, который с момента создания и по сей день находится в монастырской библиотеке[2]. Кодекс размером 25x15,9 см содержит 109 пергаментных листов, кроме того, в начале и в конце добавлено еще по одному чистому листу. Написан несколькими руками IX в. Он не задумывался изначально как единое целое, но был составлен позднее (вероятно, уже в конце IX в.) из трех отдельных манускриптов. Помимо списка книг (первая часть, P. 3-22), в него входят королевские капитулярии из т.н. Собрания

Ансегиза (вторая часть P. 23-96), а также Салическая и Рипуарская правды (заключительная часть, P. 97-220).

Каталог[3] представляет собой отдельную тетрадь в формате Quinio, первая и последняя страницы которого остались чистыми. Основной текст написан одной рукой, довольно аккуратным, хотя и не самым изящным каролингским минускулом середины — начала второй половины IX в. Слова разделены и хорошо читаются.

Первый составитель (рука A) выполнил свою работу очень тщательно. Он рассортировал все книги по рубрикам, несомненно, для более удобного поиска. С большой долей уверенности можно говорить о том, что этот порядок воспроизводил соответствующее расположение книг в армариуме. Было ли это также заслугой первого составителя или рукописи систематизировал кто-то из его предшественников — неизвестно. Тем не менее, в древнейшем каталоге Санкт Галлена мы встречаем один из самых обстоятельных и детализированных рубрикаторов каролингского времени, что косвенно указывает на высокий уровень внутренней организации монастырской библиотеки.

Названия отдельных рубрик выведены капитальными буквами и почти всегда написаны красными чернилами. Красной, а также зеленой краской помечены многие заглавные буквы и отдельные слова в титулах книг.

Библиотекарь написал не сплошной текст, но предусмотрительно оставил место в разных рубриках для того, чтобы можно было фиксировать в списке новые поступления. Его последователи именно так и сделали: в течение второй половины IX в. не меньше пяти человек внесли порядка семидесяти дополнений. Количество впечатляет. Однако надо иметь в виду, что на 840 - 880-е годы (время правления аббатов Гримальда и Хартмута) приходится время наивысшего расцвета Санкт Галлена в каролингский период.

Динамика расширения фондов выглядит следующим образом:

De libris veteris testamenti – 4 (+1, который в момент очередной ревизии находился в школе)
De libris novi testamenti – 1
De libris Beati Gregorii papae – 2
De libris Hieronimi presbiteri – 2 (список трудов св. Иеронима самый обширный; может быть, именно по этой причине дополнений оказалось совсем немного)
De libris sancti Augustini – 10 (добавлены разными руками)
De libris sancti Ambrosii episcopi – 3
De libris Prosperi episcopi – 0
De libris Bedae presbiteri – 2
De libris Ysydori episcopi – 1
Tractatus Origeni – 1
De libris Cassiodori – 0
De libris Eusebii – 0
De libris diversorum auctorum - 0
De libris Alchuini – 0
De regulis sanctorum patrum – 1
De vita sanctorum patrum – 3
De virtutibus seu passionibus sanctorum apostolorum vel martirum – 1 (но это оказалась Historia Frecholfi in vol I grandi)
De legibus – 0
Libri glosarum – 1
Omeliae – 4
Ordo Romanus – 1
Liber astrologiae – 0
После Orthographia etc – 16
После De metris – 8
После De libris grammaticae artis – 5
Перед и после Mappa mundi – 6

Если говорить о конкретных авторах, то лидерство с большим отрывом удерживает св. Августин с десятью трудами. На втором месте св. Амбросий с тремя произведениями. А третье между собой поделили св. Иероним, Григорий Великий и Беда — каждый получил по два манускрипта. В целом, это вполне соответствует консервативному характеру санктгалленской библиотеки с ее акцентом на книги Библии, сочинения Отцов церкви и различных христианских авторов, живших до Беды[4].

Однако подавляющее большинство новых книг не вписывалось в старый рубрикатор. Их вносили на свободные места и в заключительную часть каталога, лишь приблизительно ориентируясь на тематику соответствующих разделов.

Дополнения к основному списку дают представление об источниках формирования фондов армариума. Среди недавно поступивших книг имеются не только великолепно исполненные кодексы[5], но также ветхие и совершенно бесполезные для чтения[6]. Первые, скорее всего, поступали непосредственно из скриптория, вторые, которых было не так уж мало, раньше принадлежали отдельным монахам и попадали в библиотеку уже после их смерти[7].

В каролингскую эпоху аббатство обладало одним из самых больших на континенте собраний ирландских рукописей[8]. Все они поступили в армариум со стороны. Во всяком случае, сегодня не известно ни об одной рукописи, ни об одной глоссе, выполненных в ирландском стиле, которые убедительно указывали бы на монастырский скрипторий[9]. В IX в. подавляющее большинство монахов Санкт Галлена выросли на континентальных стилях письма и были не способны разобрать ирландский провинциальный шрифт. К числу таких людей относился и первый составитель книжного списка. Вероятно, он попросил своего помощника и преемника (рука B), чтобы тот выписал названия кодексов на отдельной странице. Можно предположить, что этот человек и сам был ирландцем, либо учился читать у ирландских монахов[10].

Libri scottice scripti предваряют основной каталог (P. 4) и включают в себя 30 титулов. Можно думать, что в армариуме они также занимали отдельное место. Но некоторые манускрипты все же попали в другие рубрики. Так в списке книг

Нового завета упомянуто Евангелие от Иоанна scottice scripta (P. 5)[11]. Среди сочинений Проспера фигурируют два тома Epigrammata. Позднейшая маргиналия поясняет, что, по крайней мере, один из них был scotticum небольшого размера (P. 9). Очевидно, первый составитель сумел разобрать названия и отделил эти кодексы от прочих ирландских рукописей, рассортировав их по соответствующим рубрикам. Возможно и другое объяснение: ирландский фонд сформировался довольно поздно – в первой половине IX в, а рукописи, упомянутые выше, оказались в монастыре задолго до этого времени и потому попали в иные разделы.

Автор Libri scottice scripti несомненно имел прямое отношение к библиотеке. На это указывает не только его осведомленность по поводу ирландских кодексов. Тот же человек внес ряд дополнений и уточнений в основной каталог[12]. К списку книг Ветхого завета он добавил, по крайней мере, три кодекса[13]. На полях списка книг Нового завета обозначил наличие еще одного тома «Деяний апостолов»[14]. Также вписал два титула в список трудов Григория Великого и один в список сочинений св. Иеронима, а содержание другого титула прокомментировал[15].

Вероятно, этот человек занял место монастырского библиотекаря (предположительно около 860 г.) вскоре после смерти своего предшественника, составившего основной каталог. Косвенным аргументом в пользу такого предположения является другая вставка в список книг св. Иеронима. Один из библиотекарей (рука **C**) вписал хронику Евсевия-Иеронима в остаток строки, предшествующей помете составителя **B** о наличии в армариуме кодекса с письмами Иеронима к Евстохию[16].

Во второй половине IX в. в Санкт Галлен продолжали прибывать выходцы из Ирландии, некоторые приезжали не с пустыми руками. Свидетельством тому служат Sermones in volumine scottico veteri (P. 19), добавленные в список позднее.

Рука **C** не комментировала содержания кодексов и не оставляла маргиналий на полях, но сделала ряд дополнений к основному списку. Помимо хроники Евсевия-Иеронима, ей, скорее всего, принадлежат указания на наличие Tractatus Origenis super epistolam ad Romanos (P. 11); Volumen I Alexandri Magni; Expositio Servii in Virgilium, volumen I; Excerptum Iustini de Pompeio hystoriographo in volumine I lib. XLIIII (P. 21) и некоторые другие. Аналогичным образом поступили еще два человека (руки **E** и **F**), добавившие в каталог больше тридцати названий[17].

Однако самую большую активность и недюжинное усердие на своем посту проявил другой монах (рука **D**). На примере его деятельности можно очень хорошо проследить круг обязанностей монастырского библиотекаря.

Прежде всего, он обращает внимание на сохранность отдельных манускриптов. Одни слишком ветхие (vetus, vetissimus) и мало понятные (falsus, mendacium), а потому бесполезные (inutile, ad nihil utilia). У других рассыпался переплет и потерялись отдельные части (defectus et disiectus). У третьих испорчены некоторые листы (corrupta) или их невозможно прочитать по какой-то иной причине (legi non potest). Кроме того, он ставит соответствующие пометы (pusillum) напротив кодексов, имеющих небольшие размеры. Вероятно, это могло быть связано с тем, что книги такого формата легче терялись или их чаще крали.

Во-вторых, он отмечает наличие или отсутствие отдельных томов, указанных в списке. Довольно много книг он не обнаружил вовсе (hoc non vidi; nunquam vidi) и решил заняться их поиском, пометив названия соответствующих манускриптов значком R (Require). Любопытно, что в подавляющем большинстве случаев не хватает книг, либо поступивших в библиотеку относительно недавно (т.е., после составления основного списка), либо помещенных в разделы De metris, De legibus и De libris grammatici artis. Это были труды по грамматике (Донат, Алкуин) и медицине, сочинения Алкуина, глоссы Валафрида Страбона, комментарии Сервия на Вергилия, поэтические произведения Ювенция и Седулия Скотта, эпиграммы Проспера, капитулярии Людовика Благочестивого и т.д. Словом, все то, что могло пригодиться при изучении латыни, права и естественных наук. Отсутствие этих кодексов косвенно подтверждает потребности братьев в совершенно определенном круге знаний. Напротив, фонды с книгами Библии и трудами отцов церкви почти не потревожены. Отчасти это объясняется плохим состоянием многих рукописей – львиная доля указаний на ветхость, бесполезность и невозможность чтения приходится именно на первую половину списка. Особенно удручающе выглядит коллекция сочинений св. Иеронима (P. 7): восемь кодексов inutiles, один veterrimus et falsatus и еще один mendacium. Также можно предположить, что этой частью книжного собрания пользовались значительно реже. Ирландский фонд и вовсе остается нетронутым.

Собирая необходимые сведения, библиотекарь **D** опрашивает братьев и убеждается, что о некоторых рукописях в монастыре еще помнят, хотя их давно не держали в руках[18]. Впрочем, с потерей части кодексов он, похоже, смирился. Названия одних он попросту вычеркнул, хотя сначала пометил значком R[19]. Напротив других поставил nihil est. Иногда ему удавалось обнаружить искомую книгу, однако далеко не всегда получалось вернуть ее в армариум. Напротив рукописи «Экспозиций св. Колумбана на все псалмы» он написал: «Я видел ее у Руодина, но тот сказал, что это его книга»[20].

Эти примеры в высшей мере любопытны. Они позволяют понять, как именно книги из библиотеки циркулировали в стенах монастыря и за его пределами в середине – второй половине IX в. Вероятно, понимание того, что надо бы

записывать, кому и какую книгу выдали, приходит далеко не сразу. Поначалу библиотекарь все это просто держал в памяти. Если он умирал, не успевая сообщить преемнику об истинной принадлежности книги, обратно ее могли и не вернуть.

Может быть, именно история с Руодином, а также факт растаскивания многих недавно поступивших книг убедили библиотекаря **D** впредь не полагаться на память. Во всяком случае, он первым начал педантично фиксировать в списке, где в настоящий момент находится та или иная книга. Две были переданы в монастырскую школу, одна в сакрарий[21]. Еще некоторое количество манускриптов числилось за несколькими людьми, так или иначе связанными с монастырем. Среди читателей мы встречаем неких Ропбаха и Вольфкера[22], а также короля Карла Толстого[23], его супругу Рихарду[24] и королевского канцлера Лиутварда[25]. С королевским двором именно в этот период установились особенно тесные отношения. В 883 году Карл лично посетил монастырь и щедро его одарил. В те же годы Ноткер Заика пишет для императора Gesta Karoli Magni imperatoris, а епископу Лиутварду Верчелльскому посвящает сборник секвенций. В таком контексте выдача книг из библиотеки аббатства королю и его приближенным выглядит вполне объяснимо.

Библиотекарю **D** не откажешь в прагматизме. Ропбаху и в школу он отдал ветхие книги, а в армариуме оставил новые экземпляры тех же произведений. Еще одна заметка, оставленная рукой этого человека, наводит на мысль, что за неподобающее обращение с манускриптом он мог заставить нерадивого читателя изготовить новую рукопись, причем, со стороны последнего возражений не возникало[26].

Сам факт фиксации имен временных обладателей манускриптов нужно признать значительным шагом вперед в плане организации работы библиотеки. Однако он же указывал и на ее слабые стороны. Не отлажен был не только механизм выдачи книг (вероятно, иногда это могло происходить публично, при свидетелях – именно поэтому библиотекарь **D** и опрашивал братьев), но и порядок их возвращения. В самом деле, на полях санктгалленского каталога мы не встретим никаких пометок, что выданные рукописи когда-либо вернулись обратно или что поиски других манускриптов (require) увенчались успехом.

Результаты инспекции библиотекаря **D** показали, что на момент проверки в армариуме не хватало больше трех десятков книг. Напротив 16-ти названий стоят пометы require, non vidi и nihil est, 4 титула вычеркнуты, 11 манускриптов выданы, о чем составлены соответствующие записи. Еще 11 кодексов не годятся для чтения (inutilis; legi non potest), а 7 повреждены или мало понятны (vetus et falsatus; mendacium; corrupta; defectus et disiectus). Если к ним добавить рукописи scottice scripti, то получится около 80 книг, пользоваться которыми было либо затруднительно, либо вовсе невозможно. Это немало, если учесть, что всего в каталоге перечислено 264 титула.

Почти все, кто заведовал монастырским армариумом, проделывали еще одну работу - уточняли содержание отдельных кодексов, добавляя к их описанию недостающие фрагменты. Иными словами, они не ограничивались только внешним осмотром, но внимательно пролистывали каждый том, зная привычку современников собирать под одной обложкой разные тексты. Такого рода заметок в санктгалленском каталоге немало[27].

Итак, анализ рукописи древнейшего каталога из Санкт Галлена позволяет увидеть как на протяжении второй половины IX в. жила и развивалась одна из крупнейших каролингских библиотек.

Прежде всего, необходимо отметить великолепную систематизацию фондов армариума. В то время как подавляющее большинство каролингских каталогов представляли собой простой перечень названий кодексов, перечисленных без всякого порядка и внимания к их внутренней структуре, санктгалленские манускрипты были распределены по 26 тематическим рубрикам, а их содержание довольно подробно расписано. Это, несомненно, облегчало и ускоряло поиск нужной книги или произведения в сборнике. С другой стороны, такой порядок указывает на то, что библиотекой, за исключением ирландского фонда, активно пользовались. Ее фонды постоянно пополнялись за счет дарений и поступления новых манускриптов из скриптория.

За несколько десятилетий армариумом заведовали, по крайней мере, шесть человек. Двое (один из которых мог быть ирландцем или учился у ирландских монахов непосредственно в Санкт Галлене) составили каталог, четверо его дополняли по мере необходимости. Судя по их заметкам, после составления основного списка (850 – 860 гг.) в библиотеку поступило больше 70-ти манускриптов. Одновременно около 50-ти книг по разным причинам оказались недоступны монахам, в том числе и потому, что их активно читали. В своеобразном топ-листе популярности труды по грамматике, риторике, медицине и праву. Это тем более примечательно, что библиотека Санкт Галлена традиционно отличалась консервативностью и была ориентирована на книги Библии и произведения Отцов церкви. Впрочем, новинки в данных разделах также появлялись достаточно регулярно.

Выдача книг братьям и людям со стороны долгое время никак не фиксировалась. Очевидно, расчет делался исключительно на память библиотекаря. Иногда такая процедура могла носить публичный характер, что рассматривалось в качестве некоторой гарантии от банального воровства. Однако механизм возвращения манускриптов еще не был отработан, поэтому большинство выданных книг десятилетиями

не возвращались обратно, а нередко покидали армариум навсегда. Лишь в начале 880-х гг. один из библиотекарей, всерьез обеспокоенный растратой фондов, попытался выработать некоторые правила пользования библиотекой – начал фиксировать, кому и какая книга выдана. К сожалению, остается неясным, сумел ли он вернуть рукописи. Этот процесс нередко растягивался на долгие годы и переходил по наследству к преемнику.

Маргиналии и дополнения, сделанные в списке книг, наглядно демонстрируют примерный круг обязанностей человека, отвечавшего за армариум. Он инспектировал фонды, выяснял качество сохранности манускриптов и их пригодность для чтения, выдавал книги и старался добиться их возвращения, расписывал содержание составных кодексов, отмечал новые поступления. А еще загодя готовил преемника. Судя по количеству библиотекарей, сменившихся за довольно короткий промежуток времени, механизм их подготовки был хорошо отлажен.

И последнее. Древнейший список книг из Санкт Галлена, конечно, не был исчерпывающим. Судя по другим источникам (каталог из кодекса № 267 и Casus sancti Galli Ратперта), примерно в те же годы в армариум поступало значительно больше книг. Однако я не ставил перед собой задачу выяснения точного количества манускриптов – такая работа вообще вряд ли возможна. Ценность каталога из кодекса № 728 заключается в другом: со всеми своими дополнениями, исправлениями, вставками и комментариями он воплощает процесс эволюции важного культурного феномена.

Sidorov A.I. The Interior Life of One Carolingian Library.

Summary: *The main principles of organization and functioning of collected books during the Carolingian period are shown by the example of early medieval library of Sankt Gallen monastery. A special attention is given to the analysis of the oldest list of books from Sankt Gallen, which includes an amount of margin notes and comments of monastery librarians.*

Ключевые слова

Санкт Галлен, библиотека, список книг, монастырь, скрипторий, армариум, читатели, рукописи, маргиналии

Keywords

Sankt Gallen, library, list of books, monastery, scriptorium, armarium, readers, manuscripts, marginalia

Примечания

1. Довольно полную подборку описаний средневековых списков книг подготовили Г. Беккер и Т. Готтлиб: Becker G. Catalogi bibliothecarum antiqui. Bonnae, 1885; Gottlieb Th. Über mittelalterliche Bibliotheken. Leipzig, 1890 (Nachdruck: Wien, 1955). Одно из лучших изданий каталогов средневековых библиотек, с комментарием, а также обзором вставок и дополнений, выполнил П. Леманн: Lehmann P. Mittelalterliche Bibliothekskataloge Deutschlands und der Schweiz. Bd. 1. München, 1918 (Nachdruck 1969). О средневековых книжных каталогах как типе источников подробнее см.: Derolez A. Les catalogues de bibliotheques (Typologie des sources du moyen age occidental. Fasc. 31). Brepols, 1979.
2. St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 728. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт Галлен (http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0728). Каталог также опубликован в изданиях Г. Беккера и П. Леманна: Becker G. Op. cit. P. 43-53; Lehmann P. Op. cit. S. 66-82. Обстоятельный обзор санктгалленских каталогов подробнее см.: Duft J. Die Handschriften-Katalogisierung in der St Gallen vom 9. bis zum 19. Jahrhundert // Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen / Hg. B.M. von Scarpatetti. St. Gallen, 1983. S. 9-99, здесь S. 9-28.
3. От второй половины IX или начала X в. сохранился еще один санктгалленский каталог: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 267, P. 3-32. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт Галлен (http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0267). Каталог представляет собой улучшенную и дополненную версию списка из рукописи № 728, однако полностью лишен маргиналий, вставок и пояснений и содержит только два дополнения внизу последней страницы (P. 32). Для изучения внутренней жизни библиотеки он мало пригоден, зато дает некоторое представление о состоянии фондов к началу X в.
4. Ср.: McKitterick R. The Carolingians and the written word. Cambridge, 1989. P. 183-184.
5. P. 6: VI partes in Job, singulae in singulis voluminibus optimis; P. 11: Item tractatus Origenis super epistolam ad Romanos, volumen optimum; P. 15: Item vita sancti Galli et Otmari nobiliter scripta; Vita sancti Silvestri, Recens et bene est scripta; Vita sancti Martini optime scripta; P. 18: Duo volumina nova sermonum et omeliarum ab adventu Domini usque in pascha etc.
6. P. 7: Item excerption in Matheum de commentariis Hieronimi, volumina tria: ad nihil utilia; Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus veterrimis et falsatis; P. 18: Vita sancti Silvestri et sermons in volumine valde vetusto; P. 19: Vitae partum in volumine vetustissimo; Sermones in volumine Scottico veteri etc.
7. Впрочем, братья могли и при жизни дарить книги, которыми владели. Например, так поступил аббат Гримальд, что было отмечено в каталоге конца IX или начала X в.: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 267, P. 30: Istos autem libros domnus Grimoldus de suo dedit ad sanctum Gallum.
8. Об ирландской традиции в Санкт Галене подробнее см.: Дуфт И. Ирландские монахи и ирландские рукописи в Санкт Галлене // Культура аббатства Санкт Галлен / Под ред. В. Фоглера. Цюрих; Штутгарт, 1993. С. 119-128.
9. Bischoff B. Irische Schreiber im Karolingerreich // Bischoff B. Mittelalterliche Studien. Bd. III. Stuttgart, 1981. S. 39-54.
10. Второе предположение кажется более верным. Во всяком случае, почерк библиотекаря B далек от островного типа письма. Это каролингский минускул, хотя и довольно небрежный. Характерной особенностью руки B является частое использование открытого «a».
11. Несомненно, речь идет о замечательном кодексе VIII в., выполненном в традиционной кельтской симметричной орнаментальной стилистике: St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex № 60. Оригинальная рукопись доступна в электронной библиотеке монастыря Санкт Галлен (http://www.e-codices.unifr.ch/de/csg/0060). На сегодняшний день это – единственный манускрипт из ирландского списка, который можно идентифицировать. В библиотеке Санкт Галлена сохранилось еще три рукописи, написанные до 850 г.

ирландским маюскулом и минускулом (Codices № 48, 51 и 904). Однако в каталоге они не упомянуты и, судя по всему, оказались в монастыре уже после его составления.

12. Ср.: Lehmann P. Op. cit. S. 67.
13. P. 5: Item Job, Tobias, Judith, Hester, Ezras, Neemias in volumine I | Item Job, Tobias, Judith, Hester in volumine I | Item Job, Tobias, Judith, Hester in volumine I.
14. P. 5: Item actus apostolorum et apocalipsis in volumine I.
15. P. 6: Regula pastoralis Gregorii volumina III | VI partes in Job, singulae in singulis voluminibus optimis; P. 7: Item dialogues Jheronimi cum Crettobolo volumina II : et in uno eorum sanctus Augustinus de vita Christiana et altercationy synagogue et ecclesiae. | Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus.
16. P. 7 [строка 25]: Item nescio cuius tractatoris eglogae in psalterium in | [строка 26]: quaternionibus (рука A). Chronica Eusebii et Hieronimi volumen I (рука C) | [строка 27]: Epistola Hieronimi ad Eustochium in quaternionibus (рука B).
17. Ср.: Lehmann P. Op. cit. S. 68. Руке E принадлежат многочисленные вставки на заключительных четырех страницах каталога. Например, P. 18: Sermones Johannis Chrisostomi de diversis rebus in I volumine; Duo volumina nova sermonum et omeliarum ab adventu Domini usque in pascha; Glosa in Johannem evangelistam; De remediis peccatorum et alia collecticia in volumine I; Libri ethimologiarum Isidori in sceda I, tamen boni; Vita sancti Silvestri et sermons in volumine valde vetusto etc. Рука F сделала всего несколько добавлений: P. 9: Item Augustinus de bono credulitatis et bono naturae et scolia Cyrilli in volumine I; P. 10: In cantica canticorum libri V et unus Gregorii in volumine uno; P. 11: Item Isidori volumen I hinc inde collectum, cuius principum de scriptoribus est ecclesiasticis; P. 18: Quartum usque de adventu Domini.
18. P. 11: Item de Deo libri III in volumine I : hoc auditum est, non visum.
19. См., например: P. 9: Ambrosii et Augustini contra hereticos libri II in volumine I : R(equire). Название, написанное рукой A, вычеркнуто, несмотря на соответствующую помету на полях, оставленную рукой D. В каталоге вычеркнуто еще несколько названий, хотя напротив них нет никаких маргиналий (P. 6: Regula pastoralis Gregorii, volumina III; P. 7: Item in Matheum libri IIII in volumine I; Item excerption de libris Hieronimi in Esaiam libri XVIIII in volumine uno etc.). Можно предположить, что это сделал тот же человек.
20. P. 12: Expositi sancti Columbani super omnes psalmos volumen I : require. Ruodinus vidi habere, qui dixit suum esse. Этот Ruodinus hospitarius фигурирует в качестве свидетеля в документах середины 860-х и начала 880-х годов. См.: Lehmann P. Op. cit. S. 69.
21. P. 5: Item paralippomenon, Tobias, Judith, Hester in volumine I veteri : ad scolam; P. 16: Item excerptum de canonibus volumen I : ad scolam; P. 10: Eiusdem (Bedae) martyr(o)logium in volumine I : ad sacrarium.
22. P. 5: Tobias, Judith, Hester in codice I : ad Rorbach; P. 6: Item (Dialogorum Gregorii papae) vetus I : ad Rorbach; P. 11: Item Isidori volumen I hinc inde collectum, cuius principum de scriptoribus est ecclesiasticis, Vvolfkeri est. Вольфкер фигурирует в качестве свидетеля в документах между 865 и 903 гг. См.: Lehmann P. Op. cit. S. 69. О Рорбахе ничего неизвестно.
23. P. 6: In lectiones evangelicas homeliarum XL, volumina IIII : unum ex his datum est domno Karolo regi.
24. P. 6: In Ezechielis primam partem homiliae XII in volumine I : habet domna Rickart; P. 7: In Jonam, Naum, Sophoniam et Aggeum libri IIII in volumine I : habet Rickart.
25. P. 7: Epistolarum Hieronimi ad diversos volumina IIII : duo Liutuuardus habet. P. 14: Vitae patrum minores volumina II : unum habet Liutuuart.
26. P. 6: Eaedem (Gregorii papae) homiliae XXII volumine uno : Redditae sunt ad Augiam et patrate sunt novae.
27. См., например: P. 6: Item eiusdem (Gregorii papae) liber pastoralis, volumina III : et in uno eorum epistolae Hieronimi; Item eiusdem (Hieronimi) in Hieremiam a capite libri V in volumine I: et Rabani usque in finem; P. 7: Item dialogues Jheronimi cum Crettobolo volumina II: et in uno eorum sanctus Augustinus de vita Christiana et altercatio synagogue et ecclesiae etc.

ДИПЛОМ

Награждается лауреат
Всероссийского конкурса
интеллектуальных проектов
«ДЕРЖАВА»

Астахова
Елена Васильевна

в номинации
«РУССКИЙ МИР»

Исполнительный директор
фонда "Русский мир",
Президент фонда
«Единство во имя России» В.А. Никонов

Общественная палата Российской Федерации
Фонд «Русский мир»
Фонд «Единство во имя России»

ДИПЛОМ

Награждается лауреат
Всероссийского конкурса
интеллектуальных проектов
«ДЕРЖАВА»

Астахова
Елена Васильевна

в номинации
«РУССКИЙ МИР»

Исполнительный директор
фонда "Русский мир",
Президент фонда
«Единство во имя России» В.А. Никонов

Общественная палата Российской Федерации
Фонд «Русский мир»
Фонд «Единство во имя России»

Россия и «Русский мир»

Е.В. Астахова, Е.М. Астахов

Российской нации генетически было присуще расширение во времени и пространстве. Так шла и история становления российского государства. В XX веке в этом расширении свою роль сыграли сложные, а порой и драматические страницы нашей истории. Разные по времени волны эмиграции в конце XIX начале XX веков, в периоды революционных катаклизмов, гуманитарных катастроф Второй мировой войны привели к пространственным, по сути планетарного масштаба, перемещениям миллионов людей. Но уже не миллионы, а десятки миллионов оказались вне пределов своей Родины после распада СССР. В результате всех этих тектонических процессов сформировался «русский мир», который далеко выходит за границы России, а в ряде случаев, за пределы русского этноса.

Наши соотечественники - это люди, ассоциирующие себя с Россией, с русской культурой. Чувствовать себя частью России - это, в первую очередь, вопрос личного выбора, духовного самоопределения. Русскоязычное сообщество – вместе с гражданами России – сейчас занимает пятое место в мире. Пространство расселения русской диаспоры – необозримо, она присутствует практически во всех странах современного мира. После революции и гражданской войны 1917-1922гг. за рубежом оказались около трех миллионов граждан бывшей Российской Империи, чьих потомков – эмигрантов второго, третьего и даже четвертого поколений, принято называть старой или «белой» эмиграцией. Большинство в «белой эмиграции» составляла политическая и культурная элита Российской империи. Этот факт предопределил беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, которые были созданы в Зарубежье всего за несколько десятилетий.

«Русское зарубежье» состоялось как уникальное явление в отечественной и мировой культуре. Этот новый цивилизационный пласт продолжил продвижение вне географических границ России, ее культуры, менталитета, духовной самоидентификации. Историческую миссию «Русского зарубежья» прочувствовал Николай Бердяев, трактовавший эмиграцию не как изгнание, а как «посланничество», призванное сказать свое слово за Россию.

Поначалу большинство русских изгнанников осело в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Германии, Китае. В последующем многие эмигранты переместились в Северную Америку, а после Второй мировой войны - в Аргентину, Канаду, Австралию, Бразилию и даже в ЮАР. Судьбы русской эмиграции рельефно прослеживаются на примере Аргентины (где нам довелось работать со всеми слоями наших соотечественников и на практике убедиться в их действительных настроениях и нуждах). Почему именно Аргентина стала (и продолжает оставаться) страной притяжения наших эмигрантов? Это не случайное явление. В целях освоения своей обширной территории Аргентина создала льготный иммиграционный режим, стимулирующий приток новых людских ресурсов. Все это предопределило появление в этой стране многочисленной российской диаспоры.

Люди, в той или иной форме идентифицирующие себя с русской культурой, составляли в Аргентине десятки тысяч человек, хотя такую статистику трудно собрать, поскольку в миграционных документах отсутствовала графа о национальности. Российская эмиграция в Аргентине представлена громкими фамилиями – Горчаковы, Долгорукие, Меньшиковы, фон Палены, Римские-Корсаковы, Мамонтовы. Есть среди них и потомки Тютчева, Пушкина, Кутузова. Существует и так называемая «трудовая эмиграция», чьи предки прибыли из России еще в начале XX века. Многие из них ассимилировалось. Начиная с 80-х годов XX века, в этой среде соотечественников усилилось понимание сопричастности с Россией. Действу-

Астахов Евгений Михайлович – к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры дипломатии МГИМО(Университет)МИД России, **Астахова Елена Васильевна** – к.и.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО(Университет) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ют объединения и клубы, которые стремятся сохранять обычаи и традиции России. Открыт музей первых русских переселенцев.

«Белые эмигранты» появились на южноамериканском континенте еще до Второй мировой войны. В Аргентине они издавали свои газеты, посещали русский православный храм. В годы Второй мировой войны часть «белой эмиграции», занимая патриотические позиции, обратилась с просьбой к Московской патриархии учредить новый приход в Буэнос-Айресе. В 1943 г этот приход был открыт. В настоящее время в Аргентине есть 11 православных храмов.

Русские эмигранты, покинувшие Россию после революции, пытались начать новую жизнь даже в таких дальних странах, как Парагвай. Уникальна эпопея генерала Беляева, который решил создать «русский очаг» на парагвайских землях, куда в конце 20-х г.г. прибыли тысячи бывших русских офицеров. Многие из них посвятили себя государственной и военной службе, а также преподаванию, медицине. В парагвайской столице есть 17 улиц с именами русских воинов, инженеров и врачей. В настоящее время потомки «русских парагвайцев» проявляют большой интерес к России.

После Второй мировой войны обозначился новый поток русской эмиграции в Аргентину. В 1948 году президент Аргентины генерал Перон издал указ о приеме 10 000 русских, независимо от их возраста и семейного положения. Вместе с эмигрантами, проживавшими до войны в странах Западной Европы, прибыли в Аргентину перемещенные лица. В этом срезе эмиграции этнические русские составляли большинство. Они были наиболее образованной частью диаспоры и сумели занять видные позиции в обществе. Эти эмигранты всегда придерживались идеологии русской государственности и православной культуры. Уже в 90-е годы многие из них побывали на Родине, нашли своих родственников. А некоторые их дети и внуки реэмигрировали в Россию.

К отдельной группе относится поток эмиграции 90-х годов из России и республик бывшего СССР. Социальный состав этих людей – инженеры, врачи, учителя, рабочие, мелкие предприниматели. Приезжают они с минимальным стартовым капиталом, не зная языка. В Аргентине их осело около 10.000 человек.

***

В настоящее время уже не встает вопрос, стоит ли признавать «русский мир» за рубежом. Работа с соотечественниками – часть нашей культурной дипломатии, выстраивания положительного образа нашей страны, но это также задача укрепления наших геополитических позиций, решения политических и экономических задач.

Для выстраивания практической линии в отношении «русского мира» за рубежом желательно иметь в виду следующее:

— разные волны эмиграции предопределили различный политический, социальный и культурно-образовательный состав российских диаспор. Для «трудовой» эмиграции XX века и постсоветского периода характерны слабая организация и сложное экономическое положение. В этом плане они заметно уступают западноевропейским, еврейским, армянским и другим диаспорам;

— более структурирована и политически очерчена «белая» эмиграция. Но организованности и единства не хватает и ей. Вместе с тем она всегда имела определенную идеологическую окраску и, в частности, не считала своей «трудовую» эмиграцию. Октябрьская революция воспринималась «белыми» эмигрантами как «катастрофа 1917 года», а большевистский режим - как чуждый, инородный для России. Идеологи этой эмиграции продолжают считать себя представителями «всея Руси» в границах 1913 года. Они не признали послереволюционный раздел России. Не признают они и распад страны в 1991 году. «Белая» эмиграция считает своей Родиной ту «страну, которая всегда находилась в канонической юрисдикции Патриархов Московских и всей Руси». С годами острота подобного восприятия истории постепенно ослабевает. В настоящее время многие «белые» эмигранты уже понимают аргументацию о том, что трагическая история России принадлежит всем ее «детям». Меняется позиция «белых» эмигрантов и в отношении единения Православной Церкви. Если ранее они опирались только на Русскую Зарубежную Церковь, то теперь поддерживают ее объединение с Русской Православной Церковью;

— в результате распада СССР вне России, причем не по своей воле, оказались более 25 миллионов человек. Это – геополитическая катастрофа, не имеющая аналогов в мировой истории. Русские люди, нередко не покидая своей земли, превратились в эмигрантов. Теперь они – российская диаспора и одновременно этническое меньшинство в новых странах. Встает вопрос, какую политику следует проводить по отношению к этим людям? Полемика в этой связи довольно противоречива. До последних лет в части российской элиты сохранялся «беловежский» подход. Эти люди, мол, являются частью населения суверенных государств, и ответственность за их права и судьбы лежит на руководстве новых стран. Такой подход устраивает и руководство новообразованных государств. Это дает им возможность беспрепятственно решать стратегические задачи укрепления государственности, закрепления в качестве государственных границ прежнего адми-

нистративного деления бывших советских республик, распространения «титульного» языка на все русскоязычное население и т.д. Эти процессы особенно рельефно проявлялись в Украине в недавние времена правления «оранжевой коалиции».

В практическом плане решать проблемы русскоязычного населения на постсоветском пространстве непросто, даже в случае наличия соответствующей политической воли «наверху». Взять, например, тему несоответствия произвольно установленных границ Российской Федерации и реальных пределов распространения русской культуры, русского языка, русскоязычного населения и русского национального самосознания. В последние годы со стороны российского руководства предпринимаются попытки воспрепятствовать политике ассимиляции русскоязычных диаспор в ближнем зарубежье. Но дальше увещеваний дело не идет. Причин тому несколько:

1) Россия пока недостаточно сильна, чтобы ее озабоченности принимались во внимание;

2) значительна зависимость России от мировой экономики, страна пока не может обеспечить свою экономическую безопасность;

3) любые попытки на официальном уровне реально защитить права российских диаспор на постсоветском пространстве будут жестко пресекаться Западом под предлогом недопущения возрождения «имперской» России. В условиях постоянного, еще с перестроечных времен, прессинга со стороны США и лидеров ЕС Россия пока предпочитает действовать осторожно, стремясь сохранить свою политическую и экономическую стабильность. Возможно, в будущем Россия окрепнет и в изменившейся международной ситуации сможет более решительно отстаивать свои интересы. Пока же можно надеяться на то, что русский этнос сохранит историческую сопротивляемость к этнической ассимиляции и свое национальное самосознание;

— в последние годы в российском руководстве обозначился психологический перелом в отношении наших соотечественников. Есть понимание, что любой человек, причисляющий себя к российским соотечественникам и реализующий этот свой выбор в поисках контактов с российским культурным наследием, может претендовать на оказание ему помощи в рамках программ поддержки диаспоры за рубежом. Наша страна сама выгнала соотечественников за рубеж и ее долг – воссоединить «русский мир». На фоне непростой демографической ситуации в самой России взаимодействие с соотечественниками становится одним из национальных приоритетов страны. Действует правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом. Разрабатываются специальные программы. В июне 2006 г. был издан указ Президента о мерах по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, осуществляется государственная программа осуществления этого указа. При этом следует учитывать, что не все соотечественники смогут или захотят вернуться в Россию. Об этом свидетельствует и довольно скромное пока число тех, кто приехал в Россию и продолжают сталкиваются со значительными бюрократическими трудностями.

По инициативе А.И. Солженицына был создан центр по изучению наследия русской эмиграции - фонд «Русское зарубежье». В 2009 г. учрежден Фонд содействия сохранению русского культурно-исторического наследия в странах Латинской Америки «**Русский Очаг**».Однако эти фонды не имеют прямой задачи оказывать помощь соотечественникам.

Указом Президента от 21.06.2007 создан фонд «Русский мир», который ведет полезную работу по продвижению русского языка. Многое в сфере работы с соотечественниками обещает создание ***Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству*** (Россотрудничество). Агентству выделены определенные бюджетные средства, которые, однако, многократно ниже финансирования поддержки диаспор США, Германии, Италии, Испании, Франции и других стран.

Заметный резонанс получили проведенные в России конгрессы соотечественников. Созданы Всемирный Конгресс соотечественников и его руководящий орган – «Всемирный Совет российских соотечественников». Проводятся региональные встречи соотечественников. Можно отметить и примеры морального поощрения соотечественников. Сам факт приглашения видных представителей российской диаспоры в Россию с оплатой всех расходов по проезду и пребыванию был позитивно воспринят в эмигрантской среде. Высокую оценку получило награждение представителей российской диаспоры государственными наградами, почетными грамотами, нагрудными знаками. Все это воспринимается как разворот России к ее «детям»;

— впереди еще большое поле работы. Требуется осознать необходимость увеличения финансовых средств на поддержку соотечественников. При этом не приходится рассчитывать на финансовые возможности самой российской диаспоры, материальное положение которой не соответствует ее интеллектуальному потенциалу. На первом этапе можно было бы сосредоточить помощь только социально незащищенным категориям соотечественников. Один из возможных путей – выделение на эти цели части консульских сборов.

Финансовое измерение имеют и другие

соображения. Сейчас идет согласование в соответствующих ведомствах изменений (уже одобренных Правительственной комиссией по делам соотечественников) в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Однако в этих изменениях не предусматривается выдача соотечественникам документов и предоставление льгот. Наши беседы с ними показывают, что их интересует в первую очередь право на безвизовый въезд в Россию или, по меньшей мере, получение многократных виз. Многие ставят вопрос об упрощении процедуры предоставления им российского гражданства. Разворачивается полемика и вокруг выдачи соотечественникам так называемой «карты русского». Эти вопросы – не простые. Но решать их придется. Российская диаспора чувствует усиление внимания к ее нуждам. В то же время у нее сохраняется впечатление, что работа с ними зачастую ограничивается разовыми мероприятиями, хотя и, несомненно, полезными;

— практический интерес для нас представляет опыт других стран. Пустая трата времени – искать за культурной дипломатией западных стран, куда входит и работа с диаспорами, «национальные идеи». Заявленные задачи большинства этих стран просты и прагматичны: популяризация культурного достояния, распространение языка, пропаганда достижений стран, их образа жизни. Но эта «мягкая» дипломатия используется для весомых целей - укрепления геополитических позиций, решения политических и экономических задач.

Традиционно активны на этом поле французы. Широко известный «Альянс Франсез» является государственным органом, координирующим всю работу по продвижению языка, культуры и имиджа этой страны. Сегодня «Альянс Франсез» имеет свои отделения практически во всех столицах мира. Основное финансирование поступает из госбюджета. Часть средств обеспечивается доходами от курсов французского языка. Заметную роль в информационной работе играет «Пятый канал» французского телевидения, который принимается во всех странах. Эффективной формой взаимодействия с местными культурными кругами и диаспорой является награждение их представителей знаками «Почетного легиона», предоставление грантов и т.д.

В Германии основную роль в продвижении языка и культуры этой страны играет Институт Гете, а также другие фонды. В Англии такую роль выполняет Британский Совет, имеющий отделения по всему миру. Спецификой этого совета являются не только культурные функции, но и политическая работа, подчас пограничная с акциями спецслужб.

Головной организацией культурной дипломатии Испании и работы с диаспорой является Институт Сервантеса, который эффективно экспортирует новый образ («бренд») Испании – динамично развивающейся страны, располагающей огромным историко-культурным достоянием. Можно только позавидовать активности московского отделения Института Сервантеса: количеству, разнообразию и качеству мероприятий, которые там проводятся ежедневно.

Активно ведут культурную дипломатию итальянцы. Сильной чертой итальянской дипломатии является работа с диаспорами в США, Уругвае, Аргентине, других странах. Выделяются значительные финансовые средства, которые идут на содержание колледжей, кафедр итальянского языка и литературы в университетах, помощь малообеспеченным слоям иммигрантов.

С большим размахом действует Информационная служба США (USIS). Особыми культурными средствами эта служба не располагает, и работа в этом направлении ограничивается демонстрацией кинофильмов и преподаванием английского языка. Деятельность службы, как и в Британских советах, тесно смыкается с политической работой с оппозиционными группами.

Новый игрок в мировой культурной дипломатии – Пекин. В качестве главного рычага используются китайские диаспоры, которые быстро растут в количественном и экономическом отношении. Уже сегодня они представляют собой серьезную опору для дальнейшего укрепления внешних позиций Китая и продвижения его экономических интересов. Существенно, что Китай строит свою работу с диаспорой на основе долгосрочной стратегии;

— первые результаты деятельности Всемирного Конгресса соотечественников создают благоприятные условия для их сплочения, в том числе организационного. Однако следует иметь в виду существующие трудности в объединении русской диаспоры в той или иной стране. Русские люди за рубежом, несмотря на принадлежность к одной культуре, расколоты, порой их трудно сплотить. Расколоты они не только в силу идеологических разногласий, но и по имущественному, культурно-образовательному признакам. Это – историческое явление. Подобное разъединение русской эмиграции преодолимо, когда предлагаются интересные программы, когда со всеми ведется разговор на равных, без идеологических смещений, когда, наконец, и это самое главное, соотечественники ощущают, что они являются частью сильного, достойного государства, которым они могут гордиться;

— в работе с соотечественниками немалое содействие может оказать Русская Православная Церковь. Собирание «русского мира» - общее дело Российского государства и РПЦ. Православный храм всегда был

центром русской эмиграции. Ощущение принадлежности к общему духовному наследию и традициям помогало им пережить тяжкие испытания. Это важно для сохранения и развития связей с Родиной и в настоящее время. Русская Православная Церковь оказывает посильную помощь и новым эмигрантам. При церковных приходах действуют воскресные школы, где изучается русский язык и основы русской культуры. Православные приходы в дальнем зарубежье подчас являются центром большего притяжения, чем Дома культуры и науки. «Акт о каноническом единстве» двух церквей воспринимается как символический знак воссоединения разделенного русского народа, «исторической России»;

— формирование механизмов информационно-пропагандистского обеспечения является важным направлением работы с соотечественниками. Заметное достижение в этом плане – создание телеканалов «Russia today» и «Вести». Есть опыт и поддержки русскоязычных СМИ за границей. Неплохую отдачу имеют встречи в рамках Всемирного Конгресса русской прессы. Еще более полезными были бы «точечные» акции по оказанию помощи отдельным русскоязычным СМИ за границей. Эту работу желательно поставить на постоянную основу, так как фактически только такие СМИ имеют прямой доступ к малообеспеченным слоям российской диаспоры;

— при реализации мероприятий по продвижению российской культуры за рубежом желательно шире использовать возможности наших соотечественников. Практика показала эффективность проведения выставок (о русском наследии, участии русских людей в социальной и экономической жизни страны проживания, их вкладе в достижения этой страны), экспозиций эмигрантской литературы, симпозиумов и круглых столов по обсуждению проблематики исторического пути и нынешней роли соотечественников. Большой резонанс, например, имела выставка «Российское наследие в Аргентине», которая была осуществлена без финансового участия государства, исключительно на основе инициативных усилий посольства и энтузиазма наших соотечественников. Она оказала позитивное воздействие на настроение российской диаспоры, впервые почувствовавшей свою нужность и причастность к России;

— в области пропаганды русского языка уже есть заметное продвижение, прежде всего, благодаря усилиям Фонда «Русский мир». Вместе с тем скоординированной государственной политики здесь пока не видно. Желательны не разовые мероприятия, а поставленная на бюджетную основу «мягкая», но настойчивая работа на правительственном уровне, как в ближнем, так и дальнем зарубежье. Только при этом условии получат наибольшую эффективность и усилия соответствующих российских организаций и фондов;

— работа с представителями русской эмиграции в дальнем зарубежье во многом до недавнего времени велась на базе представительств Росзарубежцентра, которым было трудно приспособиться к новым политическим условиям России и выработать другие принципы общения с соотечественниками, поменять имидж и методы работы. Во времена Советского Союза представительства ССОД носили явную идеологическую окраску и ориентировались в основном на левые слои общества. В этой связи со стороны эмиграции к нашим культурным центрам до последнего времени сохранялось двойственное отношение. «Россотрудничество» стремится придать новое измерение российским центрам науки и культуры (РЦНК). Сейчас функционируют 52 РЦНК в 68 странах и 26 представительств «Россотрудничества». По сравнению с подобными центрами западноевропейских стран, количество РЦНК явно недостаточно. Но главная задача – превратить РЦНК в эффективные центры российского гуманитарного влияния. Следует, в частности, увеличить финансирование курсов русского языка. Эмигранты хотят, чтобы их дети и внуки говорили по-русски и приводят их в школы при посольствах РФ, но при этом школы требуют с них деньги за учебу, порой непомерные. В итоге дети русских эмигрантов растворяются в местной среде, утрачивая наш менталитет и культуру.

Необходимо государственное и спонсорское финансирование школ для детей наших соотечественников с поставкой, в том числе на коммерческой основе, российских учебников начальной школы, которые можно было бы использовать как для преподавания в школе, так и домашнего образования. Было бы полезно стимулировать создание при РЦНК архивной службы для сбора материалов по истории русской эмиграции. Желательно изыскивать возможности формирования театральных трупп, студий документального кино, информационной базы, в том числе в Интернете;

— эффективность культурной работы в целом будет зависеть и от правильно выстроенной линии по формированию за рубежом благоприятного образа России. Главное здесь – решение внутренних российских проблем: коррупция, «этика» российского бизнеса, криминал, разрыв в доходах и т.д. Однако нельзя просто ждать улучшения положения в этих областях. Необходимы энергичные, скоординированные усилия по продвижению образа России за рубежом уже сейчас;

— работа с соотечественниками, решение задач продвижения культуры и благоприятного образа России малоэффективны без определения национальных целей. Сильная диаспора может быть только у сильного государства. А сильное государство немыслимо без национальной идеи. После катаклизмов 1917 и 1991 гг. этот вопрос у нас довольно запутан. Для России малопродуктивны попытки выдумать национальную идею на «технологических» началах: повышение конкурентоспособности, экономического рывка с выходом в «восьмерки» и «двадцатки» передовых стран. Одного развития экономики для российского менталитета мало. Россия всегда нуждалась в развитии, прежде всего, духовном, в нравственных ориентирах, историческом осмыслении своего пути. Но для нынешней России, с учетом ее многонационального состава, поиски национальной идеи не должны сводиться к решению чисто русского этнического вопроса. Речь должна идти об общероссийской задаче. Известные постулаты о православии, собирании земель и общинном коллективизме могут не найти понимания других этнических групп и элит ряда субъектов Федерации. Национальную идею надо искать на путях единого восприятия нашей общей истории, без ультралиберальных и леворадикальных черно-белых красок, восстановления социальной справедливости, возрождения морали, осмысления места страны в мировом развитии;

— «Русский мир» за рубежом сложен и многообразен. Многие эмигранты сохранили язык и культуру своей Родины. Однако значительная часть их детей и внуков адаптировалась к процессам глобализации. Неизбежная ассимиляция не перечеркнула генетическую память, и большинство эмигрантов и их потомков продолжают думать по-русски. Работа с российской эмиграцией, осознание ее роли, принятие этих людей не как париев, оставивших Родину, а как людей, обеспечивающих культурное и информационное присутствие России за рубежом, поддержание позиций русского языка в мире, только начинается. Наши соотечественники должны помочь своей Родине в конструктивном диалоге с зарубежными партнерами, влиять на формирование объективного образа России.

И сейчас, когда Россия вновь обретает динамику развития и авторитет в международных отношениях, когда ломается привычная структура мира, соотечественники призваны быть вместе. Российская зарубежная диаспора должна занять должное место в политике России. Очевидно, что внутренние социально-экономические проблемы сейчас для нас более актуальны. Но откладывать решение этой гуманитарной и одновременно стратегической задачи рискованно. Кто может просчитать издержки от упущенных сегодня возможностей?;

- в работе с соотечественниками необходима долгосрочная стратегия. Органы исполнительной власти, организации и фонды, занимающиеся этой тематикой должны понимать конечные цели и поэтапно идти к ним, исходя из имеющихся сегодня возможностей и ресурсов. Эти цели должна знать и российская диаспора. Только при этом условии она поверит в серьезность намерений государства. Диаспоре нужны не только оказываемые в последние годы знаки внимания. Ей, прежде всего, необходимо осознание неразрывной связи с Родиной, единение на основе понятной стратегии совместной работы. Возможно, стоило бы предпринять попытку выработать упомянутую стратегию с привлечением соответствующих экспертов.

Сегодня внешняя политика Российской Федерации представляется прагматичной. После политико-идеологических потрясений прошлого века такая линия – наиболее экономна. Но повторим: без национальной идеи и стратегии Россия не сможет выполнить историческую задачу укрепления «Русского мира» внутри и вне страны. «Русский мир» - это энергия русской культуры, которая распространяется в мире автономно, подчас независимо от воли правительств. Такая энергия имеет огромный потенциал и ее надо использовать в интересах России.

Награждение Российской Академией Наук заведующего кафедрой социологии МГИМО С.А. Кравченко

Президиум Российской Академии Наук своим Постановлением от 30 ноября 2010 года, № 243 присудил премию имени М.М. Ковалевского доктору философских наук Кравченко Сергею Александровичу (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России) за серию работ «Теоретическое и практическое изучение современной социальной реальности».

Постановление подписали:

Президент Российской академии наук, академик Ю.С. Осипов

Главный ученый секретарь Президиума Российской академии наук, академик В.В. Костюк

Из Положения о наградах, присуждаемых Российской академией наук

«В целях поощрения ученых за научные труды, научные открытия и изобретения, имеющие важное значение для науки и практики, Российская академия наук присуждает золотые медали и премии имени выдающихся ученых.

Золотые медали присуждаются за выдающиеся научные открытия и изобретения или по совокупности работ большого научного и практического значения.

Премии присуждаются за отдельные выдающиеся научные работы, открытия, изобретения, а также за серии научных работ по единой тематики.

Ученым, удостоенных золотых медалей или премий, предоставляется право при печатании работ отмечать в заголовке «Удостоена золотой медали (премии) имени… Российской академии наук за … год».

Решения Президиума РАН о присуждении золотых медалей и премий, а также краткие аннотации о работах, удостоенных золотых медалей и премий, публикуются в «Вестнике Российской академии наук», в «Известиях Российской академии наук» соответствующей серии и в газете «Поиск». В «Вестнике Российской академии наук» помещаются портреты ученых, удостоенных золотых медалей и премий».

Премия имени М.М. Ковалевского Российской академии наук вручается «За выдающиеся научные работы в области социологии»

На соискание премии имени М.М. Ковалевского за 2010 год была представлена серия из следующих работ С.А. Кравченко:

Монография: Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. – М.: Институт социологии РАН, Анкил, 2010, 24,5 п.л.

В работе анализируют особенности интеллектуального мастерства выдающихся социологов, их способность понять и интерпретировать социум в контексте его усложняющейся динамики. Показывается непреходящее значение концепции социологического воображения, созданной Ч.Р. Миллсом, в которой обосновывается динамичное, критическое, инновационное мышление, основанное на разработке собственного, уникального теоретико-методологического инструментария, раскрывающего латентные составляющие функционирования социальных институтов, ненамеренные последствия инновационной деятельности людей.

Рассматриваются глобальные и локальные вызовы современному социологическому знанию, показывается, как на них реагирует мировая социологическая мысль, предлагающая все новые версии социологического воображения. Обосновывается авторская концепция нелинейно-гуманистического воображения, адекватная современной нелинейной социокультурной динамике, теоретико-методологическому инструментарию социологического постмодернизма.

Монография: Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО-Университет, 2010, 25,25 п.л.

В работе рассматриваются теоретико-методологические подходы к анализу становления открытого, рефлексивного, нелинейно развивающегося социума, который все чаще социологическим сообществом интерпретируется как постмодернистское общество. Автор ведет речь не только об изменении качественных параметров общество, но и о появлении принципиально нового социального типа человека – самоорганизованного актора, которому приходится иметь дело с рефлексивностью общественных структур, институциональными рисками, проблемами адаптации своей динамичной самоидентификации к разрывам и парадоксам современного развития. Также анализируются вызовы современному социологическому знанию, показывается, как на них реагирует мировая социологическая мысль, для чего используются материалы Всемирных и Европейских социологических конгрессов, в которых автор принимал участие. Работа содержит оригинальный словарь постмодернистских терминов с английскими эквивалентами, многие из которых впервые вводятся в научной оборот в российской социологической мысли.

Монография: Риски в нелинейном глобо-локальном социуме. – М.: Анкил, 2009, 14 п.л.

В работе рассматриваются теоретико-методологические подходы к анализу социальных рисков, то, как на их типы и конкретное содержание влияют исторические реалии, современная нелинейная социальная и культурная динамика, особенно процессы глобализации, имеющие свою специфику в локальном контексте. Актуальность проблемы связана со становлением открытого, глоболокального социума, развивающегося нелинейно с усложняющейся динамикой рефлексивности, что постоянно сказывается на характере социальных практик, функционировании институтов общества. Обосновывается то, как современному человеку как самоорганизованному актору приходится иметь дело с выборами жизненных стратегий и тактик, индивидуальными и институциональными рисками, проблемами адаптации своей самоидентификации к разрывам современного общественного развития, метаморфозам структур. Автор предлагает свою концепцию интерпретации рисков и свой инструментарий для их исследования, а также концепцию рискологического поворота, суть которого в том, что магистральным направлением развития современной мировой социологической мысли становится изучение внутренней активности социума рискогенного типа.

Монография: Модерн и постмодерн в динамически меняющемся мире. - М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2007, 15,34 п.л.

В работе обосновывается авторское метатеоретическое видение социологии социологии, выражающееся в интерпретации развития социологической теории в контексте увеличения динамической сложности общества, становления открытого, рефлексивного, нелинейного социума, человека как самоорганизованного актора. Обосновывается новаторский критерий классификации социологических теорий – то тому, насколько их теоретико-методологический инструментарий нацелен и способен анализировать усложняющуюся социокультурную динамику общества. По данному критерию выделяются пять поколений социологической теории: первое – теории, рассматривающие общественное развитие как эволюционно-линейное, исходя из того, что развитие природы и общества может быть в принципе интерпретировано одним и тем же теоретико-методологическим инструментарием; второе – теории, нацеленные на изучение альтернативного социума, основанные на теоретико-методологическом инструментарии, который толковал причинность как статистическую вероятность; третье – теории, интерпретирующие общественное развитие в виде неопределенных флуктуаций и амбивалентности социума; четвертое – теории, анализирующие институциональную и индивидуальную рефлексивность современного общества; пятое – теории, изучающие нелинейную социокультурную динамику, процессы самоорганизации социума, обеспечивающие возникновение порядка из хаоса.

В монографии критически анализируются главные тенденции развития мировой

социологической мысли в начале XXI века, в числе которых новейшие тенденции в интернационализации социологии, утверждение методологического оптимизма, осмысление зарождающихся гибридных типов рациональности, среди которых автор обосновывает играизацию, как специфическую иррациональную рациональность, амбивалентно влияющую на общественное сознание и поведение людей.

Монография: Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2006, 8,6 п.л.

Работа посвящена анализу современного динамичного, открытого, нелинейно развивающегося социума, новой ролью человека как самоорганизованного актора, которому приходится иметь дело с игрой структур и функций, реалиями, находящимися в разных темпомирах. Автор исходит из того, что глобальность играизации позволяет утверждать, что у этого процесса есть достаточно основательные объективные и субъективные факторы в современной социальной и культурной жизни, выражающиеся в прерывистости, разрывах, случайностях, парадоксах общественного развития. Как результат, существенной новацией в нелинейной социальной и культурной динамике стало размывание ранее достаточно жестких функций у производственной, профессиональной, общественной деятельности и игровых практик. Новация эта, показывается в работе, парадоксальна в основе: она латентно сопрягает в себе противоположности, сочетает серьезное и потешное, рациональный профессионализм и иррациональную случайность, управление и самоорганизацию, строгий расчет, деловитость и страсть, предопределенный порядок и дисперсивную театрализацию разных сфер деятельности человека. По своим социальным последствиям играизация амбивалентна. С одной стороны, она разрушает традиционные социальные практики, перестраивает функциональность существующих политических и экономических институтов, превращая определенные типы девиации в естественную функциональность и норму. С другой стороны, она постоянно воспроизводит инновационные социальные практики, способствует креативности самоорганизующихся социальных акторов, подталкивает их к большей свободе, обновлению и смене своей идентичности, что становится характерной чертой современного общества.

Учебник для вузов: Социология: парадигмы через призму социологического воображения. 3-е издание, переработанное и дополненное. – М: Экзамен, 2007, 39 п.л.

Учебник представляет оригинальный труд, фундаментальное исследование, в котором комплексно анализируется социологическое знание в её различных парадигмах, начиная от становления социологии и заканчивая модерном и постмодерном. Инновационный авторский замысел проявляется в том, что каждый раздел книги показывает возможности применения теоретических и методологических принципов анализируемой парадигмы для практического исследования конкретных социокультурных реалий. Эта целеустановка реализована через приложение социологических теорий к современной российской и международной действительности. Принципиальная новизна авторского подхода состоит в том, что впервые столь комплексно анализируются социологические парадигмы с учетом специфики социологического воображения их создателей, в котором сливаются воедино принадлежность ученого к определенным культурным и научным традициям, специфика его мышления, а также рефлексивная составляющая теоретико-методологического инструментария. Такая картина «жизненной социологии» существенно углубляет представление о многогранности и противоречивости мировой социологической мысли. При этом автор критически анализирует новейшие наработками современных социологов, содержащиеся в материалах международных и отечественных социологических конгрессов, симпозиумов и конференций.

Социологические словари и справочники:

Kravchenko S.A. The Encyclopedic English-Russian Sociological Dictionary. – Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2000. – P. 404.

Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей – М.: РУССО, 2002. – С. 528.

Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10 000 словарных статей. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. – С. 511.

Редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» поздравляет члена редколлегии журнала Сергея Александровича Кравченко с заслуженной наградой Российской академии наук и желает ему новых творческих успехов!

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20-25 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft World. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

1. Фамилия Имя Отчество (полностью)
2. Место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются)
3. контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты)

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО (У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

---

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Учредитель: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29оо4 от 3 августа 2007 года.
Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 1183. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: Vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Немченко Ю.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119218, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 26
Тираж 2000 экз. Объем 40,5 усл. п. л. Заказ №47